

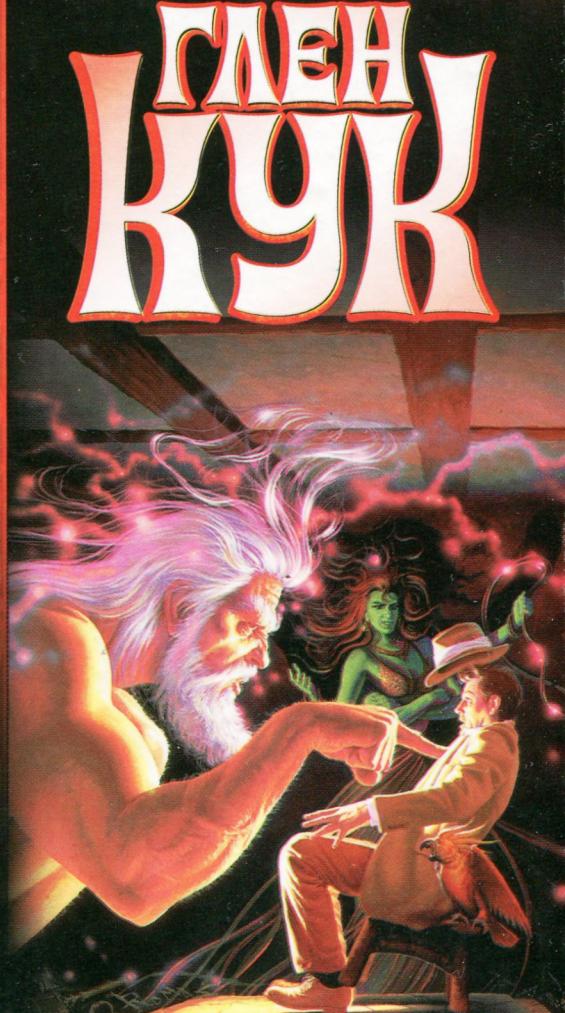
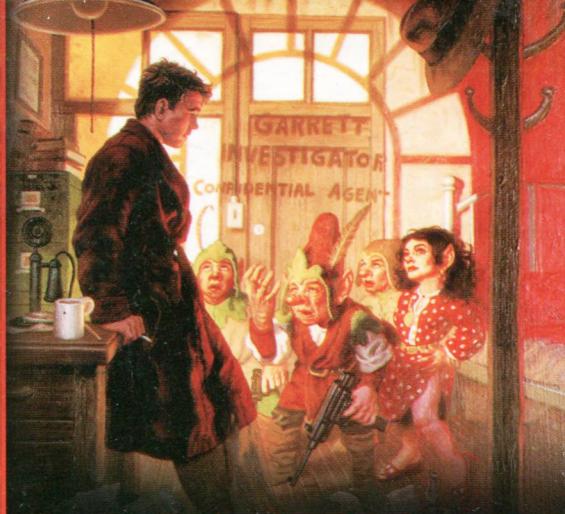

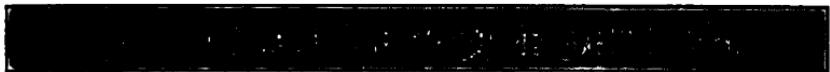
ГЛЕН КУК

Смертельная ртутная ложь

Жалкие свинцовые божки

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

**GLEN
COOK**

**Deadly
Quicksilver Lies
Petty
Pewter Gods**

ГЛЕН

КУК

Смертельная
ртутная ложь

Жалкие
свинцовые божки

акт
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

К89

Серия основана в 1999 году

Glen Cook

DEADLY QUICKSILVER LIES
1994

PETTY PEWTER GODS
1995

*Перевод с английского Г.Б. Косова («Смертельная ртутная ложь»),
К.М. Королева («Жалкие свинцовые божки»)*

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 28.01.03. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 3 000 экз. Заказ № 1135.

Кук Г.

К89 Смертельная ртутная ложь. Жалкие свинцовые божки: Романы:
Пер. с англ. / Г. Кук. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. —
558, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-004433-X

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Glen Cook, 1994, 1995

© Перевод. Г.Б. Косов, 1997

© Перевод. К.М. Королев, 1997

© ООО «Издательство АСТ», 2003

Смертельная ртутная ложь

1

С полной уверенностью заявляю — никакой справедливости в мире нет. Посудите сами. Я устроился поудобней, закинув ноги на стол, — свежий бестселлер Эспинозы в одной руке и пинта вейдеровского портера в другой. Элеонора тоже читает, заглядывая мне через плечо (она понимает Эспинозу гораздо лучше меня). Даже Попка-Дурак в кои-то веки не верецит. Я впитываю в себя сладостную тишину даже с большим энтузиазмом, чем пиво... И тут какой-то идиот начинает барабанить в дверь.

В стуке можно было уловить признаки высокомерного нетерпения. А это значит, что я наверняка не хотел бы видеть того, кто ко мне ломится.

— Дин! Посмотри, кто там! Скажи, чтобы убирался. Меня нет в городе. Я отбыл в секретную миссию по поручению Его Величества. Вернусь через много лет. Да хоть бы я и оставался дома, все равно не принял бы того, что он собирается мне предложить.

Никто не пошевелился. На самом деле в городе отсутствовал как раз мой повар-домоправитель-доверенное лицо. Я был брошен на произвол возможных клиентов и Попки-Дурака.

Дин уехал в Темизвар. Одна из орды его дурнушек-племянниц вознамерилась выйти замуж. Он хотел лично проследить за тем, чтобы жених не смылся до того момента, когда бежать будет слишком поздно.

Удары продолжали причинять ущерб двери. А я ведь ее только что поставил: предыдущую разломал один бандит, не внявший моему намеку.

— Проклятый бесчувственный кретин! — пробормотал я.

Теперь стук сопровождался руганью и угрозами, что, бесспорно, могло оскорбить слух соседей. В который уже раз.

Сонное, чуть удивленное ворчание донеслось из маленькой комнаты, расположенной между моим кабинетом и входной дверью.

— Убью стервеца, если он разбудит этого говорящего индюка, — объявил я, взглянув на Элеонору.

Она ничего мне не посоветовала. Просто тихо висела, видимо, потрясенная творением Эспинозы.

— Пожалуй, лучше проломить негодяю череп до того, как меня пригласят на разборку в Общественный комитет граждан.

Или прежде, чем мне придется ставить новую дверь. Двери нынче дороги, да и достать их весьма непросто.

Я опустил ноги, поднял все свои шесть футов два дюйма и направился к двери. Попка-Дурак издал какой-то звук. Пришлось заглянуть в его комнату.

Пернатая скотина просто разговаривала во сне. Превосходно! Это чудовище, надо отдать ему должное, довольно красиво. Желтая голова, синий гребень, зеленые с красным тело и крылья. Перья хвоста у него настолько длинные, что в один прекрасный день я смогу превратить их в монеты, продав гномам на украшение для шляп. Но при всех своих достоинствах он остается чудовищем. Кто-то где-то когда-то наложил проклятие на эту птичку с грязным языком, и его словарь состоит в основном из одних непристойностей. Он существует лишь для того, чтобы отправлять всем жизнь.

Это подарок «моего друга» Морли Дотса. После таких даров поневоле задумаешься, а что же такое дружба.

Попка-Дурак — или иначе мистер Большая Шишка — шевельнулся. Я выскочил из комнаты, не дожидаясь, пока он решит пробудиться окончательно.

На входной двери у меня глазок. Глянув в него, я пробормотал:

— Торнада. Вот еще черт принес.

Моя удача — что вода постоянно стремится скатиться вниз. Торнада представляет собой стихийное бедствие, постоянно высекающее место, где бы разразиться. Она будет барабанить, пока не почувствует голод. Судя по ее виду, до этого еще очень далеко.

Ее совершенно не волновало, что обо мне могут подумать соседи. Она обращает внимание на мнение других не больше, чем мастодонт в лесу — на мелкий кустарник.

Я открыл дверь. Торнада без всякого приглашения двинулась вперед, и мне, чтобы не оказаться затоптанным, пришлось отступить в сторону. Торнада — очень большая и очень красивая, хотя я бы не сказал, что свеча ее разума горит очень ярко.

— Хочу потолковать с тобой, Гаррет, — заявила она. — Мне нужна твоя помощь. По делу.

Можно было и догадаться. Проклятие! Собственно, я и догадался. Однако особых дел у меня не было. Дина не было рядом, чтобы докучать. Покойник дрых вот уже несколько недель, и компанию мне составлял один Попка-Дурак. Все друзья были увлечены своими подружками, чего со мной уже давным-давно не случалось.

— Хорошо. Я тебя выслушаю, хотя и знаю, что буду жалеть об этом. Пока ничего не обещаю.

— Как насчет того, чтобы выпить, пока будем молоть языками?

Вы полагаете, что Торнада застенчива? Так вы заблуждаетесь. Не тряся лишних слов, она двинулась в кухню. Я огляделся, прежде чем закрыть дверь. Никогда не знаешь, кого Торнада может притащить на хвосте. У нее не хватает ума даже оглянуться, и то, что она до сих пор жива, — просто чистое везение, а не результат профессионального мастерства.

— О-го-го! Святые бродяги! Гаррет, останови этих трахтарах!..

Боже! Я забыл закрыть дверь в маленькую комнату, за что мне и воздалось полной мерой.

На улице оказалась лишь обычная толпа людей, животных, гномов, эльфов и эскадрона кентавров-иммигрантов. Все как всегда.

Заперев входную дверь, я подошел к маленькой комнате и, невзирая на вопли об отвратительном обращении с птицей, захлопнул и эту дверь.

— Заткнись, птичка, если не хочешь оказаться в кастрюле у кого-нибудь из крысиных народца.

Мистер Большая Шишка расхохотался. Он принял издевательства надо мной и был прав. Хоть я и недолюбливал крысюков, но никогда не пойду на такую подлость по отношению к ним.

Затем Попка-Дурак заорал, что его насилиют. Пускай. Это Торнаде уже доводилось слышать.

— Почему бы тебе самой за собой не поухаживать? — сказал я, входя в кухню.

Она о себе уже позаботилась, до краев наполнив самую большую кружку в моем хозяйстве. И выбрала посуду сознательно, без тени смущения.

Подмигнув, Торнада произнесла:

— За тебя, парень. И за твоего разговорчивого дружка.

— Спасибо. А тебе, случайно, не нужен попутай?

Я взял кружку с кухонного стола и наполнил ее.

— Эта ворона в шутовском наряде? Что я с ним буду делать?

Она уселась напротив меня, наполовину скрывшись за горой немытой посуды.

— Ты всегда можешь завести себе черную повязку на глаз и заняться пиратским бизнесом.

— Не знаю, сумею ли я плясать джигу на деревянной ноге. А он кричит когда-нибудь «Дьявол вас раздери!» или «Помощника ко мне!»?

— Что?

— Так я и думала. Ты пытаешься всучить мне дефектную птицу.

— Ммм...

— Это не морская птица, Гаррет, а обитатель городских трущоб. Знает больше нецензурщины, чем я.

— Зато ты сможешь научить его распевать морские баллады.

— Йо-хо-хо... Дин решил наконец свалить от тебя?

— Уехал из города. Проследить за тем, как племянница выходит замуж. Тебя, кстати, временная работа не интересует?

Торнаде приходилось встречать племянниц Дина, каждая из которых вносила свой вклад в содержание слова «дурнушка». Она скрыла свое изумление и одновременно притворилась, будто не поняла моего намека на грязную посуду.

— Я однажды была замужем.

Боже, а я-то надеялся, что она не начнет.

Торнаде все еще оставалась замужем, но юридические тонкости никогда ее не волновали.

— Не надо пудрить мне мозги, Торнада.

— Я тебе пудрю мозги? Зачем? По сравнению с замужеством преисподняя выглядит раем.

Торнада — не совсем обычный ребенок, если вы еще не поняли. Ей двадцать шесть лет, она почти такого же роста, как и я, а сложением напоминает сказочное каменное сооружение, эпическое по своим масштабам. Кроме того, я слыхал, что у нее бывают сложности в отношениях с людьми. Торнаде не всегда удается сообразить, где ее подлинное место.

— Итак, ты просила моей помощи. — Я решил ускорить ход событий. В конце концов мой пивной бочонок вовсе не бездонный. Я ухмыльнулся про себя. Вдруг ее положение настолько отчаянное, что мне удастся сбыть ей Попку-Дурака?

— Хмм...

Похоже, она перейдет к делу, только прикончив все мое пиво. Выпитое количество свидетельствовало о плачевном состоянии ее финансов.

— Ты отлично выглядишь, Торнада, — даже ей приятно слышать такое. — Наверное, дела в порядке?

Она решила, что я говорю о ее наряде. Наряд был совершенно новым и как всегда выдающимся.

— Там, где я работаю, требуют, чтобы все классно одевались.

Я изо всех сил пытался сохранить серьезность. «Необычный» — самое мягкое слово, которым можно было охарактеризовать вкус Торнады. В толпе она затеряться не могла. Если бы Торнада прошествовала по улице с Попкой-Дураком на плече, птицу никто бы и не заметил.

— У тебя сегодня скромный прикид. Вот когда ты работала на жирного кретина Лаббока...

— Все зависит от территории. Эти парни хотят, чтобы я смешивалась с окружением.

И вновь я сумел удержаться от ухмылки. Смеяться над Торнадой, когда Торнада не смеется над собой, опасно для здоровья. Особенно если вы приметесь острить о ее способностях смеяться с окружением.

— Значит, старикан в отъезде? А как твое пугало?

Она имела в виду моего партнера, Покойника. Он получил свое имя потому, что не двигался с тех пор, как кто-то воткнул в него нож лет четыреста назад. «Пугало» — весьма способное создание. Вообще-то он не человек, а логхир, этим и объясняется, что он так долго ошивается среди нас после того, как его убили. Логхиры неторопливы и упрямы, или, если хотите, упорны, в своем стремлении не помирать по-настоящему.

— Спит. Вот уже несколько недель не донимает меня. Наступила райская жизнь.

Торнада, сморщив носик, откинула назад упавшую на лицо светлую прядь.

— Когда он проснется?

— Быть может, когда в доме начнется пожар. А тебе есть что скрывать?

Чтение мыслей — любимое занятие Покойника.

— Не больше, чем обычно. Я просто думала о том, что у меня выдался сухой сезон. Да и над тобой, как я слышала, не шел дождь из монет.

Такова моя приятельница Торнада. Застенчивая и скромная. И полное отсутствие романтики.

— Итак, у тебя неотложное дело...

— Неотложное?

— Ты чуть не сорвала с петель дверь. Своими воплями и стуком ты разбудила Попку-Дурака. — Этот негодяй, которого я все-таки изжарю, продолжал орать в своей комнате. — Я решил, что за тобой по меньшей мере гонятся убийцы-эльфы.

— Хорошо бы. Я же сказала тебе, как неудачно у меня все складывается. Я всего лишь хотела привлечь твое внимание. — Торнада наполнила свою кружку, затем мою и закончила: — Ты прав, Гаррет. Дело прежде всего.

Она замолчала и прислушалась. Мистер Большая Шишка гремел во весь голос. Пожав плечами, Торнада скользнула в мой кабинет. Я быстро последовал за ней. Иногда вещи, если вы внимательно не следите за ними, имеют склонность исчезать в карманах Торнады.

Я плюхнулся в кресло, отгородившись от нее столом. Торнада покосилась на картинку, а затем уставилась на книгу.

— Эспиноза? Не тяжеловато ли для тебя?

— Настоящий триллер.

Вообще-то Эспиноза — за пределами моего понимания. У него явное стремление поднимать шум из-за пустяков, которые в голову бы не пришли человеку, зарабатывающему на хлеб честным трудом.

Я как-то навещал знакомую, работающую в Королевской библиотеке, и эта книга — все, что удалось от нее получить.

— Философия — триллер? Ну конечно, вроде геморроя. У мужчины должно быть свое хобби.

— У Эспинозы оно есть. Философия. Интересно, когда ты успела научиться читать?

— Не изображай изумление, Гаррет. Я повышала образование. Надо же было потратить куда-нибудь честно и с таким трудом заработанные бабки. Я думала, что знания когда-нибудь смогут пригодиться. Однако поняла одно — никакое образование не делает человека умнее.

Не могу не согласиться. Я знаю некоторых довольно тупых академиков, обитающих как бы в ином измерении.

Торнада прервала мои размышления:

— Хватит болтать. Фокус в том, что тебя, возможно, навестит некая старушка по имени Мэгги Дженн. Не знаю, чего она хочет, но мой босс готов наложить полную тачку монет, чтобы узнать. Старая карга Дженн со мной знакома, я не могу теряться рядом с ней. Вот я и подумала, почему бы тебе не позволить ей нанять себя, узнать, чего ей надо, и доложить моему боссу?

Она вся в этих словах, моя старая, добрая Торнада.

— Мэгги Дженн?

— Так ее зовут.

— Вроде бы я слышал это имя. Кто она такая?

— Я же сказала. Старая карга с Холма.

— С Холма? — Я откинулся назад с видом делового человека, улучившего минутку для беседы со старым другом. — Я уже веду одно дело.

— Что на сей раз? Розыск пропавшей ящерицы? — рассмеялась она. — Мяу, мяу.

Смех ее напоминал хриплые крики стаи гусей, улетающих на зимовку.

Несколько дней назад на меня насела одна старая перечница, для которой я подрядился найти ее любимую Могти. Детали вам знать не обязательно. Достаточно и того, что они известны мне.

— Неужели об этом говорят на улицах?

— Только об этом и говорят.

Дин, не иначе. Я ни единой живой душе не обмолвился.

— Лучшая история о Гаррете, что мне доводилось слышать.

Тысяча марок за кошечку.

— Ты же знаешь, как некоторые пожилые леди относятся к своим кошкам.

На самом деле поиски прошли без сложностей. Проблемы начались, когда я нашел несчастное животное. Старушка, а не кошка заставила меня попотеть.

— Не знаю, как бы я отбилась, приди бабулька ко мне.

Я тоже не знаю. Положение спасло то, что найденную кошку я отправил клиентке с Дином.

Покойник, конечно, мог бы избавить меня от позора, если бы не спал. Правда, тогда он бы вечно изводил меня напоминаниями об этом.

— Ладно, оставим. Раз уж мы заговорили о пожилых дамах, скажи, что эта самая Мэгги Дженн может потребовать от меня?

— Похоже, она захочет, чтобы ты замочил кое-кого.

— Повтори, не понял... — Я, признаться, ждал совсем другого. — Знаешь...

2

Кто-то еще решил проверить на прочность мою входную дверь. У этого кого-то, похоже, кулак побольше свиного окорока.

— Мне это крайне не нравится, — пробормотал я. — Когда люди целыми взводами начинают ломиться в вашу дверь...

Торнадо отвела от меня взгляд и бросила:

— Я скрываюсь.

— Смотри не разбуди Покойника.

— Шутишь? — Она показала на потолок. — Я буду наверху, найдешь меня, когда закончишь.

Именно этого я и опасался больше всего.

Дружба, не отягощенная обязательствами или должностями, оказывается способна порождать свои проблемы.

В маленькой комнате у дверей царила тишина. Я остановился и прислушался. Ни одна непристойность не нарушала благословенного молчания. Попка-Дурак снова уснул.

Жаль, что это не последний сон вороны из джунглей. Не превратить ли дремоту в вечный покой, отправив птицу в путешествие, откуда нет возврата?..

Бум, бум, бум.

Я посмотрел в глазок и увидел только маленькое рыжеволосое создание, которое, почти отвернувшись от меня, смотрело вдаль. Неужели эта крошка производила подобный грохот? В таком случае она, видимо, гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд. Я открыл дверь. Она продолжала смотреть вдоль улицы. Осторожно выглянув, я проследил за ее взглядом.

Пикси-подростки, расположившись на карнизе и решетках безобразного трехэтажного дома в полуквартале от меня по Макунадо-стрит, занимались тем, что швыряли вниз гнилые фрукты и разнообразные обедки. Компания гномов на мостовой орала и потрясала тростями, увертываясь от метательных снарядов. Гномы все как один были стары, облачены в серые невзрачные одежды и украшены бакенбардами. Не бородами, не усами, а бакенбардами, вроде тех, что можно увидеть на старинных портретах генералов, князей и капитанов торгового флота. Все гномы кажутся стариаками, и они никогда не следят за модой. Во всяком случае, мне не доводилось встречать среди них женщин или юношей.

Самый проворный из маленьких старишек, распевая боевой гимн о торговых скидках и фьючерсных сделках на батат, выпустил обломок камня в одного из пикси и, как ни странно, попал. Пикси проделал сальто-мортале над головой гарпии, украшающей фронтон дома. Гномы начали скакать от восторга, радостно вздыхая свои трости и посыпая благодарности Великому Судии. Но отпрыск пикси вдруг расправил крылья и взмыл вверх, издевательски хохоча.

Я произнес, обращаясь к рыжеволосой:

— Все это пустое дело, бесполезный шум. Сражение идет вот уже целый месяц, и пока в нем никто не пострадал. Они все умрут от стыда, если с кем-нибудь из участников битвы, не дай Бог, что-то произойдет.

Гномы делают состояния, финансируя войны, но сами не желают видеть кровь. Таков уж у гномов характер.

На углу Макунадо с Дорогой Чародея я заметил закрытый портшез, а рядом с ним — странное существо: не то человек, не то горилла. Его руки как раз были похожи на то орудие, которым колотили в мою дверь.

— Это создание ручное? — поинтересовался я.

— Магвамп? Просто душка. Он такой же человек, как и вы.

В тоне ее слышался вопрос: не оскорбила ли она, сама того не желая, своего дружка Магвампа?

— Чем я могу быть вам полезен?

Господи, до чего же мне хотелось быть ей полезным. Магвамп отошел на второй план.

Я всегда старался быть ласковым с рыженькими, по крайней мере пока они не становятся ласковыми со мной. Рыжие всегда были моей слабостью, впрочем, ненамного опережая блондинок или брюнеток.

Женщина обернулась ко мне.

— Мистер Гаррет? — спросила она низким, хрипловатым, полнымекса голосом.

— Обычно я прохожу под этим именем.

Сюрпризы, сюрпризы. Она была лет на десять старше, чем мне показалось с первого взгляда. Но время не отняло у нее ничего. Да, хорошее вино с возрастом становится только лучше. Со второй попытки я решил, что ей между тридцатью пятью и сорокой. В моем нежном тридцатилетнем возрасте не обращают внимания на эту разновидность.

— Вы так смотрите на меня, мистер Гаррет. Я всегда считала, что это невежливо.

— Что? Ах, да. Прошу прощения.

Попка-Дурак начал бормотать во сне о чем-то вроде межвидовой некрофилии. Это возвратило меня в реальный мир.

— Чем могу помочь вам, мадам?

Интересно, чем, кроме очевидного, если, конечно, она ищет добровольца.

Я просто дивился на себя. Вообще-то женщины — мое слабое место, мое, если так можно выразиться, слепое пятно. Однако меня никогда не тянуло на зрелых матрон. Но в этой было нечто такое, что полностью завладело мной. И она это знала.

Больше деловитости, Гаррет. Больше деловитости.

— Мадам, я — Гаррет.

Я заикался, спотыкаясь о свой язык так часто, что скоро на нем не осталось живого места от отпечатков подошв. Она наконец смилиостивилась и улыбнулась.

— Не можем ли мы уйти с воздуха в дом?

— Да, конечно.

Придерживая дверь, я отступил в сторону. Что плохого она нашла в воздухе? Погода — лучше не бывает. Облаков так мало, что не за что удержаться, если вдруг взмоешь в небо. В городе редко приходится видеть такую голубизну.

Она без всякого жеманства протиснулась между мной и дверной рамой. Мы прижались друг к другу — иначе разминуться было невозможно. Я закрыл глаза. Стиснул зубы. И залепетал:

— Мой кабинет — вторая дверь налево. Не могу предложить ничего, кроме пива и бренди. Мой слуга Дин в отъезде.

Эта женщина, наверное, ведьма. Или, быть может, я утратил навыки общения. Очень скверно.

— Бренди было бы в самый раз, мистер Гаррет.

Ну ясно. Высший класс.

— Одну минуту. Чувствуйте себя как дома.

Метнувшись в кухню и лихорадочно разбрасывая в стороны все, что попадалось под руку, я нашел бренди. Дин не дурак выпить и припрятывает выпивку по разным местам, чтобы я не знал, сколько он ее накупил. Я налил бренди, надеясь, что Дин не станет пить отраву. Что я могу знать о бренди, если мой любимый напиток — пиво. Примчавшись в кабинет, я увидел, что зрелая рыжулька расположилась в кресле для клиентов. Нахмурившись, она изучала Элеонору.

Усевшись, я тоже взглянул на любимую. Милая блондинка, нагугнанная и бегущая от чего-то, лишь слегка обозначенного на заднем плане картины. Если как следует взглянуться в живопись, можно прочитать всю зловещую историю. Картина полна магии, хотя часть ее и исчезла после того, как я разобрался с человеком, убившим Элеонору.

Я ей все рассказал. Посетительница оказалась превосходной слушательницей. При этом я ухитрился не утонуть окончательно в собственных гормонах. Тщательно продумав линию поведения, я заметил:

— Вы могли бы представиться, прежде чем мы двинемся дальше. По совести говоря, я чувствую себя не совсем удобно, обращаясь к dame: «Эй вы!»

От ее улыбки у меня размякла даже эмаль зубов.

— Меня зовут Мэгги Дженн. Маргат Дженн, если точно. Но все называют меня только Мэгги.

Так вот оно, это чудовищное пророчество. Предо мной сидит старая карга, о которой говорила Торнада. Значит, старуха где-то потеряла свои кости.

— Имя Мэгги как-то не вяжется у меня с рыжим цветом, — неожиданно для самого себя выпалил я.

Невероятно. Ее улыбка потеплела.

— Надеюсь, вы не столь наивны, мистер Гаррет.

— Просто Гаррет. Мистер Гаррет — мой дедушка. Нет, конечно.

Я не раз наблюдал, как женщины мгновенно самым чудесным образом меняют свой облик.

— Нет, нет. Я лишь слегка подкрасила волосы. Чуть больше рыжего, чем меня одарила природа. Обыкновенное тщеславие. Еще один арьергардный бой в войне со временем.

Конечно. Несчастная беззубая развалина.

— Мне кажется, вы сумели обратить время в бегство.

— Вы очень милы.

Она улыбнулась и наклонилась вперед. Мне стало еще жарче.

3

Мэгги Дженн схватила мою левую руку и стиснула ее.

— Некоторым женщинам нравится, когда на них так смотрят, Гаррет. И им хочется ответить тем же.

Она пощекотала мою ладонь. Я с трудом заставил себя дышать ровно. Шла явная обработка, впрочем, мне было все равно.

— Но я здесь по делу, и будет лучше, если мы к нему вернемся.

С этими словами она отняла свою руку.

Видимо, к этому времени я, по ее расчетам, должен был окончательно растаять.

И я растаял окончательно.

— Мне нравится эта комната, Гаррет. Она о многом говорит. Подтверждает то, что я о вас слышала.

Я ждал. Все клиенты обычно ведут себя так. Они, бедняжки, находятся в отчаянном положении, когда появляются у меня. Иначе они бы не пришли. Однако все они начинают ходить вокруг да около, прежде чем признаются, что утратили контроль над своей жизнью. Многие пускаются в пространные объяснения, почему выбрали именно меня. Вот как Мэгги Дженн.

Некоторые, так и не дойдя до сути дела, отказываются от своих намерений. Мэгги Дженн не отказалась.

— А я и не знал, что так знаменит. Это меня пугает.

Очевидно, мое имя на слуху у правящего класса, к которому явно принадлежит Мэгги Дженн, хотя из ее слов и невозможно понять, в каком обществе она вращается. Вообще-то я избегаю слишком заметных дел и не люблю, когда на меня начинают обращать внимание.

— Все внесли вас в списки лучших специалистов, Гаррет. Если вы хотите построить карету, то обращаетесь к Лео Тополю. Вздумали заказать необыкновенную посуду — идете к Рикману Плаксу и сыновьям. Желаете купить туфли — приобретаете их у Тейтов. А если вам нужно подсмотреть и выследить, то вы направляйтесь к Гаррету.

— Итак, нам требуется подсмотреть и выследить.

— Вы желаете, чтобы я перешла к делу?

— Я привык, что люди долго топчутся вокруг своих проблем, прежде чем берут быка за рога.

Она немного подумала:

— Теперь я понимаю, почему они так делают. Это очень нелегко. Ну хорошо, к делу так к делу. Я хочу, чтобы вы нашли мою дочь.

— Что?!

Мэгги ошеломила меня. Я весь напрягся, ожидая, как она начнет заказывать убийство, а дама всего-навсего желала получить услугу, которую Гаррет оказывает постоянно.

— Вы мне нужны, чтобы найти мою дочь. Она исчезла шесть дней назад. Я очень беспокоюсь. В чем дело? У вас такой забавный вид.

— Он у меня всегда такой, когда я начинаю думать о работе.

— Верно. У вас именно такая репутация. Что может заставить вас покинуть дом?

— Побольше информации. И, естественно, размеры вознаграждения.

Вот так-то. Имею полное право гордиться собой. Я взял обстановку под контроль и вернул деловую хватку, преодолев свои слабости.

Не знаю, как это получилось, но я уже практически согласился принять дело.

Вообще-то, несмотря на репутацию лентяя, я постоянно занимаюсь небольшими делами, зарабатывая марку-другую. Работа помогает мне избегать постоянного общения с Дином, Покойником и Попкой-Дураком. Покойник считает, что мир только улучшится, если я уработаюсь до смерти. Попка-Дурак ничего не считает, а лишь нецензурно ругается.

— Ее зовут Жюстина. Она недавно достигла совершеннолетия. Я стараюсь не вмешиваться в ее дела.

— Совершеннолетняя? Выходит, вам во время ее рождения было всего десять?..

— Лесть заведет вас очень далеко, Гаррет. Мне было восемнадцать. Ей стало восемнадцать три месяца назад. Арифметикой можете не заниматься.

— Да вы же просто весенний цыпленок. Двадцать пять плюс еще несколько лет ценного опыта. Вы еще можете продолжать подсчеты. Держу пари, что все принимают вас за сестру Жюстины.

— Ну что за милый болтун!

— Я всего-навсего честен. Вначале я немного отвлекся...

— Держу пари, Гаррет, женщины вас обожают.

— Ну конечно! Вы же слышали, как они распевают романсы на улице. Вы видели, как они карабкаются по стенам, чтобы проникнуть в мой дом через окна второго этажа.

Танфер есть Танфер, и на первом этаже у меня лишь одно окно в кухне, да и его защищает металлическая решетка.

Глаза Мэгги Дженн лукаво блеснули.

— Мне следовало встретиться с вами раньше, Гаррет.

Взгляд ее обещал многое. Наверное, то, чего я тоже желал. Рыжим я никогда не мог ни в чем отказать.

— Вернемся к делу, — продолжила она. — Жюстина оказалась в плохой компании. Не могу сказать ничего конкретного, но мне не нравилась эта молодежь. Казалось, что в них таится нечто злобное. Правда, мне нечем это подтвердить.

У всех родителей, разыскивающих пропавших детей, есть одна общая черта. Им не нравятся те, от кого без ума их дитя. Ребенок ушел из дома потому, что попал в скверную компанию. Даже пытаясь продемонстрировать непредвзятость, родители все равно обвиняют друзей. Послушали бы вы их, если друг или подруга принадлежат к противоположному полу.

— Прежде чем приступить к поиску, вы хотите узнать о моей дочери как можно больше, не так ли?

Оказывается, ни слова не говоря, мы оба пришли к согласию о том, что я начинаю работать на маму Дженн. Мама Дженн привыкла, что все идет так, как того желает она.

— Хорошо бы. Я знаю одного типа моей профессии, который находит пропавших, мысленно проникая в черепную коробку того, за кем ведет охоту. Он обращает внимание только на характер объекта. По сути дела, начинает почти отождествлять себя с ним. Конечно, работа идет легче, если он представляет все в рамках более общей картины.

— Вам следует рассказать мне о каких-нибудь своих делах. Я совершенно не знаю этой стороны жизни. Должно быть, она очень волнительна. Почему бы вам, допустим, не пройти ко мне на ранний ужин? Осмотрите комнату Жюстины, ее вещи и зададите мне все необходимые вопросы. После этого вы сможете решить, беретесь за дело или нет.

Мэгги улыбнулась, и на фоне этой улыбки побледнели все ее предыдущие упражнения по этой части. Я был запечен и зажарен. Мною откровенно манипулировали, но я этим восхищался.

— Как раз сегодня вечером я свободен, — заявил я.

— Превосходно, — бросила Мэгги, натягивая перчатки телесного цвета, которые я раньше не заметил.

Она еще раз взглянула на Элеонору, помрачнела и содрогнулась, как от холода. Элеонора вполне способна произвести подобный эффект.

— Как насчет пяти часов? — спросила Мэгги.

— Буду. Скажите где.

Лицо под рыжими волосами потемнело. Большая ошибка, Гаррет. Предполагается, что ты должен знать и без объяснений. К сожалению, я так мало знал о Мэгги Дженн, откуда мне догадаться, что мое невежество по части ее личности и места жительства вызовет раздражение.

Но передо мной была настоящая леди. Она не отказалась от моих услуг. Поколебавшись всего несколько секунд, она назвала свой адрес.

И тут я по-настоящему раз волновался.

Речь шла о жилье высоко на Холме, там, где обитают самые могущественные и самые богатые из числа богатых и могущественных. Высота размещения на Холме служит индикатором величины состояния и общественного положения. Улица Голубого Полумесяца, насколько я знал, была эпицентром этого сказочного мира.

Мэгги Дженн — дама с обширными связями, но я все же не понимал, почему обязательно должен знать ее имя.

Все прояснится, когда без этого нельзя будет обойтись.

Я проводил милую леди до входной двери. Милая леди продолжала излучать манящее тепло. Интересно, неужели весь сегодняшний вечер будет посвящен только делу о пропавшей дочери?

4

Я с восторгом наблюдал, как Мэгги Дженн, слегка покачивая бедрами, направлялась к своему портшезу. Она знала, что я не свожу с нее глаз, и устроила настоящее представление.

Этот убийца-гориллоид следил за тем, как я слежу за ней. У меня создалось впечатление, что он не желает мне добра.

— Ты когда-нибудь перестанешь пускать слюнки, Гаррет?

Оказалось, я впитываю в себя каждую деталь отъезда Мэгги. Я с трудом отвел глаза, чтобы посмотреть, кто из моих настырных соседок решил облить меня ледяным душем своего неодобрения. Но вместо соседки увидел весьма привлекательную невысокую брюнетку. Она приближалась ко мне с другой стороны.

— Линда Ли! Какой приятный сюрприз.

Это была моя приятельница из Королевской библиотеки. Именно об этой девушке я мечтал, прижимая к груди вместо нее томик Эспинозы.

Я спустился по ступеням ей навстречу:

— Счастлив, что ты наконец передумала.

Линда Ли — обладательница пяти футов роста и огромных карих глаз, — бесспорно, самая симпатичная из всех библиотекарш, которые попадались мне на жизненном пути.

— Спокойно, парень. Мы находимся в общественном месте.

— Ну так войди в мое жилище.

— Если я тебя послушаюсь, то забуду, зачем я пришла.

Усевшись на ступени, она обняла руками колени, положила на них подбородок и обратила на меня невинные глаза маленькой девочки, прекрасно понимая, что этот взгляд тотчас превратит меня в кипящего страстью зомби.

Сегодня я, похоже, обречен служить игрушкой.

Ничего, переживем. Я же и был рожден для этой роли.

Линда Ли вовсе не была невинной девчушкой, какое бы впечатление она ни производила с первого взгляда. Просто Линда изо всех сил старалась казаться ледяной девой, чтобы отвечать распространенному среди обывателей представлению о работниках библиотеки. Девушка старалась, но у нее не очень получалось. Лед и мороз не соответствовали ее натуре. Я стоял рядом с ней, изобра-

зив на роже самую обаятельную из моего широкого набора улыбок и точно зная, что Линда позволит уговорить себя покинуть общественное место.

— Перестань!

— Что перестать?

— Смотреть на меня так. Я знаю, о чем ты думаешь...

— Ничего не могу с собой поделать.

— Ясно, ты стараешься заставить меня забыть, зачем я здесь.

Я ни на секунду ей не поверил. Но я — парень что надо и решил поддержать ее шутку.

— Хорошо. Так расскажи мне об этом.

— О чем?

— Да о том, что же заставило тебя подвергнуться риску пасть жертвой моего неотразимого очарования.

— Мне необходима твоя помощь. Как профессионала.

Почему моя?

Я не верил ей. Библиотекари обычно не попадают в деръмо так глубоко, что не могут выбраться без посторонней помощи. Особенно такие славные малыши, как Линда Ли Лютер.

Я начал постепенно перемещаться ближе к двери. Занятая своими проблемами, Линда поднялась на ноги и последовала за мной. Я пропустил ее мимо себя в дом. Закрыл и запер дверь. И попытался поскорее провести ее мимо маленькой комнаты, где Попка-Дурак, не просыпаясь, бормотал непристойности. Линда Ли не избегла участия всех моих посетителей и услышала много интересного.

— Итак, что же тебя столь сильно занимает?

Обычно Линда не упускает возможности и за таким вопросом следует забавная и порой соленая шутка. Но на сей раз она лишь пристонала:

— Меня скоро уволят. Я знаю.

— Не думаю.

В это действительно было невозможно поверить.

— Ты ничего не понимаешь. Гаррет, я потеряла книгу. Очень редкую, которую невозможно восместить. Скорее всего ее укради.

Я проскользнул в кабинет. Линда Ли последовала за мной. Где же моя неотразимость, которая мне сейчас так необходима?

— Книгу надо вернуть прежде, чем они узнают о пропаже, — продолжала Линда Ли. — Мне просто нет прощения за то, что я это допустила.

— Успокойся, — сказал я. — Вдохни поглубже. Задержи дыхание. Затем расскажи мне все с самого начала. У меня уже есть работа, и она меня займет на некоторое время, но, быть может, я все же сумею что-нибудь предложить.

Обняв за плечи, я подвел ее к креслу для клиентов. Она уселась.

— Рассказывай с начала, — напомнил я.

Боже мой! Вместо того, чтобы следовать разработанному заранее плану и стенать по поводу несчастья, она вдруг начала размахивать руками и что-то выкрикивать.

Эспиноза. Прямо перед ней на моем столе.

Заимствуя книгу, я не полностью следовал всем необходимым формальностям. Библиотечные власти совершенно перестали доверять простым людям, хотя книги оплодотворяют нас идеями.

Я прокудахтал что-то успокаительное, но мое кудахтанье утонуло в возмущенных воплях. Линда совершенно сбилась с рельсов, которые привели ее ко мне. О потере раритета было забыто, и она не желала к этому возвращаться.

— Как ты мог так поступить со мной, Гаррет? Я и без этого попала в беду... Если они хватятся и этой книги — мне конец! Как ты мог?!

Как, как? Да очень даже просто. Книга совсем не толстая, а старик ветеран, охраняющий дверь, подремывал. Да и вообще он вряд ли мог утнаться за мной на своей деревянной ноге.

Из моей милой Линды Ли изливался неудержимый поток слов. Она прижала Эспинозу к груди, словно это был ее любимый первенец, которого собрался похитить гном с многосложным именем.

Разве можно спорить с женщиной, впавшей в истерику? Я и не стал.

Линда Ли неожиданно ударила в бегство. Я не успел обежать стол и догнать ее. Убегая, она не переставала громко возмущаться.

— Ха-ха-ха! — возопил Попка-Дурак. У цветной вороны появился повод поднять адский шум, и она немедленно приступила к делу.

Через секунду я уже следил за тем, как Линда Ли мчалась по Макунадо, ее ярость была столь неудержима, что даже восьмифутовые великаны предпочли убраться с пути библиотечного работника.

Визит Линды был так краток, что я успел заметить исчезающие в уличном движении носилки Мэгги Дженн. Магвамп оглянулся и оскалился, наверное, чтобы я лучше его запомнил.

Ну и денек. Что теперь?

Ясно одно. Очередная красотка к моему дому в данный момент не приближается. Я вздохнул.

Настало время узнать у Элеоноры, что она думает о Мэгги Дженн.

5

Я уселся за свой стол и уставился на Элеонору.

— Что ты думаешь о Мэгги, дорогая? Воспользоваться ли мне возможностью, несмотря на ее возраст? Я ведь по природе своей соглашатель.

Элеонора промолчала, но я сам ухитрился вложить слова в ее уста. Приходилось отвечать.

— Да. Мне это известно. Но ведь я втюрился в тебя, хотя ты вообще бесплотный дух.

То есть картина. Я увлекался несколько тысяч раз, но по-настоящему влюблялся лишь дважды. Причем один раз из этих двух — совсем недавно, в женщину, которая скончалась, когда мне было всего четыре года.

— Ничего страшного, что она несколько старше меня, разве не так?

Со мной приключались ужасные и необычные вещи. Я сражался с вампирами и с мертвыми богами, которые восставали к жизни. На моем пути встречались убийцы-зомби и убийцы-маньяки, которые продолжали охотиться за мной даже после того, как их удавалось отослать в лучший мир. Так почему же считать мою любовь к духу чем-то из ряда вон выходящим?

— Да. Я знаю. Это цинизм. Да, я понимаю, она намерена использовать меня в своих целях. Но зато каким способом!

Из зала до меня донеслось:

— Эй, Гаррет! Дожидаюсь тебя, можно поседеть.

Торнада, будь она неладна! Не могу же я все держать в памяти. Я медленно поднялся, продолжая размышлять о своем. Мэгги Дженн, вне всякого сомнения, околдовала меня. Я даже почти забыл о разочаровании, постигшем меня с Линдой Ли.

Торнада сидела на ступенях лестницы.

— Чем ты занят, Гаррет? Старуха свалила минут пятнадцать назад. — Она почему-то забыла упомянуть о всплях Линды Ли.

— Я думал.

— Это чрезвычайно опасно для человека в твоем состоянии.

— А?..

Я не нашел яркого ответа. Всего лишь десятитысячный раз в жизни. Остроумный контрудар рождается где-нибудь перед рассветом, когда я, мучась от бессонницы, буду вертеться в постели.

Торнада подошла к комнате Покойника и сунула туда нос. Его обитель занимала добрую половину первого этажа. Все четыреста пятьдесят фунтов моего дружка были погружены в кресло и бездвижны, как сама смерть. Нос логира, смахивающий на хобот слона, на целый фут спускался ему на грудь. На Покойнике начинала собираться пыль, но всякие паразиты до него еще не добрались. Нет смысла пока заниматься чисткой, а может быть, успеет вернуться Дин и вообще избавит меня от малоприятной заботы.

Торнада прикрыла дверь и, повернувшись ко мне, схватила меня за локоть.

— Он совсем отпал, — заявила она уверенно. Покойник совершенно не прореагировал на нее. Он вообще недолюбливал женщин и среди них особенно — Торнаду. Однажды я даже угрожал ему, что выгоню Дина и вместо него поселю у себя Торнаду.

— Что она сказала? — поинтересовалась Торнада, когда мы начали подниматься по лестнице на второй этаж. — Кто жертва?

— А ты не знаешь?

— Я не знаю ничего. Мне известно одно: если я выясню, кого ты должен пришить, то получу ночной горшок, полный не дермы, а золота.

Деньги для Торнады — это все. В общем-то они имеют значение для всех нас. Как это поется: «... весело с ними, грустно без

них...». Но для Торнады бабки значат больше, чем ее ангел-хранитель.

— Она хочет, чтобы я нашел ее дочь. Та отсутствует шесть дней.

— Повтори! Чтоб мне сдохнуть! Я была уверена, что она будет толковать об убийстве.

— Почему?

— Да нипочему. Наверное, неправильно выстроила факты. Значит, пропал ребенок. Ты берешься за работу?

— Пока размышляю. Я должен посетить ее дом, осмотреть вещи ребенка и затем решить окончательно.

— Но ты ведь согласишься, правда? Может, удастся вытрясти из старой карги двойную плату?

— Заманчивая идея. Пока не удалось получить и одинарной.

— Ну и хитрый же ты негодяй. Мечтаешь трахнуть старуху. Находишься со мной, а думаешь о карге. Ну и негодяй!

— Торнада! Эта женщина годится мне в матери.

— В таком случае либо ты, либо твоя мамочка врете о своем возрасте.

— Да ты же первая утверждала, что она старая рухлядь.

— Какое это имеет значение. К черту! Я прощаю тебя, Гаррет. Как я уже сказала: ты здесь, а она — нет.

Спорить с Торнадой — значит плевать против ветра. Один ущерб.

Лишь значительно позже ценой огромных усилий я сумел избавиться от нее, чтобы успеть на ужин к Мэгги Дженн.

6

— Так-то, — тихонько, чтобы не услышал Попка-Дурак, сказал я, обращаясь к Покойнику. — Я провел день с прекрасной блондинкой. Это была Божья кара. Теперь мне предстоит провести вечер с роскошной рыжеволосой леди.

Он ничего не ответил. А если бы не спал, наверняка не упустил бы возможности высказаться. Торнада занимала особое место в его сердце. Покойник наполовину уверовал в мои угрозы жениться на ней.

Тихо посмеиваясь, я прокрался на цыпочках к входной двери. Перед своим отъездом Дин нанес мне значительный финансовый урон, поставив на новую дверь запирающийся на ключ замок. Я вполне обходился теми задвижками и щеколдами, которыми он стучал, замыкаясь от внешнего мира, как только я выходил из дома. Дин облек своим доверием совершенно бесполезную вещь. Такой замок способен остановить исключительно честного человека. Нашей главной защитой остается Покойник.

Логхирь, живые они или мертвые, обладают массой талантов.

Я заспешил прочь, посыпая улыбки всем и никому одновременно. Наша округа плотно заселена разнообразными нечеловеческими существами, большую их часть составляют неотесанные беженцы из Кантарда. Эти существа не стесняются громогласно высказывать свое мнение и создают постоянное беспокойство.

Но гораздо хуже них псевдореволюционеры. Эти толпятся и роятся повсюду, переполняя таверны, громко и глупо рассуждая о своих еще более глупых догмах. Я понимаю их чувства. Мне тоже не очень нравится Корона. Но в то же время я знаю, что ни один из нас — ни я, ни они — не готов примерить на себя королевскую мантию.

Подлинная революция может только ухудшить положение. В эти дни каждая пара революционеров не способна договориться между собой о будущем Каренты. Поэтому они начали бы истреблять друг друга пачками, прежде чем...

Правда, уже были попытки учинить революцию. Но настолько бездарные, что о революционных действиях знала лишь полиция.

Я обходил стороной торчащих на всех углах и облаченных в черное детей хаоса. Они выли на разные голоса, восхваляя свои банальные доктрины. Серьезной угрозы для Короны не существует. У меня есть некоторые связи с новой полицией, именуемой Гвардией. Ребята оттуда мне сказали, что половина революционеров на самом деле полицейские агенты.

Я делал прохожим ручкой. Я насвистывал. Это был воистину чудесный день.

Но при этом не забывал и о деле. Насвистывая на пути к ужину с красивой женщиной, я частенько оглядывался и в один прекрасный момент заметил, что за мной следят.

Я принялся бродить без цели. Поворачивая назад, переходил на иноходь или шагал нарочито медленно, пытаясь определить намерения этого шута. Ему явно не хватало мастерства.

Я продумал варианты действий. Больше всего мне нравилась идея поменяться с ним ролями: стряхнуть с хвоста и проследить, куда он побежит докладывать о своей работе.

Как это ни печально, но у меня имеются враги. В ходе своих трудов я время от времени доставляю неприятности отдельным малосимпатичным людям. Кое у кого из них возникает желание свести со мной счеты.

Ненавижу тех, кто не умеет красиво проигрывать.

Мой друг Морли — профессиональный убийца, прикидывающийся гурманом-вегетарианцем, — не устает повторять, что я сам во всем виноват: оставляю своих недругов в живых.

Я наблюдал за своим «хвостом», пока не убедился, что при желании легко могу от него избавиться. Тогда я вновь заспешил на свидание с Мэгги Дженн.

7

Жилище Дженн оказалось пятидесяткомнатной лачугой, расположенной почти в самом сердце Холма. В этих местах не могли селиться даже самые влиятельные и богатые представители торгового сословия.

Забавно. Мэгги Дженн не произвела на меня впечатления большой аристократки.

Ее имя я определенно слышал, но никак не мог припомнить — где, когда и в связи с чем.

В этой части Холма, и в горизонтальной, и в вертикальной плоскости, господствует камень. Никаких дворов, никаких цветников, никакой зелени. Редкое исключение — озелененные балконы третьих этажей. И никакого кирпича. Лишь быдло использует для строительства красный или коричневый кирпич. Забудьте об этом. Употребляйте только камень, добытый в другой стране и доставленный по воде за сотни миль.

Мне раньше не приходилось бывать в этом районе, и я слегка заплутал.

Дома стояли почти вплотную друг к другу. Улицы такие узкие, что два экипажа могут разъехаться, лишь выехав на тротуар. Правда, здесь почище, чем в остальных районах города, но серые каменные мостовые и здания придают сердцу Холма крайне унылый вид. Кажется, что ты идешь не по улицам, а шагаешь по дну мрачного известнякового каньона.

Джени обитала в центре безликого квартала. Дверь напоминала скорее адские врата, нежели вход в жилье. На улицу не выходило ни единого окна. Не дом, а сплошной каменный утес. Стены его даже не украшал орнамент, что весьма необычно для Холма. Здешние обитатели, как правило, делают все, чтобы превзойти соседей в демонстрации дурного вкуса.

Какой-то хитроумный архитектор ухитрился вдолбить этим в целом умным людям мысль о том, что гладкое серое пространство производит самое яркое впечатление. Без сомнения, когда эти пакгаузы для хранения богатства переходили из рук в руки, их аскетический вид стоил покупателю больше, чем любой прянничный замок.

Что же касается меня, я предпочитаю дешевку. Люблю, чтобы с фронтона на меня пялились жуткие гарпии, а углы здания украшали славные ребячьи мордашки.

Дверной молоток был настолько незаметен, что мне чуть ли не пришлось искать его. Он оказался не бронзовым. Его отлили из какого-то серого металла, смахивающего на олово. Он издал ужасно хилый «тук-тук», и я решил, что его вряд ли кто-либо сможет услышать.

Но я ошибся.

Гладкая дверь из тикового дерева тут же распахнулась, и я оказался лицом к лицу с типом, который, судя по его виду, изо всех сил стремился оправдать имя Ичабод, подаренное ему где-то в начале века недобрыми родителями. Похоже, он провел много десятков лет, усердно создавая образ под стать имени. Он был высок, костляв и сутул, с налитыми кровью глазами, белыми волосами и бледной кожей.

— Так вот что с ними бывает, когда приходит старость, — пробормотал я. — Они вешают свои черные мечи на стену и становятся дворецкими.

Адамово яблоко старика наводило на мысль, что он подавился грейпфрутом. Не говоря ни слова, он смотрел на меня, словно хищная птица, ожидающая, когда остынет ее обед.

Таких огромных и костистых надбровных дуг мне в жизни видеть не доводилось. К тому же поросших густейшими бельми джунглями.

Жуткий тип.

— Доктор Смерть, если не ошибаюсь?

Доктор Смерть — персонаж в кукольных представлениях о Панче и Джуди. У Ичабода и нехорошего доктора было очень много общего, правда, кукольный злодей футов на шесть ниже ростом.

У некоторых людей полностью отсутствует чувство юмора. Один из них стоял передо мной. Ичабод не улыбнулся и даже не шевельнулся неухоженным кустарником над глазами. Впрочем, он заговорил на весьма приличном карентийском.

— У вас имеются весьма веские причины беспокоить этот дом?

— Естественно.

Мне не понравился его тон. Я вообще не выношу звуков голоса слуг с Холма. В них слышится воинственный снобизм, частенько присущий ренегатам.

— Хотел посмотреть, как вы, ребята, рассыпаетесь в прах под солнечными лучами.

Я имел преимущество в этой идиотской игре, поскольку меня ожидали к ужину и наверняка описали ему мою внешность. Он, бесспорно, знал, кто находится перед ним.

Иначе Ичабод давно бы захлопнул дверь и дал сигнал головорезам, оберегающим богатых и могущественных от назойливой шушеры вроде меня. Банда бы незамедлительно явилась как следует излупцевать «гостя» в назидание другим.

Они еще могут появиться, если за спиной Ичабода обретается коллега со столь же развитым чувством юмора.

— Мое имя Гаррет, — объявил я. — Мэгги Дженн пригласила меня на ужин.

Престарелое пугало отступило назад. Хотя Ичабод не произнес ни слова, он явно не одобрял решения хозяйки. Он вообще против того, чтобы типы моего класса входили в этот дом. Трудно

сказать, что придется извлекать из моих карманов, когда я соберусь уходить. Не исключено также, что я наскрою на себе блох и запущу их в дом на предмет колонизации ковров.

Я оглянулся посмотреть, как чувствует себя мой «хвост». Бедный чурбан лез вон из кожи, пытаясь оставаться незамеченным.

— Прекрасная дверь, — заметил я, глянув на нее с торца. Панель оказалась не уже четырех дюймов. — Ожидаете сборщика налогов, вооруженного тараном?

Обитатели Холма настолько богаты, что у них могут возникнуть сложности подобного рода. Мне же это не грозит — мне никто никогда не одолжит столько денег.

— Идите за мной, — повернувшись, пробурчал Ичабод.

— Надо говорить: «Следуйте за мной, сэр». Я — гость, а вы — лакей.

Не знаю почему, но этот тип вызывал у меня ужасную неприязнь. Я даже начал менять свою точку зрения на революцию. Когда я захожу в библиотеку повидаться с Линдой Ли, то иногда заглядываю и в книги. Мне доводилось читать о переворотах. Похоже, что слуги низвергнутых воспринимают все болезненнее, чем их хозяева. Конечно, если у них не хватило ума еще раньше переметнуться на сторону восставших.

— Да, конечно.

— Ага, вот и комментарий. Ведите меня, Ичабод.

— С вашего позволения — Зэк, сэр.

Обращение «сэр» просто сочилось сарказмом.

— Зэк?

Это звучало почти так же скверно, как и Ичабод.

— Да, сэр. Так вы идете? Хозяйка не любит, когда ее заставляют ждать.

— Тогда — вперед! Тысяча и один бог Танфера обрушат на нас свой гнев, если мы огорчим Ее Рыжеволосое Величество.

Зэк предпочел не отвечать. Он, видимо, решил, что я чувствую себя не в своей тарелке. Возможно, он был прав. Мне просто было немного стыдно. Не исключено, что он всего лишь милый старик с оравой внуков. И вынужден трудиться, дабы прокормить неблагодарную банду отпрысков его сыновей, отдавших жизнь в Кантарде за честь Каренты.

Вообще-то я ни секунды не верил в подобную чушь.

Интерьер здания разительно отличался от его внешнего облика.

Несмотря на обилие пыли, дом мог быть мечтой портового бродяги, воображающего себя великим монархом. Или собственностью великого монарха со вкусом портового бродяги. Здесь было много от первого и куча от второго, но... единственное, чего в доме не хватало, так это полчищ вышколенных слуг.

Помещение захлестывали безвкусные волны океана богатства. Роскошь становилась все роскошнее по мере движения к центру дома. Словно мы переходили из одной зоны в другую, и в каждой дурной вкус проявлялся все сильнее.

— Ого! Вот это да! — не в силах дольше сдерживаться, воскликнул я.

Передо мной была мастерски выделанная из ноги мамонта подставка для хранения тростей и зонтов.

— У вас здесь, наверное, масса подобных вещей?

Эк, оглянувшись, уловил мою реакцию на весь этот домашний шик. Его каменная рожа на мгновение смягчилась. Он был согласен со мной. В этот момент мы, кажется, заключили шаткое перемирие.

Не сомневаюсь, оно просуществует не больше, чем перемирие между Карентой и венагетами. Последнее продержалось целых шесть с половиной часов.

— Иногда нам трудно бывает избавиться от нашего прошлого, сэр.

— Разве Мэгги Дженн когда-нибудь охотилась на мамонтов?

Перемирие рухнуло. Он угрюмо побрел вперед. Скорее всего потому, что я продемонстрировал свое полное незнание того, кем в свое время являлась Мэгги Дженн.

Почему все, включая меня самого, полагают, что это должно быть мне известно? Моя легендарная память сегодня работала просто сказочно.

Эк провел меня в самую безвкусную комнату из всех, что мне доводилось видеть.

— Мадам присоединится к вам здесь.

Я огляделся и, прикрыв ладонью глаза, задумался, не выступала ли когда-то мадам в качестве «мадам». Дом весьма смахивал

на современный бордель. Возможно, его декорировали те гомики, которые украшали лучшие заведения Веселого уголка.

Я обернулся, желая спросить.

Ичабод уже оставил меня.

Я готов был заорать, призывая его назад:

— О, Зэк! Принеси мне повязку на глаза.

Мне казалось, что я долго не выдержу столь мощного удара по зрительным нервам.

8

Обстановочка окончательно доконала меня. Я окаменел, словно встретился взглядом с Медузой. В жизни не приходилось видеть столько красного цвета. Все вокруг было красным, и не просто красным, а кричаще красным, можно сказать, краснющим. Небольшие золотые завитушки на стенах только усиливали общее впечатление.

— Гаррет!

Мэгги Дженн. У меня не было сил обернуться. Я опасался, что она облачена в багряный наряд, а накрашенные губы делают ее похожей на упыря за едой.

— Вы живы, Гаррет?

— Просто ошеломлен. — Я обвел вокруг себя рукой: — Это потрясает.

— Небольшой перебор, правда? Но Тедди это нравилось. Дом — подарок Тедди, и я сохранила все, как было при нем.

Мне все же пришлось обернуться. Нет, на ней не было одежд красного цвета. Она оказалась в наряде деревенской девушки с молочной фермы — одни лишь бежевые и белые кружева. На голове сидел типичный кружевной чепец молочницы. Лицо Мэгги сверкало насмешливой улыбкой, будто хозяйка немного посмеивалась надо мной и приглашает повеселиться вместе.

— Наверное, я совсем отупел, — заметил я, — но я не совсем понимаю шутку о Тедди.

Мои слова почему-то смыли улыбку с лица Мэгги, и она спросила:

— Что вам известно обо мне, Гаррет?

— Немного. Ваше имя. Что вы самая привлекательная женщина из встретившихся мне за последние сто лет. Еще кое-что видное невооруженным взглядом. И то, что вы живете в классном месте. Вот, пожалуй, и все.

Она покачала головой, и рыжие локоны заколыхались в такт движению.

— Скандалная слава, нынче, видимо, не в цене. Однако пройдем в другое место. Здесь можно ослепнуть.

Ужасно мило, когда тебе начинают выдавать непонятные сен-тенции — нет необходимости изобретать их самому или придумы-вать остроумные ответы.

Мы миновали несколько вычурных, но ничем не примечательных комнат и наконец вкатились в нечто потрясающее — бам! Обеденная зала, приготовленная для двоих.

— Словно сказочная ночь на Холме Эльфов, — пробормотал я.

— У меня точно такое же чувство. — Оказывается, она не утратила слуха. — Эти помещения иногда наводят ужас. Присаживайтесь.

Я уселся на стул напротив Мэгги, поближе к концу стола. Вокруг него без труда могла бы рассесться пара дюжин гостей, не считая хозяев.

— Это ваше любовное гнездышко?

— Самый маленький из всех моих столовых залов. — Она изобразила на личике подобие улыбки.

— У вас и у Тедди?

— Остается только вздохнуть. Как быстро проходит дурная слава. Кроме членов семьи, никто ничего не помнит. Хотя и этого вполне достаточно. Их злобы хватит на все человечество. Тедди — это Теодорик, принц Камарка. Он стал королем Теодориком IV и сумел продержаться в этом качестве целый год.

— Король? — наконец-то у меня в башке прояснилось. — Я, кажется, начинаю понимать.

— Вот и хорошо. Значит, мне не придется пускаться в нудные объяснения.

— Мне мало что известно. В то время я служил в Морской пехоте. Там, в Кантарде, нас не очень волновали скандалы в королевском семействе.

— Вы не знали, кто король, и вам на него было плевать. Мне уже приходилось слышать это. — Мэгги Дженн послала мне свою самую обворожительную улыбку. — Держу пари, вы и сейчас не следите за придворными скандалами.

— Они не слишком влияют на мое повседневное существование.

— Они не повлияют и на вашу работу для меня. Здесь не важно, много или мало грязи обо мне вам известно.

В зал вошла женщина. Подобно Ээку она была стара как первородный грех. Крошечная, ростом с ребенка, с очками на носу. Мэгги Дженн явно заботилась о своей прислуге — очки нынче дороги. Старуха молча застыла, скрестив на груди руки.

— Мы приступим, как только вы будете готовы, Лори.

Слегка наклонив голову, старушка вышла.

— Но все же я вам кое-что расскажу, — продолжила Мэгги, — хотя бы чтобы немного удовлетворить ваше любопытство. Вернее, чтобы вы занялись тем, за что я вам плачу, а не копанием в моем прошлом.

Я буркнул что-то невнятное.

Лори и Ээк доставили суп. Рот сразу заполнился слюной — слишком долго мне пришлось питаться плодами своего собственного кулинарного искусства.

Единственный повод скучать по Дину.

— Я, Гаррет, была любовницей короля.

— Помню.

Наконец-то я действительно вспомнил. Это был скандал что надо. Кронпринц настолько втюрился в простолюдинку, что поселил ее на Холме. Его супруга была отнюдь не в восторге. Старик Тедди не пытался скрывать свою страсть. Он любил, и ему было все равно, знает об этом весь мир или нет. Весьма неблагоразумное поведение для человека, которому предстояло стать королем. Серьезный недостаток характера для наследника престола.

Так, собственно, и оказалось. Король Теодорик IV проявил себя высокомерным, узкобым и капризным сукиным сыном, позволявшим покончить с собой всего лишь через год правления.

Мы почему-то нетерпимы к королевским слабостям. Точнее, к ним нетерпимы высшая аристократия и члены семьи. Остальным и

в голову не пришло бы пойти на убийство. Даже бешеные собаки-революционеры и те не помышляют об истреблении королей.

— А ваша дочь?..

— Ее отец — не Тедди.

Я прикончил суп. Это был куриный бульон с чесноком. Мне он очень понравился. Престарелые слуги унесли опустевшую посуду. Появились разнообразные закуски. Я был нем как рыба, и Мэгги приходилось поддерживать разговор.

— Мне доводилось глупо ошибаться, мистер Гаррет. Так и появилась моя дочь.

Прожевав нечто, состоящее из куриной печени, бекона и молодых орехов, я пробормотал:

— Неплохо.

— Мне было шестнадцать. Отец выдал меня замуж за животное, которое желало только девственниц. Его дочери по возрасту годились мне в матери. Мое замужество должно было помочь папочкому бизнесу. Поскольку мне никто не объяснил, как избежать беременности, я тут же понесла. Мой супруг от ярости бился в припадке. Оказывается, в мою задачу не входило иметь детей, я должна была лишь служить грелкой для его постели и ублажать мужа, повторяя, какой он могучий мужчина. Когда же я родила дочь, он просто свихнулся. Еще одна дочь. У него не было сыновей. Женский заговор. Мы сговорились, чтобы погубить его. Мне никогда не хватало смелости заявить, что с ним произойдет, если мы — женщины — действительно воздадим ему по заслугам.

Злобная улыбка. На какое-то мгновение из-под улыбающейся маски выглянула другая Мэгги.

Она принялась жевать, предоставив мне время для комментариев. Я лишь кивнул с набитым ртом.

— Старый мерзавец продолжал тем не менее пользоваться мной. Его дочери пожалели меня и научили всему тому, что мне следовало знать. Они ненавидели своего папочку больше, чем я. Затем моего отца убили грабители, завладев двенадцатью медными монетами и парой старых сапог.

— Очень похоже на Танфер.

— Это и был Танфер, — кивнула она.

— Итак, ваш отец умер...

— У меня не осталось никаких причин и дальше ублажать мужа.

— Вы ушли.

— Не раньше чем, застав его спящим, выбила из него палкой все дермо.

— Я принимаю ваш рассказ близко к сердцу.

— Замечательно.

Ее взгляд светился озорством. Я решил, что Мэгги Дженн мне нравится. Тот, кто прожил такую жизнь и сохранил способность к озорству...

Это был очень интересный ужин. Я узнал все о возникновении ее отношений с Тедди, но не услышал ни слова о том, как протекали годы между ее разводом и бурной встречей с будущим королем. Мне показалось, что она любила Тедди столь же сильно, как и он ее. Иначе Мэгги не стала бы сохранять в первозданном виде эти отвратительные комнаты.

— Этот дом — тюрьма, — довольно туманно произнесла она.

— В таком случае вам следует навестить мое жилище.

— Я не то имела в виду.

Я набил рот, использовав этот старый прием, чтобы заставить ее сказать больше. Метафоры вообще слабо доходят до меня.

— Я могу уехать отсюда в любое время, Гаррет. Больше того, меня довольно часто побуждают сделать это. Но если я уступлю, то потеряю все. По-настоящему мне здесь ничего не принадлежит. Я лишь временно пользуюсь этим богатством. — Она обвела рукой вокруг себя. — До тех пор, пока сама не оставлю дом.

— Понимаю.

И я действительно понимал. Узница обстоятельств, она должна была здесь оставаться. Незамужняя женщина с ребенком. Ей была знакома бедность, и она знала, что богатой быть гораздо лучше. Бедность — тоже своего рода тюрьма.

— Пожалуй, вы мне можете понравиться, Мэгги Дженн.

Она приподняла одну бровь. Какое милое искусство! Лишь у немногих имеется этот природный талант. Только лучшие люди могут выполнить трюк с бровью.

— Большинство клиентов мне совсем не нравятся, — добавил я.

— Думаю, приятные люди просто не попадают в ситуацию, когда им требуется помочь таких, как вы.

— Попадают, но нечасто. Что весьма прискорбно.

9

Развитие событий показывало, что в ходе встречи с Мэгги передо мной могли открыться определенные возможности. Это чувство не оставляло меня с того момента, когда я, отправляясь на ужин, открыл дверь своего дома. Я не тот парень, который стремится получить все при первом свидании, но никогда не отказываюсь от подарков судьбы. Что касается сегодняшнего вечера, то я решительно не желал бороться с судьбой.

Ужин подошел к концу. Я не находил себе места, а Мэгги Дженн продолжала виртуозно строить глазки. Такие фокусы могли даже епископа заставить позабыть о Боге, и самая глубокая преданность идеям воздержания не спасла бы святошу от опасности утонуть в прозрачных озерах ее глаз. Искусство Мэгги было способно увести воображение самого ярого религиозного фундаменталиста в такие дали, из которых невозможно выбраться, не совершив отчаянной глупости.

Я настолько забылся, что даже не замечал, какую шутку начал играть со мной мой драгоценный орган.

За ужином мы мило поддразнивали друг друга, тонко играя словами. Мэгги Дженн в этом не имела себе равных. Она была по-настоящему хороша. Я уже изготовился, схватив боевую трубу, сыграть сигнал «Атака!».

Она же молча наблюдала за мной, видимо, оценивая, насколько я дозрел.

Предприняв героические усилия и сосредоточившись, я прохрипел:

— Скажите мне вот что, Мэгги Дженн. Кто может совать нос в ваши дела?

Она промолчала, лишь подняла бровь. Мэгги была изумлена. Она ожидала услышать от меня вовсе не это и сейчас старалась выиграть время.

— Не пытайтесь увести меня в сторону своими уловками, женщина. Вам так просто не увиличнуть от ответа.

Она рассмеялась грудным смехом, сознательно подчеркивая свою хрипотцу, — мол, я способна увести тебя так далеко, как мне захочется. Я решил попробовать привести себя в чувство,

встав из-за стола и изучив развешанные по стенам картины. Однако от этой идеи пришлось тут же отказаться. Я обнаружил, что попытка подняться во весь рост причинит мне как физическое, так и моральное неудобство. Откинувшись на стуле, я уставился в расписной потолок с таким видом, словно советовался с танцующими фавнами и парящими херувимами.

— Что вы имеете в виду? Кто вмешивается в мои дела?

Я немного помолчал, раздумывая, стоит ли делиться своими знаниями.

— Прежде всего давайте вернемся немного назад. Кто-нибудь знал, что вы намерены обратиться ко мне?

Естественно, кто-то об этом знал. Иначе Торнада не навестила бы меня. Но мне нужна была оценка самой Мэгги.

— Я не делала из своих планов секретов, если вы это имеете в виду. Я просила совета у многих, решив обратиться к услугам человека вашего сорта.

Хм... Интересно, что это значит — человек моего сорта?

В жизни часто встречается и такое. Возникает недружелюбное отношение к людям, ищущим помощи у профессионала.

— Тогда пойдем дальше. Кого могло обеспокоить, что вы приступаете к поискам дочери?

— Никого. — У нее начали возникать подозрения.

— Хорошо. Будем считать, что это никого не колышет. Просто некто хотел поддержать вас в беде.

— Вы пугаете меня, Гаррет.

Она вовсе не выглядела испуганной.

— Может быть, и стоит немного испугаться, — заметил я. — Понимаете, мне было заранее известно о вашем визите.

— Что? — по-настоящему заволновалась Мэгги.

— Как раз перед вашим появлением один мой друг, занимающийся тем же, что и я, предупредил меня о вашем приходе.

Конечно, сказать, что мы с Торнадой коллеги, — это некоторая натяжка. Торнада готова приняться за любую работу, лишь бы без труда и побыстрее наполнить свой кошелек.

— Он думал, что вы пожелаете, чтобы я замочил кого-то, и поэтому решил предупредить меня.

Улавливаете мой тонкий маневр? Даже дохлый логхир нечасто может принять Торнаду за мужчину.

— Замочить? Я?..

Мэгги прекрасно понимала арго. Вначале она слегка утратила душевное равновесие, но, похоже, быстро приходила в себя.

— Он не сомневался в этом.

Однако лично я сомневался в том, что она не сомневалась. Большая, любвеобильная, бестолковая, предпримчивая, нетерпимая и ленивая Торнада. Она уверена в том, что если не сможет кого-то умаслить или уговорить, то добьется своего при помощи доброго старомодного пинка в зад. Она остается всего лишь незатейливой деревенской девицей с простыми деревенскими замашками, и ее следует принимать такой, какая она есть.

Необходимо еще раз поговорить о Мэгги Дженн с Торнадой, если я сумею ее найти. Впрочем, вряд ли это будет трудно. Большая дуреха скоро объявитсѧ сама. Возможно, еще до того, как я буду к этому готов.

— На пути к вам за мной следили, — объявил я.

— Что? Кто? Почему?

— Не имею понятия. Я упомянул об этом, чтобы вы знали — выше дело кого-то не оставляет равнодушным.

Мэгги покачала головкой. Восхитительная головка. Я вновь начал утрачивать с таким трудом достигнутую собранность. Пришлось сконцентрироваться на описании внешнего вида выслеживавшего меня парня.

Заговорщицки улыбнувшись, Мэгги спросила:

— Гаррет, вы способны думать о чем-нибудь, кроме...

— Сколько угодно.

Сейчас я размышлял, например, не устроить ли соревнование по бегу — проверить, смогу ли я догнать ее.

— Гаррет!!

— Не я это начал.

В отличие от многих женщин она не стала отрицать своей вины.

— Да, но...

— Поставьте себя на мое место. Вы — молодой человек с горячей кровью, оказавшийся наедине с вами.

— Способность к лести заведет вас далеко, Гаррет, — хихикнула она.

Ух! Кое-что в моем организме начало причинять мне физическую боль.

— Вы способны превратить любое дерьмо в конфетку, — закончила Мэгги.

Теперь хихикнул я и поставил себя на свое место, предположив, что она вернется на свое и позволит событиям развиваться предопределенным путем. Но после трудного путешествия на ее сторону стола оказалось, что события не получили дальнейшего развития. Неохотно — как мне показалось — она выскользнула из моих рук.

— Так не может продолжаться, если вы действительно хотите, чтобы я отыскал вашу дочь, — пробормотал я.

— Действительно. Вы правы. Дело есть дело, и мы не должны позволить природе встать на его пути.

Вообще-то я был готов разрешить природе поступать, как ей вздумается. Однако вслух произнес:

— Вернемся к делам... Я вовсе не такой, как вы обо мне думаете. Я работаю по законам логики и на основе фактов. Перед вами, мэм, деловой человек по имени Гаррет. Так не лучше ли будет, если вы начнете сообщать мне факты, вместо того чтобы соблазнять меня призывающими взглядами?

— Не надо грубить, Гаррет. Мне так же тяжело, как и вам.

10

Итак, нам все же удалось добраться до апартаментов, принадлежавших Эмеральд — дочери Мэгги.

— Эмеральд? — удивился я. — А что же случилось с Жюстиной?

Эмеральд. Представляете? Куда подевались милые добрые Патриции и Бетти?

— Я назвала ее Жюстиной. Она себя называет Эмеральд. Девочка сама выбрала эту кличку, так что не смотрите на меня так.

— Как это «так»?

— Да так, будто выливаете на меня ушат помоев. Она выбрала себе это имя, когда ей было четырнадцать лет. Все стали ее так называть, и теперь я сама иногда зову дочь Эмеральд.

— Ясно. Эмеральд. Она так решила.

Естественно. Теперь ясно, что произошло с Патрициями и Бетти. Они стали обзвывать друг дружку Амбер, Бранди и Фанн.

— Со временем она может снова захотеть стать Жюстиной, — продолжил я. — Когда начинается серьезная жизнь, люди возвращаются к своим корням. Не желаете ли вы мне что-либо сообщить, до того как я приступлю к раскопкам в апартаментах?

— Что вы имеете в виду?

— Обнаружу ли нечто такое, за что вы могли бы пожелать заранее принести извинения?

О чудо из чудес! Она меня поняла.

— Не исключено, что обнаружите. Только я никогда туда не захожу и не знаю, что это могло бы быть. — Затем, как-то странно взглянув на меня, Мэгги спросила: — Вы настроены на скорую?

— Нет. — Однако я, может быть и бессознательно, не желал, чтобы она заглядывала мне через плечо. — Вернемся к вопросу об имени. Не могли бы вы рассказать мне о том, что вам известно, прежде чем я начну выявлять незнакомые для вас предметы и факты.

Она снова одарила меня тем же взглядом. Боюсь, мой голос действительно звучал слегка раздраженно. Неужели у меня начало развиваться стойкое отвращение к работе? Или я заранее злился, зная, что Мэгги начнет лгать и искажать факты, пытаясь подогнать все, что ей известно, под свое видение мира? Клиенты всегда так поступают. Даже когда понимают, что правда так или иначе выплывает на поверхность. Люди. Иногда они меня просто приводят в изумление.

— Имя Жюстина я дала дочери в честь моей бабки.

Я все понял по ее тону. Любой ребенок вышел бы из себя, узнав, что получи имя в честь какого-то старого пердуна, которого никогда не видел и на которого ему абсолютно плевать. Моя мамочка выкинула точно такой же фортель со мной и с моим братом. Я никогда не знал, что наши имена для нее значили.

— У вас на это были какие-то особые причины?

— Имя Жюстина постоянно присутствовало в семье. Кроме того, бабушка была бы обижена, если...

Обычная картина. Я не вижу в этом никакого смысла. Ребенка приговаривают к пожизненному страданию только из-за того, что кто-то мог обидеться. Три приветственных восточных клича: «Дураки! Дураки! Дураки!». Неужели родители не понимают, кто остается обиженным на долгие, долгие годы?

В апартаментах Эмеральд мы вошли через небольшую гостиную. В комнате стоял небольшой письменный стол. На столе находилась масляная лампа, а рядом с ним — кресло. В помещении было еще одно кресло, диван, в который убирались постельные принадлежности, и небольшой открытый шкаф с полками. В комнате царила стерильная чистота, и жилье выглядело даже более спартанским, чем следует из моего описания.

— Она когда-нибудь баловалась наркотиками?

Чуть поколебавшись, Мэгги ответила:

— Нет.

— Почему так неуверенно?

— Пытаюсь решить. Дело в том, что, когда ей было четыре года, ее похитил отец. Затем какие-то друзья убедили его, что ребенку лучше быть с матерью.

— Не мог ли он и сейчас предпринять нечто подобное?

— Скорее всего нет. Он умер восемь лет назад.

— Да. Пожалуй, не мог.

Как правило, покойнички не борются за право воспитывать своих детей.

— У нее есть приятель?

— У девушки с Холма?

— Именно у девушки с Холма. Так сколько же их у нее?

— Кого?

— Да приятелей. Послушайте. Верьте или нет, но для девушки с Холма сбиться с пути проще, чем для девицы из города.

Я привел примеры из своей практики, включая рассказ о группе девиц с Холма, которые ради удовольствия и новых впечатлений подвизались в Веселом уголке.

Мэгги Дженн испытала сильное потрясение и, казалось, была не в силах поверить, что ее ребенок может не соответствовать взлелеенному мамочкиным воображением образу. Ей не приходило в голову, что Эмеральд способна разбить сердце мамы. Она явно

отказывалась понимать, почему люди совершают мерзкие поступки, если от этого не зависит их жизнь. Проституция как развлечение не входила в круг ее жизненных представлений.

Кстати, только средний класс не верит в проституцию.

— Вы же выросли не на Холме.

— Я признаю это, Гаррет.

Я подозревал, каким способом моя прелестная Мэгги сводила концы с концами в период между разводом с мужем и появлением кронпринца. Все это можно уточнить без больших усилий. Но нужно ли мне это знать? Пока, видимо, нет. Быть может, позже, когда ее прошлое начнет сказываться на ходе моей работы.

— Садитесь в кресло и рассказывайте об Эмеральд, пока я буду трудиться.

С этими словами я приступил к поиску.

11

— Насколько я знаю, — начала Мэгги, — у нее не было постоянного молодого человека. Наш образ жизни не открывает широких возможностей для знакомств. Общество нас не приемлет. Мы сами по себе образуем класс.

И весьма классный класс, надо сказать. Сообщество любовниц вовсе не мало. На этом благословенном Холме считается, что каждый мужчина должен иметь любовницу. Это как бы сертификат его мужской мощи. Если любовниц две — тем лучше.

— Неужели у нее совсем нет друзей?

— Очень мало. Наверное, девочки, с которыми она вместе росла. Может быть, кто-то из соучеников. В ее возрасте очень ревниво относятся к социальному статусу. Сомнительно, чтобы кто-то здесь позволил ей приблизиться к себе.

— Как она выглядит?

— Похожа на меня за вычетом двадцатилетнего износа. И уберите с вашей будки эту идиотскую ухмылку.

— Я просто подумал, что если сбросить двадцать лет, то мне, видимо, придется искать существа, только что вышедшее из пеленок.

— Вот и не забывайте о пеленках. Я хочу, чтобы мою девочку нашли, а не...

— Хорошо. Хорошо. Хорошо... Между вами был напряг, перед тем как она исчезла?

— Что?

— Вы не поссорились? Она не топала, визжа, что и через десять тысяч лет ее ноги не будет в этом доме?

— Нет, — со смешком ответила Мэгги. — Это я закатывала подобные сцены своей мамочки. Возможно, поэтому она и не пискинула, когда отец продал меня. Нет. Эмеральд не такая. Мой ребенок вовсе не похож на меня, Гаррет. Ее никогда ничего не волновало настолько, чтобы из-за этого затеять скору. Поверьте, я никогда не была привередливой и занудной матерью. Эмеральд была вполне счастлива своей жизнью. Она напоминает мне щепку, плывущую по течению реки.

— Может быть, что-то во всей этой суете ускользнуло от моего внимания? Или я вдруг начал придумывать события, которые вовсе не имели места? Но я готов поклясться, вы говорили о том, что ваша дочь оказалась в скверной компании.

Мэгги хихикнула. Мэгги фыркнула. Мэгги ощутила неловкость. Все это было проделано очень мило. Я прикинул, как это могло выглядеть во времена Теодорика, и передо мной распахнулись необозримые горизонты.

Покончив с мимическим представлением, она сказала:

— Здесь я немного нафантазировала. Я слышала, что у вас были какие-то отношения с Сестрами Рока, и решила, что вы станете податливее, узнав еще об одной девице в беде.

Сестры Рока — уличная банда, состоящая только из девчонок. Над каждой из них, до их бегства на улицу, было совершено надругательство.

— Отношения были только с одной из Сестер, которая, кстати, ушла с улицы.

— Простите. Я, кажется, переступила границы дозволенного.

— Границы чего?

— Совершенно ясно, что я задела ваши нежные чувства.

— Ну конечно. Майя была очень славная девочка. Я потерял ее, так как относился к ней недостаточно серьезно. Я утратил друга, потому что не прислушивался к нему.

— Прошу прощения. Одним словом, мне хотелось зацепить вас понадежнее.

— Итак, Эмеральд ни с кем регулярно не встречается.

Возврат к делам должен был отвлечь меня от грустных воспоминаний. Не скажу, что Майя была моей великой любовью, но все же она значила для меня немало. Она нравилась даже Дину и Покойнику. Мы с ней не расстались, просто она перестала появляться у меня, а наши общие друзья дали мне понять, что она не появится, пока я не поварослею. Согласитесь, это большой удар по самолюбию, особенно если учесть, что речь идет о восемнадцатилетней девчонке.

Письменный стол Эмеральд имел множество небольших отделений и несколько выдвижных ящиков. За время разговоров я их осмотрел. Ничего особенного. Большая часть вообще пустовала.

— У нее есть друзья. Но она с трудом сходится с людьми.

Вот это совсем другое дело. Я подозревал, что проблемы Эмеральд не имеют ничего общего с ее общественным положением. Скорее всего она просто потерялась в тени своей мамочки.

— При помощи друзей я смогу напастя на ее след.

— Ну конечно, — кивнула она.

Со стуком задвинув ящик стола, я отвернулся от этой женщины. Следует сосредоточиться на работе. Передо мной — ведьма. Тайком покосившись на нее, я подумал, а хочется ли мне в действительности заниматься поисками той, кто, по-видимому, вовсе не желает быть найденной?

Ага! Здесь что-то есть. Серебряный кулон.

— Что это? — задал я чисто риторический вопрос.

Я прекрасно знал, что держу в руках. Это был амулет в форме серебряной пентаграммы на темном фоне. В центре звезды была изображена козлиная голова. По-настоящему следовало бы спросить, что эта штука делала там, где я ее обнаружил.

Мэгги взяла у меня амулет и внимательно его изучила. Я следил за ее реакцией. Никакой реакции не последовало. Она просто сказала:

— Интересно, откуда это взялось?

— Эмеральд интересовалась оккультизмом?

— Насколько мне известно — нет. Но что мы знаем о своих детях?

Нечленораздельно буркнув, я продолжил поиски. Мэгги, как сорока из сказки, беспрерывно верещала, в основном о своей дочери. Я слушал ее вполуха.

В столе я больше ничего не нашел и перешел к полкам. Несколько книг демонстрировали, какое богатство Мэгги Дженн могла потерять. Переписка книги занимает массу времени, и она самый дорогой подарок, какой вы можете сделать вашему ребенку.

Я хмыкнул, взяв в руки третью книгу. Небольшой по формату, переплетенный в кожу и весьма сильно потертый томик. Лицевая сторона переплета была украшена козлиной башкой, тисненной серебром. Текст просматривался с большим трудом. Книга была очень старой.

Я обратил внимание, что текст написан не на современном карентийском языке.

Эти дурацкие сочинения никогда не пишут на нормальном языке. Никто не воспримет их всерьез, если любой и каждый способен расшифровать тайны тысячелетий.

— Взгляните-ка. — Я бросил Мэгги книгу. Продолжая поиски, я время от времени посматривал на мою рыжеволосую работодательницу.

— Все любопытнее и любопытнее, Гаррет. Моя дочь полна сюрпризов.

— Да.

Возможно. Весь мой визит был полон сюрпризов. И одним из них был длинноющий палец, настойчиво указывающий в сторону колдовства демонического толка.

Спальня и ванная выдали еще несколько связанных с оккультизмом предметов.

Значительно позже я спросил:

— Эмеральд очень следила за чистотой?

Насколько я знаю, молодые люди редко отличаются чрезмерной чистоплотностью.

— Не больше, чем следует. Почему вы спрашиваете?

Я ничего не ответил, войдя в роль следователя. Мы — первоклассные сыщики — никогда не отвечаем на вопросы, связанные с

нашими вопросами, особенно если они задаются работодателями, полицейскими или любыми людьми, которые могли бы помочь нам выбраться из дерьма. Однако жилье Эмеральд было слишком чистым. Можно сказать, ненормально чистым. Весьма любопытно. Не исключено, что здесь никто не жил, и я участвую в спектакле. Я не мог избавиться от ощущения, что мне специально подбрасывают улики, ведущие в определенном направлении.

Прекрасно, сказал я себе. Займемся дедукцией. Улики есть улики и на что-то указывают, даже если они искусственные или фиктивные.

Я ни в чем не был уверен до конца. Единственное, что привлекало внимание, — отсутствие всякой реакции у Мэгги на признаки колдовства. Моя новая работодательница не выразила ни удивления, ни отвращения, ни тревоги.

Быть может, я подступаю к делу не с того конца?

Легкое постукивание по плечу, сопровождаемое словами:

— Здесь кто-нибудь есть?

— А?

— Вы вдруг замерли и куда-то упали.

— Случается, когда я одновременно думаю и что-то делаю.

Она подняла бровь. Я ответил ей тем же:

— Для начала у меня достаточно материала. Вы дадите мне список имен, когда мы решим финансовые вопросы.

Все шло как по маслу, пока я не потребовал уплаты половины гонорара вперед.

— Это — незыблемое правило, Мэгги. На случай слабости человеческой натуры. Слишком много народа пыталось наколоть меня, получив желаемое.

Но это была не единственная причина.

Известно: чем слабее клиент торгуется, тем в более отчаянном положении он находится.

Моя славная Мэгги Дженн билась как львица. Наконец она сдалась:

— Я подошлю к вам Магвампа со списком как можно скорее.

Это привело меня в тихий восторг. Мне очень хотелось снова увидеть Магвампа. Может быть, вместо чаевых удастся подсунуть ему говорящего попугая.

12

Я остановился в тени дома немного подумать.

Как и вы, я не испытываю восторга, когда из меня делают мартышку. Но все почему-то постоянно пытаются поступить со мной именно так. В моем бизнесе это своего рода профессиональный риск. Я к этому привык. Более того, постоянно ожидаю. Но тем не менее мне это совершенно не нравится.

Похоже, заварилась какая-то каша. Мною явно пытаются манипулировать. Не могу понять одного — как моя новая любовь Мэгги может верить, что я куплюсь на такую дешевку. Или она разбирается в жизни меньше, чем я мог предполагать?

Впрочем, от встречи с работодательницей я получил удовольствие. Побольше бы таких клиентов.

Теперь оставалось заняться тем, чем она не желала, чтобы я занимался: покопаться в прошлом и настоящем Мэгги Дженн. Исключительно в целях собственной безопасности. В нашем деле неизвестная опасность может прикончить вас столь же успешно и быстро, как и та, о которой вы знаете. Вот выясню, на каком я свете, тогда, возможно, смогу заняться и поисками Эмеральд.

Я взглянул на небо. Стемнело, но час еще был не поздний. Оставалось время кое-кого повидать и сделать первые шаги по пути дальнейшего просвещения. Но сначала доставлю домой полученный от Мэгги Дженн задаток. Только идиоты таскаются по городу с таким грузом дольше, чем необходимо. Танфер кишит злодеями, которые с расстояния сотен ярдов могут с точностью до последнего медяка подсчитать содержимое ваших карманов.

Предложенные Мэгги Дженн объяснения сегодняшних событий казались весьма убедительными. Но визит Торнады все же продолжал меня занимать. Я потряс головой, но туман, окутавший происходящее, не рассеивался. Он никогда до конца не рассеивается. Такова уж моя служба.

Я поиском глазами свой «хвост». Он исчез бесследно. Наверное, парень притомился и отправился домой. Или крутые ребята из охраны Холма прошептали ему на ушко милый пустячок, вроде: «Убирайся отсюда, и побыстрее, если не хочешь уползти медленно

со сломанными конечностями». А может, он должен был всего лишь выяснить, куда я направлялся.

Я двинулся в путь. Толку от таких размышлений чуть, стоит поберечь мозги.

Как хорошо, что я не забываю поддерживать свою физическую форму. У меня хватило дыхалки опередить на шаг банду охранников и избежать неприятных объяснений. Этим горлохвостам совершенно плевать, что я прибыл сюда на вполне законных основаниях. Наверняка охрану вызывал Ичабод в пустой надежде, что эти типы способны усовершенствовать мой характер.

Я шел зигзагами, возвращался назад, использовал все известные мне приемы и, не обнаружив наблюдения, отправился домой. Пристроив на место задаток и нацедив пива из бочонка, я уселся поболтать немного с Элеонорой. Похоже, ее волновало мое состояние духа.

— Да, — признался я, — я становлюсь весьма податливым, когда речь заходит о деньгах.

Приходилось говорить шепотом, дабы не разбудить Попку-Дурака. Я даже прокрался на цыпочках в его комнату и насыпал в кормушку семян.

Вспоминай я почаще о том, что его надо кормить, возможно, мой авторитет в его глазах несколько возрос бы. Может быть.

— Ну и что с того? — продолжил я беседу. — Если это нехорошие люди, так они заслуживают, чтобы я выкачал из них бабки. — Элеонора постоянно учила меня, что происхождение денег не имеет значения. — Если же они окажутся порядочными, то получат полностью все, за что платили.

Более или менее. Иногда клиенты получают совсем не то, на что надеются. В результате одного такого дела Элеонора и поселилась под крышей моего дома.

Я не сразу перерос детское представление, что клиент за свои деньги должен получить именно то, что желает. Наверное, я старею и в силу этого пытаюсь выдавать клиентам только такие результаты, которые они, по моему мнению, заслуживают.

Итог, как вы понимаете, получается довольно неоднозначным. Но даже и при таком отношении я получаю больше предложений, чем мне хочется. Конечно, часть потенциальных нанимателей тे-

перь старается избегать меня — особенно те, кто грабит людей не с помощью клинка, а посредством бумаги. Всякие пройдохи адвокаты и другие крючкотворы. Многих из этого племени довелось мне привести в жалкое состояние.

Вообще-то, по правде говоря, я усердно бегу от работы. Считаю, что никому не следует трудиться больше, чем ему того хочется. Поймите меня правильно, я, естественно, не против иметь гарем и замок о пятидесяти комнатах. Но заработай на это один раз — и дальше придется вкалывать на их содержание. А я знаю, что ни замок, ни гарем не принесут мне в этом случае никакого удовольствия.

Прикончив несколько кружек пива и разработав общую схему действий, я заявил, обращаясь к Элеоноре:

— Отправлюсь-ка я в «Домик Радости» Морли и поболтаю там с парнями.

Она в ответ только ухмыльнулась.

— Мне надо послушать, что толкуют на улицах о Мэгги Джени.

Элеонора не верила ни одному моему слову.

Да, пора подумать о том, чтобы сменить подружку.

13

Сам Морли Дотс никогда не меняется, чего нельзя сказать об окрестностях его жилища. Когда-то, давным-давно, это было одно из самых ужасающих мест в городе. Стоило вам потерять бдительность, и вас там вполне могли пришить за сумму, на которую не купишь и тарелки супа. Но Морли недолюбливал ссоры и иногда даже выступал арбитром в разборках уголовного мира, и район, в котором он обитал, обрел некоторую респектабельность, и его даже начали именовать Зоной безопасности. Те, кто живет и работает в подполье, встречаются и договариваются здесь без опасения нарваться на неприятности, неизбежно подживающие их в других районах Танфера.

Каждому городу необходимо спокойное место, где без помех можно вести дела.

— Ооо-уоо! — прокричал какой-то тип, вылетая из дверей заведения Морли как раз, когда я к ним подходил. Я успел увернуться. Парень приземлился где-то посередине улицы. Бедняга попытался бежать, и у него это вполне прилично получалось, пока он не наткнулся на поилку для лошадей и не рухнул в нее. Из каменной ванны взвился зеленый фонтан зацветшей воды.

Второй человек, вылетевший из дверей, походил на морскую звезду. Он вращался в воздухе, широко раскинув ноги и руки. Это оказался один из головорезов-офицантов, работающих у Морли. Что-то у них перепуталось. Ведь все офицанты Морли по совместительству вышибалы, и, как правило, не им приходится ездить мордами по каменной мостовой. Офицант с воем заскользил по булыжникам, подскакивая, как брошенный по воде камень, и врезался в парня, пытавшегося не захлебнуться в лошадиной поилке. Если хотите знать мое мнение, то сооружение этих корыт на улицах города является серьезнейшей ошибкой. Эти поилки приманивают лошадей, а в Танфере и без них хватает чудовищ.

Опустившись на четвереньки, я подобрался к дверям и, осторожно заглянув, открыл истинную причину столпотворения.

Черный мужчина, со сложением бегемота, фура на три выше меня ростом (он пригibaлся, чтобы не проломить потолок), развлекался тем, что очищал помещение. Парень рычал и ревел, разбрасывая посетителей и мебель. Тем, кто по чистой случайности вылетел за дверь, повезло. Они выбыли из игры. Тех же, кто пытался скрыться самостоятельно, верзила хватал за воротник и тянул назад — поразвлечься.

Пол у стен был усеян жертвами. Глаза великана ярко сверкали. Никто из простых смертных не мог утихомирить его. Некоторые, весьма искушенные в битвах, видимо, уже попытались и нашли себе место среди павших.

Я знал берсерка. Плеймет. Один из моих самых старинных друзей — кузнец и содержатель конюшн, религиозный человек, самый милый из всех обитающих на земле людей. Он сворачивает с дороги, дабы ненароком не раздавить букашку. Я видел, как однажды он рыдал над трупом собачонки, раздавленной экипажем. Как и каждый из нас, он отслужил свое в Кантарде, но я

уверен, что и там он избегал насилия в отношении кого бы то ни было.

Я подумал было уговорить его успокоиться. Но тут же оставил эту затею. Мы были хорошими друзьями, но несколько хороших друзей Плеймента, как я смог заметить, уже валялись среди павших.

За пять лет службы в Королевской Морской пехоте я очень хорошо понял, что значит быть героем.

Я не мог себе представить, что могло так вывести Плеймента из себя.

Морли Дотс был как всегда элегантен, но не как всегда возбужден. Слегка темнокожий и очень красивый, он, на мой вкус, был одет чересчур щегольски. Все наряды на нем постоянно сидят как влитые, мои же через десять минут носки выглядят так, словно я в них спал.

Морли впал в такое отчаяние, что уже начал заламывать руки.

Думаю, и мне пришлось бы не по вкусу, если бы кто-то вдруг начал разорять мой дом. Вообще-то «Домик Радости» служит лишь крышей (Морли — профессиональный убийца и костолом), но тем не менее заведение процветает.

Кто-то невысокий и тощий вдруг вынырнул из толпы и прыгнул на спину Плеймента. Гигант взревел и закружился на месте, но всадника ему сбросить не удалось. На его спине сидел Стручок — племянник Морли, которого мамаша сплавила брату, не в силах совладать с сыном.

Сначала Стручок стремился просто удержаться. Справившись с этим, он освободил одну руку и запустил ее себе за пояс. Плеймент кружился не переставая. Постепенно он начал понимать, что простое кружение, пусть даже сопровождаемое ревом и воем, не избавит его от нежелательного седока.

Он остановился, определил нужное направление по видимым ему одному звездам и решил двинуться спиной вперед к стене, чтобы размазать по ней Стручка.

У мальчишки, однако, имелись свои планы. Он решил стать героем в глазах своего дяди.

Мальчонка не был глупцом, он просто страдал от свойственной эльфам самоуверенности.

Его рука вынырнула из-за пояса. В кулаке оказался зажат черный матерчатый мешок — набросить Плеймету на башку. Кое-кому эта идея не пришлась по вкусу.

Надо сказать, что мешок являл собой знак высокого уважения, которым пользовался здесь Плеймет. Парень вознамерился уничтожить мир, и никто не пытался его остановить, просто-напросто убив. Все в заведении желали только одного — поставить берсерка под контроль. Гарантирую, что такое отношение весьма нетипично для Танфера, где ничто не ценится так дешево, как жизнь.

Морли вступил в дело, как только понял, чего хочет парнишка. Он не бежал и даже, казалось, не очень торопился, но тем не менее каким-то непостижимым образом оказался на месте вовремя, в тот самый момент, когда Стручок натянул мешок, и через мгновение после того, как Плеймет начал пятиться к ближайшей стене. Морли подставил ногу к пятке гиганта.

Бум!!!

Плеймет неуклюже рухнул на пол. Стручок спрыгнул вовремя, избежав участия бутерброда. Везунчик. Вместо того чтобы превратиться в лепешку и затем собирать раздробленные кости, он вышел из дела целым и невредимым.

Иная участь ожидала Плеймета. Мой приятель хотел подняться, но Морли обрушил на него град ударов, таких частых, что мелькающих рук почти не было видно. Плеймету это явно не понравилось. Он, видимо, решил, что настало время снять мешок и взглянуть, кто доставляет ему такие неприятности. Морли начал еще стремительнее обрабатывать великана, в основном те части тела, удары по которым лишают обычного человека способности двигаться.

И вот наступил миг, когда Плеймет, погребенный под десятком тел, наконец прекратил борьбу.

14

Морли, тяжело дыша, взирал на Плеймета сверху вниз. Я вошел в помещение, распльввшись в улыбке.

— Поздравляю. Вы все-таки уложили его.

Морли посмотрел на меня остекленевшими глазами. На какой-то миг он меня не узнал. А узнав, взвыл:

— Боже мой! Ты. После всего тебя здесь только и не хватало!

Я оглянулся посмотреть, кто посмел вызвать такое расстройство чувств у моего лучшего друга. Сейчас я ему покажу! Но парень оказался слишком быстр. Кроме меня, в дверях никого не было.

Я изобразил на физиономии обиду. Мне частенько приходится забегать по делу в заведение Морли, и его служащие постоянно изводят меня. Естественно, я не даю им спуску.

Облюбовав столик и выбрав стул, я расположился поудобнее и, рассмотрев как следует Плеймента, спросил:

— Что случилось? Чтобы этот парень обидел муху, его надо до ушей накачать наркотиками.

Морли сделал несколько глубоких вдохов, успокоился, при-двинул стул и присоединился ко мне.

— Превосходный вопрос, Гаррет.

Плеймент не двигался. Рев, исходивший из-под горы тел, подозрительно напоминал храп.

Морли Дотс невысок по меркам взрослого человека. Но он не совсем человек. Его предки были темные эльфы. Кроме того, он никогда не позволял ничему человеческому в нем вставать на его пути.

Быть может, во всем виновата кровь гибрида, текущая в жилах Морли. Он соткан из контрастов. Его профессия противостоит его хобби. Заведение с вегетарианским меню стало притоном для половины отъявленных уголовников Танфера. Еще контраст: одна половина его клиентов — отпетые бандиты, другая — клоуны, желающие питаться только здоровой пищей и с наслаждением по-глощающие растительную массу неизвестного происхождения.

— Мальчишка повел себя прекрасно, — заметил Морли, бросив взгляд на Стручка. Настоящее его имя — Нарциссио. Но так его называла только мамочка.

— Очень хорошо, — согласился я. — Типичный пример, когда храбрости больше, чем мозгов.

— Что ж, здесь он следует семейным традициям.

— Итак, что же случилось?

Морли, мгновенно раскалившись добела, проорал:

— Эй, Яйцеголовый! Немедленно яви передо мной свою дурацкую жопу!

Я сильно изумился. От Морли очень редко можно услышать вульгарность. Он считает себя всего лишь эдаким шалуном-джентльменом. Эти шалуны-джентльмены скользкие, будто смазаны свиным салом. Но злодей остается злодеем, и Морли один из худших, потому что ему постоянно удается выскользнуть сухим из воды. Мне следовало бы прихватить его, и я не делаю этого только потому, что он мой друг.

Из кухни возникло существо разбойного вида. Оно было обличено в белый поварской наряд, но его послужной список был начертан шрамами на роже. Он был стар и казался тупым как пень. Так вот что случается с крутыми парнями, если они доживают до старости. Все ясно. Они становятся поварами или официантами. Но, честно говоря, я не представлял себе, как этот тип ухитрился дожить до преклонных лет и появиться здесь. Для такого, как он, пережить день — уже большое везение.

Может быть, боги любят ущербных?

Морли поманил его к себе.

Яйцеголовый неохотно двинулся к нам, бросая короткие взгляды в сторону Плеймета, который открывался взгляду по мере того, как люди вылезали из кучи-малы и отправлялись собирать кости своих товарищей.

— Ничего себе заваруха! — начал Морли.

— Ага, босс, заваруха что надо.

— Как ты думаешь, почему я не могу избавиться от мысли, что это целиком твоя вина? Не потрудишься ли объяснить, почему передо мной сразу возникло твое лицо, как только мой друг поинтересовался, что здесь случилось.

Неужели сегодня действительно день чудес? Он никогда раньше не называл меня своим другом.

— Наверное, потому, босс, что вы знаете о моей любви к хохмам, — пробормотал Яйцеголовый.

— Значит, это одна из твоих шуточек, — проворчал Морли.

Плеймет спал как дитя, но он мог проснуться в любой момент и начать крашить все заново.

— Значит, это было большое *Ха-ха*? — продолжал Морли допрос суровым тоном и так громко, что его наверняка было слышно на улице. Он был сердит. Яйцеголовый же пришел в ужас. — Так что же ты сотворил?

— Подкинул ангельской травки в его салат? — Яйцеголовый задал вопрос, как уличенный во лжи ребенок, изыскивающий новую тактику спасения.

— И много?

Превосходный вопрос. Ангельская трава получила свое название не потому, что отправляет ваши фантазии в рай. Просто если вы не будете соблюдать осторожность при ее потреблении, то сами отправитесь в лучший мир. Добавить ее в салат — превосходный способ избавиться от любого, поскольку трава похожа на шпинат, только чуть-чуть голубоватого оттенка.

— Поздюжинны листочеков. — Яйцеголовый хотел отвести взгляд в сторону, но был не в силах оторвать глаз от Морли.

— Поздюжинны? Достаточно, чтобы убить практически любого.

— Он ведь не совсем человек, босс. Что твоя гора. Я думал, что...

— Вот в этом-то и вся суть. — Морли заговорил тихо, почти нежно (это значит, что он готов к убийству). Яйцеголового начала бить дрожь. — Я же предупреждал тебя, когда нанимал, что ты не должен думать. Твое дело — резать овощи. Убирайся!

— Послушайте, босс. Я мог бы...

— Тебя больше здесь нет, Яйцеголовый. Вон дверь. Ты предпочтитаешь выйти самостоятельно или желаешь, чтобы тебя вынесли? Решай побыстрее.

Яйцеголовый глотнул воздух широко открытым ртом и направился к выходу, с трудом выдавив:

— О... Конечно.

— Он уносит на себе поварское обмундирование, — заметил я.

— Пусть. Я не хочу устраивать сцен по мелочам.

Пришлось прибегнуть к фокусу с бровью.

— Ненавижу увольнять людей, Гаррет.

Не опуская брови, я округлил глаза: и это говорит самый опасный наемный нож в городе? За кого он меня принимает?

— Я вынужден сделать это, — продолжал он нести околесицу, — заботясь о процветании своего бизнеса. К тому же я задолжал ему жалованье за восемь дней. — Прежде чем я успел прокомментировать его слова, Морли спросил: — Что на этот раз привело тебя ко мне, Гаррет?

— А как насчет тарелочки той штуки из неочищенного риса с черными грибами, зародышами гороха и другой чепухой? — Я бросил на стол деньги.

Пришла его очередь с интересом взглянуть на меня округлившиеся глазами. Он собрал монеты и изучил их, как будто опасаясь фальшивки.

— Ты будешь питаться? Здесь? И готов за это платить? — С этими словами он прикусил монету своими клыками — классический прием проверки полноценности металла.

— Я ни за что не опущусь до того, что стану претендовать на привилегии, ссылаясь на нашу дружбу. Настало время чудес. Ты обратил меня в свою веру, и я возродился к новой жизни. С этого момента не стану вкушать ничего, кроме болотного тростника и коры хинных деревьев, посыпанных гравием.

15

Морли носком ботинка пошевелил руку Плеймента.

— Он жив, но я не могу объяснить, почему. — Он вернулся к тому месту, где я жадно поглощал свои черные грибы. Правда, чеснока в рисе было гораздо больше, чем грибов. — Пытаясь отпугнуть вонью девиц?

— Для этого мне не нужен чеснок. У меня природный талант.

Он не был в настроении почесать язык. Наверное, и мне не слишком захотелось бы поболтать, если бы мое жилье вдруг приобрело такой же вид, как его заведение.

— Итак, во что ты снова влиз, Гаррет? Что тебе от меня надо?

— Я занят обнаружением пропавшего человека.

Обожаю слово «обнаружение». Я рассказал ему все, опуская лишь те моменты, о которых подлинный джентльмен не должен упоминать, и, заканчивая рассказ, сказал:

— Мне хочется услышать все, что тебе известно о Мэгги Дженн. Похоже, она ведет со мной какую-то игру.

— Каждый с каждым ведет свою игру. Не думаю, что ты встречался с подлинной Мэгги Дженн.

— А?.. Как?..

— Обожаю глубокомысленные замечания. Думаю, на тебя пал выбор только по причине твоего неведения.

— Благодарю. Может, теперь ты зажжешь факел и, раздув пламя, рассеешь окружающую меня тьму?

— Нет. Пожалуй, я не совсем прав. Никто не может быть вовлечен в дело, затрагивающее интересы королевского семейства без... впрочем, с другой стороны...

— Прекрасно. Но я-то этого не знаю. Именно поэтому я здесь.

— Нельзя полностью исключить, что ты провел вторую половину дня с любовницей короля, но я считаю это маловероятным. После того как ее Тедди откинул копыта, Мэгги Дженн удалилась в добровольное изгнание на остров Пэз. Может, у Мэгги и была дочь, но я о ней ничего не слыхал. Правда, ребенок такая штука, о которой все предпочитают помалкивать. С другой стороны, домик на Холме вполне смахивает на подарок, преподнесенный Теодориком своей девке. Любопытно.

Любопытно? Слишком мягко сказано.

— Я, Морли, в полной растерянности. Не вижу в деле никакого смысла.

— Только потому, что у тебя нет ключа.

— У меня нет ключа, замка и самих треклятых дверей. Со мной ведут игру? Прекрасно. Я принимаю ее. Такое случается постоянно. Но женщина заплатила за то, чтобы я обнаружил ее дочь.

— Заплатила? И хорошо?

Я так и не понял, улыбнулся он или просто криво ухмыльнулся.

— Ну скажем так — прилично. Достаточно, чтобы ожидать от меня какого-то результата. Даже на вершине Холма деньгами просто так не швыряются.

— Тонкое наблюдение.

— Если бы Мэгги Дженн вернулась, — продолжал я, — что бы она стала делать?

— Ну, во-первых, у нее нет никакого резона возвращаться. Там она живет не хуже королевы. Здесь же у нее не будет ничего, кроме забот и неприятностей. — Бросив взгляд на Плеймета, Морли заметил: — Жаль, что ты не появился раньше. Этот тип постоянно следит за событиями в королевском семействе.

— Всю неделю он будет способен только выть от головной боли.

— А ты торопишься?

Я немного пораскинул мозгами:

— Вообще-то не очень. Непосредственной опасности для себя я не вижу. Любопытно решить головоломку. Мэгги тоже, похоже, не шибко торопится, хотя и говорит, что беспокоится.

— Ты принял ее рассказ за чистую монету?

Я никогда полностью не покупаю рассказы клиентов. Какие-то неизвестные мне законы природы заставляют их наполовину врать.

— Возможно. Во всяком случае, частично. Но создается впечатление, что даже и правдивая часть используется для иной цели.

— Я пошевелю щупальцами, чтобы позондировать почву. А ты тем временем загони в угол Торнаду.

— Да, я намеревался сделать это. — Честно сказать, я не питал больших надежд, что из нее удастся что-нибудь выжать. — Хотя идея не шибко аппетитная.

— Да, девица — тот еще фрукт, — хихикнул Морли. — С ней можно совладать: представь дело так, будто мысль поделиться сведениями родилась в ее головке.

— Хитроумно. Но как?

— С большим трудом.

— Подобный совет я мог получить от своего попугая, сэкономив на этом рыбьем корме.

— Судя по твоему лепету, Дина нет в городе, а Покойник дрыхнет. Ты соскучился по общению. Я всего лишь хотел, чтобы ты чувствовал себя как дома. Вот что бывает, когда пытаешься поступать по-дружески! — На его роже расплылась дьявольская улыбка темного эльфа.

— Если хочешь быть настоящим другом, разузнай все о Мэгги Дженн.

— Ладно, так и быть, постараюсь, — произнес он серьезно, уже без улыбки.

Морли сделает все, что в его силах, так как считает себя в долгу передо мной. Я с ним в этом согласен и действую как ростовщик-акула.

— Мысль о постели становится мне все роднее, — сказал я. — Денек сегодня выдался нелегкий.

Морли в ответ буркнул что-то невразумительное. К нашему столу подошел его племянник. Не поняв намеков, что ему следует убрать от нас подальше свои большие уши, он придинул стул и уселся на него верхом. Вокруг нас, негромко жалуясь на ушибы и вывихи, двигались служащие Морли. Они пытались привести помещение в относительный порядок.

— Как поживает мистер Большая Шишкя? — поинтересовался Стручок.

Я выругался.

Как-то Морли, пребывая в настроении Яйцеголового, прислал мне попугая. Вообще-то это не в его характере, и я подозреваю, что аферу разработали другие лица. Птицу передали мне с заверениями, что она люто ненавидит кошек и натаскана бросаться на них сверху. Я принял подарок, поскольку у Дина развилась дурацкая страсть коллекционировать потерявшихся кошек.

Стручок с укоризной взглянул на меня. Он единственный в мире находит прелесть в этом сквернослове, в этом цыплаке из джунглей. Парень любил птичку. Покойник, правда, тоже использует Попку-Дурака. Куда бы я ни направлялся, он способен послать вслед за мной горластое пернатое существо.

Я пытался отдать чудовище в любые руки. Желающих не находилось. Я предоставлял ему возможность улететь. Он не возжаждал свободы. Я был готов предпринять самые героические меры — лишь бы избавиться от птицы.

— Стручок, если ты так беспокоишься о попугае, то почему бы тебе не забрать его совсем? Ему так нужен дом, где бы его все ценили.

— Нет, он не возьмет его, — осклабился Морли. — Это твоя птица, Гаррет.

Я приуныл. В этой битве победа осталась не за мной.

Дотс вновь обнажил в осколе все свои остроконечные зубы.

— Мне приходилось слышать, что некоторые попугаи живут добрую сотню лет.

— Некоторым, быть может, это и удается. Но только на воле.

Вообще-то можно отдать мистера Большую Шишку в качестве гуманитарной помощи голодающим крысюкам, подумал я, но вслух произнес:

— Ну я пошел, дружище.

Морли захочотал мне вслед.

16

На улице оказалось хоть глаз выколи. Плохо.

Скверно и то, что я не заметил их приближения. У меня не было возможности подготовиться.

Тем не менее я дал бой. Мне удалось серьезно повредить несколько черепов своей тяжелой дубовой дубинкой, которую всегда ношу с собой, отправляясь в город. Я даже забросил одного парня в единственную на всей улице стеклянную витрину. Но смыться я не сумел. Мне так и не представилось возможности использовать те козыри, которые я обычно прячу в рукаве.

Кто-то сбоку опустил мне на голову дом. Думаю, что это был дом. Должен был быть дом, потому что ничем другим такой удар нанести невозможно. Я отпал, продолжая размышлять — кто и почему.

Обычно, склонившись на крыше, я прихожу в себя очень медленно. На сей раз все было иначе. Минуту назад я пребывал в стране грез и вот уже дергаюсь вниз лицом, завернутый во что-то мокрое, и в нескольких дюймах от моего носа упывает назад пол. Меня несли четверо парней. Неизвестно откуда на пол падали красные капли, хотя я хорошо помнил, что вина не пил. Голова разламывалась так, как не разламывалась с первого дня творения.

Пара милых женских ножек вышагивала почти рядом с моим лицом, так что при желании я мог укусить любую из них. При иных обстоятельствах я мог бы полнее оценить эти стройные конечности и посвятить часы их изучению. Но каждый, увы, вынуж-

ден исходить из существующих реалий и смотреть на мир в должной перспективе.

Дела мои обстояли не блестяще. Положение, в котором я оказался, было не совсем обычным. Я постарался забыть про боль и немного подумать.

Ага! Оказывается, меня завернули в мокре одеяло. Это открытие не сделало меня счастливее. Мне вовсе не хотелось быть шутом на чьем-то празднике. Я ревел, выл, извивался, дергался и сучил ногами. Но это ни на кого не произвело ни малейшего впечатления. Я исхитрился увидеть, что находится выше этих роскошных ножек. Все до самого верха было не менее роскошным. Я даже мог полюбить ее. Но не сейчас и не здесь, а, возможно, у жаркого камина, на медвежьей шкуре, с бутылкой «Транферского золотого»...

Зато как выглядели носильщики, мне совсем не понравилось. Совсем не та шпана, с которой мы плясали в темноте. Те были стандартной дешевкой, готовой на все ради выпивки. На этих же клоунах напялена грязная, потертая униформа.

Как-то невесело.

Они все вели себя не так, как подобает разумным людям. Не отвечали на вопросы. Не отвечал ни один, за исключением Мисс Ножки. Да и та только издавала какие-то исполненные печалью звуки.

Наконец меня внесли в длинный зал.

Длинный зал? А откуда здесь такая вонь?

Все, кроме меня, остановились. Я же продолжал волить и дергаться. Дело становилось все серьезнее. Я понял, где нахожусь. Это было безумное отделение в Бледсо — имперской благотворительной больнице.

Империя уже давно перестала существовать, но дела ее продолжали жить, а императорская семья все еще надеялась, что ее призовут назад. Она поддерживала больницу, обслуживающую самых безнадежных бедняков.

Психушка — отвратительное место. Они засовывают вас туда навеки. Не имеет значения, что это сделано по ошибке.

— Эй! Отпустите меня! Что, дьявол бы вас побрал, происходит? Разве я похож на безумца?

Последний вопрос был явно не по делу. Я выглядел как классический экземпляр сумасшедшего. Кроме того, они уверены: был бы я здоров, не попал бы к ним в лапы.

Боже, такой грязной шутки со мной еще никто не вытворял.

С громким стуком распахнулась дверь. Дуб и железо девяты дюймов толщиной. Я ясно узрел свою судьбу.

Один из носильщиков что-то проревел. Какие-то люди разбежались в стороны. Парни швырнули меня через дверной проем, естественно, задев моим телом за раму. Приземление было крайне жестким. Мисс Ножки проводила меня жалостливым взглядом. Дверь захлопнулась прежде, чем я сумел убедить ее в том, что произошла ужасная ошибка.

Покатавшись по полу, я освободился от обертки, вскочил на ноги и потратил зря время, барабани в дверь. Я исчерпал весь свой подходящий к ситуации лексикон, но сделал это без того энтузиазма, который мог бы проявить, если бы голова не болела так сильно. Впрочем, я не надеялся на успех, понимая, что зря трачу время. Но ритуал всегда следует соблюдать.

Услыхав позади себя шум, я обернулся и увидел по меньшей мере с десяток человек, не сводящих с меня глаз. Я посмотрел, что происходит в палате за их спинами. Там топталось еще множество народа, заинтересованного появлением в их обществе нового лица. Некоторые внимательно изучали мою одежду. Пациентам явно не меняли наряд последний десяток лет, а не мылись они, очевидно, с начала века. Палата и являлась источником вони, которую я почувствовал еще в зале. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять — весь приветственный комитет состоит из естественных обитателей данного заведения. Это можно было прочитать по их глазам.

Я еще немного поорал и побарабанил в дверь. Медицинское обслуживание не улучшилось ни на йоту.

Слава Богу, что они не бросили меня к буйным. Возможно, у меня оставались кое-какие шансы на выздоровление.

Какой-то старичок, в котором по виду было не более пятидесяти фунтов весу, приковылял ко мне.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

— Пять минут назад, Айви я поживал просто прекрасно.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

— Он больше ничего не говорит, приятель.

Верно. Я обучаюсь довольно быстро. Айви даже не смотрел на меня.

— Усек, — ответил я.

Парень футов девяти ростом захокотал и выдавил:

— Ты, приятель, не обращай внимания на Айви. Он псих.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

Это была только самая верхушка айсберга. Она оказалась не такой страшной. То, что я пока не успел увидеть, наверняка более жутко.

Кто-то, немного поразмышляв, вдруг заорал моему собеседнику:

— Ты что-то разболтался, безмозглый!

— Да? Что ты понимаешь? Это место не для меня. Кто-то подсунул мне наркотики и определил сюда. Я здесь проснулся.

О Боже! Товарищ по несчастью. Я начал проникаться к нему сочувствием и проникался до тех пор, пока какой-то идиот не завизжал:

— Паузиффл! Паузиффл-физ!

Мой товарищ по несчастью согнул ноги в коленях, ссутулился и, рыча, начал носиться кругами по палате, очень покожий на гориллу. Его вой мог привести в ужас даже бэнши.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

К шуму, учиненному великаном, присоединились разноголосые вопли других обитателей палаты. В общем бедламе я уловил крик, который мне уже доводилось слышать на одном из островов в Кантарде. Так кричал раненный в живот солдат, оставшийся на ничейной земле. Он умолял добить его. Солдаты обеих сторон охотно откликнулись бы на его просьбу, если бы сами не опасались пасть жертвой снайпера. Поэтому каждый лежал, слушал, стиснув зубы, и благодарил своего ангела-хранителя: ведь любой из нас мог оказаться на месте несчастного.

Я посмотрел на дверь. Возможно, мне все же удастся уговорить отпустить меня?

А может быть... Содержимое моих карманов оказалось нетронутым. Те, кто бил меня, видимо, торопились избавиться от своей жертвы побыстрее. Настоящее сбощище прикурков.

Пациенты постепенно приблизились ко мне, решив изучить внимательнее. В основном те, кто одной ногой все еще пребывал в реальном мире. Многие из них выглядели испуганными словно мышки. Они бросились врассыпную от одного взгляда. Другие же... Некоторые, как и я, видимо, попали сюда по ошибке. Но в отличие от меня им следовало находиться не на воле, а в отделении для буйных, и мне очень хотелось, чтобы они отошли подальше.

Уверенность в незаконности моего помещения в психушку только окрепла, когда я обнаружил, что мои карманы не опустошили. Если бы все шло согласно закону, вся моя собственность была бы изъята и я никогда бы больше не увидел ее.

У меня появилась надежда. Очень маленькая — размером с таракана.

Окружающая обстановка не очень вдохновляла. Палата — сто футов шириной, три сотни футов длиной и высотой в два этажа. На полу ряды и ряды тюфяков.

До потолка добрых двадцать футов. В стене напротив двери пробиты оконца настолько маленькие, что взрослый человек не смог бы сквозь них прятиснуться, даже если бы и удалось распилить толстую металлическую решетку. Вдобавок ко всему эти амбразуры располагались очень высоко. Возможно, днем через них и поступает кое-какой свет. Сейчас же палата освещалась (если это можно назвать освещением) от светом, проникающим из окон на стене со стороны дверей, то есть оттуда, где находились охрана и медперсонал, наблюдавший за пациентами.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

— Я, Айви, поживаю просто превосходно. Что ты думаешь о том, чтобы убраться побыстрее из этого сортира?

Айви изумленно взглянул на меня. Почесал в затылке и заковылял прочь.

— Эй! Здесь есть желающие бежать?

17

Мое обращение не вызвало, прямо скажем, всеобщего восторга. У большинства пациентов, сообразил я, настолько поехала крыша, что вытащить их отсюда можно только силком, а остальные решили, что крыша поехала у меня.

Но что это? Неужели кто-то откликнулся на призыв к мятежу?

Гигант, который предупреждал меня относительно умственных возможностей Айви, восстановил свои мыслительные способности. Подойдя ко мне, он произнес:

— Ничего у тебя не выйдет, Ловкач. Если б было можно, половина здешних ребят давно свалила.

Я огляделся. Ситуация лучше не стала.

— Здесь кормят?

Великан ощерился улыбкой боцмана, снисходящего до беседы с салагой.

— Дважды в день. Не важно, хочешь ты жрать или нет. Только там железные прутья. Разуй глаза.

Я пожал плечами. Я разул глаза. Железные прутья не оставляли никакой надежды.

— Дела настолько дермовые, что лучше немного соснуть и лишь после этого начать волноваться. — Я принялся искать глазами свободный тюфяк. Следовало немного подумать. И прежде всего о том, как я оказался в такой замазке.

Мне хотелось завопить так же громко, как мои сотоварищи-психи.

— Тебе придется встать в очередь за постелью, — предупредил мой доброжелатель. — Заведешь друзей, глядишь, кто-то и поделится. Если нет, будешь ждать, пока кто-нибудь не померт.

Он проговорил это небрежно, как само собой разумеющееся. Удивительно. Полное воплощение закона природы: выживает сильнейший.

— Славная ночлежка, — бросил я, усаживаясь рядом с дверью.

Здесь был самый малонаселенный район. Во всяком случае, можно протолкаться локтями. Я притворился спящим.

В палате не было видно мертвцев и отсутствовал трупный запах. Значит, персонал поспешно выволакивает жмуриков. Интересно, можно ли, используя это, изобрести трюк, с которым надзиратели пока не знакомы.

Продумав варианты мятежа, я решил, что шансы на успех минимальны. На месте персонала я просто поморил бы нас немногого голодом, пока бы все не успокоились.

— Как вы живете? Меня зовут Айви.

Мое притворство не ввело Айви в заблуждение. Я решил вытащить его из этого дома страданий.

Меня осенило. Неожиданный вариант первоначальной идеи мятежа. Отправившись на поиски своего сообщника, я обнаружил его сидящим у стены. Опустившись рядом с ним на твердый деревянный пол, я заметил:

- Вся задница в занозах.
- Пошли кого-нибудь за креслом.

Остряк.

- Что-то очень тихо. Почему бы это?
- Наверно, потому, что сейчас середина ночи, чтоб ты сдох!

И выражается красноречиво.

— У нас здесь один главный крикун — если, конечно, не считать моего собеседника. Впрочем, сейчас все молчали. — Я слышал, здесь много любителей повопить. Особенно ребят, не способных совладать с воспоминаниями о Кантарде.

Лицо его потемнело:

— Да. Есть такие. Если они чересчур расходятся, в них влияют наркотики. Как только один начинает волить, остальные тоже вступают.

Интересно.

- Не смог бы ты прямо сейчас завести хотя бы одного.

Внимательно изучив меня, он спросил:

- Куда ты гнешь, Ловкач?

Он справедливо полагал, что должна быть весьма веская причина, чтобы учинить подобный трюк.

- Хочу сгинуть отсюда.

- Забудь. Ничего не выйдет.

— Может быть. Но они не очистили моих карманов, перед тем как бросить сюда. Можно попытаться рискнуть.

Он ударился в размышления. От усилий его лицо приобрело еще более темный оттенок.

— Да... Да! У меня есть дела на свободе. Да. Если ты сумеешь открыть эту чертову дверь, я рискну.

— Как ты думаешь, кто-нибудь из этих парней способен помочь?

— Многие уйдут, если стены рухнут. Но почти никто не поможет их кружить.

— Ладно, можешь для начала заставить этих ребят завопить?

— Само собой.

Он поднялся, пошел в глубь палаты и, с кем-то пошептавшись, вернулся ко мне. За ним следили десятки глаз. Человек, которого он навестил, начал вскрикивать. По моей спине поползли мурашки. Это был стон потерянной души.

— Нормально? — поинтересовался мой главный сообщник.

— Превосходно, теперь найди парней, которые согласятся активно помочь.

Он снова удалился, и в действие вступил я:

— Эй там! Заткнитесь! Не мешайте спать!

Парень не замолкал, а я очень опасался, что он меня послушается. Я глянул в сторону наблюдательных окон. За ними находились какие-то люди, но шум их совершенно не интересовал. Неужели они настолько равнодушны? Необходимо, чтобы меня заметили.

Я заорал на крикуну. Кто-то заорал на меня. Я, в свою очередь, — на него. Какой-то гений во весь голос потребовал, чтобы мы оба заткнулись. Шум нарастал. Мы напоминали собой стаю обезьян. Некоторые пациенты начали двигаться. Они бродили без цели, тихо, как тени.

Шум наконец достиг ушей типа на дежурстве. Он посмотрел через окно. Положение дел в палате его, по-видимому, не обеспокоило.

Я завопил громче, чем главный крикун, угрожая придавить его, если он не заткнется.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

— Пакуй чемодан, Айви. Мы получаем счет в этой гостинице для психопатов.

Появился верзила и спросил:

— Я нашел с дюжину желающих, Ловкач, этого достаточно?

— Более чем. Теперь я хочу, чтобы все отошли от двери. Боюсь, когда они войдут, оставаться там будет крайне неприятно.

Во всяком случае, я на это надеялся.

— Они не дураки, Ловкач, сообразят, что заваривается каша.

— Плевать Не имеет значения. Мне только надо, чтобы открыли дверь.

Он хмыкнул, совершенно уверенный, что я затеял дурацкое дело.

Я еще громче заорал на крикуну.

Теперь в наблюдательном окне виднелось несколько человек, включая Мисс Великолепные Конечности.

Я хихикнул про себя, уверившись, что нахожусь на пути к спасению. Ни одна женщина не может трудиться в Бледсо, если она не испытывает жалости к пациентам. Я взревел и, промчавшись по тюфякам, начал душить самого громкого крикуну.

Мой сообщник схватил меня за рукав, делая вид, что оттаскивает от жертвы. Я дал ему очередные инструкции. Парень оказался неплохим актером.

Я же был само совершенство. Сцена выглядела абсолютно реалистично. К моему удивлению, ни один из коллег-пациентов не сделал попытки остановить меня.

Я только слегка придушил свою жертву. Он всего-навсего потерял сознание.

Промчавшись в другой конец комнаты, я принялся душить следующего горлопана.

Скоро по всему помещению начали носиться люди. Большинство психов вошло в раж. Это, конечно, не мятеж. Настоящее насилие отсутствовало. Но столпотворение было вполне реальным.

Краем глаза я заметил, как женщина спорит с мужчинами. Она на чем-то настаивала, а те отказывались,

Превосходно.

Крошечный, не более трех футов ростом полукровок-орк скрчился у дверей.

Наверху милосердие, видимо, восторжествовало.

Я делал все, чтобы представление не прекращалось. Возможно, некоторые и пострадали, но мне в отличие от Мисс Ножки было, мягко говоря, не до милосердия. Если я буду разыгрывать из себя хорошего парня, то никогда не смогу выбраться отсюда. А если мне не удастся выбраться, то я не сумею проломить черепки тем клоунам, что меня сюда загнали.

Верзила снова возник рядом со мной.

— Они идут, — бросил я ему. — А тебе не следует так часто появляться рядом со мной.

Он выглядел чрезвычайно опечаленным, и я не знал почему.

18

Бросив взгляд на дверь, я предупредил своего высокорослого союзника:

— Спокойно. Нам вовсе не надо вступать с ними в объяснения.

Около дверей никого не оставалось, кроме крошечного гибрида. Он еще пожалеет, что вызвался нам помочь.

— Сколько надсмотрщиков может появиться?

Гигант пожал плечами:

— Смотря насколько они встревожены. Но не меньше восьми — десяти. Так что не зевай.

Он подставил мне подножку. Я заплел его ногу. Мы покатились по полу, стараясь хорошоенько стукнуть друг друга. Похоже, моему партнеру это очень нравилось.

— Они обычно ногами вышибают все дермо из буянов, — проинформировал он, не прекращая борьбы.

— Я догадывался, что это должно входить в программу. Впрочем, кровотечение у меня прекратилось, и я готов ко всему.

Вообще-то я без восторга ждал, когда меня начнут пинать ногами. Конечно, все могло повернуться как угодно, но я все же лелеял надежду, что дела пойдут по плану и моему телу не придется вступать в контакт с сапогами.

Чтобы победить, в победу следует верить.

Я просто обязан был победить. Никто не знал, где я обретаюсь. Дина нет в городе, Покойник дрыхнет, и пройдут недели, прежде чем меня хватятся. Потребуются еще недели, чтобы напасть на мой след, если кто-нибудь вообще захочет этим заниматься.

Я не мог терять столько времени. Те часы, что я провел здесь, — уже перебор. Покойник, конечно, мог хихикнуть и заявить, что я приобрел полезный жизненный опыт — как обычно, когда у меня выдается особенно скверный день.

Если мне не удастся вырваться, то этот день окажется самым скверным днем моей жизни, открывающим бесконечную полосу не менее отвратительных дней.

Женщина не отходила от наблюдательного окна. Я продолжал выть и раскидывать пациентов, слегка придушив самых шумных.

Меня обескураживало, что почти половина обитателей палаты никак не участвовала в происходящем. Многие даже не открыли глаза, продолжая лежать с полным безразличием.

Господи, как это страшно! Если я сейчас не убегу, то через двадцать лет стану таким же.

Подобная перспектива вдохновила меня, и я завыл сильнее. Теперь я пытался орать на разных языках, пуская при этом пену изо рта. Все получалось очень естественно. Возможно, в будущем, когда я стану слишком стар для теперешней работы, мне это сможет пригодиться. Незаменимые способности для человека, намеревающегося основать новую религию.

Дверь распахнулась.

Волшебство! Чудо из чудес! Эти придурки все-таки открыли дверь.

Я двинулся вперед. Санитары-надсмотрщики ввалились внутрь. Видимо, они чувствовали неладное и подготовились ко всему. Все служители психушки были вооружены дубинками и небольшими щитами и казались не ниже двенадцати футов. Первым делом они встали плечом к плечу, образовав тесную группу.

Несколько месяцев назад, слегка отупев от неумеренного возлияния пива, я прикупил кое-что у третьеразрядного чародея, именовавшего себя Устрашающий. Звали-то его Милтон, но, согласитесь, какой идиот поверит в искусство чародея по имени Милтон? Я уже успел убедиться в его истинных способностях, когда, к своему разочарованию, пустил в дело парочку приобретенных у него заклинаний. Его товар продавался с гарантиями, не воспользоваться ими было невозможно — Милтон постоянно пребывал в бегах.

В моих карманах уцелело несколько маленьких пузырьков — все, что осталось от волшебных покупок. Если верить Устрашающему, они очень полезны при столкновении с недружелюбной толпой. Не знаю, мне не довелось их испытать. Я даже не

помнил инструкций Устрашающего, наверное, был в то время мертвейки пьян.

Вот еще одна причина, чтобы мне выбраться отсюда, подумал я. Совершенно необходимо найти старика Милтона и предъявить ему потребительский иск.

Из всех наставлений я помнил одно — ударить бутылочкой обо что-нибудь твердое, а самому отскочить в сторону.

Я выполнил первую часть инструкции и швырнул бутылку. Сосуд пролетел мимо когорты санитаров и, отскочив от стены, покатился под ноги наступающим. По бутылке топали ногами, но она не желала разбиваться.

Все ясно, мой ангел-хранитель принялся за дело. Послав ему проклятие, я сделал вторую попытку.

Второй пузырек разбился. От стены заклубился серый туман и вскоре достиг санитаров. Кто-то выругался. И тут же проклятия переросли в общий вой.

Тем временем мой крошечный доброволец-гибрид проскользнул в дверной проем, чтобы не позволить дверям захлопнуться. Ему придется нелегко, если надзиратели войдут в раж.

Однако они уже потеряли стремление успокоить психов. Санитары были слишком увлечены почесыванием, протиранием глаз и испусканием воплей.

Что ж, быть может, Устрашающий и не совсем жулик.

Вдохнув полную грудь свежего воздуха, я ринулся в атаку. Мне было стыдно, что я использовал столь подлый трюк. Почти стыдно. Я не мог отказаться от него. Если я надолго задержусь в компании Айви и его приятелей, то неизбежно запою тем же голосом, что и они.

Серый туман беспокоил меня не очень сильно. Конечно, по коже пошел легкий зуд. Но что такое зуд по сравнению с чудовищной головной болью и целым акром ушибов.

Кто-то закричал в коридоре. Они оставили человека защищать дверь, и теперь тот вопил на моего крошку, обороняющего выход.

Полукровке крепко досталось. Он надышался серым туманом даже больше, чем санитары.

И все-таки он не покинул своего поста и справился со своей миссией.

Я врезался в дверь с такой силой, что чуть не вывихнул плечо. До чего же больно, Господи! А проклятая дверь подалась лишь настолько, что я с трудом смог притиснуться, перешагнув через воющего гибрида.

— Получи! — взревел я, врезав изумленному надзирателю промеж глаз.

За моей спиной к дверям с топотом двигалась толпа пациентов. Те, кто не задержался свести счеты со своим любимым санитаром.

Естественно — мне всегда везет! — на нашем пути возник еще один взвод надсмотрщиков.

Издав вопль, которому мог позавидовать и бэнши, я продолжил атаку. Господи, пока я вырвусь на свободу, наверняка сорвут голосовые связки.

Эти надзиратели были более крутые и злобные, чем первая шайка. Я насчитал восемь человек. Такой счет меня устраивал, все шансы были на моей стороне — я озверел настолько, что был готов расправиться с целым батальоном.

— Ничего личного, ребята, — заявил я, но тут же изменил точку зрения, узрев двух клоунов, которые волокли меня: — Ну теперь держитесь!

Вначале никто не пришел ко мне на помощь. Неожиданность нападения позволила мне справиться с несколькими санитарами, но затем остальные вступили в дело и начали перебрасываться Гарретом как мячом. Моих сторонников, наверное, часто бивали, и несчастные неуверенно топтались в стороне, пока не возник мой девятивугольный друг.

— Ох! — воскликнул я, разбив чей-то кулак своим лбом. — Что тебя задержало?

Тут-то и началась настоящая битва. Замелькали ноги, кулаки и тела. Я содрал кожу рук до локтей, молотя по подвернувшимся под удар скулам и челюстям. Да и моим скулам и челюстям крепко досталось. По счастью, форма носа не подверглась существенной трансформации.

Однако все это было ничего на фоне одолевавшей меня головной боли.

Воспользовавшись случаем, я возблагодарил природу, что одарила меня такими прекрасными зубами, и погрузил их в тело санитара, которого, судя по его действиям, вовсе не заботило состояние моего здоровья.

Когда перестали летать пух и перья и немного осела пыль, на ногах оставались лишь я и мой крупногабаритный друг. При этом мне требовалась помощь стены.

Я заковылял мимо павших надзирателей к дверям в другом конце зала. Они оказались заперты и выглядели такими же массивными, как и дверь палаты. Вся работа впустую. Я обменялся взглядом с большим парнем. Он ухмыльнулся.

— Я же говорил. — Утерев с лица кровь и ослабившись еще шире, мой друг добавил: — Им не сразу удастся навести порядок. Здесь валяется большая часть ночной смены.

— Прекрасно. Мы на шаг ближе к свободе. Давай-ка оттасшим этих в палату.

Вдруг мы сможем использовать их в качестве заложников.

Неожиданно у нас оказалось множество помощников. Расхрабрившиеся ребята с удовольствием били надсмотрщиков по головам, если они вдруг начинали подавать признаки жизни.

Я проверил стену зала, которую еще не успел изучить. Еще одна банковская дубовая дверь. Естественно.

— Похоже, сегодня не мой день. — Конечно, начинался он неплохо, но к концу мрак явно начал побеждать. — Кто-нибудь знает, когда появится новая банда, чтобы утихомирить нас?

Мой приятель пожал плечами. Активная часть кампании закончилась, и он начал терять интерес к делу.

Я извлек из кармана два небольших складных ножа и подумал, что инцидент может вызвать общественный интерес. Наверняка раздадутся требования провести расследование с целью выяснить, каким образом ножи и волшебные артефакты попали к психически больным людям. Как будто кто-нибудь сомневается, что любой пациент, продемонстрировав наличные, может приобрести все, чего пожелает его нездоровая душа.

Расследование несло с собой луч надежды. Если оно будет достаточно серьезным, то потребуются мои показания. И тогда типы, которые за взятку безосновательно бросают в психушку та-

ких героических личностей, как я, будут выведены на чистую воду. Держи карман шире! Эти злодеи сразу поймут, что мои свидетельства могут положить конец их карьере, и предпримут все меры, чтобы подыскать более покладистых свидетелей.

Я передал большому парню нож:

— Настрогай-ка мне чего-нибудь деревянного. Если мы сумеем запалить приличный костер, то наверняка прожжем себе выход через дверь.

Он ухмыльнулся без недавнего энтузиазма. Похоже, у парня кончается завод.

Однако идея поджога привела в восторг других. Мы начали разрывать тюфяки и тащить тряпки к двери.

И тут на меня накатил еще один вал вдохновения. Правда, он несколько запоздал, не так это бывает с героями приключенческих романов. Я могу объявить себя гением только потому, что эта очевидная мысль осенила меня первым. Ребята из романов планируют такой вариант с самого начала. Это один из их стандартных трюков.

Персонал Бледсо носил хоть и грязную, но все же униформу.

Я организовал костры в обоих концах зала. За ними присматривал Айви. Его словарный запас не расширялся, но сам парень стал более оживленным. Ему так нравились пожары, что он даже понял, когда я сказал:

— Используй побольше конского волоса. Нам надо много дыма.

Источником конского волоса служили тюфяки.

Айви улыбался от уха до уха. Законченный псих, одним словом.

Теперь ход был за служащими больницы. Они не могли взять нас измором, пока полыхал пожар, который следовало тушить.

Я нашел парня следить за Айви и не позволять ему разжечь слишком высокое пламя. Мне уже и без того казалось, что полы прогорят насквозь гораздо раньше, чем двери.

Когда дым стал достаточно густым, я выбрал санитара примерно одного со мной роста и стал меняться с ним одеждой. Бездвижный парень безропотно пошел на обмен.

Мои соратники быстро подхватили идею. Скоро они облачились в униформу. Я специально позаботился, чтобы Айви и боль-

шой приятель обзавелись мундирами. Хотел найти подходящую одежду и гибриду, защищавшему вход, но полукровок был так мал, что затерялся бы и в рубашке.

Теперь, когда шансы на успех дела возросли, у меня появилась масса помощников.

Мы уже почти задыхались от дыма, когда кто-то из персонала решил, что больше медлить нельзя.

19

Мобилизовав всю наличную живую силу, они ворвались одновременно через обе двери, выплеснув перед собой воду из ведер. Поначалу служители сконцентрировались на огне и, справившись с ним, начали крошить всех, кто попался им под руку. Проникнув в палату, они первым делом бросились вытаскивать из нее своих павших товарищей.

Расслабляться было рано — благополучный исход оставался под вопросом.

Дым причинил мне вреда больше, чем можно было ожидать. Когда меня вытащили наружу и я решил, что настало время исчезнуть, мои ноги заявили решительное «нет».

— Не поднимайтесь. Вы еще не полностью оправились.

Чтобы не выдать себя, я не стал смотреть вверх. Мои друзья, валяющиеся рядом, повинуясь инстинктивной мудрости психов, последовали моему примеру. Настоящая команда единомышленников! В коридоре лежало больше двенадцати человек, большинство — обитатели палаты. Остальные мои соратники пали под ударами сил вторжения.

Ко мне обратилась хозяйка очаровательных ножек.

— Прежде всего избавьтесь от дыма в легких, — посоветовала она.

Не поворачиваясь, я откашлялся и произвел еще ряд звуков. Она отошла, видимо, позаботиться о других, подающих признаки жизни. Врач-женщина? Что вы на это скажете? Мне не доводилось слыхивать о таком. Впрочем, почему бы и нет?

Я отполз к стене и, оперевшись спиной, начал потихоньку вставать на ноги. Одновременно, подняв голову, я стал отыскивать путь к спасению. В глазах все двоилось, когда я пытался изучить окружающую обстановку сквозь льющиеся слезы. Вновь почувствовав под собой ноги, я попрактиковался в искусстве стоять без помощи верхних конечностей.

Пока я приходил в себя, избранный мною путь к спасению еще не был перекрыт. Оттолкнувшись от стены, я поволочился к выходу. Где-то далеко-далеко, у горизонта, футиах в двадцати от меня, находилась дверь, выходящая на лестничную клетку. Из-за двери доносился такой шум, будто там совокуплялась по меньшей мере дюжина громовых ящеров. Я не стал раздумывать о причинах шума. Все равно без толку. Раздумывать было нечем, мозгов не осталось. То, что от них сохранилось, целиком заполняла одна мысль — «прочь отсюда!».

Я ковылял к цели, даже ни разу не упав по-настоящему, когда она — владелица дивных ножек — перехватила меня.

— Что вы делаете? Я же вам сказала... О!..

Я расплылся в своей самой обаятельной улыбке:

— Ого-го!

— Боже мой!

— Не надо дергаться. Я самый обыкновенный городской парнишка.

Возможно, она не слышала меня из-за шума на лестничной клетке. Может быть, ей мешали шум и гам, царящие в зале и палате. Так или иначе, она моего памека не поняла. Закудахтала и завыла, словно ее действительно собирался похитить какой-то псих.

Я схватил ее за руку, больше для того, чтобы не свалиться, заметив про себя, что имею дело с блондинкой. Это, кстати, один из самых моих любимых окрасов, но мне недоставало сил, чтобы довести это до ее сведения. Кровотечение давно прекратилось, но с головкой по-прежнему было неладно. Отравление дымом вовсе не способствует улучшению здоровья.

— Уймитесь! — рявкнул я. — Мы немного прогуляемся, сестренка. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, но все же это не главная забота. Усекли? Если продолжите свое вытье ..

Обладательница ножек заткнулась. Кроме красивых нижних конечностей она владела голубыми глазами, тоже очень симпатичными. И премилой головкой. Сейчас головка отчаянно кивала, соглашаясь со мной.

— Я освобожжу вас у выхода на улицу. Возможно. Если будете вести себя достойно и не сделаете попытки причинить мне новые неприятности.

Отлично сказано, Гаррет. Все же твое происхождение иногда сказывается.

Но я был готов вспыхнуть в любую секунду.

Надеюсь, она будет хорошей девочкой и вспыхивать мне не придется. Вспышка означает пламя. Забудь о пламени, Гаррет. Пламя означает дым. А ты надышался им сегодня на всю оставшуюся жизнь.

Я прижался к женщине, как будто она была моей милашкой:

— Мне нужна ваша помощь.

До чего же у тебя черное сердце, Гаррет. Но пусть это останется твоей единственной любовной встречей.

Она вновь согласно кивнула и тут же сделала мне подножку. Противная девчонка!

Мы оба упали.

И в этот момент через дверь, ведущую на лестничную клетку, ворвалась моя подружка Торнада, разбрасывая по пути еще оставшихся в деле служителей.

— Чтоб ты сдох, Гаррет! Я вламываюсь сюда, чтобы спасти твою задницу, и что же я вижу? Ты изготовился трахнуть какую-то девку на глазах у всего мира!

С этими словами она схватила меня за воротник и оторвала от моей последней мечты, которая после падения оказалась подо мной. Поставив меня на ноги, Торнада принялась молотить пузатого и волосатого служителя, который, очевидно, требовал от нее соблюдать правила выписки пациента. Между ударами она приговаривала:

— Я всегда должна быть у тебя на первом месте, Гаррет.

Не имело смысла объяснять, кто здесь кого повалил. С Торнадой в объяснения не пускаются. Она существует в созданных ею самой реалиях.

Пока Торнада забавлялась с волосатым служителем, я спросил у дамы-доктора:

— Что же такая милая девушка делает в подобном заведении?

Она не ответила, хотя я и извинился за то, что обращался с ней несколько грубо.

— Ради всего святого, Гаррет. Кончай разводить болтовню. Нам надо сваливать.

Я последовал совету Торнады, поскольку она схватила меня за руку и поволокла за собой. Мы двинулись вниз по лестнице, время от времени спотыкаясь о стонущих служителей. Торнада пронеслась здесь как стихийное бедствие.

— Надеюсь, я не доставил вам слишком много беспокойства, — пробубнил я, таща, в свою очередь, за собой милого доктора. — Увы, я не могу здесь задерживаться только потому, что этого хочет некий тип, которому я наступил на мозоль. — Я придал лицу мрачное выражение и добавил: — Когда я прихвачу его, то добьюсь, чтобы он сделал солидное пожертвование в пользу больницы. Во всяком случае, достаточное, чтобы покрыть убытки.

Торнада не замедляла шага и не отпускала меня.

Обладательница ножек наконец заговорила:

— Вы это серьезно?

— Он всегда серьезен, когда ему хочется кого-нибудь трахнуть, — пробурчала Торнада.

Как я, так и моя новая подруга проигнорировали этот выпад.

— Да, вполне серьезен. Моя работа — разыскивать для клиентов людей и предметы. Только сегодня утром одна леди с Холма поручила мне найти ее дочь. Я едва успел приступить к делу, как на меня напала банда негодяев. Придя в себя и увидев вас, я решил, что уже умер и попал в рай, населенный ангелами. Меня смущало лишь то, что страшно болела голова. В раю такого быть не могло.

— И я, дуреха, рисковала жизнью ради такого гада, — проворчала Торнада. — Сейчас твоя головка заболит еще сильнее.

Леди-док одарила меня таким взглядом, словно она хочет мне верить.

— Он густо мажет мед, правда? — все-таки спросила она.

— Разбрасывает навозной лопатой, — пробурчала Торнада, возвращаясь к своей невежественной деревенской сущности.

Увы, никому не дано из грязи в князи...

— Если у вас возникнет потребность встретиться со мной, отправляйтесь прямиком на Макунадо-стрит. Спросите там, где живет Покойник.

Дама ответила мне слабой улыбкой.

— Возможно, я так и поступлю. Не исключено. Посмотрим, что из этого выйдет.

— Фейерверк чувств. Настоящий фейерверк. Поверьте.

— Сохрани себя для семейной жизни, милый, — предложила Торнада. — А то для жены ничего не останется.

Улыбка исчезла с лица доктора.

Невозможно завоевать их всех. Особенно когда ваши же друзья начинают мешать вашим играм.

Мы вышли на улицу у фасада Бледсо. Я попытался устремиться в ночь быстрой иноходью, желая исчезнуть прежде, чем здесь появятся служители лечебницы в мстительном расположении духа.

Когда мы отдалились на несколько шагов, Торнада заметила:

— Мне редко доводилось видеть тебя в столь недостойном виде, Гаррет. И когда ты только остановишься?

— Нам надо смыться. — Я бросил взгляд на Бледсо. Больница была еще совсем рядом, и один ее вид заставлял меня содрогаться. — Пока не началось преследование.

— Ты полагаешь, они не знают, где тебя искать? Ты дал этой девке свой адрес.

— Поосторожнее! Ты говоришь о моей единственной подлинной любви. Она никогда не предаст меня!

Я не дал Торнаде заметить моих скрещенных пальцев.

— А ты думаешь, они действительно станут искать тебя? — смутила тему Торнада.

Сейчас вряд ли. Любое их действие привлечет внимание, чего они не могут себе позволить.

Но вслух я ничего не сказал, лишь пожал плечами. Очень удобный, ни к чему не обязывающий жест.

20

Я сделал это не сразу — вдруг больничная бандаж решит начать преследование; но, когда мы отошли подальше, я взял руку Торнады в захват, именуемый «пройдем-ка со мной».

— Эй! Что ты делаешь, Гаррет?

— Мы с тобой сейчас усядемся, как юные влюбленные, вот на эти ступени, и ты начнешь нашептывать мне милые пустяки о том, что происходит. Усекла?

— Нет.

Я слегка усилил захват.

— Ох! Как это похоже на мужчин! Никакой благодарности. Спасти его задницу и...

— Мне сдается, я и сам вполне с этим справлялся. Садись.

Торнада уселилась, продолжая ворчать. Я не отпустил ее руки. И не отпущу, пока не получу ответы на интересующие меня вопросы.

— Расскажи мне, пожалуйста, обо всем, Торнада.

— О чем? — прикинулась она тупой деревенской девкой.

— Я тебя знаю. Не трать на меня понапрасну свое артистическое дарование. Трюк «я — дурочка» со мной не сработает. Расскажи-ка лучше о Мэгги Джени, о ее пропавшей дочери и о том, почему, едва начав работу, я становлюсь объектом нападения. Еще мне интересно, почему меня уложили без сознания и отправили в психушку с такой быстротой, что забыли опорожнить карманы. Никак не пойму, как это могло произойти, если только моя подружка Торнада знала, чем я занимаюсь. Теперь же я удивляюсь и тому, как моя подружка Торнада узнала, что мне нужна помошь выскочить из Бледсо. Вот и все, что я желаю уяснить.

— Ах, это... — Она задумалась, явно пытаясь что-то изобрести.

— Торнада, брось! Попытайся сказать правду. Хотя бы для разнообразия.

Она бросила на меня возмущенный взгляд а-ля Торнада и начала:

— Я работала на гомика по имени Грэндж Кливер...

— Грэндж Кливер? Разве такие имена бывают? Приезжавшийся, в нашем мире не существует типа, которого обзывают Грэндж Кливер.

— Кто здесь рассказывает — ты или я? Если хочешь сидеть и слушать эхо своего лепета — валяй. Меня это вполне устраивает. Только не жди, что останусь торчать здесь, развесив уши. Всем известно, как ты надуваешься, когда садишься на своего конька и начинаешь молоть чушь.

— Я? Надуваюсь?

— Как воинствующий святоша Реваншистской церкви, проповедующий с амвона.

— Ты ранишь мое сердце.

— Иногда мне это доставляет удовольствие.

— Итак, ты работала на типа, чье имя не согласился бы носить даже самый последний гном.

— Ага. Его мамочку и папочку, возможно, звали Тревор и Найджел. — Она еще раз упрямо, в стиле Торнады, взглянула на меня. — Я работала на него, по нраву тебе его имя или нет. Он поручил мне следить за Мэгги Дженн — опасался, что она может попытаться убить его. Так он говорил.

— Убить? Почему?

— Он не сказал, а я не спрашивала. Парень все время в таком настроении, что интересоваться неразумно.

— И никаких предположений?

— Да ты что, Гаррет? Я получаю три марки в день за то, что выполняю свою работу и не сую нос в чужие дела. Я же не хочу, чтобы меня покалечили.

Ну вот, ее рассказ незаметно перешел в дискуссию о моральной ответственности, которую мы вели уже по меньшей мере раз пятьдесят. По мнению Торнады, все идет правильно, если ваша задница обретается в безопасности. А в остальном хоть трава не растет.

Она явно пыталась отвлечь меня от главной темы.

— Думаю, все это не имеет значения, Торнада. Продолжай. Объясни лучше, как ты здесь оказалась.

— Это очень просто. Я — большая дура и считала тебя своим другом — человеком, не заслуживающим, чтобы с ним грязно обращались.

— Послушай. Мне кажется, в твоем повествовании не хватает некоторых деталей. Как насчет того, чтобы нарастить немножко мясца на голый скелет?

— Ты, Гаррет, иногда ну просто как прыщ на заднице. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Да. Я уже слышал об этом, — ответил я выжидательно, не отпуская захвата.

— Хорошо, хорошо. Я работала на этого Кливера. В основном следила за бабушкой Дженн, но выполняла и другие поручения. Это было вроде постоянной работы, Гаррет. Хорошие бабки, но и бесконечные дела. Сегодня я поняла, почему. Кливер выдвинул меня в первые ряды на общее обозрение, а сам со своими клоунами проделывал трюки, оставаясь в тени.

Я что-то буркнул, но без сочувствия. Не испытываю жалости к тем, кто не учится на собственных ошибках. Торнада и раньше позволяла клиентам использовать ее в своих играх. Она — большая, красивая женщина, а женщину нашей профессии вряд ли кто-то может воспринять серьезно. Этот Грэндж Кливер, видимо, решил, что она — подходящий для его целей лох. Но на сей раз лохом оказался он сам.

— Я все знаю, Гаррет. Все знаю. Ты уже слышал это. Наверное, и в будущем услышишь. Но иногда попасть в такую ситуацию оказывается прибыльным делом.

Торнада хотела сказать, что, разыгрывая из себя деревенскую дурочку, сама использует своих незадачливых клиентов. Пока те посмеиваются над Торнадой, она прикарманивает их серебряные канделябры.

Я провел свой знаменитый трюк с бровью.

— Знаю, знаю. Но мне необходимо продолжать в том же духе, пока я не создам себе репутацию.

— Представляю.

Она была просто одержима идеей создать себе самую отвратительную репутацию.

— Спасибо за теплую поддержку. Ну да ладно. Во всяком случае, я сумела ускользнуть, пока не стало слишком поздно.

— Ускользнуть?

— Да, ускользнуть. Понимаешь, этот Кливер как-то сказал: «Слушай, Торнада, было бы здорово, если бы мы могли подсадить кого-нибудь к Мэгги Дженн». На случай, если она меня узнает. Но когда я сказала, что постараюсь использовать тебя, он

сморщился, будто у него начался приступ кровавого поноса. Тут ворвался один из дружков Кливера, словно собираясь с разбега трахнуть его. Меня выставили из комнаты так поспешно, что надо было как можно скорее подыскать место, откуда все было бы слышно.

Подозреваю, что Торнада постоянно подслушивает.

— Никогда не слышал о Кливере, — произнес я. — Как получилось, что он зaimел против меня зуб?

— Откуда, к дьяволу, мне знать? — Она смачно сплюнула. — У тебя сложилась репутация прямолинейного простофили. Может быть, дело в этом?

— Ты думаешь? — Торнада постоянно пыталась протащить эту мысль. — Значит, ты так решила. Трудно поверить. Обычно требуется...

— Я вовсе не такая дура, как ты думаешь, Гаррет, — заявила она (впрочем, не пытаясь привести доказательства своей правоты). — Так вот, Кливер призвал головорезов с улицы, а не своих обычных сообщников. Ему нужны были только мускулы. Он объяснил, что встретился с большой проблемой по имени Гаррет, и поинтересовался, не могут ли они разрешить ее. «Как насчет того, чтобы сплавить его в Бледсо?» — спросил он. Головорезы согласились и затем долго ржали и шутили, вспоминая, как им приходилось сплавлять туда парней, которые не нравились Кливеру. У него какие-то связи с больницей. Не исключено, что через ту блондинку, на которой ты лежал, когда я явилась тебя спасать.

— Да. Возможно. — Я ни на секунду в это не поверил, впрочем, так же, как и она.

— Так или иначе, я не могла сразу скрыться, не вызвав подозрений. Покончив с этим, я тут же бросилась в больницу.

Я представлял, почему ей потребовалось так много времени. Решив покинуть Кливера, она должна была собрать все ценное, что могла унести. Доставить вещи в хранилище. Прежде чем отправиться ко мне, она наверняка проверила, нельзя ли загрузиться еще раз.

Знала, что торопиться некуда и что я останусь на месте.

Крыса.

— Итак, ты с воплем кинулась спасать меня лишь для того, чтобы узнать, что я благодаря своему природному уму и хитрости уже значительно продвинулся по пути своего освобождения.

— У тебя получалось неплохо, — согласилась она, — но ты ни за что бы не выбрался, если бы я не смела с пути парней у лестницы на первом этаже.

Что на это скажешь, ведь все же Торнада — женщина. Пришлось оставить за ней последнее слово.

— Можешь перестать жать мою руку, — заявила она. — Ты не сможешь больше ничего выдавать.

— Неужели? — Деревня все сильнее выпирала из нее. Торнада вновь начала натягивать свой камуфляж. — Пораскинув мозгами, я решил, что было бы не вредно узнать, откуда тебя знает Мэгги Дженн. И меня разбирает любопытство относительно Грэнджа Кливера. Я никогда о нем не слышал. Мы сэкономим массу времени, если ты мне поведаешь, где он живет, человек он или еще кто, связан ли с Организацией и все остальное в этом роде. Детали, Торнада. Я тот парень, что интересуется мелочами.

А Торнада — та женщина, что усядется в фургон и возьмет вожжи, не поинтересовавшись, запряжены ли мулы. Прошлое и будущее для нее не существуют. Она не строит планов и не заботится о последствиях. Она не дурочка и не сумасшедшая — просто это ее стиль жизни.

— Ты не парень, Гаррет, а прыщ на заднице, и не просто прыщ, а настоящий чирей королевских размеров.

— Согласен. Я все время это слышу. В первую очередь от тебя. Ты в конце концов привьешь мне комплекс.

— Тебе? Никогда. Чтобы получить комплекс, Гаррет, надо обладать чувствами. В тебе же чувства не больше, чем в старом вонючем ботинке. Вот Грэндж Кливер полон настоящих чувств, — ухмыльнулась она.

— Ты собираешься сказать мне что-нибудь путное? Или будешь сидеть осклабившись, как жаба на коровьей лепешке?

— Я же сказала тебе, Гаррет, — хихикнула Торнада, — Грэндж Кливер — парень, который носит серьги.

— Множество мужиков носят серьги. Быть может, твой Кливер — кровожадный пират.

— Ты так думаешь? Он также парень, который носит парик, красит морду и таскает женский прикид. Я слышала, как он хвастал о своей работе в Веселом уголке — говорил, что клиенты получали от него необычайное и неповторимое удовольствие.

— Бывает.

В Веселом уголке в Танфере случается все. Для меня сообщение Торнады не было сенсацией, однако Кливер чересчур легкомысленно выдавал свои секреты. Чрезмерная откровенность может породить такие неприятности, с которыми трудно будет справиться. Сознательно нарываться на неприятности по меньшей мере глупо.

— Он человек?

— Да.

— И не скрывает своих извращений?

— Во всяком случае, дома. Я не видела, чтобы на улицах он гонялся за мальчиками. Почему ты спрашиваешь?

— Он кажется слишком неосторожным. Ты имеешь представление, как с гомиками обращаются в армии? Услышишь — не поверишь. Кто не может скрыть свои склонности, долго не живет. Кантард — не то место, где приветствуются сексуальные меньшинства.

— Мне кажется, Гаррет, что Грэндж не служил.

— О, ты обращаешься к нему по имени?

— Он требует, чтобы все звали его Грэндж.

— Подлинный демократ, так?

— Да.

— Хорошо. Итак. Если он человек мужского пола, то обязательно должен был где-нибудь служить, Торнада. Армия не допускает исключений.

— Может быть, он уклонился от призыва?

— Розыск дезертиров никогда не прекращается.

И это действительно так. Беглеца ищут всю жизнь. Когда дело доходит до призыва в армию, никто не пользуется привилегиями. Никакого фаворитизма. В конечном итоге тем, кто уклонился от службы, приходится платить дороже.

Вы обратили внимание, как ловко Торнада сбила меня с темы разговора? Я-то заметил и был уверен, что ей есть еще что сказать об этом гомике. Торнада — неиссякаемый запас сведений.

— Вернемся на главную магистраль. Что общего между Кливером и Мэгги Дженн? Если он сильно голубой, то какой у него может быть интерес к женщине?

— Думаю, она его сестра.

— Что-что?

— Ну, может быть, кузина. В общем, они в каком-то родстве. И у нее есть нечто такое, что он желает заполучить, считая по праву своим.

— И она решила его убить?

С каждой минутой дело казалось все более мерзким.

Ненавижу семейные войны. Худший вид войн. Участвуя в них, вы оказываетесь в одиночестве на ничейной земле, без компаса и карты. Любой ваш ход оказывается ошибочным.

— Что он хочет получить?

— Не знаю. — Страдальческий вид человека, утомленного потоком бессмысленных вопросов маленького ребенка. — Я все-го-навсего работала на парня. Не спала с ним, не была ни его личной секретаршей, ни партнером. Не вела для него дневник. Я просто получала деньги и делала то, что он мне велел. Спасать же тебя явилась только потому, что чувствовала себя вроде как бы ответственной за то дермо, в котором ты очутился.

— Ответственность целиком лежит на тебе. Ты повела со мной двойную игру. Не знаю, в чем тут суть, но не исключаю, что ты все еще продолжаешь свои игры.

Я уже устал от Торнады — это еще один из ее талантов. Она сознательно доводит вас до умопомрачения, и вы отпускаете ее на все четыре стороны, веря, что делаете это по собственной инициативе и даже с чувством вины.

— Ну и что ты собираешься делать? — спросила она.

Я отпустил ее руку:

— Высосать несколько кружек пива и устроить себе хороший сон. Как только сниму этот клоунский наряд и истреблю вшей.

— Составить тебе компанию?

Да, такова моя подруга Торнада.

— Не сегодня. Сейчас мне просто хочется выспаться.

— Хорошо. Пусть будет так.

Она исчезла прежде, чем я успел среагировать на оставшуюся после нее самодовольную улыбку. Прежде чем сумел сообразить, что она покинула меня, так и не сообщив ничего полезного, например, где я смогу найти этого дружелюбного парня по имени Грэндж Кливер.

21

«Сейчас мне просто хочется выспаться» — моя обычная фраза, когда я работаю и смыкаю веки часа на три за ночь.

Боги продолжали свои шутки — по пути домой на меня никто не напал. Поэтому я долго не мог уснуть, ожидая, что вот-вот кто-нибудь начнет ломиться в дверь. Где-то там, на верху, а может быть, внизу, а может, и в середине какой-то не пригодный ни к чему другому божок создает себе имя, изголяясь надо мной самыми разнообразными способами. Если он преуспеет в этом деле, его могут повысить в чине и назначить директором всех сточных ям рая.

Я так и не смог отдохнуть как следует. Проснулся взвинченный и принял проклинать Дина за то, что он уехал из города. У меня не осталось никого, кому можно было бы отравить существование.

Всю глубину своего гения я вдруг оценил, начав готовить мерзопакостный завтрак из лепешек. Оказывается, я забыл спросить Торнаду о парне, следившем за мной по дороге на Холм.

Кто-то постучал во входную дверь. Что за черт? Впрочем, уже почти наступило время для цивилизованных визитов.

Стук был настолько деликатным, что я едва расслышал его. Слегка поворчав, я бросил лепешки на сковородку и направился к двери.

То, что я увидел, посмотрев в глазок, изумило меня. Я широко распахнул дверь, чтобы сияние светловолосой красоты озарило меня всего, с головы до ног.

— Не ожидал увидеть вас так скоро, док, — проговорил я, изучая улицу за спиной милашки на случай, если она приволокла с собой взвод не понимающих шуток служителей Бледсо. Я никого

не заметил, но это ничего не значило. На Макунадо-стрит царила такая толчея, что среди прохожих мог скрыться весь персонал больницы.

— Вы сами пригласили меня. — Она выглядела так, будто явилась прямо с работы. Наверное, бедняжке пришлось потрудиться две смены, разгребая следы содеянного мною. — Ваша рослая подруга заставила вас забыть обо всем?

— Я просто не ожидал, что вы примете мое приглашение. Послушайте, я в самом деле сожалею о вчерашнем безобразии. Просто зверю, когда со мной играют в такие игры. Отправить в психушку, ха!

— Вы могли бы выбрать и более уважительные слова, — скривила она губки.

— Прошу прощения. Попытаюсь.

Я тут же поведал, как люди отзываются о моей профессии. (Надо сказать, что подавляющая часть отзывов мне совсем не льстила.) Гостья несколько утешилась.

— Грязный трюк, сыгранный с вами, и заставил меня прийти. А чем здесь так пахнет?

Я торопливо обернулся. Из кухни валили клубы дыма. Испустив вопль, я помчался к источнику запаха. Леди Прекрасные Ножки величественно последовала за мной.

Я вывалил обуглившиеся лепешки в мойку. Они посыпали дымовые сигналы, возвещая о моей непригодности в качестве шеф-повара. Проклятие. Я настолько плохой кулинар, что вполне мог бы работать на кухне у Морли, благо там открылась вакансия.

— Ничего, их можно использовать для ремонта крыши, — пробормотал я.

— Слишком хрупкие.

— Вы думаете? А кстати, вы завтракали?

— Нет. Но...

— Хватайте передник, детка. Протяните мне руку помощи. Маленький кусочек порадует роточек. Так что вы хотели у меня узнать?

Она действительно взяла мой фартук. Удивительная девушка!

— Мне не понравилось то, что вы говорили прошлой ночью, и я решила все проверить. Записей о вашем поступлении в больницу

не было, хотя служители, которые вас несли, заверили меня, что вас доставила Гвардия и все документы в полном порядке.

Я издал нечленораздельные, но грубоватые звуки, приступая к формированию нового поколения лепешек.

— Проверить было несложно. Один из высших офицеров Гвардии — старый друг нашей семьи. Полковник Уэстмен Туп.

Я икнул несколько раз, прежде чем сумел спросить:

— Полковник Туп? Они сделали его полковником?

— Он очень высоко отзывается о вас, мистер Гаррет.

— Еще бы.

— Уэст сказал — его люди вас в Бледсо не посыпали, хотя и пожалел, что такая мысль не пришла ему в голову.

— Это в его духе. Туп игрив, как клубок кобр.

— Он хорошо отзывался о вас как о профессионале. Но одновременно посоветовал мне быть осторожной во всем остальном. — Оказывается, и в ее серьезном тоне можно уловить смех.

— Как вы отнесетесь к бекону?

— Вы только начинаете его жарить? Бекон следовало первым отправить на сковороду.

— Я всегда все жарю раздельно и, таким образом, за раз сжигаю только один продукт.

— Весьма смелый подход.

— Уменьшает расходы.

Мы приготовили завтрак вместе, вместе его съели. Я с умилиением наблюдал за гостьюей. Леди, кажется, не возражала.

Когда мы начали убирать со стола, она сказала:

— Я не потерплю подобных вещей. Не потерплю коррупции, когда все становится возможным.

Чуть отступив назад, я посмотрел на нее другими глазами.

— Вы, видимо, недавно там работаете? Трудно найти другое место, столь же коррумпированное, как Бледсо.

— Да. Я там новенькая. И постепенно узнаю, как прогнило все в этом заведении. Каждый день там что-то происходит. То, что случилось с вами, — пока самое худшее. Ведь вы же могли провести там остаток жизни, без всякого на то основания.

— Естественно. И был бы не одинок в своем несчастье. А вы, оказывается, идеалистка и борец со злом.

В последнее время Танфер буквально кишит подобными людьми.

— Вам не следует говорить таким тоном, будто я полоумная.

— Прошу прощения. Но большинство утопистов мало что смыслят в жизни. Они происходят из богатых семей и ничего не понимают в людях, существование которых зависит от Бледсо, не понимают, как живут люди, работающие в Бледсо. А для этих людей весь смысл работы в больнице — получение взяток и продажа гуманитарной помощи. Они, в свою очередь, не поймут, отчего вы поднимаете вокруг этого шум, или решат, что вы намерены таким образом извлечь для себя пользу где-то там, в высших сферах.

Она бросила на меня полный отвращения взгляд:

— Вчера кто-то уже высказал подобное предположение.

— Вот видите. Держу пари, что вы тут же полезли на стену, вместо того чтобы отнести ко всему спокойно. И теперь все в больнице считают вас сумасшедшей. А денежные парни наверху наверняка считают вас даже психопаткой. Их беспокоит ваша связь с Гвардией, и они думают, как все устроить. Для коррумпирования реформаторов требуется время.

Усевшись с чашкой чая и добавив в него немного меда и мяты, она задумчиво протянула:

— Уэст сказал, что вам можно доверять.

— Очень мило с его стороны. Не знаю, могу ли я сказать это о нем.

— Суть дела вот в чем. — Она внезапно помрачнела. — Уже сейчас я для кого-то представляю опасность. Не так давно из больницы исчезли медикаменты на несколько тысяч марок. Я приняла на работу двух санитаров. Это люди, известные мне лично, которым я доверяю.

— Понимаю.

Учитывая ее связь с Гвардией, это были люди Тупа. На него работал один тип по имени Шустер — очень неприятная личность. Шустер руководил тайной полицией.

Если этот человек заинтересовался Бледсо, то могут полететь головы, а многие получат пинок под зад. Шустер не позволяет бюрократическим барьерам и юридическим тонкостям встать на его пути. Он добирается до сути и приводит в чувство заблудших.

— Вам следует быть предельно осторожной, — сказал я. — Если они решат, что вы привели соглядатаев, то мгновенно забудут о своих манерах.

Она внимательно изучала меня, потягивая свой чай. Я чувствовал себя не очень уютно. Нет, в принципе я не возражаю, чтобы красивая женщина меня оценивала. Я для этого и рожден. Но у этой красавицы на уме было что-то совсем иное.

— Я не столь наивна, как вы полагаете, Гаррет.

— Вот и хорошо. Это избавит вас от ненужных переживаний.

— Вы, случайно, не помните, кто принимал вас в лечебнице?

— Нет. Я был в отключке. Но знаю имя принца, который оплатил это. Его зовут Грэндж Кливер.

— Кливер? Грэндж Кливер?

— Вы его знаете?

— Один из попечителей больницы. Получил назначение благодаря императорской семье. — Изучив меня еще немножко, она добавила: — Я сказала, что не так наивна, как вы могли подумать. И понимаю, что могу сейчас находиться в опасности.

А может, и нет, насколько я могу судить.

— И?..

— Возможно, необходимо, чтобы рядом со мной кто-то оставался до тех пор, пока не осядет пыль.

— Неплохая идея.

— Вы согласны помочь мне?

Я был согласен, но вовсе не на это.

— Итак, вам нужен телохранитель.

— Уэст утверждает, что вы не предадите.

— Возможно, он прав. Но есть одна трудность.

— Какая? — В ее голосе слышалось беспокойство.

— Я никогда не берусь за работу телохранителя. И у меня уже есть один клиент. Я не могу позволить себе отказаться от своих обязательств, как бы мне того ни хотелось. К тому же персонал больницы имеет на меня зуб. Я не осмелюсь там появиться.

Мне показалось, что она пришла в ярость.

— Что вы мне можете посоветовать?

Она не пыталась переубедить меня, и я был оскорблен в лучших чувствах. Посетительница оказалась ужасно деловой.

А Мэгги Дженн обязательно постаралась бы уговорить меня.

— Один из моих друзей — Плоскомордый Тарп — мог бы согласиться на эту работу. Я мог бы назвать еще несколько парней. Беда в том, что у лучших специалистов такая внешность, что их профессию можно увидеть за милю. — Но тут на помощь явилась моя музя и вдохновила меня. — Моя подруга, которую вы видели вчера, ищет работу.

Личико гостьи просветлело. Видимо, она в уме уже проиграла возможные отрицательные последствия соседства с телохранителем мужского пола.

— А она справится с делом?

— Лучше меня. У нее отсутствует совесть.

— Ей можно доверять?

— Не вводите ее в искушение. Семейное серебро может случайно оказаться в ее карманах. Но свою работу она знает.

— Она такая крутая?

— На завтрак она обычно употребляет ежей, не сняв с них шкуры. Так что не пытайтесь проверять ее на прочность. Она не знает, когда следует остановиться.

— Я хорошо ее понимаю, — улыбнулась гостья. — Когда отходишь от традиций, появляется искушение доказать мальчишкам, что ты можешь все делать лучше, чем они. Я переговорю с ней. Где ее можно найти?

Найти Торнаду совсем не легко. Ей так нравится. Есть люди, с которыми сий лучше не встречаться.

Я все объяснил посетительнице. Поблагодарив меня за завтрак, советы и помощь, она направилась к выходу. Я совсем размяк под влиянием ее очарования. Когда я пришел в себя, она была уже в дверях.

— Эй! Подождите! Вы же не представились.

Она рассмеялась:

— Чэстити*, Гаррет. Чэстити Блейн.

Все еще смеясь над моим дурацким видом, она выскользнула на улицу и прикрыла за собой дверь.

* Chastity (англ.) — невинность, девственность.

22

Днем в «Домике Радости» Морли довольно уныло. В последнее время он открыт круглые сутки — Морли из чувства ложной гражданственности решил, что сено и зерно должны быть доступны всем в любое время дня и ночи. Меня это очень обеспокоило. Заведение может начать привлекать к себе лошадей.

Я пригласил себя к стойке бара:

— Приготовь мне бифштекс с кровью, Сарж. И дай знать Морли, что я здесь.

Сарж хрюкнул, поскреб в низу живота, поддернул штаны и задумался, вместо того чтобы приступить к делу. Мысли высказывались вслух и сводились к следующему: почему, собственно, я полагаю, что Морли хоть на ломаный грош интересует, где я нахожусь, — здесь или в преисподней, на давно уготованном мне месте.

— Тебе, Сарж, стоит открыть школу хороших манер для юных леди из высшего общества.

— Вались в задницу. Щас все сделаю.

Я уселся за стол. Мой бифштекс прибыл раньше, чем Морли. Это был слегка недожаренный толстый кусок первоклассной вырезки. Вырезки из баклажана. Мне удалось затолкнуть кусок в глотку, задержав дыхание и зажмурившись. Не так плохо, если на него не смотреть и не нюхать.

Из кухни возник Рохля — один из дружков Саржа. Из-под расстегнутой рубашки на полфута свисало покрытое черной порослью брюхо. Он остановился и громогласно высыпался в фартук. На шее у него на веревочной петле болтался какой-то ключ.

— Что это за хреновина, Рохля, — поинтересовался я. — Запираешь двери, чтобы клиенты не смылись? Почему бы просто не привязывать их к стульям?

— Я, Гаррет, теперь здесь главный виночерпий. — Самые страшные мои подозрения начали оправдываться. Их подтверждало и обоняние, не только слух. Дыхание Рохли было насыщено виннымиарами. Парень явно нелегально прикладывался к запасам хозяина.

— Морли говорит, нам надо займеть более классных посетителей.

Видимо, прошли времена, когда Морли почитал за счастье заманить в свое заведение дюжину уголовников.

— Ты, Рохля, — самый подходящий человек для этого.

— Вались в задницу.

У этих ребят, похоже, был один учитель риторики.

— Хочешь винца, Гаррет? У нас тут по счастливой случайности кое-что имеется, может, не такое клевое, как «Намбо Арсенал», но все же...

— Рохля!

— А?

— Это всего-навсего испорченный виноградный сок. То, что называют вином, — всего лишь прокисший сок. Мне плевать, как ты его кличешь: «сухим», «мокрым» или как-то еще. Ты можешь до Судного дня вести со мной снобистские беседы о вине, но это не изменит главного. Только посмотри, как превращается сок в отвратительное пойло. В нем начинают развиваться плесень и всяческое другое дерньмо. Особенно это относится к винам, которые занимали вы. Винам, которые по карману алкашам и по вкусу крысюкам.

Подмигнув мне, Рохля прошептал:

— Здесь я с тобой, Гаррет. Если б боги хотели, чтоб порядочные люди пили эту жижу, они б не изобрели пиво.

— Чтобы здесь подавали пиво, тебе следует внушить Морли, что оно — самая полезная часть ячменного супа.

Нашу беседу прервало появление самого Морли.

— Вино — средство для предприимчивого ресторатора получать навар с типов, что ходят по улицам, держа нос по ветру, — глубокомысленно заметил он.

— С какой стати ты захотел увидеть этих ребят на своей танцевальной площадке?

— Наличность, Гаррет. — Он уселся напротив меня. — Прямо, просто и грубо — вопрос денег. Хочешь иметь больше — ищи способы изъятия бабок у тех, у кого они уже есть. У нашей нынешней клиентуры средств явно недостает. Очень часто. Но я заметил, что к нам заглядывают любители приключений из других

социальных групп. И решил придать заведению определенный имидж.

— Зачем?

В ответ он бросил на меня удивленный взгляд.

— Не заставляй учинять тебе допрос, Морли, а то скоро взвоешь от моих вопросов.

— Осмотрись, и ты отыщешь ответ.

Последовав совету, я увидел Рохлю, Саржа и еще парочку местных типов, убивающих время.

— Не очень аппетитно, — заметил я.

— Это все проделки Старого Дьявола по имени Время, Гаррет. Каждый день мы становимся на фунт тяжелее и на шаг медленнее. Настал час взглянуть правде в лицо.

— Возможно, ты и прав, если имеешь в виду Рохлю и Саржа.

У Морли-то не было и унции лишнего жира, и я сопроводил свои слова знаменитым трюком с бровью.

Он истолковал его правильно и пояснил:

— Человек может порасти жирком и между ушами. Пропадает энергичный стиль мышления, мозг становится вялым.

Взгляд его давал понять, что слова эти в первую очередь относятся ко мне.

— Человек может начать думать, как корова, еще и потому, что не ест ничего, кроме корма для скота. — Я подчеркнуто внимательно посмотрел на ошметки баклажанного филе. Оно оказалось даже хуже, чем я ожидал.

— Сегодня мы проверяем нашего нового повара, — ухмыльнулся Морли.

— На мне?

— Кто может быть лучше? Правда, Рохля? Мы же не можем разочаровывать Гаррета. Едва войдя в дверь, он уже настроился на разочарование. Парень постоянно недоволен, ворчит и ноет. Никак ему не угодим.

— Вам следует отравить меня, — буркнул я.

— Охотно, если это улучшит твое настроение.

— Вот это идея! — восторженно откликнулся Рохля. — И почему мне раньше не пришло в голову.

— Потому что у тебя нет ни единой мысли. А если одна мыслишка и затерялась в пустынном пространстве твоей башки, то она никак не может найти выход. — тихо пробормотал я, но Рохля все же услышал.

— Эй, Сарж! У нас еще остался крысиный яд? Скажи Уиггинсу принести этому парню Гаррету специальный десерт — сюрприз шефа.

Я дал понять, как отношусь к их чувству юмора, и произнес, обращаясь к Морли:

— Мне надо припасть к колодцу твоей мудрости.

— Может, хочешь порыдать на моем плече о неверности одной из твоих девиц?

— А это, однако, мысль. Надо будет попробовать. Может, немного сочувствия...

— Сочувствия от меня ты не дождешься.

— Тогда не слушай моих стонов, я буду выслушивать твои откровения.

— То есть речь идет о деле Мэгги Дженн?

— Да. Имя Грэндж Кливер тебе что-нибудь говорит?

Мгновенно помрачнев, Морли посмотрел на Рохлю. Тот обменялся взглядами с Саржем. Затем все трое по мере сил приняли индифферентный вид. Морли спросил:

— Ты хочешь сказать, что Дождевик вернулся?

— Дождевик?

— Единственного известного мне Грэнджа Кливера все звали Дождевиком. Он был скупщиком краденого. Очень крупным. Сам не брезговал кое-какими делишками. Где ты услыхал его имя?

— От Торнады. Она работала на этого парня.

— Эта девка — не самый надежный свидетель.

— Ты мне это говоришь? На сей раз она выдала забавную историю, как Кливер решил последить за Мэгги Дженн. Торнада полагает, что Кливер — брат Мэгги или другой близкий родственник.

Морли, бросив еще один взгляд на Рохлю, задумался.

— Никогда не слышал об этом. — Он хихикинул, однако в его смешке я не почувствовал юмора. — Скорее всего это не так. Но,

если Торнада права, то многое проясняется. Включая появление Мэгги Дженн в городе.

— Ты изменил свое мнение?

— О чём?

— Ты говорил, что она удалилась в добровольную ссылку. Да Бог с ней. Скажи лучше, о чём ты сейчас думаешь.

— Несколько лет назад Грэндж Кливер, он же Дождевик, был известным скупщиком краденого.

— Разве может быть известный скупщик краденого? Или ты скупщик, или ты известен. Одно исключает другое.

— Известен среди тех, кто пользуется услугами скупщика, продавая или покупая у него оптом и в розницу. Дождевик действовал нагло. Ходили слухи, что он лично срежиссировал несколько крупных ограблений, пользуясь какими-то связями и информацией. Он разбомбил несколько домов на Холме. В то время там не было так много охранников. Теперь отряды охранников-головорезов — во многом результат тех налетов.

— Не подводит ли это нас к Мэгги Дженн?

— Не исключено. Я только что сообразил, что расцвет деятельности Дождевика совпадает со знаменитой любовной историей Мэгги Дженн. Особенно с тем временем, когда Теодорик всюду таскал ее с собой, не давая и ломаного гроша за то, что скажут люди.

— Ты должен признать, что никто не мог подозревать в ней наводчицу.

— Именно. Ее достаточно ненавидели за нарушение социального статуса.

Все это страшно интересно, но никаким боком не касается работы, за которую мне сейчас платят. Возможно, я заблуждался. Кливер отправил меня в психушку вовсе не потому, что детали моего туалета не гармонировали по цвету. Я каким-то образом представлял для него угрозу.

— Так ты говоришь, у Мэгги Дженн не было дочери? — решил уточнить я.

— Я только сказал, что не знал об этом. И сейчас не знаю. Но сдается мне, что я вообще очень слабо информирован о Мэгги Дженн.

— Что слышно на улицах?

— Слишком рано, Гаррет. Танфер — большой город. А если в нем действительно возник Дождевик, люди, что его помнят, замкнут рот на замок.

— Да...

Город действительно велик, и где-то в нем находится исчезнувшая девушка.

Где-то в Танфере обретаются десятки исчезнувших девушек. Еще несколько пропадают каждый день. Просто на сей раз для разнообразия есть человек, который хочет разыскать дочь.

Я направился к выходу.

— Гаррет.

Я замер. Мне был знаком этот тон. Сейчас из-под маски должен раздаться голос подлинного Морли.

— Что?

— Будь крайне осторожен, имея дело с Дождевиком. Он сумасшедший. И при этом очень опасный сумасшедший.

Я прислонился к дверной раме и задумчиво произнес:

— В этом деле, Морли, мне все время попадаются странные люди.

— Как это?

— У каждого из них несколько лиц. Моя Мэгги Дженнита, о которой рассказывала Торнада, не похожи на женщину, обрисованную тобой. Грэндж Кливер, на которого работала Торнада, не похож на твоего Кливера и не имеет ничего общего с Кливером, о котором я слышал из другого источника. Тот Кливер — один из директоров больницы Бледсо и связан с императорской семьей.

— Последнее для меня новость. Но что из этого следует?

Действительно. Что из этого следует? Я подумал, что источник коррупции, из-за которой так дымилась Чэс, может находиться где-то на самом верху.

Я не могу понять психологию преступников, тащущих в больнице у бедных и незащищенных. С моей точки зрения, воровать у бедных и беспомощных бессмысленно. Морли с его цинизмом наставника сказал бы, что как раз у них и следует воровать, потому что они беспомощны. Никто не обратит внимания на их беду. Но,

с другой стороны, сколько же времени нужно воровать у бедняков, чтобы сколотить приличные деньги?

Думаю, поэтому большинство воров предпочитают выбирать жертвы среди состоятельных людей.

23

Я решил отправиться домой и за кружкой (или полдюжины кружек) пива подумать, как лучше справиться с работой. Грэндж Кливер отходил на второй план. Не исключено, что я займусь им, когда найду пропавшую дочь. У меня должок перед этим клоуном. Но прежде всего — Эмеральд.

Вспомнив о долге, я подумал, что агентура в Бледсо уже сообщила шефу о моем блестящем и смелом побеге. Теперь мне, пожалуй, следует пуще прежнего оберегать свою задницу.

Если долго внушать себе что-нибудь, то оно обязательно произойдет. Я уже полностью созрел, чтобы стать параноиком. Но судьба уготовила мне совсем другой удар.

— Как вы поживаете? Меня зовут Айви.

Вскрикнув, я подпрыгнул и оказался наравне с парящими голубями. По пути вниз я вполне мог успеть сгруппироваться и сделать обратное сальто, но был слишком занят — изрыгал проклятия. Приземлившись, я оглянулся и, клянусь богами, увидел перед собой моего старого товарища по тюрьме Айви.

Моему взору открылся не только Айви. Позади него возвышался с ухмылкой на роже верзила, помогавший мне во время бегства.

— Значит, парни, вам тоже удалось смыться? Здорово. Случайно, не знаете, сколько пациентов сбежало? — лепетал я, безуспешно пытаясь проскользнуть мимо парочки.

Пришлось лезть из кожи вон, демонстрируя общительность. Так ведут себя с непредсказуемыми и потенциально опасными людьми. Всегда поступайте так с теми, кого вы не знаете. Грубыми можете быть только с хорошими друзьями, зная, что они не превратят вас в фарш. Для этого нам и дается воспитание.

Ухмыляющийся дурень осклабился еще шире:

— Почти все подорвали, Гаррет. Похоже, вся палата.

— Как же это получилось?

Когда я уходил из больницы, мне показалось, что персонал начинает овладевать ситуацией.

— Некоторые ребята, из тех, что переоделись в униформу, отышавшись, вернулись врезать надзирателям, а многие из оставшихся в палате дрались как берсерки.

— Нам повезло, что они не психанули раньше.

Однако теперь все эти психи оказались на свободе. Я вновь попытался обойти их, но рослый друг все время ухитрялся вставать на моем пути.

Я обратил внимание, что им было известно мое имя, хотя я и не думал представляться.

— Как же вы, ребята, попали сюда?

Сюда — то есть на Макунадо-стрит, всего в двух кварталах от моего дома. Такое чудовищное совпадение может происходить лишь каждый третий высокосный год. А нынешний год, насколько я помнил, был самым обыкновенным.

Физиономия верзилы залилась краской, и он признался:

— Шныряя по больнице в поисках выхода, мы слышали ваш разговор с доктором Чэс. С тех пор мы бродим по улице и не знаем, куда идти и что делать. Я спрашивал Айви, но он ничего не смог предложить.

При упоминании его имени лицо Айви просветлело, и, вновь представившись, чтобы мы о нем не забыли, он вернулся к созерцанию улицы. Он выглядел скорее удивленным, а не испуганным, и я подумал, что не пройдет много времени, как Айви снова окажется в Бледсо. Такая же судьба наверняка ждет и большинство остальных беглецов.

— Значит, вы меня здесь искали?

Верзила кивнул, потупившись, как застенчивое дитя.

— Вы выглядите как парень, который всегда знает, что надо делать.

Я мысленно обругал себя за глупость, но вслух произнес:

— Хорошо. Я втянул вас в это дело. Пошли. Накормлю вас, устрою на ночь и попробую помочь найти работу.

Да. Я знаю. Все говорило за то, что они успеют изрядно навонять, прежде чем удастся выдворить их из дома. Однако у меня в рукаве был припрятан козырной туз. Покойник не обладает изысканными манерами и не отягощен чувством социальной ответственности. Гости предпочитают не задерживаться, когда он вступает с ними в контакт.

Интересно, не пора ли его разбудить. Мне определенно нужен совет логира.

Я впустил гостей в дом. Верзила нервничал, как ребенок, попавший в незнакомое место. Айви был любопытен, как кошка. Попка-Дурак, естественно, учинил дьявольский шум. Айви вошел к попугаю, а я задал верзиле труднейший вопрос:

— У тебя есть имя? Я не знаю, как к тебе обращаться.

Мистер Большая Шишка между тем поносил Айви за то, что тот не принес ему еды.

Мне начинало не хватать Дина еще по одной причине. До своего отъезда именно он ухаживал за моим пернатым врагом, и я никак не мог привыкнуть, что это теперь моя обязанность.

Попка-Дурак вошел в раж:

— Карапул! Насилуют! Спасите! Умоляю, мистер, не поступайте со мной так!

Он ухитрялся выкрикивать все это голосом маленькой девочки. Мистер Большая Шишка — единственный живущий в неволе попугай, способный запомнить более четырех слов. И какой-то умник обучил его этим воплям. Убежден, если соседи когда-нибудь услышат его стенания, я ни за что не сумею убедить толпу линчевателей, что кричал попугай. А птичка останется немой как рыба до тех пор, пока я не буду болтаться в петле.

Тем временем мой рослый друг покачивался с задумчивым видом, пытаясь припомнить свое имя. Его мыслительные способности, судя по всему, подвержены сезонным колебаниям. Когда он помогал мне в Бледсо, была, по-видимому, середина лета. Сейчас же пришла поздняя осень или наступала ранняя зима. Меня утешало лишь то, что я не собирался долго иметь с ним дело. Иначе сам бы сошел с ума.

Паузиффл!

Айви прикрыл дверь в маленькую комнату. Попка-Дурак немедленно сорвался в визг. Айви улыбался. Кажется, теперь я знаю, как поступить с птичкой. Она может составить компанию несчастному больному существу, которому так нужен друг.

Несчастное больное существо отправилось исследовать помещение, в то время как его друг мучительно продолжал искать ответ на серьезный вопрос.

— Ага! — Его лицо просветлело. — Скользкий! — еще больше радости на физиономии. — Да! Точно — Скользкий. — Его улыбка затмила широкую ухмылку Айви.

— Скользкий?

Что за имя? Скорее прозвище. Хотя, на мой взгляд, парень скользким не казался.

Айви сунул голову в мой кабинет, окаменел и вскрикнул от ужаса, первый раз изменив своему стандартному набору из шести слов. Судя по тому, как он стоял, его взору открылась Элеонора. Эта картина очень многое может сказать тем, кому безумие открыло глаза.

Скользкий расправил плечи, гордясь, что вспомнил, как его зовут.

— Проходите-ка, ребята, в кухню, — сказал я. — Выпьем пивка и перекусим немного.

Я подозревал, что они ничего не ели со времени бегства из лечебницы. Свобода имеет свои недостатки.

Скользкий кивнул, просияв улыбкой. Айви же меня полностью проигнорировал. Он пересек зал, вошел в комнату Покойника и получил удар посильнее, чем от призраков, изображенных на картине рядом с Элеонорой. Покойник совсем не похож на плюшевого медвежонка и не возбуждает чувства мгновенной любви.

Я вытащил Айви за шиворот и препроводил в кухню. Там мы уселись закусить — холодный ростбиф, маринованные огурчики, сыр и горчица, от которой глаза лезут на лоб. Все это заливалось пивом. Я больше пил, нежели ел. Когда Скользкий и Айви немногого снизили темп и оказались способны не только жевать, но и дышать, я спросил:

— Скажите-ка, парни, вы умеете что-нибудь делать?

— А?.. — подал голос Скользкий.

Айви же высасывал очередную кружку пива — пятую по счету. Я начинал догадываться о характере его безумия. Обыкновенный алкоголик.

— Чем вы занимались, прежде чем вас поместили в психушку?

Скользкий вступил в двенадцатираундовую схватку со своей памятью.

Айви, осушив свою порцию, вновь направился к леднику. Я без труда усадил его, поймав за руку.

— Не надо перебора, Айви.

Несчастный страдалец с минуту молча рассматривал свою тарелку, а затем поднес ко рту ломть мяса. Благополучно проглотив его, он поверг меня в изумление, вдруг заявив:

— Не забывайте есть, Гаррет. Запомните мои слова. Когда пьешь — надо обязательно закусывать.

Я уставился на него. Скользкий же, посмотрев на Айви, взывал:

— Будь я проклят, Гаррет! Будь я трижды проклят! Он залопотал! Что мы сделали? Я раньше никогда не видел его говорящим.

Это событие, по-видимому, подхлестнуло и интеллектуальные способности Скользкого. Он начал болтать с Айви, пытаясь отвлечь того от еды. Но Айви не желал отвлекаться. Он не сводил глаз с тарелки, старательно выбирая самые вкусные кусочки. Всего лишь раз он поднял глаза, да и то лишь для того, чтобы бросить жадный взгляд в сторону ледника. Объект его внимания — бочонок — покоялся там в одиночестве.

— Итак?

Скользкий посмотрел в мою сторону:

— Что — итак?..

— Я спросил, чем ты занимался до того, как тебя поместили в Бледсо.

— Зачем вам это? — поинтересовался он. До гения этому человеку было очень далеко.

Следовало поторопиться, пока он вновь не ушел в зиму.

— Я хочу это знать, потому что, возможно, смогу подыскать человека, готового платить тебе за твои таланты.

В Танфере, и в обычных, и в криминальных кругах, нет недостатка в свободных рабочих местах — наши молодые люди вы-

нуждены проводить пять лет в Кантарде, и многие остаются там навсегда.

— В основном я работал телохранителем. Когда начинал, был первоклассным работником, но потом подхватил на юге какую-то болячку, и все пошло прахом. Я стал временами отключаться, начал совершать ошибки. Провалил отличную работу, которую получил благодаря моему росту. Нашел новую, почти такую же хорошую, но и ее провалил. Следующее место было уже похуже, но и там ничего не вышло. Так продолжалось довольно долго. Отключки случались все чаще и чаще. Появились провалы памяти. Я ничего не помнил. Правда, у меня было чувство, что я совершил недостойные поступки. Может быть, даже ужасные поступки. Но меня, видимо, не ловили, так как я всегда приходил в себя дома. Иногда на мне оказывались царапины и ушибы. И вот однажды, оказавшись в нужное время в нужном месте, я снова получил превосходную работу. Затем я не помню, что произошло. Однажды, проснувшись, я обнаружил, что нахожусь там, где меня встретили. Не помню, сколько времени там пробыл и как оказался.

Мне довелось видеть его во время выпадения сознания. Паузыффл. Возможно, тот приступ был не сильным. Вполне вероятно, что иногда парень становится берсерком.

Впрочем, в таком случае его поместили бы в палату для буйных. Разве не так?

— Чем ты занимался в армии?

— Ничем, парень. Я не был в армии среди этих маршировалок. Я все понял по его тону и пламени во взоре.

— Ты был в Морской пехоте?

— Абсолютно точно. Первый батальон. Корабельная морская пехота.

Впечатляюще. Быть морским пехотинцем — это кое-что. Скользкий принадлежал к элите элит. Еще интереснее, как это он по прошествии многих лет смог оказаться в городском клоповнике. Этот парень должен быть крепче дубленой кожи.

А с другой стороны, разве сотни крепких парней не ломались, попав в трудное для себя время в сложные обстоятельства?

— А вы?

— Морская пехота. Разведка.

— Ого! Здорово! — Он протянул руку, и мы сшиблись ладонями — дурацкий обычай, оставшийся со времени пребывания в Корпусе.

Нам еще тогда внушали, что мы никогда не перестанем быть морскими пехотинцами.

— Если сумеешь совладать со своей головкой, я, возможно, смогу использовать тебя в своей работе.

Слегка помрачнев, он поинтересовался:

— А чем вы занимаетесь? Когда не разоряете лечебницы, устраивая там побоище, как в кабаке.

Я все объяснил. Затем еще раз. Он ничего не понял, пока я не сказал:

— Это вроде как бы быть на войне наемником — разница в том, что я помогаю найти пропажу или найти выход из трудного положения тем, кто не может справиться с этим самостоятельно.

Основную идею Скользкий все-таки усек. Правда, он так до конца и не понял, ради чего я проявляю мужество. В его представлении я являлся каким-то рыцарем на белом коне.

Пришлось изложить все в терминах, доступных его пониманию.

— Большинство моих клиентов до ушей загружены бабками. Они нуждаются во мне, а я выжимаю из них, сколько могу.

Даже Айви воспрянул духом, услыхав это. Но продолжал смотреть на ледник, как будто именно там находятся райские врата.

Пришлось подняться, откопать бутылку вина, хранившуюся в доме от начала времен, и поставить ее перед Айви. Когда наконец он отлип от горлышка, я спросил:

— А ты, Айви? Что делал ты на войне?

Айви пытался ответить. Он честно старался изо всех сил, но язык его заплетался, и бедняга лишь нечленораздельно мычал. Я предложил ему еще раз приложитьсь к бутылке и расслабиться. Он так и сделал. Как ни странно, мой совет оказался продуктивным.

— Итак? — Я слегка потряс его, начиная ощущать чувство вины (накачался с двумя юродивыми, вместо того чтобы отправиться на поиски пропавшей дочери). — Что ты делал, когда был там, на юге?

— Гле-гло-глубокая раз... разведка. Рейнд... же... ры.

— Вот это да... — пробормотал Скользкий. Гражданским его чувств не понять.

Я кивнул, стараясь скрыть изумление. Айви вовсе не вписывался в образ героя. Впрочем, я встречал много подобных парней. Тех, кто, прослужив в элитных частях, ухитрились выжить. Эти ребята знали, как постоять за себя.

— Было очень трудно?

Айви молча кивнул. Любой другой ответ был бы ложью. Тяжелые, ожесточенные и кровавые бои шли сплошной чередой. Избежать их было невозможно. Милосердие было незнакомым словом. Даже теперь, когда война через много лет после нашего в ней участия, казалось, была выиграна, бои продолжались, хотя и не в прежнем масштабе. Солдаты Каренты преследовали отдельные отряды разбитых венагетов и старались прибрать к рукам беспризорную республику, созданную Слави Дуралейником.

— Глупый вопрос, — заметил Скользкий.

— Знаю. Но иногда мне приходилось натыкаться на типов, которые утверждали, что им страшно нравилось быть в Кантарде.

— Значит, они все время оставались в тылу. Или врут. А может, просто сумасшедшие. Те, кто действительно не представлял себе иной жизни, просто там оставались.

— В общем, ты прав.

Айви вдруг заговорил тонюсеньким голосом:

— Те-теперь, когда... мы от-ту...да ушли, для них осво...освободилось много места.

С ним я тоже согласился.

— Расскажите нам побольше о том, чем вы занимаетесь, — сказал Скользкий. — Кого вы так сильно обозлили, что он решил отправить вас в Бледсо?

— Я уже ни в чем не уверен.

У меня не было причин что-либо скрывать, и я поведал им все в деталях. Они слушали спокойно, пока я не упомянул Грэнджа Кливера.

— Постойте, постойте. Как его? Кливер? Связано с Дождевиком... Кливер.

— Да, так его иногда называют. Чего ты разволновался?

— Моя последняя работа. Та — самая лучшая. Я выполнял поручения как раз этой голубой задницы.

— И?.. — Я вдруг ощутил нечто вроде приступа зубной боли.

— И я совершенно не помню, чем в тот день занимался, но очнулся в клоповнике. Уверен, это дело рук Дождевика.

— Интересно. Почему ты так уверен?

Подумать только, несколько минут назад он был не способен вспомнить свое имя.

— Теперь, когда мы об этом заговорили, я припоминаю, что сам помогал таскать парней в психушку. Парней, которых Дождевик почему-то не хотел замачивать, но которые ему все-таки мешали. Он часто повторял, что на его пути встают только сумасшедшие, которым место в клоповнике.

— Все! — Я поднял руку, но он продолжал говорить без умолку. — Мне кажется, теперь я просто обязан побеседовать с мистером Кливером.

Скользкий побледнел. Моя идея, похоже, не встретила всеобщей поддержки.

24

Мне не терпелось предпринять наконец какие-нибудь действия, вытекающие из контакта с Мэгги Дженн. Но какие именно? За ее дочерью тянулся след мистических артефактов, указывающих, что Эмеральд увлеклась древней черной магией.

Изобилие этих безделушек наводило на подозрение, не подстроено ли все это специально. Но кто и зачем (и я еще должен во всем этом копаться), а с другой стороны — их так много, что вряд ли они подсунуты специально. Неужели тот, кто это сделал, был настолько туп и полагал, будто его фальшивки примут за чистую монету?

Скорее всего да. Большинство преступников Танфера не отличаются силой мышления.

Я решил следовать дорожным указателям, будь они подлинные или фальшивые. Если фальшивые — тот, кто их подбросил, окажется способен мне кое-что рассказать.

Нельзя в этом расследовании просто так отбросить оккультную версию. Мои сограждане готовы купить все, если продавец устроит для них убедительное шоу. Поэтому у нас здесь существует тысяча разнообразнейших культов. Многие из них склоняются к темным сторонам веры. Иные посвящены колдовству и преклонению перед демонами. Иногда скучающие девицы из богатых семей, желая развлечься, тоже не прочь заняться этим.

Может быть, стоит изучить характер Эмеральд? Ее достоинства и недостатки? Впрочем, успеется. Судя по рассказу мамаши, девица была вполне нормальной и обладала хорошим здоровьем. И вряд ли в ее возрасте она все еще страдала от синдрома девственности. Большинство подростков излечиваются от этой болезни раньше, чем успевают вывести прыщи с морды.

Если вам нужна информация, всегда полезно хорошенько потрясти эксперта. Бессспорно, улица — прекрасный источник сведений, но там приходится заниматься поиском жемчуга в огромной куче дерьяма. Чистая потеря времени. Другое дело, если вы знакомы с человеком, который на «ты» со всеми интересующими вас жемчужинами.

Сколько я помню, люди почему-то звали ее Красулей. Она была в основном человеком, однако в ее жилах текло достаточно крови гномов, чтобы наградить ее долголетием. Когда я был маленьким мальчиком, она уже была вздорной старухой. Уверен, что с той поры ее нрав нисколько не улучшился.

Ее лавочка была дырой в стене в моем бывшем районе. Стена находилась в темном и зловонном проулке, и не живи там Красуля, его избегали бы не только человеческие существа, но даже и запойные крысиюки.

Проулок оказался даже хуже, чем я его запомнил. Слой отбросов стал глубже, грязь более скользкой, а вонь сильнее. Ясно почему: в наше время все стало хуже, чем в былые времена. Танфер разваливается на глазах. Он утопает в собственном дерьме. И всем на это плевать.

Нет, некоторые проявляют заботу. Но заботу явно недостаточную. Существуют десятки фронтов и групп — и сотни рецептов спасения. Но каждый фронт или группа сосредоточивают усилия на том, чтобы очистить свои ряды от раскольников и еретиков —

что, естественно, проще, чем очистить улицы и улучшить состояние города.

Впрочем, мне ли жаловаться? Хаос только способствует моему бизнесу. Увы, как ни странно, я не могу смотреть на беззаконие как на достижение.

Неудивительно, что друзья меня не понимают. Я и сам себя не всегда могу понять.

В проулке все же оказалось несколько крысюков, хотя он был настолько ничтожен, что даже не заслужил никакого названия. Чтобы добраться до дверей обители Красули, мне пришлось перешагнуть через валяющегося на земле любителя бутылки.

Когда я вошел, зазвонил колокольчик. Если в проулке было просто темно, то в дыре, именуемой жильем Красули, царила тьма. Я тихонько закрыл дверь и, выждав, пока глаза привыкнут к темноте, осторожно двинулся вперед, опасаясь что-нибудь уронить и разбить. Я хорошо помнил этот дом.

— Будь я проклята, если это не отпрыск Гарретов! А я-то думала, что мы избавились от тебя много лет назад, отправив на войну.

— Рад снова видеть тебя, Красуля.

Ой! Что же я сделал? Она ненавидит свое прозвище. Но, очевидно, на сей раз старуха пребывала в снисходительном настроении и никак не среагировала на обращение.

— Ты выглядишь отлично. Спасибо, что помнишь меня. Я отслужил свою пятерку и вернулся домой.

— А ты уверен, что не скрылся от призыва? Все Гарреты мужского пола никогда не возвращались с войны.

Лучше бы она не напоминала. Ни мой брат, ни отец, ни отец отца не вернулись домой. Казалось, существовал закон природы — если твое имя Гаррет, ты получаешь почетную привилегию погибнуть за корону и королевство.

— Я побил судьбу, Тилли (по-настоящему Красулю звали Тилли Нукус), и заставил ее вспомнить старый закон вероятности, действующий одинаково для всех, включая венагетов.

— Или оказался умнее и хитрее остальных мужчин своего рода.

Мне уже приходилось слышать подобные высказывания. Правда, Тилли всегда говорила о моих родичах злее, чем остальные. У

нее были основания сердиться. Мой дед Гаррет (задолго до того, как я появился на свет) бросил Красулю ради другой, помоложе.

Однако вся горечь и язвительность не мешали ей относиться к нам, малолеткам, как к собственным внукам. Моя задница до сих пор хранит воспоминания о ее хлысте.

Красуля появилась в лавке через дверь, прикрытую занавесью из шнурков с нанизанными на них большими бусинами. В ее руках была лампа, бросавшая свет только в мою сторону. Зрение, доставшееся Тилли от предков-гномов, позволяло ей прекрасно видеть в темноте.

— Ты, Тилли, вовсе не изменилась. — И это было сущей правдой. Она оставалась точно такой, какой я ее запомнил.

— Не корми меня дерьямом, Гаррет. Я чувствую себя так, будто на мне проскакали тысячу миль и я сотню раз изошла потом.

И это тоже было сущей правдой.

Так выглядят прожившие семьдесят нелегких лет. Волосы редкие и седые, кожа черепа под ними поблескивает в свете лампы. Кожа на лице висит складками, будто старуха недели за две похудела вдвое. Она была бы бледна, если бы не испещряющие ее коричневые печеночные пятна, большие и маленькие. Тилли двигалась медленно, но весьма решительно. Ходьба причиняла ей боль, но старуха не желала уступать болезням. Я припомнил, что обсуждение недугов постоянно являлось основной темой ее бесед. Она вечно жаловалась, но, по существу, не менялась, оставаясь широкой в бедрах, с висячими складками жира по бокам. Судя по ее формам, можно было предположить, что она родила по меньшей мере десяток ребятишек, однако мне не доводилось слышать о ее отпрысках.

Тилли внимательно смотрела на меня, пытаясь изобразить улыбку. Во рту у нее оставалось не больше пары зубов, но глаза сохранили живость, и ум оставался острым как всегда. Улыбка ее при этом оказалась утомленной и слегка циничной.

— Итак, чем мы обязаны столь высокой чести после многих лет разлуки?

Надеюсь, она не начнет обсуждать со мной свое люмбаго.

«Мы» кроме нее состояло из пестрой кошки — самого вороватого существа данного вида из всех, что мне приходилось встре-

чать. Как и хозяйка, животное было ужасно древним. Кошечка смотрела на меня с таким видом, будто тоже узнала.

Врать Красуле невозможно. Она сразу же распознает ложь. Я понял это раньше, чем мне исполнилось шесть лет.

— Дело, — ответил я.

— Слыхивала я, каким «делом» ты занимаешься.

— У тебя такой тон, словно ты его не одобряешь.

— То, как ты ведешь его, — не более чем дурацкая игра.

Она не принесет тебе ни богатства, ни счастья.

— Возможно, ты и права.

— Что ж, присядем, — бросила старуха и опустилась на пол в позу лотоса. Этим искусством Красуля поражала меня, когда я был малышом. Изумила она меня и сейчас. — Так какое дело привело тебя ко мне?

Кошка улеглась на скрещенные ноги хозяйки. Я попытался вспомнить ее имя, но не смог. Будем надеяться, что оно мне не понадобится.

— Не исключено, что дело связано с колдовством. Я ищу пропавшую девушку. Единственный ключ, который я пока обнаружил, — колдовские принадлежности, спрятанные в ее комнате.

Красуля невнятно буркнула. Она не стала спрашивать, почему эти находки привели меня к ней. Старуха была крупным поставщиком колдовских ингредиентов — куриных губ, жабьей шерсти, лягушачьих зубов и всего такого.

— И она их оставила, убегая?

— Видимо.

Красуля поставляла первоклассное магическое сырье, и я не мог понять, как ей это удавалось. Она никогда не покидала дом, чтобы пополнить запасы, а мне не доводилось слышать о существовании оптовых торговцев этим добром. Ходили слухи, что Красуля, несмотря на свой образ жизни, очень богата. Я верил этим перешептываниям. Старуха продавала колдовские принадлежности уже многим поколениям магов и наверняка сумела где-то припрятать сундуки, полные золота.

— Не думаю, что так могла поступить настоящая колдунья.

— Я тоже.

Когда-нибудь шайка негодяев, проигнорировав уроки истории, попытается ограбить Красулю. У них ничего не получится, и попытка завершится крайне болезненно. Старуха, видимо, сама весьма могущественная ведьма.

Впрочем, Тилли никогда не говорила, что она колдунья или что обладает сверхъестественным могуществом. Об этом гласили факты. Одно то, что ей удалось дожить до старости, плавая среди акул, говорит о многом.

Я рассказал все с самого начала, не опуская никаких деталей. В этом не было необходимости. Тилли оказалась прекрасной слушательницей.

— В деле замешан Дождевик? — Ее физиономия помрачнела, превратившись в сморщенную черносливину. — Не нравится мне это.

— Вот как? — выжидательно проронил я.

— Мы давно его не видели. Возвращение Дождевика — плохая новость.

— Вот как?

Красуля любит поговорить. Если ее не прерывать, а лишь молча слушать, она иногда способна прокашлять нечто действительно важное. Но не исключено, что она воспользуется предоставленной возможностью поныть о своих болезнях и недомоганиях.

— Все как один твердят мне, — продолжил я, — что это очень плохой человек, но в то же время стесняются объяснить — почему. Трудно испугать того, кто провел пять лет нос к носу с лучшими парнями венагетов или сшибался рогами с людьми, подобными Чодо Контагью.

Чодо одно время был королем преступного мира Танфера.

— Чодо использовал пытки, убийства и угрозы насилия всего лишь в качестве инструментов. Дождевик же мучает людей потому, что это доставляет ему наслаждение. Думаю, он не желает привлекать внимания и поэтому отправляет людей в Бледсо. Иначе мы находили бы их куски по всему городу.

Она продолжила рассказ, и передо мной встал портрет садиста. Еще одна ипостась Кливера.

Я начал было сомневаться, стоит ли мне встречаться с чудовищем. Но при здравом размышлении пришел к выводу, что я все

же должен сделать это, хотя бы для того, чтобы объяснить ему, что отсутствие симпатий к человеку не может служить достаточным основанием для отправления его в психушку.

Красуля продолжала болтать, щедро делясь слухами, фактами, фантазиями и предположениями. Она знала ужасно много о Дождевике тех давних времен, но ничего не могла сказать о сегодняшнем Кливере.

— Ну хорошо. — Я попытался унять ее словоизвержение. — Что ты можешь сказать о существующих ныне колдовских культурах? О черной магии, которая способна привлечь скучающего подростка. Что происходит в этом плане?

Красуля на сей раз очень долго молчала. Я даже подумал, что ненароком коснулся чего-то запретного. Наконец она произнесла:

— Не исключено.

— Не исключено? Не понимаю. — Я не мог поверить, что, занимаясь столько лет торговлей магическими принадлежностями, она не знает ситуации на рынке.

— Я не монополистка в этой области. В городе есть и другие торговцы. Никто не может сравниться со мной по количеству и ассортименту, но торговля идет. Недавно в нашем деле появились совсем новые люди. Правда, в основном они ориентируются на клиентов-нелюдей. Тебе следует поговорить с Виксоном и Уайтом. В отличие от меня они не задают вопросов покупателям, и их клиентура состоит из богатых людей.

— Мне нравится, когда ты начинаешь изъясняться таким языком.

— Что? Не делай поспешных умозаключений о людях только на основании их местопребывания, мой мальчик. Ты можешь встретить гениев на Дне и идиотов на Холме.

— Не понимаю, что ты хочешь этим сказать.

— Ты и в детстве был немного туповат.

— Я предпочитаю, чтобы люди выражались напрямую. В таком случае удается избежать недоразумений.

— Ну хорошо. Я не знаю и не хочу знать, за чем ты охотишься, но сильно подозреваю, что Виксон и Уайт имеют целую когорту клиентов, исповедующих действительно отвратительный демонический культ. Начинай с Виксона и Уайта. Они готовы

продать самые неприятные вещи любому, лишь бы у того были деньги.

— Это все, что мне надо. Место, с которого можно начать. Ты помнишь Мэгги Дженн?

— Я припоминаю скандал.

— Что она собой представляет? Не может ли она оказаться связанный с Дождевиком?

— Что она собой представляет? Ты полагаешь, они были друзьями?

— Я думаю, что у тебя есть мнение на этот счет.

Если бы не оказалось, это произошло бы впервые.

— Ходили тысячи историй. В некоторых из них, на мой взгляд, содержалось зерно истины. Да, они были связаны. Это весьма серьезно беспокоило Теодорика. Однажды он даже грозился убить Дождевика. Это испугало его настолько, что он скрылся из города. Я даже слышала, что Теодорик намеревался открыть на него охоту, но вместо этого оказался убитым сам.

— Думаешь, есть связь между бегством Дождевика и убийством короля?

— Чистое совпадение. Каждый король обзаводится выводком врагов. Дождевик говорил после смерти Теодорика, что у него были другие причины для бегства из города. Поговаривали, что он сделал психами нескольких умных парней. Интересно, что привело его назад в Танфер?

Она упомянула об умных парнях. Это могло иметь отношение к отходу от дел Чодо. Несколько честолюбцев пытались этим воспользоваться, но дочь Чодо руководила империей еще более твердой рукой, нежели отец. Она могла без труда разобраться с Дождевиком, сделай тот хоть один опрометчивый шаг.

А со стороны закона у нас теперь новая Гвардия, которая с удовольствием бы наложила руку на любого злодея — если можно найти такого без протекции наверху. Дождевик их вполне бы устроил.

Опасаясь, что она попросит на прощание поцеловать ее, я начал продвигаться к выходу.

— Значит, Виксон и Уайт?

— Что слышал. Навещай меня чаще, чем раз в двенадцать лет.

— Обязательно. — Как всегда в момент обещания, я искренне считал, что так оно и будет.

Она мне явно не поверила. Все правильно. Я и сам уже начал сомневаться.

25

Увы, не первый раз приходится совершать непростительные ошибки. Вот и теперь я забыл спросить у Красули, в каком месте разместили свою вывеску Виксон и Уайт. Я вспомнил об этом, отойдя на три квартала, и сразу заспешил обратно. И получил лишь то, что заслужил.

Лавки на старом месте больше не было. Не существовало даже самого проулка. Меня заворожили. Теоретически зная о таких вещах, никогда не ждешь, что это может случиться с тобой.

Справившись с разочарованием, я отправился в ближайшее местечко, где у меня были знакомые, и спросил, слыхали ли они о Виксоне и Уайте. Это всегда срабатывает. У кого-нибудь из ваших знакомых оказывается знакомый, которому известно то, что вас интересует.

Так и произошло. Знакомый бармен по имени Шримп слышал о Виксоне и Уайте от клиента. Мы со Шримпом выпили пива, за которое мне пришлось расплатиться, и я отправился в экспедицию. Заведение Виксона и Уайта разместилось довольно далеко, на Западной стороне.

Магазин был закрыт. Никто не отзывался на стук. По всей видимости, хозяева лавки арендовали это помещение. Виксон и Уайт были настолько богаты и заносчивы, что считали ниже своего достоинства обитать там, где работали.

Эта часть Западного района принадлежит богачам. Лавки здесь обслуживают клиентов, не знающих, куда деть свои бабки. Это — не мой круг. Таких людей я никогда не мог понять, будь они покупателями или продавцами.

Я все время внимательно следил, не появится ли вдруг вооруженный патруль. Стража должна быть поблизости, а то все эти дорогие лавки падут жертвой ограбления. Интересно, не

участвует ли в охране Организация. У некоторых магазинов были даже стеклянные витрины. Значит, в этом месте действительно мощная охрана.

Заведение Виксона и Уайта, похоже, обслуживало дилетантов-чернокнижников из высших классов общества. Сами же Виксон и Уайт приобретали свой товар у Красули, утраивали ее розничные цены, полученное число умножали на три и реализовывали продукт наиболее безумным клиентам. В этом районе города магазины посещают люди, которые обожают хвастать перед своими знакомыми, сколько они заплатили за свои покупки.

Почувствовав, что мои классовые предрассудки начинают порождать неукротимое желание разбить витрину, я поспешил убраться вовсюси.

Делать было нечего, и я не испытывал ни малейшего желания отправиться домой, где мне составит компанию лишь попугай с психопатическими склонностями. Надеюсь, сквернослов сейчас дожнет от голода.

А не навестить ли Плеймента — проверить, как он себя чувствует. Он уже вполне мог прийти в сознание.

26

Плеймент внешне выглядел не хуже обычного.

— Что за чёрт! — выпалил я. — Кто ты такой? Близнец самому себе?

— Гаррет! — Он выскочил из стойла, широко раскинув руки. В одной из них он держал вилы, которые использовал для того, для чего они обычно употребляются в стойлах. Плеймент не казался угнетенным или больным. Он крепко обнял меня, выражая симпатию. Парень не переставал демонстрировать благодарность за то, что когда-то давным-давно я спас его от разорения.

— Полегче, дружище. Я существо хрупкое, в отличие от некоторых. — Мои ушибы все еще давали о себе знать.

— Так ты слышал о неприятности, в которую я попал?

— Слышал? Я был там и потрясен, что ты способен ходить. И как только они исхитрились притащить тебя домой?

— Мне немного не по себе. Но кто-то ведь должен позаботиться о животных.

— Ну так пошли за ребятами с консервного завода.

Мы с лошадьми не уживаемся друг с другом. Никто не принимает меня всерьез, но я твердо знаю, что весь этот вид животного мира только и ждет, чтобы разделаться со мной. Эти проклятые пожиратели овса готовы напасть, как только я повернусь к ним спиной, если в этот момент никто за ними не наблюдает.

— Гаррет! Какие жестокие слова ты произносишь.

— Ты слишком хорошо обо всех думаешь.

Они наверняка сумели обдурить Плеймета. Он их защищает, а эти чудовища, издевательски похрапывая, топчутся в стойлах и косят глазом, снимая с меня мерку для савана. Плеймет по-настоящему любит этих монстров и считает, что я поддразниваю его шутками дурного вкуса.

Когда-нибудь он все поймет. Но будет слишком поздно.

— Много работы? — спросил я.

Он махнул рукой на кучу навоза:

— Надо выкинуть солому и удобрения. У лошадок не бывает выходных.

— Да, отложить невозможно. Но все же, быть может, у тебя найдется время на пару кружек пива? За счет твоего старого друга. Куча дерьма никуда не денется.

— Точно. Если я ее не уберу. — Он помрачнел. — И ты платишь? Надо думать, тебе от меня потребуется большая услуга.

— Что?

— Ты, должно быть, потребуешь гигантскую услугу. Раньше тебе никогда не приходило в голову заплатить за пиво.

— Ты не прав, — вздохнул я. — Но спорить у меня настроения нет.

Эту битву я вел без перерыва уже много-много лет. Все мои друзья утверждают, что я появляюсь только тогда, когда мне от них что-то надо. Не так давно мне пришлось оплатить еду и выпивку Плеймета ради того, чтобы он познакомил меня с каратником.

— Так ты идешь? — спросил я.

Беда с парнями такого размера, как Плеймет, в том, что они не могут ограничиться двумя кружками пива. Для них это лишь

капля в потоке, которым они должны залить свою жажду. Если такой тип задумает серьезно вас ободрять, вам придется посыпать за цистерной.

Он сам выбрал место. Это оказалось потрепанное, темное, маленькое заведение об одну комнату, обставленную мебелью стиля «Пора Выбрасываться». Все здесь знали Плеймента, каждый подходил его поприветствовать. Далеко не сразу нам удалось приступить к беседе, и каждый вновь прибывший считал своим долгом прервать ее.

Мы ели. Мы пили. Я должен был платить. С каждым его глотком мой кошелек издавал жалобный стон.

Хотя заведение было всего лишь дырой в стене, они подавали прекрасное темное пиво, сваренное скорее всего здесь же; а те, кто работал на кухне, явно имели более чем шапочное знакомство с кулинарным искусством.

Я поглощал кусок за куском ростбиф, в сравнении с которым бледнело поварское мастерство Дина.

Цены тоже оказались весьма умеренными — естественно, для тех, кто не кормил полк солдат в составе одного гигантского существа, привыкшего полноценно питаться только за чужой счет.

— Как получилось, что таверна не забита до отказа? — поинтересовался я.

Плеймент одарил меня задумчивым, но преисполненным негодования взглядом и произнес:

— Предрассудки, Гаррет, предрассудки...

— Ах вот как...

Плеймент, мечтавший в свое время служить в церкви, пользовался каждым случаем наставить меня на путь истинный.

Предупредив таким образом, он, видимо, готов был оглушить приятеля заявлением, что забегаловка принадлежит одному из крысюков — существ, которых я не люблю даже сильнее, чем лошадей, хотя, признаюсь, без достаточных оснований. Поэтому я был приятно удивлен, когда Плеймент сказал:

— Таверна принадлежит кентаврам. Семье беженцев из Кантарда.

— Откуда же еще? — Лишь благодаря героническим усилиям мне удалось сохранить серьезность. — Я понимаю, почему они с трудом создают себе клиентуру.

Кентавров не любят. Долгое время они несли службу во вспомогательных частях армии Каренты. Но когда наемник по имени Слава Дуралейник бежал, провозгласив Кантард независимой республикой, племя кентавров целиком последовало за ним. Не исключено, что еще совсем недавно семейство участвовало в боевых действиях против Каренты. Когда все рухнуло, куда им оставалось бежать? Только в города Каренты, солдат которой они только что убивали.

Не понимаю, почему их у нас вообще принимают. Конечно, экономика способна поглотить их, когда вся молодежь находится на военной службе. Но молодые люди так или иначе должны вернуться. Венагетов изгнали из Кантарда. Слава Дуралейник разгромлен. Кажется, разгромлен.

Кентавры. Это ж надо!

Оставив свои мысли при себе, я поспешил сменить тему и рассказал Плеймету о деле Мэгги Джени. Не опустил я и постыдный эпизод о пребывании в Бледсо. Плеймет в отличие от Торнады не станет разносить весть об этом по всему миру. Он всего лишь мягко улыбнулся и даже не воспользовался возможностью проехаться по поводу состояния моего рассудка. За это я и люблю парня. Ни один из остальных моих друзей не смог бы устоять перед соблазном пошутить.

— И зачем же я тебе потребовался? — спросил он.

— Потребовался? Да без всякой причины.

— Ты пришел ко мне, привел сюда, накормил и залил пивом.

И наверняка что-то от меня хочешь.

— Когда-то это было смешно, приятель. Тысячу лет назад. Вывести меня из себя. Просто так, для развлечения. Некоторое время эта шутка действовала, пока окончательно не поросла плесенью. Вам, ребята, давно бы пора попробовать завести другую песню.

— Так тебе и вправду ничего не надо?

— Ничего, черт возьми. Я уже получил все, что мне требовалось, — приятную компанию и способные внимать уши.

Плеймет пробормотал невнятно:

— Может быть, он не представляет, что мне известно, — и громко добавил: — Тогда я постараюсь тебе помочь без просьбы.

— Да?

— Я немного знаю, что происходит в сфере колдовства. Некоторые мои клиенты принадлежат к этому миру.

Я был удивлен. Он придерживался доморощенного варианта Ортодоксии, который оставлял очень мало места для колдунов, хотя это довольно бессмысленно — слишком сильно черная магия и демонизм распространены в городе. Впрочем, я полагаю, что суть любой религии — в отсутствии смысла. Иначе ее бы никто не исповедовал.

Это еще одно проявление веротерпимости и широты взглядов моего друга Плеймента.

— Ну хорошо. Принимаю твою помощь. Не появились ли недавно новые кружки черниокнижников?

— Конечно, появились. В таком большом городе, как Танфер, секты постоянно создаются и постоянно рассыпаются. Человеческая натура такова, что чье-нибудь это обязательно оказывается оскорблённым и...

— Ну да. Ты не слышал о сектах, которые пополнились бы новообращенными молодыми женщинами?

— Нет.

— Проклятие! Ну что ж — нет так нет. Расскажи о Мэгги Дженн. Морли сказал, что ты на короткой ноге с королевским семейством.

— Скажи мне, что ты уже знаешь.

Пришлось еще раз повторить все, что мне было известно.

— Могу добавить совсем немного, — сказал он. — У нее действительно была дочь. Я думал, что девочка умерла, но, значит, это не так. Пока Мэгги не подобрал Теодорик, она скорее всего была дорогой профессиональной проституткой — под другим именем, естественно, — но доказательств этому нет. Морли ошибается насчет ссылки. Она действительно проводит большую часть времени на острове Пэз, но делает это по своей воле. Один месяц в году она должна оставаться в своем доме на Холме, иначе она теряет его. Когда Мэгги в городе, она держится тише воды и ниже травы, не желая привлекать внимания врагов.

Я понимающее кивнул, одновременно подав сигнал доставить нам еще по кружке их прекрасного пива. Я уже налился настоль-

ко, что произносимые мною слова несколько смазывались по краям, но этот супермен по имени Плеймет никак не желал начать спотыкаться о свой язык.

— Гр-Грэндэл Кливер, — выговорил я. — Д-Дождевик. Что скажешь о нем?

— Довольно долго о нем было не слыхать. Странно, что он вновь вернулся в город.

— Возможно. Думаю, между ним и Мэгги Дженн есть какая-то связь.

— Будь с ним осторожен, Гаррет. Он сумасшедший. Кровожадный псих. Его называли Дождевиком, потому что он оставлял вокруг себя десятки рыдающих вдов. Обожал пытать людей.

— Нормальный средний, обычный и привычный психопат, обитающий в соседнем доме. Что общего между ним и Мэгги Дженн?

— Не могу поклясться, но из того немногого, что мне известно, заключаю, что он был ее сутенером.

— Сутенером? — Я подумал немного и повторил еще раз: — Сутенером. — В этом действительно что-то было.

Я бросил на стол еще несколько монет, чтобы Плеймет смог расплатиться:

— Наслаждайся жизнью. Мне надо пораскинуть мозгами.

Плеймет позволил себе несколько замечаний по поводу моего мыслительного аппарата, замечаний, ставших столь модными среди друзей Гаррета. Я проигнорировал его.

Последняя информация полностью меняла всю картину. Если я, конечно, не ошибаюсь в своих рассуждениях.

Что тоже не исключено.

27

Вы полагаете, пуганая ворона и куста боится? Сильно ошибаетесь. Сколько раз вашего покорного слугу молотили только потому, что у него не хватало здравого смысла заняться другим делом? Впрочем, достаточно, чтобы не покидать дом без оружия самообороны. И достаточно, чтобы не терять бдительность — вдруг кто-то еще раз вздумает похвастаться физической силой.

Несколько лишних кружек эля не помешали мне заметить засаду, организованную на Макунадо-стрит. Мне удалось это только потому, что улица в столь позднее время оказалась пустынной. Обитатели нашего славного города ощущают опасность за тысячу ярдов и заранее разбегаются, как мелкая дичь при появлении в лесу тролля.

Движения на улице было не больше, чем в разрушенном здании по соседству с моим домом. Стояла такая тишина, что я не сразу обратил внимание на укрывшихся в засаде.

Наконец я уловил какое-то движение на противоположной стороне Макунадо. Скрытно подобраться к противнику я не мог, поэтому, тихо отступив назад, избрал кружной путь.

Неожиданно для самого себя я ощущил радостное возбуждение. Перспектива разбить несколько черепов весьма меня вдохновила. Вообще-то это на меня не похоже. Но на сей раз битва мне навязывалась. Если засада, конечно, не плод моего воображения.

Я подобрался к парню сзади, распевая рабочий гимн крысюков. Насколько я знаю, они поют всегда одну и ту же рабочую песню. Наверное, потому, что у большинства из них нет никакой работы... Искусственный акцент и вполне натуральный пьяный рев притутили бдительность врага. Вместо того чтобы подготовиться к бою, он просто обругал меня.

Я, покачиваясь, приблизился к нему и врезал дубинкой точнечонько между глаз. «Глимп!» — он отступил назад на полусогнутых. Я схватил его за ворот, бросил на колени и, скользнув за спину, завел под подбородок дубинку.

— Все отлично, красавчик. Сейчас я отклонюсь назад и ты узнаешь, что значит быть повешенным. — Для пущей убедительности и чтобы лишить его притока воздуха, я чуть-чуть усилил нажим. Теперь он будет думать только о том, чтобы как следует вздохнуть, и окажется более покладистым, если постоянно держать его на голодном кислородном пайке. — Ты все усек?

Он все усек и подтвердил это хрипом, для чего я чуть-чуть освободил ему дыхалку.

— Вот и прекрасно. Начинаем следующий акт драмы, в ходе которого ты мне поведаешь, кто тебя послал, сколько дружков тебя сопровождают и где это они попрятались.

Следует отдать парню справедливость. Он изо всех сил старался сохранить лояльность по отношению к своим корешам. Такое качество нынче нечасто можно встретить среди уличной шпаны. Прежде чем он сдался, мне пришлось чуть ли не придушить его. Парень сломался после того, как я прошептал ему на ушко:

— Я считаю, что лучший вид блефа — его отсутствие. Если ты мне сейчас не поможешь, мне просто придется отловить другого парня.

Блеф чистейшей воды.

Он начал издавать какие-то звуки. Похоже, мне все-таки удалось уговорить его пойти на сотрудничество. Я чуть-чуть ослабил нажим дубинки и по-отечески посоветовал:

— Тебе будет легче говорить на выдохе. Если ты этого не сделаешь, я могу рассердиться. Вы, ребята, потрепав меня прошлой ночью, полностью истощили мое терпение.

«Хоп!» — Я быстро придавил его, чтобы он и не думал о том, о чем вдруг начал думать.

— Ну кто тебя послал? — спросил я, не прерывая процесса удушения.

— Клифер, — с трудом прохрипел он. — Парень по имени Клифер.

— Сюрпризы, сюрпризы... — пробормотал я. — А он, случайно, не объяснил причину?

Последовал слабый хрип, означающий: «Нет» и «Это никого не кольшет». Парень по имени Клифер, видимо, отстегивал не-плохие бабки.

— Сколько твоих приятелей почтили меня своим появлением?

— Семь.

— Семеро? Я польщен. Твой Клифер очень высокого мнения о моей персоне.

Я тоже о себе крайне высокого мнения, но враги частенько не разделяют его.

Мой приятель проклокотал нечто, видимо, разделяя точку зрения моих врагов. Похоже, он слишком быстро приходил в себя. Пришлось его снова придушить.

Увы, с возрастом мы становимся все нетерпимее.

Мы тянули резину, пока я не выяснил, где прячутся его друзья и какова общая стратегия операции. Оказывается, они должны были захватить меня и доставить в логово босса. Мой дружок Грэндж Кливер, продавец живого товара, вознамерился поболтать со мной.

— А что? Мне эта идея по душе. Так мы и поступим, хотя, быть может, не станем придерживаться его первоначального плана.

Я еще раз придушил парня — и на этот раз достаточно сильно, чтобы он полностью отключился. Он очнется с головной болью, по сравнению с которой страдания, причиненные мне его бандой, покажутся милой безделицей.

Забавно, но я не испытывал по этому поводу никаких угрызений совести.

Итак, я отправился в поход, вышибая по пути начинку из поджидавшей меня шпаны. Я разбивал им головы, пока это занятие не перестало приносить мне удовольствие. Интересно, как лепотицы преступного мира опишут результаты побоища. Вдруг, претерпев в пересказе обычные преувеличения, они напугают тех, кто в будущем попытается стать на моем пути.

Не исключено, впрочем, что никто этим легендам не поверит. Все почему-то считают, что тяжелую работу выполняет для меня Морли Дотс.

Уложив самого низкорослого из всей команды (такой малыш наверняка гибрид) и перебросив его через плечо, я направился в «Домик Радости».

Иногда всем требуется дружеская поддержка.

28

Морли взъерошил малышу волосы:

— Он сумасшедший, Гаррет, и тебе следовало именно его оставить лежать в тишине рядом с твоим домом.

Мы находились в кабинете Морли на втором этаже его заведения. Пожиратели овощей вовсю веселились внизу.

— И это после того, как я решил его пощадить. Неужели кто-то из тех парней доводится тебе родственником, Упрямец? Или любовником?

Маленький гибрид сверкнул глазами.

— А мне этот парень нравится, — заявил Морли и, бросив суровый взгляд на Стручка, отыскивающего подходящее место на теле пленника, чтобы прижечь его, прикрикнул: — Прекрати!

— Почему?

— Потому что пока он формально наш гость.

— Ну ясно. Если бы я оказался гостем человека, который уложил всю банду, но пощадил меня, то изрядно бы волновался. Взгляните на этого идиота. Он уже прикидывает, как лучше причинить нам вред, будто мы, а не он, сидим по уши в дерьме.

— Нарциссио! Следи за своим языком!

— Парнишка в чем-то прав, Морли, — заметил я. — Клоуну следовало бы испугаться сильнее.

— Все еще впереди, Гаррет. Это только потому, что он не городской.

Я был с ним полностью согласен. Но решил проверить, насколько ход его мыслей совпадает с моим.

— Почему ты так думаешь?

— Да потому, что он не боится. Впрочем, погоди. Он, похоже, начинает понимать, в чьи руки угодил. Весь напрягся. Понимаешь, ему ничего не сказали, приглашая на работу. Просто сунули бабки в карман и велели помочь захватить тебя.

— Вынужден с тобой согласиться. — Я попытался изобразить злобную ухмылку, какая появилась бы у ребят из буйной палаты, если бы их вдруг выпустили порезвиться.

Морли действительно был прав. Наш гость наверняка должен был слышать о Морли Дотсе, даже если ничего не знал обо мне. Возможно, Торнада права, считая сложившуюся репутацию важным инструментом нашей работы.

— Сдается мне, у него начинают возникать позывы к сотрудничеству, — заметил Морли.

— Итак, — начал я, — будешь ли ты проходить у нас под счастливым седьмым номером или предпочитаешь присоединиться к остальным шести?

— Счастливый седьмой меня вполне устроит.

— Нет, ты только взгляни, Морли. Парень не утратил чувства юмора. Отличный признак. Хорошо, Счастливчик. В чем

состоял ваш план? — Обращаясь к Морли, я добавил: — Было бы крайне жаль не реализовать его.

— Это твоя лучшая мысль за много, много лет, — улыбнулся Морли без малейшей доли юмора.

Он был готов отправиться вместе со мной. Я был поражен, как поспешно Дотс согласился оказать мне помощь. Я припомнил взгляды, которыми он обменялся с Саржем и Рохлей. Неужели между ним и Дождевиком остались какие-то старые счеты?

Я страшно беспокоюсь, когда Морли становится покладистым. Каждый раз это кончается тем, что я остаюсь внакладе.

— Сколько ты готов затратить на операцию, Гаррет?

Я подумал о соглашении с Мэгги Дженн, вспомнил размер аванса:

— Совсем немного. У тебя возникли какие-то идеи?

— Вспомни репутацию Дождевика. Нам придется прибегнуть к помощи специалистов, чтобы успокоить его, если он решит разбушеваться.

— Специалистов? — Начиналась торговля. — Кого же это?

— Тройняшек.

Естественно. Его вечно безработных родственников.

Не знаю, какие они специалисты, но успокоить человека эти создания могут. В Дорисе и Марше не меньше шестнадцати футов, и они способны уложить мамонта одним ударом. Этих наполовину гоблинов, наполовину троллей можно остановить лишь миной-ловушкой в виде нескольких бареллей пива. Ради того, чтобы надраться, они готовы бросить все дела.

Последний из тройни — существо небольшое, размером с Морли — болтун, годный лишь служить переводчиком своим братьям.

— Нет, Морли. И без них мы похожи на бродячий цирк. Мне и надо-то всего лишь поговорить с парнем и выяснить, почему он решил вмешиваться в мою жизнь.

Морли, глядя на Счастливчика, протянул:

— Эх, Гаррет. А я-то было решил, что у тебя начал прорезываться здравый смысл. С Дождевиком разговаривать нельзя. Он понимает лишь грубую силу. Или ты врежешь ему промеж рогов,

или он залепит тебе пинок в зад. Если конечно, он кардинально не изменился.

Я скрчил рожу.

— В чем дело?

— Мой бюджет немного напряжен.

— Тоже мне новость!

— Эй! Полегче!

— Желаешь сохранить деньги? В таком случае не копай под Дождевика. Запри двери, припрячь свой денежный мешок и моли Бога, чтобы Кливер не придумал, как до тебя добраться. После сегодняшнего вечера он займется тобой вплотную.

Я и без него это знал. Кливер представлял собой одно большое это без вожжей и узды. А я дал ему повод быть мною недовольным.

Какой ты все же осел, Гаррет. Сам порождаешь все свои неприятности. Тебе надо бы научиться лучше уживаться с людьми.

— Интересно, как он узнал, что я выбрался из Бледсо, — прбормотал я себе под нос.

Морли и Стручок как по команде подняли головы, почувствовав, что сейчас последует история, которой они еще не слышали. Чтобы они не приставали, пришлось посвятить их в некоторые малоприятные подробности. В результате они узнали больше, чем мне бы хотелось.

— Да... — Морли, скользнув по мне своей отвратительной улыбкой, бросил: — Торнада.

Поистине дьявольская улыбка. Он был уверен, что догадка верна. А я и не подумал о тех, кто уже знал всю историю моих злоключений.

То, что известно Торнаде, за ночь может распространиться от моря до моря. Она обожает проводить время в компании, напиваясь и болтая. Прежде чем она успокоится, любая история в ее устах приобретает совершенно чудовищные формы.

— Если ты действительно считаешь, что нам не обойтись без тройняшек, так бери их.

— Ты подал мне более привлекательную мысль.

— Да?

— Используем клоунов, которых ты приютил у себя. Пусть отрабатывают свое содержание. Тем более что, по твоим словам, у большого к Кливеру должок.

— Прекрасная идея. Счастливчик, в каком направлении мы движемся? — спросил я, а Морли добавил:

— Имей в виду, я окажусь для тебя опаснее, чем Кливер, если мой друг Гаррет останется разочарованным.

— На запад, — прокаркал гость, стараясь, чтобы голос не дрожал от страха. Я не осуждал его. Он оказался между теми молотом и наковальней, о которых толкует поговорка.

— Запад — это прекрасно, — заметил я. — Запад означает, что по пути мы сможем заскочить ко мне.

Я полагал, что дружки Счастливчика уже очистили территорию.

Морли и его команду посещение моего жилища как-то не вдохновило. Они, конечно, были головорезами, но никакой головорез в здравом уме не станет вступать в зону, где Покойник может читать мысли. Им не хотелось рисковать, несмотря на все мои заявления, что тот спит.

— Он сильнее лает, чем кусает, — сказал я.

— Неужели? — ухмыльнулся Сарж.

Морли и Рохля поддержали Саржа. Стручок воспринял это как сигнал повторить милые выражения старших товарищей. Мне пришлось уступить.

29

Я обнаружил Айви в маленькой комнате у дверей — он вел диспут с Попкой-Дураком. Попугай в этом споре выглядел более разумным. В помещении витал мощный дух пива и бренди. Кто из них двоих выпил больше? Никто не знает. Попка-Дурак может сосать спиртное не прекращая, пока вы его не остановите.

Похоже, Айви твердо решил, до того, как я его вышвырну, прикончить мои алкогольные запасы. Пришлось предупредить:

— Полегче, парень. Ты ничего не оставишь к завтраку.

Айви сразу приобрел несчастный вид. Было заметно, как он изо всех сил пытается разжечь костер своих мыслей. Однако, по-

моему, огонь даже не начал тлеть. Все же он, кажется, уловил, что мои запасы алкоголя небесконечны.

— Где Скользкий?

Верзилы нигде не было видно. Со второго этажа, правда, доносился шум, но эти звуки не могли принадлежать человеческому существу.

Через открытую дверь я заглянул в кухню. То, что я увидел, заставило меня заговорить с самим собой. Друг Скользкий пытался сформировать с моей продовольственной кладовой то же, что Айви сделал с запасами выпивки.

Вот и твори после этого добрые дела.

Стоит вам появиться на свет, как вам начинают читать проповеди. Но только взгляните, что происходит, когда вы действительно пытаетесь помочь своему ближнему! Вас спускают под гору и при этом без всякой смазки.

И где только проповедники набираются своих безумных идей? Сколько щек подставили они лично? Если они такие хорошие, почему ходят без пластирея на заднице?

— Где Скользкий? — на сей раз более сурово спросил я.

Айви медленно пожал плечами, не поняв ничего, кроме моего тона. Затем он принял объяснить Попке-Дураку ортодоксальную догму транссиркумстаниации. Попка-Дурак делал замечания, с которыми я не мог не согласиться.

Пришлось отправиться на поиски. Рев, доносившийся сверху, заслуживал внимания.

Распластавшись на спине на кровати Дина, Скользкий издавал храп, напоминавший рев совокупляющихся громовых ящеров. Я замер в благоговейном трепете. Этот верзила не может быть человеческим существом. Он не менее чем полубог. Симфония храта состояла из жужжания и рева, чавканья и бульканья. Казалось, он способен издать одновременно на одном дыхании любую известную разновидность храта.

Когда ко мне вернулась способность двигаться, я направился в свою комнату. Терпеть не могу прерывать работу истинных художников своего дела. В своей комнате я, подойдя к окну, посмотрел на Морли с его командой и толпу, постоянно кишащую на

Макунадо. Куда торопятся все эти создания? Что выгнало их на улицу в столь неурочный час? Интересно, быть может, жизнь так кипит только в моей окруже? Не могу припомнить другого столь же оживленного места, хотя город в целом ужасно перенаселен.

До меня доносился каждый звук виртуозного храна Скользкого. И мне не избавиться от этого рева, пока он гостит в моем доме.

Вот и твори после этого добрые дела.

Бросив взгляд на моих парней, Морли не вымолвил ни слова, а лишь покачал головой. Даже я начал удивляться, как они ухитрились пережить военную службу. Особенно Айви. На его плече восседал Попка-Дурак, перемежая грязные ругательства выкриками вроде: «Эгей, ребята! Мы — кровожадные пираты!» Само собой это привлекало всеобщее внимание — именно внимание вам больше всего необходимо, когда вы хотите тайно напасть на парня, который называет себя Дождевика.

Мой пленник показал на чудовищно уродливое здание из камня и кирпича, заявив, что именно там расположилась штаб-квартира Дождевика.

— Ты получил то, за что заплатил, Гаррет, — заявил наконец Морли, еще раз обозрев Скользкого и Айви. — Тебе стало жалко денег на тройняшек.

— Не напоминай мне об этом.

Скользкий хоть и не спал, но, казалось, был готов захрапеть. Под его крышей царила холодная зима. Айви все еще пытался убедить в чем-то пернатого бандита, но тот решил, что расправился с Айви, и предался воспоминаниям о днях, проведенных под парусами.

Морли посмотрел по сторонам, высматривая Стручка. Его пальцы скжались, будто он испытывал тот же соблазн, что и я.

— Валяй, не стесняйся, — предложил я.

— Не могу. Но я что-нибудь придумаю, — ухмыльнулся мой друг.

— За время нашего с ним знакомства я кое-что узнал о мистере Большая Шишка.

На сей раз я оказался мудрее, чем обычно, и, предвидя, что попугай может стать обузой, прихватил с собой фляжку бренди, которую не сумел отыскать Айви.

Морли рассмеялся, он прекрасно знал, что за штучка Попка-Дурак.

— Чтобы использовать Айви, нам следует вывести из строя птичку, — заявил я.

— Он был разведчиком, так и пошли его в разведку, — предложил Морли. — На пару со Стручком.

— Ты негодяй, — бросил я и тут же поинтересовался: — Любопытно, как они поступили с парнем, который спроектировал это здание?

Сооружение, без сомнения, когда-то служило небольшой фабрикой, укомплектованной слепым персоналом. Здание было просто отвратительным. Меня поразило, какого безобразного эффекта можно добиться, используя столь непрятательные строительные материалы.

— Возможно, сожгли на костре, не придумав достойного наказания за столь чудовищное преступление, — хихикнул Дотс. Он подшучивал надо мной, изображая из себя сноба-эльфа.

Его вкусы в искусстве и архитектуре отличались от человеческих. Насколько я знал, безумец, спроектировавший эту фабрику, был одним из предков Морли.

Я поделился своими знаниями вслух, добавив:

— Наверное, это здание включено в список архитектурных сокровищ эльфов.

Морли скривился. Он не был польщен. Сграбастав Стручка и Айви, он приказал им разведать обстановку.

— И оставьте птицу здесь. У нее не хватает ума держать клюв на замке.

Они отправились на дело. Остальные отошли в укрытие послушать скрежет пленника, которого я все еще не отпустил на свободу.

— Я сейчас занят, парень. Кормлю своего попугая, — объяснил я ему. Попка-Дурак начал сосать бренди. — Я отпущу тебя сразу, как только выясню, что ты нас не купил.

Вообще-то я не думал, что он обманул. Ни один разумный человек не выберет для своего штаба столь ужасное сооружение. Кливеру же, как мне описывали его характер, такое уродство как раз могло понравиться.

Возвратились Айви и Стручок. Парнишка сказал:

— В доме есть люди. Правда, их имен я не спросил. Те, кого мне удалось увидеть, выглядели достаточно антисоциально, чтобы ими мог заинтересоваться мистер Гаррет.

Вовсе я никем не интересовался.

— Ты что, даешь ему уроки риторики?

— Это у парня в крови. Правда, приходится работать над дикцией и грамматикой.

— Естественно. Все хитрожопые должны уметь изъясняться.

— Я могу идти? — поинтересовался пленник.

— Что случилось с мистером Большая Шишк? — сердито спросил Стручок. — Эй! Да он же пьян! Дядя Морли, это вы?..

— Нет, Счастливчик. Я еще не уверен, что ты нас не надул. А что, если ты привел нас к месту сбоярища крутых ребят?

— Вообще-то это чудовищное сооружение — как раз то, что выберет скупщик краденого, — высказал свое мнение Морли. — Много свободного места для хранения. Помещением скорее всего владеет человек, которого не видели уже много лет. Нам не удастся проследить его связи. Ты все-таки решил проникнуть внутрь?

Я подверг ревизии свой отряд. Ни Айви, ни Скользкий не внушали доверия.

— Раз уж мы здесь, пожалуй, стоит попытаться. Есть соображения по тактике действий?

— Почему бы не попробовать просто через входную дверь?

— Умница. Айви, Скользкий, — за мной!

Я зарысил к памятнику ужасающего вкуса. Мои странные помощники, изумленные, но хранящие верность, рысили следом. Морли приказал Саржу на всякий случай держаться рядом с нами. Сам он тоже двинулся. Стручок и Рохля последовали за нами. При этом Стручок протестовал во весь голос:

— Мистер Гаррет, вам не следовало давать попугаю алкоголь!

Всю жизнь мечтал взять штурмом крепость во главе отряда, состоящего из убийц-эльфов, беглецов из сумасшедшего дома и пьяного попутая.

Попка-Дурак бормотал что-то об императорском достоинстве, но говорил на наречии алкашей и так быстро, что даже завязтый пьяница из крысюков не смог бы разобрать его слов.

— Дядя Морли, — ныл Стручок, — это вы?..

— Заткнись!

Я посмотрел на цыпленка из джунглей и улыбнулся, как гном, только что заключивший выгодный контракт на поставку оружия.

30

Выглядел дом отвратительно, но крепостью он все же не был. Нам удалось найти неохраняемый боковой вход. Я без труда вскрыл замок и пригласил всех войти. Жаль, что среди нас не было Дина, он бы убедился, чего стоят хваленые патентованные замки.

— А здесь темно, — произнес Айви.

Интересно, чего он ожидал? Голос бедняги звучал обиженно, будто ему казалось, что с ним поступают несправедливо.

— Нам надо слушать этого слабоумного, — ухмыльнулся Сарж. — Держу пари, самому Дождевику не удастся облапошить его.

— Хватит! — бросил Морли, глядываясь в темноту. Эльфы видят во тьме почти так же хорошо, как и гномы.

— Что ты видишь? — прошептал я. Мы все объяснялись шепотом, полагая это мерой предосторожности.

— А чего ты ждешь?

Что за дурацкий вопрос? Я ожидал увидеть грязь и скваттеров, пришедших в дурное расположение духа из-за метода, которым мы вынуждены были проникнуть в здание. Но наше появление, судя по всему, беспокоило только крыс — да и они оказались настолько уверенными в себе, что тут же вернулись к своим повседневным занятиям.

Стручок утверждал, что все туземцы поселились в другом конце здания. Так оно и оказалось. В основном.

Мы пробирались через зал, освещенный единственной хилой свечой (что за жадная скотина этот самый Дождевик), и тут какой-то сонный придурак нарушил общий покой.

Он возник из комнаты прямо напротив нас, приглаживая двумя руками изрядно прореженные временем волосы. Парень тут же проснулся и даже успел крикнуть, прежде чем я опустил ему на

башку дубинку. Он завопил еще громче. Пришлось стукнуть его раза четыре, и только после этого он улегся на пол.

— Ну это уж слишком, — пробормотал Скользкий. Я с трудом расслышал его слова — невидимые туземцы подняли шум, желая знать, что происходит.

— Всегда уважаю чужое мнение. Лучше скажи мне, насколько ты знаком с этим местом.

— Ни разу его не видел.

— Но мне показалось, что ты говорил...

— Никогда здесь не был. Это я помню точно.

Направо вел коридор, по нему я и двинулся. Навстречу появился абориген. Тоже с дубинкой. Его глаза округлились. Мои тоже. Я ударил первым, он уклонился и, сверкнув подошвами, с веем кинулся прочь.

— Как думаешь, Гаррет, не двигаться ли нам немного быстрее?

Шум в доме становился все громче, и это беспокоило Морли.

Беглец нырнул за дверь. Я был от него в каких-то двух шагах. Но когда я сделал эти два шага, дверь оказалась уже не только закрытой, но и запертой. Я врезался в нее своим крепким как гранит плечом. Проклятая дверь подалась не меньше чем на тысячную долю дюйма.

— Ну-ка, теперь ты, — распорядился Морли, указывая на Скользкого. — Перестань ныть, Гаррет!

— Я вывихнул все суставы, кроме голеностопного.

Скользкий ударил по двери своей огромной ножицей. Лишь нанеся с десяток ударов, он рискнул упереться в панель своим хилым плечиком.

Дверь разлетелась в щепы, как будто была сценической декорацией. Похоже, для всякого дела нужна сноровка.

Мы оказались в помещении, похожем на склад. Его освещали лишь несколько неярких ламп. Редкостный скупердяй этот Дождевик! Помещение, судя по его виду, превратили в казарму. Ее обитатели, как вспугнутые мыши, разбегались в разные стороны к другим выходам. Лишь парень, которого мы застали в коридоре, выглядел бойцом.

Забавно.

Среди беготни и хаоса я вдруг заметил знакомую физиономию, смахивающую на морду гарпии. Мой старый приятель Ичабод. Вернее, мой старый приятель Ээк. Он быстро исчезал из поля зрения. Я устремился следом. Нам обязательно нужно было поговорить. У моей милашки Мэгги Дженн хватало неприятностей и без тех делишек, что вел с Дождевиком ее дворецкий.

Я не сумел отловить его. Старикин исчез бесследно, как привидение, на которое он так смахивает.

Обыскав все помещение, мы не обнаружили никаких следов Грэнджа Кливера. Удалось захватить всего трех человек — парня из зала, которого я успел уложить, да престарелую пару. Старички не успели вовремя схватить свои костили и оторваться от нас.

Пожилая дама была, наверное, на целую неделю моложе Красули. Ее муж, как и головорез, не проявлял склонности к беседе, а она болтала так, словно ее переполняли слова, как вас порой переполняют газы после иной пищи.

— Боже мой, бабушка, боже мой! — стонал я, захлебываясь в потоке жалоб на приступы люмбаго и на неблагодарность детей. — Все это очень печально. Сочувствую вам. Но мне надо знать, где находится Грэндж Кливер.

— Постарайся быть более дипломатичным, — предложил Морли. Будто сам обладал терпением святого, когда на кого-нибудь охотился.

— Я был дипломатом первые три раза. Теперь у меня настроение вовсе не дипломатичное. Сейчас я скорее намерен разбивать черепушки, — сблефовал я.

Видимо, и это мне не очень удалось. Никто из наших пленников по-настоящему не волновался, пока Стручок не распустил свой молодой язык и они не осознали, что имеют дело с самим Морли Дотсом. После этого даже у крутого молодца проснулась неистребимая тяга к сотрудничеству.

Да, Торнада все-таки права.

Дело двинулось. Бабушка-болтушка дала нам ответ, и это был вполне определенный ответ:

— Он только что ушел. Он и его мальчики. Грэндж не сказал, куда направляется, но думаю, он решил проверить, что случилось с парнями, которых он недавно послал на дело. Кливер этим

людям хорошо заплатил, но они так и не появились. — Бабушка сопроводила свои слова суровым взглядом, обращенным в сторону Счастливчика.

Счастливчик был похож на испуганного ребенка. Старики прекрасно понимали, чья информация привела нас прямиком в это отвратительное здание. Его весьма беспокоил свирепый нрав босса.

Морли схватил Счастливчика за плечи и повернул лицом к себе.

— Кливер притащил тебя из деревни, как и большинство остальных своих людей, так?

Счастливчик бросил на нас злобный взгляд. Мы не оставляли ему выхода.

— Да, — неохотно выдавил он, считая, что мы не выполнили своей части сделки. Возможно, он был в чем-то прав.

— Почему?

— Думаю, не мог найти здесь желающих на него работать. Особенно когда все узнавали, кем он был во время своего первого появления в городе. Я слышал, он обзавелся тогда врагами, с которыми и сейчас никто не желает связываться.

Я бросил взгляд на Морли. Кто-то мог решить, что речь идет о нем, но я-то знал, что он не был той фигурой, чье неудовольствие отвратило бы головорезов от работы на Дождевика.

— Чодо, — произнес я. Можете назвать это интуицией.

Морли кивнул.

— Был младший брат, умерший нехорошой смертью. Чодо в то время еще невысоко взобрался по карьерной лестнице. Он тогда ничего не смог сделать, но и ничего не забыл.

Ни разу в жизни Чодо Контагью не оставлял неоплаченных долгов.

— Но...

— Об этом знаем лишь мы с тобой. Больше никто.

Мы с ним знали, что Чодо парализован и ведет растительный образ жизни. Власть над Организацией забрала его дочь. Она только прикидывалась, что получает инструкции от отца.

— Краск и Садлер. — Эта парочка тоже все знала.

Морли слегка наклонил голову.

— Да, они могли бы кое-что прояснить.

Краск и Садлер были главными костоломами на службе у Чодо. Но однажды они пошли против босса, что и спровоцировало паралич. Парочке пришлось исчезнуть после того, как дочь Чодо перехитрила их.

Странно, в городе постоянно циркулировали слухи об их мужской несостоятельности, хотя оба являли собой гору мускулов.

Я обрисовал их внешность, и Счастливчик не сумел скрыть беспокойства. Ему явно приходилось встречать парней. Метнув взгляд на Морли, я бросил:

— Меньше всего мы нуждаемся в дополнительных осложнениях.

Морли потряс Счастливчика, и тот поспешно залепетал:

— Вы, ребята, их здесь больше не сыщете. Грэндж хочет, чтобы они оставались дома, под присмотром, и не появлялись на публике. Боится, что они могут стать запалом для возникновения сложностей здесь, в городе. Поэтому он дал им работу в Саддлтоне.

И там эти ребята наверняка разрабатывают планы, как лучше мне отомстить.

— Морли, тебе не кажется, что наш друг Счастливчик что-то скрывает? Он, оказывается, знает дьявольски много о делишках Дождевика.

— Я это заметил.

— Я просто слышал разговоры его парней, — запротестовал Счастливчик. — Вы же знаете, как бывает вечерами. Все сидят, выпивают, убивая время...

— Само собой. Скажи-ка лучше, друг Счастливчик, куда ты намерен обратить свои стопы, когда мы тебя отпустим?

Покосившись на стариков, Счастливчик пожал плечами. Он был напуган. Старики же оставались спокойны, хотя пожилая леди наболтала довольно много. Неужели эта престарелая парочка является для Дождевика чем-то особенно ценным?

Я был готов спросить о Зэке, но мне помешал Морли:

— Мы провели здесь достаточно времени, Гаррет. Боюсь, подмога уже на подходе.

Да, он прав. Подмога может прибыть в любой момент.

31

— Вы только прогуляетесь с нами, ответите на несколько вопросов, — сказал я Счастливчику и старикам, — и мы вас отпустим. — Я подал сигнал к отправлению. — Здесь был парень по имени Зэк...

Попка-Дурак совершил первый на моей памяти достойный поступок. Он вылетел из темноты, истошно вопя:

— Спасите! Спасите меня, мистер!.. — В голосе его было еще что-то, кроме обычной сварливости.

И неудивительно.

Их оказалось восемь. Не слишком благоприятное для них соотношение сил, хотя банда вторжения состояла из рослых опытных головорезов. Сарж и Рохля первым делом успокоили наших пленников и, забросив остатки в угол, приступили к настоящей разминке. В их работе была какая-то зловещая привлекательность. Отвести от них взгляд оказалось так же трудно, как от проглатывающей жабу змеи.

У меня не было времени хорошенько насладиться зрелищем. Со всех сторон на меня наседали крокодилы. Я сумел их сдержать до появления подмоги.

Морли и Стручок совершали удивительные антраша. Создавалось впечатление, что они танцуют сцену фантастической битвы из современного балета. Мистер Большая Шишка хлопал крыльями и непрерывно орал. Шума он производил больше, чем орда павлинов. Его лексикон достиг новых глубин. Рохля, Сарж, Скользкий, Айви и бандиты Кливера выкрикивали ругательства, пытаясь расширить словарный запас птицы, но та верещала свое.

Четверо бандитов вскоре оказались на полу.

Мне доводилось слышать от самоуверенных, но малосведущих людей высказывания, что человека невозможно уложить при помощи голого кулака. Это верно, когда пьяный дилетант завязывает в баре драку со своим шурином. Совсем иначе обстоит дело, когда в бой вступают высокие профессионалы.

У Рохли был разбит нос. Стручок умудрился получить удар ногой под мышку. Прислонившись к стене, он держался за локоть, изрыгая непристойности. Морли бросил на него свирепый взгляд.

Сквозь весь этот бедlam вдруг прорвался девичий голос:

— Убейте их! Проклятие! Убейте их всех! Перестаньте играть с ними и переходите к делу!

Оглянувшись, я увидел низенького мужчину. Он кричал, как ему казалось, с безопасного расстояния. Кливер? Дождевик собственной персоной?

Морли тоже его заметил. Головорезы Кливера тем временем пришли к умозаключению, что негоже связываться с парнями, которые так ловко с ними справляются. Они не стали повиноваться приказу. Морли, усмехнувшись, направился к Дождевику.

Я уже был в пути.

Дождевик, однако, решил не составлять нам компании.

Этот коротышка умел бегать!

Наши помощнички, естественно, побросали все дела и затопали вслед за нами, что привело ко вполне предсказываемым результатам. Дождевик исчез в той же крысиной норе, которая незадолго до того поглотила Эзка. Его люди, похватав свои запасные части, ринулись к выходам. Неожиданно мы оказались в пустом здании в компании истерического попугая и с Гвардией на подходе, как тонко заметил Морли.

Он, наверное, прав.

В наше время люди частенько прибегают к помощи властей, и полиция иногда даже откликается на их зов.

— Нарциссио, поймай этого бесстыжего воробья и заткни ему пасть! — гаркнул Морли.

Мистер Большая Шишка к этому времени разошелся по-настоящему.

Я проверил, насколько наши люди способны двигаться самостоятельно. Серьезных травм не оказалось. С ногами у всех все обстояло нормально. Нам не хватало только мозгов.

Скользкий и Айви помогли отловить Попку-Дурака. Мистер Большая Шишка облегчил их задачу. Он на полной скорости врезался в стену и улегся у ее основания.

Жаль, что он не сломал себе шею.

Я прикинул, не свернуть ли ее самому, объяснив гибель птички ошибками в пилотировании. Но Стручок не сводил взгляда с павшего чудовища.

Когда мы вывалились на улицу, я спросил Скользкого:

— Тот коротышка и был Кливер? Креветка с женским голосом?

Морли проявил живейший интерес к ответу Скользкого. Быть может, он никогда раньше и не видел Кливера?

— Да. Это он. Кусок деръма. Если бы я успел схватить его, превратил бы суку в каплуну. Поместить меня в клоповник! Я сделал бы это голыми руками. Открутил бы яйца. Я бы с ним разделялся!

Однако при этом Скользкий дрожал. Он побледнел и покрылся потом. Ясно, парень мечтал находиться от Кливера не ближе чем на расстоянии полета стрелы.

Видимо, этот Кливер и вправду кругой парень.

Я посмотрел на Айви. Он не высказал своего мнения. Айви был целиком поглощен заботами о здоровье своего пернатого приятеля.

— Теперь мы будем редко встречаться с Кливером, — произнес Морли.

— Ты думаешь?

— Пребывание Дождевика в городе перестало быть тайной, Гаррет. Об этом услышит множество недолюбливающих его людей. И встретившись со Счастливчиком, он поймет, как много у него врагов.

— Полагаешь, он сляняет из города?

— Вряд ли. Но на его месте, будь у меня даже гусиные мозги, я бы слянял. Ты собираешься еще раз побеседовать с Торнадой?

Попробуйте догадаться, кто прятался в тени, пока в логове Дождевика гремела гроза?

— Так ты заметил ее?

— Я ее заметил.

Мы успели покинуть район до того, как прибыла Гвардия. Оказавшись в безопасном месте, я внимательно огляделся и не заметил никаких признаков моей светловолосой подруги-переростка. Может быть, мы ее больше не интересовали?

— Тебе обязательно следует с ней поговорить, Гаррет.

— Знаю. Знаю. Но хочу подождать, пока она доэрет.

Интересно, почему Торнада не занята охраной Чэстити Блейн?

Морли больше ничего не сказал, и я решил, что он не заметил еще одного наблюдателя — типа, который сопровождал меня к дому Мэгги Дженн.

Я ничего не понимал. В событиях не было никакого смысла.

Похоже, и впредь обстановка не улучшится.

— Не жди слишком долго, — заметил Морли. — Два покушения за две ночи означают, что Дождевик настроен весьма-ма серьезно.

— Серьезно обеспокоен, сказал бы я. — Враждебность Кливера ко мне вообще не имела никакого разумного объяснения. — Да. Именно с этой мыслью в голове я и намерен отправиться домой соснуть.

Попка-Дурак был у Стручка. Парнишка что-то нашептывал цветастому уроду. Я попытался незаметно ускользнуть, но не тут-то было. Морли осклабился и, покачав головой, гаркнул:

— Нарциссио! Не сметь!

Видимо, мне судьбой начертано до конца дней своих брести одной и той же наезженной колеей.

32

Я был потрясен, обнаружив, что Скользкий — приличный повар. Я выяснил это, приковыляв вниз к завтраку, после того как Айви растолкал меня, следя витающим в доме, невидимым глазу нормального человека заветам Дина.

— Ты бы расслабился, Айви, — ворчал я, входя в кухню. — Мы не на службе, нам незачем продирать глаза раньше полудня.

— Мой папа всегда любил повторять: кто рано встает, тому Бог дает. (Ранняя птичка носок вытирает, а поздняя глаза продирает!)

Только лень, а вовсе не сдержанность не позволила мне дать достойное опровержение этому извращенному представлению.

Одна птичка в маленькой комнате у двери уже приветствовала солнышко, повторяя раз за разом: «Жила-была одна юная леди...» Интересно, остался ли у Дина крысиный яд в форме семян? Крысы были слишком умны, чтобы его есть, но птичка...

— У вас есть какая-нибудь работа? — Скользкий все еще не очень представлял себе, чем я занимаюсь.

— Задание. Важная миссия, — пробормотал Айви. — Первое правило, Гаррет. Даже последняя дубина знает его. Боевая задача — прежде всего!

— Пошевели мозгами, армейская дубина. Хорошо. Хорошо. Ты прав.

Старое добродетельное отношение к службе, существовавшее со старых недобрых дней. Но разве что-нибудь изменится, если приступить к решению боевой задачи в полдень, а не на заре? Прошу прощения, я начал ставить под сомнение армейские догмы.

Интересно, заметили ли ветераны изменения, которые произошли в Танфере. Скорее всего нет. Оба они пребывали слишком далеко от мира, находящегося вне их черепушек.

Пришлось капитулировать.

— Думаю, мы совершим рейд и нанесем удар по Виксону и Уайту.

Пока эта лавка оккультных товаров оставалась моей единственной зацепкой. Магвамп с обещанным списком приятелей Эмеральд пока не объявился.

Кулинарное искусство Скользкого вызвало бы возмущение у Дина и заставило бы Морли биться в конвульсиях. Он обжарил шматок бекона и напек лепешек. Разрезал каждую лепешку вдоль и, залив обе половины расплавленным свиным жиром, засыпал их сахаром. Пища бедняков. Пища солдат. Изумительно вкусная, если подавать ее горячей.

33

Всю ночь шел дождь. Утренний воздух был наполнен прохладой. Дул свежий ветерок. Улицы казались чистыми, а небо — умытым. Был один из дней, когда так легко размагнититься, так легко забыть, что яркое солнце порождает более глубокие тени.

К счастью, на сей раз и тени не были угрожающими. Ни одна не скрывала разбойника или какой другой зловещей фигуры. Весь

город пребывал в столь редком для него прекрасном расположении духа. Со стороны Дна, черт побери, даже доносились пение.

Это благолепие долго не продержится. Еще до заката солнца зло снова появится на улицах, чтобы резать глотки.

За нами потянулся хвост: придурок, что вел меня до дома Мэгги Дженн, и парень с серьгой в ухе, быть может, обыкновенный кровожадный пират, но я сильно в этом сомневался.

Даже Айви заметил неуклюжего наблюдателя.

— Позволим им тащиться за нами. Пусть окосеют. Пусть себе мучаются, набивая мозоли на пятках.

— Все так, будто мы снова служим в Корпусе, — заметил Скользкий.

Айви не забыл захватить с собой Попку-Дурака. Грязный сквернослов наслаждался жизнью.

— Святые коровы! — вопил он. — Только взгляните на эти сиськи! О! Посмотрите! Подойди ко мне, крошка! Я тебе кое-что покажу...

Нам просто повезло, что у него скверная дикция.

Улицы кишили людьми. Все желали вобрать полную грудь свежего воздуха, прежде чем атмосфера Танфера придет в свое обычное состояние, прежде чем слабые и больные начнут вальтаться направо и налево. Этот свежий воздух в конце концов окажется ядом.

Пока мы добрались до Западной стороны, я сумел заметить еще одного наблюдателя. Этот парень был первоклассным профессионалом. Я обнаружил его чисто случайно. Просто мне повезло, а ему нет. Парень был мне не знаком. Скверно. Я всегда думал, что знаю всех классных игроков.

Ничего себе парад получился!

34

«Виксон и Уйт» оказались открыты.

— Стой здесь! Будешь дозорным, — приказал я Айви и вошел в лавку. Скользкий последовал за мной.

Оставалось надеяться, что у меня действительно был тот грозный вид, который я изо всех сил пытался себе придать.

Как Виксон, так и Уайт находились на борту, других членов экипажа или пассажиров-покупателей в помещении не было.

— Слава Богу, — пробормотал я, страшно довольный, что хоть что-то идет так, как мне хотелось.

Хозяева с первого взгляда поняли, что мы не принадлежим к числу клиентов, которых им хотелось бы видеть у себя. Однако благовоспитанность не изменила ни одному из них. Они увидели, что мы со Скользким превосходим их по весу в сумме фунтов на две стопы.

— Чем мы можем вам помочь? — спросил один из хозяев. Своим видом он напоминал попрошайку-бурундука. Губки сложены в умильную улыбочку, а маленькие ручки соединены ладошками перед грудью.

— Робин!..

— Прошу тебя хранить молчание, Пенни. Итак, джентльмены?

— Я разыскиваю одного человека, — ответил я.

— Разве все мы не находимся в вечном поиске? — произнес Робин с широкой улыбкой.

Этот тип, кажется, вздумал ломать комедию?

Пенни же подумал, что это смешно. Пенни захихикал.

Скользкий нахмурился. Гаррет тоже сдвинул брови. После чего эти ребята затахли по-настоящему. Робин плясался сквозь нас на улицу, будто оттуда могло явиться к нему спасение.

— Я ищу девушку. Могу описать. Восемнадцать лет. Рыжие волосы. Вот такого роста. Не исключено, что с веснушками. Такая хорошенка, что даже кровожадный пират бросит на нее второй взгляд и прольет скучную слезу, сожалея о содеянном. Вероятно, отзывается на имя Йюстина или Эмеральд Дженн.

Парни уставились на меня безумными глазами. Моя магическая мощь обратила их в полуумных.

На улице Айви втолковывал какой-то матроне, что лавка не-надолго закрыта. Дама пыталась его переубедить. Попка-Дурак, разобравшись в ситуации, начал выкрикивать непристойные предложения.

Я прошелся по магазину, выискивая товары на вид подороже. Торговое помещение было просторным, его украшала вычурная, довольно странная на вид мебель.

— Да, все предметы могут происходить отсюда, как, впрочем, и из любого другого места, — пробормотал я.

Я не заметил никакой реакции с их стороны. Парни были прекрасно вышколены и сохраняли нейтральное выражение лиц.

Пенни все же не выдержал и ухмыльнулся:

— Разве?

Я мог отличить его от Робина только по размеру усов. В остальном они вполне могли сойти за близнецов. Этих грубых и мерзких флибустьеров объединяло заметное стремление к нарциссизму.

— Скорее всего именно отсюда. — Я описал им несколько магических предметов, обнаруженных в комнатах Эмеральд.

Описание было безукоризненным. Покойник меня отлично выдрессировал. Безжизненные, спокойные маски, которые нацепили на себя Робин и Пенни, начали давать трещины.

Пенни, бесспорно, знал, о чем я говорю. Возможно, это было известно и Робину. Просто Робин лучше умел притворяться.

— Отлично. Итак, ребятки, вы знакомы с этими предметами. Скорее всего вы их и продали. Скажите теперь — кому.

Я взял в руки великолепный кинжал из рубинового стекла. Настоящий художник потратил месяцы, чтобы придать ему нужную форму, на гравировку и полировку. Это был шедевр дьявольской красоты.

— Я не сказал бы вам, даже если бы... Что вы делаете?! Прекратите!

Кинжал едва не выскользнул из моих пальцев.

— Что? Вы хотели сказать, даже если бы вы знали... Нет, Пенни, вы мне все скажете. Я не очень добрый человек. Впрочем, как и мой друг.

Я уронил кинжал и едва успел подхватить его у самого пола. Ребяташки содрогнулись. Они не могли оторвать глаз от клинка. Кинжал, наверное, стоил целое состояние.

— Ребята, я — тот самый тип, что являлся вам в ночных кошмарах. Именно я скрывался за маской, преследовавшей вас в сновидениях. Я — человек, который обожает неуклюже играть бесценным стеклянным церемониальным кинжалом над твердым дубовым полом, человек, способный разгромить ваше заведение и

привести вас к банкротству. Естественно, если вы откажетесь со мной разговаривать.

Положив кинжал, я взял в руки книгу — старую и на первый взгляд ничем не примечательную, так как в ней отсутствовали каббалистические знаки. Ничего особенного. Правда, так я думал недолго. Робин и Пенни начали выкрикивать ответы даже на те вопросы, которых я не задавал.

Они захлебываясь сообщили о мужчине, купившем названные мною предметы. Подивившись такому повороту, я внимательнее изучил книгу. И по-прежнему не обнаружил в ней ничего особенного.

Книга называлась «Яростные клинки» — средняя часть эпической трилогии «Вороны не остались голодными». «Яростным клинкам» предшествовали «Стальные игры», а заключали трилогию «Ураганы битв». Романтизированная история одного типа по прозвищу Орел, который усеивал трупами два континента и три моря почти тысячу лет назад. По теперешним стандартам Орел являлся отъявленным негодяем. Как друзья, так и враги в конечном итоге жалели, что повстречались с ним на жизненном пути. В представлении своего времени он был великим героем — оттого, что сумел прожить долгую и безбедную жизнь. Говорят, и до нашего времени ребяташки в провинции Бусивад мечтают стать новым Орлом.

— Это один из ранних списков? — поинтересовался я. По-настоящему древние экземпляры стали в наше время раритетами.

Робин и Пенни заболтали с еще большим энтузиазмом. В чем дело? Неужели они уже созрели для того, чтобы признаться в убийстве?

— Давайте еще раз все повторим. Вы говорите, это был невысокий мужчина с рыжими, тронутыми сединой волосами, зелеными глазами и лицом без морщин? Вы уверены, что это был мужчина?

Их яростные кивки оказались столь же смертельны для моей теории, как солнце для вытянутого на поверхность червя. Даже эти безумцы не могли принять Мэгги Дженн за мужчину.

— Примерно сорока лет? Не восемнадцати?

По описанию не похож ни на одного из известных мне людей, кроме, пожалуй, коротышки, которого я видел на складе.

— И вы не имеете никакого представления, кто это мог быть? — Я не успел заметить цвета волос и глаз Кливера — Вы знаете о нем что-нибудь?

— Нет.

— Мы ничего не знаем.

Они не отрывали взгляда от книги, стараясь всем своим видом показать, что ничего особенного не происходит.

— Он платил наличными? Вошел, огляделся, выбрал то, что ему надо, и заплатил, не торгуясь, не заботясь о явно завышенных ценах?

— Да.

— Наверняка деревенщина, — улыбнулся я, возвращая книгу на место. — Вот видите, если захочет, можно оказаться весьма полезными. Надо всего лишь заинтересоваться проблемой. — Оба владельца облегченно вздохнули, когда я отошел от их сокровища. — Вы не знаете, что может быть общим для всего закупленного им барахла?

Мне казалось, что такая общность существовала, но что я знаю о предметах демонического культа? Никогда не испытывал к нему интереса.

В ответ я получил энергичные кивки.

— На каждом предмете имелась серебряная звезда с козлиной головой внутри.

— Все это предметы культа поклонения демонам. Наши товары — массовая продукция гномов. Мы закупаем ее большими партиями. Думаю, большая их часть почти не имеет таинственных свойств или подлинной оккультной ценности. Они не подделка, но в то же время не придают владельцу могущества, — пояснил Пенни, взмахнув ручкой.

Я подошел к витрине, на которой рядами были уложены медальоны, подобные тому, что я нашел в жилище Жюстины.

— Вам известна девушка, которую я вам описал?

Отрицательное мотание головами. Нет, это просто удивительно.

— И вы уверены, что не знаете мужчину, купившего предметы?

Снова отрицательное покачивание головами.

— Вы не имеете представления, где я мог бы найти парня?

От постоянных кивков и вращений черепом у ребят могло начаться головокружение.

— В таком случае я, пожалуй, пойду, — бросил я, поворачиваясь к Скользкому.

Виксон и Уайт бросились в заднюю комнату, спасая свои жизни. Не знаю, что они могли подумать о моих предстоящих действиях. Видимо, ничего приятного. Они захлопнули за собой дверь. Весьма солидную дверь, надо признать. Мы услышали звук за-двигаемого тяжелого запора. Скользкий ухмыляясь вышел вслед за мной на улицу.

35

Скользкий оглянулся и спросил:

— Почему вы не взяли их покрепче за глотку? Вы же видели, как они взмокли, когда вы взялись за книгу.

— Иногда я предпочитаю действовать не прямолинейно. Айви, жди здесь. Свистни, если кто-нибудь появится.

Справа от меня находился узкий проход, ведущий к задней стороне магазина Виксона и Уайта.

В интересующей меня стене дома окна не оказалось. Сплошные сюрпризы. Даже в самых благополучных районах города на первых этажах было крайне мало окон. Искушать судьбу следует как можно реже.

Однако в лавке оказался черный ход, не менее уязвимый, чем окно. Интересно, чем занимаются эти парни, если им понадобился тайный выход? Может, с его помощью они спасаются от разъяренных потребителей?

Черный ход вел в комнату, куда бежали мои приятели. Дверь не могла до конца приглушить шума жаркого спора.

— ... местом ты думал, выставляя ее на всеобщее обозрение?

— Я забыл о ней.

— Ты забыл! Ты забыл! Не верю в это.

— Ты же видел, любимый, он ничего не заподозрил. Его интересовало лишь местонахождение девчушки Джени.

— В таком случае почему ты сразу не сказал, чтобы избавиться от него? Он мог что-то заподозрить. То, как ты себя вел...

— Я не сказал только потому, что мне не известно, где она сейчас находится. Девица не появлялась у нас с тех пор, как ее мамочка возникла в городе.

Интересно. Очень интересно.

— Гаррет... — проговорил Скользкий.

Я отмахнулся, изо всех сил напрягая слух. Надо было попробовать составить из обрывочных слов нечто более цельное.

Положительно необходимо еще разок поговорить с этими флибустьерами моря оккультизма.

— Гаррет!

— Подожди же!

Незнакомый голос произнес:

— Вам, ребята, лучше было бы оказаться замаскированными крысюками — сборщиками мусора. В противном случае...

— Посоветуй, Гаррет, с которого из них мне начинать? — произнес Скользкий.

— ... вас увезут отсюда на телеге с мусором.

Разговорчивый тип оказался представителем пяти болванов в одинаковых, небрежно скроенных одеяниях серого цвета. Я сообразил, что это униформа местного отряда охраны. Я, кажется, упоминал, насколько мирно выглядела округа? Приближающаяся старость и как следствие медлительность мысли заставили меня утратить бдительность.

Они появились со стороны, не прикрытой Айви.

Из-за двери не доносилось даже обрывков разговора. Вполне естественно.

— Так с кого же начинать? — вновь спросил Скользкий. Он рвался в бой с полной уверенностью, что разделается со всеми. Стражники не отличались ростом, поверх поясов у них свисали порядочные животики, а на толстых рожах едва виднелись крошечные свиные глазки. Ворчание Скользкого заставило главного хряка задуматься. Он, видимо, начал понимать, что Скользкий сможет разобраться со всей его командой.

Я решил, что сейчас не самое лучшее время для битвы. У меня еще оставалась бутылочка с чудесным спасительным соком Ве-

никого Магистра Милта. Я свистнул, чтобы Айви насторожился, и с силой швырнул пузырек под ноги охранителей порядка.

Мне повезло. Бутылочка разбилась.

Отвратительно черное пятно начало расплзаться по кирпичной мостовой как нечто живое. Впрочем, больше ничего не произошло. Придурков волшебство не задело. Их как ветром сдуло, едва они поняли, что что-то может случиться. Они не стали ждать, когда это «что-то» начнется.

Я потянул Скользкого за рукав:

— Пора рвать когти!

Тоненький столбик тумана начал подниматься с мостовой. Что же, лучше поздно, чем никогда. Беда в том, что столбик потянулся ко мне — единственному человеку, который двигался.

— Послушай, Гаррет, разве обязательно нужно бежать? Может, я догоню этих серых и проломлю пару черепов?

— Валяй. Но с этого момента ты отвечаешь сам за себя. Я ухожу.

Клубы дыма надвигались все ближе.

Я принялся действовать в своей обычной манере — избегать ненужного шума. Но действовал быстро и решительно. Пробегая по проходу между домами, я схватил Айви. Это заставило Попку-Дурака выступить с одной из своих самых запоминающихся проповедей.

У Скользкого, видимо, наступило прозрение, и он тяжело затопал за нами.

36

Выходящая на улицу дверь лавки Виксона и Уайта была заперта. В витрине виднелась табличка с надписью «ЗАКРЫТО», жалюзи на окнах опущены. Я был уверен, что даже если постучать, ребята все равно не откликнутся.

— Мы вернемся, когда эти типы начнут думать, что мы о них забыли, — сказал я. — Сейчас же отправимся в более дружественные районы нашего любимого города.

Я заметил, как к нам приближаются несколько отрядов людей, облаченных в серые наряды. Заметить это было несложно, так как улица вдруг обезлюдела. Таков уж наш Танфер.

Мы двинулись с максимальной скоростью, которую мог выдержать Айви в компании с этой идиотской птицей. Серые придуры нас не преследовали, удовлетворенные тем, что мы отправилисьчинить безобразия в других местах.

Через некоторое время я спросил:

— Скользкий, знаешь, почему я предпочитаю работать в одиночку?

— Что?.. Нет. Почему?

— Да потому, что когда я работаю один, рядом нет людей, называющих меня по имени в присутствии типов, которых я не желаю знать. Не терплю, если ко мне обращаются даже один раз, не говоря уж о четырех попытках.

Он надолго задумался и наконец пришел к выводу, к которому я его так тонко подводил:

— Это, наверное, была глупость, да?

— Именно.

С какой стати я должен беречь чувства этого человека. Ошибка такого рода может оказаться фатальной.

С другой стороны, у серых болванов не было никакого резона продолжать меня преследовать. Они изгнали нас из своих владений, не дав моим карманам наполниться предметами, которые, по их мнению, красть дозволено только им. Теперь придуры могли бить себя в грудь и заявлять Ассоциации торговцев, что они могучие охранники и неустранные истребители злодеев.

Виксон и Уайт тоже вряд ли решат заняться моей персоной. Единственной их заботой была сохранность книги.

— Заткните же наконец пасть этому воробью-мутанту! — проревел я.

Книга меня заинтересовала. Я прочитал все три тома эпопеи «Вороны не остались голодными», поджидая свою подругу в библиотеке. Основной пружиной действия в книге являлась династическая склоки, в которой принимала участие толпа людей, состоящих друг с другом в родственных отношениях разной степени. Главным

призом была практически призрачная королевская власть над рыхлой ассоциацией варварских кланов. Ни одно действующее лицо в саге вы бы ни за что не решились пригласить в свой дом. Главный герой — головорез Орел — за свою жизнь лично умертил более сорока человек.

В основе сюжета «Вороны не остались голодными» лежали подлинные события, которые несколько столетий мариновались в виде устных пересказов и только после этого были записаны.

Мне книга не понравилась. Отчасти потому, что в ней не оказалось симпатичных персонажей, но главным образом оттого, что автор считал своим долгом перечислить всех предков каждого игрока основного состава, а также его кузенов, отпрысков и остальных родственников. И то же самое для персонажей, с которыми главные действующие лица сочетались браком или которых они прикончили. Через некоторое время было невозможно уследить за всевозможными Торами, Торалфами, Торолфами, Торолдами, Тордами, Тодорсисами, Торидами, Торирсами, Торинсами, Тораринсами, Торгирсами, Торгъерами, Торгилами, Торбальдами, Торвальдами, Тофиннами и Торштенами. Уж не говоря о многочисленных Оддах, Эриках и Геральдах, каждый из которых мог изменить имя в любое время по самой ничтожнейшей причине.

— Что теперь? — спросил Скользкий, выводя меня из состояния задумчивости.

Айви печально оглянулся. Он, похоже, больше Скользкого был разочарован тем, что драка не состоялась. Но он все же ухитрился заставить цветную курицу прекратить приставать к прохожим с гнусными предложениями.

— Теперь я собираюсь домой, чтобы перекусить.

— Но какая от этого будет польза?

— Я перестану ощущать голод.

Кроме того, смогу закрыться от него, Айви и марширующей за нами колонны соглядатаев.

У меня были свои планы.

37

Доверив Скользкому и Айви приготовление ланча, я отправился в свой кабинет пообщаться с Элеонорой. Однако она не помогла мне расслабиться. Беспокойство не исчезало. Интересно... Я пошел через зал. Покойник, видимо, крепко спал. Но у меня на этот счет начали возникать сомнения. И раньше мне доводилось переживать подобные периоды беспокойства.

Мне совсем не хотелось заниматься логхиром.

Проглотив насеко пищу и сорвав ребятам, что отлучусь на минутку, я выскочил на улицу. От наблюдателей удалось избавиться быстро — помогло оживленное движение. Жизнь на улицах кипела сильнее обычного. Повсюду кишили беженцы. В результате на каждом углу витийствовал оратор, призывая немедленно вышвырнуть их из Каренты. Или даже более того — прикончить. В атмосфере клубились тучи очередного кризиса.

Убедившись, что за мной больше никто не следит, я направился на Холм.

Я подошел к двери Мэгги с таким видом, будто явился по приглашению. На многократный стук дверным молотком никто не ответил.

Был ли я удивлен? По правде говоря, не очень.

Изучив унылый, безликий фасад, я пришел к выводу, что он оставался таким же унылым и безлиkim, как и раньше. И вдобавок негостеприимным.

Я побродил некоторое время по окруже, и ни одна душа не остановила меня. Решив дальше не испытывать судьбу, я удалился.

На половине пути к заведению Морли я обнаружил, что у меня вновь появился «хвост». Неуклюжий недоумок опять брел следом. Что на это скажешь? Может быть, он все-таки кое-что соображает?

Я вошел в зал. Там сидели два моих лучших друга — Морли Дотс и Плоскомордый Тарп — и глазели на мою свежую любовь.

— Чэстити! Что может такая славная девушка делать в подобном заведении?

Морли одарил меня мрачным взглядом. Такой взгляд он приобрел не для своих жертв, а для тех, кто позволял себе усомниться, что его таверна — воплощенный в миниатюре рай эпикурейцев.

Плоскомордый оскалился. Это был огромный, могучийувалень. Я заметил, что у него не хватает еще одного зуба.

— Я проверяю вашу надежность, — ответила Чэстити.

— Не принимайте на веру ни одного слова этих парней. Особенно того, которого зовут Морли. Он ни за что не скажет правды, если можно соврать. Спросите у его жены и семнадцати неухоженных ребятишек.

Морли продемонстрировал мне две сотни остроконечных зубов. Он выглядел польщенным. Ухмылка Плоскомордого стала еще шире. Его зубы смахивали на широкие лопаты желтого и зеленого цвета.

Похоже, эти люди прекрасно проводят здесь время.

Усевшись, я прокричал:

— Рохля! Доставь мне немного яблочного сока. У меня как-то неприятный привкус во рту, словно я жевал подошву.

Дотс и Тарп продолжали скалиться. Стручок доставил мой напиток и хлопнул сосуд на стол передо мной, не отрывая взгляда от леди-доктора. Я вполне одобрял вкусы парнишки. Она действительно великолепно смотрелась.

— Вы не ответили на мой вопрос, — обратился я к Чэс.

— Почему я здесь? Мистер Тарп предложил подкрепиться перед тем, как мы отправимся в больницу.

— Мы? В Бледсо?

Мистер Тарп испытывал к Бледсо слепую, но лютую ненависть. Мистер Тарп имел честь родиться в Бледсо и полагался на медицинские услуги этого богоугодного заведения всю жизнь, за исключением службы в армии, где он впервые узнал, что такое настояще лечение. Я не мог представить, как Плоскомордый может согласиться добровольно приблизиться к этому месту.

Многие люди предпочитают самостоятельно одолевать все болезни, но не отправляться в больницу Бледсо, которая заслуженно считается вратами смерти.

— Я ее телохранитель, — сообщил мне Плоскомордый.

— Что? Но я полагал...

— Я видела вашу подругу, — улыбнулась Чэстити. Мои лучшие друзья захихикали.

— Мою подругу? Странно. Неужели она не согласилась на работу?

— Отослала ее ко мне, — заявил Тарп.

Над этим следовало хорошенъко подумать.

— А где твои дружки, Гаррет? — спросил Морли.

— Дома. Ухаживают за Попкой-Дураком. Надеюсь, жарят его на медленном огне. Но почему ты спрашиваешь?

— Идут разговоры, что ваша троица намеревалась разбомбить лавку каких-то гомиков на Западной стороне.

Я помрачнел. Странно, что об этом стало известно так быстро.

— Я всего-навсего хотел проработать одну версию по делу Эмеральд и даже особо не давил на ребят.

Я рассказал им о визите к Виксону и Уайту.

По мере повествования Морли мрачнел все сильнее и сильнее. Он дал мне договорить, но как только я закончил, спросил:

— Ты уверен, что это была старинная копия одного из томов «Вороны не остались голодными»?

— Да. «Яростные клинки». Ты знаешь что-то такое, что не известно мне?

— Ты помнишь, о чем там идет речь?

— Я читал книгу.

— Это меня нисколько не удивляет, — ухмыльнулся он, видимо, припоминая сложности в моих отношениях с Линнди Ли. — Раз читал, наверное, помнишь, что происходит в самом конце. Орлу за восемьдесят, он еще вполне бодр, хотя постепенно слепнет. Женщины начинают донимать его, вероятно, стараясь рассчитаться за те пакости, которые он им творил раньше. Когда его проняло, он забрал пару рабов, все сокровища, что накопил за семьдесят лет, и куда-то свалил. Через несколько дней он возвращается в одиночестве с пустыми руками и никому не говорит, что произошло с рабами и сокровищами.

— Ну и что?

— Да то, что любители поискать клады, собравшись вместе, больше всего треплются о «кладе Орла». Согласно одному из мифов, ключ к обнаружению хранилища можно найти в ранних

вариантах «Воронов». Легенды гласят, что переписчики обнаружили сокровище, создав всего лишь первые пять экземпляров, но перебили один другого, прежде чем успели клад откопать.

В устах Морли история человеческой жадности и предательства выглядела столь же отвратительно, как и похождения самого Орла.

По правде говоря, рассказ Морли не стоил и бумаги, на которой его можно было бы записать. Я не придал бы ему никакого значения, если бы не заметил столь знакомого блеска в глазах рассказчика. Я понял: он взволнован и верит в то, что говорит. Сейчас он думает о том, чтобы самостоятельно нанести визит Виксону и Уайту, без всякой связи с моим делом.

— Во втором томе? — спросил я в надежде остыть его пыл. — Но почему именно в нем? Ведь Орел склонил сокровища лишь к концу третьего.

Морли, улыбнувшись, пожал плечами. Бедный глуповатый Гаррет не замечает очевидного. Чэстити бросила на нас странный взгляд. Она понимала, что что-то происходит, но не знала — что именно.

— Наверное, ты прав, — сказал Морли, явно чтобы ввести всех в заблуждение.

Ему было известно нечто такое, о чем он не желал распространяться. Как и все, с кем мне довелось общаться в последнее время. Я, в свою очередь, пожал плечами:

— Я намерен навестить дом Мэгги Дженн. Не хочешь пойти со мной?

— Почему бы и нет?

Плоскомордый тоже выразил свое согласие. Он взирал на меня с большим подозрением, но вопросов задавать не стал. Незачем вводить Чэстити в курс дела во всех деталях. Особенно помня, что у нее друэзы в Гвардии.

Чэс видела, что мы исключаем ее из игры. Девице это не нравилось, но она понимала, что все равно ничего от нас не узнает.

— Вы знакомы с Грэнджем Кливером? — спросил я ее. — Он появляется когда-нибудь в Бледсо?

— Я иногда встречаю его, правда, реже, чем раньше. Он член Совета попечителей. Члены Совета появляются время от времени, чтобы продемонстрировать свое значение.

— Понимаю. Каковы его функции в Совете?

— Не знаю. Я ведь всего-навсего платный ординатор и не возвращусь в такие выси.

Морли не терпелось вступить в разговор, что он и не преминул сделать:

— Как Кливер сейчас выглядит? Он обычно выступает в гриме, и только самым близким друзьям известна его подлинная наружность.

Чэстити недоуменно спросила:

— Какой ему смысл гримироваться? Таких коротышек среди мужчин съскать трудно.

— Он не всегда выступал мужчиной. Он мог прикинуться и гномом, если желал.

— Или эльфом, — высказал я предположение.

— Никогда не существовало эльфа столь отвратительного вида, Гаррет, — рассвирепел Морли. — А если такой и появлялся на свет, то не выходил живым из колыбели.

Я припомнил того типа в пакгаузе. Несколько феминизированный, но вовсе не безобразный. Просто какой-то несчастной девочке по иронии судьбы достался не тот водопроводный кран.

— Не могли бы вы обрисовать его нам, Чэстити? Сказать что-то еще, помимо того, что он коротышка.

Она постаралась изо всех сил.

— Достаточно. Это тот самый парень, Морли.

Морли раздраженно заворчал. Чэстити вновь одарила нас изумленным взглядом.

— Все объясним позже, — пообещал я.

Интересно, что связывает Морли с Дождевиком?

Морли вел несколько своих собственных войн. Я оставался от них в стороне, считая, что лучше не быть в курсе всех подробностей. Если потребуется моя помощь, Морли сам расскажет все, что мне нужно знать.

Впрочем, будем держать ухо востро. Бывало, что иногда он выжидал слишком долго.

— Так ты идешь или нет? — раздраженно спросил он.

— Встретимся позже, — сказал я, обращаясь к Чэс.

— Обещания, обещания...

Плоскомордый бросил на меня взгляд, давая понять, что он станет хорошенько присматривать за ней. Тарп хотел дать обещание, потому что в прошлом числил за собой серьезный грех. В свое время я поручил ему охранять женщину, и он провалил дело. Женщина умерла. То, что при этом он истребил орду головорезов и едва не погиб сам, для Плоскомордого значения не имело. Главным для него оставалась его вина. И не было способа переубедить его.

Более надежной охраны, чем Плоскомордый, для Чэстити просто не существовало.

38

— Послушай, Гаррет, перестань тупо улыбаться с остекленевшим взглядом и поделись со мной своими планами.

— Ревность, Морли. Вульгарная ревность. — Я прогнал с лица улыбку. — Предполагаю прибегнуть к методу, ставшему известным благодаря Морли Дотсу.

Мы приближались к Холму и вскоре должны были оказаться на патрулируемой территории. Морли прав, пора перестать ухмыляться, предаваясь мечтам об очаровательной блондинке. Головорезы из охраны не проявят снисхождения даже к самым счастливым на вид чужакам.

— Метод Дотса? Осмелюсь спросить, в чем его суть?

— Тебе как изобретателю метода следовало бы это знать в первую очередь. Его суть — «при вперед и плой на свидетелей».

— Я применил этот способ только один раз, в полночь, во время грозы. Типичное для тебя преувеличение.

Я не удостоил ответом этот жалкий протест:

— За всеми домами идет проулок. Его используют торговцы для доставки товаров и крысюки для вывоза мусора.

— Вывоза мусора?

— Первый раз слышишь? Да, это так. Проезд гораздо чище, чем улица перед фасадами. Держу пари, ничего подобного тебе видеть не доводилось.

— По-моему, это крайне непатриотично.

— Совершенно не по-карентийски. Сплошной кошмар.

— Чистота улиц — заговор против страны.

Он все время пытался уязвить меня, видимо, потому, что между мной и Чэстити установилась прочная духовная близость.

— Твое заявление о жене и ребятишках — грязный ход, — сказал, оглядываясь, Морли.

— Не спорю. Но ты злишься только потому, что не сделал его раньше меня. Они все еще тащатся за нами?

— Возможно, ты и прав. Девочка стоит парочки трюков такого рода. Да, они еще здесь. Взвод потенциальных свидетелей. На этот раз ты имеешь дело с классной леди, Гаррет. Не веди дело так, как вел его с Тинни и Майей. — И, прежде чем я успел запротестовать, он добавил: — Ты их просто притягиваешь, не правда ли?

— Кого их?

— Как ты говоришь, «сплошные кошмары».

— Не смею спорить. Но в данном случае кошмар состоит только в том, что все события не имеют смысла, а не в том, что приходится иметь дело с ребятами, сходящими с небес, или с типами, продолжающими убивать после того, как их не только прикончили, но и кремировали. Пока мы здесь еще не встретили «меняющих форму» или вампиров, мечтающих вонзить клыки в чью-либо шею.

— Но и в этом деле тоже витает оккультный дух.

— Думаю, этот дух был сознательно подпущен Кливером. Скорее всего он и удерживает девочку. Оккультная чепуха затеяна для того, чтобы сбить Мэгги с толку.

— Тем не менее ты дело не бросаешь.

Я немного подумал:

— Пока нет. Теперь относительно тех, кто плетется за нами. Интересно проследить, как каждый из них поступит, выяснив, куда мы направляемся.

Мы уже находились на Холме и изо всех сил прикидывались честными обывателями. Всегда действуйте так, словно вы имеете право находиться в данном месте, и на вас никто не обратит внимания. Даже здесь, на Холме, основная масса пешеходов пребывает вполне законно, и местные стражники не смеют набрасываться на всех и каждого.

— Когда-нибудь эти клоуны, припомнив, чему их учили в армии, установят контрольно-пропускные пункты и введут специальные пропуска.

— Этому не бывать, — фыркнул Морли. (Он был крайне низкого мнения об охранниках с Холма.) — Здешние обыватели не допустят ни малейшего неудобства для себя.

— Скорее всего ты прав.

Он затронул самое больное место в организации безопасности граждан. Требования безопасности входят в противоречие с личным удобством охраняемых.

— Если ты, Гаррет, полагаешь, что все, кто за нами плетется, непорядочные люди, ты серьезно заблуждаешься. Среди них есть и те, кто посвятил себя служению обществу.

Я хотел запротестовать, но он тут же добавил:

— Кое-кто из них может служить в тайной полиции.

Тайная полиция с недавнего времени стала головной болью уголовного мира Танфера. Но Морли, существо весьма пластичное, сумел быстро сориентироваться в новой обстановке.

— Не исключено.

Однако в глубине души я не верил в это. Представители Гвардии, включая агентов Шустера, не вели бы себя столь застенчиво.

— Кстати, твоя подружка Торнада может иметь контакты с тайной полицией.

— Вполне возможно, если она извлекает из этого прибыль.

Проклятие! Интересно, способна ли она за деньги предать человека, настолько ей близкого, что его с некоторой натяжкой можно назвать другом? Пугающая перспектива. По крайней мере я не мог однозначно ответить на этот вопрос.

— Однажды ты дал мне совет не связываться с женщинами более безумными, чем я сам.

— И оказался прав. Разве не так?

— О да.

Мы свернули в проезд, идущий вдоль задней стены дома Мэгги Дженин. Ветер удачи наполнял наши паруса. Мы не встретили ни одной патрульной группы, значит, с официальной точки зрения нас на Холме не было.

— Будь осторожен с Торнадой, Гаррет. Она более безумна, чем ты. — Уставившись на неправдоподобно чистую мостовую, он закончил: — Хотя и ненамного. Смотри, как все убрано. И каждому позволяет здесь ходить. — Он фыркнул, не веря в заносчивую самоуверенность здешних обитателей. Ни один человек из живущих на Холме, как бы высоко он ни забрался, не застрахован от опасности. Великие колдуны и чародеи, штурмлорды, повелители огня, не говоря о рядовых графах и герцогах, тоже становились жертвами грабежей.

— Что до Торнады, я начну беспокоиться позже. Сейчас нам надо проникнуть в дом до появления зрителей. Через эту штуку. — Я указал на невысокий каменный балкон, с которого сбрасывали мусор. Крысюки размещали свои ящики прямо под ним, и туда отправлялись все домашние отходы. Точно такие же балконы были видны на всех домах вдоль проезда.

— Надеюсь, они построены в целях поддержания чистоты, а не в качестве убежища для сторожевых псов, — пробормотал Морли.

— Иными словами, ты надеешься, что эти архитектурные излишества сооружены специально для нас.

Морли фыркнул, высоко подпрыгнул, ухватился за край балкона, подтянулся и перебрался через ограждение. Вскрыв хиный дверной замок, он перегнулся через перила помочь мне забратьсяся. Балкон угрожающе скрипнул, и я, извиваясь как ящерица, поспешил перелезть через кованую ограду. Еще мгновение, и мы, укрывшись в помещении, прильнули к узкому, похожему на амбразуру окну — посмотреть, где же свидетели. Прошло не меньше минуты, прежде чем преследователи возникли в нашем поле зрения.

Морли саркастически хмыкнул.

— Пока лишь Торнада, — сказал я.

— Интересно, где она добывает свои наряды?

— Если бы я знал, своими руками удавил бы портного. Ее прикид — вызов не только обществу, но и всем божественным законам.

— Хорошо, мы на месте. Что же мы ищем?

— Откуда я знаю, черт побери! Все что угодно. Происходящее лишено всякого смысла, если считать, что передо мной стоит скромная задача разыскать пропавшую девушки. Я вовсе не должен был вступать в драку, попадать в психушку... Уверен, Мэгги Дженн преследовала совсем иную цель, нанимая меня. Поиски Эмеральд всего лишь предлог.

— Вот как?

— Возможно, я взялся за дело только потому, что меня заинтриговала Торнада, желающая проследить за Мэгги. Она полагала, что Мэгги собирается замочить кого-то моими руками.

— И теперь ты думаешь, что Торнада, вероятно, была права и весь смысл затеи — столкнуть лбами тебя и Дождевика.

— Вполне возможно. Я считал, что найду в этом доме ключи к разгадке.

— В таком случае начинаем раскопки, прежде чем Торнада догадается, где мы, и ворвется сюда, проломив стену.

— Точно. Но сначала взглянем, кто еще появился там внизу.

Перед нами промаршировал весь отряд. Морли внимательно изучил соглядатаев.

— Вот этот, — заметил я, — настоящий профи.

— Вижу. Нутром чую. Достойный игрок.

— Кто он?

— Хороший вопрос. — Морли выглядел обеспокоенным. — Я его не знаю.

Я тоже заволновался. Можно было без труда вычислить, что Торнада работает на Торнаду или на любого другого, кто ей платит. Кровожадный пират с серьгой в ухе скорее всего проходит по платежным ведомостям Кливера. Но на кого работает этот профи?

Похоже, каждый из наблюдателей знал о присутствии коллег.

Их странное поведение, видимо, еще раньше привлекло чье-то внимание, и на горизонте появился отряд головорезов-охранников. Даже Торнада предпочла тут же улизнуть, не провоцируя этих шутов на драку.

— Кончай глазеть и приступай к работе, — ласково посоветовал Морли.

Мы начали изыскания непосредственно с того места, где находились.

39

Мы беседовали шепотом, и очень скоро я начал удивляться, с какой стати. В доме не оказалось никаких следов Мэгги или ее потрясной прислуги.

Едва я успел подумать об этом, как Морли громогласно произнес:

— Здесь, Гаррет, никто не живет. И уже много лет.

Комнаты, которые я миновал во время своего первого визита, оказались заброшенными, и на всем лежал толстый слой пыли.

— Да, декорации были воздвигнуты только для того, чтобы разыграть передо мной спектакль.

— Теперь попытайся сообразить, зачем?

— Мы здесь именно для этого. Если, конечно, Торнада не была права с самого начала.

Продолжая путь, мы снова и снова натыкались на запыленные комнаты с покрытой чехлами мебелью.

— Антикварные вещи, — заметил Морли.

Мой друг разыгрывал невозмутимость, но я чувствовал, как сильно он разочарован. Увы, он не обнаружил ни одной маломальски ценной вещи, которую можно было бы без труда увлечь. Наверное, сейчас Морли размышляет, не вынести ли хотя бы часть мебели.

У нас была масса времени, и мы в конце концов напали на спальню, которую я в тот раз не видел и которой явно пользовались.

— Здесь обитала женщина, не страдающая от избытка чистоплотности, — заметил Морли.

И никто, очевидно, не убирал за нее — остатки еды на столе успели покрыться зеленым мхом плесени.

— Держу пари, эти обедки появились здесь еще до твоего визита. Давай-ка обыщем эту комнату более тщательно.

Я саркастически хмыкнул. Тоже мне — гений.

Через минуту я услышал:

— Гаррет...

— Да?

— Взгляни-ка на это.

«Это» ввергло меня в шок. «Это» оказалось женским париком из рыжих волос — настолько похожих на волосы Мэгги, что в первое мгновение у меня зародилось ужасное подозрение.

— Что это, Гаррет?

— Что — что?

— Да этот звук. Как будто тебя ткнули раскаленной ко-чергой.

— Я просто пытался представить, как выглядит Мэгги без волос. — Я взял в руки парик с таким чувством, словно это была отрубленная голова врага.

— Давай, давай выкладывай, не стесняйся.

— Понимаешь, в чем дело! Если взять такой парик, схватить Дождевика и натянуть его ему на черепушку, то вместо говнюка получится милашка, которая подрядила меня найти ее девочку — конечно, если говнюка одеть в женское платье. Принять этого типа за красотку, которая откровенно соблазняла меня...

Морли ухмыльнулся, потом фыркнул, затем откровенно расхочтался.

— Хо! Хо! Может получиться самая классная история из всех историй про Гаррета. Народ сразу бы забыл пустячок со старушкой и ее кошечкой. — Щелкнув в восторге пальцами, он снова осклабился. — Держу пари, Торнада все знала с самого начала. По меньшей мере подозревала. Может, она как раз и хотела прояснить картину, послав к Мэгги Гаррета. Ведь у него есть подход к рыжим. Дело может далеко зайти, если Гаррет убедит рыжень-кую присесть к нему на колени. Признаться, Торнада здорово выросла в моих глазах, — не унимался Морли. — Даже я не смог бы изобрести такого прикола.

— Ты вечно все усложняешь, — запротестовал я. — Торнада вовсе так не думала! — Я живо представил ход своих возможных действий (как знатока женских сердец) с Мэгги Дженн, доведшей меня до белого каления.

Я еще раз изучил парик — он полностью совпадал со стилем прически и цветом волос прекрасной Мэгги.

— Ну теперь-то ты, надеюсь, все понял? — спросил Морли таким тоном, словно не я первым высказал эту идею. — Грэндж Кливер натянул парик и облапошил тебя на тысячу процентов.

— Может быть — да, а может быть, и нет. Допустим, он сделал это. Предположим для пользы дискуссии, что он и есть Мэгги Дженн, которая меня наняла. Не будем обращать внимания, что события все больше и больше теряют смысл. Не станем искать объяснений, почему, попытаемся выяснить, чего на самом деле желает мой наниматель, будь этот наниматель «он», «она» или «оно».

— Не будь таким обидчивым, Гаррет. — Он все еще старался подавить смешок.

— Вопросы, Морли, вопросы. Я получил прекрасный задаток. Спрашивается, почему?

— Допустим, ты должен сделать именно то, для чего тебя наняли, — найти девчонку. Когда думаешь об этой неразберихе, мысль, что Мэгги Дженн вовсе не Мэгги Дженн, приобретает все большую весомость.

— Почему?

— Подумай сам. Если она — переодетый Кливер, то подтверждается сказанное об этой женщине первоклассным экспертом и снимаются все противоречия.

— Я понял это сразу, как только ты начал размахивать париком перед моей физиономией. Подлинная Мэгги Дженн, как ты и предполагал, вероятно, расслабляется на своем остроге, не подозревая, что тем временем старинный дружок по имени Грэндж Кливер занимается тем, что бросает тень на ее репутацию.

— Остается лишь догадываться, насколько часто он пользовался этим трюком в старое добре время. Когда она имела связь с кронпринцем.

— Если ты думаешь, что он связывался с самим принцем, то ошибаешься. Принц совершенно определенно предпочитал женщин, больше того — не терпел тех из них, кто заставлял его ждать. Кронпринц имел связь с подлинной Мэгги Дженн.

— А тем временем фальшивая Мэгги болталась поблизости, выискивая подходящие объекты для Дождевика.

— Кто-то сказал мне, что Кливер — ее брат. Быть может, они близнецы?

— И он был сутенером своей сестры?

— Ты так говоришь, будто никогда не слышал, как братья отправляют на панель своих сестер...

— Ты прав. Я на секунду забылся. Не следует забывать, до каких низостей можете опуститься вы — человеческие существа.

— У нас осталось еще несколько комнат.

Мне вовсе не хотелось вступать в дискуссию и объяснять, что поступки людей иногда бывают вынужденными. Морли мне все равно не переубедить — он в принципе крайне низкого мнения обо всей человеческой породе.

Если поступок вынужден, я всегда смогу его понять и не стану осуждать. Но мне отвратительны те, что продают своих сестер, дочерей или жен, лишь бы не трудиться самим.

— Тебе придется терпеть меня, Морли.

— Терплю, Гаррет, терплю. Так же, как и всех остальных особей твоего вида. Хочешь не хочешь, именно они воплощают в себе настоящее и будущее нашего мира. Все остальные вынуждены искать себе нишу для существования. Если они этого не сделают, время промчится мимо них.

— Браво! — зааплодировал я. — В Морли проснулась мудрость, и ему осталось лишь избираться в городской совет.

— Для этого в моих жилах течет слишком мало человеческой крови. И вдобавок у меня нет времени.

Я был потрясен. Мое шутливое замечание воспринято вполне серьезно. Подумать только: Морли Дотс — костолом и убийца — член городского совета, оддермен!

Впрочем, не исключено, что время для этого уже созрело. Думаю, даже Попка-Дурак был бы не хуже других, окажись он на месте некомпетентных ворюг и полоумных идиотов, заседающих в совете.

Танфер считается городом людей в человеческом королевстве Карента. Так, во всяком случае, гласят все первоначальные договоры. Это, в свою очередь, значит, что управление в стране осуществляется людьми, кроме особых случаев или отдельных регионов, специально оговоренных в соглашениях.

Кроме того, Танфер является открытым городом, что означает: представители любой расы, заключившей договор, могут свободно селиться в городе, обладая теми же правами и привилегиями,

что и подданные Каренты. При этом теоретически подразумевается и равенство обязанностей.

На практике же разнообразные племена приходили и уходили независимо от наличия договоров и, как правило, не выполняя каких-либо гражданских обязанностей. Кентавры — наиболее яркий пример. Все договоры с ними утратили силу после того, как их племена перешли на сторону Слави Дуралейника. Юридически с тех пор кентавры считаются недружественными иностранцами. Но когда республика Дуралейника приказала долго жить, кентавры вновь заполонили королевство, и никто, кроме экстремистов, не думал протестовать.

Население Танфера на добрую половину состояло из мигрантов-рабочих и постоянно проживающих нечеловеческих существ. Но по мере того как война шла на убыль, все больше людей видели неизбежность экономических перемен и начинали выражать беспокойство засильем иностранцев.

Видимо, очень скоро проблема инородцев превратится в центральный вопрос политики различных групп — как уже стала для организации, именующей себя «Зов». В программе «Зова» нет места для экивоков и околичностей. Стратегия организации состоит в том, чтобы убивать чужаков до тех пор, пока оставшиеся в живых не предпочтут убежать самостоятельно.

Меньше всего на свете мне хотелось бы оказаться в центре гадюшника, называемого расовой политикой. Да избавят меня силы неба от политики вообще, как бы она ни пахла.

Мы с Морли ускорили работу. Мы искали наверху, искали внизу. Искали справа, слева, на севере и на юге. Особенно внимательно мы осмотрели апартаменты, якобы принадлежавшие Жюстине Дженн.

— Здесь никто не жил, — объявил Морли. — Все было разыграно.

Пришлось согласиться.

— Думаешь, стоит порыться еще раз? — спросил он.

— Сомневаюсь, что в этом есть смысл. Не желаешь ли спуститься в подвал?

— А ты?

— Я помню, что произошло, когда мы последний раз осматривали подвал. Сейчас я больше склонен забежать в одну лавочку.

— Виксон и Уайт? Отчаянные ребята. Они действительно знали девчонку?

— Они точно знали какую-то девушку, — буркнул я. — Что же до конкретных личностей, то с ними в последнее время происходят странные метаморфозы.

— Отлично сказано. Впрочем, надо откуда-то начинать. Не возражаешь, если я потащусь с тобой?

Ого, похоже, я становлюсь телепатом. Я почему-то заранее знал, что он пожелает пойти со мной.

Вслух же я сказал:

— Если бы не Виксон и Уайт, я вообще начал бы серьезно сомневаться в существовании девицы.

— Некоей девицы, как ты справедливо заметил. А вообще-то не пора ли нам смыть отсюда?

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Прежде всего мы проверили, на месте ли наблюдатели. Торнада и кровожадный пират торчали внизу, делая вид, что не замечают друг друга.

— Как приятно наблюдать у людей такую завидную взаимную терпимость, — пробормотал я.

— Да, это делает наш мир как-то лучше, — согласился Морли. — Глянь-ка в амбразуру на фасаде и проверь, чем занимается гений сыска.

Я последовал его совету и прильнул к окну-щели.

Профи решил, что мы выйдем из парадной двери, сделав вид, что живем здесь. Во всяком случае, он поступил бы именно так. Теперь парень топтался неподалеку.

И никаких следов придурковатого наблюдателя.

Любопытно.

Морли хихикнул:

— Интересно, как долго они станут ждать, если не будут знать, что мы уже смылись?

— Но как?

— Крыша.

Теперь хихикнул я:

- По-моему, стоит. Рискнем?
- Мы даже могли бы напустить на них охранников.
- Нет. Нет. Я вовсе не желаю всю оставшуюся жизнь оглядываться, опасаясь мести Торнады.
- Ты прав. Пошли.

И мы двинулись. Все складывалось как нельзя лучше. Единственный люк открывался вовнутрь, а крыши оказались плоскими.

40

Мы проверили три водосточные трубы. Ни одна из них не смогла бы выдержать моего веса.

— Неужели нельзя почаще ремонтировать дома? — ворчал я. — Люди совсем утратили чувство достоинства. Так обращаться с собственностью...

— С другой стороны, можно было бы начать программу сгонки веса с Гаррета, — заявил эльфик, который без труда мог спуститься по любой из трех труб.

Вдобавок во время последней попытки мы привлекли внимание стайки мальчишек. Они решили, что двое взрослых забрались на крышу со злым умыслом. Странные дети! Почему бы им не решить, что мы добронравные кровельщики в поисках работы?

Наш эксперимент заканчивался. Патруль наверняка уже где-то на подходе.

Морли свесился с крыши и подергал очередную водосточную трубу. Орда подростков внимательно наблюдала за его действиями. Я скорчил страшную рожу, но дети не испугались.

— Эта подойдет.

Желая убедиться, я лично подергал трубу. Он прав. Водосток оказался более прочным, чем предыдущие. И все же...

— Нам просто необходимо оказаться внизу, Гаррет.

— Какие могут быть сомнения? Я там наверняка окажусь. Не знаю, правда, из скольких кусков тебе придется меня собирать.

Морли перелез через край крыши, бросив меня на произвол судьбы. Дав ему возможность немного спуститься, я двинулся следом — вес моего тела приходился на другие кронштейны. Я

спустился футов на восемь, когда до моих ушей вдруг донеслось вычурное ругательство эльфов. Я решил было, что отдавил ему пальцы.

— Что случилось?

— Зацепился.

Я немного откинулся от стены, чтобы увидеть то, что происходит внизу. Точно. Его рубашка выбилась из брюк и зацепилась за один из кронштейнов, крепящих трубу к стене здания. Пытаясь освободиться, Морли слегка вскарабкался вверх. Но по причине, известной лишь богам, учинившим этот трюк, дело только осложнилось. Я услышал звук рвущейся ткани. Морли снова начал сыпать проклятиями. Он повис на одной руке, стараясь другой отцепить рубашку.

Та не желала отцепляться. Надо заметить, Морли обращался с ней ужасно деликатно.

Тем временем там, внизу, одному из мальчишек показалось, что будет ужасно смешно, если начать швырять в нас камнями. Первый же бросок оказался удачным. Камень угодил по костяшкам пальцев, которыми Морли цеплялся за кронштейн.

От падения его спас зацепившийся подол рубахи.

Что же, боги карают, но они же дарят спасение.

Рубашка порвалась еще немного.

Выдержка окончательно оставила моего друга. Ругательства хлынули яростным потоком.

— Да оборви же ты ее наконец! — проревел я.

— Совсем новая рубаха! Надел в первый раз, — шипел он, продолжая неравную борьбу с предметом одежды.

Камни как горох отскакивали от стены. Шум на улице наверняка должен был привлечь внимание патруля.

— Если ты будешь валять дурака, через пару минут в нас полетят не камни, а кое-что похлеще.

— Я стараюсь...

— Стараешься? Так я перелезаю через тебя, а ты можешь продолжать висеть.

Он хотел было произнести какую-то гадость, но тут небольшой камешек угодил ему в затылок.

Стальной взгляд вниз. Прекрасная ткань с треском разорвалась. Морли заскользил по трубе, как белочка, а мальчишки с воплем бросились врассыпную. Я оказался рядом с ним, пока он размышлял, за кем из негодяев броситься вдогонку.

— Уходим!

Патруль уже виднелся неподалеку. Морли всем своим видом выражал желание остаться и дать бой. Ему хотелось калечить. При этом мой друг непрестанно потирал ушибленный затылок.

— Бежим! — гаркнул я и припустился резвой иноходью.

Морли все же решил не вступать в битву со всем миром и последовал за мной.

41

Когда мы оторвались от преследователей, даже Морли уже тяжело пыхтел. Я же, едва держась на ногах, пролепетал заплетающимся языком:

— Она уже была рваной. И потом, у тебя есть еще одна рубаха — я видел ее собственными глазами.

Он ничего не ответил, все еще оплакивая брезвеменную потерю одного из предметов туалета. Вообще-то если бы он заправил подол рубашки в брюки, то дыры бы не было видно и проблемы вообще бы не существовало.

— Эти ребята в хорошей форме, — выдавил я.

Мои ноги были как резиновые.

— Хорошо, что ты сообразил стартовать до того, как они тронулись с места.

Хотя Морли и запыхался, до моей одышки ему было очень далеко. Не знаю, как он ухитряется поддерживать форму. По моим наблюдениям, самое серьезное физическое упражнение у него — преследование чужих жен.

Скорее всего он просто оказался более удачлив в выборе предков.

— Как насчет того, чтобы выпить?

Мы уже могли позволить себе такую роскошь. Больше того, если я немедленно не присяду, то навеки лишусь ног.

В итоге мы оказались в одной из трех крошечных забегаловок, что в изобилии рассыпаны у подножия Холма и где обдирают изнывающих от безделья богатеев. Можно было не беспокоиться — в таком месте нас искать никто не будет.

Патрульные в подобных заведениях не были желанными гостями.

Мы пристроились на свежем воздухе, выбрав столик неподалеку от входа. Когда я достаточно налился пивом и надышался воздухом и ко мне вернулось чувство юмора, мы принялись фантазировать, что стала бы делать Торнада, оказалась она на нашем месте в доме Мэгги Дженн. Мы с веселым смехом представляли, как бы она выглядела на водосточной трубе под градом камней.

Мы вели себя так, словно нам вновь по одиннадцать лет. Некоторые посетители стали оглядываться на наше хихиканье.

— Проклятие! — Я не мог перестать смеяться, несмотря на скверную новость. — Посмотри, кто к нам пожаловал.

Неуклюжий соглядатай чуть было не споткнулся о наши вытянутые ноги, прежде чем сообразил, что обнаружил нас. Его глаза округлились. Он побледнел и судорожно вздохнул.

— Этот шут наверняка экстрасенс, — выпалил я.

— Так давай захватим его.

Парень, видимо, раньше нас подумал об этом. Он отступил за угол, прежде чем мы успели вскочить и отряхнуть пыль с задниц.

— Проклятие! Куда он подевался?

— Именно этого я и ожидал, — встревоженно произнес Морли, когда мы выскочили на поперечную улицу.

— Ожидал?

— Он — призрак. Бесплотный дух, так сказать.

— Нет, он не дух, а просто везунок.

— Я где-то слышал, что везение есть не что иное, как одно из проявлений парapsихического дара или, если хочешь, таланта.

— Брось трепаться, Морли. Какое отношение чистая случайность имеет к таланту?

— Так ты полагаешь, что удача — не больше чем чистая случайность? Или другими словами: между ними стоит знак равенства?

— Пожалуй.

— Из этого следует, что и тебе, Гаррет, когда-нибудь может повезти. Однако тебе повезет скорее, если ты сам станешь оказывать влияние на ход событий.

— Но с другой стороны...

Тема нашей болтовни оказалась неисчерпаемой. Это развлечение скрасило нам дорогу до Западной стороны.

В конце концов я сказал:

— Ты меня убедил. Начинаю учиться управлять ходом событий.

— Значит, говоришь, в лавке Виксона и Уайта довольно хиная задняя дверь?

— Даже смешно сказать. Если, конечно, за ней не скрыта ловушка.

— Где эта знаменитая дверь? Покажи. Мы доведем твоих друзей до умопомрачительного экстаза.

Ясно. Морли решил составить мне компанию, просто чтобы немного развлечься.

«Виксон и Уайт» были открыты. Мы подождали, пока покупатели не вышли из лавки.

— Поторопимся. У меня несколько напряженные отношения с местной стражей. Эти ребята чересчур серьезно относятся к своим обязанностям.

Морли пробурчал что-то нечленораздельное. Я познакомил его с дверью в задней стене дома.

Осмотрев ее, он произнес:

— Дай мне десять минут.

— Десять? Ты что, хочешь разобрать ее на части, и раму тоже?

— Нет. Просто стану работать очень тихо. Если тебе важна быстрота, так пригласил бы не меня, а Плоскомордого. Изящество, Гаррет. Изящество и неожиданность. Я тебе не какой-нибудь уличный громила.

— Хорошо, — согласился я и оставил художника за его мольбертом.

Я начал подозревать, что мой старый друг во всем этом деле преследует собственную цель.

Но это меня совершенно не волновало. Я всего-навсего хотел выполнить свою работу — найти пропавшую девочку. Именно так я формулировал свою задачу. И ни на йоту больше.

Интересно, есть ли у меня сейчас работодатель? Во всяком случае, от него не поступало никаких вестей.

Пока Морли занимался своими делами, я ждал в проходе между домами. Мой приятель действовал совершенно бесшумно. До меня не доносилось ни единого звука. Головорезы в сером не появлялись. Я попытался настроиться на роль, которую мне предстояло сыграть.

Пора. Я подошел к дверям и переступил порог.

42

— Привет, — бросил я, ухмыляясь. В помещении, кроме нас, никого не было. Заперев за собой дверь, я выставил в витрине табличку с надписью «ЗАКРЫТО».

Более бесстрашный из двух пиратов поинтересовался:

— Что вы делаете? — Он хотел произнести эти слова грозно, но голос его сорвался в мышиный писк.

Второй корсар не произнес ни звука. Десять секунд он не отрываясь пялился на меня, похожий на мифическую птичку, за гипнотизированную взглядом кобры. Затем, по-прежнему молча, бросился в заднюю комнату. Мгновение спустя оттуда раздался такой вопль, будто Морли встретил его демонстрацией обнаженной задницы.

Я решил пустить в дело свой самый веселый и дружелюбный тон. Если сделать это должным образом, ваши слова будут звучать чрезвычайно зловеще.

— Привет, Робин. — Я все-таки ухитрился рассортировать их по именам. — Мы заскочили всего лишь потолковать об Эмеральд Дженн.

Я воспроизвел улыбку коммивояжера. Робин пискнул и решил воссоединиться с Пенни.

Каждый из этих отважных флибустьеров был ростом значительно выше Морли. Но когда я вошел в комнату, пираты являли собой жалкое зрелище. Морли держал их за воротники, повернув ко мне лицом. Оба корсара мелко дрожали.

Закрыв и заперев дверь, я прислонился спиной к стене:

— Кто из вас осмелится выступить с речью?

В помещении царил ужасный беспорядок. Уверен, что порядка там не было изначально, но сейчас казалось, что комнату поспешил обыскать, например, фанатик-библиофил в поисках редкого первого издания.

— Ну давайте, ребята, не тяните.

Две головы синхронно качнулись.

— Начинайте, парни, не глупите.

Морли все же ухитрился поставить их на колени. Он извлек нож с таким длинным лезвием, что ношение его считалось незаконным, и начал водить клинком по оселку.

— Ребята, мне всего лишь нужна Эмеральд Дженн, известная также под именем Жюстина Дженн. Скажите мне, что вам о ней известно, и вы тут же почувствуете огромное облегчение. Начните с того, как впервые встретились с ней.

Виксон и Уайт принялись скулить и хныкать. Они обменялись полными взаимной страсти прощальными взглядами. Господи, до чего же я был хорош! Вот это театр! Морли внес свой вклад в представление, испробовав остроту лезвия на усах Пенни. Большой клок волос, украшавших физиономию пирата, упал на пол. Морли вернулся к оселку.

— Нет необходимости кого-нибудь убивать. — Я указал на валяющийся ус и добавил: — Мы просто обреем одного из вас наголо.

— Иммигранты, — заметил Морли.

— Наверняка.

Карентийцы, пройдя Кантард, не впадают так легко в дрожь. Попадись нам наши сограждане, они заставили бы нас попотеть.

Первым сломался Робин.

— Это произошло почти год назад.

Пенни одарил его яростным взглядом.

— Так что же произошло почти год назад?

— Девушка первый раз пришла в лавку. Она казалась совершенно потерянной, нуждающейся в поддержке.

— Так просто забрела? Сама по себе? Хотела разжиться чашечкой лягушачьего мека?

— Нет. Она просто познакомилась с нашими товарами. Но осматривала она их с надеждой.

— Хм...

— Потерянная душа, гибнущая в отчаянии в поисках соломинки, за которую можно было бы ухватиться. С ней был молодой человек. По-моему, она звала его Кефью. Юный блондин-красавец. Он всего лишь раз посетил наш магазин...

— И сумел разбить ваши сердца. Весьма сожалею.

Пенни, как и мне, не нравился заискивающий тон Робина, но он по-прежнему ограничивался яростными взглядами.

— Кефью? — Я повторил имя так, как произнес его Робин.

— Куинс Кефор, наверное, — задумчиво предположил Морли.

— Куинс? — Я тоже погрузился в размышления.

Куинси Квентин К. — самый мелкий из мелких мошенников. Слишком тупой для любого серьезного дела. В его жилах текла частичка крови эльфов, поэтому он выглядел моложе своих лет и никогда не служил в армии.

Я знал его очень плохо, и у меня не было никакого желания это знакомство углублять.

Когда я описал внешность Куинси, Робин энергично закивал, пытаясь всеми силами продемонстрировать желание быть полезным. Интересно, не сообщает ли он мне лишь то, что я, по его мнению, хотел бы услышать?

— Благодарю вас, Робин. Видите, мы прекрасно находим общий язык. Чего же хотел Кефор?

Недоуменный взгляд в ответ.

— Он ничего не хотел. Просто сопровождал девочку, но был к ней не очень внимателен.

Естественно, ведь ты изнывал от похоти по отношению к нему.

— Поясните, пожалуйста.

— Она искала простых ответов.

— А я понял так, что она пребывала в отчаянии.

— Да, в отчаянии, но только так, как это бывает в ее возрасте. Молодые люди желают преодолеть все трудности, не утруждая себя. Они не желают слышать о том, что подлинная магия — тяжкий труд. Ваши властители бурь и повелители огня третят по

двадцать лет на обучение и необходимую практику. Дети же полагают, что достаточно лишь щелкнуть пальцем...

Морли с быстротой молнии протянул руку, шлепнув Робина по запястью: Робин вознамерился щелкнуть пальцами, как бы иллюстрируя свои слова. Он бы облапошил нас, если бы мы не находились в заднем помещении лавки, снабжающей магическими припасами колдунов и чародеев. Окружающая обстановка не позволяла нашей бдительности притупиться.

— Мне очень нравится вести светскую беседу, но все-таки не отступайте от темы. Рассказывайте об Эмеральд, Робин. Кефор больше не появлялся, но она-то ведь заходила, не так ли? Говорите!

— Не надо грубости. Эмми убежала из дома, расположенного где-то на севере страны. Мы беседовали об этом, но подробности стали известны нам совсем недавно.

— Значит, говорите, убежала? — повторил я, стараясь придать зловещий оттенок каждому слову. Морли зверски врацгал глазами. — И прожила самостоятельно целый год?

Ужасно. Год одной в Танфере? Такого опыта ей должно былохватить на всю оставшуюся жизнь.

— Ну и почему же она решила бежать?

— От своей матушки.

От мамочки, выражавшей беспокойство по поводу шестидневного отсутствия дочурки.

— Продолжайте.

— Она не вдавалась в подробности, но было ясно, что эта женщина — чудовище.

— Эмеральд проводила у вас много времени?

— Она нам помогала. Иногда оставалась ночевать.

Он указал на тощий тюфяк. Я не стал повторять вслух то, что подумал по этому поводу.

— Эмеральд была похожа на раненую птичку. Мы дали ей возможность чувствовать себя в безопасности. — В последних словах послышалось нечто похожее на вызов.

Бессспорно, с Робином и Пенни девица чувствовала себя спокойнее, чем на улице. Но загвоздка в том, что я никак не мог

воспринять это как филантропический жест с их стороны. Такой уж я законченный циник.

Робин, начав говорить, оказался чудовищным болтуном, и мне приходилось затрачивать уйму энергии, каждый раз возвращая его на нужные рельсы.

— Видели вы ее в последнее время?

— Нет. Она услышала, что мать появилась в городе.

— И это заставило ее скрыться?

— Девочка опасалась, что мамаша примется ее разыскивать.

И она ведь действительно ищет ее, разве не так? Вы уже здесь. Эмми не желает, чтобы ее нашли. А если мы не знаем, где она, то и выдать не можем, правильно?

Мы с Морли обменялись взглядами.

— Чего же она боится?

Настал черед Робина и Пенни обменяться недоуменными взглядами.

Пришлось пустить в ход мою знаменитую интуицию.

— Значит, не знаете. Она поведала вам свою историю, но вы ей не поверили. Вы полагаете, что знаете ее. Принадлежит она к типу людей, вешающих лапшу на уши и одновременно способных скормить вас волкам?

— Что?

— Она знает свою мамочку, и ей было прекрасно известно, какого типа людей направят на ее поиски.

Новый обмен взглядами. Кровожадными пиратами овладел параноидальный ужас. Если бы им были известны наши с Морли прошлые заслуги, они испугались бы еще сильнее.

На протяжении всей беседы Пенни лишь молча взирал на Робина. Сейчас, к концу встречи, на него накатило какое-то полное пессимизма откровение, и он мрачно произнес:

— Маренго Северная Англия.

— Что? — Неужели я не слышался?

— Маренго Северная Англия.

Оказалось, со слухом у меня все в порядке. Но с какой стати он это произнес? И без того дело казалось достаточно безумным.

Прикинувшись непонимающим, я спросил:

— Что это такое?

— Не что, а кто, — заверещал Робин. — Один из самых крупных наших покупателей. Весьма могущественный тайный адепт оккультизма.

Удивительные сведения. Они могут оказаться полезными, если когда-нибудь придется иметь дело с этим безумцем.

— Он встретился с Эмми здесь, — пояснил Пенни, — и пригласил ее на свой шабаш или собрание, как хотите. Она несколько раз была там, но ей не понравились ни люди, ни то, чем они там занимаются.

— Мы думали, — объявил Робин, — что она может скрываться у него.

— Да, этот человек способен защитить девочку, — сказал я. Морли бросил на меня вопросительный взгляд. — Я встречал этого типа. Впрочем, не знал, что он, помимо всего прочего, увлекается черной магией.

Северная Англия был знаменит своим воинствующим расизмом.

Робин и Пенни были удивлены, как будто слышали о Маренго Северная Англия только в связи с оккультизмом. Глупцы. Этот человек находил в своем сердце место и для таких, как они.

Морли со скоростью света бросился к двери черного хода, распахнул ее, выскочил на улицу, посмотрел по сторонам, покачал головой и снова присоединился к нам. Мои собеседники, раскрыв рты, с недоумением следили за ним.

— Догадываешься, кто?

— Парень, который, убегая, спотыкается о собственные ноги.

— Тебе положен первый приз. Пора сматываться.

— У меня еще остались вопросы.

— Этот придурок наведет на нас охранников.

Верно.

И я больше ничего не узнал, хотя мне очень хотелось выяснить, как именно они целый год помогали Эмеральд.

Итак, я получил имена трех человек, которые знали девушку. Скорее всего это окажется совершенно бесполезным для дела. Всего лишь случайные знакомые, а не друзья. Очевидно, у Эмеральд вообще не было друзей.

Мы отбыли так же неожиданно, как прибыли. Исчезли прежде, чем отважные пираты успели сообразить, что мы их покидаем.

Еще несколько минут, и мы с Морли оказались за пределами Западной стороны. На сей раз нам удалось ускользнуть задолго до того, как появились ребята в сером.

43

В нескольких милях от Западной стороны мы нырнули в задымленную дыру. Такую обычно посещают представители низших сословий. Бар там был — пара широких досок, брошенных на деревянные козлы. Меню состояло из покрасневших от стыда сосисок и позеленевшего по той же причине пива. На меня никто не обратил внимания, хотя Морли удостоился нескольких враждебных взглядов. Причем никто не узнал его и не мог узнатъ, даже если бы он провел здесь безвылазно целый год. Подобная таверна — не то место, где обычно следовало искать Морли Дотса, и его знакомцы в таких заведениях не водились.

Морли, усевшись напротив меня за сбитый из грубых досок стол, соединил кончики пальцев и произнес:

— Итак, нам уже известно несколько имен.

— Всего пять. И ни одно из них не стоит той бумаги, на которой его можно было бы записать.

— Однако ты не смог скрыть своей реакции на одно из них.

— Маренго Северная Англия. Не знаю, почему его связь с черной магией так поразила меня — ведь у парня душа змеи.

— Ты с ним знаком? Расскажи подробнее.

— Он безумец. Отчаянный расист. — Он — «Зов» и «Меч истины». Не может быть замешан в нашем деле — он сразу прогнал бы Эмеральд, узнав о ее связи с Мэгги и Дождевиком. Он придерживается старомодных взглядов и не лишен своего рода чести.

— Я вовсе не об этом спрашивал.

— Маренго олицетворяет собой «Зов».

В забегаловке было мало посетителей. Отчасти потому, что людей, перемолотых жизнью и вынужденных пользоваться услуга-

ми этой тошниловки, вообще не очень много. Но те, кто находился с нами, начали проявлять нездоровое любопытство, навострив уши при первом упоминании о «Зове». При втором упоминании уже все лица повернулись в нашу сторону.

Именно в таких дырах «Зов» черпает рекрутов в отряды «Меча истины». Он ищет и находит их там, где собираются люди, всю жизнь не по своей воле страдающие от ударов судьбы.

Морли понял значение моего взгляда:

— Вижу.

Я понизил голос:

— Маренго был отцом-основателем «Зова». Я встретил его в поместье Вейдера, когда выступал там в качестве охранника. Вейдер упомянул о моем военном прошлом, и Маренго попытался завербовать меня в отряд «Меча истины». Вейдер специально напустил Маренго на меня — такое уж у него чувство юмора.

Охраной вечеринок и приемов я, как правило, не занимаюсь, но я так долго оберегал пивной завод Вейдера и старики был так мил со мной, что я в тот раз не нашел сил отказаться. Ведь, по правде говоря, мы практически стали деловыми партнерами.

— Опасайся Маренго, — сказал я. — Он, конечно, безумец, но за ним стоит реальная сила. Правда, я был готов наложить ему в карман уже через пять минут после того, как он начал вербовку.

— Но ты все-таки сдержался.

— Безусловно. Мы же находились в доме Вейдера, а Маренго был его гостем. — Зарплата на пивоварне заставляла меня многим жертвовать. — Я не хотел повредить Вейдеру — у старики были деловые отношения с безумцами из «Зова».

— И значит, ты не встал в ряды носителей «Меча истины»?

— Шутишь? Я что-то буркнул, кивнул и ретировался. Так я обычно поступаю, когда не желаю закатывать сцены. Но почему это так тебя интересует?

— Да потому, что я тоже знаком с Маренго Северная Англия. Этот парень еще доставит всем хлопот. Но почему ты не вступил в отряд? Мог бы стать там тайным агентом здравого смысла.

Я замычал невнятно, взглянув в сторону любознательных посетителей с большими ушами.

Морли все понял:

— Здесь есть о чем подумать. Обсудим позже. А в отношении Эмеральд, я думаю, ты прав. Ему, бесспорно, хотелось бы привлечь в ряды движения хорошенъю девицу, но он не потерпел бы ее и секунды, узнав, что она из семьи, причастной к скандалу. — У меня, наверное, был очень странный вид, потому что он добавил: — Мне приходилось встречаться с разными людьми.

Очевидно, в свое время он выполнял какую-то работу для Маренго. Спрашивать я не стал.

— Куда, Гаррет, мы держим путь отсюда?

— Я вспомнил о Кефоре. Впрочем, не думаю, что он много знает.

— Мне надо вернуться к Виксону и Уайту.

— Задумал почитать ту книгу?

— Книгу? — Он бросил на меня недоуменный взгляд, но затем, избрав иную тактику, продолжил: — Книги там не было. Она уже исчезла.

Когда-нибудь он насмерть сразит меня своей откровенностью.

— Страдаю вместе с тобой, — улыбнулся я, бросив монеты на стол. Хозяин смахнул их в карман раньше, чем они перестали звенеть. — Благодарю за помощь.

— Не стоит благодарности. Я немного развлекся. Можешь обращаться за подмогой в любое время. А сейчас хочу дать тебе один совет.

— Я весь внимание.

— Похоже, в деле используется черная магия. Тебе стоит принять меры предосторожности.

— Твой совет окончательно убедил меня в моей гениальности. Мне, как ни странно, пришла в голову та же мысль.

И это было сущей правдой. Особенно меня смущало то, с какой легкостью никудышный сынок вновь и вновь нападал на мой след.

Я был уверен, что увижу его, как только выйду на улицу. И парень не обманул моих ожиданий.

44

Проулок, в котором обитала Красуля, на этот раз находился там, где положено. Я протрусили мимо, не желая невольно накликать беду на жилье друга. К тому же не хотелось самому выглядеть идиотом, угодив в неприятную историю.

Пробегая во второй раз, я быстро заскочил в дверь, оставив бестолкового наблюдателя в растерянности на улице. В этот момент, чтобы оставаться незамеченным, он пытался затеряться в толпе гномов. Меня беспокоил не столько он, сколько мои остальные поклонники, которые без труда сообразят, что меня можно отыскать с помощью этого приурока.

Слой мусора в проулке стал еще толще. Вообще грязи в городе становилось все больше и больше. Что же, таков, видимо, общий порядок вещей.

В лавке царила сверхъестественная тишина — совершенно невозможная тишина. Здесь никогда не было шумно, но сегодня нельзя было расслышать даже дыхания мышей или шуршания тараканов.

Появилась взъерошенная кошка Красули и уставилась на меня страдальческим взглядом ревматика. Интересно, насколько хорошо она видит? Сам я стоял смирно, выжидая, пока глаза адаптируются к полумраку помещения. Да и не было охоты проверять на себе средства защиты, установленные Красулей.

Вдруг она возникла передо мной буквально из ниоткуда. На миг мое сознание отключилось, и вот я уже не один.

Жуты!

Красуля посмотрела мне в глаза:

— А ты, оказывается, с возрастом разжился кое-каким умишком.

— Только последний дурень станет расхаживать и прикасаться к предметам в месте, подобном этому.

— Я имела в виду совсем другое, мой мальчик. Тому, о чем ты говоришь, ты прекрасно обучился еще в щенячьем возрасте. Теперь же ты поумнел настолько, что стал замечать, когда события начинают выходить из-под контроля.

Поумнел? Неужели?

Тем не менее я согласно кивнул. Ужасно не люблю лишать людей их иллюзий.

— И это, кстати, объясняет, почему ты в отличие от остальных Гарретов вернулся с войны.

Я был заинтригован и позволил ей высказаться. Выдержка и терпение — вот что требуется, когда перестаешь понимать происходящее. Когда она примолкла, я сказал:

— Виксон и Уайт знали девочку. Однако похоже, что вся линия с черной магией сработана Грэнджем Кливером.

Я посвятил ее во все подробности точно так же, как в иных обстоятельствах посвятил бы Покойника.

Красуля позволила мне иссякнуть. Продержав меня некоторое время в молчании, она спросила:

— Почему Дождевик хочет найти девушку?

— Не имею понятия. Быть может, ее мать умерла, а дочь нужна, чтобы сохранить контроль над собственностью.

— То есть одно из двух: она может представлять для него либо ценность, либо опасность.

— Либо то и другое одновременно.

— Чтобы это выяснить, тебе придется найти девочку. Сумеешь?

— Со временем — да.

— Ты обзавелся врагами. Кто-то использовал против тебя заклинание обнаружения.

— Этого я и опасался. Тот кретин...

— Нет. Он всего-навсего следил за тобой. Пометил тебя кто-то другой.

— Торнада или Мэгги.

— Похоже, эта женщина, Дженн, — замаскированный Дождевик.

— Который спит и видит, как я отправлюсь на корм рыбам.

— И который не побрезгует магическими средствами для достижения своих целей.

— Нет. Все-таки этот кретин работает не на Кливера. Там, где я задерживаюсь достаточно долго, появляются подлинные люди Дождевика. Интересно, кто нанял это ходячее недоразумение.

— Я не умею читать мысли. Если ты явился за этим, можешь убираться.

— Не могу понять, почему Кливер открыл на меня охотничий сезон.

— В данный момент «почему» не имеет значения. Важно лишь то, что он ведет охоту. Именно из этого тебе следует исходить.

Я слегка шевельнулся. Совсем чуть-чуть. Крошечный знак нетерпения. Тем не менее старая кошка Красули зашипела на меня.

— Терпение, мой мальчик. Терпение и осторожность. На тебя может обрушиться сотня несчастий еще до того, как ты отойдешь на сотню шагов от моего дома.

— Знаю. Именно поэтому я здесь.

— Я не выпущу тебя отсюда, пока ты не будешь лучше подготовлен.

— Спасибо. На это я и рассчитывал.

— Мне это известно.

— Буду вечно благодарен.

— Не разбрасывай благодарности навозными вилами, мой мальчик. Я все это делаю лишь для того, чтобы поставить Дождевика на место.

Красуля знала правила игры. Никогда ни при каких обстоятельствах не показывай, что ты о ком-то искренне беспокоишься. Кто беспокоится — тот уязвим.

Кошка снова зашипела.

— В чем дело? Ведь я же ничего не сделал.

— Не обращай внимания на Малкин. Она чует, что ты принес с собой опасность, и волнуется за меня.

Малкин... Ну конечно. Кто же еще?

— Я сам чую, что за мной постоянно следует опасность. Это какое-то проклятие.

— Или призвание.

Ее правая бровь поднялась. Великолепно! Я и не подозревал, что она обладает этим талантом.

— Нет. Мне постоянно хочется избавиться от этого состояния. Я вовсе не желаю все время вливать в безумные истории. С гораздо большим удовольствием я сидел бы дома, посасывая пивко и...

— Никогда не вешай лапшу на уши тому, кто этим сам занимается всю жизнь, мой мальчик. Я знаю о тебе гораздо больше, чем ты думаешь.

Наступил мой черед приподнять бровь.

— Хватит болтать. Пора работать. — Она начала двигаться по комнате, напевая и бормоча что-то. В бессвязном наборе слов я уловил имена.

— Эй, подожди. Какое отношение к делу имеют эти люди?

— Пока остается опасность, ты не вспомнишь ни одну из названных мной девиц и не сможешь познакомиться с новыми...

— Ну так и быть. Согласен.

Правдивые слова частенько оказываются неприятными. Красуля права. Женщины — мое самое слабое место. Приветливая улыбка и многообещающее подмигивание способны заманить меня куда угодно.

Зловеще улыбаясь, Красуля сняла человеческие черепа с подставки в форме куста папоротника и стала вместо них размещать другие ужасающие экспонаты, притаскивая их из разных углов комнаты. Я попытался что-то сказать, но язык прилип к горлышку. Я так и остался стоять с раскрытым ртом.

— Дай-ка мне свою палку, малыш.

Я передал ей дубинку и вновь открыл рот.

Красуля не дала мне и слова сказать.

— Поскольку мы не представляем, какие опасности могут встретиться на твоем пути, я хочу обеспечить тебе защиту широкого спектра.

Эти слова были приятны слуху, конечно, если они вообще имели какой-то смысл.

— Придадим дубинке дополнительную мощь, мой мальчик, и ты без всякого труда пробьешь ею обычную магическую защиту. Теперь посмотри на эту красную штуковину.

— Похоже на высушенное свиное ухо, по чьей-то прихоти выкрашенное в красный цвет.

— Именно. Это похоже на свиное ухо потому, что оно и было им, пока его не срезали с головы несчастной скотины. Возьми ушко и положи в правый нагрудный карман. Держи его там до тех пор, пока не разберешься с Дождевиком.

— Зачем?

Но она опередила мой вопрос:

— Да потому, что Дождевик сразу разделается с тобой, когда ты выскочишь из дома в поисках юбки. Со свиным ухом в правом нагрудном кармане у тебя не возникнет опасных позывов.

Вот это да! Но, оценив ситуацию, я все же взял свиное ухо и разместил его согласно рекомендации. О более отдаленных последствиях ношения свиного уха думать почему-то не хотелось.

— А теперь постараися запомнить. — Она показала мне четыре предмета и разместила их передо мной в определенном порядке.

Одним из них оказалась маленькая деревянная коробочка, из которой доносилось сердитое жужжание. Как будто в коробочке был спрятан большущий жук.

Заметив мой интерес, Красуля пояснила:

— Он гораздо опаснее, чем можно судить по голосу.

— Счастлив слышать.

— Тебе не стоит опасаться его, сынок. Я сообщу ему, что ты его друг.

— Какие могут быть сомнения. Обожаю жуков всю жизнь. Не исключено, что я познакомился с его родственниками, когда воевал на островах. В Кантарде я сумел подружиться со множеством жуков.

— Ты всегда любил молоть чепуху, малыш.

Что, черт побери, она хочет этим сказать?

— Не хочешь прибегать к помощи маленького дьяволенка — не прибегай. Но храни его как последнюю надежду. Когда твоя глупость и твой язык заведут тебя в безвыходное положение, открой эту крышку.

— Да? — Мне не приходилось убивать жуков со времени службы в Королевской Морской пехоте. — А что потом? Он отхватит у меня полноса, и я своим воплем обращу врагов в бегство?

— Возможно. Однако скорее всего он прилетит домой и сообщит мне, что ты нуждаешься в помощи.

Обладание жуком в коробочке не казалось мне сногсшибательным достижением; однако мама Гаррет воспитала своих мальчи-

ков так, чтобы они никогда не вступали в спор с существами, подобными Красуле. Мама Гаррет требовала, чтобы они держали рот на замке, когда рядом находился человек, способный превратить ее дорогих мальчиков в жаб.

— Угу, — буркнул я.

Одарив меня ледяным взглядом, Красуля продолжала пояснения. Я слушал очень внимательно, запустив на полную мощность свое воображение.

Красуля передала мне какую-то деревянную штуковину в форме диска или скорее игральной фишки, окрашенную с одной стороны в красный, а с другой — в зеленый цвет.

— Если пожелаешь стать невидимым для своих преследователей, трижды проведи большим пальцем правой руки по красной стороне. Наблюдатель ничего не заподозрит, так как заклинание обнаружения, используемое в твоем случае, не очень надежно. Если ты хочешь, чтобы за тобой тащился «хвост», проведи три раза по зеленой стороне.

— С какой стати я захочу, чтобы кто-то следовал за мной?

— Откуда мне знать? — пожала она плечами. — Похоже, это все, что я могу для тебя сейчас сделать. В путь, мой мальчик. Меня ждут клиенты, которые в отличие от тебя платят за услуги.

Интересно, где же эти клиенты? Но вслух свои сомнения я предпочел не высказывать.

Старая кошка смотрела на меня с таким хищным видом, будто намеревалась отхватить у меня кусок лодыжки. А может, она просто думала, с каким удовольствием сделала бы это, будь у нее зубы. Не знаю.

Красуля ободряюще похлопала меня по плечу и довела до двери, по пути убедившись, что я разместил все магические предметы так, как она хотела.

— Что ты мне можешь сказать о...

— Топай, малыш, топай. Убирайся побыстрее. Как можно заниматься серьезным делом, если вы, дети, постоянно вертитесь под ногами.

Неужто она тронулась умом? Или, быть может, хотела, чтобы я ощутил ностальгию по далекому прошлому?

Я, естественно, дорожил своими детскими воспоминаниями, но отнюдь не считал то время «старыми добрыми днями». Старых добрых дней никогда не существовало. Старые добрые дни я переживаю сейчас, и они все время со мной.

Все говорит о том, что лучших дней ждать в будущем не приходится.

45

Говоря Морли, что встречусь с Кефором, я в глубине души сомневался в пользе такого шага. Но я, образцовый служака, свято исполняющий свой долг, потратил целых полчаса, пытаясь напасть на след этого ничтожнейшего из созданий. Мне сказали, что последний раз Кефора видели в Веселом уголке в компании неизвестного гомика. Весьма опрометчивый поступок — возмущенные боссы могли возжелать отправить его искупаться, предварительно привязав к спине стофунтовый груз.

До чего же здорово, когда ты сам себе хозяин и сам устанавливаешь продолжительность своего рабочего дня. Если нет настроения, можно ни хрена не делать, пока голод не вынудит тебя к действию.

Отправляясь домой, я думал, как прекрасна жизнь.

Оказывается, жизнь еще прекраснее, чем вы думаете, потому что, возвращаясь домой, видите на ступенях у двери ослепительную Чэстити Блейн. Чэс настолько великолепна, что все соседи мужского пола наверняка лихорадочно изыскивают предлог посетить меня, лишь бы взглянуть на нее поближе.

Она страдала в одиночестве. Я перешел на рысь, лавируя в толпе и чувствуя спиной волну осуждения, изливающуюся из бастиона нравственности — меблированного дома миссис Кардонлос. Когда я притрусили ближе, Чэстити оставалась единственной улыбающейся женщиной во всей округе.

— Где же Плоскомордый? — выпалил я.

— Плоскомордый? — Казалось, она искренне удивлена.

— Вы понимаете, о ком я говорю — Плоскомордый Тарп. Здоровенный увалень с зубами через один. Ваш телохранитель.

Отличный парень. Если дать ему время подумать, он перехитрит даже дубовый пень.

— Я отпустила его, — ответила она с мрачной улыбкой.

— Что вас сподобило на такую дурь? — Тот еще стиль беседы с женщиной.

— Мне больше ни о чем не приходится беспокоиться. Похоже, эпизод с бегством пациента, который и не должен был там находиться, так как вообще не поступал в больницу, отразился только на мне. Одним словом, Кнопфлерская Имперская Мемориальная Филантропическая Больница Бледсо в моих услугах больше не нуждается.

— Значит, они вас, извиняюсь, вышибли?

— Не извиняйтесь. Я приобрела весьма полезный жизненный опыт.

— Хм... — высказывание точно в духе Покойника.

— Я поняла, что старые циники вроде моего отца правы, утверждая: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным».

— Мне по душе подобный образ мыслей. Но каким образом вы очутились здесь? Нет, я не жалуюсь. Невозможно представить более приятного сюрприза.

Я был голоден, к тому же мне не нравилась собравшаяся вокруг нас толпа зрителей. Я начал демонстративно поигрывать ключом.

— Я пришла, потому что вы, наверное, единственный, кто понимает, что происходит.

— Боже, до чего мне хочется, чтобы вы были правы.

Дверь оказалась запертой изнутри. Я издал вопль, заставивший вздрогнуть всех в радиусе двух кварталов, и принялся колотить в дверь. Никакой реакции.

— Может быть, там никого нет? Мне тоже никто не ответил.

— Им будет лучше, если они догадаются сдохнуть заранее. А нет — я сам их укокошу. Они хлещут мое пиво и пожирают припасы, а теперь обнагли настолько, что перестали пускать в мой собственный дом. Я сдеру с них шкуры и построю себе прекрасный кожаный прикид.

— Боже, о ком вы так?

— Сколько сбежавших пациентов удалось отловить?

— Очень немного. По-моему, никто особенно и не старался.

— Пара из них появилась здесь, и я позволил им поселиться у меня.

Попка-Дурак, вступив в дело, начал ворить с такой силой, что я слышал его через дверь.

Нечеловеческим усилием я выдавил из себя улыбку:

— Как вы справедливо заметили, ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

— И они сейчас там?

— Ведь кто-то запер дверь изнутри. Если мне придется сломать ее, я изрублю их в фарш и скормлю крысам.

— Не кажется ли вам, что вы реагируете неоправданно бурно?

Естественно, кажется.

— Нет.

В результате я получил совершенно неожиданную поддержку.

— Видно, не только мне пришлось пережить трудный день.

— Обсудим, когда попадем в дом, зарубим одного, зажарим и съедим.

— Не надо говорить такие ужасные вещи. Как их, кстати, зовут?

— Айви и Скользкий.

— Вы в этом уверены?

— Во всяком случае, они так себя величают и хотят, чтобы так их звали остальные. Впрочем, скоро об этом можно будет говорить только в прошедшем времени, — закончил я, молотя что есть силы в дверь.

В окне на противоположной стороне улицы появилась миссис Кардонлос. Она одарила меня знакомым презрительным взглядом. Видимо, не избежать мне еще одного протеста со стороны Комитета граждан. Как это я осмеливаюсь поднимать адский шум на ступенях собственного дома?

Я послал миссис Кардонлос чарующую улыбку:

— Подождите, леди, когда мне попадется очередной маньяк-убийца. Я скажу ему, что ваша мечта — познакомиться с настоящим мужчиной.

— Неужели в вашем жилище нет потайного хода?

— Вы, видимо, произрастали в иной среде, мисс. Если бы здесь имелся потайной ход, грабители давным-давно воспользовались бы им, обчистив меня до нитки.

— Надеюсь, вы не ждете, что я стану извиняться за свое происхождение?

Осторожнее, Гаррет.

— Мы не выбираем себе родителей. Не обращайте внимания. У меня портится настроение, когда я не могу попасть в собственный дом.

С этими словами я вновь принялся обрабатывать дверь.

Леди, похоже, засомневалась в мудрости своего появления здесь и начала раздумывать, стоит ли ей вообще связываться с Гарретом.

Я изо всех сил старался выглядеть спокойным и рассудительным, когда Айви, не отпуская цепочки, приоткрыл дверь на дюйм и взглянул на меня.

— Айви, это я пришел домой. Мне захотелось посетить мою кухню. Не мог бы ты поскорее впустить меня?

Я быстро оглядел улицу. Казалось, все, кто недавно проявлял интерес к Чэс, внимательно следили за развитием событий. Среди зрителей даже оказался какой-то парень с повязкой на глазу и серьгой в ухе. Не знаю, была ли у него деревянная нога, но зато мне было известно, где этот кровожадный пират мог бы приобрести попугая. И при этом очень дешево.

Дверь распахнулась. За ней нас приветствовал Скользкий.

— Доктор Чэс, Гаррет, прошу прощения. Я был в кухне и считал, что Айви здесь сделает все как надо.

Айви уже заглядывал в маленькую комнату к Попке-Дураку.

— Похоже, он опять в ступоре.

— Еще немного, и я последую вслед за ним.

— Плохой день? — поинтересовался Скользкий и, не слушая ответа, двинулся в кухню.

— Эти двое бежали вместе с вами? — спросила Чэс.

— Нет, не вместе. Но они находились в палате.

— Я знаю Рика Грэма, — она указала на Айви. — Другой мне не знаком.

— Скользкий твердит, что попал в Бледсо так же, как и я. Его поместил в больницу тот же человек.

— Грэндж Кливер?

— Именно.

— Не исключено. Впрочем, неудивительно, что он мне не знаком. В палате их было сотни четыре. Кроме того, я больше занималась женским населением.

Наконец нам удалось прорваться в кухню. Скользкий объявил:

— Гаррет, припасов осталось совсем мало. Надо отправиться за покупками.

Бросив на него злобный взгляд, я обнял Чэс за плечи и повлек ее к задней двери. Как выяснилось, мне вовсе не хотелось оставаться дома.

Большим пальцем правой руки я трижды провел по красной стороне деревянной фишки.

— Скользкий, мы скрываемся через черный ход. Если парадная дверь еще раз окажется запертой изнутри, я вырву чье-то сердце. Постарайся сделать так, чтобы Айви все поняла.

Знаменитая интуиция Гаррета подсказывала, что во всем был виноват Айви. Человек, когда-то служивший в глубокой разведке, теперь опасался собственной тени.

— Запомни, Скользкий. Это мой дом, и в нем действуют правила и порядок, установленные мною.

— Спокуха, Гаррет. Все будет под контролем. Если вы и док куда-то отправляетесь, желаю вам славно провести время.

46

— Надеюсь, все злодеи остались стоять лагерем возле моего дома.

Мы с Чэстити наслаждались прекрасным вечером. Вечер был бы безукоризненным, если бы не один неприятный момент. Я заметил Майю Стамп. Когда-то Майя была обо мне более высокого мнения, чем я сам.

Майя меня не увидела, я выбросил мысли о ней из головы и в итоге прекрасно провел время. Чэстити была в полном порядке, и

я чувствовал себя с ней как рыба в воде. Я рассказывал ей байки о Гаррете, слегка подредактировав их с учетом аудитории. Она, в свою очередь, поведала мне о Чэс Блейн (о своем семействе она не очень распространялась). Мы потеряли счет времени. А время потеряло наш след. Вдруг к нам подошел парень с не очень чистым полотенцем, переброшенным через руку, и извиняющимся тоном сообщил, что заведение закрывается. Мы кивнули, извинились и, оставив слишком большие чаевые, вышли на улицу. Впрочем, мы ее не увидели — для нас обоих мир слился в одну крошечную точку. Мы сами превратились в собственную вселенную — как бывает только в далекой юности...

— Боже, до чего же ты красива, — сказал я ей, когда мы оказались дома (это был не мой дом).

Она и вправду была прекрасна, еще прекраснее, чем я мог себе представить.

Однако ее скрытые комплексы прорвались наружу, и она за-протестовала:

— Вот и неправда. Нос у меня кривой, один глаз сидит выше другого, а рот перекошен. И одна грудь больше второй.

— Возможно, на ногах у тебя слишком длинные пальцы. Но мне на это плевать. Слышишь, как все воют от зависти? Мне даже не пришлось идти за своим счастьем за тридевять земель.

— Нам обоим в эти дни пришлось несладко, и мы слегка перенапряглись, правда?

— Абсолютно точно. Никто и нигде не достигает полного комфорта. Поэтому то, что делает нас свободными от напряжения и отчаяния, является драгоценным подарком жизни. Разве не так?

— Это что — комплимент? Так постараемся действовать в его духе.

По совести говоря, я процитировал одну из сентенций Покойника. Но разве можно разочаровать женщину?

Наверное, я начал стареть — проснулся с угрывзениями совести, что ничего не сделал для поисков Эмеральд Джени. Взглянув на спящую Чэс, я припомнил, как высоко отзывался Морли о ее достоинствах. Затем вспомнил, что видел Майю, и на душе стало тоскливо.

Чэс приоткрыла один глаз. Увидев, что я смотрю на нее, она улыбнулась и потянулась. Простыня соскользнула, и я разинул рот в немом восторге.

К жизни мы вернулись лишь через час. Если вы спросите, где мы провели это время, я не отвечу. Просто потому, что ничего не помню.

— Ну и что ты теперь собираешься делать? — поинтересовалась Чэс, услышав от меня все подробности дела.

— В твоем вопросе — суть всего. Здравый смысл подсказывает мне все бросить и оправдаться тем, что кто-то пытался мной манипулировать и за это я получил деньги. Следовательно, мы квиты.

— Но часть Гаррета ужасно хочет узнать, что же происходит на самом деле, а еще одна часть беспокоится о девушке — так ведь?

Я не стал выступать с признаниями.

— Уолдо рассказывал мне об одном деле, в котором он тебе помогал.

Естественно. Он не упустит сыграть свое «Это все моя вина».

— Уолдо? — Они что, уже на «ты»?

— Уолдо Тарп.

— А... Плоскомордый. Иногда я забываю, что у него есть имя.

— А твой друг Морли рассказал о деле, в котором была замешана девушка по имени Майя и что-то такое под названием Сестры Рока.

— Неужели? — Ее слова меня нескованно удивили.

— Совершенно очевидно, Гаррет, ты — идеалист и романтик. Один из последних по-настоящему хороших парней.

— Эй, остановись! Я уже начал краснеть. По правде говоря, в мире не найдется второго столь прагматичного человека, чем сынок миссис Гаррет.

— Ты и сам в это не веришь. Что же, валяй, отправляйся на поиски Эмми Дженн. Я ухожу с твоего пути. Тебе нельзя отвлекаться.

— Здесь мы полностью расходимся во взглядах.

— Успокойся. Как только покончишь с делом, дай сигнал в дом моего отца. Я постучу в твою дверь, прежде чем ты успеешь произнести: «Ах, эта противная девчонка Чэстити!»

- О Боже... — Неужели все повторяется снова?
- В чем дело?
- Не сердись, но я не знаю, кто твой отец.
- Неужели ты не провел предварительного расследования?
- Не видел в этом никакой необходимости.
- Мой отец — Повелитель Огня Фокс Дайрхарт.
- Господи помилуй! Я сумел только пискнуть.
- Так ты не забудешь меня известить?

Снова писк. Никогда не имел дел с дочерьми чародеев-аристократов. Я чувствую, что пока недостоин чести украсить своей шкурой чей-нибудь портфель.

— Папуля не должен пугать тебя. Дома он для всех просто старый Фред Блейн.

Еще бы. Всю жизнь искал себе девчонку, чей папаша — один из могущественнейших магов, мечтающий лишь о том, чтобы я шлепал его по спине и называл Фредди.

- Так ты известишь меня?
- Ты прекрасно знаешь, что да, женщина-дьявол.

Я потерял способность сопротивляться.

— Тогда приступай к своей благородной миссии. — Она сморщила носик: — Папа не преминет заявить: «А что я тебе говорил?» — когда я расскажу ему о больнице. Просто ненавижу, когда он оказывается прав, а он прав всегда, считая людей злыми, эгоистичными и жесткими созданиями.

Я подставил щеку для прощального поцелуя и направился домой, размышляя на ходу, почему один из самых блестящих героев Каренты находится здесь, в Танфере, а не очищает Кантард от остатков разбитых отрядов противника.

47

На сей раз я проскользнул домой через черный ход. Скользкий и Айви проводили время на кухне. Один пил, другой занимался стряпней.

- Привет, Гаррет, — начал Скользкий, — буфет пуст.
- Не мешало бы и бочоночек подкупить, — заплетающимся языком пробормотал Айви.

— И не надоело вам обоим постоянно додгонить одно и то же? — проворчал я.

Если им здесь не нравится, никто их не держит.

Где-то у входной двери Попка-Дурак жаловался, что его, несчастного, все бросили. Интересно, коль скоро кончились все запасы, не захочет ли Скользкий приготовить рагу из попугаины.

Еще любопытно, что подумает Покойник, когда проснется и обнаружит себя в этом зоопарке.

— Не пора ли вам подыскать себе более тучное пастбище? — осведомился я.

— А?

— Вы пробовали найти работу? Подыскать жилье? Сдается мне, я выполнил свой долг перед вами.

— А?

— Он абсолютно прав, — вдруг заявил Айви. Его язык заплетался, но, несмотря на это, Айви пьяный был значительно более красноречив, чем Айви трезвый. — Разве мы вносим свой вклад в общее дело? Не исключено, что мы вообще не способны на такое. И это в конце концов его дом.

Проклятие. Совершенно справедливые слова Айви почему-то заставили меня почувствовать себя виноватым.

— Разве я не мыл его проклятую посуду, Айви? Не стирал белье? Я даже протирал жидкостью от насекомых ту гадость, которая содержится в библиотеке. На ней развелось столько жучков... Поэтому не говори, Айви, что я не вносил свой вклад. Послушай, Гаррет, какого черта ты вообще хранишь эту мумию? А если уж так приспичило, почему выбрал именно это страшилище?

— Оно — прекрасная тема для бесед. Девицы, например, утверждают, что мумия — душка.

Даже это не разбудило Покойника.

— А что ты сделал, Айви? — Скользкий меня не слышал. — Сосешь эту лошадиную мочу, пока я не начинаю задавать себе вопрос, где она в тебе помещается. Вы хотите есть?

— Да.

— В таком случае вонзите свои клыки в эти лепешки. Соус сейчас будет готов.

Он грозно двинулся в сторону Айви, но тот, не обращая внимания, отправился навестить попугая. Захлопнув за ними дверь, я поспешил подкрепиться, размыслия про себя, не сочетались ли не-нароком мои постоянцы браком — уж очень все напоминало семейную сцену. Скользкий снова принял орать. Его рев разносился по всему дому.

— Хватит! — в свою очередь, гаркнул я. — Скажите лучше, ко мне кто-нибудь заходил?

— Чтоб мне сдохнуть. Вы, Гаррет, наверное, самый популярный парень в городе. Какие-то люди постоянно колотили в дверь.

— И?..

— И что? Если не обращать внимания, они, как правило, уходят.

— Целиком и полностью разделяю этот взгляд.

Айви сунул голову в кухню и заявил:

— Приходила невысокая симпатичная девушка.

Я приподнял бровь, что в данной аудитории было пустой рас-тратой таланта.

— Ага, — подтвердил Скользкий. — Айви для разнообразия решил ответить на стук. Он всегда млеет при виде юбки.

Айви смущенно потупился.

— И что же дальше, ребята?

— Не знаю, — ответил Айви. — Я ничего не понял.

«Тоже мне новость», — подумал я.

— Она несла какую-то бессмыслицу. Что-то о вашей помощи, о поисках книги. Спрашивала, не нашли ли вы ее.

— Линда Ли?

— Что?

— Она не называла своего имени? Линда Ли.

Айви в ответ пожал плечами.

Вот уж воистину, Гаррет, ни одно добре дело не остается безнаказанным. Я проглотил последний кусок, залит его глотком жидкого чая и направился к маленькой комнате рядом с входом. Попка-Дурак почему-то был не столь невыносим, как обычно.

Все в мире относительно.

Я выглянул в дверной глазок.

Все в порядке. Передо мной лежала Макунадо-стрит, на которой кипела квазиразумная жизнь. Изучать эту жизнь через маленькую дырочку — занятие совершенно бесполезное.

Я открыл дверь и вышел на лестницу.

И сразу почувствовал, что за мной наблюдают, хотя никого не заметил. Усевшись на верхней ступеньке, я принялся изучать жизнь. Мне всегда было непонятно, почему такое количество людей мчит куда-то с такой скоростью. Я кивал знакомым — в основном соседям. Некоторые отвечали поклоном, а иные задрав нос пробегали мимо, желая в глубине души, чтобы я испарился и смешался с голубыми облаками. Старый мистер Стакл, снимавший меблированную комнату у миссис Кардонлос, был одним из моих друзей.

— Как дела, сынок?

— Когда как, папаша. Иногда ничего, иногда скверно. Но так или иначе, каждый день — Божье благословение.

— Слыхивал. А Грет из-за тебя дергается.

— Снова? Или все еще?

Он ухмыльнулся, обнажив оба своих зуба.

Грет Кардонлос всегда была на стороне тех, кого один мой вид выводил из себя. А что было бы, подумал я, если бы она в свое время получила имя Бриттани или Мисти. Может быть, тогда она состарилась бы, не превратившись в сварливую ведьму?

Скорее всего нет.

Пока я смотрел вслед удаляющемуся Стаклу, рядом со мной возникла соседская девчушка и радостно сообщила:

— А за твоим домом следили!

Бекки Фриерка жила иллюзиями о том, что участвует во всех моих приключениях. Вообще-то я не против, чтобы рядом со мной находилась особа женского пола, однако желательно, чтобы ей было несколько больше восьми лет.

— Неужели?

Никогда не знаешь, откуда можешь получить полезную информацию. Кроме того, мое внимание было Бекки приятно.

Я плохо помню отца. Но мама часто повторяла его, как она утверждала, слова: «Каждый день надо совершить хоть один приятный людям поступок». Не исключено, что она сама это придумала. Так или иначе, мысль неплохая.

— Спасибо, Бекки. Это очень полезные сведения. Теперь топай домой. — Я протянул ей пару медяков.

— А ты пригласил ту леди на ужин?

— Что?

— Вчера вечером.

— А?

— Мне не нужны твои деньги, я хочу, чтобы ты вывел меня в свет.

Интересно, наступит ли этому когда-нибудь конец?

— Откуда тебе известно, чем я занимался вчера вечером?

— Я увидела, как ты выскользнул через заднюю дверь, и стала следить за тобой. — Улыбнувшись улыбкой дьяволенка, она закончила: — Поэтому я и знаю, чем ты занимался.

— Ты что — гном? Шантажируешь меня?

— Нет. Но зато я могу сказать, кто еще за тобой следил.

Ничего себе! Я не заметил никакой слежки, включая Бекки.

— Я весь внимание.

— А ты сводишь меня поужинать? Туда же, куда водил белокурую леди.

— Свожу. — Можно обещать все — ее мамаша не допустит этого. — Как только закончу дело. Заметано?

Она с подозрением посмотрела на меня. Уж больно быстро я согласился.

— Заметано. И не думай, что сумеешь увернуться.

— Рассказывай, кто следил за мной.

— Это был человек. Очень страшный. Совсем не высокий, но какой-то огромный. — Девчушка широко развела руки. — Ходил ужасно смешно. — Бекки изобразила, как именно.

— Магвамп, — высказал я вслух догадку. Мне не довелось видеть походку Магвампа, но она должна была быть именно такой.

— Магвамп?

— Так, видимо, зовут того, кто следил за мной. У него очень толстые руки?

— Не знаю.

— Что он делал?

— Просто шел вслед за вами. Потом исчез. Он такой страшила, Гаррет. Все время говорил сам с собой.

— Наверное, вырос в таком же окружении, что и я.

Краем глаза я увидел, как в мою сторону двигается Плоскомордый Тарп. Я не имел ни малейшего представления, почему он бежал ко мне с такой мрачной целеустремленностью.

— Спасибо, Бекки. Настало время расходиться по домам.

— Не забудешь? Ты обещал.

— Кто? Я? Конечно, не забуду. Можешь на меня рассчитывать.

Оставалось надеяться, что забудет она. Но вряд ли — мне никогда не везет.

— Кто откинул копыта? — поинтересовался я, когда Тарп подбежал ко мне. После пробежки этот увалень даже не запыхался.

— А?

— Ты галопировал с таким видом, будто несешь ужасную новость.

— Неужели? Нет, я просто думал о Летиции.

— Что это? Новое блюдо в меню Морли?

— Моя дама... Ты с ней пока не знаком.

У Плоскомордого постоянно новая подружка. На нем не было видно свежих синяков, возможно, Летиция покладистее, чем все предыдущие.

— Значит, ты пришел за советом влюбленному?

— Это от тебя-то?

Нет, этот парень начисто лишен великодушия.

— Вовсе не от меня, а от обитающего здесь высшего разума.

От безукоризненного эксперта, — по всем вопросам, как считает сам логхир.

— Раз мы заговорили о нем, скажи, ты сообщил ему о последних событиях на юге?

— Что там произошло?

На улице не было того столпотворения, которое обычно возникает после сенсационных сообщений из Кантарда.

— Это пока не стало всеобщим достоянием, так как считается страшной военной тайной. Я услышал новость от мужа моей сестры, двоюродный брат которого служит у штурмлорда Бернера Скуллспайта. Первая особая кавалерийская бригада атаковала штаб Слави Дуралейника.

— Это, глупая пехота, не новость. Наши парни уже раз пять обнаруживали убежище Слави.

Плоскомордый — славный парень, но соображает он туговато. Весь срок службы в армии он топтал землю в пехоте и страдал обычными для этого, с позволения сказать, рода войск предрассудками. Например, полагал, что кавалерия принадлежит к армейской элите. Бросьте, ребята! Кавалерии далеко до Королевской Морской пехоты. О слабоумии кавалеристов красноречиво говорит хотя бы то, что они безо всякого принуждения добровольно ездят на лошадях.

— Нет. На сей раз это был настоящий штаб. В старом гнезде вампиров.

В его голосе я уловил странные нотки.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Именно. В том самом.

В ходе одного из прошлых дел мне пришлось проникнуть в зону боевых действий. События привели к тому, что Морли, я и еще ряд людей вторглись в подземное гнездо вампиров — подлинное обиталище ужаса. Нам повезло, и мы ускользнули. Мы сообщили о гнезде военным, и те, приостановив боевые действия против венагетов, разгромили гнездо тьмы. Война с вампиром имеет долгую историю. Наши приключения произошли как раз перед мятежом Слави Дуралейника. В моем отряде тогда был даже один кентавр.

Но Тарп не успокоился, и я заключил, что это еще не все.

— Что еще?

— Так вот... Атака оказалась совершенно неожиданной. Враги даже не поняли, кто на них напал, и тем более не успели уничтожить документы.

Итак, бездонный источник везения Дуралейника, по-видимому, начал иссякать.

— Выкладывай сразу развязку. Что нашли в документах?

— А то, что Слави нет в Кантарде. Наши великие полководцы гонялись за призраками.

У меня тоже бывают моменты просветления.

— Но как раз те документы, которые могли бы указать место-пребывание Слави Дуралейника, республиканцы успели уничтожить.

— Как ты узнал?

— Умею хорошо решать ребусы.

Все эти сведения могли заинтересовать Покойника. У него было хобби — предсказывать очередные действия Дуралейника.

— Что удалось выжать из пленных?

— Не взяли ни одного, Гаррет.

— Так не бывает.

— На этот раз случилось невероятное. Ни один не сдался в плен, хотя никаких шансов на спасение у них не было.

Я просто не мог в это поверить. Как бы фанатично ни настроена группа, в ней обязательно сущется хоть один человек, не желающий умирать.

— Но я пришел вовсе не за этим, Гаррет.

— Вот как.

— Торнада хотела, чтоб я...

— Торнада? Чего желает этот младенец-переросток, который...

— Если ты на минуту заткнешься, я смогу тебе сказать.

Прекрасный совет, целиком и полностью совпадает с тем, что мне частенько говорили мама и Покойник. Действительно, трудновато слушать с открытым ртом. Пришлось захлопнуть.

— Торнада просила передать, что вы теперь ходите в разных упряжках. Напоследок она желает тебя проинформировать, что гомики с Западной стороны сговорились направить тебя на ложный путь. Они заранее продумали, что тебе сказать. «Пусть он забудет все» — это ее подлинные слова.

Он посмотрел на меня с таким видом, будто ждал объяснений.

Пришлось подключить мозги. Я не сомневался, что Робин и Пенни говорили правду. Возможно, они забыли пару фактов, но в целом не очень сбивались с тропы истины. Иначе с какой стати они стали бы привлекать внимание к Маренго Северная Англия? И почему вдруг Торнада отказалась работать со мной?

Все дело воняло так, словно кто-то подбросил мне дохлого скунса, а Торнада, похоже, совершенно уверена в моей бесконечной наивности.

— Откуда она все это узнала?

— Думаю, от своего дружка.

— Кого, кого? Дружка? С каких это пор?

— Да есть там один... Появляется время от времени, — пожал плечами Плоскомордый. — Она никогда об этом не объявляла. Не хочет, чтоб мы знали. Но если б ты почаще вылезал из своей норы, то и до тебя дошли бы слухи.

Он прав. Информация — кровь моей профессии или, если хотите, суставы, соединяющие кости скелета. В последнее время я перестал заботиться о крови (или о суставах). До того как я поселился вместе с Покойником, дело обстояло совсем иначе.

— Продолжай.

— Она только хотела тебя предупредить, чтоб ты не попал в ловушку.

— Настоящий друг, постоянно думает обо мне. Но разве она не могла сообщить все это лично?

— Хочешь мое мнение? — ухмыльнулся Плоскомордый. — Она просто боится, что, если приблизится к тебе, ты начнешь ее лапать.

— Сюрпризы, сюрпризы... — Убедившись, что ни птичка, ни жильцы за мной не следят, я закончил: — Думаю, стоит заглянуть к Морли. Хочешь, пойдем вместе. Я плачу за ужин.

48

Появление Плоскомордого, видимо, не очень обрадовало Морли, и он мрачно покосился в мою сторону. Я не мог понять, в чем дело, — Тарп был прекрасным клиентом.

Тем не менее Дотс подсел за наш столик. С первого взгляда было заметно, что его мысли витают где-то очень далеко. Он слушал вполуха, не сводя взгляда с двери.

— Мне удалось разобраться почти во всем, — сообщил я.

— О...

Интересно, как удалось ему вложить столько недоверия в единственный звук?

— Мэгги Дженн покинула город настолько озлобленной, что поклялась никогда туда не возвращаться. Ее возлюбленный был убит, его родственнички пытали к ней ненавистью. Ей пришлось пройти через унижения, чтобы ради дочери и себя сохранить все,

что подарил Тедди. Старый приятель (а может, и родственник) Мэгги, Грэндж Кливер, принимал ее образ, чтобы ближе познакомиться с домами на Холме, которые он потом грабил. Затем она сама попросила его играть эту роль ежегодно в то время, когда она должна была появляться в доме. Кливер был счастлив оказать помощь. Это позволяло ему появляться в городе и исчезать из него, избегая внимания Чодо Контагью. Одновременно он заносил с императорским семейством, сумел втереться в доверие и стал одним из попечителей Бледсо. Держу пари, он крал и из больницы и из дома на Холме.

Дальше события развивались следующим образом. В один прекрасный день появляются Краск и Садлер и рассказывают историю о Чодо и его дочурке. Кливер счастлив. Именно этого он долго ждал. Перед ним открывается возможность поставить под свой контроль преступный мир огромного города. Правда, ему предстоит решить одну очень важную проблему — Эмеральд Дженн. Она здесь, в городе, но где-то прячется. Ей известна правда о Грэндже Кливере, и она может все рассказать.

Морли и Плоскомордый выглядели так, будто с трудом переваривают мои мысли. Странно. Ведь все так просто.

— Итак, Кливер пытается затеять захват власти, но никто не желает на него работать — всем известно, что семейство Чодо давно точит на него зуб. Отказываются все, кроме Торнады. Да и та в конце концов начинает задумываться и сомневаться. Однако ей хочется урвать куш пожирнее. Когда Кливер упоминает, что хочет тайно отыскать девушку, Торнада говорит ему обо мне, надеясь использовать меня в своих целях. Кливер в очередной раз гримируется под Мэгги Дженн и нанимает меня. Но я порчу все дело, сообщая, что был предупрежден о его визите. Он ищет предателя в своих рядах. Кто это, Кливер сразу не сообразил. Будучи прекрасным актером, он без труда доводит свою роль до конца в доме на Холме. Но как только я ушел, он отправился в свое логово принять меры против меня. Чтобы найти девушку, он предполагает нанять другого специалиста.

Торнада слышит, как он посыпает своих людей. Она понимает, что Кливер скоро вычислит того, кто предупредил меня о его визите, и решает помочь мне выбраться из Бледсо.

Короче, когда я спросил ее о том, что происходит в действительности, она накормила меня двойной порцией деръма. Да и сейчас она надеется сорвать куш и поэтому всеми силами избегает встречи со мной.

Пока я развивал свои теории, Сарж подал чай. Морли налил себе, отпил и скривился. Видимо, напиток был заварен из растения, не состоящего с чайным кустом даже в дальнем родстве. Странно, чему он удивляется. Неужели ему не известно, что в его заведении вообще не подают нормальных блюд?

Мысли Дотса по-прежнему были заняты чем-то другим. Он, конечно, слушал меня, но каждый раз, как открывалась дверь, он переключал внимание на нее. Все же он оказался достаточно внимательным и заметил:

— Твоя гипотеза не противоречит ни одному из известных нам фактов.

— Еще бы. Сам знаю. Я продумал все. Но... держу пари, ты за пазухой держишь свое «но».

— И не одно. Ты не противоречишь фактам, но и не объясняешь всего, что происходит вокруг тебя. Мотивы действий Кливера в твоем изложении выглядят неубедительно.

— Но почему же? Ты просто не понял меня.

— Скажи, дочь Чодо хоть как-то манкировала своими обязанностями фактической главы преступного мира?

— Никоим образом. Не баба, а сталь и лед.

У меня до сих пор на теле сохранились порезы и отмороженные места от встреч с ней.

— Вот именно. Поэтому, что бы Краск и Садлер ни говорили, для Кливера сохранился огромный риск при появлении в городе. Я сегодня вычислил профи, который следил за тобой. Его зовут Клиланд Жюстин Карлайл. Его специально наняли наблюдать за тобой. Догадайся, почему. Даю тебе три попытки. Засчитывается только первая.

Я согласно кивнул:

— Чудо из чудес. Этого самого К.Ж. никто не видел в наших краях до того, как я упомянул имя Грэнджа Кливера своему лучшему другу Морли Дотсу. Этот Морли Дотс раньше никогда не встречался с Кливером и не очень представлял, как его можно найти.

Морли пожал плечами, что было равносильно признанию.

Никаких утрызений совести он не испытывал. Морли никогда не оглядывался назад и крайне редко извинялся. Вот и сейчас он не считал нужным просить прощения.

— А какова же здесь роль Торнады?

— Не знаю, но думаю, это не имеет никакого значения. Пожалуй, она и сама не ведает, что творит, и хочет одного — чтобы горшок кипел до тех пор, пока она не сможет урвать свое.

На губах Морли появилась утомленная, исполненная сожаления улыбка.

— Ты знаешь нечто такое, что не известно мне?

— Нет. Ты идешь на шаг впереди меня, хотя, кажется, слишком поздно усек самое главное.

— Ты полагаешь? Что же именно?

— То, что Торнада с самого начала лгала абсолютно обо всем. Ни одно ее слово не было правдой. Поэтому все, что якобы удалось узнать от нее, не стоит принимать во внимание.

— О... Да. Я знал это.

На самом деле я понял это только сейчас, взглянув на события под новым углом зрения. Забудь все, сказала Торнада. Вот именно.

49

— Я, Гаррет, уговорил Рохлю оказать тебе услугу, — сказал Морли.

Я не стал уточнять, какую именно, спокойно ожидая проявления его извращенного юмора.

И вновь он оставил меня в дураках. Никакой шутки не последовало.

— Хм...

— Мне почему-то кажется, что тебе не отыскать Кефора.

— Рохля вспугнул его?

Морли кивнул.

— Пустая потеря времени?

— Рохля все еще продолжает дуться.

— Так что же все-таки произошло?

— Кефор не встречал девушку уже восемь месяцев. Парень порвал с ней, потому что она не уступала его домоганиям. Большая пуританка.

— И Кефор не имеет ни малейшего представления, где ее можно найти. Так?

— Нет, не так.

— А...

Я всегда славился своей реакцией.

— Он посоветовал повернуться рядом с колдовским сообществом. Девушка что-то ищет. Кефор советует начать с самых черных кругов наицернейшей магии. После их разрыва она направила свои стопы именно туда. — Дотс одарил меня широченной издевательской улыбкой.

— Ты хочешь сказать — Кливер своими уликами указал мне правильный путь?

— Именно. Думаю, это известие тебя встряхнет.

Он опять осклабился, продемонстрировав не менее двухсот остроконечных зубов.

— Как пинок в задницу.

Я начал подниматься из-за стола. Все запутывалось еще сильнее.

— Эй! — завопил Плоскомордый. — Ты обещал.

— Накорми это животное, Морли. Дай ему что-нибудь подешевле, вроде люцерны.

— Куда ты двинулся?

Я открыл было рот, но тут же понял, что сам не знаю куда.

— Ах вот как? Почему бы тебе в таком случае не податься домой? Запри двери. Устройся поуютнее. Читай хорошие книги и жди возвращения Дина. Забудь о Грэндже Кливере и Эмеральд Дженн.

Я ответил на эту тираду одним из своих самых подозрительных взглядов.

— Ты ведь получил свой завтрак, — не унимался Морли. — Похоже, эта крошка Дженн сама способна позаботиться о себе.

— Морли, ответь мне на единственный вопрос: по какой причине она убежала из дома?

— Здесь может быть масса причин. Дети постоянно бегут из своих семей.

— Но обычно они бунтуют, стремясь избежать родительского контроля. Мне не много известно об Эмеральд. Я мало что знаю об ее мамочке. Их отношения для меня остаются тайной.

— Что я тебе только что посоветовал? Перестань изводить себя, Гаррет. Зачем? Не печалься, трать деньги, проводи весело время с Чэстити.

— Да хранят его боги, — пробормотал Плоскомордый. Он прекратил бороться с ужином и загоготал. — Ты только посмотри на его вид...

— Что такого в моем виде?

— Вид тупого упрямца, — пояснил Морли, — который бывает у тебя, когда собираешься ввязаться в безумное предприятие по неясным для самого себя причинам.

— Собираюсь?! Да прошло добрых четыре дня, как я ввязался в безумное предприятие.

— А теперь ты вне игры. Потому что это оказалась не та игра, в которую играл ты. Все это время ты в своей обычной манере спотыкался о мебель и опрокидывал стулья. Ты ушел с поля и остановился в безопасности, если перестанешь раздражать людей. Подумай хорошенько и обещай, что не станешь носиться с воплями, выясняя, почему вчера в течение трех минут шел дождь из лягушек.

— Но...

— Теперь нет никакой необходимости разыскивать девушку. Ради ее собственных интересов.

— Гаррет!

Я подпрыгнул на стуле от неожиданного рева Плоскомордого. Все посетители повернулись в его сторону.

— А ведь он прав, — продолжал громыхать Тарп. — Ты его лучше слушай. Ясно ведь: те, кто тебя нанял, вовсе не интересуются девочкой.

— Да, он прав, — сказал я. — Морли всегда прав.

Дотс жестко взглянул на меня и бросил:

— Но?..

— Никаких оговорок. Никаких «но». Я утверждаю это вполне серьезно. Ты попал в цель — в продолжении этой затеи нет никакого смысла.

Он посмотрел на меня с таким видом, словно размышлял, не завернуть ли меня по-новой в мокре одеяло.

— Нет, правда так считаю, — жалобным голосом продолжал я. — Я отправляюсь домой, мирюсь с Элеонорой и тихо сплю всю ночь. Утром первым делом выставляю вон своих гостей. Всех до единого. Но меня беспокоит лишь одно.

— Что же именно?

Морли явно мне не верил. Неужели они действительно все считали, что я превратился в рыцаря на белом коне, спасающего попавших в беду девиц?

— Не может ли Эмеральд быть еще одной маской Кливера? Как считаешь, способен он сыграть роль восемнадцатилетней?

Морли и Плоскомордый открыли было рты — поинтересоваться, с какой стати Кливер должен заниматься этим, но сочли за благо промолчать. Ни один не хотел дать мне даже малейшего повода для продолжения потенциально смертельного расследования.

— Мне просто любопытно. У него репутация мастера изменять свою внешность. Плеймет считал, что дочь Мэгги давно умерла. А вдруг с самого начала комбинация была более сложной, чем мы считали? Может, Кливер не просто разбросал улики на Холме, а полностью сконструировал персонаж?

— Ты, Гаррет, просто псих, — прорычал Морли.

— Ага, — согласился Плоскомордый. Он был настолько серьезен, что даже отложил вилку. — Я знаю, что я не такой гений, как вы, ребята, но мне известно, что в девяносто девяти случаях из ста самые хитрые события объясняются простейшим образом.

Что случилось с миром, если даже Плоскомордый начал выступать с мудрыми сентенциями?

— Да разве я спорю? Я полностью с вами согласен. Иногда мне кажется, что мозги — мое проклятие. Спасибо тебе, Морли, спасибо за все. Даже за то, что ты не сказал.

Я оставил деньги за ужин Плоскомордого, хотя имел полную возможность сбежать, пока никто не сообразил, что счет осается неоплаченным. Плоскомордый заслуживал доброго к себе отношения. Его удача катилась под откос даже быстрее, чем моя, и ему частенько приходилось сосать лапу.

* * *

Итак, я, Гаррет, выхожу из игры, в чем бы эта игра ни заключалась. Отправляюсь домой, привожу себя в порядок, выпиваю пивка, принимаю ванну и разрабатываю изощренный план, который приводит к частым встречам с Чэстити Блейн.

Выходя на улицу из заведения Морли, я тем не менее был предельно внимателен, как будто какое-то атавистическое чувство предупреждало меня о возможном нападении с целью нового водворения в Бледсо.

В больнице, как мне говорили, шла грандиозная стройка, и леса вокруг здания росли с необыкновенной скоростью.

Оказалось, напрягся я зря. Никто не обратил на меня внимания. За мной даже перестали следить. Я чувствовал себя покинутым.

У меня никогда не было такого интересного дела, которое вдруг распалось бы и исчезло. Правда, с другими, не столь волнительными делами подобное случалось, и я оставался без гонорара. Сейчас по крайней мере я мог гордиться тем, что хватило ума настоять на предварительной выплате.

Одобрения Покойника, естественно, не последует, но и он будет вынужден признать, что я время от времени способен оставаться деловым парнем даже в обществе похотливой рыжульки.

50

Я спал неплохо, но все же проснулся несколько не в себе. Это я объяснил тем, что пробудился до полудня, хотя Айви и не теребил меня. Я даже подумал, не воспрял ли Покойник, но, заглянув к нему, не увидел никаких признаков. Но чего я, собственно, ждал? Спит Покойник или бодрствует — все равно, человеческой жизни не хватит, чтобы заметить изменение в его внешности.

Скользкий и Айви вели себя необычно тихо. Словно чувствовали, что я собираюсь выставить их вон. У меня было соображение, куда их можно поселить, но я сильно сомневался, что миссис Кардонлос поверит моим утверждениям о благонадежности втих жильцов. Будь она проклята!

Но чудо из чудес! Плеймет выступил с предложением, и вскоре мои старые собратья по оружию получили работу с испытательным сроком и жилье на тех же условиях. Волшебство! Я снова оказался в собственном доме наедине с самим собой. Оставались, правда, Покойник и Попка-Дурак. Гнусная птичка успела спрятаться до того, как Айви попытался ее изловить и унести с собой. Моя попытка сделать ему царский подарок оказалась безрезультатной.

Возможно, скоро вернется Дин. Во всяком случае, во мне теплилась слабая надежда.

Настало время подумать о Чэс.

Я обсудил это с Элеонорой. Она не возражала, и я написал письмо и подрядил соседского мальчишку доставить его Чэстити. Этот бандит настоял на дополнительном вознаграждении за то, что придется приближаться к дому чародея.

Инструктируя маленького наемника, я внимательно осматривал улицу. Мне не удалось заметить никого, кто хотя бы отдаленно интересовался жилищем Гаррета. Даже соседи, и те сегодня обошли меня вниманием. Тем не менее я почему-то испытывал беспокойство.

Вначале я поругался с Попкой-Дураком и довел его до белого каления. Затем пообщался с Элеонорой. Меня одолевала скука. Что говорить, мой круг общения воистину не широк. Он состоит из говорящей птицы, картины и типа, который не только спит неделями и мертв уже несколько столетий, но даже не покидал дома за все время знакомства со мной.

Мои друзья правы: так больше жить нельзя.

Раздался стук в дверь. Я бы проигнорировал его, если бы не ждал ответа Чэс.

Прежде чем открыть, я заглянул в глазок.

Это оказался мой посыльный, в руке он держал письмо. Я открыл дверь, отвалил ему дополнительные чаевые и, осмотрев еще разок улицу, не обнаружил ничего подозрительного.

Хорошо.

Усевшись за письменный стол, я прочитал послание и поделился новостями с Элеонорой.

— Чэс сообщает, что зайдет за мной. Как ты к этому относишься? Отчаянная ведьмочка, да?

После паузы я продолжил:

— Хорошо, хорошо. Не будем называть ее ведьмой. Скажем так: она не придерживается традиционной роли, закрепленной за женщиной. Она и дальше думает вести себя нетрадиционно. Собирается отвести меня в местечко, которое ей очень нравится. И даже притащит с собой папочку.

Вся моя болтовня была пустым жеманством. Элеонора — не более чем бестелесный дух и не может посыпать мне эту издевательскую ухмылку.

Мне не очень улыбалась встреча с папашей, входящим в двадцатку наиболее могущественных чародеев нашей части мира. Оставалось надеяться, что он не принадлежит к числу родителей-ретроградов. Я с трудом общаюсь с людьми, которые с пеной у рта бросаются на защиту фундаментальных моральных ценностей.

Новый взрыв смеха с картины. *

Она говорит, что папа хочет задать несколько вопросов о Мэгги Дженн и Грэндже Кливере.

Все верно. Но я бы меньше беспокоился, если бы Чэс сказала, что папа дымится от возмущения из-за моих отношений с дочерью.

Поздно, Гаррет, дергаться и верещать.

Элеонора напомнила, что передо мной открывается прекрасная возможность установить контакт с богатыми и могущественными.

— Правильно, девочка. Ты знаешь, как я ценю связи с громкопрославленными богатеями. Это как раз то, к чему я никогда не стремился.

И я отправился готовить себе ланч.

Оказалось, мои гости оставили мне для еды лишь ботинки, а на выпивку — полграфина воды.

51

В тот вечер я вышел из дома, твердо придерживаясь своей главной жизненной установки: ожидай самого худшего — и не испытываешь разочарования. Папочка Чэстити был гигантом среди

чародеев. Ему ничего не стоило бы размазать меня как коровье дерьмо или зашвырнуть на противоположный берег реки.

Он удивил меня сразу, не оказавшись столетним пнем. Папаша выглядел как обычный человек, едва перешагнувший свое пятидесятилетие. Его черные волосы подернулись сединой. У него было небольшое брюшко, а ростом папа был на несколько дюймов ниже меня. Он был отлично ухожен и лучился здоровьем. Очевидно, это и есть признак его могущества. Одет папочка был вовсе не лучше меня. И у него оказалось обветренное лицо человека, проводившего большую часть времени на открытом воздухе. Похоже, парень не страдал и от избытка самодовольства.

Он оказался изумительным слушателем, из тех, кому вы выкладываете даже то, о чем, казалось, давно забыли. Искусство слушать, наверное, здорово помогало ему в зоне военных действий. Лучшими вождями являются те, кто умеет слушать.

Повелитель Огня прервал меня только дважды — и оба раза по делу, задавая точные вопросы. Еще не кончив своего рассказа, я уже общался с ним так, как с Покойником или с Элеонорой, — как будто думаешь вслух.

Наконец я остановился. Чэс взглянула на отца. Тот хранил молчание.

— Почему вы этим заинтересовались? — спросил я. — Из-за Чэс и ее работы в больнице?

Кстати, он тоже называл ее Чэс.

— Наш дом был ограблен во время волны преступлений, сопавшей по времени с романом Теодорика и Мэгги Дженн.

Я бросил на Чэс умеренно изумленный взгляд. Она не упоминала об этом событии.

— Некоторые из похищенных вещей были впоследствии обнаружены, и от них тянулся след к Грэнджу Кливеру. Однако его так и не смогли найти.

— И вы никак не связывали его с тем Кливером, который стал попечителем больницы?

— Меня здесь не было, когда Чэс решила работать в этом филантропическом заведении. Кроме того, я не искал вора в столь высоких кругах.

— Нет? Но я-то думал, что... — начал я и тут же получил под столом сильный пинок от Чэс.

По выражению лица Повелителя Огня было видно — он догадался, что я хотел сказать. Но я, пожалуй, не прав. Если вы не щиник, то ищете темных типов только в темных углах.

— Я всегда считал, Гаррет, что Дженн замешана в кражах. Налет на мой дом, кстати, был спланирован с точностью военной операции. Но, согласитесь, нельзя же было обвинять любовницу короля в воровстве.

— Понимаю.

Как будто понимаю. Чэс улыбалась, стараясь меня подбодрить. Ее улыбка не сработала. Я кожей чувствовал, куда гнет ее папочка.

И не ошибся.

— Я так же мстителен, как и любой другой, — сказал Блейн. — Но даже и сейчас я ничего не могу поделать с Дженн. Хотя королевская родня ненавидит ее. Они заботятся даже о черных овцах своего стада. Но у Кливера нет влиятельных друзей и могущественного ангела-хранителя. Чэс вам, наверное, сказала, что мы знакомы с полковником Тупом. Я обладаю некоторым влиянием в Гвардии и в других учреждениях, но хочу, чтобы Кливера разыскали именно вы. Если его поймает Туп, дело кончится скамьей подсудимых, а мне хочется лично разделаться с Кливером.

Плюх!

Папочкин толстенький кожаный бумажник выскочил из кармана и улегся перед ним на столе.

— Прекрасно сработано, — заметил я.

Слабая улыбка в ответ.

— Чэс дает вам блестящую оценку, Гаррет. Однако Уэстмен Туп подозревает, что вы все же не способны ходить по водам. — Я взглянул на Чэс, и она залилась краской. — Но я хорошо знаю Тупа и поэтому поинтересовался мнением других людей.

Неужели он полагает, что сможет этим произвести на меня впечатление? Речь Блейна начала, по-моему, звучать слишком высокопарно. Возможно, только я так это услышал.

Я предоставил Повелителю Огня возможность оценить мой коронный трюк с бровью. Трюк сработал. Чародей пустился в дальнейшие объяснения:

— Все утверждают, что лучше вас никого нет, но заставить вас трудиться не так просто. — Он ласкал рукой бумажник, словно это была его любимая женщина. — Черт бы вас побрал, Гаррет. Неужели вам самому не хочется рассчитаться с Кливером? Ведь вы могли провести всю оставшуюся часть жизни среди сумасшедших.

Он придинул бумажник ко мне еще на полфута.

Чэс ободряюще кивала, улыбаясь. Неужели ее папочка умеет ступать по водам и уговорит меня?

— Я побеседовал с Тупом, Гаррет. В бумажнике больше чем деньги. Во-первых, вы здесь найдете (поглаживание, поглаживание) рекомендательное письмо, которое можете использовать по своему усмотрению. В нем сказано, что вы являетесь моим уполномоченным, и каждого, кто откажется вам помочь, могут ожидать крупные неприятности. Во-вторых, в бумажнике находится подписанный нашим добрым полковником мандат, согласно которому вы имеете право требовать помощи от городских служб безопасности. Само собой разумеется, вы обнаружите и аккредитивы, с лихвой покрывающие ваши возможные затраты и гонорар.

Проклятый бумажник был таким толстым, что казалось, золота в нем больше, чем смог бы украсть тролль.

Папаша Чэстити славно подготовился к деловой беседе и не рассчитывал вернуться домой разочарованным. Я не стал с ним спорить.

Да он бы и не позволил мне этого.

Блейн, в общем, оказался таким же, как и все его собратья по профессии, хотя и старался сделать вид, что ведет честную игру.

Чэс молчала, улыбаясь с таким видом, словно наблюдала, как меня вводят в рай.

— Не совсем понимаю, чего вы желаете, — набычясь, спросил я.

— Найдите Кливера. Притащите его ко мне или отведите меня к нему. Как только мы окажемся лицом к лицу, ваша миссия завершится.

С большой неохотой я придинул бумажник — эту вязтку! — к себе и заглянул внутрь. Там я увидел несколько исписанных каллиграфическим почерком листков, какие-то бумаги с офици-

альными печатями, приличное количество золота и грудную кость птицы, которая, как известно, способна выполнить все ваши желания.

— Кость-убийца? — поинтересовался я.

— Что? Ах это. Да, конечно. Вы же служили на островах.

В тех местах туземцы владели собственной, довольно отвратной разновидностью магии, на которую карентийцы и венагеты реагировали одинаково — уничтожая ее носителей на месте.

— Зачем она мне? — проворчал я.

— Это вовсе не то, что вы думаете, — не подлинник. Если попадете в безвыходное положение, плюньте на кость, и те, кто желает вам зла, не смогут сфокусировать на вас свой взгляд. Дружественные или нейтральные наблюдатели будут вас прекрасно видеть, а убийцы окажутся неспособными применить оружие. Не правда ли, умно придумано?

Возможно. Я промолчал. Гиганты вроде него считают себя настолько умными, что частенько остаются в дураках.

— Чудно! Кость не помешает, поскольку мои магические способности годятся лишь на то, чтобы превращать города в руины.

Чэс продолжала улыбаться так, словно подрядилась полностью расплавить мое сердце.

— Я должен бежать, — извиняющимся тоном произнес Повелитель Огня. — Кто-то может подумать, что теперь, после победы, моя жизнь стала легче. Ничего подобного. Да и вы, наверное, предпочли бы остаться вдвоем.

Прошу прощения, но в реальной жизни такого человека быть не может. Я сделал ему ручкой. Мой новый босс — хочу я того или нет.

Встреча с чародеем оказалась вовсе не такой страшной, как я опасался.

— Разве не здорово?! — спросила Чэс. Она пребывала в таком восторге, что мне подумалось: не использовал ли кто-нибудь против нее заклинание оглушения.

— Что здорово?

Ее улыбка из восторженной стала непонимающей.

— Что с тобой? Что тебя беспокоит?

— Да твой папочка, — ответил я, крепко сжимая бумажник.

— Не понимаю. — Она, видимо, считала, что я должен визжать от счастья.

— Меня беспокоят его слова.

— Разве он не выложил тебе все прямо и честно? Разве он напускал туман?

— Нет. — Этого я утверждать не мог. — Что ты помнишь о том грабеже?

— Ничего, меня здесь не было.

— Вот как? — Порывшись в своем мешке факира, я извлек оттуда фокус с бровью. Этот трюк выводит всех из себя.

— Я была в школе. Заканчивала обучение. Ребята все ушли служить в Кантард унтерами. — Она имела в виду одноклассников. — А те, кто демобилизовался, вернулись, чтобы завершить учебу.

— Давай не будем ссориться, особенно после того как я пережил встречу с папой-чародеем, не перегруженным обычными родительскими предрассудками.

— Дорогой, забудь о талантах моего родителя. Он их, кстати, называет проклятием. — Чэс соблазнительно улыбнулась, и мне показалось, что она совсем не склонна продолжать обсуждение своего папаши.

Но я все же спросил:

— Это в его духе?

— Что?

— Нанимать кого-то, чтобы отыскать кого-нибудь с целью отомстить за какую-то древнюю обиду.

— Возможно. Нас ограбили лишь один раз, и я знаю, что это его бесит до сих пор. Когда папа начинает вспоминать о краже, ему ужасно хочется что-нибудь спалить.

Интересно. Вернее, любопытно. Во время беседы я совершенно не заметил у Повелителя Огня желания учинить пожар.

— Кончай, Гаррет. Забудем об этом, — взмолилась Чэс.

— Да? Думаешь, стоит?

— Лучше обрати свои помыслы на то, что тебе намерен прописать доктор.

Пришлось вновь вздернуть бровь.

— Все мои мысли только об этом. — С ее стороны это был древний женский трюк, заставляющий нашего брата распускать слюни.

Восхитительно холодным, деловым тоном она добавила:

— Кстати, мы можем лопать как свиньи. Папа оплатил ужин.

— Хрю, хрю... Лучше я не стану ограничивать себя в другом месте.

— Ох... Обещания, обещания. Относись к своим заявлениям ответственно. Сегодня вечером я не работаю.

Это были замечательные слова — слова, которых я не слышал со дня творения. Надо было бы что-то ответить. Но передо мной сидела такая великолепная женщина — я позволил, чтобы последнее слово осталось за ней.

52

Когда я вошел в заведение Морли, пара завсегдатаев приветственно помахала мне лапами. Однако персонал повел себя менее дружелюбно. Рохля скривился так, будто изо всех сил пытался припомнить, где же он в конце концов спрятал крысинный яд.

Но сам Морли пребывал в прекрасном расположении духа. Он сбежал вниз по лестнице, как раз когда прибыл мой чай.

— Мне знаком такой твой вид, — сказал я. — Ты либо сорвал приличный куш на бегах водяных пауков, либо чья-то жена, споткнувшись, упала, и ты смог воспользоваться этим, прежде чем она успела вскочить на ноги.

Его акулья пасть растянулась в улыбке.

— А мне-то показалось, что именно ты занялся этим делом.

— Почему ты так решил?

— Тебя засекли с потрясной блондинкой в заведении явно не твоего уровня.

— Виноват. Было дело. Но откуда тебе это известно?

— Боюсь, мой ответ придется тебе не по вкусу.

— Что же, вытерплю. Выкладывай свою черную весть.

— Вчера вечером сюда притащилась парочка — познакомиться с трущобной жизнью. Он — мистер Денежный Мешок, она — Роза Тейт. Она-то тебя и заприметила в ресторане.

— Держу пари, она улыбалась своей гнусной улыбочкой.

Роза Тейт — кузина моей бывшей подружки Тинни Тейт. Еще с давних времен Роза точит на меня зуб.

— Точно. Теперь две девицы как следует потреплют о тебе язычки.

— Кто бы сомневался! К счастью, Тинни знает, что такое Роза. Кстати, она не обратила внимания, кто еще был со мной?

— А там еще кто-то был?

— Чэс привела своего папочку. — Я рассказал ему о встрече с Повелителем Огня. — Ты встречал когда-нибудь Блейна?

— Нет. Но почему ты спрашиваешь?

— Вновь все начинает двоиться в глазах.

— Неужели ты подозреваешь, что Чэс ведет с тобой двойную игру?

— Настало время пааноиков, Морли. Мой мир утратил для меня всякое подобие смысла.

— Когда тебе хорошо платят, смысл не следует включать в систему уравнений. Разве не так?

— Иногда он оказывается все же полезным.

— Тебя смущают многочисленные совпадения?

— Какова вероятность того, что Чэс случайно поступает на работу туда, где обретается вор, ограбивший в свое время ее отца?

— А каковы шансы на то, что тебя случайно помещают туда, где ты можешь встретить ее? Они еще ниже. В ее случае совпадение не вызывает подозрений.

— Но почему?

— Есть ли лучшее место для начала карьеры женщины-врача, чем Бледсо? С другой стороны, куда устроили бы члены императорской семьи Кливера, если бы пожелали его видеть в Танфере?

— Ты думаешь, он чем-то им обязан?

— Это они так полагают. На самом же деле Кливер просто использовал их, чтобы иметь возможность появляться в городе и исчезать из него, оставаясь незамеченным бывшими знакомцами. Припомн, поначалу его имя ничего не говорило Чэс.

— Какова роль ее отца в нашем деле?

— Я уже приступил к его выполнению. Его дом обчистили. В то время это была одна из самых громких краж. Я узнал, что в город он вернулся только позавчера.

— После того, как заварилась эта каша.

— Обрати внимание. Он отсутствовал много лет. Появляется дома зимой и всего лишь на несколько дней. Зима — самый отвратительный сезон в зоне военных действий.

Морли сурово посмотрел на меня и бросил:

— Твой основной недостаток, Гаррет, — отсутствие здравого смысла.

— Как это понимать?

— Ты не можешь оставить проблему в покое и обязательно должен продолжать копаться в ней, изыскивая для этого все новые и новые предлоги. Сейчас, похоже, здравый смысл начинает стучать в твою дверь. Забудь о Дождевике, Гаррет.

Я воздел вверх одну бровь:

— Вот как?

Неужели он сам разрабатывает Кливера?

— В данный момент он, Гаррет, подвижная мишень. Не волнуйся — не для меня. Но если ты будешь рядом с ним, тебя тоже может зацепить. — Он поднял руку, как бы отталкивая меня. — Уходи. Постараюсь выяснить все, что могу, об отце твоей новой леди.

53

Без волшебства здесь явно не обошлось. Когда я вернулся, посетив двух приятелей военных лет — теперь членов экстремистского движения за людские права, — мой дом был обложен со всех сторон. По всем углам расположились кровожадные пираты. Профи вернулся с друзьями. Неумеха тоже присутствовал и был не один — я успел на мгновение заметить Горнаду.

Оказывается, я вызвал интерес и у новых персонажей. Любопытно все же, сколько врагов и друзей у Дождевика?

Мне бы надо было собрать всех наблюдателей в кучу и произнести перед ними речь, призвав объединить усилия с целью избежать дублирования и ненужной затраты ресурсов. Но от этой затеи меня отвлекли топтавшиеся на ступенях Айви и Скользкий.

У Айви хватило совести покраснеть.

— Нас выгнали, — объявил он. — Я хотел объясниться, но нечаянно произнес слово, начинающееся на «П».

Что это за слово, начинающееся на «П»?

Я посмотрел на Скользкого. Он выглядел просто ужасно.

— Вы знаете. То, после которого он начинает психовать.

Верно. Паузиффл.

— Просто из чистого любопытства хотелось бы знать: он помнит, что натворил, услыхав волшебное слово?

Ответ, очевидно, потребовал слишком большой нагрузки на интеллект Айви, и он ограничился пожатием плеч. У меня были соображения на этот счет, и я мог объяснить происхождение проблемы слова, начинающегося на «П».

Где-то много лет тому назад перекроил разум Скользкого, пытаясь превратить его в живое оружие, спусковым крючком для которого была бессмысленная фраза. Кто и когда сделал это — теперь не имело никакого значения. Эксперимент провалился. Скользкий вышел из-под контроля. Он попал в Бледсо незаконно, но все же, по совести говоря, его место было там. На воле его болезнь будет прогрессировать до тех пор, пока его кто-нибудь не убьет.

Вообще-то по меньшей мере половине обитателей Танфера следовало бы находиться в сумасшедшем доме. Здесь удивительно мало нормальных людей. По крайней мере на моем пути они почти не встречаются.

Я вошел в дом. Парни последовали за мной. Айви сразу же направился в комнатушку у входа, и Попка-Дурак тут же завелся на всю катушку. Я задержался и заглянул в глазок. Морли, наверное, уже носится по улицам, извещая всех и каждого, что я вновь взялся за дело.

Я с интересом заметил, что и друзей Дождевика, и его врагов смыло из окрестностей моего дома. Интересно, а не работает ли кто-нибудь из этих наблюдателей на папочку-волшебника?

При такой толпе соглядатаев невозможно поверить, что они не знают о существовании друг друга. Это, в свою очередь, порождает разные предположения.

Если бы я работал на Гвардию и знал, что кто-то рядом трудится на Кливера, то просто бы захватил этого парня и забыл о

Гаррете. Неужели все настолько обленились, что решили взвалить поиски Дождевика только на меня? Не может быть. Они наверняка знают, что я не страдаю избытком честолюбия.

Скользкий, очевидно, забыв ориентиры, ведущие в кухню, побрал вслед за Айви. Пока ребята возобновляли знакомство с Попкой-Дураком, я нырнул в кухню и припрятал в укромное место свои хилые запасы.

Какой-то болван принял колотить во входную дверь. И так требовательно, что я чуть было не поддался соблазну открыть ее.

Тем временем Попка-Дурак поминал всех предков Гаррета по прямой линии.

«Удушу цыпленка джунглей, а перья продам», — решил я и вернулся к дверному глазку.

И где только находят таких? Заморенных типов бухгалтерского вида, которые провели военную службу, перекладывая бумажки из одной папки в другую. Те, кто воевал по-настоящему и встречал этих мальчиков, клялись, что без всякой жалости утопили бы их в моче, представив такая возможность. Подобные типы редко осмеливаются возникать в моей части города.

Макунадо-стрит не Дно, но и на нее люди, родившиеся с серебряной ложкой во рту, заглядывают крайне редко.

Может быть, визит имеет отношение к Блейну?

Я открыл дверь. Это было ошибкой.

Возможно, неосознанно я предчувствовал неприятности — в одной руке я крепко сжимал дубинку. Теперь она пришлась весьма кстати: из пространства с обеих сторон двери материализовались двое громил и тут же попытались взять меня в оборот.

В изумлении отступив назад, я поднял дубинку. Ближайший противник возжелал сбить меня с ног. Я уклонился и опустил свое оружие ему на затылок. Эти клоуны явно явились в наш мир из иного измерения. Никто из наших не рискует нападать на меня в моем собственном доме. Покойник не выносит беспокойства.

Скажем так — обычно не выносит. Если бы я не был так занят, обязательно заглянул бы к нему и выяснил, что его сдерживает. Он не пошевелил ни единой мозговой извилиной.

Первый парень задремал, свернувшись калачиком. Его похожий на бегемота приятель сумел оценить обстановку и начал дей-

ствовать не столь опрометчиво. Он не утратил уверенности в себе и решил нанести удар с фланга всей силой своего оружия.

Скользкий высунул башку из маленькой комнаты рядом с дверью. Судя по его виду, он не мог оказать большой помощи, но зато мог отвлечь врага, атакуя его с тыла.

— Эй, Скользкий! Пауэифл-физ!

Похоже, мое произношение оказалось вполне на уровне.

Вопли о помощи постепенно сошли на нет. Стихли стоны и треск ломаемой мебели. Стараясь производить как можно меньше шума, я отодвинул стол, подпирающий изнутри кухонную дверь, и осторожно выглянул в прихожую.

Айви, прижав Скользкого к стене, грозил ему пальцем. Попка-Дурак, сидя на плече малыша, распевал воинственную песнь.

Я вышел к ним.

— Зачем вы заставили его сотворить это? — простонал Айви.

— Эти ребята решили сделать мне трепанацию черепа, не получив на то разрешения пациента.

Даже тот парень, которого я уложил, получил дополнительные ранения и выглядел так, будто Скользкий упражнялся на нем в танцах.

— Он в порядке?

— Будет в порядке, но не вашими молитвами.

— Сейчас не время ссориться. Мы захватили пленных. Понял? Начинаем допрос.

Я открыл дверь в комнату Покойника. Интересно, какого дьявола он дрых, невзирая на весь этот шум? Увидел я лишь то, что и ожидал, — жирную тушу дохлого логхира, заполняющую собой пыльное кресло.

Моим приятелям требовалось руководство. Когда я окончил осмотр того, что раньше было моим жильем, пленные были связаны как свиньи, готовые к поджариванию заживо. Предварительная обработка пленников вернула Скользкого к жизни.

— Вам, ребята, когда-нибудь доводилось проводить допросы? — поинтересовался я.

Айви утвердительно кивнул. Скользкий выглядел дуб дубом. Ему это здорово удавалось. Природный талант.

— Мой подход — запутывание без причинения реального вреда, особенно если без него можно обойтись. У нас четыре пленника. Один из них наверняка окажется слабаком. Верно?

В ответ — абсолютно безмозглые взгляды.

— Давайте попытаемся сообразить, кто из них расколется раньше, чем мы будем вынуждены начать раскалывать их черепа.

— Неужели вы способны на это?

И чего я все время стараюсь быть добряком? Даже люди, выступающие на стороне сил добра (то есть на моей стороне), иногда не понимают этого.

Я отвел своих соратников в кухню. Ожидая, пока силы вторжения очухаются, мы разделили на троих мои скучные запасы непрятательной пищи.

Постепенно один за другим наши враги начали приходить в себя. То положение, в котором они себя обнаружили, их почему-то не обрадовало.

54

С чашкой чая в руке, с попугаем на плече и с соратниками по флангам я вернулся в прихожую. Полка-Дурак бранился так, словно сам все это придумал.

— Вы живы, ребята? Вот и хорошо. Давайте сыграем в престенскую игру. Победитель отправится домой с целыми пальцами на руках и ногах.

Если они настолько невежественны, что не опасаются Покойника, то им и подавно не известно, что я весьма редко воплощаю в жизнь угрозы отрубить пальцы у злодеев.

У Скользкого оказался собственный подход к общению с пленными. Он просто, по-деловому, без всяких эмоций сломал одному из них руку. Я выждал, пока жертва прекратит вой:

— В основном мне хочется знать, кто вы такие. И, конечно, почему вы ворвались в мой дом.

Тип с внешностью бухгалтера и с обеими целыми руками выступил первым:

— Наша задача была убедить вас отказаться от дела. В некотором роде — предупредить.

— Итак, мы стали на правильный путь. Теперь намекните — предупредить против чего? Почему? И кто это хочет сделать?

Он посмотрел на меня как на умственно отсталого.

Не исключено, что парень был прав.

— Все же дай мне некоторые разъяснения, дружок.

— Вы должны бросить то, чем занимаетесь...

— Я занимаюсь многим. Хорошо бы узнать детали.

Ответа не последовало.

— О боги тьмы, — вздохнул я, бросая взгляд на Скользкого. Тот сделал шаг вперед.

— Стойте! Мистер Давенпорт попросил, чтобы мы убедили вас прекратить поиски мисс Дженн.

— Прекрасно. Жаль только, что я не знаю ни одного Давенпорта. Кто это, черт бы его побрал?

Пленник выпрямился.

— А... — произнес он, и это означало, что у него хватает мозгов подумать, стоило ли нападать на парня, который даже никогда не слышал о парне, это нападение организовавшем. Мы оба пребывали в страшном смущении и затруднении. Но у меня в отличие от пленного для прояснения вопроса существовал Скользкий. Скользкий нахмурился. Скользкий тяжело навис над жертвой.

Я лениво протянул:

— Он просто обожает калечить людей. Если у вас нет настроения возвратиться домой по частям, шепните мне на ушко. Но только правду, без всяких маленьких милых хитростей. Что же я натворил такого, что столь огорчило этого клоуна Давенпорта?

— Вы пытаетесь найти мисс Дженн.

Значит, мисс Дженн? Ясно.

— Не могли бы вы посвятить меня в некоторые подробности? Ужасно люблю детали.

Клерк начал говорить так, словно подхватил словесный понос. Стоя на берегу потока слов, я принялся выгуживать из него жемчужные зерна.

Парень еще раз повторил, что некоему типу по имени Давенпорт — хорошему другу Маренго Новая Англия — не понравилось то, что я пустился на розыски Эмеральд Дженн, и он направил своих ребят отвратить меня от этой затеи. Ребята не имели ни малейшего представления (и им было плевать!), почему я не должен искать Эмеральд.

Когда он замолкал, чтобы сделать вдох, я успевал вставлять наводящие вопросы. Парень отвечал на все. Он теперь не мог заткнуться. Из потока слов я узнал, что ничем не обидел самого Маренго Северная Англия. Против меня выступал только Давенпорт. Прекрасно. Мне вовсе не хотелось привлекать внимание безумного Маренго к своей скромной персоне.

— Знаю, что разобью ваши сердца, ребята, но я не дам и куска крысиного деръма за эту девчонку. Для вашего сведения: сейчас я охочусь за одним деятелем по имени Грэндж Кливер. Если вы мне поможете в этом деле, я постараюсь забыть, что моей прихожей причинен серьезный ущерб, и даже не стану ломать руки мистеру Давенпорту.

Ответом на мое выступление явилось ассорти недоуменных взглядов. Ни один из этих парней даже слыхивал о Грэндже Кливере.

— Хорошо, я вам верю. Однако для удовлетворения собственного любопытства мне хотелось бы перекинуться парой слов с Эмеральд. Передайте ей это. Мне хотелось бы спросить девчонку о ее мамочке и о Кливере.

Я дал сигнал. Айви и Скользкий не нуждались в дополнительных инструкциях. Первый распахнул дверь, а второй препроводил гостей к выходу. Подключившийся к игре Полка-Дурак подстегивал их уход.

— Эй, ребята, вам, случайно, не нужен говорящий цыпленок?

Ну почему некоторые люди стремятся так поспешно исчезнуть? Наши гости скрылись, даже не оглянувшись.

Я понаблюдал, как наружные наблюдатели наблюдают за бегством четырех обескураженных активистов борьбы за права человека. Надо сказать, их поспешный уход не вызвал большого фурора.

Может, захватить одного из кровожадных пиратов? Если парень разговорится, я смогу дать Повелителю Огня то, чего он желает. Возможно. Нельзя забывать, что всю свою жизнь Кливер был очень легок на подъем. И сейчас он вряд ли пойдет мне навстречу, задержавшись в городе.

Вернувшись в кухню, я соорудил себе еще один сандвич, после чего проверил состояние Покойника. Он все так же пребывал в отключке. Затем вернулся к дверному глазку. Ночь все ниже опускала свои юбки. Ну и что — улицы по-прежнему кишили людьми. Мои поклонники тоже еще не закончили трудовой день.

Я взглянул на парочку наблюдателей с серьгами в ухе, и ко мне пришло озарение.

Теперь я знал, где искать Грэнджа Кливера. Он не мог командовать этими пиратами издалека. Дождевик где-то поблизости и посмеивается над всеми, кто безуспешно пытается напасть на его след. Для него это опасная игра. Если он почувствует, что теряет очки, сразу оборвет все связи и скроется.

Я подозревал Айви и Скользкого:

— Ребята, признаю, у меня было настроение избавиться от вас, как от вшей в волосах. Мой план не сработал, но несчастье обернулось удачей.

Попке-Дураку не понравилось, что его бросили в одиночестве, и он поднял ужасный шум. Я встал так, чтобы птичка могла увидеть меня, и бросил на нее свирепый взгляд. Попугай заткнулся, видимо, осмыслить ситуацию.

— Я прошу вас оборонять форт, ребята, — закончил я.

Айви тупо уставился на меня, а Скользкий произнес:

— А?..

Просто великолепно!

— Ухожу через черный ход. — Я говорил медленно и четко. — Главными здесь остаетесь вы. Если кто-нибудь постучит, не обращайте внимания и не подавайте голоса.

Я скривил физиономию, посмотрев на дверь, за которой скрывался Покойник. Что-то ты, мой старичок, заспался.

Черт, может, я попал в слишком большую зависимость от него? Не пора ли напомнить Гаррету, что в жизни следует полагаться на себя, только на себя и ни на кого, кроме самого себя.

Впрочем, все могло быть гораздо хуже. Покойник не устает утверждать, что любая, самая плохая ситуация чревата еще худшей. Не спрашивайте меня, как это возможно.

Я выскользнул из дома через заднюю дверь.

55

— Ну и дермо! — взревел Сарж. — Гаррет, неужели мне придется теперь видеть тебя по три раза на дню!

— Напряги-ка мозги, парень. Неужели ты не понимаешь, что Морли теперь для меня лучший друг. Держу пари, он сейчас на верху и обучает вышивать крестом чью-то жену. Возможно, я могу сообщить ему нечто такое, что он просто жаждет услышать.

— Что же это?

— Например, где он сможет найти спрятанные сокровища.

Сарж отошел.

Мы все так давно знакомы, что безошибочно определяем, имеет ли наша болтовня какой-либо смысл или это простое сотрясение воздуха. Сарж решил, что мне действительно есть что сказать, и приник к переговорной трубке. Я не слышал, что он сказал, но не прошло и трех минут, как Морли спустился вниз. На какое-то мгновение там, наверху, промелькнула женщина ослепительной красоты. Мне показалось, что она выглянула лишь для того, чтобы увидеть, какие невероятные события могли оторвать от нее Морли Дотса. Насколько я успел ее рассмотреть, это действительно должно было быть нечто чрезвычайное.

— Прошу прощения. — Женщина исчезла, но мое воображение отправилось вслед за ней. — Кто эта дама?

— Подбери слюни, Гаррет, ты сейчас похож на взбесившегося оборотня.

— Так все-таки кто она?

— Оставь ее в покое. Я вел себя как джентльмен в отношении Чэс. Молча страдал, когда разваливались твои отношения с Тинни Тейт. Я не стал встrevать, когда ваши дела пошли плохо, потому что они могли повернуться к лучшему. Поэтому прошу тебя — забудь о Джуллии. Хорошо?

— Готов потратить на тебя полминуты.

— Щедро, Гаррет. Очень щедро. И как ты постоянно ухитряешься отравлять мне существование?

Он казался озабоченным и поглядывал наверх, будто собирался отшлепать свою милашку за то, что она явила себя черни. Затем Морли посмотрел на меня так, словно действительно ждал сведений о спрятанных сокровищах.

— Некоторое время назад у меня сложилось впечатление, что ты хотел бы встретиться лицом к лицу с Дождевиком.

Дотс не сводил взгляда с лестницы. Блистательная красавица Джгулия была с нами, даже оставаясь невидимой.

— Рассказывай, — бросил Морли.

Я знал о приоритетах моего друга и был крайне удивлен. Очень редко он был готов принести в жертву времяпрепровождение с очередной Джгулией ради удовлетворения чувства мести.

— Думаю, что знаю, где его можно найти.

Морли бросил наверх еще один жадный взгляд:

— Как ты узнал? Превратился в парapsихолога? Просто психом ты был всегда. Или Покойник прорвал глаза?

— Использую ниспосланный мне свыше дар мышления, мой друг. Чистая дедукция.

Морли посмотрел на меня с тем видом, который он обычно принимал, когда хотел дать мне понять, что я не способен обмануть даже самый умственно отсталый булыжник.

— Хорошо, Гаррет, я верю. Так где же?

— На Холме. В доме Мэгги Дженн.

Морли замолчал, изображая изо всех сил, что думает над моими словами. Затем он произнес:

— Держу пари, ты случайно напоролся на эту идею, а теперь имеешь нахальство распространяться о собственной гениальности. Мне первому следовало бы подумать о такой возможности. Пошли.

— Что, я? Ни за что. Я свою партию отыграл. Ищи себе других помощников. Саржу и Рохле пора размяться. Я остаюсь оборонять форт.

— Ха! И это ха — лишь часть моего ха-ха-ха, Гаррет.

— Интересно, почему у некоторых полностью атрофировано чувство юмора?

— И это ты говоришь обо мне. Разве не я подарил тебе попугая?

— Это только подтверждает правоту моих слов.

— Ужасно. Люди совсем утратили чувство благодарности. Ну ладно. Пойдем смотреть на Дождевика.

Я сстроил рожу. За его спиной. Нет смысла просвещать его, кто кем манипулирует. Еще не время.

56

Похоже, они установили систему сигнализации, реагирующую на мое появление. Трижды мы пытались подняться на Холм, и каждый раз на нашем пути вставал патруль. Невероятное невезение.

— Перестань веселиться, — выпалил Морли. Я начал было открывать рот. — Только не вешай мне на уши лапшу о том, что никогда не бываешь разочарован, так как постоянно ожидаешь худшего.

— У тебя отличное настроение, да? — Немного подумав, я добавил: — К сожалению, мы слишком давно и чересчур хорошо знаем друг друга.

— Верно. Умри — лучше не скажешь.

— Могу повторить, если хочешь. К сожалению, мы слишком давно и чересчур...

— За это время ты превратился в настоящую задницу. Тот Гаррет, которого я знал... — Морли принялся переписывать историю, все дальше уходя от реальности.

Оказалось, мы обитаем в разных мирах. Он видел прошлое совсем не так, как я. Быть может, это отражает различие культур людей и эльфов?

В конце концов мои этические принципы, не позволяющие бросать начатое дело, восторжествовали. С четвертой попытки нам удалось прорваться. Я невольно прошептал:

— А я было подумал, что моя магическая заморочка начала работать не в ту сторону.

— Твоя — что?

— Ах да. У меня есть амулет. С его помощью я могу нейтрализовать заклинание обнаружения.

— Вот как? — Морли с подозрением посмотрел на меня.

Я рассказал ему не все — и он держит кое-что в секрете от меня. Ни с кем нельзя делиться до конца — даже с другом.

Приближаясь к серому каньону улицы на вершине Холма, мы двигались все осторожнее. Я нервничал, мною словно овладели дурные предчувствия. Даже Морли сказал:

— Мне как-то не по себе.

— Вообще-то все тихо. Но здесь всегда так. Обитатели Холма обожают покой.

Мы ничего не замечали и, сколько ни принюхивались, не могли учуять никакой опасности.

К дому Дженн мы подобрались с тыльной стороны, прикидываясь передовым отрядом крысюков, прибывшим для сбора мусора.

Мы обнаружили, что кто-то уже использовал балкон в качестве входа, кто-то, не опасающийся оставить следы. Похоже, это было совсем недавно — иначе патруль бы уже принял меры, заметив неладное.

— Надо попасть в дом.

Дотс не стал спорить, хотя был не в восторге от этой идеи.

— Люк на крыше не заперт, — заметил он, — если, конечно, никто не изучал путь нашего отступления.

Мы оставили его незапертым — запор действовал изнутри.

— С самого утра сегодня мечтал только о том, чтобы полазить по крышам.

— А все потому, что ты из тех, кто не хочет оставить события развиваться своим чередом.

— Повелитель Огня щедро мне платит.

— Ладно, не будем препираться.

Морли огляделся вокруг, я последовал его примеру. Казалось, мы находимся в городе-призраке. Здания, здания... и никаких признаков присутствия человека.

— Жуть, — прошептал я.

Морли уже начал карабкаться по водосточной трубе, как две капли воды похожий на остроухую обезьяну. Я потащился следом

и, застонав от напряжения, перевалил свою тушу через карниз плоской крыши.

— А я-то считал, что вернул себе былую форму, — выдавил я, отдуваясь.

— Топтанье по пивным лужам — не лучшее упражнение для мышц ног, Гаррет. Пошли.

«Топтанье по пивным лужам»? И я «превратился в задницу»... Так-так.

Прежде чем двинуться за Морли, я бросил взгляд через плечо и увидел на балконе одного из домов глазеющую на нас женщину.

— Неприятности, — сообщил я. — Свидетельница.

— Пригнись. Если она не заметит, куда мы идем, у нас может оказаться достаточно времени.

Времени для чего? У меня возникли серьезные сомнения в изначальной мудрости нашего подхода к делу.

Приблизившись к люку, я увидел, что и Морли не страдает от избытка уверенности в себе. Но он — темный эльф и отступает от задуманного только под влиянием серьезных аргументов. Мои нелепые предчувствия не произведут на него никакого впечатления.

57

Мы напряженно вслушивались, но по другую сторону люка царила тишина. Без всякого энтузиазма я рискнул приподнять крышку на дюйм. Морли включил в дело свои более острые зрение и слух. Внимательно взглянувшись в темноту, он втянул в себя воздух и заметно помрачнел.

— Что такое? — прошептал я.

— Пока не знаю.

— Там кто-то есть?

— Дело не в этом. Открывай. Нам следует поторопиться.

Я поднял крышку люка. На улице пока царила тишина, но я знал, что долго она не продержится. Ведущую вниз лестницу залил дневной свет. Ни^т человек, ни чудовище не поднялись снизу поприветствовать нас.

Морли быстро скатился по лестнице. Я последовал за ним, но медленнее — едва я опустил за собой крышку, в помещении воцарилась чернильная тьма. Без всяких приключений мы достигли верхнего этажа. Морли непрерывно продолжал принохиваться. Я тоже пустил в ход обоняние и тут же вдохнул столько пыли, что с трудом удержался и не чихнул. Но что-то я смог уловить...

Снизу долетел странный звук. Жалобный стон, похожий на последний крик потерянной души.

— Привидения, — сказал я.

— Вовсе нет.

Он был прав. Там, внизу, кто-то только что получил тяжелую рану. Я бы предпочел встречу с привидением.

Пришлось удвоить осторожность.

Убедившись, что этот этаж безлюден, мы бесшумно спустились вниз на один уровень.

— Мы продвигаемся слишком медленно, — пробормотал я.

Морли согласно кивнул:

— А что нам остается делать?

До нас донеслись еще два вопля отчаяния и агонии.

Морли был не прав. У нас имелись варианты. Мы, например, вполне могли убраться отсюда до появления головорезов из охраны.

Следующий этаж носил следы человеческого присутствия. Мы с Морли без слов поспорили о количестве бывших обитателей и сошлись на том, что их было больше полудюжины. Не исключено, что здесь ютилась вся банда, которую мы повстречали в пакгаузе.

Еще один крик. С площадки лестницы, ведущей вниз на второй этаж, мы слышали отдаленные голоса спорящих людей. Морли поднял три пальца, затем — четыре. Я согласно кивнул. Четверо плюс те, кто пострадал и не мог общаться.

Дождевик известен тем, что обожает пытки, вспомнил я.

Витавший в воздухе запах становился все сильнее. Но я пока не мог определить, чем именно пахнет.

Морли все еще колебался, продолжать ли спуск. Я не рисковал говорить даже шепотом и целиком положился на его инстинкты. Едва начав спускаться, мы тут же замерли — снизу раздался звон стали. Сплошные сюрпризы.

Три здоровенных типа галопом пересекли поле нашего зрения, размахивая тяжелыми стальными клинками. Патруль. Вошел через балконную дверь. Болванам-охранникам придется действовать быстро — кто-то из них споткнулся, наступив на шнурок ботинка, и сорвал неожиданность операции.

— Прячемся! — приказал Морли, ткнув большим пальцем куда-то вверх. Я молча согласился. Похоже, более молодые и энергичные стражи порядка решили воспользоваться проторенным нами путем.

Все было сделано вовремя. Едва успев нырнуть под чехлы, оберегающие от пыли антикварную мебель, мы услыхали топот ног по ступеням. Я боялся выдать себя, расчихавшись, но тут же забеспокоился, что мы оставили на пыли следы. Я не мог припомнить, были ли там отпечатки чьих-либо ног, кроме наших.

Где-то внизу раздался сильный шум. Похоже, разразилась нешуточная битва: звенел металл, бойцы кричали, трещала, ломаясь, мебель. Значит, патруль ворвался на первый этаж.

Часть бойцов перекочевала на лестницу. Подмога с крыши скатилась вниз и с ходу вступила в бой. Вопли нарастили, становясь все более свирепыми, а я тем временем отчаянно тер переносицу. С моим-то везением эти парни внизу наверняка услышат даже самый слабый чих.

Сражение становилось все яростнее. Поначалу я думал, что стражники, несмотря на численное превосходство, потерпят поражение. Им не хватит стимулов, чтобы биться насмерть. Они нанимались на службу не для того, чтобы жертвовать жизнью, защищая чужую собственность.

У меня не было никаких сомнений, что внизу умирают люди.

Парни, спустившиеся по лестнице, решили исход сражения.

Вскоре битва перешла на улицу. Там она продолжалась еще считанные минуты, после чего охрана начала яростное преследование изгнанных из дома врагов.

Кто-то поскребся о скрывающий меня чехол. Я приподнял дубину, готовясь нанести сокрушительный удар двумя руками. Морли прошептал:

— Пойдем. Прежде чем они вернутся, нам надо все осмотреть.

Мой друг как всегда был прав. Они обязательно вернутся. Но сейчас о нашем присутствии никто не догадывается. Патрульные наверняка решили, что прогнали именно тех парней, которых видели на крыше.

Тишина стояла недолго. Вскоре я услышал стон. За стоном последовал звук, который мне не доводилось слышать уже много лет, — булканье и клокотание пробитых легких, отчаянно пытающихся удержать в себе воздух.

Мы с Морли спускались вниз короткими рывками, готовые мгновенно сбежать. Нам встретилось несколько жертв схватки, скатившихся вниз по лестнице на второй этаж. Ни одному из них больше не придется участвовать в битвах.

Теперь-то я понял, чем здесь все время пахло. Густой терпкий запах.

Кровь.

Три жертвы были облачены в мундиры патрульных. Четвертый был их противником.

— Знаешь этого парня? — Уверен, что он знает всех профессиональных головорезов лучше меня, а я узнал в покойнике Ника Молотобойца — профи средней руки, работавшего на Организацию.

— Да. — Мне показалось, что Морли напрягся еще сильнее.

— Я пошел ниже. — По правде говоря, мне этого не очень хотелось.

Но, с другой стороны, мне очень хотелось узнать как можно больше.

Я сделал первый шаг. Запах смерти становился все сильнее.

У подножия лестницы на первом этаже валялось еще трое мертвых патрульных. Рядом с ними лежали залитые кровью клиники. Там же я нашел еще одного типа из синдиката. Он еще дышал. Я поманил Морли к себе.

— Герихт Лангсмарк?

Он кивнул и добавил:

— А там — Венден Тобар.

Оба — солдаты Организации. Лангсмарк застонал. Я отошел в сторону — зачем мне надо, чтобы он меня узнал, если вдруг откроет глаза.

— Похоже, дочка Чодо соображает быстрее меня.

— Не исключено, — бросил Морли, направляясь к следующей комнате. Именно оттуда доносились звуки затрудненного дыхания. — Впрочем, она могла получить информацию.

— Вот как?

— В моем заведении слишком много ушей. — Он хотел было добавить «Гаррет», но вовремя вспомнил, что здесь не то место, где стоит упоминать имена. — Если кто-то кому-то сообщил и этот последний начал действовать немедленно...

Все может быть. Однако маловероятно.

Скорее всего ребята Чодо просто отловили пирата, которого приставил следить за мной Дождевик.

— Они...

Морли поднял руку, призывая к молчанию, и скользнул в приоткрытую дверь. Я пригнувшись последовал за ним.

В комнате мы нашли парня с пробитыми легкими, некоего Барклая Блю — костолома по найму.

— Похоже, ему долго не протянуть, — сказал я. — Если бы его можно было допросить...

Морли поморщился, и я его понимал. Он был в еще более деликатной ситуации, чем я. Но чертовски интересно узнать, с какой стати люди Контагью вдруг решили затеять заваруху на Холме. Ясно одно — политика здесь ни при чем.

В следующей комнате мы обнаружили следы главной схватки. Ребята из Организации держали оборону именно здесь. По крайней мере один из охранников имел на вооружении арбалет. Я насчитал восемь тел, четыре из них были прежде людьми Белинды Контагью. Прекрасные экземпляры антикварной мебели разнесены в щепки. Все вокруг залито кровью.

Мне это крайне не нравилось. Видимо, события начали выходить из-под контроля.

Когда мы вошли в столовую, где я ужинал с Мэгги Дженн, стало ясно, почему ребята из синдиката не желали сдаваться.

В ноздри мне ударил тяжелый запах смерти. Почти ко всем стульям вокруг стола были привязаны покойники или те, кто готовился им стать в ближайшее время. Я узнал всех своих приятелей из пакгауза, Ээка, старуху, обслуживавшую нас за ужином, и

остальных, которых видел на улице. Те, кто оставался в живых, едва дышали.

— Они здесь попытались спрятаться, — сказал я.

— Всего было две схватки. Белинда Контагью выиграла первую.

К стульям было прикручено четырнадцать человек. Зэк и Магвамп оказались среди тех, кто еще дышал. За исключением нескольких парней, которые, очевидно, погибли в первые мгновения битвы, на телах всех жертв были видны следы пыток. Те, кто выжил, находились без сознания.

— Не знаю, как ты, а я не вижу среди них ни Дождевика, ни Мэгги Дженн, — заметил Морли.

— Он как раз и славится тем, что выскакивает чистым из любого потока дерьма.

Еще раз осмотрев Магвампа, я убедился, что он выглядит здоровее всех остальных.

— Да, действительно, — согласился Морли. — Что ты делаешь?

— Освобождаю его. Обрезаю веревки. Иногда я способен на благородные поступки.

— Все еще надеешься найти здесь что-нибудь путное?

— Уже не надеюсь. — Я не мог не обратить внимания, что на место «мы» пришло «ты». — Полагаю, нам лучше всего удалиться.

Наверняка сюда скоро вернется победоносный патруль, а вслед за ним тут же явятся и гвардейцы.

На полу валялся окровавленный нож, вероятно, служивший инструментом пыток. Я положил его перед Магвампом:

— Вот теперь сваливаем.

58

— Эй ты, навоз, не двигаться!

Держи карман шире.

Я всегда по вздорности характера был склонен к неповиновению и не остановился. Даже не удосужился проверить, сколько их.

Морли тоже не стал этого делать. К тому же он стоял так, что говорящий не мог его видеть.

Я упал на пол, перекрестился, вскочил на ноги и ринулся в атаку. Морли с ревом напад на противника из-за дверей.

Один из шутов решил, что сможет остановить меня. Но у него ничего не вышло.

За один миг Морли нанес ему девятнадцать ударов руками и ногами. Я же опустил на череп охранника свою дубинку — благодаря вмешательству магических сил сломать ее было невозможно. Клоун рухнул на пол. На морде у него появилось выражение несправедливо обиженного человека. Бедняжка. Мне знакомо это чувство. Едва ты решил, что разделался с врагом, — появляется тип с дубинкой длиннее, чем у тебя.

Мы с Морли не стали тратить время на взаимные поздравления. В помещение ворвались еще несколько патрульных.

Самый умный из них после некоторого размышления спросил:
— Что здесь происходит?

Трах! Бах! Бух!

Вокруг меня прыгали и верещали, размахивая стальными клинками, настоящие герои. А я был вооружен всего лишь заколдованным куском дуба.

Морли с воем и воплями разбрасывал противников по комнате. Он наслаждался жизнью. Мой приятель умеет действовать энергично, когда у него есть убедительные мотивы для этого.

Наконец, прорвавшись, мы бросились вверх по лестнице, игнорируя главный вход. Иначе поступить было невозможно — на улице у дверей толпилась вся многочисленная охрана Холма. Недоумки обменивались впечатлениями, считали жертвы, поносили недавнего врага и издевались над пленными.

Мое всегдашнее невезение на сей раз решило не проявляться в полной мере. Скорее всего оно забастовало, потому что победители производили слишком много шума и слушали только себя.

— Сначала попробуем через балкон, — сказал Морли. — И быстро.

Я не надеялся, что нам удастся легко скрыться. Даже полоумный должен был бы догадаться поставить часовых у каждого потенциального выхода.

Впрочем, от охранников Танфера всего можно ожидать. Большинство из них не видит дальше той руки, которую в данный момент собирается выкрутить. В рамках своей профессии они прекрасно выдрессированы, но никуда не годятся, если дело доходит до планирования операции и принятия решений.

На втором этаже на пути к балкону, видимо, произошла жестокая схватка. Все было забрызгано кровью, однако тел не оказалось. Судя по следам крови на полу, трупы отсюда выволокли. Похоже, именно здесь парни из Организации встретили первое серьезное сопротивление. Интересно, почему? Комната совершенно не годилась для того, чтобы держать в ней оборону.

Я задержался, чтобы как следует оглядеться.

Что за дьявольщина?

Через пару секунд с балкона донесся зов Морли:

— Ты что? Пошли, пока здесь никого нет!

Я закончил изучение листка пергамента — одной из нескольких страниц, выпавших из книги, поврежденной во время схватки. Основная часть тома исчезла. Страницы скорее всего были потеряны во время спешного бегства.

— Я бросаю тебя, — пригрозил Морли.

Сложив пергамент, я сунул его под рубашку. Не стоит пребуждать у Морли излишнее любопытство. Тем более что я это уже читал. Всю книгу, а не единственную страницу.

Добежав до балкона, я увидел, что Морли, отчаявшись дождаться меня, уже спрыгнул вниз. Осмотревшись и убедившись в отсутствии опасности, я тоже прыгнул и приземлился с ним рядом.

— Наверное, сейчас нам лучше расстаться.

Морли внимательно посмотрел на меня. Он считает, что каждый раз, когда я знаю, что делать, мои действия могут повредить его интересам. Не имею ни малейшего представления, почему он так думает.

— Но прежде хочу попросить тебя о большой услуге. Я притаща неуклюжего соглядатая к тебе. Помоги мне его схватить.

— Но зачем?

— Мне надо потолковать с Торнадой, а он знает, где ее искать.

Он снова одарил меня полным подозрения взглядом:

— Будь осторожен. Сейчас охранники перевозбуждены и бро-сяются на все, что движется.

Я согласно кивнул, хотя за себя беспокоился гораздо меньше, чем за него.

59

Я был не в самом лучшем настроении, но все же не стал опрокидывать столы, когда полковник Туп, отпустив движением руки своих шутов, произнес:

— Выше нос, Гаррет. Вот видите, все разъяснилось наилучшим образом.

— Как вы можете выпускать этих идиотов на улицу, если они не способны узнать пропуск, выданный их обожаемым капитаном?

У меня не было оснований беспокоиться, покидая Холм, так как я располагал кипой пропусков и удостоверений, подписанных оравой тяжеловесов.

— Парень, умеющий читать и писать, как правило, не идет на службу в правоохранительные органы. Кроме того, вы должны признать, что отказались представить убедительные объяснения причин, в силу которых оказались в том месте, где были обнаружены.

— Обнаружен? Да я был...

— Ну хорошо — задержаны.

— И с чрезмерным энтузиазмом. Я пытался объяснить. Но мне не позволили и рта раскрыть.

— Я разрешаю вам сделать это.

— Что?

— Даю вам возможность все объяснить. Облегчить душу, так сказать.

Хитрец. Напомнив себе о необходимости быть предельно осторожным, я спокойно произнес:

— Я просто пытался сделать то, ради чего Повелитель Огня меня нанимал. До меня донесся слух, что Дождевик прячется на Холме.

Туп посмотрел на меня усталым взглядом, словно приглашая: «Попытайся-ка еще разок, дружок». Его агенты наверняка проин-

формировали бы его, если бы подобные службы действительно появились.

— Что произошло в доме, Гаррет?

— Вы пользуетесь моим беспомощным положением, капитан.

— Полковник, Гаррет, полковник, что вам прекрасно известно. И вы в моих руках. Если бы я захотел, то мог бы отправить вас для допроса в Аль-Хар. А там, пожалуй, можно исчезнуть навеки не хуже, чем в Бледсо.

Аль-Хар — городская тюрьма Танфера.

— Почему вы так со мной обращаетесь?

— Да потому, что не люблю, когда меня пытаются обвести вокруг пальца. У меня имеется свидетель, который видел двух мужчин, взбирающихся на крышу по водосточной трубе. Один из двух был одет точно как вы.

— Держу пари, дыр на одежде было значительно меньше.

— Свидетель вызвал местный патруль. Патруль обнаружил, что дом подвергся взлому и в него незаконно проникло несколько групп. Внутри было найдено множество трупов и большое число лиц, пытавшихся оказать сопротивление. Я не обвиняю вас, Гаррет, в нарушении законов. Вы не тот человек. Но держу пари, что, если бы я попытался высказать обоснованное предположение, мне пришлось бы и вас поместить внутрь дома. Не так ли?

Я не стал ничего подтверждать.

— Хотя бы намекните, Гаррет. Кто были эти люди?

Дальнейшее молчание не сулило мне ничего хорошего и было способно лишь испортить отношения с властями.

— Некоторые из них были людьми Дождевика.

— Вот видите, произнести это было совсем несложно.

Сложно, и еще как. Парням моей профессии не пристало сотрудничать с такими ребятами, как он, ради того, чтобы облегчить им жизнь. По идее я должен был быть упрям, как тролль.

— Остальные — из Организации. Я слышал, что давным-давно Кливер сыграл роль в смерти брата Чодо.

Сомнительно, что для Тупа это новость.

— Понимаю. И Чодо расплачивается с долгами.

— Всегда.

Туп сидел, как в бастионе, укрывшись за своим письменным столом. Он извлек какой-то сложенный документ со странной печатью и начал постукивать им по крышке стола.

— К какой гадости это может привести, Гаррет? Неужели нам грозит гангстерская война?

Да, это бы отразилось на его служебном списке.

— Сомнительно. Вам известна репутация Чодо. Кливеру приходится вербовать себе солдат за пределами города. После сегодняшнего фиаско даже его лучшие друзья начнут спрашивать: «Грэндж?.. Что за Грэндж?»

Туп продолжал стучать свернутым листком по столу. Бумага все больше начинала казаться мне юридическим документом.

— Так много людей нынче интересуется Грэнджем Кливером, — проговорил Туп, помахивая бумагой. — Включая меня. Согласно только что полученному предписанию следует разыскать некоего Грэнджа Кливера и представить упомянутого Кливера перед Судом Чести Управления людских ресурсов. Нет никаких сведений о том, что он проходил обязательную королевскую воинскую службу.

Только находясь с ним рядом, можно было увидеть усмешку и уловить сарказм в голосе Тупа.

Я буркнул нечто невнятное. Будто не я еще раньше высказал предположение, что Дождевик уклонился от военной службы.

— Я вовсе не намерен перенапрягаться в поисках дезертиров. Убирайтесь-ка отсюда, Гаррет!

Я похлопал себя по карманам. Да, мне действительно вернули почти всю мою собственность. В команде Тупа служили в основном честные люди. Я повернулся, чтобы последовать его совету.

— Подождите!

Проклятие! Я так и предполагал, что он передумает.

— Да?

— Вы все еще встречаетесь с Белиндой Контагью?

Этот человек знает обо мне чересчур много.

— Нет.

— Весьма печально. Я-то думал, вы сможете попросить ее напомнить папочке о нашем уговоре держаться подальше от Холма.

— Ах вот что. — Довольно прозрачный намек, что я должен доставить его слова по адресу. — Не думаю, что проблема снова возникнет, — уверенно заявил я, зная, что головорезы Белинды — во всяком случае, те, кто был достаточно глуп, чтобы полезть на Холм, — покинули наш мир.

Заявив это, я ретировался.

60

Этот день оказался длинным и трудным. А ведь он только начинался. Все тело болело. Выглядел я так, будто пережил схватку с чересчур усердными ревнителями общественного порядка. Именно в таком виде я проскользнул через служебный вход Королевской библиотеки. Сделать это гораздо легче, чем вы можете себе представить.

Старый Джейк должен был держать дверь на запоре. Но тогда его старинные военные дружки не смогли бы проникнуть к нему с запасами горячительного. Старый Джейк был единственным охранником на всю библиотеку. Он не очень резво скакал на своей деревянной ноге, но, видимо, сердце его находилось там, где ему следовало быть. У Линды Ли даже возникла дурацкая привычка повторять, что он очень похож на меня — только в два раза старше.

Джейк спал. Ну и что? В библиотеке было очень немногое того, что, по мнению рядового вора, стоило бы украсть.

Я проскользнул мимо стариакана. Тот хралел. Мне весьма редко приходилось заставлять его за другим занятием. С трудом верилось в то, что он получил пожизненную работу, потеряв на войне ногу и став одним из самых выдающихся героев корпуса Королевской Морской пехоты. Иногда кажется — лучше бы некоторые живые легенды помирали раньше.

Я начал поиски Линды Ли, надеясь, что напугаю своим видом не всех ее коллег. Надо сказать, они здесь приходили в ужас очень легко.

Линда сама нашла меня.

Я изучал, забравшись повыше, полки — на официальном жаргоне стеллажи, — когда позади меня раздался голос:

— Что ты, черт побери, здесь делаешь?

Я задержал дыхание, выдохнул и, убедившись, что ноги прочно стоят на полу, повернулся к ней лицом.

— Страшно рад тебя видеть. Ты неотразима как всегда.

Она осмотрела меня с ног до головы. Ее премиленькая верхняя губка слегка сморщилась.

— Оставайся на месте и отвечай на вопрос.

Я открыл было рот, но она не унималась:

— Ты должен больше следить за своей внешностью, Гаррет. Внешний вид играет огромную роль. Итак, что ты здесь делаешь?

Я вновь попытался открыть рот.

— Ты собираешься доставить мне новые ужасные неприятности...

Я прыгнул вперед и, зажав ротик Линды ладонью, прижал ее к себе. Она попыталась вырваться, чем доставила мне удовольствие.

— Я всего лишь хотел поговорить с тобой об украденной книге. Это было первое издание «Яростных клинков», так?

Линда перестала извиваться и начала прислушиваться. Затем она энергично завертела головой.

Пришлось ее отпустить.

— Это было первое издание «Стальных игр». Книга находилась в библиотеке со времен ранней Империи.

Она принялась молоть об одном древнем императоре, который хотел собрать все три тома, чтобы попытаться обнаружить легендарные сокровища Орла. Линда Ли заверяла, что ни одно постороннее лицо не знало о существовании книги.

Мне удалось прервать ее словоизвержение несколькими замечаниями:

— Хо!.. Я был прав... Книга не та, но идея верная.

Я достал пергаментную страницу, которую подобрал на полу в доме Мэгги Дженн. Неизвестно, первое это издание или нет, но люди пошли на смерть, стараясь защитить книгу от тех, кому вся история Орла была глубоко безразлична. Интенсивность первой схватки в доме на Холме задала тон последующему кровавому побоищу.

— А что ты сказал о «Яростных клинках»? — спросила Линда Ли. — У нас никогда не было первого издания этого тома.

— Да просто недавно видел копию, там, где ей быть не положено. Однако я понял это только сегодня. И подумал, что смогу помочь тебе избавиться от неприятностей.

Тем временем неприятности начали появляться у меня самого. Линда Ли не могла стоять спокойно. Я стал терять способность сконцентрироваться. Она стояла слишком близко, от нее исходило тепло, и вдобавок Линда начала мурлыкать, как высоко ценит мою заботу о ней.

— Ну-ка иди сюда, Джек! Я его тебе покажу. Ты мне не веришь, так убедись собственными глазами!

— Я не поверил бы тебе, старая карга, даже если бы ты заявила, что небо находится наверху, — пробормотал чей-то голос.

— Ты дрыхнул. Можешь продолжать врать, но все знают, что ты спал на посту и пропустил постороннего. Ты стал слишком стар.

Голос старухи звучал для меня почти так же отвратительно, как и голос Попки-Дурака, хотя я и слышал его всего несколько раз. Этого было более чем достаточно. Она постоянно жаловалась, нещадно гундося и срывааясь на визг. Ее речь больше всего напоминала скрежет гвоздя по стеклу.

— Стар? Ты вообще сдохла три года назад, только никак этого не поймешь. И продолжаешь досаждать людям.

Старый Джек не боялся оскорбить свою оппонентку. При всем желании он не мог сделать этого. Старуха была на две трети глуха.

— Когда я проходила мимо, ты спал.

— Я просто дал отдохнуть глазам, проклятая свинья.

Бах! Стариk, видимо, упал. Его пальцы потеряли чувствительность, и теперь, особенно когда торопился, он не мог толком приладить протез.

Клюнув Линду в лобик, я бросил:

— Мне лучше скрыться.

— Позже увидимся. — Она многообещающе подмигнула. (Испытываю необъяснимую слабость к подмигивающим женщинам.) — Клянусь... — прошептала Линда и отправилась помогать

старому Джеку, проигнорировав старуху. Та, ничего не заметив, продолжала вести спор за двоих.

Я сумел проскользнуть незамеченным, а в этот момент старик начал речь об одержимых старых девах, которым повсюду мешаются молодые люди.

61

Длинный, трудный день все никак не кончался. У меня болели даже те места, о существовании которых большинство людей и не подозревает. Я прошагал слишком много миль, и мне чересчур часто мчали бока. Все это очень смахивало на старые недобрые дни, когда Покойник делал все так, что у меня вообще не было отдыха.

Я было поклялся себе, что сделаю еще одну, последнюю остановку и закончу трудовой день. Но тут же застонал, вспомнив о своем договоре с Морли.

Для полного счастья мне не хватало лишь Торнады. И зачем только я придумал это?

Все потому, что я не типичный солдат и исправно несу службу.

Удивительно, во что эти гражданские недоумки сумели превратить бывшего морского пехотинца, который, как любой настоящий солдат, не пошевелил бы пальцем без крайней на то необходимости.

Еще не видя торгового заведения Виксона и Уайта, я почувствовал, что происходит нечто неприятное. Вся округа погрузилась в тишину, которая обычно предшествует взрыву насилия.

Приблизившись к лавке, я увидел, как внутри нее среди окровавленных обломков шастают упыри-мародеры.

Бросив короткий взгляд, я понял, что мудрый человек здесь не стал бы задерживаться, а продолжал бы движение в прежнем направлении — например, как я, на юго-восток. Но я почему-то решил, что необходимо осмотреть лавку и с другой стороны.

Полковник Туп взмахом руки отоспал своих подручных.

— Выше нос, Гаррет. Вот видите, все разъяснилось наилучшим образом.

— У вас здесь, похоже, сильное эхо.

Кроме того, здесь было слишком светло. Солнечные лучи неудержимым потоком заливали каземат через восточное окно. Для любого разумного человека было еще слишком рано, чтобы вылезать из постели. Тут явно не принадлежал к этой категории. По правде говоря, у меня начали возникать сомнения, вхожу ли и я в их число.

— Не пора ли нам перестать встречаться подобным образом?

— Это была не моя идея, Гаррет. Как вам понравилось помешание?

Я, как возможный свидетель, провел чересчур короткую ночь на соломенном тюфяке в вонючей камере Аль-Хара.

— Вши, блохи и клопы приветствовали мой визит.

— А сейчас вы расскажете мне, почему мои люди нашли вас в эпицентре очередного побоища.

— Кто-то вызвал о помощи, и ваши бандиты возникли почти сразу. Я просто потрясен. — В старые времена стражка двинулась бы в противоположном направлении — избежать возможного столкновения, в котором могли бы оказаться пострадавшие. — Но мне послышалось, будто вы сказали, что все разъяснилось наилучшим образом.

— Я имел в виду лишь то, что вы лично никого не резали на куски. Свидетели утверждают, что вы возникли на месте преступления после того, как затихли предсмертные крики. Я желаю знать, почему произошло то, что произошло. И как вы очутились там.

— Грэндж Кливер.

— Ах вот как! — Он подождал продолжения и, не дождавшись, сказал: — Не вижу никакой связи. Может быть, вы изволите просветить меня? Могу вам сказать: трупы выглядят так, словно для убийства была использована самая черная из всех черных магий.

Я кивнул, хотя и не верил, что там присутствовала магия.

— Это бессмысленно.

Кто-то явно хотел выдать их смерть за ритуальное убийство. Я был убежден, что Робин и Пенни организовали свидание с судьбой через агентство, именуемое «Грэндж Кливер», которое, однако, постаралось направить следствие по ложному пути в сто-

рону Маренго Северная Англия. Это заставляло меня думать, что Эмеральд Дженн нашла убежище у Маренго, а Кливер желал, чтобы мы выковырнули ее оттуда.

— Интересно, почему у меня создается впечатление, что вы, Гаррет, не до конца со мной искренны?

— Что? Какого черта вам от меня еще надо? Когда я отвечаю на ваши вопросы, вы злитесь. Не отвечаю — снова злитесь. Для этого я мог бы оставаться дома и препираться с Покойником.

— Вы отвечаете на вопросы, но мне кажется, вы все время говорите вовсе не то, что мне надо.

Я сделал глубокий вздох. Нам предстоял период длительного бесполезного бодания, дарящий столько радостей людям наших профессий. Я опять вздохнул...

В помещение ворвался крошечный, внешне безобразный полу-кровка. Он бросил на меня такой взгляд, словно я не имел права торчать в кабинете Тупа.

— Привет, Шустер, — сказал я.

Шустер не удостоил меня ответом.

— Началось, — объявил он Тупу.

— Будь они прокляты. — Туп мгновенно утратил интерес к такой крошечной козявке, как я. Видимо, на горизонте появилась более жирная добыча. Но все же он одарил меня взглядом и бросил «Зов!», направившись вслед за шефом секретной полиции, который уже успел умчаться прочь. На ходу Туп заявил:

— Убирайтесь отсюда, Гаррет, и постарайтесь больше не спотыкаться о жмуриков.

Превосходный совет. Быть может, он вовсе и не такой болван.

Интересно, что имел он в виду, упоминая «Зов»?

Чтобы узнать это, много времени не потребовалось. Я вышел на улицу. Где-то на севере, по-видимому, недалеко от моего дома, поднимался столб дыма. Пришлось выдавливать обрывки новостей из пробегающих мимо людей.

Обычная драка в таверне переросла в серьезные расовые беспорядки. Люди открыли охоту на кентавров. События, похоже, не выходили из-под контроля до тех пор, пока «Зов» не выступил с провокационным призывом. Последовали поджоги домов кентавров-иммигрантов. В события оказались вовлечены и другие племена

на. В грандиозных строительных лесах, окружающих Бледсо, развернулась своеобразная партизанская война. Больница в итоге вместо ремонта подверглась еще большему разрушению.

Началось всеобщее безумие. Оставалось надеяться, что Туп и Шустер овладеют ситуацией. По крайней мере на этот раз.

Наверняка последуют новые вспышки. И дела, прежде чем начать улучшаться, станут значительно хуже.

Происходит поляризация общества.

Я шел очень осторожно, стараясь, однако, оставаться видимым для всех, кто мог интересоваться моей персоной.

62

Скользкий и Айви засуетились вокруг меня сразу, как только впустили в дом.

— Ребята! Ребята! Мне требуется другое внимание, то, что я мог бы получить только в семейной жизни. Мне надо поесть. Надо спать. Мне надо задушить сквернослова-фламинго, чтобы жить вперед, не раздражаясь и без опасения ненароком совершить убийство.

Птичка, ожидая моего возвращения, на всякий случай спряталась.

Из комнаты Покойника я взял немного денег и, прежде чем выйти, с пристрастием изучил логхира. Мне показалось, что я почувствовал в атмосфере нотку скрытого веселья и издевки.

Скользкого я откомандировал за припасами, а Айви сказал, чтобы тот предоставил мне три часа для сна. К тому времени, когда он меня разбудит, ванна должна быть приготовлена и завтрак готов. Затем, с трудом дотащившись до спальни, рухнул в постель. Покойника можно будет очистить от паразитов позже. Я ворочался без сна довольно долго — Попка-Дурак успел проквакать за это время половину фразы. И сразу наступила пора вставать.

Айви прекрасно справился со своей задачей, как будто всю жизнь занимался домашней работой.

Меня разбудили вовремя. Я сумел соскести с себя грязь в десятигаллонной медной ванне. Внизу меня ждал классический завт-

рак. Айви был пьян в стельку, Попка-Дурак восседал у него на плече. Птичка молчала. Все ее внимание было поглощено тем, чтобы удержаться. Из клюва у нее несло почище, чем из пасти Айви. Наверное, Скользкий дал ему в пользование целую бутылку. Старый добрый Скользкий, он так заботливо относится ко всем своим друзьям.

Заправившись, я заявил:

— Я собираюсь, ребята, снова вас выгнать сегодня с утра, однако боюсь, на это у меня не хватит времени. В вашем распоряжении вся вторая половина дня. Я хочу, чтобы вы потратили ее на поиски жилья и работы. Я не намерен вечно о вас заботиться.

Скользкий кивнул, а Айви произнес:

— Здесь для вас есть несколько писем.

— Писем?

— Мы никого не впускали в дом, — пояснил Скользкий. — Вас хотело видеть много людей. Некоторые из них написали письма. Мы сложили их на вашем столе.

Там оказалось три письма. На двух не было никаких указаний о том, кто их автор. На третьем стояла закорючка Морли. Это оказался нагоняй по поводу «где ты, черт побери, болтаешься всю ночь?» и заявление, что он «не намерен тратить свое драгоценное время на твои игры, если ты отказываешься появляться, как было договорено».

Сейчас он уже наверняка знает, почему так случилось. Он и его бандиты, уверен, вдоволь посмеются.

Я открыл второй конверт. Письмо оказалось от Мэгги Дженн. Она желала встретиться. Вот как? Хорошо.

— Скользкий! Ты не помнишь, кто принес это?

Увалень сунул голову в комнату:

— Это-то? Его принесла леди. Миленькая козявка с рыжими волосами.

Сюрпризы, сюрпризы. Храбрый недомерок... О, ужасная мысль! А что, если это подлинная Мэгги Дженн приехала со своего острова?

Нет. Почему нет? Да просто потому, что я этого не желал.

— То, которое вы открыли, пришло от вашего друга со смешными ушами.

— Да, я знаю. От Морли Дотса. — Я взял в руки последнее письмо: — А как насчет этого?

— Принес один из тех парней, что появились здесь во время моего последнего приступа.

— Какой-то псих из «Зова»?

— Из тех парней, которые вас обижали.

В этом не было никакого смысла. Думаю, все прояснится, если открыть письмо.

Послание оказалось от Эмеральд Дженн. Она соглашалась побеседовать со мной, если я встречусь с ней в поместье к югу от Танфера. Я не знал поместья, хотя с районом был, в общем, знаком. Когда-то я встретился там с Элеонорой. Тамошние жители напоминали обитателей Холма, только были еще консервативнее. В основе их богатства лежала земельная собственность. Банда самодовольных, самоуверенных фанатиков-изуверов.

Место, где назначала встречу Эмеральд Дженн, находилось вблизи поместья Маренго Северная Англия.

Интересно.

— Как у тебя с памятью, Скользкий?

— Сегодня, Гаррет, все в лучшем виде.

Голос его звучал не очень уверенно, так что пришлось поверить на слово.

— Надо, чтобы ты сбегал к Морли. Скажи ему, что я приду, если он согласен сделать то, о чем мы договорились вчера вечером. Справишься?

Немного подумав, он ответил:

— Смогу. Прямо сейчас?

— Да.

— Ужасно плохо на улицах, Гаррет. Они там убивают друг друга.

— Прихвати Айви, чтобы чувствовать себя лучше.

— Я беспокоюсь не о себе, а о вас.

— Что же, мне придется испытать судьбу.

Тоже мне — мудрец. Неужели я таскаю на себе невидимую только для меня надпись: «Самолюбие Гаррета. Бить точно в это место».

Я уселся на ступенях у двери, чтобы руководить отправкой Скользкого и одновременно проконтролировать состояние улицы.

— Теперь я точно знаю, как чувствует себя конский навоз.

Фраза была обращена к Айви, тот ничего не понял, и аллюзия потребовала дальнейшего разъяснения:

— Липнут мухи.

Все мои поклонники вновь слетелись к моему дому. Не было видно только кровожадных пиратов. Что же, друзья Грэнджа Кливера нынче стали редкостью...

Разве я это не предсказывал?

Пожав плечами, я прошел в дом и нацарапал записку Мэгги Джени. Айви передаст ее тому, кто придет за ответом.

63

— На старости лет твои действия становятся предсказуемыми. — Я присел рядом с Дотсом именно на тех ступенях, где ожидал его застать.

— Да? Я оказался здесь только потому, что знал, где ты станешь меня искать. Мне не хотелось, чтобы ты зря тратил время, болтаясь по окружте.

— Ты полагаешь, мы сможем захватить его?

— Считай, мы это сделали. Еще не родился тот везунок, что мог бы выскочить из расставленных мной сетей. — Посмотрев налево, туда, где вдали поднимались столбы черного дыма, он добавил: — Тишина-то какая.

Действительно, улица могла быть и оживленнее.

И на других улицах жизнь едва теплилась. Скользкий оказался прав — они убивали друг друга, хотя, по правде говоря, дела могли бы обстоять и хуже. Гвардейцы Тупа действовали быстро и эффективно, вдобавок к ним на помощь пришла армия.

Мятеж не имел никаких шансов выйти из-под контроля.

Помимо всего прочего, в городе разнесся слух, что Маренго Северная Англия не одобряет волнения, заявляя, что время для действий еще не наступило. Руководители многих мелких братских

организаций согласились с ним и призвали своих сторонников к выдержке, обещав свободу действий позже.

— Интересные времена, — заметил я.

— Всегда что-нибудь да происходит, — заметил Морли с таким видом, будто текущие события его совершенно не трогали. — А вот и наш гость.

На сей раз парень, видимо, почувствовал опасность и двигался крайне осторожно. Однако его чутье оказалось недостаточно развитым. Когда он разнюхал что к чему, было уже поздно.

— Эй, подойди-ка сюда, — распорядился Морли, сопроводив свои слова выразительным жестом.

Парень огляделся по сторонам. Он выглядел так, словно надежда на спасение еще не оставила его. Сидел в дерьме по горло, но почему-то надеялся из него выскочить. Может, полагал, что его унесет ветерок? Тоже мне — одуванчик.

Друзья, родственники и служащие Морли замкнули кольцо. Удача отвернулась от нашего гостя. Закон всемирного тяготения не прекратил своего действия.

Я тер большим пальцем фишку, а Морли следил, как этот клоун пытается скрыть разочарование.

— Подойди-ка на шажок, дружок, — сказал я.

Он повиновался довольно нервно, надеясь на счастливый исход.

— Ты мне не нужен, — продолжил я. — Мне нужна Торнада. Я не могу найти ее.

Нельзя сказать, что я очень старался.

— Что? Кого?

— Твою подружку. Здоровенную блондинку, лишенную здравого смысла, но имеющую по всем вопросам свою точку зрения. Ту, что ни за что не скажет правду, если сможет соврать. Теперь понял, кого?

— Половина сказанного относится к большинству персонажей, замешанных в этом деле, — заметил Морли. — Даже там, на Холме, истина ускользала от них, как ртуть.

— И ложь тоже.

— Хм. Ртутная ложь... — Мне это нравится.

— Смертельная ртутная ложь. — Я вспомнил нашего приятеля К.Ж.Карлайла. — Посмотри, кто избежал резни в доме Мэгги Дженн.

Наш гость смотрел на нас как на безумцев. Торнада наверняка рассказала ему о моих приключениях в Бледсо. Он никогда не замечал К.Ж.

Я решил сократить беседу:

— Не надо пересказывать нам то, что тебе говорила Торнада. Ее истории просто чудовищны. Мы с ней знакомы со времени ее появления в городе и не помним случая, чтобы она говорила правду, если не могла извлечь из этого прямой выгоды.

Наш гость не ответил. Однако его способность скрывать свои чувства нешибко превосходила способность вести наружное наблюдение.

Он был неспособен, но лоялен. И продолжал молчать.

— Я хочу встретиться с ней как друг, — сказал я. (Прошлой ночью у меня были иные намерения. Несколько прошедших часов изменили мою трактовку событий.) — Я больше не думаю, что она может мне сообщить нечто такое, чего бы я не знал. Более того, уверен, что располагаю неизвестными ей сведениями кое о чем. А ее из-за этого могут убить. Быть может, сразу после того, как прикончат тебя.

Я не только заставил парня думать, но даже привлек его внимание.

Он не был готов отдать жизнь ради своей любви. Как жаль, что современная молодежь лишена романтизма. Между ним и Торнадой действительно что-то было, но он точно знал, сколько это что-то стоит.

Тем не менее он оставался нем как рыба.

— Она не сможет получить эти книги, — объявил я ему. — Никаких шансов. Ничто — ни смелость, ни удача — не поможет ей.

Парень продолжал молчать. Морли тоже, хотя явно хотел услышать больше. Я решил удовлетворить его любопытство:

— Если разогнать дымовую завесу, становится ясно — Торнада и Кливер охотятся за первым изданием трилогии «Вороны не остались голодными». Торнада почему-то решила, что сможет отнять книгу у Дождевика.

У нее, очевидно, родилась еще более глупая мысль — что она сможет, заполучив книгу, найти ключ к поиску клада.

— Эта женщина не страдает от недостатка самоуверенности.

— Она и не подозревает, что ищет иглу не в том стоге. У Дождевика нет первого издания. Он мог бы собрать все три тома, но по легкомыслию потерял и тот том, что имел.

Морли одарил меня широкой, зловещей улыбкой темного эльфа.

— Почему-то мне кажется, что тебе придется объяснить все еще раз.

Я прорычал:

— Убирайся и скажи Торнаде, что ее мечты зиждутся на песке. Кливер не сможет собрать больше двух томов.

Изумленный парень двинулся прочь, решив, видимо, что к нему опять вернулась его удача, правда, в несколько урезанном виде.

— Что происходит? — спросил Морли. — Я организую крупную операцию, а ты бормочешь какие-то загадочные слова и отпускаешь его с миром.

— Кого ты пытаешься надуть, Морли? Тебе же прекрасно известно, что вся эта заваруха связана с сокровищами Орла.

— Возможно. В некотором роде. У меня появился легкий интерес к делу, когда я решил, что на Западной стороне ты наткнулся на что-то существенное.

— То, что ты тогда сказал, стало ключом ко всем событиям, — приврал я. Впрочем, это не было ложью. Скорее — не совсем ложью.

Правда в том, что я дошел до всего, размышляя над полученной информацией. В конце концов я докопался до истины, но Дотс был прав: сначала я ошибался.

— Передай Торнаде все, что я сказал! — гаркнул я вслед удаляющейся фигуре. — И, обращаясь к Морли, спокойно добавил: — Она наплюет на мое предупреждение и сотворит какую-нибудь глупость. Но по крайней мере моя совесть будет спокойна.

64

Я ожидал услышать новые стенания по поводу отпущеного парня, но Морли откинулся назад и, похоже, уже выбросил его из головы.

Наблюдать за ним становилось все интереснее...

— Брось, Гаррет. У меня действительно возникла эта идея, но потом я передумал.

Я наградил его выразительным поднятием брови.

— Вчера вечером Джуллии не было, меня никто не отвлекал, и я начал думать об Орле. И знаешь, до чего додумался? Во всей эпопее нигде не сказано, что он был действительно богат — во всяком случае, по нашим стандартам.

Я позволил себе самодовольно усмехнуться. Мой дорогой друг только что сообщил мне, что я видел все в правильной перспективе.

— А ты, кстати, не задумывался, как это Орел исхитрился убить тех рабов? Если он был слеп и настолько слаб, что не мог самостоятельно спрятать сокровища, как он сумел в одиночку уложить их всех?

Очевидно, Морли никогда не размышлял над этой проблемой.

— Иногда мне нравится, как работают твои мозги, Гаррет.

— Разреши мне поведать о том, что тебе скорее всего не известно. — Я раньше и сам не знал этого. Меня просветила Линда Ли, пока я читал сагу. — Большая часть подобных книг сочиняется по заказу самих главных героев. «Вороны» были написаны внуком сестры Орла, и не исключено, что при прямом его участии. Они начали свой труд задолго до событий, связанных с сокровищами и убийством рабов.

— Уверен, еще немного, и ты дойдешь до сути.

— Сам увидишь, если, конечно, ты не более туп, чем прикидываешься. Итак, парень заказывает героические истории о самом себе. Он выбирает не только то, что достойно описания и должно быть вставлено в книгу, но и то, что следует приглушить или опустить вовсе.

— Скажем, что Орел не добился большого успеха, потому что имел вздорный характер и постоянно хватался за меч? Или что его дар чародея был чрезвычайно слаб?

— Точно! В чародействе его обвиняли другие, но совершенно ясно — это не были выдающиеся способности, подкрепленные необходимой учебой. Он бы орал во всю глотку, если бы действительно обладал большим даром. Но кое-что он все же мог делать, и это позволяло ему выходить из сложных ситуаций.

— Значит, на сокровище может быть наложено заклятие?

— В древние времена так обычно и поступали.

— И по соседству с драгоценностями бродят злобные духи?

— А с какой целью, по-твоему, убивали рабов?

Типы, подобные Орлу, вовсе не редкость. В наше время они пытаются использовать свои жалкие магические способности, чтобы быстро обогатиться. Все свое время они проводят за игрой, пытаясь воздействовать на кости, а затем, после разоблачения, долго учатся передвигаться на костылях.

— Кроме того, если клад и обнаружат, он не будет чем-то выдающимся. В те времена богатство оценивалось не так, как сейчас.

— Естественно. Но мне в голову пришла одна мысль.

Делиться этой мыслью со мной он почему-то не стал.

— Ну?

— Я хотел проверить, не заразился ли ты от своего партнера дурной привычкой — читать мысли. С другой стороны, мне было любопытно, способен ли ты определить, что дважды два — четыре?

— Я-то? Ясно, что нет.

— Серебро, Гаррет, серебро. Ты уже это сказал. В те примитивные времена они оценивали богатство совсем иначе. Серебро стоило дешево.

Теперь же дело обстояло по-другому. Даже после окончания войны, когда основные серебряные копи оказались под контролем Каренты, ощущался острый дефицит белого металла. Бизнес просто задыхался от нехватки серебряных монет.

Серебро является источником энергии для магического искусства высшего порядка. Совсем недавно оно по цене догнало золото. Королевский Монетный двор предпринимал отчаянные попытки чеканить альтернативные платежные средства, некоторые из них получались весьма экзотическими и громоздкими.

Серебро. Да, это именно то, что могло пробудить стяжательские инстинкты у многих.

— Клянусь дьяволом по имени Гарри! — повторил я любимую присказку бабушки. — Похоже, ты сейчас добрался до самой сути всех вещей.

Это даже объясняло, почему такой сноб, как Маренго Северная Англия, проявил интерес к дочери печально знаменитой Мэгги Дженн. Это объясняло все безумные события, которые развернулись вокруг внешне простого дела.

Ожидалось, что нехватка серебра сохранится довольно долго.

А может, и навсегда, если контроль над уровнем добычи установят не те люди.

— Но что я могу здесь поделать? — прошептал я.

— Прости, не рассыпал, — сказал Морли.

— Думаю, что ты прав. Множество людей заинтересовалось сокровищами Орла из-за деформации рынка металлов. В другое время эти люди и не подумали бы о кладе. Возможно, в их числе и папочка моей любимой.

— Текущая цена серебра, видимо, действительно все объясняет.

И он поднял одну бровь, несказанно меня изумив. Я подавил вздох:

— Ты что, тренируешься?

— С незапамятных времен. Так что же насчет отца Чэс?

— Ты можешь называть это интуицией, но я готов держать пари, что Дождевик и Мэгги Дженн в свое время увели у него первое издание второго тома «Воронов». Эту книгу, убегая из дома, прихватила Эмеральд. Она хотела отдать ее на хранение Виксону и Уайту. Меня наняли из-за этой книги. Именно поэтому вокруг Эмеральд создавались улики с оккультным душком. Кливер знал, где девушка, но не мог наложить на нее лапу. Он рассчитывал столкнуть меня лбами с этими безумными активистами — борцами за людские права — и таким образом, возможно, заполучить девчонку.

Я отодвинулся чуть в сторону, чтобы как следует рассмотреть Морли. Тот глазел куда-то в пустоту, слушая меня вполуха.

— Итак?

— Я был прав. Это еще одно из возможных объяснений. Но ты понимаешь, что твои теории противоречат друг другу?

— Но не исключают. Людьми всегда движет множество тайных мотивов. Ты, например, помогаешь мне вовсе не по тем причинам, что заставляют меня помогать отцу Чэс.

— Не стану спорить, хотя и мог бы. Ты уже все для себя решил?

— В каком смысле?

— Что станешь делать?

— Я намерен добрести до этого поместья. Послушать, что скажет Эмеральд.

— У тебя больше храбрости, чем мозгов, Гаррет. Ты лезешь в глубокие какашки.

Я рассмеялся. Профессиональный убийца не должен произносить слов, которые употребляют нехорошие шестилетние мальчики.

— И при этом с открытыми глазами.

— Пытаясь сыграть роль Торнады?

— Что?

— У тебя, как и у нее, всегда свой взгляд на вещи.

— Просто я не такой пааноик, как ты, и знаю, как разговаривать с этими людьми. Надо польстить их самолюбию, дать понять, что ты в восторге от каждой извилины в их мозгу, и они примут тебя как члена королевской семьи.

Дотс был не согласен, но не стал спорить, а всего лишь предложил:

— Может, тебе лучше взять с собой Плоскомордого?

65

Я не стал брать с собой Плоскомордого. Помощь мне не требовалась — я всего-навсего собирался поболтать с молоденькой девушкой.

Я не взял никого себе в компанию, убедив себя, что Маренго Северная Англия исповедует старомодную суровую честность в своих делах.

Так я оставил себя в дураках. Горячее желание повидаться с Эмеральд Дженн привело меня вовсе не к Маренго Северная Англия. Имение принадлежало типу, посылавшему своих головорезов измолотить меня — и это я мог бы без труда установить, проведя минимальное предварительное расследование. Имением под названием «Вершины», оказывается, владел некий Элиас Давенпорт. Этот Элиас Давенпорт считал Маренго Северная Англия мягкотелой задницей, способной только трепать языком по поводу прав человека. Сам же Давенпорт был готов действовать.

И почему я плохо слушал, когда Скользкий объяснял мне, кто принес письмо?

Проникнуть на территорию «Вершин» оказалось несложно. Труднее оказалось обеспечить спокойную встречу с Эмеральд.

Глупец. Я полагал, что они позволят мне встретиться с девицей, затем выкинут меня из головы и забудут обо всем. Я не учел, что эти типы уже пошли вразнос.

Однако очень скоро мне стало ясно истинное положение дел.

Ребята, с улыбкой распахнувшие ворота имения, начали шутить, как только металлические створки со звоном захлопнулись за мной. Их юмор оказался довольно убогим. Продолжая ухмыляться, они попытались врезать мне по почкам.

Из кустов вывалились ребятишки, которые недавно навещали меня. Похоже, их манеры нисколько не улучшились.

Они заставили меня так сильно разволноваться, что я нанес удар первым, защитив себя заклинанием, не позволявшим нападающим сконцентрироваться. Будь я проклят, если заклинание не сработало как надо! Они, как стая пьяных обезьян, визжали, прыгали, метались из стороны в сторону и посыпали проклятия, промахиваясь мимо меня. Тем временем я старательно обрабатывал их волшебной дубинкой, усыпая пространство вокруг себя телами. Садовникам Давенпорта предстоит серьезная работа по уборке с территории удобрений.

Я был потрясен своими достижениями. Но согласитесь, все мы время от времени удивляем себя собственными успехами — был бы достойный стимул.

Дом Давенпорта не был виден, и мне пришлось отправиться в путешествие через широкие просторы ухоженных газонов, лавируя

между фигуранто подстриженными кустами и деревьями. Я чуть было не заблудился в лабиринте из высокого кустарника. Потом пробежал через огромный, прекрасно организованный цветник, размышляя о том, что половина обитателей трущоб Танфера могла бы прекрасно существовать, возделывая эти земли под полезные сельскохозяйственные культуры.

Особняк Давенпорта даже у булыжника мог пробудить неуемную тягу к революционному перевороту. В доме было нечто такое, что просто кричало о презрении ко всем нижестоящим любой расы.

Я решил не приближаться к главному входу — кто его знает, здешнего Ичабода. Едва я завидел здание, сработали навыки разведчика. Я полз и перекатывался, передвигался короткими перебежками и крался на цыпочках, пока не достиг задней стены строения. Меня видело множество людей, но все они были унылыми типами в потрепанной униформе венагетов. Оказывается, пленных использовали здесь для общественно полезной деятельности — стрижки травы ножницами. Мы оказались взаимно вежливыми. Они прикинулись слепыми, а я, в свою очередь, не заметил их унижения.

Никогда не думал, что военнопленные могут быть низведены до такого положения. Нет, я вовсе не испытываю великую любовь к венагетам. Если люди гоняли вас по болотам, заставляя, чтобы выжить, жрать змей и жуков, вы не очень им сочувствуете, когда они сами споткнутся. Но все же в этой ситуации была какая-то высшая несправедливость. И суть ее, видимо, в том, что Элиас Давенпорт, похоже, не проводил разницы между поверженным врагом и низшими классами Каренты.

Элиас наверняка во время службы в армии имел тепленькое местечко за письменным столом. Интересно, что многие представители правящих классов, оказавшись в бою, с удивлением обнаруживали, что из их ран льется кровь точно так же, как и у фермерского сына или мальчишки со Дна.

«Заостренная сталь не испытывает почтения», — любил говорить один из моих сержантов, ухмыляясь до ушей.

Я нашел черный ход. Он не был заперт и не охранялся. А чего им беспокоиться? Кто захочет вломиться в это логово психов? Кто осмелится потревожить Элиаса Давенпорта?

Ничего не имею против даже самых вонючих богачей. Я и сам надеюсь когда-нибудь стать таким: воздвигнуть небольшой стокомнатный особняк в поместье на тысячу акров, укомплектовав его набором рыжеволосых красоток и, быть может, соединив трубопроводом с пивоварней Вейдера. Но при этом считаю, что каждый должен достигать богатства так же, как и я, — честным трудом (например, разбивая черепа), а вовсе не после похорон предка.

Я понимаю, что чрезмерно упрощаю. Но я и есть простой, незатейливый парень. Упорно работаю (но не больше, чем считаю нужным), забочусь о друзьях, творю понемножку добро и никому не причиняю неприятностей без достаточных оснований.

Этот дом был домом страданий. Войдя в него, вы не могли это не почувствовать. Печаль и боль поселились в его теле. Дом влиял на своих обитателей точно так же, как и они влияли на него.

Всем нередко приходится встречать такие дома — старые здания, имеющие свои души: добрые или злые, веселые или печальные.

Этим домом владела тревожная тишина.

В нем, как в живом существе, должно было слышаться сердцебиение — шум человеческого движения, скрипы, потрескивания, хлопанье далеких дверей. Однако в доме не было слышно ни звука. Он казался пустым, как брошенная коробка из-под ботинок или как особняк Мэгги Джени на Холме.

Жуты!

Я начал подумывать о ловушке. По-видимому, те ребята у ворот поджидали меня. Свалка понадобилась, чтобы кто-то домчался до дома предупредить о моем появлении.

Что я ожидал найти, миновав их? Куда я направляюсь... во что?

Я улыбнулся.

Плоскомордый не устает повторять, что я слишком много думаю. Он прав. Когда ты по-настоящему ввязался в драку, не остается места для всяких там сомнений и размышлений типа «а что, если». Ты должен сделать свое дело и смыться.

Я неторопливо, с улыбкой на роже вступил в тишину. Если мне когда-нибудь придет в голову давать названия своим приключениям, я назову поиски Эмеральд «Делом о вэломщике, который

был хорошим парнем». Мне то и дело приходится проникать всюду тайно и незаконно.

И не потому, что я этого хочу. Меня вынуждают люди.

66

У меня не было сил поднять глаза и посмотреть, откуда исходит голос.

— Вы весьма изобретательны, мистер Гаррет, и виртуозно владеете дубинкой.

Говорящий прогундосил это, как старый аристократ, ведущий свой род со времен Империи.

Сознания хватало лишь подивиться про себя, что же случилось. Только что я пытался достойно обосновать, почему у меня развилась привычка тайно вламываться в чужие дома, а через секунду, обвисший как мокре полотенце, уже сижу, крепко привязанный к стулу, в холодном красном зале. Даже самое мощное умственное усилие не восстановило в памяти цепи промежуточных событий.

— Вам следует слушать меня, мистер Гаррет. Отто...

Чьи-то пальцы вцепились мне сзади в волосы. Некто, видимо, послушный Отто, дернул мою голову назад, представив мое залитое кровью лицо на обозрение человека, восседавшего на каком-то высоком стуле. Для меня это был всего лишь ужасный силуэт на алом фоне.

Я не испугался только потому, что слишком сильно кружилась голова. Но скоро испуг, видимо, возьмет свое — я изо всех сил пытался побороть головокружение. Я вычислил свое местопребывание по слухам, передаваемым шепотом, которые мне довелось слышать в городе. Это была Звездная палата Священного Собрания — место суда организации «Зов». Я не был членом «Зова» — значит, меня обвиняли лишь в том, что я предал свою расу. Разве что...

Если не ошибаюсь, я должен был предстать перед тройкой судей. Пугало в высоком кресле в центре по идее изображало собой мясную прослойку в сандвиче.

Сосредоточив все свое внимание на языке, я прохрипел:

— Что здесь, черт побери, происходит?

Не знаю, зачем я продолжал говорить после первых двух слов. Все звучало на незнакомом даже мне самому наречии. Но я оптимист по природе и не оставил своих попыток.

— Я пришел сюда побеседовать с Эмеральд Дженн. — Неужели, побыв без сознания, я начал изъясняться на языке гномов?

— Должно пройти некоторое время, чтобы действие заклинания ослабло, милорд, — объявил голос позади меня.

Интересно, могут ли силуэты сердиться? Тот, что находился передо мной, определенно мог.

— Мне это прекрасно известно, Отто.

Любопытно, как это будет звучать, если произнести «Отто» с другого конца?

Я вновь клюнул носом. Отто мощно, от всего сердца, дернул мою голову назад — не выпускай из поля зрения силуэт. Какой-то парень начал шлепать меня по щекам. Это тоже хорошо помогало сосредоточиться.

Боже! Передо мной материализовался еще один тип, чтобы помочь первому. Точная копия своего собрата. Головорезы — одноглазые близнецы! Ужасающая перспектива. Настало время приходить в себя.

Я пришел в себя лишь для того, чтобы осознать — одноглазые кретины молотят по моей физиономии. К этому времени я утратил способность говорить на языке гномов и начал изъясняться по-карентийски всего лишь с небольшим акцентом.

— Вы осознаете, с кем разговариваете? — поинтересовался силуэт высокомерно.

— Если бы осознавал, сказал бы точно, что и куда тебе следует вставить и с какой силой.

— Оставьте вульгарные высказывания, мистер Гаррет, — произнес силуэт. — Вы насильственно вторглись в мой дом.

— Меня пригласили. Встретиться с Эмеральд Дженн.

— Боюсь, что это невозможно.

— Неужели ее нет поблизости? В таком случае я, пожалуй, пойду домой.

Давенпорт радостно закудахтал. Он, похоже, прошел отличную школу притворства — помимо радости, в кудахтанье можно было услышать и угрозу.

— Что за чушь, мистер Гаррет. Настоящая чушь. — Он опять хихикнул так же мастерски. — Где книги?

— А?

— Где книги?

Ах вот в чем дело...

— Что, дьявол вас побери, вы хотите сказать?!

Вот уж не думал, что кто-то станет расспрашивать об этом меня.

— Вы полагаете, я такой наивный человек, мистер Гаррет?

— Я полагаю, что вы буйнопомешанный...

Бах! Точно по губам. Боюсь, что Чэс, когда мы встретимся в следующий раз, придется обойтись без поцелуев. Похоже, Отто не разделяет моих оценок.

Подумал я и о том, что Давенпорт просто дурак. Ту же ошибку совершили и головорезы Дождевика, когда не опустошили мои карманы. Эти парни тоже оказались идиотами, не удосужившись меня обшарить. Сам Давенпорт ни при каких обстоятельствах не стал бы прикасаться ко мне.

Все ценности остались на своих местах.

Надо всего лишь добраться до них. Никаких шансов, пока я сижу в коконе из веревки длиной в двенадцать морских миль.

— Где книги?

— Хотя бы намекните, шеф, о чем речь.

— Отто.

Бах!

Когда звезды перед глазами немного померкли, меня осенила идея. Не самая лучшая из идей. Она должна принести мне дополнительные страдания.

Словом, весьма типичный для Гаррета план.

— Книги, мистер Гаррет. Оригинальные первые издания трех томов «Вороны не остались голодными». Где они?

— Ах вот оно что. Книги. Не имею ни малейшего представления.

Интересно, не Давенпорт ли стоял за убийством Пенни и Робина?

— Я вам не верю.

— Вы хотите внушить мне, что такая богатая вонючка, как вы, калечит и убивает людей лишь для того, чтобы заполучить ничтожные сокровища Орла?

— Как говорят, клад полностью состоит из серебра, мистер Гаррет. Чтобы добиться поставленной цели, «Зов» нуждается в серебре.

Серебро — источник магической силы. За «Зовом» маячил призрак черной магии. Не исключено, что нехватка серебра сдерживала «Зов» сильнее, чем здравый смысл, гуманизм или порядочность. Не исключено, что человек, добывший серебро, станет хозяином «Зова». А тот, кто начнет командовать «Зовом», может получить в свои руки все королевство, если безумцам удастся развязать расистский мятеж.

— Маренго Северная Англия приказал вам найти клад?

Элиас Давенпорт промолчал, что только подтвердило мою догадку. Затем, по-прежнему не говоря ни слова, он двинулся в мою сторону. Однако приближаться ко мне не стал, и, когда на него упал свет, я понял — почему. Парень, наверное, уже бродил по земле, когда Орел разделялся со своими рабами.

— Смотри, старичок, как бы тебя не хватил удар, — сказал я.

Удар его, конечно, не хватил. Но мои слова по-настоящему вывели старца из себя. Он сделал жест, который означал «лупите Гаррета по морде, пока он не вывернется наизнанку».

Близнецы приступили к делу.

Я чувствовал себя очень хорошо, когда они останавливались передохнуть. Перерывы давали мне возможность сплюнуть кровь и набрать в грудь воздуха.

— Куда подевались вырванные страницы, мистер Гаррет? — перешел на визг Давенпорт.

67

Да. Это оказалось не самой умной из моих идей. И она на самом деле принесла мне страдания. Решив, что выдержал их достаточно, я прохрипел:

— Рубашка... Карман... Коробка... Ключ от дома...

Давенпорт буквально навис над моим лицом, обдавая зловонием гнилых зубов. Он был так счастлив, что не пожелал слушать сочиненную мной историю. Протянув лапу к моей груди, старец нашупал коробку, вытащил ее из кармана (то есть сделал именно то, на что я рассчитывал) и заковылял к своему высокому креслу.

У меня в ушах стоял колокольный звон, но и сквозь него до меня донеслось жужжание пробудившегося обитателя коробки. Близнецы тоже его услышали.

— Умоляю, милорд, осторожнее! — взвизгнул один из них. — Там что-то не так...

Давенпорт открыл коробку и тут же, вскрикнув, дал мне знать об этом.

Не будь я так изувечен, мог бы его и пожалеть — столько боли и отчаяния было в его вопле.

Один из близнецов сдавил мое горло.

— Немедленно прекрати...

Я так и не узнал, чего парень хотел, — последние слова он заменил визгом. Это рассердило его названого братца, который выступил сзади, чтобы разобраться со мной. Но не успел. На лице его появилось изумление, и он взвыл.

Связали они меня на совесть, и мне так и не удалось увидеть, что их поразило. Я знал одно — вопли Давенпорта и его головорезов привлекли внимание других, потому что вокруг меня раздался громкий топот, тут же сменившийся воплями ужаса. Я оказался в самом центре ада. Затем крики перенеслись в коридор и постепенно затихли.

Предпринять я ничего не мог и начал обдумывать возможный следующий шаг. Несмотря на неудобную позу, я ухитрился ненадолго уснуть (я слишком крепкий парень, чтобы терять сознание). Впрочем, в моем положении время течет не так, как в обычных обстоятельствах. Не думаю, что, пока я дремал, во внешнем мире прошло больше двух месяцев.

Больше всего меня беспокоило возможное возвращение жукабуййцы, но когда какие-то звуки привели меня в чувство, я понял, что следует волноваться совсем по другому поводу.

— На этот раз, Гаррет, ты по-настоящему влез в дермо.

Вокруг меня расхаживала Торнада, а в некотором отдалении топтался ее сердечный дружок. Это была моя вина. Я снова позволил ему меня обнаружить. У меня на то были причины. Правда, теперь эти причины утратили всякий смысл.

Торнада вовсе не горела желанием освободить меня, поэтому я делал вид, что мне этого и не надо. Наверняка Отто и его дружки, прежде чем покинуть этот мир, разделали меня под орех. Я слегка застонал, благо это не потребовало больших усилий.

— Ты не думаешь, что он им все рассказал?

— Что? Как? Ему самому ничего не известно.

Дружок что-то буркнул, но остался, судя по всему, при своем мнении. Его право — ведь он таскался за мной гораздо ближе и больше, чем Торнада.

Торнада сгребла меня за волосы и приподняла голову.

— Эй, Гаррет, ты здесь? Куда все подевались? Куда ты их усадил?

— Не точный вопрос, милая, — заметил ее приятель, стоявший уже рядом с высоким креслом, — лучше спроси, что он с ними сделал.

Торнада отправилась посмотреть на то, что осталось от Давенпорта.

— Что бы это могло быть? — спросила она, нервно поглядывая на меня.

— Нет настроения выяснять, — объявил ее приятель. — Здесь еще несколько похожих. Четверо, а может, пятеро. Все растерзаны точно так же.

— Что ты с ними сделал, Гаррет? — по-настоящему заволновалась Торнада. Похоже, она опасалась, что я смогу повторить свой трюк. Да, видно, девочка начинает стареть.

И никто даже не пытается меня освободить.

— У них все три книги, Гаррет? — спросила Торнада. — Или только одна — та, что девчонка стибрила у матери?

Как бы подманить ее ближе и попробовать укусить?

— Дорогая!

Я не мог обернуться, зато услыхал, как в помещение ворвались четверо. Возможно, и больше. Все замерло. Торнада не знала, что предпринять. Интересно, почему?

— Святые угодники! Посмотрите-ка на эту трах-тараах!
Попка-Дурак! Что за дьявол?

Поле моего зрения пересек Скользкий. По известной только ему одному причине мой жилем был вооружен армейской саперной лопатой. Не произнеся ни слова, он замахнулся ею на Торнаду.

Затем я увидел Морли, пытавшегося приподнять мою голову и взглянуть в то, что еще недавно можно было назвать глазами. Вернее, в то, что пока виднелось между подушками огромных опухолей.

— Он жив. Развяжите его.

Через мгновение Айви и Стручок, придерживая меня, начали снимать веревку. По моему мнению, они не слишком торопились.

— Плоскомордый, прикрывай дверь. Сарж, проверь там, похоже, они скрылись в том направлении. — Затем, вновь приподняв мою голову: — Что случилось?

— Мрымма дранка чубби вурка сот! — Проклятие! Я вновь бегло заговорил на языке гномов. Милостью отекшей физиономии и распухшего языка. Но на этот раз я все же знал, что хочу сказать.

Попка-Дурак не мог спокойно пролететь мимо юбки. И теперь он высказывал Торнаде то, что думал о ее женских прелестях.

Она же и ее приятель старались не вызывать раздражения присутствующих.

Айви и Стручок неторопливо возились с веревкой, а я пытался сказать им, что не стоит так заботиться о чужом добре. Лучше было бы взять нож и разрезать. Они не могли понять, чего я от них хочу, и продолжали трудиться, пока Морли не выпалил:

— Не надо беречь веревку, Нарциссио. Ее владелец валяется здесь дырявый, как дуршлаг. Прокурор не станет выдвигать обвинения за поврежденную собственность.

Плоскомордый распекал Торнаду. Стручок и Айви пытались поставить меня на ноги. Морли притворялся, что больше всего на свете его заботит мое благополучие. Скользкий бесцельно слонялся, что-то бормоча и размахивая лопатой. Сарж изучал просторы своего круглого, как глобус, брюха, видимо, примериваясь, как точнее нанести на него очертания материков.

Кто-то где-то закричал от боли — не здесь, в комнате, но совсем недалеко. Затем послышался еще один вопль, и до нас донеслось яростное жужжание. Оно становилось все громче. Мое любимое домашнее животное возвращалось из полета.

Этот идиот Скользкий радостно хихинул, как будто всю жизнь ждал именно этого. Казалось, он радовался возможности проявить свой инстинкт убийцы, столь развитый в нем четырнадцать лет назад.

— Отойди-ка в сторону, детка, — сказал он Саржу, — если не хочешь, чтобы он пролетел сквозь тебя.

Сарж бросил взгляд на дырявые тела и, решив поостеречься, поспешно отступил в сторону от двери.

Мгновением позже что-то со страшной скоростью пронеслось через дверь и свернуло в мою сторону.

Скользкий взмахнул лопатой и с поворотом нанес удар, вложив в него весь вес своего тела.

Банг!

Опустив лопату на пол, он принялся чистить ее краем подошвы, беззаботно улыбаясь.

— Видели, как надо разделяться с ними, с этими маленькими жучками? Они быстры и опасны, но с ними легко справиться, если не спускать с них глаз. Наверное, никто из вас и не видел раньше этих зверей?

— Ты можешь ходить? — спросил меня Морли.

Мне хотелось узнать, где Скользкому довелось встречать эти дьявольские создания. Но я по-прежнему мог изъясняться только на языке гномов. Морли решил, что я беседую с ним.

— Отлично. Ты гораздо крепче, чем кажешься. Пошли отсюда.

Прекрасная мысль. Надо уходить, только сначала убедиться, что не оставили никаких улик против себя. Хотя, по правде говоря, трудно было предположить, что некоторым из нас удастся остаться в стороне. В доме еще оставались живые люди, да и военнопленных можно было заставить рассказать, что они видели.

Торнадо и ее приятель несколько раз пытались потихоньку свалить, но Попка-Дурак каждый раз привлекал к ним наше внимание.

— Мы можем оставить вас обоих здесь. Веревки хватит. — Морли указал на покинутый мною стул.

— Нет. Нет. Все в порядке. — Торнада не хотела оставаться. Она понимала — настоящая гроза разразится здесь чуть позже, когда «Зов» узнает, что Давенпорт сыграл в ящик, и потребует расплаты кровью.

Я оказался во всем виноват. Честно признаю. Если бы я мог переставлять свои нижние конечности проворнее, мы могли бы избежать участия во втором тайме кровавой игры.

68

Нам так и не удалось выбраться из Звездной палаты. Я, естественно, топал с максимальной скоростью, на которую были способны мои топталы, но далеко уйти не сумел.

Морли неожиданно коротко вскрикнул. Остальные замерли. «В чем дело, — подумал я, — еще один жук? Каким образом?..»

Дотс взмыл в воздух, и тут в помещение вступил какой-то парень. Его рот был открыт. Морли ударил ногой, и пришелец рухнул как подкошенный. В палату, наступая на павшего, дробя ему кости и превращая в сплошной синяк, ворвалась целая банда головорезов.

Все, кроме Гаррета, вступили в схватку. Айви и Скользкий, оттолкнув меня к стене, бросились в самую гущу тел. Я стоял, сосредоточив все свое внимание лишь на том, чтобы не рухнуть, и почти не обращал внимания на происходящее с моими приятелями. Впрочем, я пытался нащупать в карманах что-нибудь полезное для данной ситуации, но даже это столь легкое усилие превосходило мои жалкие возможности.

Я не знал, на кого работает эта банда до тех пор, пока во второй волне атакующих не увидел Магвампа. К этому времени события развернулись настолько серьезно, что на полюбовное разрешение конфликта надежды не оставалось. Убитые и раненые устилали пол. В основном люди Дождевика. Однако несчастный Айви, потеряв на секунду ориентацию, сделал неверный шаг и

тотчас получил не меньше сорока пяти ножевых ран в спину. Попка-Дурак с воплем вцепился в волосы убийцы, а тот не мог от страха наносить удары упавшему Айви.

Скользкий, приподняв Магвампа и отшвырнув его ярдов на сорок, двинулся в сторону только что появившегося Дождевика. Негодяй, заметив, что к нему уже направляется Плоскомордый, сосредоточил свое внимание на том, чтобы увернуться от этого бегемота. Увидев Скользкого, Кливер завизжал и проскользнул между двумя гигантами. Интересно, как он ухитрился найти себе в помощь столько идиотов в нашем Танфере, где все до единого знали, что за его головой ведется всеобщая охота. Скорее всего он вербовал их, замаскировавшись, и кретины думали, что работают на женщину.

Его головорезы наверняка испытали замешательство, узнав моих друзей.

Скользкий между тем чересчур увлекся в своей решимости отплатить Дождевику за Айви. Он разбрасывал клочья людей направо и налево, пробивая себе путь к Дождевику. Однако при этом парень потерял контроль над тем, что происходит за его спиной. Я пытался кричать, но кричало отказалось служить. В тот миг, когда Скользкий протянул руку, чтобы схватить эту бешеную крысу, кто-то вонзил кинжал ему в позвоночник. Я бы зарыдал, если мог. Вместо этого, собрав последние силы, я крикнул:

— Паузиффл-физ!

Скользкий был уже мертв, но такой пустяк не мог остановить его. Никто из находившихся в зоне досягаемости не мог скрыться. Он сломал руку Морли, который не успел убраться с его пути.

Я попытался заставить ноги двинуться в сторону дверей, но они отказывались повиноваться. Бандиты Давенпорта, видно, не только били меня, но и накачали какой-то дрянью. У меня появилось предчувствие, что я не сумею скрыться отсюда, как скрылся из Бледсо, несмотря на то, что мертвый Скользкий продолжал гвоздить сражавшихся без всякого энтузиазма людей Кливера.

Мне показалось, что все, кто следил за мной, явились сюда. Видимо, они решили, что я наконец-то наложил лапы на мистическую трилогию.

Примерно тогда же, когда Скользкий наконец рухнул, один из бандитов Дождевика сумел воткнуть нож в приятеля Торнады. Та рассердилась и атаковала нескольких парней, пытавшихся скрыться. В результате их попытка полностью провалилась.

Я огляделся. Похоже, Торнада и Грэндж Кливер остались единственными, кто не пострадал в схватке. Побледневший Плоскокомордый тяжело дышал, прислонившись спиной к стене. Сарж валялся на полу, но я со своего места не мог рассмотреть, насколько серьезно он ранен. Стручок стоял на четвереньках, не в силах подняться. На его спине сидел и ругался Попка-Дурак. Морли, несмотря на травму, ходил среди лежащих, делая так, чтобы никто из раненых головорезов Кливера его впредь не побеспокоил.

Для меня все случившееся выглядело совершенно бесполезным кровавым жертвоприношением. Никто ничего не выиграл, а многие потеряли все.

Я был страшно горд собой. Лишь с минимальной помощью моей подружки стены я поплелся в сторону двери.

Это занятие поглотило все мое внимание. Время от времени я останавливался, чтобы набраться сил для дальнейшей борьбы.

Дела шли не очень хорошо. Пол был усеян телами скверных парней, а все хорошие парни куда-то исчезли. Если, конечно, не считать Попку-Дурака, который вился поблизости, упражняясь в произношении наиболее грязных слов из своего лексикона. Я хотел громко возвзывать к Морли, Торнаде или еще к кому-нибудь о немедленной помощи.

Кливер был все еще на ногах; впрочем, так же как и Магвамп. Последнему было легче. Такой широкий и круглый — он просто перекатывался, когда кто-нибудь сбивал его с ног. Скользкий в ходе битвы применил к нему правильный тактический прием — взял покрепче и забросил подальше.

Куда подевались все мои друзья?

Неужели спрятались от еще чьих-то друзей?

Я возобновил движение, как раз когда Кливер и Магвамп направились в мою сторону, и тут в эту юдоль печали и безумия ворвалась новая команда свежих игроков.

Я узнал одного из них. Клиланд Жюстин Карлайл — один из лучших специалистов Белинды. Не будет ошибкой предположить, что его компаньоны также служащие Организации.

Теперь я знал, почему скрылись мои друзья.

Глаза Карлайла и его корешей были налиты кровью. События в доме Дженн требовали отмщения. Тот, кто сталкивается с ребятами из синдиката, должен расплачиваться за свою неосторожность.

Магвамп схватил меня за воротник. Другой рукой он сграбастал Дождевика и поволок нас обоих к какой-то двери. Не знаю, что он задумал. Мне показалось, что он немного огорчен. Он протолкнул Кливера за дверь и задержал меня на секунду, прошептав:

— Мы в расчете, парень.

После этого я отправился вслед за Дождевиком.

Мы оказались в темной тайной норе, скрытой за тронами сумасшедших судей «Зова». Второго выхода в норе не было.

Магвамп произвел сильный шум, вступив в дискуссию с парнями из Организации. Затем дебаты закончились. Во вселенной воцарилась полная тишина... если не считать воплей этого сукина сына Попки-Дурака, который, наверное, не успокоится даже после того, как его утопят.

Все сбежали, бросив птичку. Быть может, и мне удастся последовать их примеру.

Никаких шансов. Видно, это божье наказание, что я не могу избавиться от этого комка перьев.

В шкафу, где мы оказались, было довольно-таки тесно. Он не был рассчитан на двух человек, и тем более на двух человек вроде нас.

Бесспорно, Магвамп поместил меня достаточно близко к Кливеру, чтобы я мог придушить его. У меня даже возникло такое желание, но сил не было.

— Уберите руки! — зашипел я, пока снаружи шла битва между попугаем и разумным миром. — Я не играю в ваши игры!

Боюсь, кто-нибудь, обладающий острым слухом, мог расслышать мое шипение.

Кливер захихикал.

Я ужасно покраснел. Оставалось лишь удивляться, что наше тесное помещение не осветилось багровым светом. Покраснел я потому, что движения рук Кливера не имели ко мне никакого

отношения. Иногда мужчины совершают опрометчивые поступки, но только последний идиот станет домогаться близости в тот момент, когда за дверью рыскают кровожадные головорезы.

— Гаррет, вы просто чудо. — Это был голос Мэгги Дженн. Она шипела, как опущенная в воду раскаленная кочерга. — Может быть, мне удастся пощупать вас, если мы выберемся отсюда живыми.

— Прочь руки! — рявкнул я.

Дождевик послушался, продолжая зловеще хихикать голосом Мэгги Дженн. Очень, очень порочная личность. Но уже через секунду он заговорил совсем иным, сугубо деловым тоном:

— К вам вернулись силы?

— Они меня чем-то напоили, так что я еще не скоро полностью приду в себя.

— Нам следует отсюда выбираться, а у меня из всего оружия только пилка для ногтей.

— Оемо! — произнес я на языке гномов, что в переводе означало: «Вот дермо!»

Выбраться отсюда! Важнее задачи не было. Вылезти из шкафа, бежать с «Вершин», быть может, даже на время из Танфера. Более привлекательной цели в данный момент не существовало. Скрыть то, что здесь с моим участием произошло, невозможно. События давно вышли из-под контроля.

Дверь шкафа распахнулась.

Яркий свет почти ослепил меня. Я едва-едва смог различить силуэт низенького и, судя по его движениям, нетерпеливого человека. Мимо, как всегда сквернословя, пролетел Попка-Дурак.

69

— Вылезайте! — отдал приказ строгий голос. Я было затрясся, но успокоился, узнав, кто предо мной.

— Шустер?

— Да. — Маленький полукровка — руководитель тайной полиции — был как всегда немногословен и как всегда нетерпелив. — Пошевеливайтесь!

— А я гадал, кто здесь будет первым, вы или люди Повелителя Огня.

— Его человек был здесь первым — это вы. А я всего лишь нашел вас в кладовке с какой-то девкой в доме, из которого нам вновь предстоит вывозить жмуриков возами.

Люди Шустера помогли нам выбраться из шкафа. Особенно внимательны они были к «девке».

Я сумел скрыть изумление. Все утверждали, что Кливер — мастер грима. И вот оно, доказательство. Он возился в темноте только для того, чтобы поправить на себе платье и натянуть черный парик. Перед нами стояла женщина-дьявол — воплощение сексуальных фантазий многих.

— Меня бы здесь не было, если бы не личность владельца поместья. Тут преклоняется перед шишками, но я...

— Шишками? С детства не слышал этого слова.

— Считайте, что я старомоден. А теперь выкладывайте вашу версию.

— Я разыскивал одну особу, которая должна была находиться здесь. Я получил письмо, предположительно от нее. Она звала меня поговорить. Я пришел. Какие-то бандиты захватили меня, накачали наркотиками по самые жабры, прикрутили к стулу и начали задавать бессмысленные вопросы. Потом сюда ворвалась другая команда, и завязалась схватка. Кто-то развязал меня, полагая, видимо, что я из их лагеря. Я нашел укрытие, не имея сил защищаться.

Он явно понимал, что я рассказываю не все. Не могу понять, почему Шустер не проявил интереса к Кливеру и не стал задавать вопросов об известных друзьях некоего Гаррета, которых не могли не заметить в округе.

— Почему вас интересует Давенпорт? — поинтересовался я.

— Да потому что он — та безумная «шишка», по сравнению с которой оставшаяся часть «Зова» выглядит невинным дамским клубом. За большинством мятежей стоит он. Что за магию они использовали?

— Магию?

— Нечто оставило нам массу трупов. Проделало в них дырки. Никакое оружие не способно на это.

— И это «нечто» не имело любимчиков, лейтенант, — заметил один из людей Шустера. — Оно дырявило всех подряд.

Шустер неопределенно хмыкнул.

— Мне не удалось как следует рассмотреть, — сказал я, — кажется, это был огромный жук. Один парень прикончил его лопатой.

Указанный парень и его оружие валялись неподалеку. Шустер подошел и наклонился над телом.

— Вы получили то, за чем пришли? — спросил он меня.

— Какое к черту получил! Так и не увидел ее. Я очнулся прямо здесь. Что было до этого, не помню. Не имею представления, где она.

И вновь Шустер всем своим видом продемонстрировал, что не убежден в правдивости моих слов. Увы, люди в наше время совсем разучились верить словам ближнего.

— Ах вот как. Мы к этому еще вернемся. Сейчас я стану собирать факты, а вы тем временем доложите о своих успехах Повелителю Огня. Мне кажется, он чувствует себя неуютно, видя, как вслед за вами катится поток крови.

— Можно идти?

— Не уходите далеко, чтобы я мог найти вас.

— Не беспокойтесь, — ответил я, пытаясь вспомнить старых армейских приятелей, живущих за городом и способных предоставить мне убежище.

— Гаррет!

Я замер на пути к двери.

— Что?

— Необычный набор жмуриков. Вы не заметили, кто привел их сюда? — По тону голоса и выражению лица я заключил, что мысли его заняты чем-то другим.

— Нет. Во всяком случае, я никого не узнал.

— Не было ли здесь кентавров? Или существ с необычным произношением?

— Что? — Он и в самом деле был очень далек от действительности.

— Вы не видели никого, кто мог бы быть беженцами из Кантарда?

— Насколько я знаю, нет. Но почему вы спрашиваете?

— Есть основания полагать, что беженцы создали собственную организацию. Для самозащиты. Руководят ею бывшие офицеры Дуралейника.

— Вот как? — Это вам уже не цветочки, а ягодки. Ветераны войск Слави Дуралейника скрываются в Танфере. — Интересное предположение.

Шустер откажется от него, как только опознает несколько трупов.

Я возобновил путь, убедившись, что крепко держу за руку свою «девку». При этом я не спускал глаз с ее свободной лапы — вдруг она полезет за вырез платья, чтобы извлечь оружие и уравнять шансы.

От Кливера всегда надо ждать пакостей.

70

Похоже, Шустер притащил с собой целую кавалерийскую бригаду. Около дома толпились по меньшей мере десять тысяч лошадей. Все они как по команде прекратили уничтожение травяного покрова и уставились на меня злобным взглядом. Я, хромая, лавировал между полицейскими повозками и сумел выскоичить на волю, прежде чем зверюги успели сорганизоваться.

Они не очень умны. Это особенно заметно, если застать их врасплох.

Когда я выбирался по скрипящим ступеням из подвала Давенпорта, мимо меня прошествовал какой-то тип. Ему, наверное, сообщили, что я свободен и могу уйти. Никто на меня не обратил внимания. Лишь несколько отдаленно знакомых парней приветствовали Гаррета легкими кивками.

Кливер держал рот на запоре, пока мы не удалились настолько, что нас никто не мог услышать.

— Это было очень мило с вашей стороны, Гаррет. Ведь вы могли выдать меня.

— Я не оказал вам никакой услуги.

— Думаю, что нет, но мне все же хочется вас поблагодарить.

Он сделал слабую попытку вырваться. Я почти слышал, как он просчитывал разные варианты.

Я оглянулся. Лошади, кажется, на сей раз решили отпустить меня с миром. Возможно, у них иные заботы, отвлекшие их от меня. Странная причуда судьбы — ведь я практически был у них в лапах.

Кливер уловил мое беспокойство:

— В чем дело?

— Здесь происходят странные и удивительные вещи.

— А вы только что это заметили? — сказал он голосом Мэгги.

— Я уж не говорю о странностях, присущих нам. Шагайте быстрее.

Я чувствовал, что в этом деле не обошлось без политики. Во-первых, здесь оказался Шустер. Его мир не делился на хороших и плохих парней. В его мире головы сносили не ради прибыли, а ради власти. И для того, чтобы заставить людей поступать так, как требуется, а не так, как им хочется.

Я позволил себе отвлечься, и Кливер чуть не вырвал мне руку из плечевого сустава. Ему удалось освободиться. Я двинулся за ним унылой рысцой. Впереди замаячили ворота поместья. Расстояние между мной и бандитом-недоростком несколько увеличилось. Я продолжал перебирать ногами. Возьму его на измор. Я привык бегать.

Шлеп, шлеп... и я проследовал через ворота. За ними на подъездной аллее мой друг Кливер лавировал между пытавшимися окружить его Морли, Саржем и Стручком. Сарж и Стручок, судя по всему, пребывали в еще более сумеречном состоянии, чем я. Морли ухмылялся, как крокодил, изготавлившийся сожрать не очень умную дикую свинью. . .

Кливер врезал ему ногой под зад, и Морли упал. Дождевик пронесся мимо, увеличив скорость.

— При...вет, — пропыхтел я.

Морли произнес несколько звучных слов, несказанно удивив меня. Оказывается, он может, когда хочет, весьма бойко исторгать непристойные ругательства. За водопадом гадких слов последовал вопрос:

— Гаррет, тебе когда-нибудь начнет везти в любви? Даже эта убегает от тебя!

— Держу пари, ближе к городу я бы его догнал. Я уже сокращал разрыв.

Теперь не оставалось никаких шансов схватить Кливера.

— Оно и видно.

— А где мистер Большая Шишка, мистер Гаррет? — поинтересовался Стручок. Парнишка задал вопрос, преодолевая сильную боль.

— Проклятие! Нет худа без добра, и наступило время торжества этого добра. — Посмотрев в сторону ворот, я добавил: — На этот раз мне повезло — Шустер, по горло наслушавшись мерзостей, наверняка уже открутил пташке голову.

Стручок бросил на меня полный ярости взгляд.

— Надеюсь, с тобой все будет в порядке? — спросил я у Морли.

— Пока я, пожалуй, воздержусь ходить на руках. Прислушайся. Кажется, кто-то идет.

Это оказалась целая армия.

Мы успели нырнуть в лес напротив «Вершин», прежде чем подошел новый отряд конных гвардейцев. Их лошади вели себя устрашающее.

— Похоже, это регулярная кавалерийская часть, — прошептал Морли.

Мне тоже так показалось.

— Шустер устраивает грандиозное шоу.

Быть может, его паранойя не лишена оснований?

— Лучше нам побыстрее слизнуть отсюда, — предложил Сарж. — Скоро их здесь набьется столько, что не протолкнешься.

Отличная мысль.

— Пока рано, — заявил Морли.

— Это с какой же стати нам здесь болтаться? — изумился Сарж.

Отличный вопрос. Дальнейшее пребывание у «Вершин» не принесет нам никакой пользы.

— Я жду Тарпа.

- Он в порядке? — спросил я.
- Во всяком случае — был.
- И сколько же времени мы собираемся...
- Я дам тебе знать, Сарж, когда мы уходим. Гаррет!

Я начал дрожать. Перед глазами все поплыло. Я очутился вне времени, и у меня появилась возможность подумать о том, что произошло, и о том, что два умственно отсталых существа не смогли пережить событий...

- Что?

- Ты среди нас самый крепкий. Понищи Плоскомордого.

Я вздрогнул. Мне хотелось оказаться дома. Там я мог рухнуть в постель и проспать неделю, пока не уляжется боль и не пройдет чувство вины. После этого я изменю свою жизнь. Я приду к Вейдеру и скажу, что согласен на работу охранника в пивоварне. Там не будут накачивать наркотиками, не станут мучить меня или моих друзей — к тому же я всегда буду поблизости от пива.

Я нашел хорошее место и принялся наблюдать за входом в поместье.

Очень скоро мое внимание привлекли туча мух и странный запах. Отлично. Свежий конский навоз. Лошадиная шерсть на стволе дерева. Я огляделся. Опавшие листья были примяты. Присмотревшись, я заметил отпечаток подковы. Значительно меньшего размера, чем след верховой лошади. Тот, кто служил в Кантарде, мог без труда распознать, чья это подкова.

Передо мной был след кентавра.

След не очень ясный — невозможно определить, к какому племени принадлежал кентавр. Ясно одно: совсем недавно он именно с этого места следил за воротами поместья.

Мои самые мрачные предположения крепли с каждой минутой. Мне хотелось бежать. Происшедшее не имело никакого отношения к моим делам и заботам.

71

Этот ублюдок Плоскомордый не стал пользоваться воротами, хотя там никого не было, чтобы помешать ему. Он перелез через

стену. Я заметил, как конец толстой ветки неожиданно окунулся в пыль и резко расправился, когда Тарп отпустил ее.

Он кого-то тащил на себе.

Как он ухитряется проделывать подобные фокусы? Положительно, этот тип — сверхчеловек.

Прихромав к нему, я спросил:

— Кто это? — Как будто не узнал с первого взгляда.

Ее мамочка сказала мне, что дочь похожа на нее, только не так потрепана жизнью. Теперь я могу со всей ответственностью заявить: в свое время Мэгги Дженн обращала мужчин в камни. Глядя на девушку, сразу поймешь, почему Тедди в свое время втюрился в ее матушку.

— Заметил ее, когда мы пустились в бегство. Подумал, будет неправильно, если, понеся такие потери, мы не получим того, ради чего все и было затеяно.

Под его рубашкой что-то шевелилось. И издавало отвратительный шум. Мне стало не по себе.

Плоскомордый тут же подтвердил мои худшие опасения.

— Ах да. Я приволок твою птицу. Запихнул за пазуху, потому что она никак не желала заткнуться.

Я погрозил небесам кулаком.

Шум ветра в кустах напоминал смех богов.

— Тебе кого, девушку или птицу?

— Сдается мне, птичку я уже получил.

— Я спрашиваю, кого ты хочешь тащить. — Затем до него дошло, и он добавил: — Вот дермо. Девчонка не хотела идти.

— Естественно. Кто захочет, услышав твою милую речь?

Она пока не произнесла ни слова и лишь молча обжигала меня взглядом. Я порадовался ее неспособности совершить со мной то, о чем она думала.

— Давай мне говорящую метелку из перьев. Я не могу поднять ничего тяжелее ее.

— Пожалуйста, с нашим удовольствием. — Плоскомордый, удерживая девицу на плече, как мешок зерна, спросил ее: — Не хотите ли немного пройтись? Или мне по-прежнему вас нести?

Она не ответила. Плоскомордый пожал плечами. Вряд ли он вообще чувствовал ее вес.

Остальные присоединились к нам, услыхав нашу беседу. Стручок поднял шум вокруг птички. Морли наложил на сломанную руку какое-то подобие шины. Махнув рукой в сторону попугая, я пояснил:

— Наш приятель оказал мне большую услугу.

Морли попытался хихикнуть, но боль ему помешала.

— Ты как? — спросил я.

— Боюсь, придется отказаться от игр на всю неделю.

— Бедная Джуллия.

— Ничего, мы что-нибудь придумаем. — На его губах промелькнула тень зловещей улыбки. — Надо двигаться, пока Шустер не понял, что ошибся, и не потребовал нас для объяснений.

— Кто-нибудь видел, что случилось с Торнадой?

Никто не знал, но Морли высказал предположение:

— Она сумела сбежать. У нее свои ангелы-хранители.

— И они ей очень понадобятся, если Шустер пойдет по ее следу.

Мы шагали так быстро, как только позволяли наши раны и ушибы. Попугай посыпал проклятия всему миру за те страдания, что ему пришлось перенести. Он истощил терпение даже племянника Морли.

— По крайней мере он перестал клеймить тебя, Гаррет, — пробормотал Стручок.

Морли изучал цыпленка джунглей с таким видом, словно решил отказаться от своего вегетарианского образа жизни.

— Благодари Плоскомордого. Я оставил птицу Шустеру — думал, они хорошо подходят друг другу.

Никто не рассмеялся. Все пребывали в кислом расположении духа.

— Это Дождевик улепетывал от тебя, Гаррет? — спросил Плоскомордый, сплюнув жевательную траву. Он по-прежнему не замечал веса Эмеральд.

— Да.

— Этот коротышка?! Эй, в чем дело? — Девица начала извиваться на плече Тарпа, и тот, шлепнув ее по заднице, бросил: — Спокойно! — Обращаясь ко мне, он закончил: — А я-то всегда думал, что в нем не меньше девяти футов.

— Включая рога и копыта. Понимаю. Я сам был очень разочарован, увидев его впервые.

— Еще как разочарован, — вставил Морли.

Я бросил на него осуждающий взгляд. Этот тип не может не понимать меня. Даже боль не способна остановить его.

72

Я потерпел поражение в словесной битве, и мой дом был превращен в цех по восстановлению человеческих существ из сохранившихся частей тела. Морли намекнул, что ему не хотелось бы извещать о своей травме раньше времени. Волки могли почувствовать запах крови раньше, чем он успел бы приготовить им достойную встречу.

Я не мог не согласиться. У моего друга были свои враги.

Во всем доме не нашлось места, где я чувствовал бы себя спокойно. Слишком многое здесь напоминало мне о Скользком и Айви.

— Это несправедливо, — сказал я Элеоноре. — Они не заслужили такой смерти.

Я прислушался к происходящему в доме. Кухню превратили в лазарет. Плоскомордый отыскал где-то лишенного лицензии лекаря, который изображал из себя крутого городского парня. От дока разило перегаром, и, похоже, эскулап уже несколько недель не встречался ни с мылом, ни с бритвой.

— Да, я знаю, жизнь бессмысленна и несправедлива, боги работают вразнобой, и нечего даже мечтать о единстве их действий. Но мне это не нравится. Ты не посоветуешь, кстати, как мне поступить с девушкой?

Эмеральд томилась взаперти в комнате Дина. До сих пор она не произнесла ни слова. Девица ни за что не поверила бы, скажи я ей, что мои труды оплачивает ее мамаша.

Да и не все ли ей равно. Если вы захватываете людей силой, они никогда не бывают довольны.

У Элеоноры не оказалось соображений на этот счет.

— Я бы отпустил девчонку, если бы не было столько желающих тут же ее похитить. — Элеонора не проявила неодобрения, и я про-

должил: — Кстати, об этих желающих. Интересно, как скоро объявится Торнада с одной из своих умопомрачительных историй?

Я с нетерпением ждал этого.

Морли взвыл, послышался грохот. Я бросился к кухне, оттуда слышались угрозы Морли пролить чью-то кровь.

— Только не в моей кухне! — взревел я.

Я задержался, чтобы заскочить в комнату Покойника. По его щеке прыгнула какая-то козявка и укрылась за хоботом. Если Дин не вернется в ближайшее время, мне самому придется заняться очистными работами. Быть может, я даже принесу ему букет. Покойник обожает цветы.

Попка-Дурак завопил громче, чем Морли.

— Ты не отрабатывашь свой хлеб, — объявил я Покойнику.

В кухне творилось невообразимое. Со всех сторон доносились вой и стенания. Док, однако, уже закончил свою работу. Сейчас он стоял, запрокинув голову. У рта он держал бутылку — видимо, чтобы промыть горло. Я скривился. Даже крысюки отказались бы от отравы, которую он вливал в себя.

— Будешь жить? — поинтересовался я.

— Только не стараниями этого мясника, — прорычал Морли.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы он вел себя как неразумный младенец? — спросил Плоскомордый.

— Ты, переросток... Если бы при помощи мозгов разжигали огонь, ты не сумел бы скечь даже собственный дом. — Дотс вскочил на стул и начал, подывая, раскачиваться на нем, словно проповедник из Святых Роллеров.

— Неужели док дал ему какую-то отраву? — спросил я у Саржа.

Сарж пожал плечами:

— Кончайте, босс. Оставьте доктора в покое. Он склеил вашу руку. А ведь у него было не так уж много практики с тех пор, как его вышибли из Бледсо.

Теперь понятно, почему лекарь пил бочками до дна. Просто он сам находился на самом дне... Я посмотрел на Плоскомордого. Костоправ наверняка какой-то родственник его новой дамы сердца.

Морли молча, но с явной неохотой расплатился с доктором. Стручок выглядел почти таким же несчастным, как его дядюшка.

Я решил выпроводить старикана, пока темный эльф готов расщедриться. Я взял его за локоть и потянул.

— Неужели вас действительно выгнали из Бледсо?

Трудно поверить, что такое вообще возможно. Хотя за последнее время передо мной уже второй человек, подвергнувшийся этой участи.

— Я немного выпиваю, сынок.

— Не может быть.

— Набил себе руку пару сотен лет назад, отрезая конечно-сти там, в Кантарде. Больше не работаю. Заглушаю свою боль ячменем.

Он вышел за дверь, обернувшись, как в плащ, в остатки чувства собственного достоинства, огляделся вокруг, споткнулся и упал с последних двух ступеней. Миссис Кардонлос задержалась у своих дверей. Она посмотрела на меня и кивнула, соглашаясь в чем-то сама с собой. Послав ей воздушный поцелуй, я внимательно изучил улицу.

Мне показалось, что я заметил несколько подозрительных типов.

Опять? Или — все еще? Я вновь взглянул на миссис Кардонлос. Она не двинулась с места — ждала новых доказательств того, что Гаррет является собой угрозу обществу.

Я задумчиво вошел в дом и закрыл за собой дверь.

У меня появилась идея.

Войдя в кухню, я спросил:

— Плоскомордый, у тебя нет настроения выполнить одно поручение?

Эти слова я сопроводил демонстрацией монеты.

— Что ж, считай, что ты уговорил меня, хитрец. Что требуется?

— Подожди минуту. Мне надо сочинить письмо.

73

Наконец в доме наступила тишина. Вся толпа удалилась. Попка-Дурак, набив зоб, уснул. Я сидел в кабинете и вместе с Элеонорой наслаждался покоем.

Естественно, тут же кто-то принялся стучать в дверь.

Ответ от Чэс. А может быть, Торнада, если ей особенно неймется.

Я прильнул к глазку.

Первая догадка оказалась правильной. За дверью стоял мистер У.Тарп с письмом в руке.

Я сунул голову в темноту комнаты Покойника, вспутнув многочисленных насекомых, и объявил:

— Ухожу. На встречу с прекрасной блондинкой, тебе такой и видеть не доводилось.

Он не пожелал мне удачи.

Я вышел из дома, почти забыв о роскошной рыжеволосой красотке, обретающейся взаперти на втором этаже.

Мы заняли лучший столик во всем заведении, но это было заведение Морли. Когда ведешь игру с чародеем мирового класса, чувствуешь себя немного увереннее, если матч проходит на своем поле.

Лелея свою мечту повысить класс заведения, Морли и его бандиты вели себя себя паиньками. Даже Рохля, и тот не только натянул чистую рубаху, но даже заправил ее в брюки.

Повелитель Огня был одет весьма небрежно. Прекрасно. Мне не хотелось, чтобы мои знакомые начали нервничать при виде него.

Его можно было принять за пожилого докера.

Если папа был одет небрежно, то его дочь сверкала великолепием наряда. Поэтому старика просто никто не замечал. Даже я мог сосредоточиться лишь с большим трудом.

— Простите, что вы сказали?

— Я сказал, что исхожу всего лишь из собственных интересов.

Наконец я припомнил, о чём шла речь.

— Вот как?

— Хотите верьте, хотите нет, но есть люди, которые способны причинить мне вред, если им удастся застать меня врасплох.

— Неужели? — Я вновь перевел взгляд на Чэс.

Она своим видом сражала наповал, на лице у нее сияла самая смертельная из ее набора улыбок.

— В это трудно поверить, глядя на такого большого старого медведя, как я, не так ли? — Он повернулся к Морли, стоявшему во главе целого взвода готовой к действию прислуги. — Я не очень голоден, поэтому ограничусь полуфунтовым кровавым бифштексом, боком барашка и кусочком свинины. Никаких фруктов или овощей.

Морли стал бледнее бланшированного вампира. Он резко кивнул (наверное, это был предсмертный спазм) и бросил свирепый взгляд на меня и мою ухмылку. В его глазах горело адское пламя. Я решил не сыпать соль на его раны и заказал фирменные блюда заведения. Чэс последовала моему примеру.

Морли бросился в кухню, волоча за собой Рохлю и раздавая на ходу приказы. Интересно, какая из близлежащих таверн подрядилась исполнить заказ Дайрхарта?

Вводя Повелителя Огня в курс событий, я все время старался подавить смех.

— И вы позволили ему уйти?

— Я не позволил. Позволить или не позволить — так вопрос вообще не стоял. Он ушел. Если желаете, я отведу вас к нему после ужина.

Старый Добрый Фред вздернул сразу обе брови. Затем он с пристрастием принялся расспрашивать о следах кентавра у входа в «Вершины». Его вопросы подтверждали мои наихудшие опасения. У Повелителя Огня, очевидно, были самые серьезные причины спешить из Кантарда в Танфер.

Через некоторое время мне удалось вернуть его к разговору о Дождевике. Он помрачнел:

— Я щедр до безрассудства, Гаррет. Каждый может вам подтвердить. Особенно если дело связано с моей дочуркой. Но я не позволю вам доить меня вечно, — без всякой связи заявил он.

— Рад это слышать, потому что от этого дела меня уже давно воротит. Из-за него у меня на теле синяк на синяке.

Морли вернулся и, услышав мои слова, приподнял бровь.

— Я поставил точку в деле сразу после ужина, — продолжал я.

Морли справился со своим изумлением, но Чэс переспросила:

— Что?

— Когда мы поедим, я отведу вас к Кливеру, и на этом моя роль закончится. Вы сами будете решать свои проблемы. А я отправлюсь домой и, прежде чем завалиться в постель, приму пивка.

Дайрхарт начал вставать со стула. Он был готов отправиться немедленно.

Морли бочком отступил в сторону кухни. Наверное, искал укрытие.

Чэс широко улыбнулась с таким видом, словно у нее поехала крыша. Я начал удивляться, глядя на нее. Когда папочка был рядом, она всегда старалась казаться как можно более красивой и как можно более глупой.

— Садитесь, — сказал я. — Морли пришлось потратить уйму усилий, чтобы выполнить ваш заказ. Кливер будет на месте, когда мы навестим его.

Ужин еще не был готов.

Морли исчез. Не исключено, что он отправился проверить, как идут дела. Но я не стал бы настаивать на этом предположении.

После посещения «Вершин» у меня в запасе не осталось ни одного волшебного предмета. Часть из них я использовал, часть потерял, а оставшиеся у меня конфисковали. Было бы неплохо, догадайся я посетить перед ужином Красулю.

Сейчас-то уже слишком поздно.

Подали ужин. Я истекал слюной, глядя на яства Дайрхарта и поглощая нечто вроде суфле из овощей. Я как-то ел его здесь, и меня даже не вырвало... Однако на сей раз какой-то умник добавил в смесь зеленого перца.

Морли смотрел на меня так невинно, что я удушил бы его немедленно, если бы он не был мне так нужен.

— Кстати, вам не удастся получить вашу книгу назад, — сказал я. — Ее давно у Дождевика нет.

Повелитель Огня не слишком приуныл и выказал лишь некоторое удивление:

— О?..

— Насколько я могу судить, дочь Мэгги Дженн утащила книгу у Кливера примерно год назад, привезла ее в Танфер и

показала не тем людям. В результате книгой завладели безумцы из «Зова».

До сих пор все, что я сказал, более или менее соответствовало истине.

Повелитель Огня улыбнулся, полностью сохраняя контроль над своими чувствами:

— Я серьезно сомневался, что увижу книгу снова. Особенно учитывая тот кровавый след, который она тянула за собой.

— Я хотел, чтобы вы все правильно поняли.

— Вы сможете вернуть ее, если я вас для этого найму?

— Такая работа мне не по вкусу. Слишком много людей готовы идти на убийство ради этой книги.

Папочке не понравились мои слова. На меня уже смотрел вовсе не Старый Добрый Фред. Он над чем-то размышлял.

Наконец Повелитель Огня, по-видимому, пришел к выводу, что я слишком ленив, чтобы пуститься на поиски книги для себя.

Папа Фред поглощал ужин со скоростью собачки, опасающейся появления более крупных псов. Я же, напротив, жевал не торопясь, не сводя глаз с Чэс, которая, следуя моему примеру, методично откусывала маленькие кусочки, глядя на меня. У нее явно были какие-то виды на Гаррета.

74

Переступив порог и пройдя несколько шагов, я замедлил движение. На улице было подозрительно мало людей. Не иначе как и сюда просочились слухи о необычном госте в заведении Морли.

Если Повелитель Огня и заметил что-то, вида он не подал. Однако скорее всего Фредди ничего необычного не увидел. Слишком долго пробыв в Кантарде, он слабо разбирался в жизни улиц.

Чэс, напротив, начала беспокоиться — она была способна уловить запах опасности. Маска туповатой блондинки стала быстро линять.

Учитывая недавний опыт, я не позволял себе расслабиться. Моя нервная система была напряжена до предела. Разумеется, ничего не произошло. Ничего, кроме...

В прохладном вечернем воздухе раздался шум крыльев. Я напрягся, приготовившись к появлению демона с кожистыми крыльями, порожденного одним из тысяч верований Танфера.

С мифологическими существами мне, как правило, удается справляться.

Действительность может быть гораздо ужаснее.

Попка-Дурак шлепнулся мне на плечо.

— Этот негодяй Дин совсем ошелел, — пробормотал я. — Возвращается среди ночи и выпускает мерзкое чудовище.

Интересно, как этот пучок перьев сумел меня отыскать?

Птица перелетела на плечо Чэс, не произнеся ни звука. Это было противоестественно.

— Что случилось, пташка? Похоже, он, Чэс, в тебя впорился.

События начали развиваться вовсе не так, как я надеялся.

Я не стал напускать туману и отправился кратчайшей дорогой. Мы не прошли и половину пути, как Чэс догадалась.

— Бледсо? — прошептала она.

Ради Морли — он наверняка был где-то поблизости в темноте — я громко ответил:

— Куда же еще? Все остальные укрытия он уже использовал. А в больнице не знают, кто он на самом деле.

Возможно. Я, по правде говоря, начал сомневаться в своей интуиции.

И в своем здравом смысле. Отправиться на опаснейшее предприятие вместе с могущественным чародеем? У меня нет никаких оснований доверять Дайрхарту. Деятели его типа славятся своим вероломством. А моя единственная защита — темный эльф с перебитым крылом. Да и тот останется мне верным, лишь пока не узреет Дождевика.

Люди утверждают, что я слишком много размышляю. Это действительно так... Ну почему, черт побери, я думаю, что после всех последних неприятностей Кливер остался в Танфере? И почему он из всех возможных мест решит выбрать Бледсо?

К тому времени, когда я открыл дверь приемного покоя больницы, мои нервы окончательно разболтались. Однако очень скоро я вновь обрел уверенность.

Сделав всего два шага, я увидел женскую половину престарелой парочки, захваченной мною в плен в пакгаузе. Она тоже узнала меня и стремительно зашаркала прочь. Старушка направлялась к лестнице, по которой я бежал пару столетий назад.

На этот раз в состязании со старухой победа осталась за мной.

— Какая встреча! Приветствуя вас вновь.

Ко мне присоединился Дайхарт.

— Вы кого-то здесь знаете?

Пришлось выступить с кратким пояснением.

Повелитель Огня изучил обстановку. Наше прибытие не осталось незамеченным. Начал появляться больничный персонал. Я заметил несколько знакомых недружелюбных лиц:

— Эти парни совсем не понимают шуток, Фред.

Он знал подробности моих злоключений в больнице. Ребята из персонала сильно ошибались, если решили, что настало время расплаты со мной.

Повелитель Огня проделал то, что всегда заставляет нервничать обычных парней. Он что-то прошептал, пощелкал пальцами, и в приемном покое воцарилась тьма чернее, чем сердце стряпчего. Через мгновение темноту прорезало множество сияющих световых колонн. В каждой был заключен отчаянно протестующий служитель. Один несчастный бросился в нашу сторону. Дайхарт остановил его и сделал так, что мы не слышали его криков. Парень не оставил попыток прорваться и в результате превратился в живой факел, освещавший наш путь вверх по лестнице.

Чэс оставалась спокойной. Папочка не разочаровал ее.

Старуха вырвалась из моих рук и попыталась убежать по ступеням. Ей это не удалось. Мы миновали палату, которой я нанес столь большой ущерб. Ремонт едва-едва начался. Я пролил слезу, вспомнив Айви и Скользкого.

Старуха вдруг повернулась к нам лицом, как бы пытаясь нас остановить. Освещенная объятым пламенем человеком, она была ужасна. Ее исказившееся лицо одновременно выражало ужас и решимость. В глазах стоял призрак смерти. Она напоминала медведицу, поднявшуюся на дыбы между охотниками и своим детенышем.

Точно! Теперь я знал, кто в упор смотрит на меня горящими яростью глазами. Если сбросить несколько десятилетий, прожитых в бедности и страданиях, передо мной окажется еще одна Мэгги Джени.

Мэгги ничего не рассказывала мне о судьбе своей матери.

75

Самый верхний этаж Бледсо отведен для бедняков, которые могут существовать лишь в благотворительных заведениях. В больнице для этих уолдо тарпов созданы минимально приемлемые условия существования.

В человеческом факеле нужда отпала. Старый Добрый Фред отпустил несчастного. Перестав шагать за нами, он рухнул. Обгорелая плоть и обуглившиеся кости. На старуху Дайрхарт не обратил никакого внимания. Я попытался прогнать ее, но она не уходила.

Чэс оставалась спокойной. Похоже, она вновь утратила контакт с реальностью. Когда ко мне время от времени возвращался разум, я начинал сомневаться, что эта девушка создана для меня. Достоинства ее очевидны, но что-то весьма существенное в ней отсутствует. В обществе Старого Доброго Фреда Чэс превращается в зомби.

Желто-красно-зеленый комок перьев на ее плече упорно хранил необычное молчание.

Страшно.

Вскоре стало еще страшнее.

Во-первых, снова материализовался Ичабод. Прошу прощения — Ээк. Не исключено, что он вернулся из могилы. На Холме мне показалось, что старикан абсолютно мертв. Но вот он передо мной — кости, обтянутые кожей, белые волосы. Старается взмахнуть тяжелым мечом, который ему явно не по силам. Старый Добрый Фред совершил что-то недобroе. Меч обернулся против Ээка. Старик даже не успел вскрикнуть.

Откуда-то из тени вынырнул Магвамп (похоже, у него иммунитет против всех бедствий). Этот обрубок человека был не в

лучшем настроении, и я обрадовался, что Фред оказался между ним и мной.

Появление Магвампа застало Дайрхарта врасплох. Магвамп успел измоловить чародея, прежде чем тот сумел излить на него водопад сверкающего пламени. Мгновенно ослепленный Магвамп превратился в пылающий костер. Дайрхарт вышел из схватки, волоча ногу и с бездействующей левой рукой.

Чэс не выказала беспокойства. Она величественно передвигалась между нами, красивая и пустая. Ее превращения в безмозглую куклу начинали беспокоить меня все больше и больше.

От продолжающегося молчания Попки-Дурака мне тоже было не по себе.

Наконец мы обнаружили заспанного, пытающегося вернуться в реальный мир Кливера. Нас разделяли какие-то двадцать футов. Фред полностью утратил контроль над собой. Он зарычал, непристойно выругался, вытащил нож и бросился в атаку. Кливер пришел в себя и вскочил с койки. Он вытащил два ножа. Какое счастье, что парень не был многоруким восточным божеством. Дождевик метнул оба клинка, один из них пронзил правое плечо Дайрхарта.

Удар не вывел Повелителя Огня из строя, но полностью обездвижил его здоровую руку. Чародеи утрачивают значительную часть своего могущества, теряя способность разговаривать руками.

Я двинулся на Кливера. У того оказался еще один нож. Он чуть пригнулся и выставил оружие вперед, покачиваясь из стороны в сторону. Взгляд его под полуприкрытыми веками был холoden и мрачен. Парень вовсе не казался испуганным.

Чэс что-то произнесла.

— Позабочься об отце, — сказал я ей. — Но только после того, как запрещь дверь.

В больнице полно ребят, которых вовсе не восхитил мой блестящий побег.

Дайрхарт отмахнулся от дочерней помощи. Он был занят — терпеливо объяснял Дождевику, как скормит его вонючий труп крысам. Странно, что Повелитель Огня до сих пор так болезненно относится к ограблению, случившемуся сто лет назад.

Кливер, покачиваясь, направлял острие ножа то в его, то в мою сторону. Он продвигался к внешней стене здания и, казалось, ставил себя в безвыходное положение.

Я слишком поздно понял его намерение.

Дайрхарт оставил меня один на один с Кливером, отойдя в сторону и размышляя, какое из смертельных заклинаний использовать...

Дождевик бросился на меня. Я чуть отступил. Дождевик мгновенно развернулся и выбросил вперед руку с ножом. Клинок по рукоятку вошел в горло Дайрхарта.

Я замер. Чэс вскрикнула. Кливер хихикнул и выпрыгнул в окно. Чэс одной рукой подхватила отца, другой схватила меня и потянула к себе, как будто я мог чем-то ей помочь.

Прирожденный джентльмен, я вцепился в ее белокурые локонны и сумел освободиться.

— Ты --- медик! Делай то, к чему тебя готовили.

Бросив гневный взгляд на старуху, я позволил ей двинуться к дверям. Теперь она была готова уйти. А я отправился в погоню за Кливером.

Сынок миссис Гаррет не очень любит высоту, особенно когда рискует свалиться. На подоконнике я немного выждал, изучая строительные леса внизу.

Изdevательский смешок подтолкнул меня к действию, и я спрыгнул на восемь футов вниз, на высший уровень, до которого были построены леса. Я сумел удачно зацепиться и не продолжил путь еще на шестьдесят футов вниз, туда, где в темноте мелькали чьи-то тени. Слишком далеко, чтобы кого-либо узнать — да я и не пытался.

Попка-Дурак, промчавшись мимо меня, нырнул вниз между лесами. Он летел зигзагами, словно летучая мышь, и позволил себе лишь раз громко взвизгнуть, поравнявшись с Кливером. Дождевик выругался. Не очень громко.

Я сосредоточился на том, чтобы не отправиться в неуправляемый полет. Цеплялся за все, что попадалось под руки. Ноги изо всех сил старались сохранить контакт с тем, что находилось под ними. Невообразимо медленно я заспешил туда, где Попка-Дурак вершил свое черное дело.

Кливер снова выругался и взглянул вниз в мрачное будущее. Похоже, там его ждали крупные неприятности.

Я тоже изучил улицу. Царящая в ней тень дала убежище тем, кто жаждал встретиться с Дождевиком лицом к лицу. Наверное, эти люди следовали за нами от «Домика Радости».

Вместо того чтобы спускаться вниз, Кливер двинулся вокруг дома. Через одно из открытых окон я заметил патруль ребят из Организации. Команда Белинды была готова к действию.

Мне не совсем понятно отношение Морли к этим людям. Создается впечатление, что Дотс оказывает им услуг больше, чем они заслуживают.

Попка-Дурак продолжал выкаркивать информацию о продвижении Кливера. Я не переставал удивляться птичке. Это так на нее не похоже. Обычно пучок перьев делает все, чтобы подставить под удар своего хозяина.

Головорезы внизу нас не видели и тоже прислушивались к воплям птицы.

Неполноценная ястребиная приманка издала поистине душераздирающий вопль. Кливер устроил засаду. Я тихо приблизился.

Я оказался раза в два тяжелее Кливера и в два раза его сильнее. Это спасло меня от падения с высоты. Когда он бросился на меня, я изо всех сил ухватился за леса и самортизировал толчок. И тут же попытался вцепиться в него, но не успел.

Ударившись об меня, он выпрямился, шагнул назад спиной к каменной стене Бледсо, издал вздох бессильной ярости и провалился между стеной и строительными лесами. В полете он царапал стену и извивался, пытаясь найти точку опоры, но хранил полное молчание.

Я осторожно начал спуск вслед за ним. Попка-Дурак хлопал вокруг крыльями, но ухитрялся держать свой большой клюв на замке.

Я наконец добрался до Кливера. Тот окончил свое падение на досках лесов примерно в десяти футах от земли. Дождевик дышал часто и неглубоко. Было видно, что он не в лучшей физической форме и пытается побороть боль.

Жизненная сила оставила его, но тем не менее я двигался крайне осторожно. Парня с такой репутацией следует опасаться даже после смерти.

76

Я опустился рядом с ним на колено, и его рука неожиданно захватила мою. В мгновенном испуге я дернулся назад. Рука оказалась теплой и нежной.

— А у нас ведь... могло... получиться. Но ты... такой глупый... Гаррет. Глупый и упрямый.

Не знаю, как насчет упрямства, но глупостей я совершил в избытке. И никак не могу остановиться.

Кливер тихо уходил из жизни. Это, учитывая его прошлое, было неправильно. По справедливости он заслуживал долгой и мучительной смерти от рака, а не тихого исчезновения в небытие, как сейчас. Обе мои руки были захвачены, но я не очень старался вырваться. У меня хватало сочувствия и понимания того, что происходит в уме Кливера. Несмотря на переломанные кости, он тянул меня к себе. Ближе... ближе...

Озарение пришло само по себе, как бы со стороны, и не вызвало потрясения. Это создание, отчаянно цепляющееся за меня в последнем человеческом контакте, не было мужчиной.

Я держал ее в руках, шептывая:

— Любимая, — а она продолжала повторять, как все замечательно у нас могло получиться.

Я ошибался с самого начала. Но так же ошибался и весь Танфер. Ошибался в прошлом и настоящем, заблуждались высшие классы и низы. Мы все видели только то, что были приучены видеть. И в своем безумии она пользовалась этой слепотой.

Никогда, никогда не существовало малорослого отвратительного злодея по имени Грэндж Кливер. Никогда!

Я заплакал, потому что понимал, через какой ад пришлось ей пройти, чтобы создать Грэнджа Кливера.

Вы не можете не плакать, зная о той боли, которую испытал ребенок, когда вам приходится уничтожать чудовище, которое он из себя создал.

77

Там, в Бледсо, я потерял Чэс. Не знаю, почему. Возможно, в силу того, что подсознательно, на уровне эмоций она обвиняла меня в смерти своего отца.

Ее медицинского искусства оказалось недостаточно.
Почему-то магические силы в ту ночь не сработали.

Остаток ночи выдался для меня очень трудным. Похоже, все, кто слышал обо мне или Грэндже Кливере, желали узнать подробности. Я страшно обрадовался, когда возник Шустер.

Толпа вокруг меня испарилась — он настоящий маг, этот Шустер.

— Вот видите, Гаррет, все разрешилось наилучшим образом, — сказал мне полковник Туп. Я вновь навестил его, после того как мне дали дозреть десять часов в камере. И отсидел я там вместе с Попкой-Дураком.

— На этот раз не так уж и много трупов, — продолжил он, выжидательно поглядывая на меня.

Я не стал его разочаровывать и все рассказал, стараясь не обременять его лишними деталями. Полковник не очень заинтересовался — все его внимание целиком было поглощено расовыми бунтами.

Я направился домой, и мне, увы, не удалось забыть у Тупа роковую птишку. По неясным причинам комок перьев предпочитал молчать. Даже в камере он очень редко разевал клюв.

А вдруг он захворал? Подхватил какую-нибудь летальную птичью болезнь?

Нет, такого везения просто быть не может.

Дин не ответил, когда я постучал в дверь. Осерчав, я воспользовался своим ключом, ворвался в дом и, проклиная все на свете, обежал его. Дина нигде не оказалось. И я не обнаружил никаких следов его возвращения.

Интересно. Как же птица вырвалась на свободу?

Была еще одна загадка. Почему Эмеральд не пыталась сбежать, пока меня не было? Вид кухни говорил о том, что девушка посещала ее несколько раз, не проявив себя фанатичной чистюлей.

Странно.

Еще более странно, что мистер Большая Шишка отправился на свой настест, не проронив ни звука.

Даже более чем странно. Это вызывало подозрения.

— Жюстина? Мне надо поговорить с тобой. — Я знал, что это будет нелегко.

Сидя на кровати Дина, она смотрела на меня без всяких эмоций и, как мне показалось, всепонимающими глазами.

Лучше всего сказать все прямо и сразу. Я так и поступил.

Она продолжала глядеть на меня. Услышанное, похоже, не явилось для нее сюрпризом.

Но она все же любила мать, хотя знала правду о Мэгги Дженн и Грэндже Кливере. Из ее глаз хлынули слезы.

Я дал ей выплакаться, обняв за плечи. Она не пыталась вырваться, но так и не произнесла ни слова. Эмеральд молчала даже тогда, когда я провел ее до дверей и сказал, что она свободна.

— Забудь старого болвана, — прошептал я, сделав несколько шагов вслед за ней. А когда Эмеральд скрылась в толпе, добавил: — Однако она была по-настоящему красива.

Я был недоволен всем этим делом. Не люблю печальных исходов, хотя они встречаются гораздо чаще счастливых. И не уверен, что удалось совершить что-то полезное.

78

Я заперся изнутри и не отвечал на стук, используя дверной глазок, когда жаждущая общения личность начинала барабанить кулаками. Я вел бесконечные споры с Попкой-Дураком. Этот визгливый урод вел себя тише обычного, но иногда ему удавалось достать меня особенно произительным воплем.

Все это начинало выглядеть крайне подозрительно.

В какой-то момент, преодолев отчаяние, я послал письмо Чэс. Содержание ответа можно свести к трем словам: «Чтоб ты сдох!»

А я-то только решил, что Чэс создана для меня. Что же, век живи, век учись.

— Она не понимает, что теряет, правда? — спросил я Элеонору.

Мне показалось, что я услышал шепот:

— Может быть, и понимает...

Я точно знал — Элеонора считает, что мне пора перестать упрямиться и извиниться перед Тинни Тейт за неизвестный мне проступок, который я совершил (а может быть, и не совершал вообще).

— А не попробовать ли увидеться с Майей? Она отлично выглядела в тот вечер. И у нее есть голова на плечах.

Улыбка Элеоноры начала трансформироваться в издевательскую ухмылку.

За все время я только раз изменил себе, впустив в дом одного весьма специфического посетителя. Вы не можете держать на пороге короля преступного мира. Белинда Контагю провела целый час, сидя за моим кухонным столом. Я не стал опровергать ее версию о том, как я с неоценимой помощью моего друга Морли Дотса подстроил ради нашего с ней прошлого гибель Грэнджа Кливера.

У этой ледяной девицы мировоззрение самки каракурта, и я был счастлив услышать, что будет лучше, если мы останемся «просто друзьями». Любые другие отношения могли оказаться для меня фатальными.

Белинда выразила свою благодарность тем единственным способом, который она выучила младенцем, сидя на папочкиных коленях, — преподнесла мне небольшой мешочек золота.

Я быстро препоручил золото заботам Покойника.

Как бы то ни было, дело Дождевика оказалось весьма прибыльным.

Дни шли за днями. Я совершил несколько коротких вылазок и обнаружил, что один человек все еще ведет за мной слежку. Бекки Фриерка была решительно настроена получить свой ужин. Не

похоже, что ее матушка не позволяет ей встречаться со взрослыми мужчинами.

Но в основном я водил компанию с птицей и Элеонорой или читал, рискуя получить головную боль. Я начал думать, что Дин вообще не вернется домой и что у Торнады, видно, все же есть здравый смысл, раз она не желает встречаться со мной.

— У нас стало ужасно тихо, — заметил я, обращаясь к Элеоноре. — Как в книге, когда какой-нибудь придурок заявляет: «Что-то все слишком спокойно...»

Кто-то постучал.

Изголодавшись по настоящему общению, я поспешил к двери. Даже вечер с Бекки начал казаться мне привлекательным.

Я прильнул к глазку:

— Отлично. — Дела явно пошли лучше. Я распахнул дверь. — Линда Ли Лютер, дорогая, а я только что думал о тебе.

Она неуверенно улыбнулась.

— У меня для тебя кое-что есть, — продолжил я, ухмыляясь.

— Кто бы сомневался.

— Ты слишком молода и красива, чтобы быть столь циничной.

— А кто в этом виноват?

— Во всяком случае, не я. Входи. Я тебе кое о чем поведаю.

Линда Ли вошла, но так, чтобы я видел маску старого циника на ее личике. Неужели она ради этого проделала весь путь до моего дома?

Попка-Дурак возопил:

— Эй, мама, потряси ими!

— Заткнись, кошачий харч! — Я закрыл дверь в маленькую комнату. — Тебе не требуется еще одно домашнее животное? — Я знал, что у нее есть кошка.

— Если захочу говорящее, предпочтут иметь матроса.

— Морские пехотинцы гораздо интереснее.

Мы прошли в кухню, где царила чистота, отражающая мою унылую жизнь, и я плюснул Линде Ли немного бренди. Она нянчила свой бокал, пока я рассказывал ей о деле Дождевика.

У Линды есть одно не бросающееся в глаза достоинство — она умеет слушать. Не прерывает и не теряет внимания. Линда

тихо сидела, пока я не замолк, чтобы долить себе пива, а ей еще несколько капель бренди.

Затем она сказала:

— И что же ты обнаружил, когда вернулся назад?

— Обломки. Гвардейцы разнесли «Вершины» вдребезги в назидание «Зову». Большинство пленных венагетов все еще беспомощно болтались там. Боюсь, скоро парни вроде них станут для нас еще одной головной болью. А сейчас пойдем в мой кабинет.

Линда Ли изумленно посмотрела на меня, словно рабочий кабинет был последним местом, куда бы я мог ее заманить. Поднявшись со стула, она потянулась, как кошечка. Боже мой!

Взяв себя в руки, я сказал:

— Располагайся в том кресле. — А сам втиснулся на свое место, запустил руку под крышку стола и извлек один из шедевров, прибавивших мне в последние дни так много новых морщин. — Взгляни-ка на это.

— О, Гаррет! — заверещала Линда Ли, подпрыгнув в кресле. Она еще немного погищала, очень мило хихикая. — Так ты нашел ее! — Обежав вокруг стола, она плюхнулась мне на колени. — Ты великий и удивительный герой!

Кто я такой, чтобы возражать? Для этой цели в моем доме обитает сумасшедшая птица. Попугай начал орать так, словно его резали. Я самодовольно ухмыльнулся и пошел навстречу восторгам Линды Ли. Когда она оторвалась от меня, чтобы перевести дыхание, я наклонился и извлек из тайника вторую книгу.

— Очевидно, все, кто знал о ее местонахождении, погибли во время схватки, а остальные заинтересованные лица не догадались раньше меня посетить «Вершины» и поискать там.

— И это тоже подлинное первое издание! Мне не доводилось раньше даже видеть «Яростные клинки». Где они ее нашли?

— Это та книга, которую Эмеральд украла у матери. Ее мамочка похитила «Клинки» у Повелителя Огня Дайрхарта. История умалчивает, у кого он украл книгу. Робин и Пенни каким-то образом выманили ее у Эмеральд, но та пожаловалась своим дружкам из «Зова». Это было не очень умно. Но сколько молодых людей ее возраста, и к тому же испорченных донельзя, обладают здравым смыслом?

Линда Ли, ласково погладив книгу, открыла ее.

— Хорошо бы ты и со мной обращалась так же нежно, — заметил я.

— Ну нет. Нежной я быть не собираюсь, — промурлыкала она, переворачивая страницу.

Я полез под крышку стола и достал последний том трилогии.

— «Ураганы битв»! Гаррет, вот уже триста лет в одних руках не было полного комплекта.

Линда, позволив «Яростным клинкам» соскользнуть ей на колени, схватила «Ураганы битв». Я — страшно довольный собой — непринужденно откинулся на спинку кресла.

Я настолько расслабился, что чуть было не задремал, пока Линда Ли вздыхала над своими сокровищами.

Вопль ярости прервал видения, в которых моя старая подружка Торнада получала заслуженное возмездие.

— Что?! — Глупец, я было подумал, что Линда Ли раскрыла тайну клада Орла.

— Но это же подделка, Гаррет! Ты только взгляни на эту страницу. На бумаге есть водяные знаки, которые впервые появились через двести лет после первой записи саги об Орле.

Она поникла, как шар, из которого выпустили воздух.

— Ты парила от счастья, когда думала, что получила назад свои «Стальные игры». Теперь у тебя в руках два оригинала и копия...

— Да, ты прав. Но не это выводит меня из себя. Нельзя сказать, что это — копия или подделка. Часть книги — подлинник. Видишь, что они сделали? Изъяли некоторые страницы и заменили их поддельными.

Занинтересовавшись, я наклонился вперед. Она изучала книгу, которую я видел у Виксона и Уайта, а вовсе не «Ураганы битв», как я предполагал.

— Это книга Эмеральд. Как давно, по-твоему, она была фальсифицирована?

— Бумага старая. Но не настолько, чтобы принадлежать оригиналу. И если ты внимательней взглянешься в чернила, заметишь, что они выцвели меньше, чем следует.

— Не придавай большого значения бумаге, моя любовь. Если бы мне понадобилась старая бумага, я бы спер где-нибудь древнюю книгу и соскреб бы текст.

Так поступают мастера подделок, когда хотят, чтобы документ выглядел старым.

— Да, ты прав. — Она подвергла книгу дополнительному изучению: — Полагаю, изменения произведены недавно. Кто-то расбросюровал ее и вновь переплел, но уже с новыми страницами. Но фальсификатор не смог найти аналога первоначальной нитки. Он использовал стандартную нить, которую мы обычно употребляем в библиотеке.

Она принялась за две оставшиеся книги.

— Проклятие! «Ураганы битв» вовсе даже не первое издание, хотя достаточно раннее. Посмотри, кто-то поработал и со «Стальными играми». Подменили целую тетрадь. Они сведут меня с ума, Гаррет. Книга, до того как ее украдли, была в полном порядке.

Интересно. А что, если Эмеральд Дженин столь же сообразительна, как и женщина, давшая ей жизнь?

— Во всяком случае, у тебя теперь есть книга. Можешь изучить, какие изменения претерпел текст.

Там, в маленькой комнате, у Попки-Дурака начался очередной приступ. Мне показалось, что он разразился хохотом.

Линда Ли, прижав книгу к груди, залпом допила свой бренди.

— Я хочу, чтобы ты проводил меня до библиотеки.

— Так сразу? — Только не хныкать.

— Там никого нет. — Она продемонстрировала огромный ключ, достав его из кармана на юбке. — Все отбыли на уик-энд.

Рыцарь на белом коне во мне тут же взвел верх.

— Ну, конечно, я пройдусь с тобой. Из-за этой книжицы люди идут на убийство своих близких.

Заперев за собой дверь, я вышел на улицу, дружески помахав миссис Кардонлос. Она поспешило отвернулась, чуть не вывихнув шею. Я показал язык своему дому.

Не сомневаюсь — мой жест не остался без внимания.

79

Минуло два дня. Я был сильно огорчен, что пришлось отправиться домой. Всем своим существом я все еще был с Линдой; и несколько отвлекала меня от этого лишь одна мысль — неужели я оказался тем единственным молокососом, который не подозревал о внесенных в книги изменениях? И не это ли объясняет тот факт, что никто не поспешил вернуться в «Вершины», когда гвардейцы очистили помещение?

Едва я полез в карман за ключом, как дверь открылась. Старикан смотрел на меня почти так же внушительно, как Айви.

— Давно пора вернуться. Дом превращен в руины. Буфет пуст. Ни гроша мне на покупки.

За его спиной Попка-Дурак тоже принял клясть меня на чем свет стоит.

— Я чувствовал, что полоса моего везения заканчивается.

— Что?

— Ты, увы, не затерялся навеки. — Мне показалось, что Дин еще больше постарел. Наверное, это трудная работа — не допустить, чтобы жизненные реалии расстроили брак молодой пары. — И тебе прекрасно известно, где хранятся деньги.

Он не любил приближаться к Покойнику и поэтому ворчал, заставляя меня отправиться к логхиру. Впрочем, прямо он этого не сказал.

— А еще вы позволили кому-то пользоваться моей постелью.

— И не одному. Хорошо, что ты немного задержался. Твое старое сердце не выдержало бы совместного проживания с последним жильцом. Ты собираешься впустить меня в мой собственный дом? Час слишком ранний, чтобы оставаться на улице.

Мои дальнейшие жизненные планы в качестве одного из основных пунктов предусматривали по меньшей мере шестичасовой сон в собственной постели. Мне пришлось покинуть библиотеку в безбожно раннее время, в час, когда бодрствуют только такие извращенцы, как Дин.

— Мистер Тарп ожидает вашего прихода.

Мистер Тарп не столь болезненно воспринимает раннее пробуждение, но и он обычно не любит выходить на улицу, пока не просохла роса.

— Он прибыл совсем недавно. Я пока разместил его в кухне и заварил чай.

Интересно, неужели он уже забыл свои слова об оставленных мной пустых буфетных полках.

Плоскомордый редко позволяет вежливому отказу встать между ним и дармовой кормежкой.

Усевшись за стол и подождав, пока Дин нальет мне чай, я спросил:

— Что случилось?

— Просьба от Торнады.

— Неужели?

— Ей требуется помошь. — Он едва сдерживал смех.

— Помощь нужна ей постоянно. Что с ней? И почему ее проблемы должны меня хоть сколько-нибудь волновать?

— Дело в том, что кто-то должен выкупить ее из Аль-Хар, — подхихикивая, пояснил Тарп. — Похоже, ее схватили, когда она копошилась в одном загородном поместье, и она не сумела убедить Гвардию, что там живет. По правде говоря, гвардейцы специально разыскивали некую рослую блондинку, которая, по их мнению, располагала сведениями о том, что произошло в поместье.

— Это мне по душе. Но как ты все узнал? Говоришь прямо как полковник Туп.

— Туп заходил к Морли, потому что не мог застать тебя здесь.

— Но зачем я им понадобился? — Вообще-то несложно догадаться. Несколько вопросиков о событиях в «Вершинах».

— Туп сказал, что Торнада, когда ее спросили, кого известить об ее аресте, объявила тебя своим ближайшим родственником. И ты внесешь залог за ее освобождение или подкупишь кого надо...

— Ну да — думаю, все обстояло именно так.

— Я навестил ее в тюрьме — она там уже успела залезть в дермо. Схлестнулась с одним из надзирателей, который попросил у нее специальных услуг. Сломала парню руку.

— Ей предъявили формальные обвинения?

Тарп отрицательно покачал головой:

— Шустер просто пытается выжать из нее все, что ей известно о случившемся. Но ты знаешь Торнаду. Она умеет быть упрямой.

— Да, я прекрасно знаю Торнаду. Однако ей повезло, что у Шустера отличное настроение. Его дела идут превосходно.

Плохая погода и жесткие действия Гвардии и тайной полиции заставили мятеж утихнуть. По крайней мере на время.

Наверняка последуют новые вспышки. Из Кантарда не поступало утешительных новостей — военные действия там не возобновлялись.

— Да, я ей сказал то же самое. Ее даже не очень сильно били.

— Тогда пусть еще немного погниет за решеткой. Впрочем, нет. Подожди. Окажи мне услугу. Попроси Тупа предупредить меня, когда он решит ее отпустить.

Плоскомордый взял протянутые ему деньги:

— Что ты задумал?

— Встречу ее при выходе и сообщу, с каким трудом сумел добиться ее освобождения.

— Ты опасный человек, Гаррет.

— Стал таким под влиянием компании. Учился у мастера. — Я ткнул пальцем через плечо в сторону комнаты Покойника.

80

Я запер за Тарпом дверь и, подойдя к комнате Покойника, заглянул внутрь. Он выглядел как всегда — огромный и безобразный.

— Я стараюсь вовсю ради типа, лень которого...

«Я пристально слежу за тобой. Риск был гораздо меньше, чем тебе казалось», — он вводит свои мысли прямо вам в мозг.

— После того как ты стал посыпать ко мне птицу, может быть. Но к тому времени самое трудное я успел пережить.

«Ты, конечно, понимаешь, что это создание по имени Торнада с самого начала знала, что Кливер и Дженн одно и то же лицо?»

— Естественно. И ей было известно, что ты задаешь храпака, иначе она ни за что не пришла бы сюда забросить свой крючок. Она все еще лелеет какие-то плодотворные идеи. Так она считает. А вообще-то все это время лишь Эмеральд шла на шаг впереди остальных, начиная с того момента, как сбежала из дома.

«Ну еще бы. Женщины человеческого рода, обладающие хоть чуть-чуть привлекательной внешностью, способны манипулировать умнейшими из вас».

— Белинды, Мэгги и Эмеральды, к счастью, встречаются не так уж часто.

«Не мое дело волноваться по поводу твоего постоянного стремления попасть им под каблук».

— Да. Но не надолго.

В другой комнате Попка-Дурак начал транслировать параллельные мысли Покойника.

— С этим пора кончать! — орал он.

Кто-то постучал в дверь.

«У тебя есть еще одна возможность сдержать слово».

Бекки Фриерка. И, само собой, ее мамочка.

— Разве я не единственный парень в этой части города, который всегда держит слово и говорит только правду?

Пока я шел к дверям, Покойник сообщил:

«Поиски сокровищ Орла бесполезны. Они были зарыты на склоне горы над фьордом Пьесембердал. Весь склон рухнул в фьорд во время землетрясения за три сотни лет до того, как со мной случилось несчастье».

— Неужели? — Он был единственным, кто действительно мог знать правду. — Было бы неплохо, если бы я услышал об этом раньше. В то время, когда ты так внимательно следил за мной.

«Каждый искатель приключений, которому удается расшифровать сагу, в конце концов добирается до истины. Но при этом проливается столько крови, что ни один из них не осмеливается известить остальной мир».

Эта мысль была сдобрена долей изумления по поводу странного поведения человеческих существ. Но через это изумление пробивалось еще какое-то беспокойство. Его волновала политичес-

кая обстановка. Ведь, по существу, судьба Покойника зависела от терпимости Танфера к инородцам.

Те сведения, что он прочитал в моей голове, видимо, не успокоили его.

Я налепил свою мальчишескую улыбку и двинулся к двери. У мамочки Бекки мужа не было, и она активно выискивала кандидатов на эту роль.

Именно сейчас требовалось, чтобы попутай впал в раж, слуга проявил гнусную сущность, а партнер бы побыл самим собой. Как и следовало ожидать, ни один из них не пошел мне навстречу.

Я не жалею сил для свершения правильных поступков. Бекки получила свой ужин, как и договаривались.

81

Плеймет в порядке одолжения старался выглядеть как можно свирепее. Тут же были Плоскомордый и Торнада, которую мы подобрали в тюрьме. Две недели за решеткой ее ничему не научили, и именно в силу этого я призвал на помощь своих друзей. Мне требовалось их содействие, чтобы наставить Торнаду на верный путь.

За две недели в Зоне безопасности произошли заметные изменения. Заведение Морли сменило имя и стало величаться «ПАЛЬМЫ». У входа стояли чахлые пальмы в бочках. Несчастные растения уже успели пожухнуть в затхлой атмосфере Танфера. Здесь же появились уличные фонари. Юные эльфы-полукровки, разряженные, как полковники венагетов, торчали, несмотря на непурочное время, у дверей — принимать лошадей и экипажи гостей.

— Сдается мне, я никогда больше не буду чувствовать себя здесь уютно, — заметил Плеймет.

— Ты прав. У Дотса вдруг появились непомерные амбиции. В этом месте теперь не нужны люди вроде нас.

Я посмотрел на Торнаду. Она промолчала — все еще дулась.

Интерьер «Домика Радости» был полностью обновлен и превращен в подобие тропической хижины в представлении безумца. Я бывал на островах и видел, что из затеи Морли ниче-

го не вышло. Когда он быстро препроводил нас наверх, чтобы мы случайно не напугали посетителей, если таковые появятся, я сказал:

— Ты развел там слишком мало насекомых, приятель.

— Что? Каких еще насекомых?

— В тропиках их полно. Во-первых, жуки, такие огромные, что с ними приходится вступать в бой за свою пищу. Во-вторых, разнообразные мухи и москиты. Они просто загоняют тебя на дерево. Словом, там множество разных козявок.

— При создании антуража нельзя перебарщивать и впадать в натурализм, Гаррет.

— Посетителей с Холма насекомыми, наверное, не заманить, — высказал гениальную догадку Плоскомордый.

Дотс нахмурился, наше присутствие его явно раздражало. Не-навижу, когда люди идут на все, чтобы вскарабкаться выше по социальной лестнице.

— Что вам надо? — спросил он.

— Я хочу сказать тебе кое-что, чтобы полностью закрыть дело Дождевика. Торнада, как ты, видимо, заметил, вышла из тюрьмы. Трилогия найдена, но некто изуродовал все три книги, что, впрочем, не принесло ему пользы.

Я кратко пересказал все, что услышал от Покойника. Зная характер моих друзей и круг их знакомых, я понимал, что мои слова распространятся по городу. После этого, я надеялся, все перестанут меня преследовать.

Дело в том, что вокруг меня опять начали собираться наблюдатели. Видимо, пленные венагеты из «Вершин» сообщили заинтересованным лицам, что я еще раз посещал поместье.

Крайне огорченный, Морли спросил:

— А девушку ты видел?

— Исчезла бесследно. Вероятно, отправилась откапывать сокровища. — Вообще-то я не предпринимал никаких попыток найти ее.

— Значит, так... — Он был озадачен. Дотс не разделяет мой взгляд на вещи.

У меня не было настроения утешать его.

— Выходит, что так.

— Вынужден поторопить вас уйти. До вечернего открытия мне еще предстоит переделать миллион дел. Но прежде чем вы уйдете, я хотел бы высказать одно пожелание. Выполнив его, вы окажете мне огромную услугу.

— Ты начал изъясняться прямо как Робин и Пенни. В чем дело?

Он неумело изобразил огорчение:

— В «Пальмах» друзьям всегда будут рады. Но мы стараемся создать здесь утонченный дух. Не могли бы вы одеваться немного более...

У меня не было возможности ответить — Торнада разрядилась первой.

— Ребята, вам когда-нибудь доводилось попадать в такую большую кучу верблюжьего дерьяма? Вы только послушайте, что лопочет этот мешок навоза! Теперь я точно знаю, кто ты есть, вонючий гибрид-недоросток!

Эта леди иногда бывает по-своему весьма красноречива.

Мы с Торнадой более-менее пришли к согласию. Плеймет и Тарп удалились. Я поплелся домой, а Торнада потащилась следом. Теперь она, судя по всему, решила не соблюдать дистанцию между нами.

— Гаррет, а это правда — то, что ты сказал о сокровищах Орла?

— Правда. Сведения непосредственно от Покойника.

Ей очень не хотелось верить, но делать было нечего. Ведь я, как известно, предельно честен и прямолинеен.

— Значит, это чудовище проснулось?

— Да. И вернулся Дин. Теперь я вновь становлюсь мальчиком на посылках в собственном доме.

— Чепуха. — Она щелкнула пальцами. — У меня что-то затянулся сухой сезон.

Я покачал головой. С этого мы начинали.

— Ты не перестаешь удивлять меня, Торнада.

— Да?

Она схватила меня за руку и потянула, чтобы убрать с пути стайки летящих пикси. Пикси жужжали, словно рассерженные шерши.

ни, преследуя нескольких юных кентавров, уличенных в воровстве. Тут же я заметил одного из агентов Шустера, который внимательно следил за развитием событий.

— Когда ты в последний раз утверждала это, я узнал, что у тебя есть дружок, о котором ты забыла упомянуть. Он все время ходил следом за мной — как будто водил на поводке.

Торнада почему-то решила не врать:

— Хайтауэр? Я не стала бы называть его дружком...

— Конечно, нет. Он больше смахивает на молокососа, считавшего себя твоим возлюбленным. Из-за этого ложного представления он и погиб.

— Эй! Не седлай, рыцарь, своего белого конька в моем присутствии! Мне доводилось видеть тебя без портока.

— Я, Торнада, просто хочу напомнить, что люди, которым ты дорога и которые заботятся о тебе, страдают из-за этого. Ложь может оказаться смертельной. Если ты лжешь друзьям и любовникам, чтобы достигнуть своей цели, может быть, стоит остановиться и задуматься, той ли дорогой ты следуешь.

— Ты, Гаррет, можешь придерживаться своих добродетелей. А мне придется жить такой, какая я есть. Ты же не хочешь разделить со мной мою жизнь.

В устах Торнады это звучало почти как извинение.

— Когда ты явилась ко мне, чтобы забросить удочку, ты уже знала, что Мэгги Дженн и была Дождевиком. Ты решила, что как-нибудь сможешь использовать эти сведения для своей пользы. Никогда не прощу тебе то, что ты мне устроила.

Торнада никогда не извиняется так, как это повсеместно принято. Вместо этого она пояснила:

— Да узнала-то я все по чистой случайности. Везение дурака. Кстати, кроме меня об этом знала только ее дочь. Остальные, имея перед глазами все факты, просто не хотели в них верить... И вообще, что я такого сделала? Тем более все благополучно кончилось. Конец. Надо шагать дальше. То, что происходит в городе, все это расистское дермо, открывает перед нами огромные возможности. Но этим я займусь позже. А сейчас, если хочешь, можем отправиться ко мне.

Соблазнительно, хотя бы ради того, чтобы узнать, где она теперь живет.

Я отрицательно покачал головой:

— Не сегодня, Торнада.

Покойник заждался, чтобы я посвятил его в события, развернувшиеся вокруг Слави Дуралейника, рассказал о делах в Кантарде и о ситуации в целом. Я знал о его нетерпении — он послал Попку-Дурака, который, повсюду следя за мной, передавал мне через свою безмозглую башку мысли логхира.

Мои самые кошмарные предположения оправдались. Я не мог избавиться от Покойника, даже вдалеке от него.

К тому же я хотел посоветоваться с Элеонорой, не стоит ли изменить род занятий. У меня были кое-какие идеи на этот счет. Их порождала та нервная дрожь, что начинала бить меня, как только я вспоминал о своих злоключениях в психиатрической палате Бледсо.

Если бы я мог сам планировать свою жизнь, обязательно родился бы богатым и вел бы бесполезное существование как никчемный плейбой.

Неплохо было бы также поселиться подальше от Танфера.

Но как бы то ни было, я не могу жаловаться на жизнь, пока нахожусь там, где продолжают варить пиво.

Жалкие свинцовые божки

Посвящается Джастину, он же Обезьянка, он же Дурачок, он же Рева и так далее. Если бы не он, эта книжка была бы написана на несколько месяцев раньше.

Любящий отец.

1

Я приветствовал новое утро единственным способом, какой представлялся мне разумным. То есть застонал. Затем, продолжая стонать, сел в постели. На улице гадела целая орава психопатов. Бормоча себе под нос проклятия (которые ничуть не подействовали на крикунов), я осторожно опустил ноги на пол — словно в бездну.

Боль пронзила голову, метнулась от правого виска к левому, рикошетом отскочила от черепного свода... Похоже, я здорово набрался.

— Гаррет, — бросил я самому себе, — кончай пить дешевое пиво.

Боги! Кто это сказал и почему так громко? Я зажал ладонью рот, и горлопан заткнулся. Второй рукой я отодвинул штору: мне вдруг почудилось, что, выглянув на улицу, я смогу узнать, кто и с какой стати шумит. Никуда не денешься, обычное утреннее безумие.

Солнечный луч ударил мне в лицо, точно меня согрели увесистой дубинкой промеж глаз. Не к добру это, ох не к добру! Погожие деньги, как правило, не сулят ничего хорошего. И люди на улицах наверняка будут такими же, как погода, — улыбчивыми и доброжелательными. Бrr! Лично я предпочел бы моросящий дождь и студеный южный ветер.

Кое-как разлепив непроизвольно сомкнувшиеся веки, я вновь выглянул на улицу. В конце концов надежда умирает последней.

На дальней стороне Макунадо-стрит стояла прелестная девушка, от которой словно исходило сияние. Нет, «прелестная» — неудачное слово; за такой красоткой можно было бы побежать на край света. Она глядела прямо на меня, будто знала, что я смотрю на улицу. Елки-палки!

В единый миг Танфер, в котором бурлила политическая жизнь, попросту перестал для меня существовать. Я уже не замечал борцов за людские права, которые, распихивая эльфов и карликов, преследовали компанию кентавров; эти личности несли транспаранты оскорбительного содержания, размахивали палками и швырялись камнями. Какой-то идиот угодил в здоровенного тролля и в следующий миг познал на собственной шкуре, что чувствует дубинка, которой колотят по головам. Я даже не усмехнулся.

Мне было не до того. По всей вероятности, я снова влюбился.

У девушки все было на месте, причем в надлежащих, абсолютно безупречных пропорциях. Небольшого роста, ровно пять футов — и ни вот на столечко выше, она принадлежала к племени рыжеволосых красавиц, все представительницы которого сводили некоего Гаррета с ума. Я готов был поспорить на что угодно, что у нее зеленые глаза. «Боги! — неожиданно подумалось мне. — Должно быть, мир и впрямь обуяло безумие, если толпа внизу в упор не замечает такую красотку!»

— Эй, Гаррет! — пробормотал я, когда край шторы выскользнул из непослушных пальцев и разорвал незримую волшебную нить, протянувшуюся от меня к девушке на улице. — По-моему, это уже было, а?

Что поделаешь, женщины — моя слабость. Но как приятно поддаваться их чарам!

С минуту я сражался с одеждой, потом вновь отодвинул штору. Девушка исчезла. На том месте, где она стояла, пьяный однорукий ветеран пытался вразумить еще более пьяного кентавра. Впрочем, кентавр определенно брал верх, поскольку крепче стоял на ногах (ведь их у него было больше, чем у ветерана).

Тот самый тролль, в которого случайно попали камнем, разъярился окончательно и трубным ревом возвестил о своем намерении очистить улицу ото всех, чья кожа — не зеленого цвета. И немедля взялся за дело.

Моя соседка миссис Кардонлос, отчаянно размахивая помелом, защищала крыльце своей меблирашки от беженцев. Неужели она ухитрится обвинить меня и в этом? Естественно, а как же иначе? Жаль, что она не может оседлать помело и улететь куда-нибудь подальше.

Увы, грезы частенько обманывают... А вот кошмары нередко сбываются.

Вместо рыжеволосой прелестницы моему взору явилось стальное, сравнительно симпатичное существо, к тому же противоположного пола.

Старина Дин, мой повар, домоправитель и профессиональный надоеда, оказывается, вернулся домой. Он ездил навестить одну из своих многочисленных уродин-племянниц, дабы убедиться, что она не проявляет самостоятельности и не пытается нарушить его matrimonиальные планы (то есть выходит замуж за того, кого он ей определил). Дин стоял на крыльце и разглядывал фасад моего дома с неодобрением, которого даже не старался скрыть.

Я заковылял к лестнице. Кому-то нужно его впустить.

— Гаррет! — О боги! Проснулся Покойник! Мой закадычный друг и подельник проспал несколько месяцев подряд, а потому был не в настроении. — Будь добр, прекрати ныть и уйми Дина, пока он не разнес дверь в щепки.

Как я уже говорил, утро не сулило ничего хорошего.

2

Попка-Дурак — он же урожденный мистер Большая Шишка — завопил дурным голосом, едва я притронулся к засову.

— На помощь! Спасите! Пожалуйста! Не бейте меня! — Казалось, кричит перепуганный ребенок. Судя по всему, Большой Шишке жутко хотелось, чтобы Гаррета линчевали.

Этого попугая в знак уважения подарил мне мой дружок Морли Дотс, который, похоже, несколько лет обучал птицу дурным манерам и еще более гнусным выражениям.

Переступив порог, Дин сморщил нос:

— Эта тварь по-прежнему здесь? И чем так воняет?

Под «тварью», естественно, он разумел попутая, но я притворился, что не понял.

— Попробуй сдвинь такую тушу. — Покойник весил, по моим прикидкам, никак не меньше четырехсот фунтов. — А что касается вони, наверно, он окончательно разложился. Кстати, зашел бы к нему, убрался в комнате. — Дин избегал появляться в комнате Покойника: присутствие живого трупа изрядно его нервировало — возможно, потому, что постоянно напоминало о смерти.

— Не смешно, Гаррет.

Мысленной фразы Покойника Дин, разумеется, не услышал. Подобным образом его милость обращался к нашему домоправителю, только когда это было необходимо.

Я не обратил на реплику Покойника ни малейшего внимания, что его, безусловно, задело. Не то чтобы меня обуревало желание досадить логхиру — просто-напросто на противоположной стороне улицы вновь появилась рыжеволосая красотка. Наши взгляды встретились. Мне почудилось, будто в воздухе затрещали электрические разряды. Моя любимая соседка, вдова Кардонлос, заметила, что дверь моего дома открыта, и ткнула в ту сторону помелом; по всей видимости, она втолковывала кому-то из своих жильцов, что причина всех и всяческих несчастий в Танфере — некто по имени Гаррет.

Ничего умнее она, конечно же, придумать не могла.

Признаться, если бы не способность миссис Кардонлос доставлять мне всевозможные неприятности, я бы давным-давно забыл о ее существовании.

Дин испустил очередной тяжкий вздох и, продолжая качать головой, уронил на пол вещевой мешок. Всем своим видом он ясно давал мне понять, что его отсутствие явилось катастрофой (чего, впрочем, следовало ожидать).

Я снова бросил взгляд на улицу. От рыжеволосых красавиц жди беды. Но уж очень привлекательно они выглядят...

Проклятие! Опять она куда-то подевалась. Между тем на улице разгорелся очередной этнический конфликт, в ход пошли дубинки и камни. Зеваки подбадривали сражающихся, кидали им сосиски, сладости и сувениры. Наверно, нет такого события, на которое не

собралась бы поглазеть толпа зевак (очевидно, есть существа, у коих ничто не вызывает страха или отвращения).

Да, девица пропала. Бедный Гаррет, мучимый похмельем и ворчливым слугой! Только нашел настоящую любовь — и тут же ее потерял.

— На что ты вылупился?

— Чего? — Обычно мысленные фразы Покойника лишены каких бы то ни было эмоций. Но сейчас мне показалось, что логхир озадачен. — На девушку. — В конце концов мог бы и сам сообразить.

— Не вижу никакой девушки. — Определенно в мыслях Покойника сквозило удивление.

— Спать надо меньше. Если бы не дрых без просыпу, давно бы догадался, что наступили тяжелые времена. — Ой! И кто только тянет меня за язык?! Теперь он потребует, чтобы я ввел его в курс дел, на что уйдет по меньшей мере целый день.

Проклятый попугай не замолкал ни на секунду. Он обнаружил, что перед тем, как завалиться спать, я не насыпал ему зерна. Елки-палки, да я с трудом вспомнил, что нужно запереть входную дверь! Разве можно так обращаться с человеком, который едва пережил приступ рыжеволосита с психопатическими осложнениями?

Дин проник в кухню, прежде чем я успел его перехватить. Раздался вопль, от которого у всех разумных существ в округе застыла в жилах кровь. Попка-Дурак что-то испуганно вякнул. Покойник выразил сочувствие, мысленно поцокав языком. Он тоже не разделял фетишистских наклонностей Дина по отношению к домашнему хозяйству.

Дин замер в дверном проеме, состроил гримасу, подбоченился и ледяным тоном произнес:

— Мистер Гаррет, будьте добры объяснить.

— Дело в том, что у нас оказалось слишком много посуды. — Я направился к лестнице. Дину явно хотелось выложить все, что он обо мне думает, но слов было так много, что они застряли у него в глотке, и я благополучно ретировался, чувствуя спиной испепеляющий взгляд.

Я двинулся в комнату Дина, в которой во время его отсутствия обитала одна несчастная девушка. Если старина Дин увидит, какой там бардак, его наверняка хватит удар.

Покойник мысленно перемещался следом за мной. Ему было весело, он с нетерпением ожидал, чем все кончится. Для него мир представлял собой бесконечную и утомительную игру страстей, которая лично ему ничем не грозила, поскольку он был мертв вот уже четыре сотни лет.

Какой-то шустрый умник всадил в него нож, когда он бодрствовал, или застал врасплох, во время сна. Интересно, а живые логхиры тоже так долго спят? Никогда не видел живого логхира. Их вообще никто не видел — разумеется, не считая Покойника (ведь родился-то он не мертвым, верно?). Честно говоря, в жизни мне довелось встретить лишь двух логхиров: оба были мертвы, и одним из этой парочки был мой квартирант.

Редкая порода. Но хлопот способны причинить много; быть может, поэтому их и осталось всего ничего.

— Вынужден присоединиться к твоему мнению насчет сорта пива, которое ты поглощаешь. Дешевое пойло пропитало твое сознание злобой и цинизмом.

— Тут дело не в пиве, а в окружении. И вообще, чего ты за мной увязался?

Я принялся за уборку, запихивая разбросанные по комнате вещи с глаз долой. Впрочем, меня не оставляло ощущение, что я впustую трачу времени.

Ладно, будем надеяться, что Дин лопнет от злости, прибираясь на кухне, и в комнату уже не поднимется.

Странно. Что заставило Покойника просочиться за пределы его комнаты? Разумеется, он способен, когда захочет, проникать гораздо дальше, но утверждает, что уважает право других на свободу мысли. Я ему, естественно, не верил и не верю. Скорее всего причиной обыкновенная лень.

Больше чем уверен: даже когда был жив, он годами не покидал того помещения, в котором обитал. По всей видимости, и умер он оттого, что ему было лень спасать свою шкуру.

— Ты не только циник, но и грубиян.

— А ты не ответил на вопрос.

— Порча распространяется быстрее, чем я ожидал. Город балансирует на краю пропасти. Я проснулся и обнаружил, что меня окружает хаос.

— Ну да. Вместо того чтобы сражаться с венагетами, мы колошматим друг друга.

— И это после того, как столько ваших поколений отдали жизни за мир. — Логхирь, с людской точки зрения, живут невероятно долго. И еще дольше умирают. — Неужели вы не способны жить в мире?

Люди для Покойника — предмет изучения, хобби в часы досуга. А еще он изучает насекомых.

Я слегка отвлекся, поэтому раздавшийся за спиной сдавленный звук заставил меня вздрогнуть. В дверях, разинув в немом вопле рот, застыл Дин. Похоже, те звуки, которые ему время от времени удавалось из себя выдавить, зарождались в ином измерении, там, где люди не приглашают в дом в отсутствие хозяина недисциплинированных молодых женщин.

— Я просто хотел убрать...

— ...Следы преступления, — докончил за меня Дин, подчеркивая голосом каждое слово. — Вы поселили у меня свою очередную пассию. А еще одна наверняка прячется в вашей спальне.

— С чего ты взял? Вовсе нет.

— Вы всегда так говорите, мистер Гаррет.

— Что ты имеешь в виду?

Снизу донесся вопль попугая.

— Иди сюда, Гаррет, — позвал меня Покойник. — Ты должен все мне рассказать. Я предвижу столько новых возможностей! Слави Дуралейник в Танфере, верно? Чудесно! Замечательно! Безумно здорово!

— Слави Дуралейник здесь? Ты что, спятил? — Дуралейник был легендарной личностью. Он начал с командира наемников в длившейся несколько столетий войне между карентийцами и венагетами. На первых порах воевал за венагетов, затем, уязвленный их высокомерием, перешел к нам. Но и карентийцы обошлись с ним схожим образом, несмотря на то, что он был единственным толковым военачальником по обе стороны линии фронта. Посему Дуралейник сошелся с аборигенами Кантарда и объявил зону боев

вых действий независимой территорией, что привело к весьма любопытным последствиям.

В конце концов Карента одержала победу: наши генералы и колдуны оказались чуть менее некомпетентными, чем венагетские, а Дуралейника одолели численностью.

Началось великое переселение народов. Как ни странно, каждый беженец, судя по всему, считал своим долгом переселиться в Танфер. В итоге солдаты, возвращавшиеся домой с фронта, обнаруживали, что рабочие места, ранее принадлежавшие людям, заняты представителями других племен, а делами заправляют либо гномы, либо эльфы. Естественно, многим это пришлось не по нраву.

— Разве ты не понимаешь, что он попросту должен быть здесь?

Честно говоря, я начал подозревать нечто подобное несколько недель назад. Тайная полиция разделяла мои подозрения.

Попугай завопил громче и нахальнее. Дин продолжал сотрясать воздух тирадами в мой адрес. Покойник зазывал меня к себе и становился все настойчивее.

Похмелье беспокоило меня гораздо меньше, чем эта троица.

Пожалуй, настало время куда-нибудь сгинуть и остаться наедине со своим горем.

3

Выяснилось, что отвязаться от домашних не так-то просто. Когда я распахнул входную дверь, старина Дин пожелал мне счастливого пути в таких выражениях, которых я от него никогда не слышал. Попугай устремился следом за мной на улицу. Он слегка поутих — Покойник заткнул ему глотку. Все правильно: если меня повесят за те грехи, о которых трезвонит Попка-Дурак, кто станет заботиться о логхире?

Приютить его еще могут, но где он найдет столь покладистого человека, как я? Любой другой наверняка потребует от него не спать: мол, кончай дрыхнуть и пошевели мозгами, раз они у тебя есть.

Безусловно, Покойник — гений. По сравнению с ним все мои знакомые кажутся недоумками. Вся беда в том, что он не желает пользоваться своими уникальными способностями.

Размыслия о том, не продать ли Покойника в рабство, я достиг конца квартала и тут вновь заметил рыжеволосую девушки — поскольку в тот миг зачем-то обернулся. Получалось, что девушка следила за мной.

Откровенно говоря, я обрадовался вовсе не так сильно, как вы могли бы предположить. Подобно моему квартиранту я не слишком страдаю от отсутствия работы. Тем не менее в глубине моей души что-то шевельнулось:

Шпик из нее был не ахти. Впрочем, привлекательная внешность, как ни странно, ничуть ей не мешала. Я, признаться, ожидал, что все мужчины на улице мигом забудут про свои стычки, выпустят из рук дубинки и камни и уставятся на красотку, но ее практически не замечали. Лишь немногие — и те нелюди — ежились, словно от порыва ветра, и на их лицах появлялось озадаченное выражение.

Естественно, с какой стати обыкновенному гному приходить в восторг от человеческой самки, но... Очень странно. Право слово, терпеть не могу странного, а его ко мне так и тянет, как молнии к громоотводу.

Вообще-то я вышел из дома с намерением навестить Морли Дотса и узнать, как у него дела. Морли заправлял сомнительным заведением под вывеской «Домик Радости», которое пытался превратить в шикарный ресторан; недавно эта вегетарианская забегаловка сменила название на «Пальмы». Но теперь мои планы изменились. Я не глупец, чтобы тащить красотку к Морли. У него наружность и обаяние темного эльфа, и он не преминет воспользоваться как тем, так и другим.

Я двинулся вниз по Макунадо, затем свернул в узкий и темный переулок Барли-Клоз; когда-то на него выходили задние двери разнообразных лавочек, но все эти лавочки давно позакрывались. Здания нависли над головой, в ноздри, несмотря на отбушевавшие на днях затяжные дожди, ударил запах тления. Я переступил через вытянутые ноги пьяного крысюка и направился дальше, стараясь держаться середины переулка, где вероятность споткнуться и

упасть была несколько меньше. Мое появление спутнуло крысиное семейство, пiroвавшее на собачьем трупе. Крысы оскалили зубы, предупреждая, чтобы я не пытался отобрать у них угощение. Я от души пнул самую жирную. Скорее всего моя новая подружка боится крыс, следовательно...

Чем дальше я продвигался, тем чаще мне попадались лежащие на дороге тела, через которые я осторожно перешагивал. У меня есть золотое правило, которому я стараюсь следовать всегда: в чужом доме веди себя как гость.

У перекрестка, футах в восьмидесяти от горловины переулка, я остановился и повернулся в ту сторону, откуда пришел. Мне в лицо брызнул солнечный свет.

Прождав несколько минут, я уже собрался уходить, как вдруг заметил женщину. Рост, кажется, соответствовал, а вот возраст... Она была раза в четыре старше моей красотки и ковыляла, едва переставляя ноги и опираясь на сучковатую палку. На голове соломенная шляпка, из-под которой взирала на мир подслеповатые глаза. Вид у женщины был такой, будто она боялась, что на нее обязательно кто-нибудь набросится. Вполне естественно: не бойся она всего на свете, вряд ли дожила бы до столь почтенного возраста.

Приятно сознавать себя приличным человеком. У меня не возникло даже мысли о том, чтобы ее напугать. Я просто стоял и ждал.

Наконец она решила не входить в переулок.

К моему величайшему изумлению, проклятый попугай помалкивал. Должно быть, Покойник надел на него невидимый намордник.

Похоже, моя затея провалилась и девица меня перехитрила.

Главное — никому об этом не рассказывать. Мои приятели и без того потешаются надо мной с утра до вечера. Нет никакой необходимости давать им лишний повод для острот.

Я вернулся на Макунадо. Все вышло довольно удачно: по крайней мере никто ко мне не пристал. Я подошел к проточному желобу и плеснул зеленоватой жидкости на башмаки, чтобы смыть с них грязь. Жидкость в желобе помутнела. Вот и хорошо. Эти желоба служили поилками для лошадей, а лошади самой природой

предназначены для того, чтобы изводить одного парня по имени Гаррет.

Я отмыл от грязи левый башмак и взялся было за правый, когда в толпе вдруг возникла брешь и я вновь увидел рыжеволосую красавицу. Наши взгляды встретились. Я послал красотке свою самую обворожительную улыбку и приподнял правую бровь. Подобное сочетание, как я имел возможность убедиться, действовало неотразимо.

Девушка повернулась и пошла прочь.

Я поспешил следом. Меня переполняло возбуждение. Вот она, моя работа, вот то, чего ради я живу. Можно было бы затрубить в рог и кликнуть гончих, но тогда пришлось бы уступить место охотникам на лошадях.

Попугай что-то невразумительно пробубнил. Я не разобрал ни слова, а повторить он не пожелал.

4

Мне снова бросилось в глаза, что мужчины, как ни удивительно, не обращают на девушку ни малейшего внимания. Может, у меня нелады со зрением? Или я просто принимаю желаемое за действительное? Или все остальные — счастливые семьиинны, которым нет дела до проходящих мимо смазливых девиц? Или солнце этим утром встало на западе?

Пропихиваясь сквозь толпу, я попытался приблизиться к девушке. Следить за ней было трудновато — перед ней почему-то все расступались, а за ее спиной толпа смыкалась вновь. Улица буквально кишила народом, причем все рычали друг на друга и размахивали всякого рода подручными средствами. Да, чтобы осудить горячие головы, не помешал бы дождик. Иначе того и гляди вспыхнет пламя...

Я заметил, что ко мне направляется знакомый, которому я был рад, как сегодняшнему рассвету. Плоскомордый Тарп возвышался над толпой на целую голову и потому шагал не разбирай дороги. Поскольку он был профессиональным костоломом, нынешние неспокойные времена сулили ему неплохой заработок.

— Здорово, Гаррет! — рявкнул он, приветственно поднимая руку. — Как делишки, старый паскудник? — Такого типа, как он, лучше иметь в приятелях, поэтому приходится мириться с недостатком ума и изысканностью выражений.

— Нормально. Ты видишь впереди девчонку с рыжими волосами? Она такая маленькая, что я ее потерял.

Тарп оскалил в ухмылке рот, продемонстрировав устрашающих размеров клыки.

— Ты на деле? — Он наивно полагал, что рано или поздно заставит меня взять его в помощники.

— Вряд ли. Она следила за моим домом, поэтому я решил проследить за ней.

— И все?

— И все.

Ухмылка на лице Тарпа сменилась гримасой ужаса.

— Что стряслось, дружище? Вернулся Дин? Или проснулся Покойник? — Он подмигнул Попке-Дураку.

Да, в сообразительности ему не откажешь.

— И то, и другое.

Плоскомордый хмыкнул. Уж к чему, к чему, а к подобному хмыканью мне было не привыкать. Порой у меня складывалось впечатление, будто мои друзья полагали, что Гаррет нарочно ввязывается во всякие истории, чтобы развлечь своих приятелей.

— Послушай, Тарп, девчонка улизнет, если я не...

— Между прочим, я вчера видел Тинни Тейт.

Когда-то мы с Тинни были не разлей вода, потом разбежались, но она по-прежнему от меня не отступалась.

— Замечательно. Заходи вечерком, расскажешь поподробнее.

— Еще я видел Торнаду. Она...

— Это твои трудности.

Наша общая знакомая по прозвищу Торнада принадлежала к слабому полу, но ростом была с меня, а остротой ума не уступала Плоскомордому. Вдобавок она хватала все, что подворачивалось под руку и плохо лежало. С другой стороны, ее нельзя было не любить.

— Да расслабься, Гаррет. — Я сделал шаг в сторону. — Погоди. Ей пришла в голову шикарная идея.

Торнаду постоянно обуревали всякие идеи, от которых меня бросало то в жар, то в холод.

— Раз тебе нравится, сам и разбирайся.

Толпа впереди стала реже, и я вновь разглядел свою красотку. Она то и дело оглядывалась, причем в ее движениях сквозило не то удивление, не то раздражение.

— Естественно, — отзывался Плоскомордый. — Но нам нужен парень с мозгами.

— Ты обратился не по адресу. — Скажете, я был не прав? Но разве человек, у которого все в порядке с головой, станет преследовать девушку, которая явно хочет, чтобы ее преследовали, и выказывает нетерпение?

Ну почему мы не прислушиваемся к внутреннему голосу?

Я прикинул, не помахать ли девице рукой: мол, иду, — но потом решил соблюдать правила приличия.

Плоскомордый какое-то время шел за мной, прохаживаясь на счет моих дурных манер. Я повел себя предельно невежливо: не ответил ни слова. Толпа между тем редела на глазах. Девица уводила меня все дальше, и внимания она привлекала не больше, чем старая карга, которую я встретил в переулке.

Макунадо-стрит перешла в Арлекин-уэй, и тут девица оглянулась и свернула на улицу Хартлайт-лейн, где обитали наименее компетентные из танферских астрологов и из прочих подозрительных личностей.

5

— Эй, приятель! — окликнул я коренастого старого гнома, волочившего по мостовой старомодную дубинку с самого себя ростом, вырезанную из черной древесины, что была тверже камня. — Сколько ты за нее хочешь?

Цена мгновенно подскочила до небес. Обычное дело: даже за грязную тряпку гномы готовы заломить столько, что волосы встанут дыбом.

— Она не продается, Верзила. Это знаменитая Щекотка, оружие правителей, которым кублианские гномы владели на про-

тяжении десяти поколений. Первый из Верховных Громахов получил ее в дар от демиурга Гутча...

— Знаю, знаю, Коротышка. Между прочим, мне почему-то кажется, что ты вырезал ее совсем недавно.

Гном стукнул дубинкой по мостовой. Булыжник, по которому пришелся удар, покрылся трещинами.

— Три марки, — предложил я, пока он не успел изложить во всех подробностях историю дубинки или, чего доброго, продемонстрировать ее в действии, пощекотав мне ребра.

— Спятил, Дылда? Десять — и ни грошом меньше! — Гномы торгают чем угодно, даже национальным достоянием. Для них нет ничего святого — разумеется, кроме денег.

— Приятно было побеседовать, Недоросток. Мне пора. — Я притворился, что собираюсь уходить.

— Погоди, Каланча. Давай поторгуемся.

— Если мне не изменяет память, Фитолька, мы уже пробовали.

— Я имею в виду, серьезно. Оставь свои шуточки при себе.

— Три марки десять грошей.

Гном скривился. Я двинулся прочь.

— Постой, Верзила. Четыре. Договорились? Конечно, это грабеж среди бела дня, но мне надо разжиться хоть какой-нибудь наличкой, пока вы, люди, не вытурили нас из города. Скажу честно, не очень-то хочется снова ковыряться под землей, в родимых копях.

Мне показалось, он говорит правду.

— Три марки десять грошей и попугай в придачу? Смотри, какой. Перышки яркие, голосок сладостный...

Гном пристально поглядел на Большую Шишку и изрек:

— Четыре.

Да, проклятый попугай явно никому не нужен.

— Идет, — со вздохом проговорил я и вывернул карманы. Сделка состоялась. Гном удалился, весело насвистывая. Ему будет, о чем рассказать сегодня вечером в подземелье. Еще бы, как ловко он охмурил очередного глупца!

Ну и ладно, зато я раздобыл себе оружие. А если учесть, что благосклонность судьбы — штука изменчивая, мне наверняка рано

или поздно представится случай испытать Щекотку в полевых условиях.

Хартлайт-лейн оказалась пустынной, что меня несколько насторожило. Времена настали тревожные, поэтому клиенты, как я полагал, должны буквально осаждать астрологов и предсказателей будущего. А тут... Я заметил одинокую гадалку, которая бросала руны, пытаясь определить, что у нее будет на ужин; неподалеку сидел авгур, обгладывавший цыпленка и совершенно не обращавший внимания на птичью потроха. Хироманты и френологи гадали друг другу; аква-, гео-, пиро- и некроманты дремали в своих лавочках.

Быть может, все настолько плохо, что потенциальные клиенты смогли определить это самостоятельно?

Впрочем, мной заинтересовались, и я получил несколько любопытных предложений. Самое привлекательное исходило от темноволосой гадалки, державшей в руках карты таро.

— Я скоро вернусь, крошка. Займи мне местечко.

— Ты не вернешься. Тебе грозят неприятности, но я могу тебя спасти.

Это прозвучало как «Все вы обещаете», поэтому я и не подумал остановиться. Попка-Дурак забубнил что-то себе под клюв. По всей видимости, хватка Покойника начала ослабевать:

— Пеняй на себя, Красавчик. Я тебя предупредила.

Интересно, когда она успела раскинуть свои карты?

Рыжеволосая красотка куда-то подевалась, я не видел ее с тех самых пор, как столкнулся с гномом. Ба! Впереди мелькнул знакомый силуэт...

Парень, который прокладывал Хартлайт-лейн, был то ли змееловом, то ли охотником на бабочек. Улица поворачивала в разные стороны, виляла, петляла, причем непонятно, с какой радости (неужели ее проложили после того, как поставили дома?). Я бросился вдогонку за рыжеволосой. Свернул налево, направо — и перед моим носом захлопнулась дверца большого конного экипажа.

Улица опустела как по мановению руки, что мне сильно не понравилось. Пустынная улица — недобрый знак. Похоже, над-

вигаются неприятности, от которых умные люди предпочли укрыться.

Может, со мной просто хотят потолковать? Но если так, почему не пришли ко мне домой? Потому что я не всегда открываю дверь? Особенно если знаю, что меня собираются заарканить на работу? Может быть, может быть. К тому же далеко не всем по нраву способность Покойника читать чужие мысли...

Я сделал шаг, другой, огляделся по сторонам. Еще не поздно вернуться к гадалке. Она ничего, симпатичная. Но перед моим мысленным взором тут же возник притягательный образ — рыжие волосы на белой подушке. Впрочем...

Додумать я не успел. Откуда ни возьмись — то ли из трещин в каменной кладке, то ли из-под земли, а может, из иного измерения — появились три самых омерзительных урода, каких я когда-либо видел. Бrr! По-моему, они отчаянно старались приобрести человеческий вид, но у них ничего не получалось: мамаши уродов постарались в свое время на славу. Я вдруг почувствовал себя тщедушным карликом — и это при моих-то шести футах двух дюймах, двухстах десяти фунтах и голубых глазах, способных свести с ума любую женщину!

— Привет, ребята. Как по-вашему, дождик будет? — Я ткнул пальцем в небо.

Никто из уродов не потрудился поднять голову. У меня возникло жуткое подозрение: похоже, они были умнее, чем казалось с первого взгляда. Лично я наверняка бы поглядел вверх. Уроды уродами, а соображают. И если уж речь зашла об уме, кто прiperся сюда, в бандитский квартал, увязавшись за прозрачной юбкой?

Я не стал ждать, пока они представятся или хотя бы назовут свои условия. Метнулся влево, рванулся вправо, взмахнул дубинкой и от души врезал одному из уродов по коленкам. Похоже, гном, сам того не подозревая, оказал мне услугу. Покончив с первым бруно, я напал на второго с таким азартом, словно намеревался снести ему башку. Он не устоял под моим напором и рухнул на мостовую. Мне подумалось, что не все так плохо.

Первый вскочил и двинулся ко мне. Хоть бы прихрамывал, что ли, для приличия! Второй тоже поднялся. Третий, с кото-

рым у меня еще не было времени разобраться, отрезал путь к отступлению.

Боги! Судя по всему, этим ребятам моя дубинка нипочем.

— Кха! — вякнул Попка-Дурак.

— Заткнись, пернатый кусок дерьма!

Я занес руку для сокрушительного удара, медленно развернулся, выбирая жертву, — и ошибся в выборе (впрочем, не ошибиться было невозможно).

Дубинка обрушилась на третьего урода, которого я пока не трогал. Мой план состоял в том, чтобы повергнуть его наземь, а потом продемонстрировать ребяткам свои скоростные качества. Но все пошло наперекосяк. Бруно перехватил мою дубинку в воздухе, вырвал ее у меня из руки и отшвырнул с такой силой, что она разлетелась в щепки, врезавшись в стену дома.

— Боги!

— Кха! — вновь изрек мистер Большая Шишка.

Я кинулся бежать, но мохнатая лапа, которая вполне могла бы принадлежать троллю, схватила меня за локоть. Я задергался, замахал руками, задрыгал ногами, обнаружил недюжинные познания в родном языке, проделал все физические упражнения, которых давно и настойчиво требовало мое тело, но так ничего и не добился. А проклятый урод даже не вспотел!

Второй схватил меня за другой локоть — нежно, можно сказать, ласково, вот только пальцы у него были будто каменные. Я сразу понял: если захочет, он расплющит меня в лепешку одной левой. Тем не менее я не прекращал попыток вырваться до тех пор, пока третий не стиснул мои лодыжки.

Меня понесли к экипажу. Попугай расхаживал по моей спине, что-то невразумительно бормоча. Поневоле складывалось впечатление, что ни на что другое, кроме как бормотать да бубнить, он физически не способен.

Я исхитрился поднять голову, увидел четырех громадных коней бурой масти. На месте кучера восседала личность в черном, лица которой не было видно из-под капюшона. Для полноты картины личности явно не хватало большого серпа в руках.

Экипаж выглядел вполне прилично, но никаких гербов на дверцах не было. Весьма странно. В Танфере даже отъявленные мерзавцы не упускают случая выпендриться.

Не говоря ни слова, гнусная троица швырнула меня внутрь. Я врезался в дверцу с противоположной стороны экипажа. Как ни удивительно, ни дверца, ни мой череп существенно не пострадали. Подобно мотыльку с обожжеными крыльями, я устремился прочь от света, в благословенную тьму.

6

С человеком, который занимается неофициальными расследованиями, ищет потерянные вещи, словом, выполняет работу, которая не требует ежедневного присутствия на службе, время от времени что-нибудь да случается. Этого, к сожалению, не избежать, посему человек вынужден принимать правила игры. Особенно если он из тех болванов, что преследуют девиц, которые хотят, чтобы их преследовали, и бесстрашно лезет туда, где почти наверняка подстерегает засада. Такой тип более чем заслуживает той порции синяков и шишек, которую получает. Я уверен, что Морли и ему подобных никогда не бьют по голове и не швыряют в таинственные экипажи.

Первое, что делаешь, когда потихоньку начинаешь приходить в сознание — при условии, что ты достаточно умен, чтобы не стонать, — притворяешься, что еще ничего не соображаешь. Таким образом можно выяснить что-нибудь полезное. Или застать врагов врасплох, наброситься на них, раскидать и удрать. Или установить, что они дружно отправились обедать, а некий гений к тому же забыл запереть дверь камеры.

Или просто лежать, не в силах пошевелиться, ибо к горлу то и дело подкатывает тошнота — сказывается контузия в сочетании с остатками похмелья.

— Что за грязные животные эти людишки! Йоркен, принеси тряпку! — произнес кто-то громоподобным голосом. Так воняли плохие актеры, которые полагают, что главное в их ремесле — кричать погромче.

— И прихвати ведро с водой, — прибавил женский голос. — Какое жалкое зрелище!

Интересно, зачем им понадобилась вода? Я уже принимал ванну на этой неделе.

— Почему я? Почему мне всегда поручают самую неприятную работу?

— Потому что ты — посланец, — прошелестел третий голос, напоминавший ветер из бездны. Вдруг повеяло могильным холодом. Должно быть, этот голос принадлежал безликому вознице в черном плаще.

Я пребывал в растерянности. Кто-то может сказать, что это мое естественное состояние. Тем не менее происходило явно что-то весьма и весьма странное.

Пожалуй, пришло время подняться и взглянуть в лицо опасности. Я напряг безвольные мышцы. Мне удалось пошевелить двумя пальцами на руке и одним на ноге. Тогда я решил завязать беседу.

— Йпрст! Колымака дрындабам! — Боги! На каком это языке я изъясняюсь?

Меня окатили ледяной водой, и я слегка поумерил пыл.

— Распаршигнусный хреноплюх! — Вновь волной накатила ярость, и я даже ухитрился приподняться на локте. — Елы-моталы, кракохресь! — Любопытно, что сие означает?

Второе ведро воды повергло меня на пол. Из пелены тумана возникла тряпка, которой принялись водить по моему телу. Понеслось приглушенное бормотание. За работой обычно бормочут гномы, но в данном случае гномами и не пахло.

В том, кто меня протирал, было что-то странное. Во-первых, он разговаривал сам с собой, причем разными голосами. Во-вторых, на голове у него, в тех местах, где у нормальных людей расположены уши, торчали маленькие крыльшки. А когда он заслонял собой источник света, его тело внезапно становилось полупрозрачным.

Свет сделался ослепительно ярким, даже ярче, чем солнечный наутро после попойки. Я зажмурился и кое-как принял сидячее положение.

— Мистер Гаррет!

Я не стал отпираться, но и сознаваться тоже не спешил. Честно говоря, я вообще никак не отреагировал на обращение, поскольку был занят тем, что старался не прибавить работы пареньку с тряпкой. Наконец, совладав с тошнотой, я прикрыл глаза ладонью. Внутренний голос посоветовал мне рассматривать происходящее.

щее как наглядный урок по химии. Не играй со взрывоопасными предметами. И не связывайся с рыжеволосыми девицами.

Знаю, знаю. От рыжеволосых одни неприятности. Но если уж на то пошло, неприятности неприятностям рознь.

— Убавьте свет, — проговорила другая женщина. — Вы совсем его ослепили. — Такой голос можно услышать разве что в грезах, но никак не наяву. Голос возлюбленной, которую ждал всю свою жизнь.

Куда же я все-таки попал?

Свет притушили, и я смог открыть глаза. Становилось все темнее; наконец освещение сделалось таким, какое бывает в камере, где горит один-единственный факел. Я сумел разглядеть своих тюремщиков. Боги! Никогда не думал, что увижу что-либо подобное.

Впрочем, в большом городе можно увидеть и не такое.

Я находился вовсе не в камере, а в чем-то вроде большого погреба с высоким потолком и парой маленьких окон, чрезвычайно грязных и забранных ржавыми стальными прутьями. Всю обстановку погреба составляли колонны, подпирающие потолок. Каменный пол был пыльным и омерзительно жестким.

Ощупав и оглядев себя с ног до головы, я убедился, что кости на месте. Открытых ран не обнаружилось; правда, голова болела по-прежнему. Должно быть, я здорово треснулся о дверцу экипажа.

Вдобавок продолжало ощущаться похмелье.

Пожалуй, зря они притушили свет. Теперь я смог разглядеть своих тюремщиков, всех восьмерых. Лучше бы я их не видел.

В погребе присутствовал тот крылатый тип с тряпкой, похожий на голубя-переростка. Еще там были три урода, с которыми я познакомился на улице; они выглядели крупнее и уродливее, чем прежде. Обратись они в любой храм, их охотно приняли бы горгульями. Кроме того, наличествовали три женщины. Рыжеволосой среди них не было. Сильнее всего на нее смахивала брюнетка с бледной кожей; ее глаза сулили несказанное наслаждение, а фигуру наверняка проектировал некий небесный геометр. А губы! Мне захотелось вскочить и запрыгать от восторга. Вероятно, обольстительный голос принадлежал именно ей.

Рядом стояла женщина с необычайно пышными волосами, из которых, если меня не обманывало зрение, то и дело высывались змейки. Ее кожа отливалась зеленью, пухлые, чувственные губы тоже были зелеными. Улыбнувшись, она продемонстрировала острые и длинные, как у вампира, клыки. Вдобавок у нее была лишняя пара рук — неплохое подспорье в работе. Я решил обращаться к ней с вопросами только в крайнем случае.

В ее взгляде сквозила то ли страсть, то ли голод. У меня по спине побежали мурашки.

Третья, блондинка ростом добрых десять футов, была уже в возрасте. Оплывшей фигурой она напоминала добродушную домохозяйку (как это часто бывает, под наружным добродушием таилась накопившаяся за долгие годы горечь).

На каменном троне, настолько ветхом, что мнилось, он вот-вот развалится, восседал мужчина, которого я принял за мужа блондинки. Он был фута на два выше жены и не носил никакой одежды, если не считать кожаной набедренной повязки, которая выглядела так, словно ее содрали с саблезубого тигра в момент прыжка. Чувствовалось, что в молодости гигант таскал на своих широких плечах если не мамонтов, то уж минотавров точно.

Его голубые глаза, лишь малую толику уступавшие моим в привлекательности, ослепительно сверкали. По плечам струились спутанные, свалявшиеся седые волосы. Бороду он явно не расчесывал несколько десятилетий. Если бы не взгляд, можно было решить, что либо ему скучно, либо он попросту спит.

Все рассматривали беднягу Гаррета так, будто ожидали от него каких-то действий. Поскольку у меня не было ни трости, ни башмаков с металлическими набойками, станцевать степ я не мог. Слова, так и норовившие сорваться с языка, по-прежнему не имели смысла, поэтому пение тоже исключалось. Я пошарил в мешке с фокусами и вознамерился выкинуть последний фортель.

Я попытался встать.

Получилось! Но чтобы не упасть, мне пришлось опереться на одного из уродов. У него не было лба, а пасти позавидовала бы и минога. Готов спорить на что угодно: ему не дают прохода девчонки, которым не терпится поцеловатьсяся. Глаза, как у рыбы, — желтые, затянутые прозрачными мембранами.

Бруно моргнул, но в остальном никак не прореагировал.

— Кто вы такие? — прохрипел я. — И что вам нужно?

Двое из этой компании вполне могли сойти за великанов, одна женщина — за человека, а все остальные относились к неизвестным породам. Во всяком случае, я таких личностей на улицах Танфера еще не встречал. А ведь в нашем городе можно встретить кого угодно, начиная с пикси размером с большой палец и заканчивая великаном двадцати футов росту. Можно даже столкнуться с ожившими ночными кошмарами, вроде крысюков, порожденных вырвавшейся из-под контроля магией.

Может, я угодил в лапы мутантов, удравших из лаборатории какого-нибудь чародея с Холма? Впрочем, большинство чародеев на протяжении последних лет сражались в Кантарде и практически не появлялись в городе. И потом, никто из них не сумел бы сотворить ничего подобного.

Как знать, как знать... Ладно, спать я как будто не сплю, поэтому примем за данность, что эти твари и впрямь существуют.

Я обмяк. Урод и не подумал меня подхватить. Я повис на нем как утопленник и какое-то время спустя сумел выпрямиться (помогла привычка карабкаться на фонарные столбы в состоянии, близком к полной отключке).

— Ребята, я же знаю, что вы умеете говорить.

Кстати, куда подевалась моя небесная кара? Где этот пернатый комок дерhma, гнусный охальник и мерзавец Большая Шишка? В подвале его, похоже, нет. Или ему свернули шею, чтобы заставить замолчать? Иначе, как я убедился на собственном опыте, клюв поганой птичке не заткнуть.

Седовласый гигант, который, по всей видимости, был здесь главным, кивнул пареньку с крыльями вместо ушей. Тот смерил меня взглядом и пожал плечами: мол, не имею ни малейшего понятия.

— Меня похитила шайка слабоумных, — пробормотал я себе под нос.

Верно. А что можно сказать по поводу глубины мысли того парня, которого похитили?

Меня вновь потянуло к полу. Быть может, подчиниться, упасть, забыться сном — и проснуться совсем в другом месте, там, гдеочные кошмары еще не проникли в наше измерение?

Et tu, Cthulhu?* В мире полным-полно психов. Боги, ну кому на свете можно доверять?

7

Женщина с зеленою кожей скользнула ко мне.

— Примите наши извинения, мистер Гаррет. Нам требовалось увидеть вас как можно скорее. Поэтому Дайгеду, Родриго и Ринго, — она поочередно ткнула пальцем в каждого из уродов, — пришлось действовать быстро. К тому же они не приучены к вежливости.

— Это уж точно.

Я оглядел погреб, высматривая своего попугая. Того нигде не было видно. Может, ему хватило ума удрать. А может, мне на самом деле повезло, и птичке свернули шею.

Лишняя пара рук женщины куда-то исчезла. Ее волосы сделались обычновенными, кожа приобрела здоровый цвет, зубы утратили остроту, а вырез платья опустился до талии.

Похоже, я угодил в логово оборотней.

Великаны тоже слегка изменились: несколько уменьшились в росте; уроды стали чуть менее отвратительными, у крылатого типа появились уши. Внешность самой соблазнительной из девиц также претерпела некоторые изменения (впрочем, она мне нравилась и так). Из брюнетки она превратилась в блондинку и захихикала.

Черт побери, на кой ляд ей понадобилось изображать из себя дурочку?

Какое-то время спустя все приобрели нормальный вид — разумеется, по танферским меркам, а в Танфере нормальность — понятие весьма растяжимое. Теперь мои тюремщики вполне могли бы показаться на улице; вот если бы еще их тела не становились прозрачными на свету...

* Автор обыгрывает знаменитую фразу Юлия Цезаря, обращенную к Юнию Бруту: «И ты, Брут?». Ктулху — древняя раса божеств, описанных американским фантастом Говардом Ф. Лавкрафтом. — Здесь и далее примеч. пер.

Может, пока я был без сознания, меня накормили ведьминymi грибами?

— Так гораздо лучше, — заметил я. Женщина приблизилась ко мне вплотную. Я бросил взгляд на ее волосы, в которых кишили блохи и вши.

Она одарила меня призывной улыбкой и облизнула губы раздвоенным язычком.

— У тебя приятные мысли. Я польщена. Но не вздумай прикасаться ко мне.

Она указала на блондинку, которая смотрела на меня так, словно готова была проглотить вместе с одеждой. В иных обстоятельствах я бы не преминул воспользоваться столь явной симпатией.

— У вас тут есть стулья? — Я решил не разубеждать женщину-эмею, не открывать ей своих истинных чувств. Меня вдруг повело в сторону. Ну и пакостное ощущение! Я чувствовал себя крысюком, накурившимся «травки».

— Извини. Мы действовали в спешке, поэтому не успели как следует подготовиться к приему гостей.

Я осторожно опустился на пол. Жестко, зато падать будет не больно.

— Может, кто-нибудь соблаговолит меня просветить? Кто вы такие? Что вам нужно? Поторопитесь, не то я опять отключусь. — Голова раскалывалась.

— Мы — последние из годоротов. Сражаемся с шайрами. Не по своей воле, просто так сложилось.

— И взошло солнце мудрости, — пробормотал я. — Или не взошло. Боюсь, правильно второе.

— Выжить могут только одни. Мы находимся в погребе последнего из наших смертных приверженцев. И останемся здесь, пока не определится исход битвы. В своих молитвах наш приверженец предложил нам обратиться за помощью к тебе. Он утверждал, что по характеру ты как нельзя лучше подходишь для наших целей.

— Цели целями, а деньги вперед.

Женщина нахмурилась. Мое замечание сбило ее с толку.

— Мы уже и сами думали о том, чтобы призвать на помощь неверующего. А спешить приходилось потому, что шайиры узнали про тебя и устроили тебе западню.

— Что-то я ничегошеньки не понимаю. Кто вы такие, черт возьми? И что вам нужно?

Блондинка захихикала. Естественно, Гаррет — парень хоть куда. Извъясняется как великий мудрец. Впрочем, главарю шайки мои слова вовсе не показались смешными. С его чела сорвалась молния. Самая настоящая. Он вновь слегка подрос. Меня вдруг осенило, что у таких, как он, терпения обычно в обрез.

— Ты никогда не слышал о годоротах?

— Кажется, нет. И об остальных тоже.

— Мы выбрали тебя отчасти из-за твоего невежества. — Правда, по тону женщины можно было догадаться, что она не очень-то верит в мое невежество.

Под сводами погреба прогремел гром. Женщина метнула на главаря выразительный взгляд, в котором сквозило отвращение, и представилась:

— Меня зовут Магодор. Мы все принадлежим к годоротам, верховным божествам харов, одного из первобытных племен, когда-то населявших этот край. По вашим меркам они были сущими дикарями. Занимались земледелием и скотоводством, но не слишком удачно. Поэтому добывали средства к пропитанию не только работой, но и набегами на соседей. Их следов почти не сохранилось, однако в жилах ваших правителей течет кровь харов. Короче, древняя культура погибла, а боги этой культуры — на грани гибели.

Любопытно. Наших правителей тоже отличают неумение заниматься сельским хозяйством и склонность к вооруженному грабежу.

— Шайирам же поклонялись быкоездники-гриты. Они появились здесь во время гритского нашествия. Гриты во многом напоминали харов и продержались недолго. Они были первой волной в эпоху великого переселения народов. Каждое десятилетие являлись новые завоеватели, оставлявшие после себя семена своей культуры. От быкоездников не осталось вообще ничего. Но их боги, шайиры, оказались жизнеспособными. А ныне обстоятельства сло-

жились так, что мы должны сражаться с шайирами за место на улице Богов.

Улица Богов... Так горожане называли проспект, пересекавший из конца в конец ту часть города, которую циничные и необразованые личности именовали Кварталом Грез. Там стояли храмы тысячи одного танферского божества. Осколок прошлого, наследие времен, когда императоры правили единолично и крайне подозрительно относились к светским амбициям священников и жрецов. Чтобы без помех наблюдать за служителями культа — а при случае и расправиться с ними, не прилагая к тому особых усилий, — все храмы и были выстроены в одном квартале.

Я огляделся. Говорите, боги? Ну да, разумеется.

— Тебе известно, как обстоят дела на улице Богов? Все решают деньги. Если у тебя достаточно приверженцев, ты перемещаешься на запад, в храмы и соборы, расположенные ближе к Холму. А если теряешь свой пай, движешься в обратном направлении, к реке. Три десятилетия мы держались за последнюю часовню у реки, цеплялись за нее ногтями и зубами, а храм шайиров стоял чуть наискось, на одно здание западнее. Нас разделяла кумирня божка по имени Скабз. В прошлом месяце приверженцев у Скабза прибавилось, а беженцы из Кантарда привели в Танфер нового бога, Антитибета, у которого поклонников, как выяснилось, в избытке. Он занял храм, отстоящий от реки на треть расстояния до Холма. В результате начались передвижки. И теперь либо мы, либо шайиры должны покинуть улицу Богов.

Наконец-то хоть что-то прояснилось. Конечно, я знал, каким образом священники и жрецы обстряпывают делишки в Квартале Грез (правда, не представляя, зачем, но это не столь важно).

Дальше всего от реки находились Четтерийский собор и оплот ортодоксов. Эти культуры одновременно враждовали и поддерживали друг друга, всяческими шизофреническими уловками завлекая под свою сень как можно большее число верующих. Их служители обладали и богатством, и могуществом.

А у самой реки теснились храмы и часовни богов вроде тех, с которыми мне привелось столкнуться, известных разве что горсточкам приверженцев. Честно говоря, береговые храмы сильно смахивали на чудом уцелевшие во время наводнения развалюхи.

Мне показалось, я разобрался в ситуации. Отсюда вовсе не следовало, будто я поверил, что и впрямь имею дело с взаправдашними богами и богинями. Впрочем, утверждать, что не поверил, я бы тоже не рискнул. Сами знаете, когда речь заходит о богах, достоверных фактов раз-два и обчелся; зачастую эти факты выдумывают священники, которые живут приношениями одураченных прихожан. Но ведь мы в Танфере, чудесном городе, где может произойти что угодно.

— Ты скептик, — заметила Магодор. Сейчас она выглядела чертовски привлекательно.

Я утвердительно кивнул. Предпочитаю не скрывать своих убеждений — или отсутствия оных.

Из ноздрей главаря вырвались струйки дыма. Он вырос футов до восемнадцати. Пожалуй, если разозлится еще сильнее, того и гляди прошибет головой потолок.

— О твоем образе мыслей мы поговорим в другой раз. Главное — чтобы ты понял: мы, годороты, оказались в отчаянном положении. Либо нам, либо шайирам придется покинуть улицу Богов. Для нас это означает полное исчезновение. Улица обладает собственной силой, манной, которая поддерживает в божествах жизнь. Покинув улицу, мы сначала превратимся в призраков, а затем исчезнем окончательно.

Неужели? Про остальных говорить не буду, а три урода выглядели такими же эфемерными, как гранитная стена.

— Если нас вынудят покинуть улицу Богов, — повторила Магодор на случай, если я не услышал, — мы погибли. Нам уже не воскреснуть.

Не так уж часто меня обвиняют в том, что я раскрываю варежку не подумав. На сей раз я тоже выдержал паузу, прежде чем спросить:

— Что случается с богами, которых перестают почитать? У вас есть свое начальство, перед которым вы должны оправдываться, и все такое прочее?

Бум! Вокруг головы главаря возник целый венок из молний. Гигант вырос настолько, что уже не умещался в погребе, даже сидя. Он согнулся в три погибели и глядел на меня так, словно собирался испепелить на месте. Мне почему-то показалось, что, несмотря на главенствующее положение, он не слишком умен.

Шикарная мысль, верно? И в потустороннем мире, оказывается, наверх далеко не всегда взбираются самые достойные.

Я давно подозревал, что многие божества отличаются недостатком сообразительности. В большинстве мифов рассказывается об их неуважительном отношении друг к другу, о кровосмесительных связях, адюльтерах, звериной жестокости и тому подобном, а вот об уме, как правило, не говорится ни слова.

— Некоторые постепенно истаивают. Другие становятся смертными и умирают как люди. — Мне почудилось, будто в словах Магодор проскользнула неуверенность.

Главарь зажмурился и выдохнул изо рта пламя. У его жены выдержки было побольше. Она уменьшилась футов до шести и вновь стала привлекательной женщиной, этакой добродушной матерью семейства. Мне не составило труда вообразить, как она скакет по небу в ветреную ночь, в рогатом шлеме, разгоняя стервятников и собирая павших на поле браны героев. Однако смотрела она на меня так, будто представляла, как я болтаюсь во время скачки у нее поперек седла.

Голова болела по-прежнему. К горлу постоянно подкатывала тошнота. И отчаянно хотелось спать.

— Тут неудобно разговаривать. — Я чувствовал себя сбитым с толку и запутавшимся. — Может, посидим где-нибудь вдвоем? А то лично меня постоянно отвлекают. — Гаррет, черт возьми, последи за своим языком, не то тебе несдобровать! Кто знает, что может взбрести в голову гиганту или трем уродам?

Во что ж ты такое вляпался, парень?

Главарь сплюнул, точь-в-точь как деревенские ребята, которые не курят табак, а жуют. Огненный шар расплавил камень в нескольких ярдах от моей руки. Просто потрясающе!

8

Над погребом, в котором я очнулся, находилось довольно просторное помещение, в котором стояли винные бочки и валялся всякий хлам. Еще там было полно пыли и пауков, а также крыс. Все это действовало отрезвляюще и отодвигало на задний план

всякие истории о богах. Моя спутница светилась в темноте. Очертания ее фигуры выглядели расплывчатыми, но когда мы поднялись в кухню, где занималось готовкой с десяток женщин, она словно обрела плотность. Женщины изумленно вытаращились на меня: мол, что это за тип вылез из погреба?

Магодор они явно не видели. А меня просто разглядывали, ни о чем не спрашивая и не подвергая сомнению мое право находиться на кухне. Из чего следовало, что они привыкли к творящимся в доме безобразиям и не суют носы не в свое дело.

Количество поварих означало, что дом стоит на Холме. Скорее всего он принадлежит кому-нибудь из наиболее могущественных и злобных танферских колдунов, истинных правителей Каренты.

Я стараюсь не попадаться таким людям на глаза. Общение с ними не сулит ничего хорошего.

Магодор привела меня в маленькую гостиную, по всей видимости, только что приготовленную специально для нас.

— На еду не рассчитывай, — предупредила она. — Нельзя, чтобы нас видели смертные.

Я плохнулся в кресло, которое оказалось настолько мягким, что я в нем чуть было не утонул. Схватился за ручку, кое-как выплыл на поверхность — и тут меня едва не сразил сон. Усилием воли я отогнал дремоту.

— Почему?

— Наши враги могут узнать от них, где мы находимся.

— И что с того?

Магодор искоса поглядела на меня. Должно быть, ей не понравился мой тон.

— Ты не представляешь, что такое война богов. И радуйся, что это так. — На мгновение из-под прекрасной оболочки проступила истинная суть богини: острые зубы, лишняя пара рук, змеи в волосах. — Нам и шайирам равно наплевать на смертных, которые будут сражаться за нас.

Насколько мне известно, подобное отношение к делу чревато неприятностями.

Змеиная сущность исчезла, и Магодор вновь стала очаровательной девушкой. Ах, какие щечки!

— Гаррет, это неразумно.

— Что?

— Догадаться, о чем ты думаешь, ничуть не сложно. Ты думаешь об Адете, о Звездочке и обо мне. Знай, те, кого я брала в любовники, редко оставались в живых. Предупреждаю только потому, что ты нужен нам целым и невредимым. Я зовусь Магодор-Разрушительница.

Перед моим мысленным взором возникла жуткая картина: люди, умирающие от голода и болезней, поля, усеянные костями павших, горящие города, кружасшие в небе стервятники. Да, назначишь такой свидание, а потом не оберешься хлопот. Видение исчезло, и Магодор показалась мне обольстительнее прежнего. Этакая девушка из числа тех, что заставляют выть на луну монахов, давших обет безбрачия.

— Сопротивляйся мне.

— С удовольствием. — Откровенно говоря, в глубине души я полагал, что на самом деле гадороты — всего-навсего бродячие фокусники; но рисковать не хотелось.

— Пока мы не одержим победу, ты будешь с нами. — Магодор сделалась едва ли не богиней красоты.

— Уф! — Я прикинул, не прикрыть ли глаза рукой. — Может, перейдем к делу? Будь добра, растолкуй, кто есть кто и что вам от меня нужно.

— Иными словами, если мы и вправду боги, почему не решим свои проблемы сами?

— Что-то вроде этого. — Для богини, пожалуй, она была слишком болтлива.

— Даже у богов есть свои ограничения.

— То есть?

— К примеру, мы не можем вторгнуться в храм шайиров. Об остальном узнаешь после, когда согласишься помочь.

Вообще-то я не собирался соглашаться, но вслух этого говорить не стал. Ладно, будем вежливы с дамой, попытаемся выяснить что возможно и сlinянем при первом же удобном случае. На кой мне сдались все эти боги, верно? Если я правильно помню, память у богов короткая. Их обычные заботы — как бы соблазнить папашину подружку, пристукнуть братца или посчитаться с домашним трехглавым драконом; остальное их заботит мало. Че-

рез пару часов эти так называемые годороты забудут частного сыщика Гаррета, на что он ни в коей мере не обидится.

— Так ты поможешь нам?

— С какой стати я должен лезть в подвал с завязанными глазами? Я даже не знаю, с кем имею дело. Ты представилась, хорошо. Еще я запомнил имя того типа с крыльями вместо ушей. А остальные?

— С крыльями? А, Йоркен-Посланец. Мелкая сошка.

— Да? А те три урода, Дайгед, Родриго и Ринго? Кто они такие?

— Аверы. Мы их унаследовали от Древних. Если не считать физической силы, у них нет никаких божественных атрибутов.

— А как насчет уродства? С этим у них полный порядок.

— Извини, запамятаю. Дальше. С твоим складом мышления ты наверняка положил глаз на Звездочку.

— Какая такая Звездочка?

— На самом деле у нее другое, древнее имя, которое означает «Утренняя Звезда». Мы зовем ее Звездочкой. Она олицетворяет плотскую сторону женщины. Искусительница, храмовая простиутка, всегда готовая отиться.

— Как романтично!

— То-то ты на нее выпутился.

— Против некоторых вещей невозможно устоять.

— Ну да, иначе ты не пошел бы за Адет.

— Адет?

— Та рыжеволосая штучка, которая пыталась заманить тебя в ловушку. Тебе повезло, что мы следили за тобой. Поверь, компания Звездочки гораздо приятнее.

— Значит, рыжеволосая? Как я уже говорил, против некоторых вещей невозможно устоять.

— Послушай моего совета, Гаррет, зайдись лучше Звездочкой. Глядишь, она тобой и заинтересуется.

Ба! Если она не заинтересовалась мной до сих пор, то может затолкать свое равнодушие в бутылочку и торговать им по рыночной цене. «Покупайте божественные отбросы!» Зато разбогатеет, станет знаменитой и, чем черт не шутит, сумеет подняться на пару ступенек поближе к вершине Холма... А если подсказать ей, что и

как, я тоже могу разбогатеть. Ну да, договориться о проценте за услуги и...

— Шшш!

Из зеленых волос поползли змеи. Магодор разозлилась. Вряд ли она и впрямь способна читать мысли, но что я отвлекся, заметить было проще простого. Нет, так не пойдет. Может, годороты и не боги, но они верят в свою божественную природу, а потому имеют полное право быть капризными и злобными. Я очаровантельно ухмыльнулся, приподнял бровь и воскликнул:

— Я не сплю! Не сплю! — Как в старые добрые времена, в Морской пехоте, когда мы с венагетами крошили друг дружку в капусту на островах; сержант частенько заставал меня врасплох, ибо мои мысли то и дело пускались в странствие.

— Похоже, тебе не очень интересно.

— А ты поставь себя на мое место. Меня похитили, приставили к горлу нож. Вроде бы хотят нанять на работу, но на какую, не говорят. И потом, до сих пор я не услышал ни слова об оплате. Что, кстати, наводит на подозрения в отношении кредитоспособности нанимателей, боги они или не боги.

Чем дольше я вецаал, тем менее привлекательной становилась красотка Мэгги. Я заткнулся, прежде чем она решила проломить мною пол и продолжить беседу в другом помещении.

— Может, расскажешь про остальных? — От Мэгги струился зеленый свет. Я не сомневался, что она сделала пометку против фамилии «Гаррет» в своей книге черных дел. На ее лице промелькнула гримаса ярости, но она сдержалась. Может быть, годороты на самом деле оказались в отчаянном положении. — Скажем, про ваших боссов? Кто они такие?

— Имар и Имара. — Мог бы и сам догадаться. Одновременно брат и сестра, муж и жена. — Правитель и Правительница Всего Сущего, Покоритель Неба и Мать Земли, Солнце и Луна, Звездогонитель и Та-Кто-Вызывает-Весну...

— И так далее, — пробормотал я. Что поделаешь, у меня вошло в привычку потешаться над пышными прозваниями командиров стражи и всяких паханов. Согласен, привычка пагубная, но отделаться от нее не так-то просто.

— И так далее, — согласилась Мэгги. — У каждого бога хватает эпитетов, которыми его и прославляют, и оскорбляют.

Это она верно подметила. У церкви, в лоне которой я вырос, не было избытка божеств. Мы имели единственного бога — и около десяти тысяч святых, которые играли роль малых богов и богинь. Образовалась своего рода небесная бюрократия, некоторые святые занимались лишь тем, что искали потерянные пуговицы или следили за сбором винограда. И бюрократия разрослась настолько, что она наверняка будет существовать не одно столетие после того, как умрет последний из верующих в единого бога.

— Ладно. Теперь я знаю, кто вы, и смутно представляю, в чем суть дела. Один храм. Два пантеона. Кто проиграет, теряет все.

— Вот именно. — Магодор постаралась принять деловой вид. Как будто красивая женщина может принять деловой вид, что бы она там о себе ни думала! Природе наплевать на смятение в мыслях. Благолепие — всего лишь одно из препятствий, которые нужно преодолеть инстинкту.

Я тоже попытался притвориться, что на уме у меня только дело.

Когда-нибудь инстинкты меня погубят.

Пришлось напомнить себе, что паучихи после спаривания педают самцов.

9

— Слушай внимательно, — предупредила Магодор. — Повторять не буду.

Весьма благородно с ее стороны.

— Я весь внимание, Мэгги. — Я попытался было пошевелить ушами, чтобы подчеркнуть свои слова, но у меня ничего не вышло. Обидно, черт возьми. Олух вроде Плоскомордого запросил шевелит ушами, а мне...

— Гаррет!

— Да не сплю я, не сплю!

— Прими к сведению, что у богов между собой особые отношения. О чем, кстати сказать, не подозревают и многие жрецы.

— Знаешь, Мэгги, послушать большинство жрецов, так боги, которым они поклоняются, единственные на свете.

— Большинство, но не все: некоторые, сравнительно молодые культуры ничего подобного не провозглашают. Но вернемся к нашим делам. Боги подчиняются правилам и традициям. Не то чтобы это возбранялось, однако традиция не знает случаев, когда два пантеона сражались бы за место на улице Богов.

— Не желаете ронять себя в глазах верующих?

— Естественно. В подобных ситуациях обычно происходит некое состязание, судьей в котором выступают божества из более удачливых пантеонов. Победитель получает все.

— Ага, — глубокомысленно, многозначительно протянул я.

— Чтобы избежать возможных подлогов, условия состязаний всегда разные.

— Неужели боги способны на подлог?

Мэгги одарила меня пленительной улыбкой.

— Конечно, нет.

— Значит, состязание... В чем оно заключается и какова моя роль?

— Храм, из-за которого возникли разногласия, опечатан. В него не проникнуть ни шайрам, ни нам. Но где-то есть ключ. Тот, кто найдет его и узнает, сможет завладеть храмом.

— Да? — Я продемонстрировал Мэгги свою приподнятую бровь, но на нее это не произвело ни малейшего впечатления.

— Ключ самый обычный, но невидимый для бессмертных. Замок, к которому он подходит, нельзя взломать. Скорее всего Совет — ну судьи — ожидает, что мы обратимся за помощью к верующим. Однако нигде не сказано, что соперники не могут воспользоваться услугами профессионала. Мы заинтересовались тобой, а шайры, видимо, узнали о нашем интересе и попытались заманить тебя в ловушку.

— Понятно, — проговорил я, сомневаясь в глубине души, так ли это на самом деле. — Выходит, я должен найти ключ, открыть дверь и впустить вас в храм до того, как там объявятся шайры?

— Совершенно верно.

— Любопытно.

Может, меня все-таки пытаются одурачить? Очередная насмешка судьбы... Сколько уже раз я попадал в дурацкое положение благодаря своей доверчивости и изошренности всякого рода мошенников!

Ничего не попишешь, человек моей профессии должен доверять клиентам.

Глаза Мэгги сверкнули. Еще немного — и она, пожалуй, прожжет меня взглядом насеквозд.

— Если не возражаешь, я подумаю. Предложение заманчивое, но уж больно необычное. — Я выкручивался как мог, прекрасно сознавая, что коротким и решительным отказом тут не отделаться.

— Время поджимает, Гаррет. Его у нас в обрез. Максимум четыре дня.

— А что произойдет, если ни вы, ни шайиры так и не найдете ключа?

— Сейчас в Танфере один Анттибет, а тогда их будет не перечесть. У беженцев с юга полным-полно своих богов.

— Значит, внакладе останутся и те, и другие?

— Да. Так уже бывало.

— Ладно. Давай обсудим финансовые условия.

Лицо Мэгги стало суровым. Обычная история — богатые клиенты не любят расставаться с деньгами.

— Чтобы есть, пить и содержать слуг, нужны деньги. Поэтому можешь даже не предлагать того, что сулят своим помощникам боги в мифах и легендах. Ночью со Звездочкой сът не будешь, прогулкой по волшебному холму жажды не утолишь.

10

— Гаррет, я парила над полями браны, и мне известно, где спрятаны сокровища тех, кто пал в этих битвах.

— Замечательно. Может, расскажешь поподробнее о кладах в окрестностях Танфера? Меня бы вполне устроил такой, за которым не пришлось бы далеко тащиться, пускай даже он будет не слишком богатым.

Богиня позеленела сильнее прежнего.

— Ладно, — процедила она, коротко кивнув. — Мы с тобой стоим друг друга, но должны один другому доверять, поскольку на все прочее попросту нет времени. — Она пересекла комнату, пре-

вратившись по дороге из грозной Магодор в симпатяшку Мэгги. Во мне вновь взыграли инстинкты. — Смотри, Гаррет.

Она указала на ручное зеркальце, стоявшее на полке над камином. В зеркальце не было ничего таинственного, гномы изготавливают такие сотнями, если не тысячами. Мэгги повела над зеркальцем рукой, словно полируя металлическую поверхность. У нее под ладонью образовался вдруг клуб тумана. Когда он растаял, обнаружилось, что в зеркальце отражается не-здесь и не-сейчас.

Моему взгляду предстала лесистая местность. Какие-то люди куда-то скакали, припав к гривам взмыленных лошадей. Им вдогонку летели стрелы. Один из всадников упал, остальные внезапно оказались в чаще, настолько густой, что скакать дальше не было возможности. Тогда они спешились и побежали следом за проводником, который вскоре вывел их на едва приметную тропу.

— Амис Третий, спасается от своего брата Алиса, который поднял мятеж, — сообщила Магодор. — Мы отвернулись от него, ибо он перестал приносить нам жертвы. А в те времена наше благоволение кое-что значило. Видишь? Они везли с собой сокровища, которые спрятали в барсучьей норе. К твоему сведению, клад и поныне там. — Она вновь повела рукой. Картинка изменилась, и я получил сносное представление о том, где следует искать.

В зеркальце вновь возникли беглецы. Стараниями проводника они угодили в засаду. Преследователи, судя по всему, щадить никого не собирались.

— Если не ошибаюсь, ныне это место в городской черте?

— Да.

— Замечательно. Если клад никуда не делся, с меня вполне достаточно.

— Я бы не стала предлагать тебе то, чего более не существует. Да, кстати. Смотри. — Богиня сняла с талии шнур, который я до тех пор не замечал. В шнуре было около четырех футов. Мэгги взяла шнур в левую руку, обернула вокруг ладони, пропустила свободный конец между большим и указательным пальцами, затем провела вдоль шнура правой рукой. Тот мгновенно сделался прямым и твердым, как стрела.

— Забавно, — заметил я. Мэгги ткнула шнуром, словно мечом, мне в грудь. — Ой!

— Если бы я чуть прищипнула конец, этот шнур пронзил бы тебя насквозь.

— Ого!

Мэгги вновь замахнулась шнуром. Удар пришелся точно по левому локтю.

— Ай! — воскликнул я. — О великий и могучий грибовидный грязежрун! Больно же!

— Боль — лучший способ вразумлять нерадивых учеников. Гляди. — Мэгги снова провела пальцами вдоль шнура, который тут же обмяк. Мне бросилось в глаза, что моя новая подружка — левша. Признаться, меня это не удивило. Большинство художников и чародеев, с которыми я сталкивался, были левшами, как, впрочем, и почти все наиболее известные злодеи. А по-настоящему тупые плохиши, те, которые лезут в дымовую трубу, не убедившись предварительно, что огонь в камине не горит, все почему-то правши. С другой стороны, я не левша, из чего следует, что можно быть правшой и отличаться умом и сообразительностью.

Магодор потянула. Шнур начал удлиняться.

— Вот так, Гаррет. Запоминай. Складываешь руки лодочкой, потом раскрываешь ладонями вверх, тянешь посредине. Шнур удлиняется на сколько тебе нужно.

— Полезная штука.

— Ты прав. — Тем временем шнур растянулся футов на двадцать пять. — При желании его можно использовать как удавку.

— Я заметил. — Шнур и впрямь подозрительно напоминал церемониальную удавку, какими кефские сиды совершают свои ритуальные убийства.

— Смотри внимательно. Чтобы укоротить шнур, надо сделать вот что. — Мэгги скатала волшебную веревку в клубок, ухватила торчавшие из клубка концы и потянула. Шнур расправился и съежился до прежней длины. Растянув его вновь футов до десяти, Магодор продолжила: — Если тебе понадобятся несколько отрезков, завяжи посредине скользящий узел. Потом разрежь получившуюся петлю прямо по узлу. — Двумя руками она держала шнур, третьей стиснула тонкий нож и рассекла узел. Четвертая рука ловко подхватила второй шнур и протянула мне. Мэгги выпустила один конец своего шнура, опустила по нему узел.

Нечто подобное я уже видел. Это был трюк из арсенала уличных фокусников. Единственное отличие состояло в том, что шнур Мэгги был действительно волшебным.

Магодор забрала у меня второй кусок, скатала оба в клубок и предъявила мне целый четырехфутовый шнур.

— Учи, я потребую его обратно.

— Жаль, а я-то рассчитывал...

Богиня пристально поглядела на меня.

— Я покажу тебе кое-что еще. Мне кажется, в нынешних обстоятельствах это — самое полезное свойство шнура.

Магодор растянула шнур до шести футов, завязала на одном конце булинь, другой пропустила в образовавшуюся петлицу. Получилась большая петля. Положив шнур на ковер, Мэгги ступила внутрь петли и подняла волшебную веревку. Она поднимала шнур все выше, а ее тело исчезало буквально на глазах. Остались лишь руки, а потом исчезли и они, когда богиня затянула петлю.

— Затягиваешь изнутри, — объяснила она, — но не до конца. — Я отчетливо различал ее голос.

— Здорово.

— Имей в виду, через маленькое отверстие, которое остается сверху, тебя могут заметить. И старайся действовать как можно тише. Что касается запаха, если ты примешь надлежащие меры предосторожности, ни люди, ни животные ничего не учувают. — В воздухе появился узел, потом возникли пальцы. Шнур упал на ковер. Магодор вышла из петли, развязала булинь и протянула шнур мне. Ее рука была мягкой и теплой, но я отшатнулся — пальцы богини заканчивались острыми как бритва когтями. Мэгги прижала палец к губам.

Я обвязал шнур вокруг талии. Тот словно прилип к моему телу. Я его не видел, только ощущал.

— Время поджимает. Как мне отсюда выбраться? — Благодарение богам, мне удалось обойтись без обещаний. Правда, Мэгги скорее всего думает иначе, но это ее трудности.

— Хаос! — Из теней в углу возник тот самый тип, который правил экипажем. Я и не подозревал об его присутствии. Мое замешательство явно порадовало Магодор. — Проводи мистера Гаррета на улицу.

Хаос посмотрел на меня из-под колпака своими бездонными глазами. В комнате неожиданно похолодало. Мне показалось, он вовсе не в восторге от того, что вынужден возиться со мной. Я хотел было отпустить по этому поводу шуточку, но потом засомневался, достанет ли у него сообразительности понять соль. К тому же не стоит подшучивать над тем, кому поручено выпустить тебя на свободу.

— Будь осторожен, Гаррет, — произнесла Магодор мне в спину. — Шайиры очень опасны и готовы пойти на все.

Вот, значит, как? А годороты, выходит, просто развлекаются? Тоже мне, игривые щенки.

В коридорах нам встретились несколько слуг, проводивших меня настороженными взглядами. На Хаоса они внимания не обращали; впрочем, один, едва разминувшийся с нами в узком коридорчике, зябко поежился. Знакомое ощущение, верно?

Хаос не проронил ни слова, но, даже оказавшись на улице, я долго чувствовал на себе его взгляд.

11

Значит, игривые щенки? Ну-ну, поглядим.

Отбежав на почтительное расстояние и почувствовав себя в относительной безопасности, я остановился и попытался сориентироваться. Должно быть, годороты засели вон в том доме. Кто его хозяин, я не знал; впрочем, узнать это труда не составит. Только стоит ли? А вдруг выяснится такое?..

Я прикинул, каким путем лучше выбираться, чтобы не нарываться на очередные неприятности. Надо вернуться домой и потолковать с Покойником. Я отчаянно нуждался в его совете, поскольку, судя по всему, по уши увяз в деръме. Даже если годороты — не боги, хлопот с ними явно не оберешься.

Я двинулся дальше, ежесекундно проверяя, нет ли за мной «хвоста». Правда, овчинка не стоила выделки — ведь я имел дело с оборотнями, способными принять любое обличье. Поди догадайся, кто есть кто из прохожих.

Голова болела по-прежнему, но похмелье почти прошло. Сонливость тоже исчезла, зато я изрядно проголодался. Боги, только бы добраться до дома, а уж там Дин меня накормит.

Народу на улицах было немного. Естественно, на Холме иначе быть не могло. Хотя времена меняются: я заметил нескольких уличных торговцев, пытавшихся навязать прохожим свои товары. Еще недавно они попросту не посмели бы сюда сунуться из страха перед стражниками, у которых разговор с этой малопочтенней публикой был короткий — пинком под зад.

Едва я вспомнил о стражниках, как они попались мне на глаза: парочка бруно гоняла по улице пожилого точильщика. Они внимательно оглядели меня, но решили не связываться, поскольку я шел с Холма в город. И в самом деле, зачем себя утруждать, если человек и так уходит? По всей видимости, до уличных торговцев у них еще не дошли руки — либо те выложили за право торговать на Холме кругленьку сумму, мгновенно перекочевавшую в карманы стражников.

Вскоре после того, как пересек незримую черту, отделявшую Холм от реального мира с его заботами, я понял, что приобрел «хвост». Как следует разглядеть ту девушку, что шла за мной по пятам, мне не удалось, однако я заподозрил, что у нее рыжие волосы.

Порой человек думает не головой, а тем, что пониже. Совершает, казалось бы, бессмысленные поступки (а потом этим хвастается).

Мне повезло, но я до сих пор не знаю, что заставило меня свернуть к Бруксайдскому парку, вместо того чтобы направиться домой. Ведь если за мной следила та самая рыжеволосая, ей было прекрасно известно, где живет бедняга Гаррет.

До парка было около мили. Деревья, кустарники, бассейны, наполнявшиеся водой из тех же источников, которые питали речушку, сбегавшую по склону Холма. В парке имелись королевские пруды, королевский птичник и квартал четырехэтажных зернохранилищ, предположительно набитых под завязку на случай осады или голода. Честно говоря, не думаю, чтобы там отыскалось хотя бы зернышко. Коррупция в Танфере цвела настолько пышно, что чиновники наверняка продали на сторону содержимое хранилищ сразу после того, как крестьяне свезли зерно в город.

Быть может, впрочем, я циник и слишком мрачно смотрю на вещи.

У парковой стражи, не особенно многочисленной и никогда не проявлявшей особого рвения в исполнении своих обязанностей, хлопот было побольше, чем у охранников на Холме. В парке обитало великое множество беженцев. Понятия не имею, чем их так привлекает Танфер. Разумеется, Кантард, по мнению многих, хуже преисподней, но те, кто там родился, считают иначе. Тогда почему они покидают родные края и прутся за сотни миль в чужой город, который не сулит им ничего хорошего и жители которого страстно ненавидят чужаков, а власти потакают этой ненависти?

С другой стороны — я опять-таки не имею ни малейшего представления, почему, — всем тем, кто живет в провинции, Танфер мнится этаким золотым городом, где воплощаются самые несбыточные мечты. Вполне возможно, обитателю Танфера понять этого попросту не дано.

Я надеялся получше разглядеть женщину, которая шла за мной, но поначалу парк не оправдал моих надежд.

Левой-правой, левой-правой, раз-два, раз-два... Вспомнив, что в прошлом был, как-никак, разведчиком, я нырнул под сень вечнозеленых деревьев. Что значит навык — на устилавшем землю ковре иголок не осталось ни единого следа. Забившись поглубже, я снял с талии веревку, проделал фокус, которому меня научила Магодор, и принялся ждать.

Женщина явно осторожничала. Еще бы! Когда тот, за кем ты следил, вдруг бесследно исчезает, поневоле заподозришь, что он устроил тебе засаду.

Нападать на нее я не собирался. Хотел всего-навсего проверить, получится ли у меня фокус с веревкой, и поглядеть на ту, которая так заинтересовалась частным сыщиком Гарретом.

Как выяснилось, за мной следила высокая крашеная блондинка лет двадцати пяти. Фигурка у нее была очень даже ничего, а вот одежда немного подкачала. Из-под балахона, который, на мой взгляд, следовало бы перешить и таскать в нем картошку, не было видно ни нк, ни ступней. Мне почему-то вспомнилась супруга Имара.

Женщина, словно догадываясь, что я где-то поблизости, двигалась крадучись и настороженно поглядывала по сторонам. Я

затаил дыхание. Мне вдруг захотелось выскочить из укрытия и завопить дурным голосом, но я обуздал мальчишеское желание. Интересно, кто она такая? Какой-нибудь бес в человеческом облике? Во всяком случае, не моя рыжеволосая зазноба.

Нервничает. Значит, человек. Насколько мне известно, бесы до подобных мелочей не снисходят.

Женщина повернулась и направилась прочь — по всей видимости, решила улизнуть, пока не попала в беду. Из чего, кстати говоря, следовало, что беда бродит неподалеку. Может, она из шайиров, знает, кто такие гадороты, и предпочитает с ними не связываться?

Если так, я ее понимаю.

Я сказал себе, что какое-то время переживу без мудрых советов Покойника. Надо проследить за этой птичкой. Глядишь, что-нибудь да узнаю.

Передвигаться в невидимом мешке оказалось не так-то просто. Незримые стены, сквозь которые свободно проникал воздух, изрядно стесняли движения. Я словно очутился внутри громадного мыльного пузыря. Переставлять ноги следовало крайне осторожно, ибо стоило споткнуться — и тут же покатишься под горку и угодишь в бассейн или в пруд. А мешок вряд ли водонепроницаем...

Небо в крапинку! Облака в полосочку! Почему все палки на свете — о двух концах?

Чтобы выбраться из мешка, мне потребовалось не меньше десяти минут. Ведь узел на шнуре должен находиться вровень с отверстием наверху, а когда идешь, не обращаешь на его положение никакого внимания, потому что смотришь исключительно под ноги. Проклятая веревка!

Вывалившись наружу, я принялся развязывать узел и внезапно сообразил, что у меня над головой щебечут вовсе не воробыши.

— Мы тебя видели! — прокрикал кто-то противным тоненьkim голоском. — Мы тебя видели!

По веткам деревьев, в тени которых я прятался, запрыгали невесть откуда взявшиеся пикси. Должно быть, они наблюдали за мной с самого начала, но до поры до времени вели себя тихо, поэтому я их не замечал.

Мне захотелось отвести душу, и я так и поступил, но предварительно отошел подальше от деревьев. Кто знает, что может взвестри в голову этим крылатым недоноскам?

12

Убедившись, что блондинки нигде не видно, я направился домой.

Без стука в дверь в мой дом никого не впускали, даже хозяина. Но перед отъездом Дин проявил заботливость и сделал мне ключ. Поскольку я всегда отличался предусмотрительностью, то, выходя из дома, прихватил ключ с собой. Похвалив себя за здравомыслие, я вставил его в замок.

Дверь приоткрылась ровно на дюйм. Распахнуться настежь ей помешала цепочка.

Я притворил дверь, сделал паузу, чтобы успокоиться, и коротко постучал. Изнутри донесся вопль Попки-Дурака. Великие небеса, гнусной твари хватило ума, чтобы добраться до дома самостоятельно! Интересно, что это за знак? Нет, о подобных вещах лучше не думать.

Ожидая, пока мне откроют, я сделал шаг назад и окинул взглядом темно-коричневый фасад. Кое-где между кирпичами зияли щели — раствор высох и вывалился. Вдобавок не мешало бы подновить краску на раме верхнего окна. Пожалуй, найду Плоскомордого; хватит ему крушить черепа, пускай займется делом.

— Черт побери, Дин! Открывай, скотина этакая! Если у тебя сердечный приступ и мне придется выломать дверь, учти, я потом переломаю тебе ноги!

За моей спиной раздался жуткий вопль. Я резко обернулся. Колесом повозки отдавило лапу громадному гоблину весьма омерзительной наружности. Прыгая на одной лапе, тот изрыгдал проклятия и грозился пересчитать ребра возчику.

— Заткнись, ублюдок! — посоветовала некая пожилая дама и зацепила его за лапу ручкой своего зонтика. Гоблин с грохотом рухнул на мостовую и отключился. На мостовой образовалась вмятина: да, шкура у этих типов не то что дубленая — каменная. Пройдет несколько месяцев, если не лет, прежде чем городские

власти собираются заделать вмятину, а до тех пор у меня под окнами постоянно будут возникать заторы. Бедный, бедный Гаррет...

Толпа зевак заулююкала и принялась осыпать гоблина насмешками. Я поморщился. Гоблинов в Танфере недолюбливали испокон веку, а на сей раз насмешники вообще не знали удержану. Наверное, они потешались бы и над безобидной монашкой. Да, тяжкие настали времена.

Я заметил свою новую подружку по имени Адет. Она сменила наряд и надела темный парик, но я был уверен, что не ошибся. В ее движениях сквозила кошачья грация. Может, пока Дин возится с дверью, пойти и пригласить даму на обед?

Я замолотил по двери кулаком, затем вновь достал ключ. Отопру, а потом как-нибудь скину цепочку. Ну все, Дину не-сдобривать.

Голова гудела, как будто в ней вальсировала парочка пикси в армейских башмаках.

Едва я поднес ключ к замку, как дверь распахнулась.

— Нам надо поговорить, — бросил я в лицо Дину. — К чертам собачьим этот замок, который стоил гораздо больше, чем зарабатывают за два месяца парни, вкалывающие по двенадцать часов в день!

— Что случилось, мистер Гаррет?

— Я не могу попасть в свой собственный дом! Какой-то идиот накинул на дверь цепочку! — Полка-Дурак завопил громче прежнего. — Когда вернулся этот хмырь? И как он попал внутрь?

— Несколько часов назад, мистер Гаррет. Я думал, вы его послали. — Дин нахмурился, поежился и мотнул головой в сторону комнаты Покойника. — Он велел мне впустить птицу.

И тут в моей голове послышался голос Покойника:

— Иди сюда, Гаррет. Расскажи мне, что произошло за последнее время.

Чтоб ты провалился вместе со своим хобби!

— Обойдешься. Я расскажу, что произошло за последние несколько часов.

Дин снова поежился. Его бросало в дрожь при одном упоминании о Покойнике, с которым он старался по мере возможности не иметь никаких дел.

— Эта гнусная тварь, которая только и умеет что орать, должна была сообщить тебе, что у меня неприятности.

— Я приготовлю чай, — сказал Дин, выбрасывая белый флаг.

— Давай займись. За ранее спасибо. — Когда у старика такой пришибленный вид, поневоле начинаешь его жалеть. — А с тобой, негодяй, предатель, с тобой я разберусь! Сегодня у нас на обед жаркое из попугая! — Когда у меня трещит голова, со мной лучше не связываться.

Я прошел в комнату Покойника.

— Жаркое из попугая?

— Хоть какая-то польза будет.

— Что я слышу? Неустрашимый Гаррет превращается в нытика?

— Станешь тут нытиком! Я успел отвыкнуть от брюзжания Дина. От твоих бессмысленных требований. И на тебе — он возвращается домой, ты просыпаешься. А я выхожу на прогулку — и получаю дубинкой по голове.

— Птица сообщила, что, когда тебя швырнули в экипаж, ты и не подумал выскользнуть через люк в полу.

Порой Покойник видит дальше собственного носа, но лично мне от этого становится только хуже. И нос у него еще тот.

Покойник отдаленно смахивает на человека. Когда заглядываешь в его комнату — самую просторную в доме, в ней по настанию моего квартиранта, хотя он все равно ничего не видит, царит полумрак, — взгляд притягивает деревянное кресло, этакий трон. Кресло массивное, способное выдержать даже четыреста с хвостиком фунтов — ровно столько весит мой логхир. За все те годы, что я знаю Покойника, он ни разу не пошевелился. Зато разлагается все сильнее, хотя вполне в силах позаботиться о своем теле. Когда он отвлекается, жуки и личинки лезут буквально отовсюду.

Если не считать громадного роста, наиболее запоминающаяся черта в его облике — безусловно, шнобель, напоминающий слоновый хобот.

— Что, неудачный денек?

— Еще бы, черт возьми! Разве он может быть иным, когда ты проснулся в несусветную рань? А дальше пошло-поехало. Загляни в мои мысли, убедишься сам.

— Я бы хотел услышать обо всем от тебя. По словам проще составить общее впечатление.

И это говорит тот тип, который настаивает, что описывать события следует как можно более отстраненно! Вот зараза! Угро-раздило же меня с ним связаться.

— Плохо дело.

— Эй, я же только начал!

— Я прочел твои мысли. Это враждебные божества, привыкшие к беспрекословному подчинению.

— Ты с ними знаком?

Дин притащил поднос с чайником и блюдечко с медом. Что за новости? Обычно он сует мне полную чашку, даже без ложки. Видимо, пытается подольститься.

— Я о них слышал. Божества древних кочевников, никогда не имевшие большого количества приверженцев. У них много общего — и те, и другие весьма суровы и скоры на расправу.

— Ваша голова, мистер Гаррет! — воскликнул Дин, уставившись на мою макушку. — Теперь понятно, почему вы в таком настроении. Сидите тихо, я сейчас вернусь. — Он выскочил из комнаты.

— Я оказался прав. Твоя голова действительно крепче дерева.

— Чего?

— Рана гораздо серьезнее, чем тебе кажется.

— Нет чтобы хорошее что сказать. — Я поразмыслил над услышанным. — У меня вопрос.

— Валяй. — Покойник мысленно хмыкнул.

— Помнишь, когда мы валились с тем чокнутым логхиром, ты заявил, что логхиры не нашли ни единого доказательства существования богов и что логика отрицает их бытие? По-моему, было сказано следующее: «Чтобы объяснить, как устроен мир, боги не нужны, а природа не создает того, что не нужно».

— Правильно. Нет никаких доказательств того, что любое из божеств, которым поклоняются в этом городе, когда-либо существовало в действительности. Они существуют лишь в воображении верующих.

— Тогда кто швырнул меня в экипаж? Местное хулиганье?

— Этой возможностью тоже не следует пренебрегать. Но предположим, что на тебя напали именно Дайгед, Родриго и Ринго. Тогда ты знаешь ответ на свой вопрос. Тебе его дала Магодор.

Боги! Терпеть не могу, когда он принимается расширять мои горизонты, заставляя меня напрягать интеллект.

Вернулся Дин с нашей домашней аптечкой. Я тщательно слежу за тем, чтобы она вовремя пополнялась, — спасибо моей бывшей подружке-врачу. Та девица приучила меня к порядку: перебинтовывала каждую царапину, а я их получаю по десять на дню.

— Что-то я не пойму, Толстопуз. Может, растолкуешь?

— Гаррет, ты окончательно опустился и отупел. Ответ подсказывает сама ситуация, в которой они оказались. Если их выгонят с улицы Богов, заставят покинуть Квартал Грэз, если они утратят последнего приверженца, то неминуемо исчезнут.

— Ой! — Дин прикоснулся к моей ране мокрой тряпицей. — Ты хочешь сказать, что, если бы никто не верил в моих новых знакомых, я не обзавелся бы дыркой в голове?

— Вот именно.

— Кто вас заштопал, мистер Гаррет? — поинтересовался Дин.

— Меня? — Я недоуменно поморщился и вновь повернулся к Покойнику: — Но они существуют совершенно самостоятельно! Кто мог вообразить то, что случилось со мной?

— У вас тут три... шесть... девять швов, — сказал Дин. — Похоже, вы потеряли много крови.

— Понятно, почему мне так плохо. Я думал, у меня сотрясение мозга.

— Может быть, может быть.

— Если о них периодически вспоминают, им этого достаточно. Они воплощаются вместе со своими божественными атрибутами.

— Осторожнее! — рявкнул я на Дина. — Больно же, черт возьми! Наверно, мне дали болеутоляющее, а теперь... Ааа!

— Какой вы неженка, мистер Гаррет.

— Ты что, рану смазываешь или золото ищешь? Шутник, твоя теория абсурдна.

— Боги — существа абсурдные, Гаррет. И потом, это не теория, а гипотеза. Теорию подтверждают фактами.

— Я просто хочу убедиться, нет ли инфекции, — проворчал Дин.

Пропустив его слова мимо ушей, я произнес:

— Ты педант и зануда.

— Словом «теория» злоупотребляют все кому не лень, в особенности те, кто якобы общается с божествами. Осторожнее, Дин. Если швы разойдутся, его мозг может вытечь. Гаррет, у тебя есть какие-нибудь соображения? Как ты собираешься выкручиваться?

Вот так. Не мы, а я.

— Соображения? Кажется, пора уносить ноги. — По тому, что Покойник отвлекся от собственных забот, я догадался, что он серьезно обеспокоен. Судя по всему, он не сомневался, что я попал под горячую руку настоящим богам, а не шайке мошенников. — Честно говоря, я в полной растерянности. Поэтому и пришел за советом. В конце концов должен же ты платить за квартиру.

Покойник утверждал, что мы с ним равноправные партнеры, но большую часть времени он старался сделать так, чтобы его не трогали и ни во что не вмешивали.

— Сдается мне, надо подождать, посмотреть, как будут разворачиваться события.

— Верно. Чтобы выпутаться, потребуются строжайшая самодисциплина и объединенные усилия всех заинтересованных личностей.

— Хватит ныть. Терпеть не могу, когда ты ноешь. Тебе все равно пора было просыпаться. Кстати сказать, в прошлый раз мог бы пробудиться и пораньше. Избавил бы меня от кучи хлопот. — Он разобратся в последнем случае — «деле Мэти Дженн» — еще до того, как я изложил ему половину фактов. И это несмотря на то, что благополучно прорыл все то время, пока я носился по городу!

13

Честное слово, еще немного — и я накинул бы на самодовольного Покойника с кулаками.

— Сидите спокойно, — прищурнул на меня Дин. — У вас тут гной. Если сейчас не вычистить, начнет нарывать.

Я представил себе свою собственную симпатичную физиономию, перекошенную гримасой от шрама на макушке, и замер, хотя было чертовски больно.

— Пока вас не было, заходила мисс Тейт, — продолжал Дин. — Она...

— Наверно, следила за домом, — пробурчал я. Явились не запылилась. Пожалуй, не следовало с ней расставаться. По-моему, она ждет, пока я сделаю первый шаг к примирению. Во всяком случае, мне нравится так думать.

— Слухами земля полнится, мистер Гаррет.

— Неужели? А толк от этого есть?

— Может быть. — Еще не известно, кто из нас двоих упрямей, я или Дин. Он твердо вознамерился окрутить меня с Тинни Тейт либо с Майей Стамп. Обе — миловидные девицы, настоящие душки, которым для полного счастья не хватает лишь Прекрасного Принца.

— Мисс Тейт была очаровательна и остроумна как обычно, — сообщил Покойник, — а чтобы описать ее спутнице, мисс Вейдер, нужно изобрести новые определения. Тем не менее с их просьбой мы разберемся потом.

— Аликс Вейдер? — Судя по всему, девчушки взяли Покойника в оборот. До сих пор он ни о ком из женщин не отзывался сколько-нибудь лестно, ибо не видел смысла в их существовании. Полагаю, именно поэтому он постоянно норовил расстроить мои интрижки. По его мнению, женщины в большинстве своем меня попросту не заслуживали.

Да, свиньи сегодня летают стаями.

Но у Дина, как выяснилось, имелась своя точка зрения.

— Если не ошибаюсь, мисс Тейт представила ее как Аликс. — Он шевельнул рукой, и меня пронзила боль, в мгновение ока проникшая от макушки к пальцам ног.

— Дин, ты в моем черном списке. Рано или поздно я с тобой расквитаюсь.

Папаша Вейдер платил мне жалованье как начальнику охраны пивоварни. Мои обязанности заключались в том, чтобы появляться в неожиданные моменты и заставлять врасплох потенциальных воришек. Когда-то, давным-давно, я спас Вейдера от грабителей.

Он отблагодарил меня этой должностью и время от времени предлагал перейти на постоянную работу. Я отказывался, но мягко: кто знает, что сулит грядущее? Бывают времена, когда постоянная работа становится великим благом, даже если тебе приходится терпеть над собой начальника.

Аликс была дочкой папаши Вейдера, младшей среди его отпрысков. Я довольно долго ее не видел. В шестнадцать лет она была симпатичной, но слишком уж застенчивой девочкой, поэтому я так удивился, узнав, что она приходила вместе с Тинни. Папаша Вейдер был не из тех, кто позволяет юным девицам шляться по улицам; к тому же деньки настали неспокойные.

— Ее привела мисс Тейт. У семейства Вейдеров неприятности, что-то связанное с «Зовом» и прочими радикалистскими группировками. Мы займемся этим позже. Главное сейчас — боги. Ах, Гаррет! Ты же всегда был в лучшем случае агностиком, если не атеистом. И все же ухитрился угодить в лапы вымирающим богам.

— Можно подумать, это я их разыскивал. И я вовсе не агностик. Мне просто все равно. Мой принцип таков: оставь богов в покое — и они к тебе не полезут.

— Еще один поверженный во прах, — пробормотал Дин.

— Чего? — Где он этого набрался?

— Очередная из ваших юношеских фантазий.

Дин — человек религиозный. Я никогда на него не насыпал, но сам не в состоянии понять слепой приверженности моего домоправителя некоему монотеистическому культу, когда вокруг тысячи других богов, которые вдобавок иногда снисходят до общения со смертными. Что ж, человеческая способность к избирательной слепоте поистине безгранична.

Для меня религия начинает представлять проблему, только когда число богов превышает количество верующих.

И сейчас передо мной, похоже, как раз такой случай.

— Ты как будто и впрямь заинтересовался, — заметил я, обращаясь к Покойнику. — Если бы у меня было время, я бы заподозрил неладное.

— Ты прав, время поджимает. Нас ожидают долгие часы размышлений и строжайшей самодисциплины. Для начала наве-

дайся в Королевскую библиотеку и выпроси у своей знакомой все имеющиеся там книги по культурам шайиров и годоротов.

— Хм... Это будет трудновато.

— Помирись с ней.

— Да не в том дело! Мы с Линдой Ли в прекрасных отношениях. Я нашел несколько редких книг, которые она проворонила.

— Окажи мне ту же услугу. Дин! Отбрось свои предрассудки и отправляйся к мистеру Дотсу...

— Ничего не выйдет, — вмешался я. — Морли задрал нос. Он не станет якшаться с типами из своего прошлого.

— Тебе обязательно перебивать? — Покойник принял методично обшаривать укромные уголки моего сознания. Это означало, что либо он серьезно озабочен, либо я его достал. Обычно он уважает право личности на тайну мыслей.

Признаться, поведение Покойника меня встревожило. Я начал думать, что он что-то скрывает.

— Кто из твоих знакомых умеет читать?

— Плеймет, — озадаченно отозвался я. — Но не слишком хорошо. Морли. Брешущий Пес. Торнада...

— Кто? — изумленно переспросил Покойник.

— А ты не знал? Она быстро учится. Надеется однажды посчитаться с тобой. Наша Торнада — ходячий сюрприз.

— Не годится. Постарайся привести сюда свою подружку из библиотеки.

— Зачем? — С ума сойти! Покойник просит привести в дом женщину!

— Кому-то придется прочесть мне те книги, которые ты раздобудешь. Я мог бы и сам, но на это уйдет чересчур много времени и сил.

Да, представляю, как незрячий мертвец переворачивает страницы! Хотя, если бы деваться было некуда, он вполне бы справился самостоятельно.

— Понял.

— После того как договоришься с Линдой Ли, отправляйся в Квартал Грэз. Осмотря интересующие нас храмы. Будь осторожен. Эзра времени не трать, но торопиться тоже не стоит. И не забывай о собственной безопасности.

— Что? Может, мне лучше поискать ключ?

— Успеется. Нам необходима информация. Как только она у нас появится, я смогу проанализировать ситуацию. Боги могущественны, зато я гораздо умнее.

— От скромности он не лопнет, — заметил я, обращаясь к Дину, который и не думал никуда уходить.

— Про тебя можно сказать то же самое. Я не слишком хорошо помню годоротов, но у меня сложилось впечатление, что Магодор — единственная из них умнее четырехлетнего ребенка. — Замечательно. — Время не ждет, Гаррет. Иди в библиотеку, а затем двигай в Квартал Грез.

— А как насчет шайиров?

— То есть?

— По всей видимости, они пытались заполучить меня еще раньше, чем годороты. Что, если мне встретится кто-нибудь из них?

— Действуй по ситуации. У тебя есть голова и оружие. По крайней мере стоя здесь, ты ничего не добьешься. Дин, после того как поговоришь с мистером Дотсом, разыщи мистера Тарпа. Если не получится, обратись к мистеру Плеймету. В крайнем случае найди мисс Торнаду. Потом немедленно возвращайся, я тебе поручу кое-что еще. Гаррет!

Я остановился у самой двери. Надо отдать должное Покойнику: расшевелить его чрезвычайно сложно, но если сумели, он завалит вас указаниями.

— Что?

— Возьми попугая.

— Ты что, спятил? Да стоит мне выйти с ним из дома, как меня тут же пристукнут. Эта птица просто не умеет себя вести. Вот сообщит какому-нибудь великану, что его матушка путалась с троллями, и поминай как звали беднягу Гаррета.

— Возьми попугая. Если хочешь, накинь ему на лапу веревку. Мне кажется, он будет говорчивее обычного.

— Ну да, если его придушить.

— Гаррет.

Покойник явно нервничал. Когда он в таком настроении, над ним приятно пошутить.

Попка-Дурак мрачно поглядел на меня, клюнул в палец, когда я пересадил его с жердочки к себе на плечо, но, как ни странно, тем дело и ограничилось. Привязывать птичку я, естественно, не собирался. Пускай летит, куда хочет, я только вздохну с облегчением. Еще и помашу на прощание. Но скорее всего никуда он не денется. Уж такая моя судьба.

— Пожалуй, мне не помешала бы повязка на глазу и сережка в ухе, — пробормотал я. — Йо-хо-хо!

14

Когда я вышел на крыльца, мне вдруг пришло в голову, что с повязкой на глазу и сережкой в ухе неплохо смотрелась бы борода.

— Аргх! — прорычал я. — На абордаж, ребята!

— Йок! — отозвался Попка-Дурак. — Стаксель на брамсель!

Я хотел было бросить на него убийственный взгляд, но у меня ничего толком не вышло, поскольку попугай восседал на моем плече — иными словами, взгляд пришелся «в молоко».

Из толпы возникли соседские детишки.

— Можно мы покормим вашего попугая, мистер Гаррет?

— Лучше скормите его вон тем тварям. — Я разумел парочку громовых ящеров, круживших высоко в небе. Они охотились на жирных голубей.

Детишки меня не поняли. Короткая все-таки у людей память. Ведь с тех пор, как отцы и матери этих ребят сражались с громовыми ящерами, прошло не так уж много времени. Впрочем, ничего удивительного: у нас сейчас другие заботы — нашествие кентавров и прочие неприятности.

Как говорила моя тетушка Бу: «Всегда что-нибудь да случается».

Я окинул взглядом улицу, помахал рукой миссис Кардонлос. Приветливый паренек этот Гаррет, верно? Мое добродушие бесило старуху и укрепляло ее уверенность в том, что ничего хорошего от меня ждать не приходится.

Стоило мне спуститься с крыльца, как из дома выскочил бледный Дин. Даже не посмотрев в мою сторону, он чуть ли не

бегом устремился вниз по улице, в направлении «Домика Радости» Морли Дотса.

Я нырнул в толпу. За мной немедля увязался «хвост», но я решил ничего не предпринимать. Если у меня в союзниках настоящие боги, они прекрасно разберутся со всякими «хвостами» без моей помощи. Но вот настоящие ли они? Скорее всего — иначе вряд ли бы Покойник так развлновался.

По-моему, за мной следила та же самая женщина, что и раньше; она лишь стала немного выше, а в ее черных как смоль волосах, ниспадавших на спину, серебрилась седая прядь. К одежде я особо не присматривался, однако мне бросилось в глаза, что покрай у наряда нездешний.

В здании Королевской библиотеки имелся боковой вход, известный только тем, у кого имелись знакомые внутри. Чтобы воспользоваться им, следовало проскользнуть мимо дряхлого охранника, досыпавшего на своем посту то время, которое он недоспал на войне. Дальше нужно было лишь не столкнуться со старшим библиотекарем, что тоже не составляло труда: эта почтенная пожилая дама еле переставляла ноги и постоянно на что-нибудь да натыкалась, производя жуткий грохот. Преодолев все препятствия, можно было выбирать, как поступить, — повидаться со знакомыми или набрать побольше редких книг и рвануть с ними на рынок.

По крайней мере так было раньше. Но, как говорится, все меняется. Признаюсь, в переменах отчасти есть и моя вина: угораздило же меня как-то вернуть в библиотеку книги, похищенные через тот самый боковой вход.

Старика охранника сменил сравнительно молодой, из ветеранов недавней кампании. Он звучно хрюпал, сжимая в руке пустую бутылку — скорее всего из-под самогона. Мне жутко захотелось пересадить попугая на его плечо. Вот проснется, увидит, что весь в дерьме, — усвоит, каково пить на посту.

Но я не поддался желанию. Мы должны уважать тех, кто служит обществу.

Линду Ли я отыскал в книгохранилище. Она внимательно разглядывала потрепанный корешок какой-то книги и одновременно грызла перо. В одной руке у нее была восковая табличка для письма, в другой — маленький фонарик. Каштановые волосы со-

бранны в строгий пучок, а на виске — ну и дела! — посверкивает седая прядь... Похоже, когда мы с ней познакомились, она слегка преуменьшила свой возраст.

Однако более симпатичного книжного червячка я в своей жизни не встречал.

— Интересно, как ты пишешь с пером во рту? — осведомился я.

Она подскочила. Резко обернулась. Ее глаза метнули молнии. Да, при каждой новой встрече Линда реагировала на меня по-разному.

— Какого черта тебе здесь нужно? — процедила она, не вынимая пера изо рта.

— Я искал тебя.

— Что, не с кем пойти погулять?

— Нет, я по делу. — Молодец, Гаррет, валяй дальше в том же духе! Умеешь ты обращаться с людьми, ничего не скажешь. — Извини, просто у меня сегодня в голове одно, а на языке другое.

— Только сегодня? А это еще что за чучело у тебя на плече? Кого ты из себя изображаешь?

— Разве ты забыла мистера Большая Шишк?

— К несчастью, помню, потому и спросила. Почему ты его не утопил? Кстати, что с ним стряслось?

— То есть? — Линда вела себя необычно. Любопытно было бы узнать, кого изображает она. Тогда бы я догадался, под кого работаю сам, и мы бы прекрасно устроились все вчетвером.

— Он молчит как рыба. А раньше, помнится, так и сыпал ругательствами.

— Покойник что-то с ним сделал.

Линда Ли поежилась. Если на нее таким образом подействовало одно упоминание о Покойнике, то моя задача существенно осложняется.

— Пожалуй, я забуду о том, что не видела тебя с самого детства...

— Прошло всего три дня!

— Что тебе нужно? — Она явно искала ссоры, но говорила вполголоса. Начальство Линды и ее коллеги весьма неодобрительно относились к моим визитам, которые подрывали их веру в на-

дежную охрану библиотеки. Наверно, рано или поздно они предпримут что-нибудь этакое. Может, потратятся и найдут настоящего охранника.

— Надо же, за три дня ты успела превратиться в собственную бабушку... Черт! Извини, пожалуйста.

— Да, Гаррет, денег сегодня не из лучших. Между прочим, у меня мало времени.

С выяснением отношений пора было кончать. Я быстро и сжато изложил свою историю, ухитрившись втиснуть в минимум времени максимум подробностей. Опустил лишь то, что Линде знать было вовсе не обязательно — к примеру, какие милашки встречаются среди богинь.

Слушая мой рассказ, Линда становилась все задумчивее.

— Вот как? Настоящие боги? Насколько я понимаю, ты не очень-то в это веришь?

— В общем, да. Они — пережиток прошлого, вроде повелителей огня и властителей бурь. Те тоже определяют жизнь нормальных людей, но на каждом углу с ними не сталкиваешься, верно? Лично со мной, скажем, такого никогда не случалось.

— Тебя послушать, они такие кровожадные...

— Я ничуть не преувеличиваю, зуб даю! Тебе о них что-нибудь известно?

— Только имена. В древних мифологиях множество пантеонов. Можно спросить у Мад...

— Я думал, ты знаешь все на свете. А кто такая Мад?

— Маделайн. Она руководит отделом рукописей.

Мне смутно припомнилась старая карга, настолько ветхая, что вполне могла сойти за ровесницу тех рукописей, которыми заведовала.

— Наверно, не стоит. Нужно лишь, чтобы кто-то пришел ко мне домой и прочел Покойнику все, что есть в библиотеке о шайирах и годоратах.

— Выносить книги из здания запрещено.

— Я думал, что все объяснил. У меня в запасе всего несколько дней, а я даже не знаю, с чего начать. — Я снова позволил себе повысить тон.

Разумеется, Линда поняла все с самого начала. Она просто торговалась, пыталась втолковать, что не удовлетворится беглым

поцелуем и вежливым «спасибо». Так и быть, подарим ей букет желтых роз.

— Хорошо, хорошо, — прошептала она, встревоженно оглядываясь. Приложила палец к губам. Я кивнул. Ее слух был острее моего. Естественно; когда идешь работать в библиотеку, у тебя первым делом проверяют именно слух.

Линда махнула рукой: мол, иди отсюда. Я подчинился. Итак, одно дело сделано. Она принесет книги и, быть может, сама прочитает их Покойнику. Надо отдать должное логхиру: когда ему требуется, он обольщает девиц не хуже столичного кавалера. Правда, обольщать будет он, а расплачиваться придется мне.

Я спрятался в тень в глубине книгохранилища в тот самый миг, когда у плеча Линды Ли материализовалась мать всех библиотекарей. Она передвигалась столь резво, что ей в пору было принимать участие в забеге на сто ярдов: лет через десять, глядишь, и добрела бы до финиша. Опиралась старуха на отвратительного вида узловатую клюку, испещренную зарубками, которые, очевидно, обозначали количество слухаев, когда она застукивала подчиненных за разговорами. Втянутую в плечи голову венчали ключья седых волос. Она носила стекляшки, из чего следовало, что у нее богатые родственники. Очки в Танфере стоили целое состояние. Но даже с очками эта старая мымра не видела ничего на расстоянии вытянутой руки. Взбреди мне в голову, я мог бы сплясать перед ней нагишом, и она бы нишиша не заметила.

— Что тут был за шум, дитя мое? — проскрипела старуха. С другой стороны...

— Ой, миссис Крайн! Что вы спросили?

— Кто тут шумел? Было слышно даже наверху. Твой очередной ухажер?

Очередной? Ах ты тихоня!

— Ну что вы, миссис Крайн! Я просто читала вслух буквы, пытаясь понять, что написано на книге. Видите, позолота совсем стерлась.

— Да, тебе поручили собрать книги, которые нужно подновить. В следующий раз, дитя мое, будь сдержанней в выражении своих чувств... Что такое? Кто здесь?

Уже никого. Я выскользнул из книгохранилища бесшумнее мыши и на цыпочках прошел мимо охранника, чтобы не потревожить его сон.

Черт побери, что случилось с Попкой-Дураком? Он упустил такую возможность устроить сольный концерт и прославиться на весь город!

15

Снаружи было по-прежнему светло. Солнечные лучи буквально вонзились мне в глаза. Утро миновало, наступил день, но невольно складывалось впечатление, что ничего подобного не произошло и утро продлится до самой ночи.

Подождав, пока глаза привыкнут к свету и утихнет боль, я огляделся по сторонам. Библиотека находилась в деловом квартале города, куда ни посмотри, всюду возвышались правительственные здания. Большинство прохожих составляли чиновники. Я не заметил ничего необычного — иными словами, за мной как будто никто не следил.

Я двинулся своей дорогой.

Денек выдался настолько погожим, что я, несмотря на головную боль, начал поддаваться его очарованию. Именно поэтому я остановился у Королевской канцелярии — послушать, о чем толкуют ораторы-самоучки. Любой псих, которому приспичило пожаловаться на жизнь или покритиковать власти, считал своим долгом выступить перед публикой у канцелярии. Мы, то есть горожане, относились к ним достаточно терпимо; они были для нас бесплатным развлечением. Некоторых из завсегдатаев я знал лично — людям моей профессии не следует пренебрегать и подобными знакомыми. Впрочем, новых знакомств среди них я не заводил уже давно. Поскольку времени было мало, надолго задерживаться я не стал — показал большой палец Брешущему Псу Амато, бросил медяк в его кружку для подаяний, помахал рукой другим знакомцам и отправился дальше. Попугай на моем плече хранил молчание: должно быть, Покойник выжег ему мозги.

Направо, налево, вперед и вниз. Терпеть не могу ходить пешком. Существуют гораздо менее утомительные способы передвижения (правда, пешком в городе — быстрее всего). Даже великим волшебникам, разъезжающим в шикарных экипажах с лакеями на

запятках, в сопровождении охранников и трубачей, не опередить пешехода на городских улицах, потому что пеший, дабы сократить путь, может свернуть в переулок или перелезть через забор.

Я решил быть осмотрительным — перелезал через заборы, только когда не было другой дороги, а в переулки сворачивал, если знал, что это не сулит неприятностей. Ведь в некоторые из них лучше не соваться, если вам не надоела жизнь. Но все же когда возникает выбор — сто ярдов по прямой или полмили в обход...

Подобно большинству горожан, я частенько пользовался Слайт-элли. Эта уличка была относительно спокойной. На ней царило оживленное движение, поэтому скваттеры и самозваные социалисты устраивали свои демонстрации в других местах, что меня вполне устраивало: посудите сами, легко ли преследовать... гм... клиента, когда между вами то и дело вклиниваются всякие подозрительные личности?

В общем, я свернул на Слайт-элли.

Вдоль улички выстроились покосившиеся домишкы весьма популярной в ее окрестностях архитектуры, клонившиеся друг к другу, словно пьяницы, которые ищут, на кого бы опереться. Солнечный свет немного потускнел, но для меня он был по-прежнему нестерпимо ярок. Мостовая была вымощена кирпичом и, как ни странно, выглядела сравнительно чистой, хотя здесь обитали не только крысюки, но и целые колонии беженцев.

Надо же! И они, оказывается, могут соблюдать чистоту.

Интересно, прокормит ли город всех иммигрантов? Если к власти придут расисты из «Зова» и тому подобных групп, беженцам придется питаться гномами, гоблинами и прочей нелюдью.

Что такое? Я замер, ибо уловил диковинный запах, описать который невозможно. Не то чтобы омерзительный, но и не особенно приятный. Будоражащий.

Он улетучился в мгновение ока. Вот так всегда. Я двинулся дальше, окинув презрительным взглядом пьяного крысюка, который сонно таращился на меня, пытаясь сообразить, какого хрена мне тут нужно.

По его меркам, я вел себя несколько странно. Едва мои ноздри уловили диковинный запах, я стиснул в руке веревку Магодор. У меня привычка — встречать неизведанное с дубовым посохом в руках. Этот посох имел в длину восемнадцать дюймов, а в его

навершие, для вящей убедительности, был залит свинец. Но поскольку сейчас при мне посоха не было...

Я миновал парочку ответвлений, заканчивавшихся тупиками, оставил за спиной другую улочку, пересекавшую Слайт-элли с востока на запад. Солнечный свет неожиданно приобрел золотистый, осенний оттенок. По стенам домов ползли тени, некоторые из них казались смутно знакомыми.

Позади послышался шепот, словно перешептывались между собой детишки, причем на иностранном языке. Я почувствовал себя гораздо лучше, когда выбрался из переулка на широкую, заполненную людьми улицу.

Последнюю милю до Квартала Грэз я размышлял над тем, кому из руководителей всевозможных сект можно было бы пристать с расспросами. Большинство из них — настоящие параноики и не ответят ни на один вопрос даже под страхом смерти. А если вообразят, что тебя интересуют их денежки, вообще пиши пропало. По этой причине соваться к ним нет ни малейшего резона: они на дух не переносят частных сыщиков.

Потолковать с Плейметом? К сожалению, он всего-навсего проповедник-самоучка.

А может, поискать того, кто ответит на все мои вопросы, лишь бы поскорее от меня избавиться? Того, кому я нисколько не нужен? Я напряг память, вспоминая, кто был замешан в ту расплю между Церковью и ортодоксами из-за пропавших терреловских реликвий. Нам с Майей, когда мы расследовали это дело, пришлось изрядно попотеть.

Черт! Судя по всему, в Квартале Грэз у меня нет даже полезных врагов, не говоря уж о друзьях!

Я вышел на улицу Богов несколько западнее, чем рассчитывал: вот что значит пройтись по Слайт-элли. Теперь мне ничто не угрожало: Квартал Грэз считался самым безопасным местом во всем Танфере.

Я прошмыгнулся мимо Четтери и прочих дворцов, принадлежавших преуспевающим культурам. Признаться, о них у меня сохранились не слишком приятные воспоминания. Впрочем, тогда я имел дело с вероотступниками, а не с богами. Интересно, что сейчас поделывает Майя? Можно спросить у Дина. Он наверняка знает, поскольку поддерживает с нею связь.

Должно быть, солнце растопило ледяные сердца главных жрецов, поскольку по улице что твои бабочки сновали монахи, послушники и тому подобные личности. В толпе виднелись миловидные личики монахинь, производившие весьма приятное впечатление.

Первые четверо или пятеро прохожих, к которым я обратился с вопросами, слыхом не слыхивали ни о шайирах, ни о годоротах. Затем я получил парочку ответов в духе: «Что-то слышал, но что именно — не помню». Приблизительно так мне ответил бледный как смерть тип в черном плаще с капюшоном; росту в нем было семь с половиной футов, он опирался на посох, увенчанный головой кобры, и больше всего смахивал на оживленный волшебством скелет.

— Шайры? — пробормотал он. — Вы имеете в виду богов-моллюсков?

— Хотел бы я знать. — Моллюски? Бrr! Я не выношу даже обыкновенных головоногих, что уж говорить о многоруких существах, претендующих на владычество над мирозданием.

— Нет, подождите. Моллюски — это церковь Безымянной непроизносимо древней тьмы за пределами звездного неба. Прошу прощения. Я что-то припоминаю, но очень смутно. Однако вы идете правильно. Их храм стоит на берегу, того и гляди свалится в реку.

Как можно что-либо узнать у тех, кто ничего не знает?

Я поблагодарил скелета, принял приглашение посетить одну из служб культа змеепоклонников, к которому он принадлежал, и пообещал как-нибудь зайти. Обожаю эмей. Чем крупнее, тем лучше. На островах мне не раз приходилось ими завтракать.

Скелет сообщил, что у них есть змея подходящих размеров, которой не составит труда проглотить лошадь.

— Замечательно. Раскормите ее как следует к моему приходу. — А потом бросьте крысиокам.

На следующем перекрестке я столкнулся с парнем, который кое-что знал. Это был вольнонаемный гид и дворник в одном лице. Подрабатывал он чем придется, кормился подачками, спал на папертях, куда его пускали при условии, что он не станет приставать к верующим. Судя по потрепанному виду, работы у него было не так уж много.

— Пройдоха, — представился он, явно гордясь тем, что кто-то счел его достойным прозвища. — Виши, отошел маленько, а был о-го-го.

— Я так и подумал. Ты в морской пехоте не служил?

— Точно! Елки-моталки, как узнал?

Я не стал сообщать, что заметил татуировку.

— Догадался. Морского пехотинца узнаешь сразу.

— Верно, кореш, ох как верно. Ты тоже?

— Да. Первый набор. — Я скучавил вполне сознательно, чтобы избежать воспоминаний и расспросов о том, не было ли у нас общих знакомых. Ненавижу, когда люди начинают играть в эту игру. Стоит им узнать, откуда ты родом или что-нибудь еще в том же духе, и они принимаются расспрашивать, знал ли ты того-то и того-то. Можно подумать, человеку больше нечего делать, как только запоминать имя каждого встречного.

— Здорово. Нет, правда здорово. Пошли. Я покажу, где они ошибаются. Зачем, ты сказал, они тебе понадобились?

— Вообще-то я ничего такого не говорил, но меня послали узнать, что тут происходит. — Я поведал Пройдохе о наступлении Антитибета.

— Ага, слыхал, — отозвался он. — Меня звали помочь. По мне, так эти жрецы из Кантарда не имеют права выживать наших старых богов, но правила есть правила, а боги устанавливают их сами. Храмов должно быть ровно столько, сколько сказано, иначе скоро все пойдет шиворот-навыворот и город заполонят всякие придурки, которые поклоняются кровожадным редискам.

Будучи по натуре человеком добрым, я не стал расстраивать Пройдоху и упоминать о том, что на улице Богов имеются храмы, где поклоняются святым улиткам, а также брюкве и прочим овощам. Если человеческое сознание способно измыслить сумасшедшего бога, этот бог непременно появится. По крайней мере в воображении тех, кто в него верит.

У большинства нелюдей свои религии, но далеко не такие разнообразные и гораздо менее извращенные. Только мы, люди, нуждаемся в богах безумнее нас самих.

А ведь мы — будущее этого мира. Все остальные расы постепенно вымирают.

Поневоле задумаешься, не существует ли некое верховное божество, наделенное весьма своеобразным чувством юмора.

16

За пару монет Пройдоха показал мне храмы шайиров и годоротов.

— Хлам, — пробурчал я и прибавил, рассчитывая, что, исполненный благодарности, он не станет юлить: — Слушай, расскажи мне, что ты знаешь об этих богах. — Огляделвшись по сторонам, я пожал плечами. Трудно было представить, что Четтери соседствует с подобным запустением.

— Извиняй, кореш. Я слыхал только имена. Еще те, доложу я тебе. Круговод, Чародей, Ног Неотвратимый... Гнусные типы, все до одного.

— Я и не сомневался.

Шайры и годороты сражались за последний храм на улице Богов. Он стоял на полууснувших деревянных сваях, торчавших из воды. В следующее половодье его наверняка смоет. Однако он служил домом годоротам, а кому понравится, когда тебя выгоняют из собственного дома, каким бы тот ни был?

— Пока закрыты, — сообщил Пройдоха, разумея храмы, — но через пару деньков точно откроются.

— Под новым руководством?

Пройдоха нахмурился. Ему явно не хватало умственных способностей, чтобы ловить соль шуток и расшифровывать саркастические замечания.

— Внутрь зайти можно? — поинтересовался я. Замков на дверях не было.

— Это против правил.

Какой он, оказывается, законопослушный, мой новый приятель!

— Я не буду ничего трогать, обещаю. Просто осмотрюсь, чтобы было что сказать клиенту.

— Хм... — Пройдоха вновь нахмурился. Мне показалось, я слышу, как скрежещут его мозги. Таким, как он, всегда требуется кто-то, определяющий, что и как делать. — Че-то я не усек, кто ты есть.

Я объяснил, уже не в первый раз за время нашего непродолжительного знакомства.

— Что-то вроде личного охранника. Меня нанимает клиент. Правда, не для того, чтобы выкручивать руки или пробивать головы, а чтобы узнавать полезные вещи. Нынешний мой клиент хочет как можно больше узнать об этих богах.

— Короче, он хочет знать, кому достанется последний храм³ — уточнил Пройдоха.

— Молоток. — Не в моих правилах разубеждать собеседника, пускай даже он ошибается. К тому же Пройдоха был недалек от истины.

— Лады. Ты с ними не связан, значит, порядок. А если бы пришел от них, я бы поднял хай на всю улицу.

— Усек, кореш. — Сказать откровенно, мне стало немного жаль моих подопечных: а что, если храм и впрямь зайдут брюково-поклонники? Уж лучше сгинуть без следа, чем уступить свое место такому культу.

— Пошли заглянем к шайрам. Но скажу тебе прямо, ничего ты там не найдешь.

Мы вошли в храм.

— Пусто, — пробормотал я, в очередной раз явив миру свою сообразительность.

— Я же тебе говорил, — откликнулся Пройдоха, у которого, судя по всему, тоже был наметанный глаз.

Стены голые, как древняя берцовая кость громового ящера, пусто, как в голове Пройдохи.

— Мы перетащили весь скарб в развалиюху у реки, — поведал мой проводник. — А здесь велено подмести и покрасить.

Я посмотрел направо, затем налево. Выпрямиться в полный рост не представлялось возможным — мешал низкий потолок. Последнее прибежище древней религии и одновременно логово новой представляло собой комнатушку двенадцати футов в попечнике. Казалось, она отмечена той же печатью отчаяния, которую можно заметить на лицах пожилых мужчин и женщин,цепляющихся за воспоминания о молодости.

— Пошли поглядим, сколько тут серебра.

— Серебра? Гаррет, это жалкие божества. У них наверняка не найдется и медяка. Таких, как они, у нас называют свинцовыми божками. Жалкие свинцовые божки. — Пройдоха наклонился, обдав меня чесночным ароматом, и доверительно шепнул мне на

ухо: — Держи язык за зубами, кореш, а то, неровен час, услышат. Чем хуже им становится, тем сильнее они требуют уважения, мельочь пузатая. На том конце улицы о них никто и не вспомнит, а тут они еще в силе и могут тебя услышать. — Пожалуй, этим советом пренебрегать не следовало. — Слушай, Гаррет, я тебе помог, верно? Ответь-ка мне на один вопрос.

— Ну?

— Чего ты таскаешь на плече это гребаное чучело?

Попка-Дурак вел себя настолько примерно, что я совсем про него забыл.

— Это вовсе не чучело. Он просто притворяется. — Я вдруг засомневался в собственной правоте и на всякий случай ушипнул попутая. Тем временем Пройдоха привел меня к полуразрушенной лестнице, которой заканчивалась улица Богов. Похоже, лестницу давным-давно не ремонтировали. Над водой, точно густой туман, витал смрад. В воздухе кружили тучи омерзительных голодных мух.

Попутай оказался жив, хотя взгляд у него был отсутствующим.

— Эй, птичка, проснись! Видишь, человеку хочется услышать твой голосок.

Мерзкий выродок безмолвствовал.

— Ни дать ни взять маленький пацан.

— То есть?

— Стесняется чужих, — пояснил Пройдоха. — Вот останется вдвоем с папочкой, тогда и завопит. — Похоже, он не так глуп, как мне показалось.

— Точно. Знаешь, большую часть времени его приходится держать под водой, чтобы он замолчал. А язык у него как у портового грузчика. Ну и мерзость!

В храме годоротов убираться никто не думал. В него просто свалили все пожитки шайиров, даже не распаковывая — на случай, если придется выкидывать их обратно. По полу шныряли крысы вперемежку с тараканами. По всей видимости, не подметали здесь целую вечность. Зато сразу ощущался дух старины.

Пройдоха хихикнул:

— Я слыхал, у годоротов остался один-единственный поклонник, какой-то придурок с Холма. Говорят, они до сих пор целы только благодаря ему, хотя он уже лет тридцать как не встает с инвалидной коляски.

— А сами боги, естественно, и пальцем не пошевелили, чтобы тут убраться.

— А то! Я предложил нанять человека, который следил бы за храмом. Думаешь, согласились? Фига с два!

— Похоже, они сами себе злайшие враги. — Я снял попугая с плеча, убедился, что этот стервятник дышит, и посадил обратно.

— Точно, кореш. Я отпахал в Квартале Грэз двадцать восемь лет. Если думаешь, что люди дурачат себя, поболтайся здесь с мое — поймешь, что все не так.

— Ты что, и впрямь видишь богов?

Пройдоха бросил на меня исполненный лукавства взгляд.

— Кореш, ты совсем не разбираешься в здешних делах?

— Нет. Я с удовольствием оставил бы в покое всех и всяческих богов, если бы они оставили в покое меня.

— Их нельзя увидеть, если только они не соизволят тебя коснуться или если ты не проработал здесь с мое. Скажем, я вижу тени и отблески, слышу шепот, порой меня ни с того ни с сего бросает в дрожь. Может статься, нас с тобой сейчас окружает целая толпа... Говорят, когда боги становятся видимыми, они принимают форму своих идолов.

Я подобрал с пола статуэтку, которая, по-моему, изображала Магодор. Идол Мэгги красотой не отличался, у него было гораздо больше рук, клыков, когтей и змей в волосах, чем у богини, с которой я имел дело.

— Милашка, верно? С такой только шашни крутить.

— Если мифы не врут, я бы не стал. Она как паучиха. Те, кто с ней связывался и уцелел, говорят, что никакая женщина не годится ей и в подметки.

Я изучил другие статуэтки. Идолы тех образин, которые меня поймали, тоже были гнуснее оригиналов.

— Приятная компания.

— Они еще хуже, чем выглядят.

— Да ну?

— Точно. Правда, есть одна красотка... Зовут Звездочкой.

— Я о ней слышал и вполне разделяю твои чувства. А как насчет главных? Имара с Имарой? По-моему, пара идиотов.

— Имар — обычный древний бог, вечно всем недовольный, настоящая заноза в заднице. Обожает запах паленой плоти; быть может, поэтому у городотов и не осталось поклонников.

— А что ты скажешь о шайирах? Я ничего о них не знаю. Кто они такие? Сколько их? Чем они отличаются от других богов? В городотах, как ни крути, ничего особенного нет. В большинстве религий таких богов пруд пруди.

— Шайиры такие же. Хотя есть у них Торбит Круговод, Кильрак Тень и Черная Мона. Главный — Ланг, Отец Всего Сущего. По мне, так он вылупился из того же яйца, что и Имар. Они даже похожи. — Пройдоха покопался в ящичке с реликвиями шайиров. Мне вдруг подумалось, что ему, наверно, не привыкать рыться в священных предметах. — Держи. — Он протянул мне статуэтку. Идол Ланга в самом деле подозрительно смахивал на идола Имара.

— Поглядим. — Я перевернул статуэтку (у меня мелькнула мысль, что я проявляю величайшее неуважение к божеству). Разумеется, на днище имелось клеймо мастера-гнома, рядом стояла дата. Поскольку я знал гномье летосчисление, разобрать ее не составило труда. Между прочим, большинство ученых мужей пользуется именно системой гномов, поскольку человеческий календарь слишком запутан: ведь каждый мелкий тиран, прияя к власти, непременно повелевает считать годы от даты своего рождения или вступления на трон.

Я вернул статуэтку Пройдохе и подошел к алтарю, покрытому густым слоем пыли. Чихнул, взял идола Имара, обошелся с ним не более почтительно, чем с идолом Ланга. На днище статуэтки стояло то же клеймо, хотя дата была чуть древнее. Я словно наяву увидел ухмылки гномов, услышал их смешки. «Глупые людишки!» Пожалуй, если поискать, в Квартале Грэз найдется десятка двух совершенно неотличимых друг от друга идолов.

Жаль, что среди моих знакомых нет хорошего теолога. Он бы растолковал мне, какое влияние оказывает идол на внешний вид и атрибуты того или иного божества. Вот потеха, если некоторых богов выгоняют из Квартала Грэз по той причине, что их поклонники запутались в одинаковых идолах, отштампованных в мастерских гномов.

— Ты умеешь читать? — спросил я, мысленно поставив тысячу против одного за то, что нет.

— Не было времени научиться. — Моя тысяча осталась при мне. — Даже в Кантарде, когда нас всех учили, чтобы мы не

валяли дурака от безделья, я так и не выкроил даже пары деньков. А что?

— Эти идолы изготовлены в одной мастерской. Отлиты по единому образцу. Если бы ты умел читать, я бы попросил тебя проверить записи. Глядишь, и узнали бы что-нибудь любопытное.

Пройдоха фыркнул:

— Слушай, Гаррет, простым «спасибо» ты не отделаешься. Сечешь?

— Секу. Вот только осмотрю все до конца. — Шайиры были явно богаче годоротов. И несколько симпатичнее, судя по идолам.

— Если не будешь жаться, отведу тебя в заведение Стагги Мартина. Пропустим по кружечке, и я расскажу тебе, как тут бывает хреново.

— Неплохая идея. А у твоего Стагги пиво хорошее?

— Спрашиваешь! Самое лучшее. Вейдеровское.

На иной ответ я и не рассчитывал.

17

После нескольких кружек мы с Пройдохой стали закадычными друзьями. Я рассказал о нескольких наиболее выдающихся случаях из своей практики, он пустился в воспоминания о воинской службе. Я обнаружил, что делюсь собственными. Тогда служба казалась адом, но сейчас вдруг выяснилось, что можно кое-что вспомнить. Пройдоха перешел к историям, связанным с его работой в Квартале Грез; мы хотели так громко, что владелец попросил нас вести себя потише или уж рассказывать так, чтобы было слышно всем. Сюпэр. То есть сюрприз. Как ни странно, владельца звали вовсе не Стагги Мартин. Настоящий Стагги Мартин когда-то владел этим кабачком, но так давно, что никто не помнил, как он выглядел и что с ним стало. Но смена вывески была делом муторным и дорогостоящим, поэтому менять ее новый хозяин не собирался.

Попка-Дурак по-прежнему помалкивал. В его молчании было что-то неестественное. Посетители кабачка, до тех пор пока я не заказал кружку пива лично для попугая, принимали его за чучело.

Снаружи начало смеркаться. Слегка навеселе, я сказал Пройдохе:

— Мне пора, иначе моего партнера хватит удар. Дело сложное, время терять никак нельзя. Сечешь? — Да, ноги следовало уносить, и как можно скорее: я уже начал выражаться, как мой собутыльник.

Между тем Попка-Дурак, прильнувший к кружке с пивом, оживал буквально на глазах. Единственное, что можно было о нем сказать хорошего, — он разбирался в пиве.

Что с ним все-таки сотворил Покойник? Ведь эта гнусная тварь, насколько мне было известно, не затыкалась даже во сне.

Нет, вокруг явно творились какие-то дела, какие именно — я не имел ни малейшего понятия.

Заведение Стагги Мартина привлекало посетителей тем, что в нем наличествовало окно из настоящего стекла, сквозь которое можно было наблюдать за тем, что происходит на улице. Изнутри и снаружи, естественно, стекло защищала металлическая решетка, что отнюдь не улучшало вид, но кое-что разглядеть все же удавалось. Улица, как то было в порядке вещей для этой части города, называлась по одной из провинций. Самого названия я не запомнил, да и улицу бы в одиночку не нашел, но значение имело вовсе не это. Бросив взгляд на улицу с провинциальным названием за окном, я различил в вечерних сумерках рыжеволосую красотку, из-за которой угодил в беду. Она притаилась в тенях напротив двери кабачка и чем-то напоминала сейчас тролля, забредшего на бал фей.

Я поманил наследника Стагги Мартина, который не отличался доброжелательностью, но подавал замечательный напиток, своего рода эликсир святости.

— Здесь есть запасной выход?

Хозяин поглядел на Пройдоху, который кивком подтвердил, что мне можно доверять.

— Естественно. Черный ход.

Неужели чудеса никогда не кончатся?

Я осушил кружку, взгромоздил себе на плечо мистера Большую Шишку, попрощался с Пройдохой, выплеснул то, что оставалось в кружке попугая, и двинулся к выходу. Шел я покачиваясь, однако в точности придерживался указанного маршрута и рассчитывал в скромом времени добраться до дома и как следует отоспаться. Словом, был настороже, но чуть менее обычного.

Непонятно, с какой стати я решил, что угрозу могут представлять только существа мужского пола. Должно быть, перебрал. Когда начинаешь размышлять о чем-то серьезном, перестаешь обращать внимание на то, что происходит вокруг.

Я выбрался в переулок. Какой он все-таки хитрец, этот Гаррет! Если за мной следят, то наверняка не спускают глаз с парной двери. На стены домов падали лучи заходящего солнца, причудливо извивались и переплетались тени.

Я скользнул взглядом по стене, свернулся за угол, одновременно с попугаем воскликнул: «Ой!», отпрыгнул в сторону, развернулся и бросился бежать.

Меня поджидал тип, смахивавший на человека больше, чем на тролля или великана, если не считать того, что росту в нем было добрых двенадцать футов, а в руке он сжимал топор, рукоять которого в точности соответствовала расстоянию от моей головы до моих же пят. У топора было два больших — огромных! — лезвия, украшенных выгравированными на металле рунами, а рукоять, изготовленную то ли из черного, то ли из другого, но не менее прочного дерева и тоже исписанную рунами, венчал шишак с острием. Часть рун тускло поблескивала. Владелец топора являлся также обладателем длинной и всклокоченной рыжей бороды и столь же всклокоченных волос, скрывавшихся, впрочем, как и верхняя половина его лица, под железным шлемом, который Дин вполне бы мог использовать как кухонный котел. Судя по грозному виду, этот рыцарь ездил либо на драконе, либо на громадной голубой корове.

Очевидно, он хотел предупредить меня, чтобы я не уивался за его сестричкой.

Одет он был далеко не по придворной моде. Точнее, его наряд был моден этак тысячу лет назад, когда люди жили в пещерах и ходили в вонючих, плохо выделанных звериных шкурах. Но это было давно.

Должно быть, это его я унюхал по дороге к Кварталу Грез.

Попугай замахал крыльями, сорвался с моего плеча, выкрикнул что-то обидное для моего новоявленного приятеля и отвлек его ровно на столько, сколько мне потребовалось, чтобы привести в движение не желавшие подчиняться ноги. Я в кого-то врезался. «Эй, дружище, что с тобой?» Уф, повезло! То был обыкновенный

человек, возвращавшийся с работы и настроенный отнюдь не воинственно.

— Извините.

Я оглянулся. Рыжебородый размахивал топором с таким видом, словно то был не топор, а мухобойка, пытаясь задеть Попку-Дурака. Ну и дела! Я бы скорее всего не сумел даже поднять эту хреновину. Заметив меня, гигант двинулся в мою сторону.

— Смотри куда бежишь, — посоветовал тот, кого я чуть не сбил. Он явно не видел рыжебородого варвара, хотя тот шагал ему навстречу.

— О-х-х-о, — вздохнул я. — Должно быть, это кто-то из шайиров.

Ватные ноги худо-бедно несли меня дальше. Тени и золотистые лучи солнца перемещались следом. Наверно, это что-нибудь означало — по всей вероятности, не слишком приятное.

Неожиданно из проулка выступила женщина. Может быть, очередная версия той красотки, за которой я следил, когда в мире все было просто и ясно, а боги оставались дурными шутками над верующими. Я притворился, что поворачиваю влево, а когда она попалась на удочку, рванулся вправо. Мимо промчался попугай, яростно размахивая крыльями и вогня благим матом. Пожалуй, я бы тоже завопил, но следовало беречь дыхание. Чудом обогнув гнома, толкавшего перед собой тележку с ножами, я перепрыгнул через водяной желоб, проскочил между стеной дома и каким-то карликом, приземистым, жирным и лысым, юркнул в переулок, схватился за веревку — и в следующее мгновение исчез.

Немного отышавшись и стараясь производить как можно меньше шума, я выбрался из переулка и двинулся дальше.

Мимо меня, ничего не заметив, вновь пронесся Попка-Дурак. Его преследовала громадная сова. Промелькнула какая-то тень. Я вскинул голову. В небе, внимательно наблюдая за происходящим, кружила вторая сова. Впрочем, тягаться с Большой Шишкой в умении закладывать виражи им было не под силу. Попугай резко свернулся в сторону. Сова-преследовательница не сумела повторить маневр, врезалась в стену, рухнула на мостовую; казалось, она отчаянно пытается сообразить, оставаться ей собой или стать кем-то еще. Напарница устремилась следом за Попкой-Дураком, который, завывая точно моряк, обнаруживший, что вчерашняя под-

ружка пропала вместе со всем жалованьем и пырнула напоследок ножком, рванул к дому, бросив меня на произвол судьбы.

Вскоре собралась вся шайка. Рыжебородый тип с топором ворчал словно затихающий вулкан. Красотка по-прежнему пряталась в тенях. Жирный лысый карлик никак не мог оправиться от изумления. Сова, которая врезалась в стену, кое-как вспорхнула над мостовой и на моих глазах превратилась в симпатяшку лет семнадцати, на койе не было ничего, кроме легкой прозрачной накидки. Золотистый свет и тени на стене материализовались в юношу ростом около семи футов, обнаженного до талии; ноги у него были козлиные, покрытые густым бурым мехом, и заканчивались копытцами. Должно быть, они с девушкой-совой были влюблены друг в друга, ибо тут же взялись за руки.

Никто их не видел, но и проходить сквозь них не проходили. Правда, прохожих почти не было. Впечатление было такое, словно люди получили мысленное предупреждение не соваться в окрестности кабачка.

Паренек с козлиными копытами указал на то место, где я забрался в свой невидимый мешок. Что он сказал, я не слышал, но все и так было понятно.

Он видел, как я исчез. Похоже, все члены этой банды догадывались, что далеко уйти я не мог. Они выстроились в цепь и принялись искать меня на ощупь. Все, кроме милашки в накидке. Та вновь превратилась в сову и взмыла в воздух, но полетела вовсе не в ту сторону, в какой скрылся Попка-Дурак. Очевидно, отправилась за подкреплением.

В мешке мне от них не удрать, да и без мешка — тоже... Я спрятался в яме у водяного желоба. Авось, сумею отсидеться.

Они оказались упрямymi. Что ж, бессмертие учит терпению. Довольно быстро я начал подозревать, что они не столько идут, сколько чего-то — или кого-то — дожидаются. Это нимало не улучшило моего настроения.

Прилетела вторая сова, которая обратилась в полуобнаженную лапочку, отличавшуюся от первой лишь чертами лица. Все остальное было столь же аппетитно.

Да, простым людям, которые всего этого не видели, изрядно не повезло.

По всей видимости, фавн — вообще-то он лишь отдаленно походил на настоящих фавнов из леса Арабраб — и к этой девуш-

ке относился весьма дружелюбно, да и она, похоже, ничего против него не имела. Они тут же начали поглаживать и пощипывать друг дружку, а остальные, как ни странно, ничего не замечали.

Я принял изучать окрестности.

Интересно, удалось ли удрать Попке-Дураку?

18

Некоторое время спустя я начал подозревать, что перехитрил сам себя. Надо было не прятаться, а уносить ноги. Шайиры явно чего-то ждали.

Я выбрался из ямы, придилично оглядел себя с ног до плеч. Как будто никакой грязи ко мне не прилипло. Шайиры вдруг перестали искать, замолчали; некоторые прищурились, другие скосили глаза. Должно быть, они почувствовали, что я зашевелился.

С неба свалилась первая сова, превратилась в девушку и тут же принялась отпихивать от фавна, который и не подумал извиваться, свою соперницу. Рыжебородый заворчал как вулкан, готовый плюнуть огнем. Его топор со свистом рассек воздух. Редкие прохожие на улице стали озираться по сторонам. Первая девушка на мгновение отвлеклась от фавна, передала свое сообщение и вернулась к прежнему занятию. Судя по довольно виду шайиров, сообщение их обрадовало.

Гаррет, у тебя серьезные неприятности.

Как бы мне их одурачить?

Никаких полезных мыслей в голову не приходило. Единственное, что оставалось, — двигаться. Я перебрался через невысокую стену и заскользил на север. Меня прохожие тоже не видели, но поскольку я не был богом, обходить не собирались. По счастью, тип, в которого я врезался, был сильно на взводе. Он извинился и побрел прочь; лишь немного погодя у него отвисла челюсть, и он завертел головой. Будем надеяться, что шайиры ничего не заметили.

И тут какой-то олух распахнул дверь своего дома, но не вышел, а встал на пороге, перерутиваясь с благоверной. Супруга отпустила в его адрес два-три едких замечания. Пока он обдумывал ответ, я проскользнул в дом и очутился в крохотной комнаташке, где, судя по запаху, хранились мировые запасы чеснока. На мгновение мне стало жаль тех, кто живет в этом доме. Они

явно не брались за уборку со времени Великого Землетрясения. Знаете, как бывает: столетия проплывают мимо, а в шкафах копится добро, которое давным-давно следовало выкинуть, и даже плесень покрывается плесенью...

Хозяйка дома возлежала на потрепанной циновке, сжимая в одной руке бутылку с дешевым вином, а второй придерживая такую же бутыль у губ. Невидимые мужчины в доме ее не пугали. Я расположился так, чтобы видеть улицу сквозь щель в двери (окон в доме не было).

Из аллеи приблизительно в половине квартала к северу выглянул худощавый тип с крыльышками на голове. Заметив типа, шайиры заволновались и устремились к нему.

Крыльышковый скрылся из вида.

Сравнение «как молния» к нему не подходило. Он исчез быстрее облачка на небе в ясный день. Диковинная ватага кинулась за ним, воинственно завывая и размахивая оружием.

Я решил воспользоваться случаем, вылез из мешка, чем страшно напугал хозяйку, которая поперхнулась вином.

— Осторожнее, дамочка. Эта гадость стоит денег.

Помахав женщине рукой, я вышел на улицу и пошел прочь с видом человека, который идет по своим делам. Убедил себя, что мне в башмак попал камень. Мысленное воздействие изменило мою походку.

Пройдя три квартала и не встретив ни единого бессмертного, я рысью направился домой.

Пронесся порыв ветра. Рядом со мной возник тот самый тип с крыльышками.

— Спасибо, — сказал я.

Он загадочно посмотрел на меня и понесся вперед. Если присмотреться, его вполне можно было разглядеть в сумерках: он всего лишь быстро уменьшался в размерах.

Я сбавил шаг, чтобы ничем не отличаться от остальных. На моих губах заиграла улыбка.

19

Совы всегда сулили несчастье, в особенности — если летали днем. Именно они навели меня на мысль, что я, пожалуй, рано обрадовался. А совам предшествовало появление целой стаи ворон.

Вороны — птицы обыкновенные; когда сбиваются в стаи, они ведут себя как мальчишки-подростки. А когда видят пернатых хищников, которых можно оципать, превращаются в весьма кровожадных тварей. На сей раз их жертвами стали две знакомые мне совы. Причем ворон было так много и каркали они так громко, что привлекли всеобщее внимание.

Я прислушался к разговорам. Судя по всему, сов видели только мы с воронами, прохожие их не замечали. Хватало разговоров о знамениях. Что поделаешь, такие времена. Люди отчаянно ищут тех, кто сумеет наставить на путь истинный. Вот почему процветают религиозные культуры и астрология с хиромантией.

Быть может, у ворон зрение острее, чем у людей, а может, их просто так не одурачишь. Или они сами — наполовину божественного происхождения. В конце концов вороны присутствуют в мифах и преданиях многих народов.

Короче, вороны погнались за совами, что меня вполне устраивало: совам явно было не до Гаррета.

Продолжая рысить в направлении дома, я вдруг задумался: а не вернуться ли мне в Квартал Грез и не укрыться ли в одном из больших храмов, где меня не достанут никакие шайиры с годоротами?

Я выбежал на площадь монастыря Гравис. Сам монастырь давно разобрали по кирпичику, а на площади устроили блошиный рынок, где торговали всем на свете, от сена до продуктов и одежды. Скорее всего площадь уцелела благодаря тому, что кто-то подкупил нужного чиновника, иначе ее давно бы застроили. Когда речь заходит об общественном благе, я сразу начинаю принюхиваться — не пахнет ли коррупцией или скандалами.

В центре — очевидно, там, где находился заполненный бутом фундамент монастыря, — площадь слегка просела. Ее ширина составляла около двухсот футов. Я преодолел футов двадцать, когда рядом со мной возник крылатый Йоркен. Я пыхтел от напряжения, а он, похоже, вовсе не дышал.

— Пошевеливайся, — посоветовал он.

Тоже мне, гений. Я оглянулся — и понял, что в его словах есть доля истины.

— Неплохая мысль.

Выполнить ее оказалось нелегко. На площади кишили продавцы и покупатели, карманники и гадалки; больше всего было зевак, которые изнывали от безделья.

Я снова оглянулся. Йоркен положительно был прав. К шайрам прибыло подкрепление. Женщина верхом на единороге, почти полностью обнаженная, мускулистая до безобразия, ростом футов шесть с половиной, кожа лиловая, как баклажан, на голове железный шлем с полумесяцем на макушке, вся увешана оружием. К седлу приторочены веревки и сети, на руке сокол, у ног скачут псы, жуткие твари, помесь волка и гончей, огромные, как пони, на которых ездят гномы.

Пожалуйста, богиня охоты во всей своей красе. Подобно многим древним богам, наверняка со странностями. Питается собственными детьми или что-нибудь еще в том же духе.

Псы захлебывались лаем, копыта стучали, преследователи улюкали. Богиня-охотница была не единственной, кого я раньше не встречал. Над мостовой плыла фигура, напоминавшая развороженный стог сена; время от времени эта фигура роняла клубы черного дыма. Не было видно ни рук, ни лица, но, взглянув на фигуру, я вдруг *ощутил* слабость и пошатнулся. «От Нога не скрыться», — прогремел у меня в голове чей-то голос, похожий на голос Покойника, только, если хотите, с душком.

Вернулся Йоркен, раздосадованный моей медлительностью.

— За мной. — Он вновь полетел прочь, но уже не так быстро. Толпа раздавалась перед ним, хотя никто из простых смертных Йоркена не видел. Я пропустил за ним.

К сожалению, от судьбы не скроешься.

20

Охотница неумолимо приближалась. Расстояние между нами сократилось ярдов до тридцати, и тут я резко свернул. Голос в моей голове напомнил: «От Нога не скрыться». Обладатель голоса плыл среди стаи гончих. Казалось, он удивлен тем, что у меня хватает наглости убегать.

Я бросился в узкий переулок, на бегу снимая с талии волшебную веревку. Йоркену это не понравилось. «Не смей!» — крикнул он и для вящей убедительности покачал головой.

Я его не послушался — залез в свой мешок и продолжил путь уже невидимым. Быстро темнело, но я все же разглядел, как охотница со свитой пронеслась мимо переулка. «А ты боялся», — с усмешкой бросил я Йоркену. Тот было ухмыльнулся в ответ, но ухмылка тут же сползла с лица крылатого посланца.

Я обернулся и увидел у себя за спиной нечто черное и бесформенное. Затем показалась охотница. У ног единорога суетились псы: отталкивая друг друга, они пытались взять след, которого там не было. Впрочем, мои преследователи полностью доверялись чутью — или слуху, или не знаю уж чему — старины Нога.

Несмотря на то, что я был невидим, вырваться на свободу мне не удалось. Я попытался было без лишнего шума скользнуть в чью-нибудь заднюю дверь, но меня настиг Ног. Послышался шорох, словно волочилось по земле, шелестя чешуей, змеиное тело. В мой невидимый мешок начали просачиваться через отверстие вверху некие черные червячки. Голос сообщил: «От Нога не скрыться».

Похоже, старина Ног знал, что говорит.

От него, скажем так, попахивало. К сожалению, мне не представилось возможности дать ему, как мужчина мужчине, совет относительно правил личной гигиены. Меня будто хватил паралич. Я все сознавал, но не мог пошевелить и пальцем. Убедившись, что я в столбняке, Ног выскользнул из мешка наружу. Рук у него вроде бы не было, однако он ухитрился подтащить мешок к охотнице. Та запустила руку внутрь, поширила, схватила меня за локоть и выволокла на волю с такой легкостью, словно я был куклой. Несчастного Гаррета перекинули через единорожью спину, после чего богиня испустила торжествующий вопль и натянула поводья. Единорог встал на дыбы, забил в воздухе копытами — и рванул с места в галоп; собаки помчались следом, Ног Неотвратимый плыл рядом с животным. Над нами промчались совы; их по-прежнему преследовали вороны, однако они выкроили мгновение, чтобы отметить успех своих собратьев радостным уханьем. Охотница наложила на черный лук, который неожиданно возник у нее в руках, стрелу с серебряным наконечником. Выстрелила — и на мостовую рухнула громадная черная птица. Стрела прошла насквозь, сделала в воздухе петлю и вернулась обратно к мамочке.

Объяснять дважды воронам не пришлось. Они слегка отстали, но до конца от погони не отказались. Время от времени то одной, то другой сове доставалось от них по-новой (обе птички, надо признать, все больше напоминали ощипанных куриц).

Мы покинули Танфер и направились на юг, к богатым поместьям. Терпеть не могу эти места. Всякий раз, когда я туда попадаю, со мной обязательно что-нибудь случается. Стоит только посмотреть на моих похитителей, чтобы сообразить, что предчувствия меня не обманывают.

Интересно, почему никто из прохожих не полюбопытствовал, что это за парень плывет по воздуху. Или, очутившись на спине единорога, скрючившись в позе, нимало не соответствовавшей моему положению в обществе, я тоже стал невидим для простых смертных?

По дороге к нам присоединились остальные шайиры. Некоторые из них, в особенности тучный лысый карлик, с трудом успевали за охотницей. Тем не менее никто и не подумал сбавить шаг. Какие они милые, эти боги!

21

Огромный дом прятался за деревьями. Перед ним, на расстоянии четверти мили, возвышалась каменная стена высотой около десяти футов. У ворот, в духе времени, стояли охранники, однако сами ворота были распахнуты настежь. Шайиров охранники не заметили, меня — тоже, поскольку я до сих пор сидел внутри своего невидимого мешка. Черт побери, я сам облегчил шайирам задачу!

К дому мы подъехали уже в темноте. Как следует разглядеть здание мне не удалось; я подумал, что вряд ли узнаю его при свете дня. А стоит ли сюда возвращаться днем? Кстати сказать, знает ли Покойник, где я и что со мной стряслось? Эх, лезет в голову всякая чушь...

Охотница спешилась, швырнула поводья подручному божеству — пухленькому мальчугану, который наверняка стал бы победителем в мировом конкурсе обладателей золотистых кудрей. Затем стащила меня с единорога, взвалила на плечо и внесла в дом. Мальчуган взмахнул крохотными крыльшками и полетел прочь, ведя в поводу единорога.

Меня кинули на медвежью шкуру, расстеленную у камина, в котором потрескивало пламя. Мебели в комнате почти не было (должно быть, раньше здесь в дождливые дни устраивали балы). Я уставился на свою пленительницу, прекраснее которой не встречал в жизни. К несчастью, в ней не было душевного тепла, она буквально источала ледяной холода. Готов спорить на что угодно, она — из разряда богинь-девственниц.

Ног что-то проскрипел. Совы подлетели к огню и превратились в прелестных, но слегка потрепанных девушек. От их прозрачных накидок осталась едва ли пара-тройка нитей. При иных обстоятельствах я бы, пожалуй, захлопал в ладоши...

Великан с топором, карлик и все прочие, включая собак, глядели на медвежью шкуру. Насколько я понимаю, интересовал их вовсе не дохлый медведь.

Я различил и другие лица (и звериные морды). На всех лежала, если можно так выразиться, печать мифологичности. По одной из стен пробежали тени, возник паренек с козлиными копытцами, который тут же начал приставать к девушкам. Приятный голос, в коем, впрочем, прозвучали снисходительные нотки, произнес:

— Мистер Гаррет, не соблаговолите ли для начала вернуться в нашу реальность?

Я задергался всем телом, кое-как извернулся и вытаращился на типа, восседавшего в кресле у камина, как две капли воды похожего на Имара. Возможно, то был близнец верховного бога годоротов, более цивилизованный, чем его брат, способный не только рычать, но и достаточно вежливо изъясняться. Он протянул руки к огню, словно у него были проблемы с кровообращением.

Я напряг силы и со стоном (ни в коем случае не садитесь на лошадь, если вас не вынуждает к тому ситуация) поднялся. Повозился с узлом, наконец развязал и выбрался из мешка. Никого из моих похитителей чудесная веревка Магодор, похоже, не заинтересовала. На всякий случай — а вдруг кто-нибудь из них одумается? — я поспешил спрятать веревку.

Да нет, зачем им какая-то веревка, когда у них есть Ног, божество мусорных куч.

— Примите мои извинения за тот способ, каким вас сюда доставили, мистер Гаррет. Вы отчасти виноваты сами. Вам не следовало убегать.

Я глядел на него добрых пятнадцать секунд, потом сказал:

— Нет, вы не из них.

— Простите³ — озадаченно переспросил он.

— Не из шайиров. — Я обвел рукой комнату. Он нахмурился. — Никогда не слыхал, чтобы у богов были хорошие манеры. Уж об уважении к смертным я и не говорю.

На его лицо легла тень. Она отличалась от тех теней, что царили в комнате; это была тень изнутри, тень раздражения.

— Если желаете, мы можем разговаривать иначе.

— Я бы предпочел, чтобы со мной вообще не разговаривали.

Я не трогаю вас, вы не трогаете меня, и все довольны.

— Не все. Вы нам мешаете. Угрожаете нашему существованию. Неужели вы полагаете, что мы можем такое допустить?

Я сглотнул три раза подряд. Тип в кресле отличался тем же буйным правом, что и его близнец, только вел себя несколько сдержанней. Однако если вдуматься, мое положение далеко не безнадежно.

— Как же я могу угрожать вашему существованию?

— Годороты наняли вас с тем, чтобы вы отыскали Храмовый Ключ. Они забыли сказать, что та группа, которая потерпит поражение в борьбе за ключ, исчезнет без следа.

— По-моему, вам нужен кто-то другой. Я ничего не знаю ни о каком ключе.

По комнате пронесся шепоток. У меня по спине поползли мурашки.

— Странно, мистер Гаррет. Торбит утверждает, что вы почти искрени. Однако... — И он пустился во всех подробностях описывать мою встречу с годоротами.

Я огляделся по сторонам, пытаясь запомнить лица. Покойнику — если мы с ним когда-нибудь снова встретимся — наверняка пригодятся малейшие подробности.

— Вам прекрасно известно, что ни на что конкретно я не согласился. Моею целью было выбраться оттуда.

— Тем не менее вы и не отказались, — заявил добродушный двойник Имара.

— Никакой суд этого не проглотит. Сплошное принуждение и физическое давление. — Ответом мне был недоуменный взгляд. Естественно. Иначе боги просто не умеют, поэтому и не понима-

ют. Они привыкли повелевать людьми. Смертные для них — игрушки.

— Да, клятву верности вы годоротам не давали, — признал мой собеседник. — Это весьма разумно. Однако что привело вас на улицу Богов? Почему вы начали задавать вопросы и с какой стати забрались в храм?

— Я был уверен, что меня пытаются обдурить. Честно говоря, годороты на богов не тянут. Сами посудите, называться богом может каждый. А где доказательства? Они не продемонстрировали мне ничего сверхъестественного, так, трюки из арсенала бродячего фокусника. — О волшебной веревке я упоминать не стал. — Короче, я решил, что со мной валяют дурака.

Публика зашевелилась. Скорее всего меня не поняли. Тип в кресле погрузился в размышления. Пускай подумает. Вряд ли он, конечно, воспримет точку зрения смертного, но все же...

Вновь послышался шепот, от которого стыла в жилах кровь.

— Похоже, вы вновь говорите почти искренне. Отлично. Надеюсь, вы представляете себе ситуацию. В Танфере появились чужие боги, которые сразу получили место на нашей улице. Это означает, что многим божествам суждено испытать определенные неудобства, а для нас с годоротами — что кому-то придется исчезнуть. Лично я не хотел бы сгинуть без следа.

— Я тоже.

— Вы по-прежнему убеждены, что вас обманывают?

— Да нет, мне все больше кажется, что дело серьезное.

— Мне нужен ключ, мистер Гаррет.

— Если хотите, могу за вас помолиться.

С лица моего собеседника сорвались крохотные молнии. По всей видимости, я сказал что-то не то. Правда, он быстро овладел собой.

— Вы убегали от моих друзей. Почему? Ведь вы не служите годоротам.

— А вы посмотрите на них. Ни дать ни взять кошмар наяву.

Вновь засверкали молнии, прогремел гром. Гаррет, ты перегнулся палку. Я огляделся. Твари, которые шныряли в тенях, могли прятаться у меня под кроватью в далеком детстве. Шайиров было гораздо больше, чем годоротов. И выглядели они не слишком дружелюбно. Одним словом, смерть язычнику.

— Где вы собираетесь искать ключ?

— Нигде. Я всего лишь хочу, чтобы меня оставили в покое. Думаете, приятно, когда к тебе пристают всякие подозрительные личности, нисколько не заботящиеся о твоем благосостоянии?

В очередной раз послышался шепот. Толпа, которая, если меня не обманывало зрение, становилась все гуще, зашевелилась. Кстати, насчет кошмаров наяву я слегка погорячился. Там были очень даже симпатичные богини с нормальными волосами, прелестными зубками и вполне пристойным количеством рук.

Перевод не требовался. Торбит Круговод — кем бы он там ни был — подтвердил полное отсутствие интереса с моей стороны. Ничего я искать не собираюсь. Плевать я хотел на Храмовый Ключ. У Гаррета нет ни малейшего желания спасать чью-то божественную задницу.

— Знаете, у меня есть друзья-пивовары, которым нужна моя помощь. Я бы охотно занялся их проблемами.

— Времени в обрез, мистер Гаррет. Нам необходим смертный, который бы нас выручил. У нас не так много приверженцев, все они весьма почтенного возраста. Поймите, здесь нужна не вера, а добрая воля. Вы — самый подходящий кандидат. Вы работаете за плату. Мы вознаградим вас так, как вы и не мечтали.

Ну да. Обещать все мастаки, а как доходит до расчетов, получаешь пшик.

22

Уверен, что вслух я этого не произносил. Но, должно быть, моя мимика была достаточно красноречивой. Эх, Гаррет, Гаррет, кто же так ведет себя с богами?

Главарь прорычал:

— Заприте его в темнице. Пускай пораскинет мозгами, авось, образумится.

Я попытался возразить, но мрачные личности, похожие на оживших горгулий, оставили мои возражения без внимания. У них были каменными не только головы, но и мышцы. Проголосовали: большинство высказалось за предложение Ланга (единствен-

ным голосом против был мой). Меня выволокли из комнаты, потащили по лестнице, мимо двух дряхлых старишечек, которые прекрасно все видели и даже склонились в подобострастном поклоне. В конце концов я очутился в довольно просторном помещении, обстановку которого составляли рваное армейское одеяло (наверняка краденое, иначе его бы здесь не было), хилая свечка и два горшка емкостью в кварту, один пустой, а другой полный. Очевидно, мне предстояло исполнять обязанности прокладки между горшками.

Дверь захлопнулась. Я тут же принялся за дело, то есть, как от меня и ожидали, пораскинул мозгами и решил, что уж лучше подчиниться. Если бы бедолагу Гаррета не отвлекли, он бы, пожалуй, и впрямь поддался на уговоры Ланга.

Еще не успела опуститься поднятая моим появлением пыль, как дверь распахнулась и в темницу ворвались девушки-совы. Они даже не потрудились что-нибудь на себя накинуть. Их глаза озорно сверкали. «Ой!» — воскликнул я, и тут они на меня набросились.

Они явно предпочитали дело словам. Сказать откровенно, я не добился от них ничего, кроме глупых смешков. Когда я попытался принять суровый вид, они восприняли это как вызов. Не могу не похвалиться: уже не сопротивляясь неизбежному, я все равно продолжал задавать вопросы, ибо помнил, что должен отрабатывать свой хлеб.

Некоторое время спустя у меня возникли опасения, что допрос будет продолжаться вечно. Мои подружки проявляли удивительную ненасытность.

Когда они наконец ушли, я рухнул на пол. Интересно, что это означало? Они не пытались ничего выведать, не требовали никаких обещаний — были весьма прямолинейны, настойчивы и целеустремленны.

Дверь распахнулась вновь. Появилась женщина, которая меня во все это впутала. У нее опять были рыжие волосы, и выглядела она очень неплохо.

— Похоже, Лила с Димной здесь уже побывали, — проговорила она, принюхавшись. Таким тоном люди обычно рассуждают о погоде.

- Понятия не имею, что им было нужно...
- Они получили, что хотели. Это простые, глупые девицы...
- Что простые, я заметил.
- И глупые. — Женщина постучала себя по голове. — Тебе нравится моя внешность?
- Я готов завыть на луну. — Она буквально притягивала к себе. — Но вам от этого пользы не будет.
- Устал, бедняжка.
- При чем тут это? Просто я не люблю, когда меня к чему-то принуждают. Сразу становлюсь упрямым.
- Ты должен кое-что понять. Даже если шайиры не получат того, что им нужно, тебе этого тоже не видать.
- То же самое утверждали годороты. Ну и ладно. А вот если заупрямлюсь, кранты всем — и годоротам, и шайирам. — Упоминание о крантах мне не слишком понравилось. Не то чтобы я сам себе верил, но... Надеюсь, Торбит не прислушивался к нашей беседе.
- Чего ты хочешь?
- Чтобы меня оставили в покое.
- И не рассчитывай. Ты же разумный человек, Гаррет. Давай заключим сделку.
- Дело в том, что сделки с богами чреваты для людей неприятностями. Если верить мифам, боги частенько забывают о своих клятвах. Сулят смертным золото и женщин, обещают власть над миром вообще и над конкретной страной в частности — мол, только выполните нашу просьбу. А стоит спасти божественную задницу... — Между прочим, раз уж речь зашла о божественных попках, с этой частью тела у моей собеседницы все было в порядке. — В благодарность идиота-смертного, помнится, превращают то ли в рыбу, то ли в птицу...
- Ты циник, Гаррет.
- Уж какой есть.
- Женщина задумалась.
- Пожалуй, ты прав. Отчасти. — Она пристально поглядела на меня. Ее тело словно излучало жар, однако лицо оставалось бесстрастным.
- Что такое?

— Ты для меня загадка. Я встречала верующих и неверующих, фанатиков, скептиков и еретиков, но еще ни разу не сталкивалась с человеком, которому было бы на нас плевать. — Как ни странно, подобное отношение ее нисколько не гневило, скорее забавляло.

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

— В покое оставляют только мертвых.

— Ну да, и это зависит от того, каким богам они молились при жизни.

— Может быть, упрямец, может быть. — Женщина одарила меня загадочной улыбкой и вышла из камеры. По всей видимости, она осталась довольна беседой.

В Танфере было несметное количество богов. У каждого пантеона, естественно, была своя религия. Некоторых богов иначе как сумасшедшими назвать было нельзя. Если соперничающие пантеоны, те же годороты и шайиры, являются смертным и подтверждают существование не только свое, но и своих врагов, отсюда следует, что существуют и все остальные божества. С моей извращенной точки зрения напрашивался и другой вывод: что вероисповедания истинны все до единого.

Может, основать свою собственную церковь — скажем, Божественного Хаоса? Все истинно, и нет ничего истинного.

Мысль о том, что все боги существуют на самом деле, отнюдь не была для меня неожиданной. Мне всегда нравилось представлять, что боги существуют до тех пор, пока в них хоть кто-то верует. Однако от сделанного мной вывода бросало в дрожь. Выходило, что те догмы, которым следуют приверженцы наиболее бредовых культов, истинны, если в них кто-то верит. Если эта идея овладеет массами, немедленно начнутся разборки. Среди религиозных представлений есть и более, и менее привлекательные. Лично мне симпатичен рай с пылкими красотками и бесплатным пивом, именно в такой я хотел бы попасть после смерти; не хочется ни превращаться в искорку света, ни становиться угрюмым призраком вроде тех, какие вызывают некроманты, ни изнывать до скончания времен от вечных мук, ни тем паче просто и тупо умереть (что, по-моему, вероятнее всего).

Пожалуй, над этим стоит задуматься.

23

К сожалению, меня одолевали посторонние мысли, да и подумать толком мне не дали. Каждые пять минут дверь распахивалась, и появлялся очередной шайир с тем же самым поручением — уговорить брата Гаррета, убедить, что он должен найти ключ. Я получил несколько весьма интригующих предложений от парочки богинь, на которых, судя по их со мной обращению, произвел неизгладимое впечатление. Может, так оно и было на самом деле. В глубине души я пожалел, что нет времени воспользоваться этими щедрыми предложениями.

Наконец я задремал, затем погрузился в чудесное сновидение, в котором пышнотелые богини решили основать вместе со мной новый рай на земле. Они согласились забыть своих прежних товарищей и супругов, этих любителей шнырять в тенях и размахивать оружием, мрачных и бесстолковых типов. И тут надо мной вновь распостерла черные крылья моя проклятая судьба.

В дверь постучали.

Почудилось, будто жужжит пчела. Защептались голоса. Жужжание стихло.

Стук в дверь повторился.

Я не откликнулся — наверно, потому, что никак не мог оправиться от изумления: надо же, у кого-то хватило вежливости не вламываться без разрешения! Короче, я решил не высовываться: приоткрыл один глаз и стал ждать.

Дверь открылась.

На пороге стояла девушка. Какой сюрприз!

С первого взгляда она показалась мне деревенской простушкой, со второго — померещилось, что я ее знаю. Она походила на крестьянскую дочь, так и пышущую здоровьем, от рождения обретенную на полевые работы и беспрерывные роды. Но не стоит забывать, что меня окружают боги: скорее всего эта девушка — богиня телят или весенних посевов.

Она тронула меня за плечо. Я пригляделся повнимательнее. Свеча сквозь нее не просвечивала. А все предыдущие посетители, не важно, как они себя вели, отличались некоторой... гм... прозрачностью.

Я открыл глаза и уставился на девушку. Нахмурился. Мы явно были знакомы... А! Она смахивала на резко помолодевшую Имару, жену Имара. Впрочем, верховный бог шайиров выглядел как близнец главаря годоротов. Может, передо мной дочь Ланга? Да нет же! Я встречал ее в парке. Точно!

— Чего надо? — осведомился я.

Девушка, по всей видимости, не собиралась воспользоваться древнейшим женским средством убеждения.

— Тсс. Я пришла помочь.

— Забавно. На волшебницу ты не похожа. — Я ушипнул ее. Она вздрогнула. У всех моих гостей кожа была почти горячей, а тут — нормальная температура; к тому же девушке явно недоставало божественного самообладания. — Ты — человек. — Умница, Гаррет! Я точно видел ее в парке, никаких сомнений. И пикси тоже видели.

— Наполовину. Пойдем. Ну скорее же! — Из коридора донеслось сердитое жужжание. — Торопись, пока они не сообразили, что кто-то проник в дом.

Чтобы принять решение, мне потребовалась целая вечность — шесть или семь секунд.

— Веди. — Вряд ли мне грозит что-то более серьезное, чем та ловушка, в которую я угодил. Ведь вот как бывает: бросил косточки — и... — Кто ты такая? Зачем ты за мной следила? И что тебе нужно?

— Тсс! Объясню, когда выберемся.

— Договорились. — Я залюбовался ее стройной спинкой и тем, что пониже. На девушке была белая крестьянская юбка с бледно-голубым фартуком. Прелестный вид.

Признаться, во всем этом бардаке было кое-что приятное. Не помню, когда встречал столько симпатичных женщин за столь короткое время.

И пускай некоторые из них со странностями. В конце концов у каждого из нас свои слабости, а жизнь учит идти на компромиссы.

Светлые волосы девушки были заплетены в косы. К ней лучше всего подходило слово «крепкая». Во всех смыслах. Как правило, это качество мужчин особенно не интересует. Однако...

Девушка поманила. Я встал. Она приоткрыла дверь, выглянула в коридор, поманила снова. Я вновь уловил сердитое жужжание. Невидимая пчелка то ли сердилась, то ли проявляла нетерпение.

Охранника у двери не было. Навряд ли шайиры его вообще выставляли. Зачем им охранники, когда у них есть Ног? А может, то было очередное проявление божественного высокомерия по отношению к смертным.

Интересно, как моя новая подружка намерена справиться с девушками-совами, Ногом и охотницей, у которой собаки, оружие, сети — и никакого чувства юмора?

— Идем! — поторопила меня девушка, не повышая голоса. Молодец, знает толк в конспирации.

Да, она была вполне материальным существом. Половицы тихонько поскрипывали под ее ногами. Под моими они застонали. А те, кто навещал меня раньше, двигались бесшумно.

— Сюда, мистер Гаррет.

Чтобы выбраться на волю, девушка избрала странный маршрут — не тот, каким меня доставили в мое просторное обиталище, и не тот, который выбрал бы я сам. Узенький коридорчик вывел нас к раскрытыму окну. Прохладный ветерок шевелил белые занавеси. Снаружи светила почти полная луна, в свете которой дом казался огромным кладбищенским надгробием. Любопытно, что же дальше?

Жужжание стало вдруг гораздо громче. Кто-то произнес:

— Давай, детка, шевели попкой.

Голос доносился снаружи, откуда-то сверху.

Девушка вылезла в окно. По-видимому, ее совершенно не смущало то, что одета она неподобающим образом. Высунув голову, я обнаружил, что моя спасительница карабкается вверх... Бrr! Какого?.. Где веревка? Веревки не было и в помине, хотя я ожидал обратного.

Вновь послышалось жужжание. Я вскинул голову и успел заметить некое движение на крыше.

Между тем девушка забралась на выступ не шире моей ладони и, не теряя времени, двинулась куда-то вбок.

Только тут я заметил, что выступ — на деле вовсе не выступ, а верхняя кромка какого-то причудливого барельефа,

разглядеть который было невозможно, поскольку лунный свет на него не падал. Сделав глубокий вдох, я совсем было собрался сообщить юной красавице, что предпочитаю ходить по земле, но меня опередили.

— Эй! — воскликнул кто-то у меня за спиной. — Эй, там! Ты кто такой? Что ты здесь делаешь?

Обернувшись, я увидел старика, скорее всего привратника. На нем была ночная рубашка, однако в руке он держал устрашающего вида мясницкий нож. В коридорчик из распахнутой настежь двери сочился тусклый свет. Если его навещали столь же часто, как и меня, неудивительно, что он спит с мясницким ножом...

Судя по всему, вступать в беседу старик не собирался. Он взмахнул ножом. Я прикинулся, не воспользоваться ли веревкой Магодор. Но времени было в обрез, да и куда тут ее привяжешь?

Может, прыгнуть — и вся недолга? Подумаешь, упаду, зато не зарежут. До земли не больше мили...

Далекое жужжание усилилось.

— Чего застрял, придурок? Дай ему в рыло, и пошли. — Я уловил аромат «травки».

Оглянувшись, я узрел пухленького младенца с лицом тысячелетнего карлика. Младенец плавал в воздухе, на нем была только набедренная повязка, подозрительно смахивавшая на пеленку.

— Ну чего вылупился? Шевелись, козел! — Он вскинул голову и гаркнул: — Эй, детка, ну и обормота ты себе подцепила!

Он держал в руках крошечный лук, за спиной у него болтался колчан со стрелами, во рту тлела громадная самокрутка. Жужжание доносилось у младенца из-за спины, запах исходил от самокрутки.

Я кое-как взобрался на выступ. Говоришь, обормот? Гляди. Армейская закалка иногда годится и на гражданке. Смотри, карапуз!

Старик высунулся из окна и вновь взмахнул ножом. Ржавый клинок нанес воздуху глубокую рану в опасной близости от моего носа. На мгновение мне показалось, будто старикан намерен вылезти наружу.

Тональность жужжания изменилась. Продолжая карабкаться, я рискнул повернуть голову. Младенец наложил на тетиву стрелу,

выстрелил и поразил старика в тыльную сторону той ладони, в которой он сжимал рукоять ножа.

— Поднажми, придурок! Если бы не ты, меня бы никто не заметил.

— По мне, лучше бы тебя здесь и не было.

Как все же приятно быть молодым и глупым! Лет десять назад я бы забрался на такую стену не глядя.

Футах в двадцати над окном болтался конец веревки, спускавшейся с крыши, козырек которой нависал над нами. Хорошо еще, что для подъема выбрали самое никакое место... Моя новая подружка, молодая и глупая, просто-напросто подпрыгнула, ухватилась за веревку и полезла вверх. Старик с ножом, несмотря на раненую руку, последовал ее примеру и повис, выпучив глаза.

Когда ноги девушки исчезли за парапетом, летучий младенец взмыл вверх с той же медлительной грацией, какую можно наблюдать у крупных летающих насекомых: они как бы подчеркивают всем своим видом, что презирают закон тяготения, обрекающий большинство их собратьев на вечное пребывание на земле. Поднимаясь, карапуз так и сыпал цветистыми фразами. Какую пару мы бы составили с этой девушкой! У нее — болтливый карапуз, у меня — мистер Большая Шишк...

Я зажмурился, вдохнул полной грудью, прислушался к крикам старика, открыл глаза, помахал бдительному старикуашке рукой — и шагнул вперед.

Когда мне было девятнадцать, мы с приятелями выпендривались друг перед дружкой, а заодно и перед врагом, рискуя сломать себе шею. Но теперь-то я разменял четвертый десяток, живу гораздо более разумеренно и комфортабельно. В известной мере, разумеется. Ну почему я отказался, когда папаша Вейдер предлагал мне работу на пивоварне?

Я ухватился за веревку, обнаружил, что в руках еще сохранилась какая-никакая сила, подтянулся и полез вверх. Естественно, в моих движениях не было и намека на изящество, однако это меня ничуть не волновало.

— С ума сойти, детка! Этот хмырь оторвал-таки свою задницу!

— Быстрее! — крикнула мне девушка с крыши. — Иначе нас поймают.

Легко сказать. Я прибавил прыти, преодолел крутой подъем и плюхнулся на крышу, настолько широкую, что на ней можно было бы устроить плац для парадов. Или выращивать пшеницу — если, конечно, сначала уложить поверх камня слой земли. Я поднялся. Девушка вновь поманила к себе (видимо, это она умела делать лучше всего). Судя по всему, она не предполагала, что операция по спасению Гаррета может затянуться.

Летучий младенец с самокруткой в зубах мрачно наблюдал за происходящим со спины громадного коня, который вполне подошел бы великанию. Над лопатками младенца виднелись кончики крыльев размерами не больше голубиных. Должно быть, ему не так-то просто удержаться в воздухе.

Коней было два.

— Ну уж нет, — сказал я. — Нет. Ни за какие деньги. — После катания на единороге Черной Моны у меня болели все без исключения ребра, и я отнюдь не собирался вновь подвергать их испытанию на прочность. А ведь единорог — не лошадь, так, дальний родственник. С лошадьми же у Гаррета отношения напряженные. Неужели мне настолько не терпится сбежать, что я соглашусь вверить свою жизнь одному из этих чудовищ?

— Погляди на психа, крошка. Он не...

— Пожалуйста, успокойтесь, мистер Гаррет, — попросила девушка, успевшая сесть на одного из коней. Похоже, она нервничала.

— Ты не понимаешь. Они могут подвести в самый неподходящий момент.

Крыша заходила ходуном, словно в доме проснулся кто-то большой и страшный.

— Увидимся, малышка. — Карапуз взмахнул крыльшками и с жужжанием скрылся во мраке.

Я подошел ко второму коню. Чудо-юдо иссиня-черного цвета выглядело так, словно на нем в древности ездил на битвы рыцарь-троль. На мгновение мне показалось, что без веревочной лестницы на него не забраться. Но ничего, обошлось. Завершив долгий подъем, я перекинул правую ногу через конскую спину и с удовлетворением отметил, что мы с конем глядим в одну и ту же сторону. Теперь можно и на крышу с высоты посмотреть...

На крышу?!

Только теперь до меня дошло, что я сижу на коне, который находится на крыше дома. Что за бред? Неужели меня разыграли? Если напрячь память, можно вспомнить кое-кого из так называемых друзей, у кого достанет ума подстроить такую подлянку.

Но вокруг не видно ни души, никто не хихикает, прикрывая свою мерзкую эльфийскую пасть мерзкой эльфийской ладонью.

Впрочем, ни один из моих друзей, настоящих и мнимых, не потратил бы ту сумму, в которую все это наверняка обошлось.

Девушка взвизнула, как подвыпившая бэнши, и хватила коня пятками по ребрам. Счастливица! Животное устремилось следом за растаявшим во тьме карапузом. Конь, который достался мне, оправдал мои худшие предположения: он рванулся вперед, даже не посоветовавшись со мной.

24

Проклятые животные оказались еще тупее, чем я ожидал. Им вэдумалось перейти на рысь. Конь девушки был пониже в холке, и ноги у него были короче, так что мой постепенно начал нагонять. Мне оставалось только ворить без умолку да отчаянно цепляться за гриву. Девушка ухмыльнулась и помахала рукой.

Мы прыгнули с крыши.

Мой конь, не моргнув глазом и ни на вот столечко не притормозив, резко вильнул в сторону, чтобы не столкнуться с другим животным. Лишь тут я сообразил, что подо мной — оборотень: в считанные секунды у коня выросли огромные крылья, широкая грудь сузилась, круп стал едва ли не тоньше осиной женской талии.

Надеюсь, никто не слышал, как я заскулил от страха.

Мы устремились ввысь, к луне. Серебристый смех девушки напоминал перезвон небесных колокольцев. Эх, молодость, молодость! Она была уверена, что мы в безопасности... Что касается меня, я был поглощен мыслями о том, как удержаться на коне, поэтому забыл даже думать о совах и прочих неприятностях.

Подъем продолжался. Танфер распростерся под нами как на ладони; я и не представлял, что город такой громадный. Справа

сверкала в лунном свете речная излучина, похожая на исполинский ятаган. В городе светилось множество огоньков. Танфер никогда не засыпал, количествоочных его обитателей приблизительно равнялось количеству дневных. Он как бы объединял в себе сразу несколько городов, так сказать, менял лица в зависимости от времени суток и более-менее затихал лишь в предрассветный час.

Я крепче вцепился в конскую гриву. Хотелось молиться, но я подавил это желание: быть может, проклятые зверюги выделяют пищузы нарочно, чтобы заставить Гаррета возвратить к небесам. Впрочем, вид ночного Танфера захватил меня настолько, что вскоре я почти успокоился. С высоты птичьего полета становилось ясно, почему в Танфер стремятся все кому не лень. Он поистине прекрасен. Чтобы почувствовать вонь, увидеть нищету, боль и жестокость, столкнуться с противоречащей здравому смыслу ненавистью и не менее бессмысленным благородством, нужно спуститься на грязные улочки. Танфер — как прелестная девушка: обнимешь ее, зароешься лицом в душистые волосы — и лишь тогда заметишь струпья, вшей и блох.

Признаться, даже в самых диковинных своих снах я не поднимался в небо, не парил над землей подобно некой чудесной птице. Лунный свет превратил водоемы в роскошные сверкающие блюда, а сточные канавы — в затейливые серебристые руны. Наши летучие скакуны повернули, и земля поплыла у меня под ногами. Поразительно! Мои руки затекли от напряжения, но страха я больше не испытывал, ему на смену пришло благоговение.

— Правда, здорово, мистер Гаррет? — крикнула девушка.

— Да уж. — Вот ощутим под ногами твердую почву, я ей растолкую, что мистером Гарретом звали моего дедушку.

Я оглянулся. Если за нами и отрядили погоню, то она пока нас не настигла. Но неприятностей наверняка не избежать. Кстати, вот подходящее заглавие для моей автобиографии: «Беда шагает по пятам». Хотя — не столько шагает, сколько подстерегает в засаде. Интересно, способен ли Ног взять след по воздуху?

Девушка испустила пронзительный вопль и взмахнула рукой. С ее пальцев посыпались лиловые искры. Конь моей новой подружки устремился вниз, к земле.

Моя животина ринулась следом, не обращая внимания на испуганные возгласы седока. Желудок подкатил комом к горлу. Танфер

стремительно приближался, с каждым мгновением все больше утрачивая свое очарование.

Желудок остался где-то там, среди звезд. Хорошо, что сегодня я не ужинал. Иначе пришлось бы облегчаться на лету.

Лошади спускались по широкой дуге, мерно взмахивая могучими крыльями. Стали видны улицы, вскоре я уже мог различить отдельные дома иочных прохожих, никому из которых не пришло в голову взглянуть на небо. Люди вообще редко смотрят вверх (чем я иногда пользуюсь). Сказать по правде, наблюдать за очной жизнью города со спины летучего коня было весьма любопытно и давало массу новых ощущений.

Паника отступила, я снова обрел способность соображать. Гаррет, ты можешь собой гордиться! Твое белье осталось сухим. Должно быть, старина, ты потихоньку привыкаешь к подобного рода приключениям.

Что собой представляют эти лошади? Откуда они взялись? Кто такой летучий карапуз в пеленке? Он ведь где-то поблизости, голос слышен великолепно. Таких существ я раньше видел только на картинах, авторы которых обращались к мифологическим сюжетам.

Я уже имел сомнительное удовольствие лицезреть единорогов, вампиров, мамонтов, пятьдесят разновидностей громовых ящеров, вервольфов и целую кучу других, не менее сказочных существ. Знакомство с ними частенько заканчивалось для меня синяками и шишками. Однако крылатые лошади и вульгарный лучник-недомерок принадлежали к тому разряду существ, который я всегда мнил вымыслом живописцев. К символам. Подобно грифонам, страусам, камелopardам и циклопам они редки, как адвокаты, которыми движет только стремление восстановить справедливость.

Лошади скользили крыло к крылу. Карапуз жужжал где-то неподалеку, но разглядеть его я не мог. Похоже, мы летим в центр города, к Бруксайдскому парку.

Я до сих пор не знал, как зовут мою полубожественную спасительницу, равно как не имел ни малейшего понятия, с чего ей понадобилось меня спасать. Девушка испустила очередной вопль. Я полез за волшебной веревкой. Не ты одна умеешь показывать фокусы, голубушка.

— Эй, подруга! Ты кто такая? Имя у тебя есть? — В ушах свистел ветер, с коим сливалось жужжание крыльев карапуза, который по-прежнему прятался во мраке.

Справа раздался звонкий смех. Лошади как будто пошли на посадку.

— Зовите меня Кэт, мистер Гаррет. Плохая девчонка Кэт.

— Мне нравятся плохие девчонки. — Я был не прочь продолжить беседу, но у меня вдруг перехватило дыхание. Мы опустились так низко, что очутились на одном уровне с островерхими крышами домов. Мой конь захлопал крыльями, сбрасывая скорость, однако, несмотря на его усилия, мы продолжали мчаться сломя голову. Как ни странно, я был еще жив.

Конь встал на дыбы, раскинул крылья, подставляя их встречному воздушному потоку, содрогнулся всем телом. Скорость резко упала. Животное втянуло крылья, его грудь стала шире, круп раздался; в следующую секунду оно на полном скаку коснулось земли. На спине у него никого не было. По крайней мере так почудилось бы стороннему наблюдателю, ибо я, собрав остатки мужества, влез в свой невидимый мешок.

Для начала я завязал мешок под мышками, поскольку руки могли понадобиться. Конь вихрем промчался под деревьями, но я все же успел ухватиться за толстую ветку. Опля! Мой скакун словно и не заметил, что с его спины исчез груз весом в добрых двести фунтов.

Пальцы не выдержали, и я кулем повалился на землю. У меня хватило сил натянуть мешок на голову и отползти в сторонку. Будем надеяться, моя спасительница спохватится не сразу.

— Мы тебя видели! Мы тебя видели! — завопили гнусные пикси. Впрочем, если особо не прислушиваться, крики пикси похожи на воробышко чириканье. Лично я бы решил — воробы жалуются на то, что их разбудили среди ночи.

25

— Мистер Гаррет, где вы? С вами все в порядке? Откликнитесь, пожалуйста, если можете.

Я мог, но не стал. Пускай думает, что я свалился при заходе на посадку. Черт! Если бы я не разевал пасть, не приставал к ней с дурацкими вопросами, она могла бы подумать, что ее подопечный упал еще раньше, во время бешеной скачки по небосводу.

Посыпалось жужжание, неумолимо приближавшееся к тому месту, где я прятался. Мерзкий карапуз знал, что я не упал. Он внимательнейшим образом осматривал окрестности, ни на секунду не замолкая. С его уст слетали весьма изысканные, цветистые выражения — разумеется, в мой адрес.

Как меня все любят!

Я пропустил к дому; мне придал сил раздавшийся за спиной гомон. Впечатление было такое, будто там собралась целая толпа встречающих, все в дурном настроении, включая разбуженных среди ночи пикси. За криком перепуганной курицы я различил вопль Кэт. Девушка явно не налеталась.

Крылатый карапуз возник из мрака в нескольких футах от меня. Плюхнулся упругим задом на бронзовую ладонь одного из редких памятников в честь гражданского лица. На тетиве лука лежала стрела, выражение лица карапуза говорило о том, что он не задумается выстрелить.

— Я знаю, ты где-то здесь. Слышишь, козел? Хитро ты придумал, ничего не скажешь. — Над его головой заклубился дымок. — Шутки в сторону, приятель. Давай вылезай. Сам знаешь, кроме нас, тебе никто не поможет.

Я задумался. По всей видимости, годоротов задело, что я вступил в переговоры с их врагами, а теперь, после моего исчезновения, они попросту взбеленились. Может, воспользоваться своей невидимостью и подобраться поближе? Нет, не стоит, лучше пойти домой. Внутренний голос твердил, что дома ничуть не безопаснее, однако перепуганное животное, затаившееся в глубине моей души, не желало ничего слушать. Только домой, в логово — отдохнуть, заливать раны... Дождавшись, пока младенец улетит, я двинулся дальше.

Второй раз он настиг меня у выхода из парка. Услышав знакомое жужжание, я спрятался в густую тень. Он прошмыгнул мимо, а в следующий миг прилетели две совы. Они говорили на птичьем языке, но было несложно понять, что девочки ссорятся.

Я хмыкнул. Естественно, про себя.

Летите, летите, милашки. Это вы враждуете с годоротами, вам с ними и разбираться.

Осознав, что в парке появились шайиры, я прибавил прыти. И правильно сделал. Неожиданно стало холодать, причем все заметнее. Я вновь укрылся в густой тени и пропустил Хаоса, который плыл по моему следу, похожий на черный, гонимый ветром призрак. Походило на то, что его отрядили патрулировать подступы к моему дому со стороны парка.

Неужели мое бегство — очередная ловушка? Неужели они все подстроили?

Гаррет, ты параноик.

Я всегда считал, что боги в известной мере всемогущи. Быть может, чем меньше верующих, тем слабее могущество? Наверно, иначе зачем бы шайирам с годоротами понадобился какой-то смертный. И сбежать бы мне никогда не удалось.

Нет, это паранойя, все признаки налицо. У меня было дурное предчувствие: когда развеется дым, земля перестанет трястись и осядет пыль, выяснится, что богам на дух не нужен смертный, столь усердно совавший нос в их секреты.

Пожалуй, это стоит учесть.

Послышался шорох. Он доносился с юга и становился все громче. Ног? Нет, к счастью, не Зловонный Ног. Я замер. Над моей головой пролетело нечто, смахивавшее на огромного нетопыря. Или на лист бумаги, двигавшийся весьма целеустремленно. Должно быть, тот тип, которого зовут Кильрак Тень. Уточнять, прав ли я, не хотелось.

Я старался выбирать улочки и переулки, в которые обычно не захаживал и при свете дня. Даже пересек квартал Дно, городскую клоаку, где девять из десяти встречных перерезали бы мне глотку за мои башмаки, где не были бы в безопасности сами боги. Дважды воспользовался шнурком Мэгги, чтобы укрыться от слишком любознательных прохожих. Да, полезная штучка, однако меня все сильнее одолевало желание зашвырнуть ее подальше. Вряд ли простым совпадением объяснялся тот факт, что всякий раз, стоило развернуть шнурок, поблизости возникал кто-либо из годоротов.

В Дне оба раза появлялись мордовороты-авары, будто годороты сознавали, что в этот квартал стоит посыпать только тех, кем при случае можно и пожертвовать. Уложки, к слову, мгновенно пустели, хотя обитатели Дна скорее всего и не догадывались, отчего у них по спинам ползут мурашки.

Я попытался утешить себя тем, что шайиры больше не показывались. Они, по-видимому, патрулировали заранее выбранные места.

С аварами было гораздо проще, чем с Ногом. Если не считать того, что их рожи внушали панический страх, ничего особенного они собой не представляли. Я без труда ускользнул от них. С другой стороны, годоротам, похоже, было точно известно, куда я направляюсь. Глядишь, около моего дома поджидает целая армия мифических существ.

Совы, причудливые тени, крылатые лошади, младенцы с самокрутками в зубах сновали в ночи, ориентируясь, возможно, по годоротам, которые мерили шагами улицы. Удивительно, как они не столкнулись.

Оставив за спиной Дно, я направился на север, вдоль восточной границы квартала. В самом деле, что скажет миссис Кардон-лос, если я приведу домой всю эту ораву и если боги затеют свару прямо на Макунадо-стрит?

Наиболее разумным казалось спрятаться в укромном уголке, пересидеть бучу, дождаться, пока кто-нибудь из них вымрет...

Перед моим мысленным взором промелькнуло множество лиц. Жаль, что я не могу выбирать. Среди тех и других было несколько дамочек, без которых, на мой взгляд, мир станет беднее.

26

Я отклонился от нужного направления на добрую милю к северо-востоку. Ничего внимания не привлек, но как быть, так и не решил. Внезапно меня осенило.

Я словно вновь оказался в армии. Ведь высшие чины, как правило, не знают, что делают, верно? В общем, я обложил парня, отдававшего приказы, потом велел себе заткнуться и выполнять распоряжение.

Домой попасть было крайне необходимо. Я чувствовал, что без советов Покойника никак не обойтись. Может, ему удастся найти хотя бы крупицу смысла во всем этом бардаке. От меня явно что-то скрывали, а что касается правил игры, в которую оказался втянут простой смертный по имени Гаррет, я по-прежнему имел о них весьма смутное представление.

Боги наверняка держат мой дом под надзором. Значит, надо как-то их отвлечь. Наведи их на ложный след, приятель.

Я взял в руки веревку, вытянул до нужной длины, помахал в воздухе, пробежал еще с треть мили к северо-востоку и вновь устроил представление со шнурком в переулке, где спали вполовку пьяницы. Затем двинулся дальше и в последний раз воспользовался веревкой на улице, которая вела прямиком к городским воротам.

Ворота Танфера, все без исключения, на ночь не закрываются. На моей памяти их запирали только раз, когда в пригороде бесчинствовали громовые ящеры. Поэтому, если приспичило, можно удрать из города в любое время дня и ночи. По моим прикидкам, в скором времени ворота должны были стать объектом пристального внимания со стороны новообразованной тайной полиции.

На улице, что вела к северо-восточным воротам, всегда царил оживление, вне зависимости от времени суток. Я обвязал веревку вокруг талии и шмыгнул в толпу, надеясь, что городоты с шайками не скоро смекнут, куда я мог подеваться.

Мой план сработал точь-в-точь, как описывают в книгах. По крайней мере в начальной стадии.

Я слишком уж погрузился в размышления. Окружающая обстановка изменилась, а я этого не заметил, поскольку безумные свинцовые божки наконец-то отстали. На улице воцарилась напряженная тишина, толпа начала стремительно рассеиваться; я спохватился, лишь когда раздался вопль. Дорогу преградила кучка мордатых парней под черно-красными знаменами. Они были вооружены дубинками и кольями, стучали в барабаны и дудели в трубы, распевая под этот аккомпанемент расистские песенки.

Грубо вырванный из раздумий, я остановился, чтобы осмотреться.

Из боковых улочек выплескивались все новые группы поборников людских прав. Казалось, они стремятся к некоей цели, а

потому решительно сметают всех со своего пути. По всей видимости, морды били по простому принципу: кто не в наших рядах — тот против нас.

Прохожие отбивались как могли. Особенно усердствовали нелюди, которым, впрочем, доставалось сильнее других. Правоборцы в дискуссии не вступали: не человек — получай в рыло. Сам виноват.

Я разглядел знамена нескольких организаций. Очень, очень странно. Обычно борцы за чистоту нации колошматили не столько нелюдей, сколько своих союзников и одновременно идейных противников (хотя различие во взглядах было почти незаметным).

Впереди, там, где скопление демонстрантов было гуще всего, началось настояще побоище. Судя по всему, нападению подвергся караван, пытавшийся покинуть город под покровом ночи.

Полетели камни, заработали дубинки. Послышались крики и стоны. Я заметался туда-сюда, пытаясь прорваться, но в конце концов укрылся среди раненых, которых набралось достаточно с обеих сторон. Сами понимаете, камни не разбирали, где свой, а где чужой. Привстав, я призвал чуму на все дома разом. Вновь разболелась голова. Почему тут столько фонарей? И когда же закончится драка?

В мою сторону направились несколько мрачного вида крепышей. Я, как обычно, сориентировался быстро: наклонился и сорвал повязку с рукава парня, лежавшего без сознания (ему она все равно была не нужна). А потом, не особенно притворяясь, повел себя как полный придурок (в последнее время у меня это здорово получалось).

— Гаррет! Горе мое луковое, ты ли это?

— Думаю, да. — Голос я узнал, но кому он принадлежит, вспомнить не мог. То был голос из невообразимо далекого прошлого. Я сделал вид, что хочу приподняться, пошатнулся и рухнул навзничь.

— Ты его знаешь? — спросил кто-то.

— А то! Он был в моем отделении. Там, на островах. Трюкач, язви его в задницу.

— Папаша? — Я наконец вспомнил, чей это голос. Он принадлежал Папаше Тумсу, известному также под кличкой

Пустозвон. Самый старший солдат в отделении, ветеран в свои двадцать семь, отец родной новобранцам, этакий сержант без нашивок. В сержанты он так и не выбился — впрочем, не особенно и стремился.

— Точно, сынок. Ну-ка, Борода, помоги. — Меня подняли и поставили на ноги. — Ты с кем, Гаррет?

Я понятия не имел, с кем он, поэтому просто ткнул пальцем за спину и пробормотал:

— С ними.

Мимо просвистел кирпич. Крепыши дружно пригнулись, чуть не уронив меня.

— Что с тобой стряслось? — осведомился Папаша.

— Какой-то хмырь огrel палкой. Перед глазами все плывет и ноги не слушаются.

— Гляди, Борода, ему недавно заштопали башку. Что, умник, труба зовет?

Я выдавил ухмылку:

— Старый конь борозды не портит, верно, Папаша? Как делишки? Я слыхал, тебя убили.

— Я тоже про это слыхал. Дерьмо собачье! Ты как, идти сможешь?

— Попробую. — Папаша ждал от меня именно такого ответа. — Ладно, бывай, мне надо догонять своих. Рад был познакомиться, Борода.

Сделав два неуверенных шага, я налетел на фонарный столб, который поддерживал двух слившихся в поцелуе чокнутых любовников, не давая им упасть. Великое небо, мне везет как утопленнику! Не успел удрачить от прикурковатых богов, как столкнулся с парнем, которого не видел лет десять и который раз пять выкрикнул мое имя на всю улицу.

Что дальше?

Тетушка Бу была права. Всегда что-нибудь да случается.

К счастью, никто не возник из ночной темноты, никто не выбрался из переулка. Мной заинтересовался только Папаша со своими дружками. Вот и славно. Я устроил обсуждение. Ноги согласились не подламываться. Можно идти. Голова буквально

раскальвалась. Я бормотал себе под нос проклятия; призрак мягкой постели преследовал меня и заставлял двигаться.

Хотя я находился в той части города, где можно было ожидать чего угодно, никто меня больше не потревожил.

27

Я устал как собака. Хорошо еще, что мне повезло (хотя моей заслуги в том не было). Ночь выдалась относительно тихой. Все, кому хотелось неприятностей, присоединились к демонстрации. Впоследствии я узнал, что основные силы собрались в стороне от того места, где состоялась наша с Тумсом встреча. Они погуляли на славу: драка переросла в настоящую резню, были ограблены сотни лавочек, которыми владели эльфы, гномы и прочие инородцы, пострадавших среди беженцев было не перечесть.

Пугало то, что в рядах демонстрантов было много солдат, ветеранов нескольких кампаний. Если они вспомнят армейскую дисциплину, справиться с таким войском будет ох как нелегко. Тогда держись, Танфер!

Интересно, что себе думает Шустер со своей тайной полицией? А может, резня как раз в его интересах? Такое вполне возможно.

Меня с неудержимой силой влекло домой, в постель, однако я твердо вознамерился соблюдать осторожность — и с громадным трудом не поддался искушению сделаться невидимым. Вовремя одумался. Перенесся мыслями в прошлое и словно вновь стал «трюкачом», как называли нас, разведчиков, в пехотных подразделениях, к которым мы были приписаны. Разведчики проходили полный курс выживания, включавший, среди всего остального, психологическую тренировку. Я сосредоточился, но так и не сумел проникнуть в тот уголок сознания, где не было неуверенности и нервозности. Чтобы делать это по желанию, необходимо практиковаться каждый день, а я отлынивал от занятий многие годы. Ладно, авось обойдется.

Правда, другого мне добиться удалось. Я слился с ночью, превратился в бесплотную тень, стал воплощенной изменчивостью,

иллюзией, перетекающей со стены на стену при свете луны в безмолвии камня. Проскользнул мимо трезвых, но сонных крысюков, и ни один из них не шевельнулся даже усом.

А потом подскочил на добрых девять футов, когда мне на плечо опустилось что-то тяжелое и вцепилось когтями, точно ледяная лапа из могилы. Вот так всегда, стоит только порадоваться своей ловкости!

Я вернулся на мостовую, успешно подавив рвущийся из горла вопль, ибо сообразил, что ледяная лапа на деле птичий когти. Эти когти принадлежали гнуснейшей на свете пернатой твари, которая не умела ни плавать, ни кричать по-лебединому.

— Не торопись, — произнесла тварь. — За домом следят. Их надо отвлечь. Не двигайся, пока я не скажу. — То был голос Попки-Дурака, но говорил явно кто-то другой. У меня по спине побежали мурашки.

Я застыл как вкопанный. Великие небеса! Чего ради я старался, перся в несусветную даль, подвергал свою жизнь опасности, если никто и не подумал убрать от моего дома часовых?

— Нет! — проскулил я. Будущее рисовалось исключительно в черных красках. Никакого убежища, никакого спасения. — Нет! Скажи, что это не так!

Ну что ему стоит меня разуверить?

— Аргх! Гаррет?

— Слушаю и повинуюсь, о великий комок перьев! — Попугай обречен. Выбора нет. Если меня сумели отыскать с его помощью, значит, остается одно...

Либо он, либо я. Третьего не дано. Ха-ха. Знаешь, Морли, всякое случается. Причем каждый день. Так что извини.

— Гаррет! Пожалуйста, отзовись.

Я настолько увлекся, прикидывая, как лучше прикончить мистера Большую Шишку, что забыл об осторожности. Но на сей раз удача от меня не отвернулась. Как говорится, пронесло. Все было тихо.

— Я тут. Точнехонько под этим вонючим стервятником.

— Перестань. Не обижай бедную птицу. Теперь можешь идти. И поспеши, долго их отвлекать я не могу.

— Иду, старый хрыч. — Пожалуй, надо продать Покойника в рабство. Кто из знаменитых чародеев откажется заиметь мертвого

го логхира? Во всяком случае, прирученного. Может, удастся его сбагрить. Он вам нужен — приходите и забирайте. Мне надоело, что он вечно за мной подглядывает и критикует каждый шаг.

28

Мысленное присутствие Покойника я ощущал задолго до того, как увидел дом. Логхир бодрствовал, что являлось тревожным признаком.

— Торопись! — буркнула пташка. «Торопись! Торопись!» — повторило эхо у меня в голове.

Я бросился бежать. Меня по-прежнему мучило при мысли, что от Покойника, оказывается, не скрыться и на другом конце города.

Над Макунадо-стрит клубился дым. Из соседних домов доносились возмущенные возгласы: «Какого хрена? Что за лабуда?» Если это и есть отвлекающий маневр Покойника, зря он старался. Боги, даже из разряда свинцовых, как выразился Пройдоха, наверняка способны видеть сквозь дым, и физически, и метафорически. Впрочем, я быстро обнаружил, что в дыму снуют некие фантомы, призраки из детских кошмаров, вызванные к жизни чьей-то злой волей.

Едва я вскарабкался по ступеням крыльца, дверь распахнулась. Где-то поблизости послышалось жужжание. Я ввалился внутрь, и дверь тут же захлопнулась; надеюсь, проклятый карапуз не успел ничего заметить. Впервые на моей памяти Дин справился с порученным делом.

— Надо было тебе приехать на пару дней позже, — сказал я. — К тому времени все бы уладилось.

Бледный, перепуганный Дин судорожно сглотнул.

— Ужин скоро будет готов, — выдавил он. — Его милость хочет вас видеть.

Какое совпадение! Я бы тоже не отказался его повидать.

Войдя в комнату Покойника, я произнес заранее приготовленную фразу:

— Слушай, старый хрыч, мы по уши в деръме и, судя по всему, вылезем не скоро.

— Я прекрасно сознаю всю сложность...

— Да перестань ты мучить птицу! Давай говорить как обычно. Эй, погоди, не засыпай!

— Твой сарказм неуместен, Гаррет. Такой способ общения тебя устраивает?

— Вполне. Насколько я понимаю, как прошел мой день, ты знаешь. У тебя, надеюсь, дела обстоят получше.

— Да. Я провел весьма познавательный вечер с твоей подругой Линдой Ли. Отбросив свои предрассудки, она оказалась вполне разумной девушкой. Одобряю твой выбор, Гаррет.

Так. Впервые слышу, чтобы Покойник одобрил женщину.

— Смотри, не увлекайся. Она просто задурила тебе голову. У нее это ловко получается.

— Не вижу смысла в твоих инсинуациях. Линда Ли — редчайшее из мифических существ, женщина, наделенная разумом и...

Я разразился хохотом.

— Не верю, слышишь? Она тебя обдурила. — Пожалуй, стоит приглядеться к Линде повнимательнее. Если она охмурила Покойника, с ней надо держать ухо востро. — Естественно, ты не видишь смысла. У тебя же нет чувства юмора. Ладно, что там насчет богов? Они действительно боги? И как нам с ними быть?

— Ты прав, у нас серьезные неприятности. Я бы сказал, наисерьезнейшие. По тому размаху, какой приняли события, мы вправе предположить, что игра идет по-крупному.

— Скажите на милость.

На сей раз он не заметил моего сарказма. Или пропустил мимо ушей. С него станется.

— Это не розыгрыш. Даже у правительства не хватит средств, чтобы организовать нечто подобное.

— Да что ты такое говоришь? По-твоему, никакое правительство не захочет меня разыгрывать?

— Не в таком масштабе. Здесь нужны огромные деньги.

— Не говоря уж о том, что я не представляю для правительства ни малейшего интереса. Подумаешь, пустое местечко по имени Гаррет.

— Не говоря уж о том, что никто не стал бы прилагать такие усилия, чтобы тебя одурачить. Достаточно пары стройных ног, длинных волос, желательно рыжих для вящей убедительности, и...

— Надо же, какой догадливый. — Я вздохнул. — Короче, старина. Нас что, и впрямь осаждают боги?

— Они верят в свою божественность. А с точки зрения твоих первобытных предков, вполне подпадают под весьма расплывчатое определение богов.

— Ясненько. В общем, с ними лучше не связываться, так? Я чувствую себя как муха, которую вот-вот прихлопнут. Что ты предлагаешь? Стойко переносить невзгоды или попытаться что-то предпринять?

— Есть несколько вариантов. Самый привлекательный, пожалуй, — лечь на дно и затаиться до тех пор, пока все не уладится само собой. Если бы это было возможно, я бы не стал обвинять тебя в трусости. Твой мир в целом и Квартал Грез в частности ничуть не обеднеют, если шайиры исчезнут вместе с годоратами.

— Беда в том, что они не желают уходить тихо.

— Вот именно. А поскольку у тебя есть возможность спасти одну из сторон, этому дому грозят неприятности вне зависимости от того, узнают они о твоем возвращении или нет.

— Им нужен какой-то ключ. А я понятия не имею, где его искать. И даже как он выглядит. Линда Ли нам тут не поможет?

— С ее неоценимой помощью — эта девушка оказала мне поистине королевскую услугу — я изучил все доступные литературные источники, в которых упоминаются оба пантеона, а также способы получить место в Квартале Грез.

— Замечательно. Отсюда следует, что ты что-то выяснил?

— Угомонись, Гаррет. Ты не можешь чувствовать себя в безопасности, и у нас нет времени на пустую болтовню.

Я закатил глаза и подавил желание отправиться спать прямо сейчас, как мне ни хотелось плюхнуться в кровать.

— Между прочим, не я заговорил о возвышенных материях.

— На основе полученных мной сведений и по зрелом размышлении я пришел к выводу, который наполняет меня отчаянием. Искомый ключ — это ты. Кстати сказать, замешанные в конфликте стороны вряд ли успели об этом догадаться.

— Чего? — пискнул я.

— Ключ — это ты, Гаррет. Они пока не знают. Можешь считать, что тебе повезло.

— Да уж. — Если Покойник прав... Нет, он не может быть прав! Я не хочу, чтобы он был прав!

Они переломают мне ноги, чтобы я не сбежал, закуют в кандалы и посадят в клетку, на которую наложат охранительные чары, а для надежности еще запаяют.

— У меня нет ни малейших сомнений.

— Черт. — Когда тебя вот так чем-нибудь оглоушат, поневоле перейдешь к односложным словечкам. — Черт. Я? Ключ? Интересно, каким образом меня вставлят в замок?

— Не забывай, что, когда речь идет о религии, а также о магии, многое следует понимать метафорически и символически. Любая религия — ожившие метафоры и символы.

Обычно такая болтовня доводит меня до исступления. Но я слишком устал, чтобы лезть на рожон.

Дин принес поднос с едой. Я окинул взглядом гигантскую телячью отбивную, овощи, громадный вишневый пирог, кружку пива под стать одному из аваров — и тяжело вздохнул.

— А нет какого-нибудь метафорического способа надрать символам задницу, чтобы они оставили меня в покое?

— Сомневаюсь. Сколь жалкими они бы ни были — это боги. А ты — простой смертный. История этого мира, населенного множеством народов, учит, что богов можно либо умилостивить, либо одурачить.

— Тоже мне, новость! Скажи лучше, как я ухитрился стать ключом? И когда успел?

— У меня есть теория, но озвучивать ее, на мой взгляд, несколько преждевременно.

— Бред какой-то! — Друт называется. Настолько гордится своей непогрешимостью, что не скажет ни слова, пока не будет уверен на все сто. — Я же не требую от тебя...

— Несмотря на то, что времени в обрез, тебе необходимо отдохнуть. Некоторое время я еще смогу поддерживать иллюзию твоего отсутствия. Ложись спать. Да, кстати, постарайся впредь

не пользоваться той веревкой, которую позаимствовал у своей Магодор.

— Я и сам сообразил.

— Рад, что у тебя хватило ума. Иди спать, Гаррет.

Кровать показалась мне кусочком небес со взвитыми сливками вместо простыни.

29

Ночь пролетела слишком быстро. Какой-то ловкач выкрад из нее четыре лучших часа. Жестокое пробуждение сопровождалось еще более жестоким солнечным светом. Кто-то раздернул шторы на моем окне, и лучи солнца хлестнули меня по лицу точно кнутом. Я отвернулся, попытался, вообразив себя дикой свиньей, зарыться под одеяло, но все было бесполезно — нет врага беспощаднее, чем солнце.

Я помнил, что, перед тем как рухнуть в кровать, закрыл дверь. Однако та была распахнута настежь. Возможно, это означало, что Дин начал мстить. Как по-вашему, приятно просыпаться под вопли Попки-Дурака, восседавшего на двери и без труда увернувшегося от пущенного моей рукой башмака?

Впрочем, башмак подействовал: пташку как ветром сдуло.

Я не сомневался, что прислал его ко мне тот самый дряхлый лентяй, помои от которого было не дождаться, тот самый соня, который не проснется, даже если поджечь кресло под ним.

Да ну его к ляду! Я накрылся одеялом с головой.

Упрямство ни к чему хорошему не привело. Я уже не мог заснуть, а потому просто валялся в постели. Из-за двери доносились вопли Попки-Дурака.

— Слушай, птичка, если не заткнешься, я тебя убью. Порублю на мелкие кусочки. Понял? — А Дин потом приготовит роскошное жаркое.

Мистер Большая Шишка внял моему призыву. Вероятно, страх за собственную шкуру взял верх над чувством юмора Покойника (если оно у него вообще есть). Но ненадолго. До чего же бестолковая птица!

Ладно, с тобой мы разберемся потом. Но почему выкидывает такие фортели мой организм? Откуда у меня внутри взялся гнусный садист, который утверждает, что пора вставать и приниматься за дело?

— За какое дело? — справился я, как и накануне, опуская ноги в бездну под кроватью. — Ничего хорошего меня все равно не ждет.

— Доброе утро, Гаррет. Будь любезен, веди себя посдержанней. За домом следят. Думаю, мне удалось замаскировать твое присутствие, однако если ты начнешь буйнить, иллюзия мгновенно исчезнет. Поэтому воздержись, пожалуйста, от своих беспричинных выходок.

— Нечего провоцировать, — буркнул я. Кое-как поднялся, собрал с пола одежду, которую раскидал вчера вечером. Принюхался. Ничего, сойдет. Потом взял себя в руки и осторожно выглянул в окошко. — Черт!

— Гаррет! Я же просил.

— Там слишком светло. — Куда подевались те угрюмые деньки, которые совсем недавно осаждали город? Похоже, грядет великое потепление.

— Не подходи к окну. Кто-нибудь может заметить, как шевелятся занавески, и сообразит, что ты внутри, — им наверняка известно, что это окно твоей спальни.

Шикарное начало нового дня, верно? С утра сплошное брюзжание, и никакого просвета. Я поглядел на кровать. В постели было так хорошо, так тепло и уютно. Мне снился сон о рае, в котором все красивые женщины вели себя вполне откровенно, не-двумысленно, а символизм в духе «ты замок, я ключ» имел одноединственное толкование. В этом раю повсюду были фонтаны, из которых били струйки пива, а еды столько, что наяву на такой диете я бы прибавлял в весе фунтов пять за день.

Елки-моталки, как любила говорить моя бабушка (я сам однажды слышал). Деваться некуда, пора собирать друзей; глядишь, создадим свою собственную религию. Правда, большинство моих приятелей верит исключительно в алкоголь и начисто отвергает целомудрие, а в некоторых просвещенных религиях до сих пор считается, что это в порядке вещей. Достаточно вспомнить Эвездоч-

ку. Кстати, не переманить ли ее от годоротов? Предложить, так сказать, контракт на лучших финансовых условиях...

Меня окатило волной отвращения.

— Если тебе не нравятся мои мысли, брысь из моей головы.

— Фантазии глупого подростка меня не интересуют. Я изучаю твои воспоминания о вчерашнем дне.

— Подсматриваешь, значит? Еще бы, у самого-то руки коротки! Тебя хватает только на бредовые политические теории да на жучинные парады.

— Не буду отрицать очевидного. Я — существо разумное, отнюдь не склонное к одержимости плотскими утехами.

— Если уж говорить об очевидном, тебе просто завидно. Сам ты ни на что не способен, даже если очень захочешь. Вот и костеришь тех, у кого еще не застыла кровь в жилах.

Пока мы занимались утренней гимнастикой, я успел спуститься по лестнице (для едва проснувшегося Гаррета это был подвиг сродни эпическому). Вошел в кухню, взял кружку с чаем. Возившийся у печи Дин бросил в мою сторону жалобный взгляд, как бы упрекая в том, что я поднялся так рано и тем самым лишил его удовольствия лично вытащить меня из постели. Я пошарил по сусекам, отыскал остатки былого добродушия, выдавил лучезарную улыбку и пропел:

— Доброе утро, Дин. Как спалось?

Судя по убийственно мрачному взгляду, он решил, что я издаюсь.

— Завтрак еще не готов.

Я подлил себе чая.

— Не торопись. Все равно нам с высокомудрием надо кое-что обсудить. — Я был уверен, что эта заварушка с храмом имеет некий тайный смысл. Шайиры были со мной откровеннее, чем годороты, а кое-кто из них вел себя весьма дружелюбно, однако мне почему-то казалось, что боги изволили сообщить далеко не все. — Кстати, Дин...

— Да, мистер Гаррет?

— Как прошла свадьба? Стоило на нее ехать? — Не помню, спрашивал я его вчера или нет.

— Все в порядке, сэр, спасибо. Ребекке очень понравился ваш подарок. Она никак не ожидала, что вы ее помните.

— Вы с ней на пару постарались как следует, чтобы я не смог ее забыть. Открою тебе маленький секрет: мой подарок — вздох облегчения. — Еще совсем недавно Дина преследовала навязчивая идея. Он настойчиво стремился выдать за меня одну из своих многочисленных племянниц.

В уголках его рта зародилась улыбка.

— Путешествие было таким интересным, сэр, — сказал он. — На обратном пути на нас напали разбойники. Весьма бестолковые личности, сэр. Когда стало ясно, что ни у кого из пассажиров дилижанса нет в кармане ни гроша, они попросту растерялись. Но дома все равно лучше, сэр.

— Ага. — Особенно для меня, в нынешних обстоятельствах. — Кажется, кто-то стучит в дверь.

— Гаррет, будь добр, спрячься в кабинете и закрой дверь.

— С какой стати?

— К нам пожаловали мистер Тарп, мисс Торнада и приспешник мистера Дотса по фамилии Агонистес. Они скоро уйдут. Мне бы хотелось, чтобы никто из них даже не заподозрил о твоем присутствии в доме.

Звучало разумно, но стоит ли сообщать об этом логхиру?

Любопытно, кто этот Агонистес? Что-то я не припоминаю в окружении Морли парней с такой фамилией.

— Агонистес — прозвище. Кличка, как выражаются некоторые твои знакомые.

— А! Тогда понятно. А то я уж хотел пожалеть беднягу: всю жизнь маяться с таким имечком.

Дин направился открывать, вытирая кухонным полотенцем руки. Я нырнул к себе в кабинет — просторную, неприбранную комнату напротив той, которую занимал Покойник. Прикрыл дверь, оставив лишь крохотную щелку, чтобы слышать, о чем пойдет речь, и хоть одним глазком взглянуть на посетителей.

— Дин, приглядывай за Торнадой. Она наверняка попробует что-нибудь спереть.

— Конечно, сэр. Я всегда приглядываю за вашими друзьями.

Он принял греметь засовами, цепочками и ключами, тем самым лишив меня возможности выступить в защиту моих друзей.

— Настоящее имя этого человека — Клод-Нед Блоджетт.

Неудивительно, что он отзывался на прозвище. Скажите на милость, ну кто испугается бандюги по имени Клод-Нед Блоджетт (кстати, этого имени я тоже не слыхал)? Что может быть у него в кармане — какой-нибудь сельскохозяйственный инструмент?

В прозвище Агонистес, к слову, чувствовалась некая искусственность, будто он придумал его сам. Уличные прозвища в большинстве своем куда проще, зачастую они не вызывают ничего, кроме снисходительной усмешки. Зато наши правители с Холма выбирают себе звучные псевдонимы вроде Рейвер Стикс.

Торнада начала высказывать претензии еще до того, как Дин успел распахнуть входную дверь. Надеюсь, Покойник поручил ей дело, которое не требовало применения умственных способностей. Если она начнет выдумывать — всем хана.

30

— Гаррет дома? — осведомилась Торнада.

— Боюсь, что нет, мисс.

— Готова побиться об заклад, я слышала его голос!

— Святые сверчки! — возопил Попка-Дурак. — Какие ляжки, чтоб мне пусто было! — И присвистнул от восхищения. Несмотря на могучее телосложение, Торнаду никто не принимает за мужчину, даже птицы.

— Если бы Гаррет не был моим лучшим другом, я бы давно свернула шею этой твари, — прошипела Торнада.

Мне захотелось выскочить в коридор и закричать: «Я переживу, дорогая! Пожалуйста, делай с ним, что хочешь».

Покойник знал, что ничего такого я, естественно, не сделаю, но на всякий случай послал мне мысленное предупреждение. Тем временем Попка-Дурак продолжал льстить Торнаде. По коридору разнесся хохот Плоскомордого.

— Сдается мне, он в тебя втюрился. Если попросишь, Гаррет его тебе подарит.

— Еще не хватало.

— Зато сколько шума. Куда бы ты ни пошла, эта птичка всегда будет с тобой.

— Что я, спятила?

Я прижался лицом к щели между дверью и стеной, пытаясь разглядеть Агонистеса. Толком ничего не увидел, хотя он и задержался в коридоре, пропуская вперед Торнаду и Плоскомордого. Наружностью он смахивал на адвоката, кой, как известно, бандиты в законе. Впрочем, Морли в последнее время заботится о своей респектабельности...

Я прислушался. Из комнаты Покойника не долетало ни звука. Дин вернулся на кухню, поставил на поднос чайник и тарелку со сдобыми. Мой рот наполнился слюной. Я был голоден. Ничего, подожду. Главное — чтобы троица ушла из дома, не встретившись со мной.

С учетом ситуации Дину некоторое время придется никуда не выходить. Следовательно, мы можем рассчитывать только на собственные запасы, которые, к слову, нуждаются в пополнении: я подъел их, пока Дин был в отъезде.

По дороге в комнату Покойника Дин тихонько подошел к моей двери и протянул мне чашку и несколько булочек. Подмигнул и двинулся дальше. Перед тем как дверь напротив закрылась, я услышал язвительное замечание Торнады по поводу того, что Гаррет совсем обнищал и не может накормить гостей приличным завтраком.

Торнада из тех, кого просто невозможно не любить. Если бы кто-то другой делал то, что делает она, он давным-давно растерял бы всех друзей. А так — ты лишь вздыхаешь и качаешь головой: мол, это же Торнада, ну что с нее возьмешь.

Подобные личности, а также парни, которые никогда не пачкаются и не мнут одежду, меня жутко раздражают, однако я, как и все другие, подпадаю при встрече под их обаяние.

Держа в одной руке булочку, я ощупал другой голову. Царапины почти исчезли, однако чесались. Хвала небесам, наконец-то прошло похмелье. Пробраться, что ли, в кухню за пивом? Какое пиво, Гаррет? В доме не осталось ни капли.

О-х-хо! Пива нет, из дома не выйти. А самое противное — что нельзя никого просить. Плоскомордый, если ему поручить, конечно, принесет бочонок, но ведь любой дурак поймет, для кого он старается, — ни Дин, ни Покойник пива не пьют.

Отсюда, кстати, возникает один вопрос. Чего ждать от этих богов? Может, им надоест ходить вокруг да около и они попросту ворвутся в дом?

— Они боги, Гаррет, — напомнил я себе. — Быть может, не такие могущественные и всезнающие, какими им хочется выглядеть в глазах людей, но все равно дадут смертным сто очков вперед. Навряд ли богам составит труд определить, где я нахожусь.

А если и так, почему бы мне не выйти в коридор, не вручить Плоскомордому пару-тройку марок и не попросить его сбегать за пивом?

— Гаррет, продолжай считать себя средоточием всеобщего интереса. Будет лучше, если ты поверишь в то, что и мы кое на что способны.

Я подпрыгнул от неожиданности. Не знаю почему, мне в первый момент показалось, что сейчас я услышу: «От Нога не скрыться».

Что все это значит? Покойник не стал ни о чем спрашивать, из чего следовало, что он читает мои мысли, а до подобного рода вещей мой сожитель опускался лишь в крайних случаях.

— Еще чаю, мистер Гаррет? — шепотом спросил вернувшийся Дин.

— Если не трудно. Что там происходит?

— Они передают ему городские слухи, а он пытается выстроить теорию об истинных намерениях Слави Дуралейника.

Должно быть, Дина напугала моя гримаса. Он схватил пустую кружку и тарелку и был таков. Я стиснул край столешницы с такой силой, что просто удивительно, как не сломал себе пальцы.

Мне хотелось завопить во всю глотку. Учинить в доме дебош. Произнести слова, из-за которых от меня отказалась бы родная мать. Выволочь на улицу этот мешок высохшего верблюжьего деръма, пускай кормит собой бездомных личинок и прочих тварей. Но поскольку я не мог выдать себя, оставалось одно — сидеть, рассказываясь взад-вперед, и издавать звуки, за которые, услышь их кто-нибудь, Гаррета наверняка забрали бы в отделение для умалишенных больницы Бледсо.

Дин открыл мне глаза на истинное положение вещей. Гнусный логхир использовал мои страхи, чтобы убедить меня в своей полезности, а на самом деле старался исключительно ради себя!

— Я есмь логхир, живой и мертвый. Я прожил на этом свете дюжину с лишним столетий, Гаррет, но до сих пор не встречал столь циничного, эгоистичного и сквердного типа, как ты. Грядут великие перемены. На наших глазах творится история, совершаются истинные чудеса. А ты требуешь, чтобы я занялся мелкой сварой, которая, вполне возможно, иссякнет сама собой.

Я не закричал, не стал кататься по полу с пеной у рта, не ворвался к Покойнику в комнату и не задушил его в присутствии свидетелей. Ибо какая от этого польза? Ему все равно, он и так мертвый. К тому же в доме посторонние. Поэтому пришлось довольствоваться тем, что я начал рисовать в воображении изощренные пытки, которым подвергну Покойника, когда гости уйдут.

— Если ты будешь постоянно меня отвлекать, я не смогу поддерживать иллюзию твоего отсутствия.

У логхира не один мозг, а несколько, поэтому он способен одновременно делать два или три дела. Из чего следует, что он может быть занозой сразу в энном количестве задниц. С моей точки зрения, весьма сомнительное достоинство.

Мысль о том, что я могу сражаться с ним лишь в темных глубинах своей души, лишь усугубила ситуацию...

— Хватит брюзжать, Гаррет. Задумайся лучше над тем, как ты оказался в таком положении.

Типичный совет старого негодяя. Иными словами, учись думать сам, мне объяснять надоело.

Легко сказать. Ни с чем подобным я до сих пор не сталкивался. Правда, поскольку ключ — это я, загадки тут никакой нет (хотя как посмотреть; с какой стати меня выбрали в ключи?).

Быть ключом мне не нравилось, но я понимал, что Покойник вряд ли ошибся. Чем иным можно объяснить тот факт (на который, кстати, не обратил внимания Пройдоха), что я спокойно вошел в храм, куда не могли проникнуть даже боги?

Как я ухитрился стать ключом? И когда? Почему меня не соизволили спросить? Девственницы, рождающие детей богам; наставники, вбивающие в божественных отпрысков основы управления и манипулирования верующими, — все они обычно удостаиваются визита посланца с небес. Так сказать, на дорожку. А я? Кто ко мне прилетал? Шиш. Голый шиш. Нет уж, увольте.

Я буду помогать обычным людям, которых знаю и которым хочу помочь. А боги перебоятся.

Вообще-то вникать в семейные неурядицы клана Вейдеров не хотелось. Просто этот вариант представлялся более безопасным, чем та яма с дерьямом, в которую я угодил.

Покойника, должно быть, мои рассуждения изрядно позабавили, но поскольку у него были гости, он избавил меня от своих замечаний. Добившись от своей клиентуры необходимых сведений, он снабдил их новыми поручениями и отоспал восьмься.

Последней ушла Торнада. Разумеется, Дин проводил ее до самой двери, старательно заслоняя спиной дверь моего кабинета, а заодно — все ценное, что было в коридоре и на что она могла польститься.

31

— Ты преувеличиваешь аморальность мисс Торнады.

Еще не успев выйти за дверь, вышеупомянутая мисс принялась обмениваться любезностями с Попкой-Дураком. Дождавшись, пока дверь захлопнется, я произнес:

— Сомневаюсь.

— Она знает, что хорошо, а что плохо. И твердо придерживается своих принципов.

— Ну да. Принцип у нее один: «Если вещь не приколочена гвоздями — значит, можно брать». А если эту вещь можно отодрать, значит, она не приколочена.

— Ты несправедлив к женщине. Впрочем, неудивительно. Тебе кажется, что на тебя ополчился весь свет, и это оправдывает твою брюзгливость.

— Мне вовсе не кажется, старый хрыч. Я знаю наверняка. А что касается брюзгливости, она будет усиливаться, если ты не перестанешь заниматься ерундой, а меня не прекратят донимать типы, по сравнению с которыми ты — писаный красавец.

Я выскоцил из кабинета и ворвался в комнату Покойника. Дин явился следом за мной и встал у стены, зябко поеживаясь. Ему было страшно. Покойник держался как обычно, однако инту-

иция подсказывала Дину, что у нас большие неприятности. Его способ выпутываться из неприятностей заключался в том, что он не вылезал из кухни.

— Хотя ты уверен в обратном, я долго размышлял над твоей проблемой. Линда Ли вчера привезла целую тележку книг. Несколько часов подряд она, твоя подруга Тинни, ее подруга Аликс и их общая подруга Никс читали мне вслух. По сравнению с тем, что известно тебе, я не узнал почти ничего нового. Ни городоты, ни шайиры не относятся к золотому веку, порожденному склонной ко всяким глупостям фантазией человечества. Эти пантеоны заслуживают внимания исключительно как скопища ходячих нелепостей. Они возникли в воспаленном мозгу первобытных подонков общества. Таких, как они, интересуют лишь свары и драки, плотские утех и скандалы; своих приверженцев они изводят голодом и болезнями, унижают и всячески третируют — просто ради развлечения. Но не следует забывать, что в них как в зеркале отражаются их поклонники. Боги таковы, какими рисуются верующим.

Великолепное, вероятно, было зрелище: Покойник, благосклонно внимающий красивым женщинам, которые читают ему вслух, поглощающий новые сведения и одновременно потешающийся над Гарретом, каковой где-то ползает на брюхе в грязи. А ведь он знал, каково мне приходится, — Попка-Дурак, бросив меня на произвол судьбы, полетел прямиком домой.

— Кроме того, мы должны учитывать следующее. Девушка, которая спасла тебя от шайиров, не упоминается ни в одной из книг, посвященной обоим пантеонам. Равно как и крылатый младенец. Таких существ, кстати, называют херувимами.

— Надо же! Как я сразу не вспомнил? — Херувимы являлись одной из мифологических составляющих веры, которую исповедовала моя матушка. Наиболее часто они встречались в религиозной живописи.

— Они относятся к тем мифическим существам, которые присутствуют в большинстве религий. Корни у них те же, что и у Церкви. — Черт, он снова копается в моих мыслях! — Для твоей же пользы, Гаррет. Вернемся к девушке. Ты полагаешь, она побочный отпрыск Ланга или Имара от смертной женщины?

— Она мне про себя не рассказывала.

— Верно. Вдобавок ты был слишком поглощен собственными переживаниями, чтобы попытаться это выяснить.

— Эй!

— Извини. Во всяком случае, как я уже сказал, в истории она не фигурирует. А херувим принадлежит к совершенно иному разряду божеств.

— Погоди, не торопись. Имар с Лангом — из тех типов, которые хватают все, что подвернется под руку. Авось пригодится. Причем в средствах особо не стесняются.

— Согласен. Признаться, я не вижу, чем это нам может помочь. Меня беспокоит аномалия, то есть игроки, которых по идеи в игре не должно было быть. Девушка, херувим, крылатые лошади... Там, где встречается аномалия, следует ждать подвоха. Пожалуй, тебе надо было оставаться с девушкой и выяснить, что ей нужно.

— Может быть. — Как говорится, все мы гении задним-то умом. — Глядишь, если бы остался, плавал бы уже в чьем-нибудь супе, а не точил лясы с тобой.

— Какие мы сегодня колючие.

— Вот именно. Причем весь, от головы до пят. Пора бы привыкнуть, что я психую всякий раз, когда выясняется, что мой партнер потратил кучу денег, чтобы собрать городские слухи. Какого хрена тебе понадобилось платить Торнаде, которую мы знаем как облупленную, и этому Агонистесу, которого мы не знаем вовсе?

— Им вполне можно доверять. Разумеется, до известной степени.

— Неужели? А что, если кто-нибудь там, снаружи, задумается, с какой стати ты задаешь такие вопросы? Политики рождаются параноиками. Если Торнаду арестуют и допросят, она придумает что угодно, лишь бы выпутаться самой. И тогда к нам пожалуют молодчики Шустера или активисты «Эова», а то еще какие-нибудь хмыри из Кантарда или из Пан-Тантакуанской армии освобождения угнетенных фейри...

— Ты горячишься. Пожалуйста, успокойся. — Вот мерзавец, а! — Ты отказываешься увидеть истинные масштабы кризиса, разразившегося в Танфере. А также не веришь в то, что я способен защитить себя.

— Послушай, старый хрыч, я никакого не сомневаюсь, что твоя задница ничуть не пострадает. У тебя замечательно получается ее прикрывать. Меня тревожит моя собственная.

— Ты эгоист до мозга костей...

— Хватит! По-моему, тебе пора отрабатывать свое содержание. Давай выкладывай, что мне делать.

— Что тебе известно о таинственных пожарах в окрестностях Бадена?

— Чего? — Вот так всегда. Любит он задавать вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к делу. Слишком много мозгов. — Если бы не увлекался всякой чепухой вроде пожаров и Слави Дуралейника, мог бы заметить, что я был занят. При чем тут пожары? И чем они тебя заинтересовали?

— Мои посетители упоминали о загадочных пожарах. Это не поджоги. Сначала сгорали люди, а уж потом занимались дома.

— Жуть.

— Да. Насколько я понимаю, между жертвами нет никакой связи. Вдобавок ни одна из них не относится к числу тех, кто привлекает к себе внимание со стороны... гм... определенных личностей.

— Замечательно. Шикарная загадка, будет над чем поломать голову долгим зимним вечером. Может, отложишь ее до зимы и займешься мной? Как нам быть с этими богами? Ты ведь даже не сказал, боги они или нет.

— Затрачено огромное количество энергии, вовлечено множество лиц. Игра идет по-крупному. В принципе явления, с которыми ты столкнулся, вполне могли организовать несколько объединивших силы чародеев. Но представляется, что ставка в игре — именно та, о которой ты знаешь. Борьба за божественный статус.

— Статус? — Он снова поставил меня в тупик.

— Ну конечно! Ты веришь их утверждениям, что они исчезнут без следа, если будут вынуждены покинуть Квартал Грэз?

— В общем, да. Мне показалось, они были вполне искренни. Но ты прав. Вполне возможно, у них есть куда отступить. Как говорится, на заранее подготовленные позиции.

— Молодец. Дело в том, что религия не считается заслуживающей доверия, если в Квартале Грэз нет ее храма. В этом случае культ — всего-навсего очередная фантазия. Дурная шутка. Даже

если у него приверженцев в десятки раз больше, чем у культа официального.

— Зато когда храм есть...

— То-то и оно. Понимаешь, новый культ всегда будет отличаться от остальных, как новая монета от старой. Тем не менее...

— Подожди. Допустим, у меня осталась пара-тройка поклонников. Я получаю уведомление о выселении, вымываюсь, открываю лавочку в бывшем здании сосисочной — и никто ко мне не приходит. Возможно такое? Еще бы. Но если договориться с теми, кто знает нужных людей и кому поклоняются в хорошем месте... Да, в этом случае им и впрямь грозит исчезновение. Правда, не сразу.

— Вероятно, они воспринимают происходящее именно так.

— Ну и каков план? Сидеть тихо и не высываться?

— Мне нужно подумать. Мне кажется, что, несмотря на принятые мной меры предосторожности, им известно твое местонахождение. Пока трудно сказать, как долго они будут бездействовать, в особенности после того, как сообразят, что ты и есть искомый ключ.

— Думаешь, догадаются?

— Лицо мне не составило труда. Они, в силу своей природы, хуже разбираются в смертных, но рано или поздно кто-то из них вспомнит, что ты без малейших помех проник в храм.

— А может, ключ — Пройдоха? Он же был со мной.

— И наверняка за это заплатит.

— Надо его предупредить.

— Я позабочусь. — Покойник задумался. Я терпеливо ждал. — Боюсь, события пойдут по нарастающей. Особенно если первыми к известному тебе выводу придут годороты.

— Почему? Будь любезен, объясни.

Мне повезло, что Покойник вошел в раж. При иных обстоятельствах он бы заявил, что пора думать своей головой.

— Ты предположил, что Ланг знает о твоей встрече с годоротами. Мне представляется, мы должны исходить из того, что он получил эти сведения из первых рук — от того, кто присутствовал на встрече.

— Ты хочешь сказать, среди годоротов есть предатель? — Ну и дела! С другой стороны, мифология учит, что боги изменяют своим пантеонам направо и налево.

— И среди шайиров, возможно, тоже. В словах Магодор, когда она беседовала с тобой, проскользнули кое-какие намеки. Суди сам: тебя перехватили на пути к шайрам, хотя, как утверждает Линда Ли, среди них нет и никогда не было никакой Адет.

— Чем дальше, тем хуже пахнет. Мне становится страшно.

— Я тебя понимаю. Вот почему я затратил столько сил и средств, изучая обстановку и возможные варианты развития событий.

Скорее всего Покойник просто выпендривался, но как было приятно услышать, что он озабочен моей судьбой.

— Значит, сидеть тихо? — спросил я снова.

— Да. И ни в коем случае не прикасаться к веревке.

— Знаешь, есть поговорка насчет курицы и яиц. Я бы ее процитировал, но ты все равно не поймешь.

— Ты как ребенок, который не может долго заниматься чем-то одним. Тебе постоянно нужно напоминать. Хотя допускаю, что я несколько переусердствовал.

Это что — извинение? Или меня ставят на место?

Разумеется, второе. Он полностью уверен в себе, из чего следует, что последнее слово непременно останется за ним.

Я вовремя спохватился и убрал руку с веревки. Черт, так и тянет ее потрогать.

— Жаль, что мы не можем поговорить с Кэт. Я полагаю, она — прорека в завесе таинственности, которую напустили боги. Может статься, она кое-что знает, но не в состоянии уберечь свои знания.

— Предлагаешь обаять ее и привести домой? А что, я могу. — Мнение Покойника о моем умении обольщать особ слабого пола ни в коей мере не соответствовало действительности.

В ответ я заслужил мысленную усмешку.

Отпустив замечание по поводу того, что он расходует на пустяки заработанные тяжким трудом деньги, я удалился к себе в кабинет.

32

Когда одолевают неприятности, крутой парень по имени Гаррет кидается к Элеоноре. «Что скажешь, дорогая?» Черт возьми, от Элеоноры толку гораздо больше, нежели от Покойника.

Ведь она — целиком и полностью Оттуда.

Элеонора — центральный образ на картине, изображающей женщину, которая в испуге бежит из мрачного поместья. За ее спиной виднеются клубящиеся тени, кои преследуют беглянку. Художник обладал великим талантом и непостижимым могуществом. Некогда от картины исходило жуткое ощущение, но со временем чары слегка рассеялись.

Я познакомился с Элеонорой, расследуя дело, в котором она являлась ключевой фигурой. Влюбился с первого взгляда и был потрясен до глубины души, узнав, что ее убили, еще когда я ходил пешком под стол.

Такое случается довольно редко: жертва преступления помогает найти убийцу, попутно, уже после смерти, разбивая сердце сыщика.

Да, дело было весьма странным.

Равно как и наши с Элеонорой отношения, изначально обреченные, только я о том не догадывался. А в итоге мне остался лишь портрет, который я забрал у преступника, да кое-какие воспоминания.

Но когда мне нужно крепко поразмыслить, я иду и разговариваю с Элеонорой. Сказать по правде, помогает.

У Покойника души нет и в помине. Во всяком случае, до Элеоноры здесь ему далеко.

Мне почудилось, что Элеонора вот-вот что-то скажет.

«Возьмись за ум. Бей первым, не жди, когда ударят тебя».

— Верно, детка. Ох как верно! Но просвети меня. Как мне схватить Имара — или старину Ланга, — сама знаешь за что, и заставить говорить? Ну-ка объясни. И я отправлюсь совершать подвиги.

Вот она, суть моих затруднений, моя непрекращающаяся головная боль. Думаю, со мной согласятся все те смертные, кому довелось столкнуться с богами. У человека, почти по определению, нет точки опоры.

Появился Дин с большой тарелкой жаркого, которую поставил передо мной, бросив угрюмый взгляд на Элеонору. Поблизости от портрета, магию которого ощущал шкурой, он чувствовал себя неуютно.

— Вчера вечером я встретил на рынке мисс Майю.

Теперь понятно, откуда в доме взялась еда. Верный Дин зря времени не тратил. Вообще-то я не слишком люблю жаркое, да и выглядело оно не аппетитно, но запах у него был — слюной изойдешь. Попробовав, я обнаружил, что баранина — пальчики оближешь. Сто лет не ел баранины.

У Дина были свои недостатки, но готовить он все же умел.

— Просто здорово, Дин.

— То есть, сэр?

— Я бы мог бродить по городу дни напролет и так ни разу не столкнуться ни с Майей, ни с Тинни. Никто из них не заглядывает ко мне домой, когда я на месте. Но стоит отойти хотя бы на квартал — и на тебе, пожалуйста: оказывается, мисс Тинни или мисс Майя побывали в гостях, у них в жизни случилось то-то и то-то... Почему так, Дин? Ты что, вывешиваешь условный знак: мол, все спокойно, людоед вылез из берлоги?

Мой вопрос застал Дина врасплох и поразил в самое сердце. Ничего, я уже несколько раз помалкивал там, где следовало бы проявить твердость.

— Не знаю, сэр, честное слово. — Судя по виду, он раздумывал, не притворяться ли обиженным, но никак не мог решить, чем же я его обидел.

Мы перешли в кухню.

— Не переживай, Дин. И не обращай внимания на мои слова. Я сегодня не в лучшем настроении.

— Правда? А я и не заметил.

— Ладно, ладно. Жаркое тебе удалось. А свежий бочонок пива ты, часом, не заказал?

— Я думал об этом.

Значит, вот ты как? Играять со мной в игрушки?

— И до чего же ты додумался?

— Я пришел к выводу, что пиво нам пригодится, тем более что время от времени будет заглядывать мисс Торнада, да и мистер Тарп станет чаще захаживать на огонек.

— Отошли пустые бочонки. Признаться, я сам хотел это сделать в твое отсутствие, но совсем забыл.

— Я заметил. — Естественно, ведь пустые бочонки загромождали полкухни. — И предупредил торговца, чтобы тот привез жал на двух повозках. Одной явно не хватит.

Тоже мне, умник выискался! Дин категорически не одобрял мое хобби. Сам он никакого хобби не имел и, на мой взгляд, отчаянно в нем нуждался. Лично я не могу полностью доверять человеку, у которого нет хобби. Такой человек воспринимает все всерьез.

Может, предложить Дину вечерние прогулки в компании Попки-Дурака?

— Дин, мне пришла в голову одна мысль...

Он попятился, спрятался за стул.

— Что такое? — осведомился я, вопросительно приподняв бровь.

— Когда к вам начинают приходить мысли, от вас лучше держаться подальше.

— Как от только что наточенного клинка.

— В руках пьяницы.

— Родиться бы тебе женщиной, из тебя вышла бы отличная супруга. Слушай, вот моя идея. Мы пустим слух, что мистеру Большой Шишке известно, где зарыт некий клад. Дескать, раньше наш попугай принадлежал капитану Шраму, главарю ламбарских пиратов, который научил птичку читать карту. Тогда его у нас похитят, не успеет он вылететь из дома.

Дин хмыкнул. Он тоже терпеть не мог Попку-Дурака. Этот пернатый выродок доставлял ему немало неприятностей. Ну Морли, ну удружи! Вот наберусь духу и подкину в «Пальмы» Покойника с его коллекцией жуков.

— По-моему, гораздо проще свернуть ему шею.

В чем-то Дин, безусловно, был прав, однако мы, люди, редко внемлем голосу рассудка. Прагматиков среди нас мало, мы позволяем привходящим обстоятельствам себя отвлекать. В данном случае Морли обидится, если я придуши его подарок.

Дин извлек из печи противень с булочками. Я схватил одну, еще дымившуюся, окунул в масло, полил медом... У, райское наслаждение!

Но рай имеет гнусную привычку ускользать, едва мелькнув на горизонте.

— Гаррет, вокруг дома бродят некие личности.

— Зашевелились мои приятели?

Дин недоуменно поглядел на меня, потом сообразил, что я разговариваю не с ним.

— Не могу понять. Такое ощущение, что они лишь отчасти присутствуют в нашей реальности. Я различаю мощный источник несфокусированной энергии, улавливаю страхи и раздражение. Подобное сочетание не предвещает ничего хорошего.

— Да уж. Короче говоря, хозяин вернулся. Можешь сказать, что они собираются делать? И кто там?

— Нет. В юности я отправился к морю. Ты бывал на море в день, когда на горизонте клубятся штормовые тучи, опирающиеся на косые черные столбы дождя, а ветер то поднимается, то исчезает без следа? У меня сейчас примерно то же ощущение, как если бы я стоял на палубе галиона, наблюдая за приближением шторма.

— Очень живописно, старый хрыч. — Я понял, что он имел в виду, поскольку и впрямь бывал на море. — Не знал, что ты был моряком.

— Я им не был.

— Но ты сказал...

— Я сказал, что отправился к морю.

— Должно быть, сбежал от ростовщиков. Иными словами, они просто бродят вокруг, злые как собаки, но ничего особенно дурного пока не замышляют?

— Да.

Я поднялся наверх, чтобы выглянуть в окно. На первом этаже у нас окон не было, если не считать зарешеченного кухонного, сквозь которое проникал свежий воздух. Это характерная особенность танферской архитектуры. Пускай воры поломают головы.

— Мы в осаде?

— Я бы сказал, под наблюдением.

— Хватит выкаблучиваться.

— Говоря твоими словами, Гаррет, поучи утку нести яйца.

Курицу, а не утку, старый хрыч. Яйца курицу не учат — так говорят в народе. Если изъясняешься поговорками, потрудись их хотя бы запомнить.

33

Странно. На улице почти никого не было. Порывистый ветерок гонял по улице палую листву и всякий мусор — туда-сюда, туда-сюда, словно никак не мог решить, в какую сторону лучше.

Судя по всему, было прохладно. Что-то рановато. Миссис Кардонлос подметала мостовую перед своим крыльцом, пользуясь отсутствием прохожих. Время от времени, по причинам, известным только ей, она поглядывала на мой дом, будто холода были делом моих рук.

Ну да с нее станется обвинить меня в чем угодно.

На моих глазах она положила метлу на мостовую, зашла в дом, вернулась в свитере поверх того, который на ней уже был. Свирепо поглядела на небо, как бы говоря: «Только попробуй потемнеть!»

— Ты видишь улицу?

— Да. Я смотрю твоими глазами.

— Напоминает осень. Правда, листва на деревьях еще осталась. — Вообще-то зелени было всего ничего. В окрестностях моего дома крайне мало деревьев, лужаек, скверов и тому подобного. Сплошной камень. Редкие пятна зеленого на фоне серого и кирпично-красного.

— Что скажешь?

— Пока ничего. Вели Дину выпустить попугая наружу. Сам не высовывайся ни в коем случае.

— Хорошо. — Что сие означает? Да какая разница! В конце концов пускай сам потом объясняется с Морли.

Миссис Кардонлос бросила мести и злобно уставилась в пространство. Замечательно. Я прижался носом к стеклу, пытаясь рассмотреть, на кого устремлен ее взгляд.

— Видишь ту женщину, старый хрыч? Та самая рыжеволосая, с которой все началось. Адет. — Интересно, как ее разглядела старуха?

— Выглядит печальной. Грустный призрак.

— Что это на тебя нашло? Тебе снились кошмары?

— Ты о чем?

— Обычно у тебя более рациональный и безжизненный взгляд на мир.

— Ты ошибаешься. Пожалуйста, выпусти птицу.

— Я бы с удовольствием, раз и навсегда, если ты возьмешь на себя разговор с Дотсон.

Спустившись в кухню, я объяснил Дину, чего хочет его ми- лость. Дин молча покачал головой, вытер руки и, оставив в рако-

вине гору недомытой посуды, направился в переднюю. Мистер Большая Шишка и не подозревал, что ему предстоит новое приключение. Пока я обозревал улицу в дверной глазок, Дин взял попугая в руки.

— Все чисто.

Дин завозился с замками, цепочками и засовами. Беру назад свои слова насчет того, что у него нет хобби.

Попугай казался полумертвым. Вел себя удивительно прилично. Похоже, он был напуган.

Надеюсь, я не скоро по нему заскучаю.

Дин приоткрыл дверь, протянул руку, подкинул комок разноцветных перьев в воздух. Внутрь просочилось дуновение ветерка. Бrr! Ну и холодина!

Дин хотел было захлопнуть дверь, но я ему помешал.

— Погоди. Выйди на крыльце, а я погляжу в глазок. — Он подчинился. — Так я и думал. К нам едет торговец пивом. Купи у него еще один бочонок. Вполне возможно, отсиживаться придется долго.

Дин неодобрительно покосился на дверь, за которой я прятался, затем спросил:

— Неужели все так плохо?

Подумать только, он до сих пор пребывает в блаженном неведении!

— Разумеется. Нам грозит опасность, которая минует не скоро. — Я вкратце обрисовал ему положение дел. Тем временем Чаранагуа Слим остановил повозку у нашего крыльца. Это был наполовину эльф, наполовину тролль; такого раз увидишь — не забудешь до конца своих дней. Невысокий, плотный, оба его родителя наверняка были самыми уродливыми среди своих собратьев. Слима считали душкой, но когда речь заходила о деньгах, он становился тверже камня. Я связался с ним лишь потому, что он был моим главным поставщиком святого напитка.

Дин помог Слиму закатить на крыльце полный бочонок и отправился за пустыми. Сейчас Слима наверняка хватит удар — далеко не на всех пустых бочонках стоит его клеймо.

Я укрылся в кабинете. Совсем не обязательно, чтобы Слим меня видел. Брякнет где-нибудь кому-нибудь, а потом не обе-

решься хлопот. А то еще попробует возвратить к моей совести и заставит порвать с другими поставщиками.

Стоило мне сесть, как я услышал щелчок, с каким захлопнулась дверь. Со Слимом было что-то не то — он не ворчал, не жаловался на судьбу. Я вышел в коридор.

Мимо прошествовал Дин с бочонком на плече. Какой маленький, не хватит даже, чтобы намочить усы.

— Это что такое?

— Больше у него пока нет. Я забрал, что осталось.

Следом за Дином я вошел в кухню. Пустые бочонки никто не трогал.

— А с этими что?

— У него не было свободного места. Обещал вернуться. Говорит, дела идут неплохо, работает четырнадцать часов в сутки. Сами понимаете, солдаты домой возвращаются.

— Да уж. — Судя по всему, Танферу угрожает пивной дефицит. Очередной из нежданных ужасов мирного времени. Я кинулсь к двери. Догнать Сlimа, купить у него повозку целиком. Превращу свой дом в пивохранилище...

— Гаррет, остановись.

Я досадливо махнул рукой и приник к глазку. Повозка Сlimа была битком набита бочонками и бочками.

— Сдается мне, это для правоборцев. Им наверняка требуется заправка. — Распитие пива есть существенная составная часть подготовки к демонстрациям.

— Эй, хрыч!

— Что?

— Посмотри-ка вон туда. Видишь? За домом старухи Кардонлос?

— Я вижу только девушку, отчасти состоящую из плоти и крови.

— Это Кэт. Та девица, благодаря которой я прокатился на крылатой лошади.

— Я ее поймал. — Не прошло и минуты. — Необычная девушка, Гаррет. Весьма любопытный экземпляр. Между прочим, она направлялась к нам, не подозревая, что наш дом является объектом пристального внимания. Несмотря на то, что она — отприск божества, ей не хватает божественного мировосприятия.

— Она с самого начала гением мне не показалась. Эй, Дин! К нам гости. Проводи девушку к его милости. Ей ни к чему знать, что я тоже дома.

Дин бросил на меня испепеляющий взгляд:

— Надеюсь, здесь замешаны деньги. У меня нет ни малейшего желания расшаркиваться за так перед очередной вашей подружкой.

— Это деловой визит. Просто впусти ее. Предложи чаю с булочками, а потом проводи к Покойнику.

— Слушаюсь, сэр.

— Спасибо.

Обе реплики прозвучали так, словно их авторов никто и никогда не обкладывал более тяжкой повинностью.

— Не за что, хрыч. Ты хотел потолковать с Кэт — пожалуйста. Действуй.

34

— Существа снаружи воспринимают ее как простую смертную. Я не ощущаю ни малейшего интереса.

— Занятно.

— Я бы сказал, весьма.

Никто не знал, кто такая Кэт, но она определенно участвовала в игре.

— Слушай, это может быть еще запутаннее, чем я предполагал.

— Возможно. Эта девушка никак не вписывается в мои выкладки. Вдобавок ее сознание окружено непроницаемой оболочкой, которая скрывает воспоминания и все прочее, кроме поверхностных мыслей. Впрочем, на поверхности находится вполне достаточно, чтобы понять, что она не принадлежит ни к шайрам, ни к годоротам.

— Отличные новости, старина. А то нам без нее хлопот было мало.

Дин продолжал ворчать. Дескать, в печи стоит пирог, а тут изволь торчать у двери. Похоже, все мои домочадцы, включая меня самого, потихоньку превращаются в компанию брюзгливых старикашек.

Должно быть, сказывается дурное влияние Покойника.

— Фью! Дин, с первого раза не открывай, пусть постучит еще. Мне нужно время, чтобы вернуть домой птицу.

Дин ответил в духе Попки-Дурака. Должен признать, я в глубине души ему посочувствовал.

— Гаррет, ступай в кабинет.

Вот мерзавец, по-прежнему читает мои мысли!

Я подчинился. Но ведь смотреть в щель между дверью и стеной мне никто не запрещал.

Дин выпрямился, словно проглотил палку. Очевидно, получал распоряжения. Он терпеть не мог, когда Покойник забирался к нему в голову. Я отпрыгнул от щели за миг до того, как он распахнул дверь, не дожидаясь повторного стука. И то сказать, какой там стук, когда подгорает пирог?

В дом ворвался Попка-Дурак. Он чуть было не свалил Дина с ног и завопил дурным голосом:

— Ах, какая милка! Хватай, придурок, чего вылупился?

— Что это такое? — пролепетала Кэт. Любопытно, в ночь нашего безумного полета она держалась куда хладнокровней.

Добро пожаловать в дом гнева, дорогуша.

— Домашний любимчик. Воспоминание о бурной молодости хозяина. Не обращайте на него внимания. Он не понимает, что говорит, — успокоил девушку Дин. — Удрал из дома, полетел на поиски мистера Гаррета и вот только что вернулся. Видите ли, мистер Гаррет, мой хозяин, куда-то запропастился. Должно быть, пошел по девкам. С ним это частенько бывает.

У, скотина! Задушу и не посмотрю на возраст!

— Гаррет, я предупредил человека по прозвищу Пройдоха. Он узнал птицу, но не принял предупреждения всерьез. По всей видимости, решил, что ты его разыгрываешь.

Замечательно.

— Недаром его прозвали Пройдохой, — прошептал я. Впрочем, а я послушал бы птичку, которую видел один-единственный раз в жизни, да и то в подпитии?

Навряд ли.

— Послушал бы, если бы у нее были рыжие волосы. Дин! Закрой, пожалуйста, дверь.

— Я всегда говорил, что у тебя нет чувства юмора.

Попка-Дурак продолжал выкрикивать всякие гнусности, словно принимая Кэт за Торнаду. А может, ему не хватало ума их различить?

Судя по доносившимся из коридора звукам, Кэт путалась под ногами у Дина; быть может, потому, что не знала, куда деваться от попугая. В самом деле, не станет же она сворачивать шею любимцу того дома, в который пришла.

Но тут мне открылась ужасная истина, словно высокое дерево обрушилось с грохотом за спиной громаднейшего на свете травоядного громового ящера.

— Эй, крошка, шевели ножками. Пошли дальше.

Херувим! Чтоб ему пусто было, херувим!

Попугай испустил душераздирающий вопль и полетел в глубь дома. Дин устремился следом, упражняясь в красноречии. Жужжание отдалилось. Хлопнула дверь передней.

— Никого. Зато воняет. Ладно, потопали, малышка.

Я пошарил за столом, отыскал дубинку. Что ж, настало время проверить, насколько крепок череп херувима.

— Спокойнее, Гаррет, спокойнее.

Младенец не замолкал ни на секунду. Под дверь моего кабинета из коридора начал сочиться дымок.

Проклятый попутай орал во всю глотку.

Дин продолжал изрыгать ругательства.

— Прояви терпение, — посоветовал Покойник. — Девушка взволнована. Это дает нам шанс. Я нашупал слабое место в оболочке, окружающей ее сознание.

— Шикарно, — пробормотал я. — А как насчет этого паршивого херувимчика?

— Херувимчика?

— Ну да. Он болтается в коридоре вместе с остальными. Такой карапузик с крыльышками, как у стрекозы.

— Четырнадцатый, прекрати! — взвизгнула Кэт.

— Ах, этот! — Мне вдруг стало ясно, что сам Покойник не ощущает присутствия херувима. Должно быть, сейчас он смотрит глазами Кэт, поскольку я прячусь в кабинете. Дин к избранным не принадлежит, поэтому херувима скорее всего не видит.

Интересно, могут простые смертные чуять дым, даже если они не видят курильщика?

— Он самый, — отозвался я. — Займись наконец делом. — И удачи тебе с карапузом, гений ты мой карманный.

— Тебе следует изменить свое отношение к окружающим.

— Брысь из моей головы, старый хрыч. — Лихо я его, а?

Он ушел. Но не потому, что пожалел меня. Ему просто понадобилось полностью сосредоточиться, чтобы разобраться с Кэт и ее спутником.

Я повернулся к Элеоноре. Но мои причитания нисколько ее не заинтересовали. Что и следовало ожидать.

35

— Гаррет, я добился своего. Если хочешь, присоединяйся к нам.

— С удовольствием. Лечу.

Покойник явно был доволен собой. Обычное дело. Когда что-нибудь не ладится, виноват кто угодно, только не он, зато честь побед припадлежит ему одному. Такой уж характер.

— Прямо хоть в школу амазонок, — пошутил я. Кэт и впрямь выглядела так, словно в недалеком будущем станет королевой этих воинственных девиц. — Вторая Торнада.

— Не совсем. Перед тобой невинная, честная и добросердечная девушка. О таких дочерях мечтают многие мужчины.

— Ты нашел что-нибудь интересное в этой милой головке? — Кэт была действительно симпатичной.

Вообще-то я к ней поначалу особо не приглядывался, поскольку мое внимание было поглощено херувимом, который застыл на подлокотнике Покойника кресла этакой диковинной статуэткой.

Правда, симпатична любая физически полноценная женщина, у которой нет ни единой привлекательной черты. Она вызывает исключительно братские чувства. Подходящая пара для бестолкового кузена Рудольфа из Хуромала. Погладишь ее по руке, одаришь мимолетной улыбкой — и она счастлива, а ты отправляешься на поиски плохих девчонок.

— Сумел что-нибудь вытянуть из карапуза?

— По крайней мере я затушил его самокрутку. — Однако в комнате, да и в коридоре, по-прежнему зверски воняло. — И обездвижил. Большего добиться не удалось.

— И не надо. Как насчет девушки?

— В ней скрыто многое, но я не могу проникнуть сквозь барьер. Необходима ее помощь.

— Наверно, сказывается порода.

Покойник мысленно хмыкнул. Весьма своеобразное, доложу я вам, ощущение.

— Эй, не забывай, что эта девушка скакала на крылатой лошади и радовалась как ребенок.

Покойник слегка ослабил хватку. Во взгляде Кэт появилась осознанность. Она вздрогнула, со страхом уставилась на логхира.

— Мы не знали, — пробормотала она, повернувшись ко мне и приблизившись: — Вы тоже здесь.

— Разумеется. Я тут живу. А тебе что понадобилось в моем доме?

Девушка пропустила вопрос мимо ушей. Протянула руку, прикоснувшись к херувиму.

— Бедный Четырнадцатый. Он этого не переживет.

— Неужели? А зачем ему жить?

— Я искала вас.

Любопытно. Я уселся в кресло, предназначавшееся лично для меня (им пользовались достаточно редко), закинул ноги на табурет и принялся изучать ногти на пальцах левой руки. Как ни странно, все на месте.

— Зачем? Разве мы знакомы? Разве нас что-то связывает? Честно говоря, не думаю.

— Вы сбежали от меня до того, как я...

— Правильно. До того, как ты успела что-либо со мной сделать. Вряд ли у тебя на уме было что-то хорошее.

— Но я вытащила вас...

— Помню, помню. Это было вчера ночью, я еще не успел забыть. Знаешь, мне почему-то вспоминается, как я спасал из рук венагетов полковника карентийской пехоты. Короче говоря, я ушел подальше от греха, предоставив тебе самой разбираться с теми, кто меня поджидал.

— Я хотела передать вас своей матери. Мы с ней заспорили, и тут выяснилось, что вы пропали.

Вот как? Что ж, может быть.

— Кажется, она говорит правду.

— Это моя мама решила вас освободить.

— Большое спасибо. А почему же она не прибыла за мной лично?

— Помягче, Гаррет. Но продолжай. Она начинает поддаваться. Очень интересно.

— Мама не осмеливается уходить надолго. Понимаете, ее отсутствие могут заметить. Все стали такими подозрительными из-за храма... К тому же она не умеет управлять Хироном и Отсаломом.

Очевидно, эти имена должны мне что-то говорить?

— Судя по всему, так зовут крылатых лошадей. О них упоминается в мифологии народа, города-государства которого располагались на Ламбарском побережье десятки человеческих поколений назад.

— Как раз когда ты отправился к морю?

Кэт недоуменно взорвалась на меня. Покойник продолжал, словно не услышав вопроса:

— В этих мифах иногда появляются и херувимы, ни один из которых не имеет собственного имени. Кстати, религия Ламбарского побережья имеет непосредственное отношение к Церкви. Они возникли из того же источника.

— Хирон и Отсалом, мистер Гаррет, это мои кони. Мои друзья. Мама так и не научилась ими управлять. У нее просто не было времени. Поэтому она попросила меня выручить вас и привести к ней. Я попыталась, но...

— Я тебе весьма признателен. Терпеть не могу всякие застенки.

— Если ты и впрямь благодарен ей, перестань ухмыляться. Смотреть противно.

Черт! Он опять глядит ее глазами.

— Дикарь, — пробурчал я. Хотелось бы мне знать, кто она такая и что ей нужно. Если память меня не подводит, Ламбарское побережье принадлежит Каренте еще со времен Империи. Все давным-давно привыкли считать этот край неотделимой частью нашей державы.

— Гаррет, на кораблях и баржах в Ганферском порту полным-полно ламбарских моряков. Тамошние жители частенько уходят в море.

— Понятно. Кэт, объясни, пожалуйста, что происходит?

Она закусила губу, всем своим видом показывая, что умрет под пытками, но не проронит ни слова.

— Мы живем в удивительное время, Гаррет. Ты наверняка и не подозревал, что в Квартале Грэз есть храм, куда ходят ламбарские моряки?

— Некоторые из нас не могут сделать и шага, чтобы не удивиться. А некоторые слишком ленивы, чтобы умереть. Естественно, такой храм есть. Готов поспорить на твою жизнь, что не один. Ведь солдату, моряку, даже купцу надо куда-то деваться после того, как он просадит все денежки в кабаке, а из меблирашек его вышвырнут за неуплату. Давай выкладывай, что ты еще выяснил.

Кэт разинула рот. Потом придинулась поближе к херувиму — с явной неохотой, поскольку оказалась рядом с Покойником. Но прикосновение к Четырнадцатому как будто добавило ей уверенности.

— Ты говорил, что она похожа на Ланга с Имаром. Так? На самом деле она гораздо больше похожа на Имару.

— Что ты мне голову морочишь?

— Ничего подобного. Она — дочь Имары, отсюда ее божественность. Кто отец, она не представляет. Знает только, что это не Имар, чему искренне рада. В глубине души она подозревает, что отца не знает и мать. Имар, кстати, понятия не имеет о существовании Кэт, а Имара, судя по всему, отнюдь не жаждет его просветить. Допускаю, что если он узнает, то впадет в приступ божественной ярости из разряда тех, которые сравнивают с землей горы и погружают на океанское дно целые континенты. Или по крайней мере поворачивают вспять реки и вызывают нашествие мышей и крыс.

— Чего-чего? — Что это на него нашло? Сказать по правде, я думал, что Имар вовсе не такой уж страшный, каким хочет казаться, но зачем лезть на рожон? Тот, кто напрашивается на неприятности, рано или поздно в них угодит. — Занятная история. Всегда приятно порыться в чужом грязном белье. Но при чем тут я?

Мой вопрос был адресован Кэт. Она не ответила. Покойник, в общем, тоже.

— Этого мне выяснить пока не удалось. Возможно, она просто не знает. Похоже, она всего лишь выполняла поручение матери.

— У меня такое ощущение, что она где-то не здесь. — Может, у Кэт аллергия на Покойника. Она словно старела прямо на моих глазах; вид у нее стал такой, какой бывает у людей, которых хватил удар. Она вцепилась в херувима. Сомневаюсь, чтобы мне, захоти я этого, удалось разжать ее пальцы.

— Легче, Гаррет. Уймись.

Порой случается, что идёшь себе по улице, и вдруг — бац! У моей матушки было несколько приступов. Последний ее прикончил. В промежутке между первым и последним о ней заботились кузены, поскольку мы с братом были в то время в Кантарде. Брата матушка пережила, но я уцелел и вернулся домой к самому печальному моменту.

Когда собственная матушка не может вспомнить, как зовут сына, сердце того и гляди разорвется.

— Уймись, я сказал.

— Душа болит, — отозвался я, процитировав строку из солдатского стишка. Если Покойник не утратит интерес к политике, ему еще предстоит услышать этот стишок целиком. Деятели из «Зова» положили его на музыку. «Пускай окончен бой, трубач сыграл отбой, душа по-прежнему болит...»

— Успокойся.

— Чего пристал? Отвяжись.

— У нас появилась редкая возможность, которую нельзя упустить. Эта девушка — краеугольный камень.

— Снаружи она тоже ничего.

Покойник мысленно фыркнул:

— Но к ней не подберешься. И теперь я могу с уверенностью сказать, что барьер установлен не ею.

Я — нормальный танферский парень, в жилах у меня не вода, а кровь, поэтому форма, тем более симпатичная, по мне гораздо интереснее содержания.

— Это твои проблемы, — проворчал я.

Кэт закатила глаза. Впрочем, она понимала, что мы говорим о ней; скорее всего воспринимала мои фразы. И как будто не воз-

ражала. Если Покойник прав насчет ее происхождения, у нее богатый опыт пребывания вовне.

— А, вот и план! Поскольку ты находишь Кэт в известной мере привлекательной, воспользуйся своим отработанным способом. Очаруй ее. Посмотрим, к чему это приведет. Возможно, мы узнаем что-либо интересное.

— Разве у нас есть время? — Когда речь заходит о моем умении очаровывать противоположный пол, Покойник перемещается в царство вымысла. Да пойми ты, старый хрыч, слишком они для меня противоположны.

А почему он так быстро отступил? Почему вытолкнул вперед Гаррета? Ведь он всегда гордился своей способностью проникать в чужое сознание. То ли Кэт оказалась крепким орешком, то ли он решил меня подставить. Жаль, конечно, расстраивать беднягу, но я был почти уверен, что в головке Кэт, как то частенько случается у молодых девиц, по большому счету гуляет ветер.

Издалека донесся затихающий, едва различимый голос, похожий на струйку дыма: «От Нога не...»

Я содрогнулся.

— Не слишком приятное ощущение.

— Почему ты меня не предупредил?

— А надо было? Теперь для меня не составляет труда уловить их присутствие, поэтому тебе беспокоиться не о чем.

— Оказывается, быть мертвым не так уж плохо.

— Боги проявляют нетерпение и стремятся опередить друг друга, поэтому дозорные приближаются к дому. Пускай Дин выпустит попугая на улицу.

В следующую секунду в кухне раздался возглас, представлявший собой весьма замысловатую грамматическую конструкцию. Дин протопал к входной двери, отпустил нелестное замечание в адрес Попки-Дурака. Тот промолчал. Неужели научился вести себя в обществе?

Ну да! Скорее уж летом пойдет снег, а по замерзшим рекам начнут раскатывать на коньках бесенята.

Дин сообщил:

— К нам идет мистер Дотс.

— Морли? — Давненько я не видел Морли Дотса. А ведь когда-то мы с ним были не разлей вода. Но потом он решил выйти в свет, для чего разом обрубил все старые связи.

— Разве есть другой Дотс? — Дин не одобрял Морли Дотса. Это, конечно, не показатель: Дин одобрял только своих племянниц на выданье, а также двух моих подружек, Тинни и Майю. Однако и другие, более заслуживающие доверия люди относились к Дотсу настороженно. Если воспользоваться словечком, которое в ходу у рафинированной публики, Морли был головорезом.

А среди своих его называли костоломом.

Склонным вдобавок к самообольщению и бредовым фантазиям.

— Дин, будь добр, дождись мистера Дотса у двери. А потом проводи ко мне. Я уверен, он сообщит нам нечто, заслуживающее внимания.

36

Морли Дотс наполовину человек, наполовину — темный эльф. Но впечатление такое, что от эльфа в нем гораздо больше. А человеческой половины он стесняется. Не могу сказать, что я его за это виню.

Он невысок, худощав и настолько смазлив, что его следовало бы посадить в тюрьму и потерять ключ от камеры. Чтобы все остальные могли вздохнуть спокойно. Я знаю Морли с незапамятных времен. Когда-то мы были закадычными друзьями. Но порой он выкидывал фортели — вроде того, когда подарил мне говорящего попугая, одержимого безумным демоном, страдающего словесным поносом.

— Мистер Дотс, — произнес Дин, впуская Морли в комнату Покойника.

— Ексель-моксель, — сказал я. Давненько мне хотелось встретить его такими словами, да все не предоставлялось возможности. — Ты что, открыл ателье мод?

К Морли точнее всего подошло бы словечко «расфуфыренный». Черная треуголка с серебряным кантом, яркий красно-черный, расшитый серебром жилет поверх ослепительно белой рубашки

с жабо и пышными манжетами, щегольские кремовые брюки, башмаки с большими серебряными пряжками, начищенные так, что хотелось зажмуриться. Облик Дотса дополняли изящная трость и пробивающиеся над верхней губой черные усики.

— Да, народ с Холма сдохнет от зависти, когда ты там появишься.

Морли снянул с руки белую шелковую перчатку, вынул из кармана крохотный флакончик, поднес к носу и сделал вдох. Потом настороженно оглядел Кэт, словно прикидывая, что нас с ней связывает. Надо отдать ему должное, женщин у меня он никогда не отбивал.

— Выпендривается, стервец, — заметил я, обращаясь к Покойнику.

— Человек — хозяин своей судьбы. — Если бы в комнате были окна, их переплеты задрожали бы от смеха Покойника.

Морли не снизошел до ответа. Естественно, мы, обитатели городского дна, не могли оценить его нынешнее положение.

— Как меня просили, — сообщил он, поигрывая флаконом, точно заправский денди, — я проверил указанное место и запачкал весьма ценную...

— От Нога не скрыться.

На сей раз голос прозвучал куда явственнее. Ног был близко. И услышали его не только мы с Покойником. Морли побледнел.

— Это не логхир, — объяснил я. — Это жалкий свинцовый божок, основная обязанность которого — гоняться за смертными. В настоящий момент он охотится за мной.

Кэт тоже услышала Нога и заерзала на стуле.

— Гаррет, мне надо уходить. Если Ног застанет меня здесь...

— Дин, проводи юную даму в переднюю. Мисс Кэт, прежде чем вы уйдете, я хотел бы переговорить с вами наедине. А пока мне необходимо посоветоваться с этими джентльменами.

— Где я тебя найду? — спросил я Кэт, притворившись, будто поверил, что Покойник и впрямь намерен ее отпустить.

— Я сама вас найду.

— Не сомневаюсь. Счастливого пути. Смотри не балуйся.

Она бросила на меня загадочный взгляд и следом за Дином вышла из комнаты. Четырнадцатый остался с нами. А это кое-что да значило — разумеется, для тех, кто понимает.

Ног умолк, но чувствовалось, что он где-то поблизости и отнюдь не в радостном настроении. Его дружки наверняка крутились рядом; их настроение вряд ли было лучше.

— Боюсь, скоро к нам пожалуют гости.

— Гаррет, ты опять вляпался черт-те во что? — справился Морли и окинул херувима таким взглядом, словно ждал, что тот вдруг оживет и всадит стрелу точнечонько в его черное сердце.

— Я? Черт-те во что? Да никогда в жизни. — Я вкратце изложил ему свою историю и закончил следующей фразой: — Видишь сам, я тут ни при чем.

— Как обычно. Должно быть, это какой-то другой клоун по имени Гаррет помчался за очередной юбкой по Макунадо.

— Чья бы мычала! Сам еще ни одной юбки не пропустил.

— Да как сказать. Ты прав, но не совсем. Если помнишь, я успешно сопротивлялся сразу нескольким племянницам твоего слуги.

— Это были не женщины, а племянницы Дина.

Мне вспомнились девушки-совы. Я хмыкнул. Было бы здорово презентовать их Морли — в отместку за попугая. А что, тоже ведь птицы. Так просто он бы от них не отдался.

— Прими мои соболезнования, Гаррет. К сожалению, больше ничем помочь не могу. — Дотс пожал плечами. — К тому же я пришел не для того, чтобы выслушивать оскорблений. — Он ткнул пальцем в сторону Покойника. — Вон тот тип попросил меня кое-что разведать. Я пришел сообщить о том, что узнал.

— Тот факт, что ты пришел лично, заставляет меня предположить, что клад находится именно там, где он должен был быть, по словам Магодор.

— С тобой все ясно, Морли.

Когда речь заходит о деньгах, Морли перестает доверять кому бы то ни было. Похоже, я стал законченным циником: мне захотелось спросить, почему он не перепрятал сокровища и не сказал, что в том месте ничего нет. Интересно, почему Покойник отправил искать клад именно Морли? Я бы обратился к Плеймету. Да, у Морли с этикой получше, чем у Торнады, однако они друг друга стоят.

Впрочем, зря я его подозреваю. Он способен разыграть меня, как делал уже не раз, подарить мне Попку-Дурака, но и только. Обкрадывать Гаррета он не будет.

— Замечательно. Можно допустить, что на сей раз мы по милости Гаррета внакладе не останемся. Ты не откажешься за определенный процент извлечь сокровища из земли?

— Эй!

— Гаррет, тебе будет не до этого.

Я вновь уловил обрывок любимой фразы Нога. Голос удалялся. Но скоро мерзавец наверняка вернется.

В дверном проеме возник Дин.

— Мистер Гаррет, приехал Слим, привез свежее пиво и готов забрать пустые бочонки.

— Хорошо. — Подумать только, я еще даже не приложился к тому бочонку, который мы приобрели сегодня. Собачья жизнь. — У меня есть идея. Впусти-ка его.

37

Моя профессия была Слиму не очень-то по душе, но предложение, которое я ему сделал, эльфотролля заинтересовало.

— Лады, Гаррет. Согласен. Авось получится.

Я не стал упоминать, чем грозит встреча с годоротами или шайрами. Чего ради путать своего основного поставщика? Еще растеряется с испугу.

— Отлично. Дин, кати сюда бочку.

У нас в погребе целую вечность стояла большая винная бочка. Я все собирался вымыть ее и залить проточной водой на случай долговременной осады. Мне частенько лезли в голову подобного рода идеи — например, прорыть парочку подземных ходов, — но осуществить хотя бы одну из них я так и не сподобился.

Пока мы с Дином выкапывали бочку из погреба, Слим освободил место на повозке. Дин работал молча, поскольку ничего приятного мне сказать не мог, а все прочее произносить вслух опасался. Правда, рявкнул на Кэт, которая высунулась было из передней.

Выяснилось, что бочка рассохлась. Я несколько встревожился: а что, если она рассыплется в пыль, когда ее попытаются взгромоздить на Слимову повозку? Не очень-то хочется падать на мостовую. Частному сыщику это не к лицу.

Едва забравшись внутрь, я понял, что совершил ошибку. Проще было не таясь выйти из дома. Я будто очутился в гробу отпетого пьянчуги. Причем о комфорте оставалось только мечтать. Бочку покатили, она запрыгала по ступенькам крыльца, потом зашвырнули на повозку. Мои дурные предчувствия становились все настойчивее. Я рассыпал, как Морли жалуется, что запачкал одежду, а в следующую секунду он отпустил шутку насчет Гарретта в бочке.

Надо свести его с Магодор. Отличная выйдет пара. Мэгги со змеями в волосах, с острыми клыками и когтями как раз для него.

Повозка тронулась, что ничуть не облегчило моего положения. Поскольку Слим шел пешком, ведя своих скакунов в поводу, он не обращал внимания на выбоины в мостовой. Когда деревянное колесо попадало в яму, я морщился от боли.

Мне почудилось, будто я провел в бочке не одну вечность, а две или три сразу. Мы договорились, что Слим отправится прямиком к пивоварне Вейдера и там меня высадит, после чего загрузит повозку по-новой, однако вскоре я проникся убеждением, что он сознательно выбрал кружной путь и специально выискивает выбоины поглубже. Бочка подозрительно потрескивала и перекатывалась из стороны в сторону.

Бам! Колесо угодило в очередную выбоину. Я решил, что мне крышка. Слим заворчал на своих ослов. Клянусь, один из них расхохотался. Честное слово.

Естественно, ведь ослы — родичи лошадей.

Бам! У меня внутри все перевернулось. Бочка подпрыгнула и разлетелась вдребезги, ударившись о мостовую. Я вскочил, отряхнулся и огляделся, прикидывая, не пора ли бежать. По счастью, поблизости не было ни единого херувима, не говоря уж о третьесортных божках.

— Извини, — сказал Слим. — Эти проклятые ослы так и норовят пройтись по ямам.

Животное, рядом с которым я стоял, презрительно фыркнуло.

— Скорми их волкам. Или используй как наживку для громовых ящеров. Послушайся моего совета, иначе рано или поздно они тебя угробят.

Слим изумленно уставился на меня.

— Спасибо, что подбросил. Тебе нужны эти деревяшки? — В Танфере винная бочка, даже разбитая, представляет собой немалую ценность.

— Конечно.

Опасности никакой не было, если не считать ослов. Я помог Слиму собрать то, что осталось от бочки. Прохожие, на глазах которых я возник из деревянного яйца, наблюдали за нашими действиями разинув рты. Эти зеваки меня отчасти беспокоили: наверняка примутся рассказывать всем подряд, и рано или поздно какой-нибудь умник сообразит, кто был тот клоун в бочке.

Тут уж ничего не поделаешь. Надо побыстрее уносить ноги.

Мимо пронесся Попка-Дурак. Он молча исчез за углом.

Я сделал шаг, другой, не имея ни малейшего представления, куда податься. Пожалуй, на юг. Если доберусь до Квартала Грез, годороты с шайирами ничего мне не сделают — побоятся рассердить других богов.

38

Я подобрался так близко к цели, что уже решил: дело сделано. Однако выяснилось, что надо было как следует обдумать дорогу. Я шел чуть ли не теми же улицами, что и в первый раз. В какой-то момент по стенам домов зазмеялись причудливые тени, послышался шепот, доносившийся непонятно откуда. Впрочем, кое-что мне нашептывал Попка-Дурак, неотступно меня сопровождавший.

Птица заложила вираж, уселась мне на плечо и высказалась в том духе, что, мол, немедленно сворачивай.

— Судя по всему, за мной увязался Торбит Круговод. Он из шайиров. Если я ни с кем его не путаю, он должен материализоваться в образе большого и противного фавна рогатее трехглавой рогатой лягушки.

Попугай заверещал на всю улицу. На нас начали оборачиваться. Я свернул в переулок, постаравшись выкинуть из головы мысли о том, сколь безрадостная жизнь мне предстоит, если птичка, по милости Покойника, никогда от меня не отвяжется.

Мистер Большая Шишка привел меня к заведению Стагти Мартина. С кабачком что-то случилось, дела явно пошли на лад. У дверей

стояли, пошатываясь, поднабравшиеся личности, пили и переругивались. Некоторые, правда, предпочитали переругиваться и пить.

Поскольку дома я так и не приложился к бочонку с пивом, то решил заглянуть к Мартину и промочить глотку. Как говорится, залить тоску.

Я и не догадывался, что Покойник привел меня сюда не случайно.

Накануне у Стагги Мартина было скучно. Сегодня внутри словно наступила зима. Я заказал темного вейдеровского, а потом спросил у наследника Стагги:

— Что стряслось? У этих парней такой вид, будто они только что узнали, что их дядюшка Ферд оставил все свое состояние приюту для бездомных кошек.

— Вы не слыхали? Понятно, понятно. С вашим приятелем Пройдохой случилась беда. Мы все его любили.

— Что с ним такое?

— Нашли на улице. Он был еще жив, но не потому, что кто-то его пожалел. Ему здорово досталось.

Я хватил кулаком по стойке — точнее, по доске, которая здесь заменяла стойку.

— Мы пытались предупредить его! А он не послушался.

— Вы о чем?

— Он оказал одну услугу, которая кое-кому пришлась не по вкусу. Мы пытались предупредить его, чтобы он был поосторожнее.

Хозяин кивнул и подлил мне пива. Он наверняка разбирался в посетителях и знал, кого нужно обслужить лично. Иначе давно бы прогорел.

Черт! Я еще не успел как следует приложиться, а уже вновь начались неприятности.

— Вы были друзьями? — спросил хозяин, подвигая ко мне полную кружку.

— Да нет. Скорее товарищами. Оба служили в морской пехоте. — У него была армейская татуировка. Разумеется, разговор перешел на службу.

Какое-то время спустя я встал из-за столика мрачнее тучи. Пройдоху замучили до смерти лишь потому, что он не прислушался к внутреннему голосу и согласился мне помочь.

Таков лодской удел — жить и умирать по воле капризных богов.

Из смерти Пройдохи следовало, что кто-то из богов решил не церемониться.

Пожалуй, чем скорее я попаду в Квартал Грэз, тем лучше для меня.

— У него кто-нибудь остался? — спросил хозяин.

— Не знаю. Мы с ним встретились только вчера. Он про себя особо не распространялся.

— Жаль. Хороший был парень. Надо бы кому-нибудь сообщить, чтобы похоронили как положено.

Если бы меня не преследовала шайка богов, я бы, наверно, согласился отыскать семью Пройдохи. Но сейчас мне было не до того. Самому бы ноги унести.

И значит, крысюки отвезут Пройдоху за город, где его тело сожгут в одном из танферских крематориев.

39

Стоило выйти на улицу, как мне на плечо вновь уселся Попка-Дурак.

— Стаксель на брамсель! — пробормотал я. — Вот так всегда.

— Аргх! За тобой следят.

— Какой сюрприз!

— Знакомые тебе существа приближаются.

Прохожие бессовестно пялились на меня. Еще бы, не каждый день видишь человека, беседующего с попугаем.

— А я удаляюсь. — Я прибавил шаг и, перейдя на рысь, устремился к Кварталу Грэз. Подумать только, с какимисложностями сопряжен путь на улицу Богов. Но говорачивать обратно не было ни малейшего желания, пускай даже меня поджидало очередное грандиозное приключение.

По всей видимости, сейчас, когда Покойник заинтересовался происходящим, ему не составляло труда определить присутствие богов. Сказать по правде, он способен на многое, нужно лишь дать ему пинка, чтобы он очухался. Но вот как это осуществить на

практике... Готов махнуться на свою, если можно так выразиться, ключевость.

Любопытно: раз Покойник легко их засекает, значит, они решили материализоваться во всем своем величии? Или мы ощущаем их присутствие лишь потому, что наблюдаем за ними, и это позволяет выделить их из числа прочих танферских божков? Скорее всего причина в третьем — шайиры сражаются с годоротами за право существовать. Отсюда и столь четкие ощущения.

Попка-Дурак сорвался с моего плеча и помчался неведомо куда, в очередной раз бросив меня на произвол судьбы. Бrr! Неужели беднягу Гаррета и впрямь ждет будущее, в котором Покойник будет следить за каждым его шагом глазами проклятого комка перьев?

Я свернул за угол — и наткнулся на Родриго, показавшегося мне громаднее и уродливее прежнего. Он подпирал стену, ни дать ни взять член какой-нибудь из многочисленных городских шаек. Вряд ли он знал, что я вот-вот появлюсь; скорее его поставили здесь на всякий случай. Я ни на миг не замедлил шага. Метнулся в узкий переулок, который заканчивался тупиком, подтянулся, полез по стене... Между тем Родриго сообразил, кого только что видел, и бросился следом за мной, оглашая улицу ревом. Втиснувшись в переулок, больше смахивавший на трещину в скале, ему не удалось; на мое счастье, он был слишком туп, чтобы вспомнить, что наделен божественными способностями.

Моя удача — дама капризная. Дом оказался высотой в два этажа. Хорошо. Крыша была плоской, за ней открывался безбрежный простор точно таких же крыш. Отлично. По ним можно было бежать, как по улице, благо расстояние между соседними домами составляло от силы три фута. Замечательно.

Но домовладельцы в этой части города явно не заботились о состоянии своих домов. Едва ступив на крышу, я провалился одной ногой и понял, что нужно либо сбавить скорость, либо спуститься на землю.

Я выбрал первое, благодаря чему до меня вдруг дошло, что я удаляюсь от Квартала Грэз. Пора было спускаться и двигаться в противоположную сторону.

Спуск прошел не то чтобы гладко: я прыгнул — и проломил телом очередную крышу. По счастью, успел ухватиться за балку.

Подождал, пока глаза привыкнут к полумраку, осмотрелся. Как будто никого. Я сполз на пол. Тот оказался на удивление крепким.

Дом пустовал. Дерево во многих местах прогнило, камень еще худо-бедно держался. Свет проникал в комнату из многочисленных отверстий в стенах. Осыпавшаяся штукатурка, скрипучие доски под ногами; лестница вниз выглядела столь ненадежной, что я спустился по ней на четвереньках. Воровать в доме было нечего, если не считать кирпичинс^т кладки и некоторых досок, еще годящихся на дрова (не то что я собирался что-то прихватить с собой — просто бросилось в глаза).

Веет же мне на покойников во всех смыслах этого слова. Мой партнер — мертвец. Слуга стоит одной ногой в могиле. Город, в котором я живу, того и гляди покончит жизнь самоубийством.

Улица перед домом была пустынной. Зловещий знак. Обычно такие улицы кишают детьми, на скамейках сплетничают их мамаши, жалуются друг другу на ревматизм старухи, а старики играют в шашки и вздыхают о том, что мир катится ко всем чертям. Куда подевался Попка-Дурак? Я бы не отказался от данных воздушной разведки.

Впрочем, у меня нет времени на подобную роскошь. Я кинулся бежать в направлении Квартала Грэз. Из-за дома по-прежнему доносился рев Родриго. Может быть, это он распутал местных жителей.

Нет, с богами одни неприятности.

40

Я почти добрался до цели. Как всегда — почти. Обычная история. Я почти родился королем, только в последний момент выбрал не ту матушку.

Я свернул на Гнорлибон-стрит в нескольких кварталах от улицы Богов. Этой улочкой пользуются редко, потому что она никуда не ведет. Зато с нее открывается шикарный вид. Как будто ничего подозрительного, никаких причудливых теней на стенах, никаких уродов поперек себя шире, никаких смертельно привлекательных девиц, охотниц с собаками и прочей нечисти. Все чисто. Я перешел с рыси на быстрый шаг и попытался на ходу перевести дух.

Говорят, темнее всего перед рассветом. Тому, кто так говорит, побывать бы в моей шкуре. У меня так: настроение радужнее всего перед тем, как на мою голову обрушится молот тьмы.

Не знаю, чем меня согрели. Я шел себе по улице, отдуваясь и ухмыляясь, а в следующий миг обнаружил, что ползу сквозь непроглядный мрак. Время шло, по крайней мере в моей голове, но во мраке оно словно застыло. Быть может, я очутился в чистилище или попал в нирвану, кому что нравится?

Возник свет. Я прополз к нему. Из света появилось лицо.

— Кэт?

Чьи-то пальцы погладили мою щеку. Затем ущипнули. От боли в голове прояснилось, зрение стало острее. Это была не Кэт, а ее мать. Имара. Годороты добрались-таки до меня! Впрочем, огляделвшись, я никого больше не увидел. Мы с Имарой находились в месте, которое напоминало громадное яйцо. В яйце помещался невысокий диванчик, убранный пурпурным шелковым покрывалом. Свет сочился неизвестно откуда.

— Что за...

— Подожди. — Имара приложила палец к моему лбу, как выражаются некоторые, к третьему глазу. Потом провела рукой по переносице, коснулась носа и губ. Ногти у нее были острыми как бритва. Я поежился; однако надо признать — ее прикосновение, как ни странно, возбуждало. — У тебя неплохая репутация. — Пальцы Имары продолжали блуждать по моему телу. — Она соответствует действительности?

— Не знаю. — Я не мог пошевелиться, зато мой голос подскочил на целую октаву. — Ай!

— Надеюсь, что так. Мне редко представляется подобная возможность.

— То есть? — Я сопротивлялся, причем на полном серьезе. Эта божественная матрона намеревалась поразвлечься, не понимая того, что делает меня заклятым врагом своего супруга. И не важно, что у них в пантеоне царит свобода нравов. Боги — существа ревнивые и имеют дурную привычку превращать возлюбленных своих жен в лягушек и пауков. Но Имару мое сопротивление только раззадоривало. Ей было плевать, что станется с Гарретом потом; она стремилась к одному и добивалась своего с настойчиво-

стью, которую обычно приписывают не слишком соблюдающим правила общежития смертным мужского пола. Я принялся отбиваться, но было уже поздно — неизбежное свершилось. Оставалось лишь надеяться, что Имара не обернется каким-нибудь чудовищем с двумя сотнями щупалец и дыханием дохлой зубатки.

Я — агностик, которого заставили верить. Мне следовало позвать на помощь.

Если они все такие, тогда понятно, почему их преследуют неприятности.

Отдышавшись, я спросил:

— У тебя что, привычка хватать прохожих на улице?

— Только когда мне удается улизнуть надолго. В конце концов должна же я как-то поощрять себя за то, что терплю этого ублюдка Имара!

Покойник и словом не обмолвился насчет того, законнорожденный ли Имар. Мне стало ясно, чему обязан верховный бог годоротов своим обаянием.

— Погоди! Я всего лишь смертный. — Если не считать ее неутомимости, Имара и сама выглядела сейчас обыкновенной женщиной.

— Ладно. Все равно нам нужно поговорить.

— Правильно.

— Ты нашел ключ?

— Э... — Надо было выкручиваться. Положение не из приятных. — Нет.

— Хорошо. А искал?

Хорошо? Я заскрежетал зубами. Ну и делишки.

— Вообще-то нет. Некогда было.

— Хорошо, — повторила она. — И не ищи.

— Не искать?

— Ну да. Спрячься. Скройся. Пересиди.

— Ты хочешь, чтобы вас вытурили из Квартала Грэз?

— Я хочу, чтобы вытурили Имара с его тупоголовыми приспешниками. Целую тысячу лет мне хотелось избавиться от этого придурка. Я обо всем договорилась и не намерена упускать свой шанс.

Она принялась перечислять недостатки и грехи Имара, что напомнило мне об одной из причин, по которым я стараюсь избе-

гать замужних женщин. Между прочим, все ее жалобы я слышал сотни раз из уст смертных. По-видимому, быть богом — занятие смертельно скучное. Поживи так тысячу лет... Неудивительно, что они такие дерганые.

Жалобы на супруга вызывают зевоту. А если у тебя нет ни малейшего желания их выслушивать, они становятся сущим наказанием. Я постарался отвлечься и вернулся к реальности, когда Имара решила, что я уже достаточно отдохнул.

— Ой! Значит, ты собираешься перебежать от годоротов к шайирам?

Интересно, как это у нее получится? Любой теолог скажет, что божества способны и не на такое; но я никогда не понимал, каким образом они устраивают свои дела.

— К шайирам? Не смеши меня! Ланг ничем не лучше Имара. На кой ляд он мне сдался? А его домашние еще хлеще годоротов. Пускай проваливаются все вместе в пучину времени. — Тон у Имары был совершенно равнодушный. Она явно думала о чем-то другом.

Может, зря она занялась храмовой проституцией?

— То есть ты договорилась не с шайирами?

— Конечно, нет. Заткнись. — Она вновь прижала пальцы к моему лбу. Я заткнулся. Сладостное мучение продолжалось добрую тысячу лет...

Меня вновь окутал непроглядный мрак. Последнее, что я помню, — Имара нашептывала мне, что я до конца жизни не пожалею, если Имар с Лангом не получат ключа.

Ну почему все это происходит именно со мной?

41

Болела каждая мышца, каждая косточка. Я чувствовал себя так, словно выполнил тысячу приседаний и пробежал десять миль, а чтобы остыть, напоследок пару сотен раз отжался от пола. Кругом, куда ни посмотри, синяки и царапины. Пожалуй, пора завести себе новое хобби. Прежнее стало чересчур опасным.

Тут передо мной вновь возникло чье-то лицо. На сей раз — омерзительнее первородного греха. Это была морда крысюка, ко-

торого, по-моему, выгонит вон даже крысючья самка. Я схватил его за горло и не отпускал, пока не поднялся.

Выяснилось, что меня бросили в каком-то переулке и что крысюк шарил в моих карманах. Я возвратил себе свое добро. Крысюк было заскулил. Я не собирался миндальничать: настроение было настолько паршивым, что хотелось кого-нибудь прикончить.

Вернулась головная боль.

Разумеется, со смертью этого крысюка на свете стало бы легче дышать, я всего лишь отвесил ему зуботычину. Тут мне пришла любопытная мысль. Терять было нечего, и я решил попробовать. Богам все равно известно, куда я направляюсь.

Я вытянул вдоль веревку Магодор, отрезал от нее кусок и привязал к хвосту крысюка. Он был столь озабочен своими бедами, что ничего не заметил.

Пора было двигаться. И пошустрее.

Может, удастся навести годоротов на ложный след.

Я вышел на Флитвуд-плейс, одну из тех коротких, не слишком оживленных улиц, которые ведут к Кварталу Грэз. Она бежала мимо комплекса зданий арсенала. Несмотря на то, что война почти закончилась, там кипела работа. Понятия не имею, как люди выдерживают этот грохот.

Я передвигался от укрытия к укрытию, будучи уверен в том, что через сотню-другую ярдов окажусь в Квартале Грэз. У меня над головой пролетели две совы, они преследовали некое расплывчатое пятно. Я усмехнулся. Молодец, Йоркен, старается.

По кирпичной стене поползли тени. Над моей головой послышался шелест. Ветерок подхватил и закружила в воздухе сотни черных листьев. Я был не прочь услышать рев драконов и увидеть колонны громовых ящеров, но до этого не дошло.

Каждый новый шаг приближал меня к Кварталу Грэз. Издалека пришло грозное до жути напоминание: «От Нога не скрыться». Да, запас слов у моего старого приятеля не слишком велик.

На бегу я прикинул, не повторить ли тот фокус, который я выкинул с крысюком. Может, получится. Интересно, куда подевался Йоркен?

В той стороне, откуда я появился, вдруг заклубился густой темно-коричневый дым. Сверкнула молния. В воздух по широкой

дуге взмыла сова. Прогремел гром. Все это видел не только я. Прохожие на улице остановились и разинули рты.

Годороты сцепились с шайирами. Я не стал дожидаться, пока они перейдут к рукоприкладству. Мне и без того хватало хлопот. За моей спиной завыл волк (или пес) размерами с корову. Его вой мог означать только одно: «Хозяин, я взял след». Опустив голову, я устремился к заветной цели.

Передо мной, на рубеже, за которым ожидало спасение, возникло нечто, сгустилась неведомо откуда взвывшаяся тень. Вой за спиной повторился, на сей раз гораздо ближе. Я не стал ни сворачивать, ни останавливаться, а очертя голову бросился вперед.

42

Возникло лицо.

— Достали уже, — пробормотал я. Попытался пошевелиться. Темнота держала крепко, не отпускала. Я мог только хлопать глазами и видеть. Все остальные органы чувств бездействовали.

Лицо отодвинулось. Оно напоминало металлическую маску со стилизованными чертами. Сквозь отверстия для рта, носа и глаз проглядывал мрак. Маска уменьшилась до размеров искорки.

В течение нескольких минут — или целой вечности — появились десятки и сотни других искорок. Некоторые начали двигаться, закладывать виражи, приближаться ко мне, образовывая некий узор. Проступали лица и даже фигуры, смахивавшие на самых известных танферских богов. Все были из разных пантеонов.

О-х-о-х.

Я вырос в приходе святого Шаромыги, поэтому узнал старца с первого взгляда.

— Вы с нами, мистер Гаррет?

— Внутренний голос подсказывает, что с вами лучше не ссориться.

Святой Шаромыга был покровителем ищущих мудрости. Вдобавок он приглядывал за слабоумными, пьяницами и маленьными детьми — в общем, за теми, кто способен увидеть, что небесная бюрократия ничем не отличается от земной.

Шаромыгу причислили к святым не за божественное чувство юмора и не за терпимость к иным вероучениям, однако сейчас он был слишком озабочен, чтобы впасть в свою знаменитую ярость.

— Если вы воздержитесь от подобных замечаний, мы сможем быстро решить несколько вопросов.

— Кто это «мы»? — Я был в столь мрачном настроении, что плевать хотел на всех богов, вместе взятых, не говоря уж о святых, пускай даже передо мной тот, в кого я не верил лет этак с одиннадцати.

— Мы — Комитет, который также называют Комиссией, постоянно действующий орган по разрешению споров и конфликтов между божествами различных религий. Состав Комитета непрерывно изменяется, поскольку участие в его работе — обязанность каждого божества. Задача Комитета — обеспечить порядок в танферском Квартале Грэз. Именно мы принимаем новых богов и выселяем старых.

— Мне с детства не было никакого дела до богов. Почему бы им не ответить любезностью на любезность? — Должно быть, это типы из Комитета превратили меня в ключ (возможно, в отместку за неуважение).

— Лучшего кандидата не нашлось. Впрочем, мы не предвидели, что ваша жизнь окажется под угрозой. Примите наши извинения. Мы рассчитывали, что, выполнив просьбы заинтересованных сторон, вы разбогатеете.

— Большое спасибо. Звучит просто замечательно. Я так понимаю, что отныне и до конца своих дней буду купаться в роскоши? И когда мне начнут давать взятки? Я бы не отказался от золотых слитков. Кстати, а кто меня защитит?

— Защитит? — Похоже, это слово было для святого настолько в новинку, что он затруднился его произнести. А ведь люди верят, что он оберегает тех, кто сам не способен о себе позаботиться. Скажите на милость, ну как тут не стать циником?

Чтобы угадать ответ святого, достаточно было поглядеть на его лицо, но я решил не отступать.

— Вот именно. Кто защитит Гаррета от ваших безумных годоротов и шайиров, до которых понемногу начинает доходить, что ключ — это я? Вы устроили так, что победитель получает все, в

том числе и меня. Но ведь проигравшие заартачатся, верно? Принутся искать, кого бы обвинить в своем поражении. Начнут прикидывать, кому бы переломать кости, чтобы поквитаться с мирозданием. Как по-вашему, кого они выберут?

Пока я распинался, добрый святой зажмурился, то ли показывая, как ему надоели мои тирады, то ли совещаясь со своими дружками.

— Вас защищают, мистер Гаррет, — сообщил он, открыв глаза. — Мы сочли, что вам уже причинили достаточно неудобств. От враждующих сторон ожидали, что они будут добиваться вашей помощи, но ни в коей мере не станут к ней принуждать. По-видимому, нам придется внести некоторые изменения в правила состязания.

Божественные фигуры колыхались в ритме, ведомом только им. Я чувствовал, как некоторые пытаются забраться ко мне в голову, шарят в моем сознании, скорее по привычке, чем по необходимости. Им было скучно, они явно ждали, чтобы существа оттуда, где небесное великолепие превращается в небесный же хлам, разобрались сами и не впутывали вышестоящих в свои грязные делишки.

— Зачем меня сюда притащили?

— Неподалеку от того места, где вы находились, развернулась битва шайиров с годоротами. События разворачивались таким образом, что вам могла грозить опасность. Между тем вы ни в коем случае не должны пока погибать.

Если бы я был материален, то принюхался бы и ушипнул бы себя, чтобы убедиться, что не сплю.

— Какая забота! Не возражаете, если я поболтаюсь тут пару тысяч лет? До тех пор, пока не сгинет последний из членов вашего Комитета.

— Я бы мог дать вам тот ответ, на который вы напрашиваетесь, однако это означало бы бессмысленное сотрясение воздуха. — Надо же, а у святого есть чувство юмора. — Если мы сделаем исключение для вас, все остальные смертные завалят нас прошениями, ссылаясь на исключительные обстоятельства.

Трам-там-там. Великие небеса, не допустите, чтобы мне когда-нибудь досталась такая работенка.

— Вас превратили в ключ потому, что нам показалось: вы, смертный, сможете установить, чем боги одного пантеона превосходят богов другого, и тем самым определить, кто из них достоин остаться в Квартале Грез.

Ребята, вы жестоко ошиблись. Вам был нужен вовсе не я.

— Честно говоря, и те и другие не слишком мне понравились. Может, подержите меня тут, пока не истечет отпущенное время и они не сгинут все вместе?

— Это невозможно, мистер Гаррет. Сохраняйте мужество и шевелите мозгами. Какой из пантеонов должен остаться на улице Богов.

Я ведь тебе уже сказал, старый прощельга. Святой несколько отдалился.

— И помните, немногие смертные удостаивались чести судить богов.

Вокруг меня сновали прочие члены Комитета. Кое-кто из наиболее любопытных то и дело подлетал поближе. Откуда-то взялось убеждение, что боги преуспевающих пантеонов слегка оторвались от действительности. Они напоминали мне тех владельцев фабрик, которые никогда не появляются на своих предприятиях из опасения, что замарают себя общением с рабочими (труд коих, кстати, и позволяет им вести такой образ жизни). Было предельно ясно — большинство божеств не имеет ни малейшего понятия о том, что они несут ответственность за своих приверженцев. Будь у обычновенных смертных подростков неограниченное время и средства, из них выросли бы вот такие боги. Небожители разглядывали меня так, словно я был букашкой под увеличительным стеклом.

— Всего хорошего, мистер Гаррет. — Голос святого стих в отдалении.

Искорки исчезли, я очутился в непроглядной тьме, густой, как патока. Нет, мне определенно пора сматывать удочки, и пускай эти чокнутые разбираются без меня.

Было бы здорово найти кувшин с джинном. Я бы поручил ему все уладить, а сам отошел бы от дел и расслабился... Тут на меня накатил мрак, проник в тайники моей души, и внезапно я почувствовал себя лучше. Головная боль исчезла, косточки перестали ныть, синяки и царапины пропали, будто их и не было. Настроение

ние решительным образом переменилось. Я пожалел о том, что не лыс — глядишь, отросли бы новые волосы. Я словно помолодел, мне захотелось совершить что-нибудь этакое — свалить дурака, ибо я вновь обрел свойственное юности нетерпение.

Меня вновь поглотила тьма. На какой-то миг я утратил все ощущения до единого.

43

Я очнулся в переулке. Привычное дело. У меня перед глазами маячила чья-то физиономия. Чудеса. Почему эти рожи постоянно меняются? Я вновь попытался схватить своего визави за горло, но быстро убедился, что это не крысюк. Он поднял несчастного Гаррета одной рукой и как следует встрихнул.

— Мама, это ты? — Моя матушка имела привычку трясти меня, когда я выкидывал что-нибудь из ряда вон. Разумеется, то было в далеком детстве.

— Чего?

Великое небо, опять промахнулся.

Меня отодвинули на расстояние вытянутой руки, оглядели с головы до ног, повертели в воздухе. Я тоже не упустил случая изучить своего нового знакомца.

Длинные, вьющиеся, светлые волосы. Голубые глаза, способные свести с ума любую девчонку. Точнее, один глаз. Второй закрыт черной кожаной повязкой. Рост около девяти футов. Мышцы так и выпирают из-под кожи. Образчик физического совершенства. По всей видимости, занимается только тем, что качает мускулы да смотрится в зеркало.

Таких, как он, я в Танфере еще не встречал. Должно быть, очередной жалкий божок. Но не годорот и не шайир.

— Что дальше? — пробормотал я. — Кто ты такой, дубина стоецовая?

Я по-прежнему чувствовал себя молодым и сильным.

Меня снова встрихнули.

Черт побери, я силен, как стая диких кошек!

— Помалкивай, пока тебя не спросят.

— Договорились. — Кажется, кто-то обещал, что меня будут защищать?

Шмяк. Шмяк.

— Родриго! Трог! — Мне нужен был кто-нибудь поздоровее, чтобы отвлечь этого парня.

На мой призыв откликнулся Попка-Дурак. Он ворвался в полумрак переулка с широкой, залитой светом улицы.

— Как тебе это зрешило? — Я вновь удостоился встряхивания.

— Умственно отсталый тип, — определил попугай.

— Ты его видишь?

Верзила замахнулся на птичку. Попугай метнулся в сторону. Он явно видел моего противника.

— Помолчи, Гаррет.

— Легко тебе говорить.

Красавчик, похоже, растерялся. Видимо, не привык, чтобы его не слушались. Вновь замахнулся на Попку-Дурака. Может, у него пре-дубеждение против говорящих птиц? Попугай без труда увернулся.

— Ты пробовал с ним поговорить?

— Да. Он велел мне заткнуться, а потом принял меня трясти. Ты не знаешь, кто он такой? — Верзила поднес меня к глазам. — Кстати, у богов есть свои зубные врачи? Ему давным-давно пора показаться дантисту. От него воняет, как от поля битвы...

Великое небо!

Покойник тоже догадался.

— Бог войны.

— Ты меня не боишься? — поинтересовался мой новый знакомец, опускаясь на корточки.

— Я целых пять лет гулял на твоем празднике. Так что ты меня уже ничем не испугаешь. — Надеюсь, он не страдает склонностью выискивать, где правда, а где вымысел. — Как тебя зовут? И что тебе нужно?

— Я зовусь Шинриэ Разрушитель. — Маэстро, барабаны, пожалуйста! И фанфары.

— А! Я знаком с твоей сестричкой Мэгги.

Он нахмурился. Похоже, не понял. Наверно, разрушители держат каждый свою лавочку.

И с чего я взял, что боги умнее людей?

— Гаррет, — окликнул попугай, усаживаясь на мое плечо. — Я этого имени раньше не слышал. А ты?

— Броде бы слыхал. На службе.

Шинриз Разрушитель взмахнул кулаком. От удара из ближайшей стены вывалилось несколько кирпичей. Открылась комната, в которой занималась любовью какая-то парочка. Они на мгновение отвлеклись от своего занятия и разинули рты. Женщина завизжала. Значит, Шинриза видел не только я.

Бог топнул ногой. Из стены вновь посыпались кирпичи.

— Пожалуй, пора сматываться, пока он все тут не развалил, — заметил я.

Припадок ярости, обуявший Шинриза, неожиданно миновал. Бог снова схватил меня.

— Ты нашел ключ?

— Нет.

— И не иди.

Издалека донеслось затухающее: «От Нога не скрыться».

— Почему? И какое тебе дело? Ты же не годорот и не шайир.

— Я хочу, чтобы досталось и тем и другим. Ты не станешь...

— Конечно, старина, конечно. Только разберитесь сначала между собой.

Шинриз нахмурился, наклонил голову. Должно быть, задумался.

— Приближаются другие, — сообщил попугай и взмыл в воздух.

— Знаю.

Бог войны ухмыльнулся. Да, зубки у него были еще те.

— Я буду тебя защищать, — заявил он, крайне довольный собой.

— Разумеется. Кстати, сюда направляется Ног Неотвратимый, который хочет меня похитить. Разберись с ним, а я пока спрячусь.

Я пробрался сквозь полуразрушенную стену в ту комнату, в которой любезничала спутнутая Шинризом парочка. У великана был такой вид, словно он заподозрил неладное. Из-за его спины раздалось торжествующее: «От Нога не скрыться». Ног взял след.

Что там говорил Шаромыга? Комитет поставит игрокам на вид за чрезмерное старание? Должно быть, еще не все узнали про

выговор. К тому же Шинриз наверняка и слыхом не слыхивал ни о каком Комитете. Ведь он добивается того, что полностью противоречит интересам Шаромыги.

Почему я не уточнил, что ему конкретно нужно?

Ах да. Из-за Нога.

Ног между тем прибыл.

Пролетели кирпичи. Загремел гром. Засверкали молнии. Я зажал уши ладонями и бросился бежать. Шинриз Разрушитель, похоже, стремился оправдать свое прозвище, уничтожая с помощью Нога близлежащие здания.

Послышились крики.

Эти жалкие свинцовые божки слишком много о себе возомнили. Пожалуй, чем ближе срок, тем больше они надоедают людям. Может...

Но ведь раньше боги обитали на своей улице, никого не трогая.

— От Нога не скрыться. — Мне показалось, Ног был немало изумлен тем, что кто-то посмел бросить ему вызов.

Хотел бы я знать, где нахожусь, чтобы прикинуть, где мне следует быть. Надежнее всего, по-моему, пристроиться у главного алтаря Четтери.

Ступив одной ногой из переулка на широкую улицу, я заметил размытое пятно. Йоркен сегодня не знал ни минуты отдыха. Он промчался мимо, торопясь на божественное состязание.

События принимали нужный мне оборот. Шайиры и годороты подтягивались к месту схватки. А я спокойно уходил все дальше — крадучись, как нас учили на службе, когда мы сражались с венагетами.

Грохот усиливался. Падали дымовые трубы. Летали по воздуху обломки крыш. Показались стражники. Зеваки мгновенно утратили всякий интерес к происходящему и разбежались кто куда. Я последовал их примеру.

44

На мое плечо опустился Попка-Дурак. Вцепился когтями, приобрел отрешенный вид, на вопросы отвечать не пожелал. По всей видимости, Покойник был занят и не имел возможности отвлечься. Впрочем, я был благодарен за то, что птичка помалкивала.

Небо затянули диковинные тучи, в которых сверкали молнии. Ветром словно овладела безудержная ярость. Прохожие дрожали, ругались, но вели себя не столько испуганно, сколько растерянно. Происходило нечто странное.

События явно вышли из-под контроля. Должно быть, Комитет задремал в полном составе. Происходящее не могло пойти на пользу ни одному из многочисленных танферских культов. Жаль, что я не могу вмешаться и остановить... Да, я знаю как, но у меня нет ни малейших оснований отдавать кому-либо преимущество.

Сориентировавшись, я тут же пожалел об этом. Комитет ни- сколько мне не помог. Я находился очень и очень далеко от Квар- тала Грэз. Правда, можно было укрыться в городе гоблинов. Ни один уважающий себя человеческий бог туда не полезет.

Ни один человек в здравом уме в город гоблинов на ночь глядя тоже не попрется.

Я устал и проголодался; вдобавок мне изрядно надоело, что мной помыкают все кому не лень. Единственным моим оружием было время. Если получится, я хотел бы сплавить в небытие как можно больше божеств.

Темнело быстро. Но звезд на небе не было. Вдалеке на фоне клубящихся туч продолжали сверкать молнии. Занялись пожары, по- валил дым, загудел набат. На мое лицо упали первые капли дождя, одна из которых была весьма увесистой и обожгла мне щеку.

Становилось все холоднее.

Я двинулся на юг, стараясь нигде не задерживаться. Ну и денек выдался, сплошные физические упражнения. Вскоре я доб- рался до знакомых мест. Было темно и неестественно тихо. По городу волной распространялась необычность. Я нырнул в дверь заведения, в котором вполне мог рассчитывать на пинту прилично- го пива и на порцию сосисок, не опасаясь, что меня накормят собачатиной или чем похуже.

— Эй, Жук!

Хозяин оторвался от стакана, который тщательно протирал.

— А, Гаррет! Сукин ты сын, где тебя черти носили? Ты не заглядывал добрых три месяца.

— Работа, сам понимаешь. Совсем не было времени.

— Я кое-что слышал. Правда, не поверил ни единому слову.

— Правда гораздо хуже того, что ты слышал.

Я взял кружку, сделал большой глоток и начал рассказывать.

— Слушай, надеюсь, ты прихватил с собой вилы.

— Чего?

Он притворился, будто разглядывает подошвы башмаков.

— Если у тебя нет вил, придется тебе выгребать все это дерьмо голыми руками.

Он мне не поверил!

— Знаешь, Жук, у меня у самого с трудом в голове укладывается. Может, познакомить тебя с одной из совушек?

— Жена не поймет.

— А куда все подевались? Последний раз тут было так тихо на поминках Томми Мака.

— Погода.

— И все? — Жука определенно что-то беспокоило.

Он подался ко мне:

— В основном. Понимаешь, «Зов» не считает меня благонадежным. Кто-то накапал, что я пою нелюдей.

По-настоящему пили только гномы и крысюки. Причем гномы предпочитали накачиваться по домам.

Крысюков я недолюблю, поэтому следующая фраза далась мне с трудом:

— Их деньги по цвету не отличаются от прочих.

— Скажу тебе честно, приятель, творится неизвестно что.

Я погладил ожог на щеке:

— Ты и не подозреваешь, насколько прав. Чем будешь кормить?

Он поставил передо мной еще одну кружку темного. Я швырнулся на стойку монету. Как говорится, квиты.

— Фирменным блюдом. Сосиски с кислой капустой. Или с бобами. А хочешь, подам пирог с почками. Его никто не пробовал, разве что Торчок. — Он ткнул пальцем в сторону наименее респектабельного из своих клиентов.

— А где Хвастун? — Обычно они с Торчком надирались вместе.

Жук пожал плечами. Когда он так делал, становилось понятно, откуда взялось его прозвище. В прошлом, когда он был мясистее, оно подходило к нему куда больше.

— Я слыхал, они разрутались. Из-за бабы.

— Елки-моталки, да им обоим лет по двести.

— Не валяй дурака, Гаррет. Они оба немногим старше твоего. Я опорожнил кружку и попросил налить по-новой.

— Давай свои сосиски. И не напоминай мне так часто, что я веду себя как пьяный крысюк.

Он ухмыльнулся и принялся помешивать варево в котле. По доброте душевной Жук положил мне две сосиски вместо одной. Судя по цвету, варились они слишком долго.

— Не ворчи, Гаррет. Мой тебе совет: не налегай на пиво. А то свалишься где-нибудь под забором.

— Растолкай лучше, что у тебя с «Зовом». Они предлагали тебе свою помощь? — Это означало вымогательство под благодушным предлогом.

— Можно сказать и так. — Он положил на тарелку поверх кислой капусты две картофелины.

— Я могу посодействовать. Поговорю кое с кем, и они от тебя отстанут.

Шустера хлебом не корми — подкинь ему такой случай. В добавок мне далеко не по душе деятельность «Зова».

— Поговори. — Жук пододвинул тарелку ко мне, затем устремился на что-то за моей спиной и внезапно побледнел.

45

Я обернулся.

В дверной проем проник черный бумажный листок. Он трепыхался словно на ветру. За ним виднелась огромная псина с разинутой пастью, из которой свешивался длинный язык. Глаза псины сверкали алым. Показался второй пес, затем появилась Мона во всей своей красе и в полном вооружении.

— Что ты натворил, Гаррет? — прохрипел Жук.

Неужели он их видит?

— Кто, я?

— Они же пришли не за мной.

— Ты прав, приятель.

Дверной проем стал золотистым. Замелькали тени. Пожаловал старина Торбит. Похоже, вот-вот явятся и остальные.

Значит, шайиры одолели годоротов?

Я принялся поглощать сосиски с кислой капустой. Шайиры испепеляли меня взглядами.

— Кто они такие? — справился Жук, наполняя мою кружку.

— Тебе не стоит этого знать. — Он был религиозен и привык относиться к богам с почтением.

Из двери потянуло холодом. Мелькнуло размытое пятно.

Черная Мона пошатнулась. Псы затянули. Кильрак зашелестел своими оборками. Передо мной материализовался Йоркен. Он был не в настроении. Естественно, ему пришлось побегать. Йоркен схватил меня за рубашку и отшвырнул в сторону.

Одна из стен заведения рухнула. В кабак ворвались Дайгед, Родриго и Ринго. Пожалуй, теперь Жуку придется мне поверить.

Следом за доблестными аверами вошел Имар, с чела которого срывались крохотные молнии. Он смерил меня отнюдь не ласковым взглядом и повернулся к шайирам.

— Рвем когти, Жук. — Когда Йоркен отвернулся, я обнаружил, что мой совет запоздал. Жука нигде не было видно.

Йоркен выволок меня наружу сквозь дыру, проделанную аверами. Жаль, что их не было с нами в Кантарде. Мы бы закончили войну в два-три дня.

Мы неслись с такой скоростью, что я едва переводил дух. С неба по-прежнему сыпался то ли дождь, то ли снег. Из темноты простирали очертания экипажа. На козлах восседал Хаос. Йоркен швырнул меня внутрь, не потрудившись открыть дверь. Я заработал несколько свежих ссадин. Магодор похлопала Гаррета по щеке и спешилась. Ее дружелюбие было напускным. Она предстала передо мной в своем истинном облике. Настоящая Разрушительница, готовая ринуться в бой. Йоркен присоединился к ней.

Я остался один. Точнее, наедине со Звездочкой. У которой было при себе все, чтобы оживить статую.

Экипаж тронулся. Звездочка поднялась с места.

Она знала свое дело.

В этом безумии все же были свои приятные моменты. К сожалению, то, что происходило в промежутках между ними, к приятному отнести было нельзя.

Когда я запросил пощады, Звездочка немножко успокоилась. Села напротив, даже не подумав привести в порядок одежду, что, впрочем, было ей к лицу. И захихикала, словно последняя дурочка без единой мысли в голове. В общем, мечта каждого мужчины.

Я завязывал шнурки, когда лошади вдруг заржали и раздался треск.

— Черт! — воскликнул я. — Ну все, с меня хватит.

Я выскоцил наружу, плюхнулся в снег; покрывавший мостовую. У меня мелькнула шальная мысль: что стало с Попкой-Дураком?

Хаос выбрался из пролома в стене. Он разозлился, тьма под его капюшоном была гуще обычного. Возможно, чем сильнее он сердится, тем бездоннее становится мрак.

Экипаж осел на правый бок, лишившись одного из задних колес. Дверца распахнулась, и я увидел Звездочку, восседавшую внутри, точно птица в клетке, и вполне довольную собой.

Пора сматываться.

Хаос двинулся наперерез. Что-то со свистом вылетело из ночной тьмы. Демонического кучера вновь отшвырнуло к стене. Да, каменщикам будет работы на много месяцев вперед.

Хаос сполз по стене и замер в неподвижности. Так-так, даже у богов есть свой предел.

Я услышал шорох. С неба спустились две совы, которые тут же превратились в очаровательных девушки.

— Сработало! — прошебетала то ли Димна, то ли Лила и направилась ко мне с таким видом, будто на уме у нее было сами знаете что. Вторая забралась в экипаж и запечатлела на губках Звездочки отнюдь не сестринский поцелуй. Звездочка прижалась к ней всем телом.

В ночи заискрился золотистый свет, замелькали тени. Появился фавн Торбит.

— Перестаньте! — прикрикнул он на не в меру разошедшихся девиц. — Трог, бери его и уматывай отсюда. — Потом повернулся к Звездочке. У меня сложилось впечатление, что они очень скоро забудут о деле. Все правильно: любовь, а не война.

Из мрака простиупили расплывчатые очертания мужской фигуры. Парень с дубинкой, которой, похоже, и сломал колесо экипажа, подхватил меня, словно маленькая девочка — куклу. Я сразу

догадался, что сопротивляться бесполезно. Мне в ноздри ударили запах пота.

Что называется, из огня да в полымя. Ни минуты покоя. А тут еще этот снег лезет за шиворот.

46

Беситься толку не было. Дураку ясно, что с богами мне не справиться. Мое единственное оружие — то, что у меня между ушами, а смертоносным его никак не назовешь.

Терпеть не могу нытиков и тому подобных личностей, однако... Тяжело шевелить мозгами, когда тебя волокут неведомо куда, в лицо бьет град, а за шиворот сыплются снежинки.

Очевидно, причуды погоды каким-то образом связаны с выкрутасами богов. Может, они просто-напросто лишили людей тепла на веки веков.

Если бы научиться, как это делается, я бы изрядно разбогател. Но разве может смертный договориться с богом?

Трог остановился и начал разворачиваться. В следующий миг я понял почему. В воздухе кружил старина Йоркен. Мне стало жаль беднягу. На его месте я бы потребовал прибавки. Бам! Дубинка проделала дыру в мостовой. Йоркен успел увернуться в самый последний момент.

Мне в голову пришла мысль. Надо ее осуществить, пока она не улетучилась. Все равно годороты знают, где я нахожусь.

Я развязал веревку Магодор. Мне пришлось изловчиться: ведь Трог по-прежнему держал меня в руке. Я вытянул веревку в длину, завязал булинь, приготовил петлю и аккуратно подвел ее к своим ногам. Между тем Трог продолжал размахивать дубинкой, веселя зевак, прилипших носами к окнам. Надеюсь, Гаррета никто из них не узнал.

Трог снова промахнулся и разнес в щепки желоб для воды заодно с чьим-то крыльцом. Йоркен не пострадал. Он явно тянул время, дожидаясь подмоги.

Я залез в невидимый мешок, изогнулся, затянул петлю на запястье Трога, а потом сделал так, как показывала Магодор.

Веревка уменьшилась до привычной длины. Трог застыл как вкопанный, издал громогласный вопль, в котором слились воедино боль и изумление. Я плюхнулся в грязь, под которой оказались самые твердые из танферских булыжников.

Отрубленная рука Трога, очутившаяся в мешке вместе со мной, принялась елозить по мостовой. Вот что значит рука бессмертного! Я укрылся у стены дома. Кажется, меня никто не заметил. Впрочем, действующим лицам спектакля было не до Гаррета. Трог разбушевался окончательно. Йоркен едва успевал укорачиваться. Удивительно, как у него не закружилась голова.

Я принялся выбираться из мешка. Совсем не обязательно сообщать годоротам, куда я отсюда направлюсь.

Йоркен заметил отрубленную руку Трога, увидел меня и на мгновение утратил осторожность.

Шмяк! У выражения «расплющить в лепешку» появился новый смысл. Трог занес дубинку для нового удара.

Я бросился бежать.

Оглянувшись напоследок, я увидел Дайгеда с Родриго. Затем раздался чудовищный грохот.

Что-то пролетело мимо. Я пригнулся — на случай, если это сова.

— Аргх! — Летун врезался в кирпичную стену. — Проклятая тварь ничего не видит в темноте! Гаррет!

— Черт возьми, где ты был? — Было так темно, что птицу я смог отыскать только на ощупь.

— Я потерял тебя, когда ты решил перекусить. Было много дел. Я вернулся, исполненный дурных предчувствий, и они меня не обманули. Мне удалось тебя найти лишь благодаря тому, что я следил за аверами.

Я отпустил нелестное замечание, взгромоздил птицу себе на плечо и двинулся дальше.

— Как тебе представление?

— Они словно капризные дети, крушат все подряд. Иди в парк. И пошевеливайся!

— Не могу. — Мои ноги скользили, я едва сохранял равновесие. Вода под слоем снега замерзла, и мостовая покрылась коркой льда.

Снег повалил пуще прежнего.

На снегу остаются следы, но метель способна их замести в мгновение ока. А все шло к тому, что вот-вот разыграется настоящий буран.

Позади разворачивалась очередная битва. Боги волили что твои торговки рыбой.

— Мне нужно одеться потеплее. Иначе я замерзну.

— Ничего, переживешь. Иди в парк. Там тебя ждет мисс Кэт. Она доставит нас в безопасное место. — Птица на моем плече тоже дрожала от холода.

Чем дальше я продвигался, тем реже становился снег, а позади сверкали молнии и гремел гром. Причем столь часто, что я решил — должно быть, сошлись врукопашную Имар с Лангом.

Пускай повоюют, а мы пока смотримся.

— Я устал, — пожаловался я попугаю, в очередной раз оступившись на опушке парка. Снега было по щиколотку; к счастью, под ним скрывалась твердая земля. Не то что там, откуда мы пришли.

Поднялся пронизывающий ветер, который щырнул мне в лицо пригоршню снежинок. Я что-то пробормотал и выругался. Попка-Дурак, не желая повторяться, выругался и забормотал. Я направился в ту сторону, где, по моим прикидкам, ждала меня Кэт, где она совершила посадку в прошлый раз. Шел наугад, поскольку в парке было темнее, чем в сердце скряги.

47

— Гаррет! Я здесь!

Кэт. Я завертел головой, пытаясь определить, откуда доносится голос. Споткнулся обо что-то, рухнул в яму, где снега было едва ли не по пояс. Попка-Дурак обложил меня за невнимательность.

Из мглы появилась Кэт.

— Держите. — Она протянула мне одеяло. Я заметил, что девушка одета по погоде, из чего следовало, что она имеет какое-никакое представление о происходящем. Но уточнить, так ли это,

возможности не представилось. — Поднимайтесь! Надо спешить. Они снова взяли ваш след.

Как настоящая кошечка, Кэт видела в темноте. Но вот со слухом у нее было не все в порядке. Мой вопрос: «Что, черт побери, тут творится?» — остался без ответа, канул в снежной пелене.

Мы двинулись в ночь под прямым углом к тому направлению, которого я придерживался до сих пор. А вот и крылатые лошади. Животные о чем-то переговаривались между собой. Рядом кружил Четырнадцатый, которого погода, судя по всему, нисколько не беспокоила. Лошади уставились на меня лукавее обычного. Правда, у нас наконец появилось что-то общее. Они, как и я, были не в восторге от снегопада.

— Шевели ножками, милка. Сюда топают крутые парни.

В снежной пелене мерцал огонек, немногим более яркий, чем солнце в облачный день.

Кэт помогла мне влезть на одну из лошадей. Похоже, на этой я скакал и в прошлый раз. О чудо из чудес! Я вновь ухитрился сесть лицом в нужную сторону. Как тут не поверить в божественное пророчество?

Попка-Дурак хотел что-то сказать, но так и не смог разжать клюв. Он весь дрожал. Попугаи не приспособлены к холодам. Я сунул его под одеяло. Он заерзal, забрался ко мне под рубашку и принялся бормотать.

— Кэт, скажи, пожалуйста...

Где-то завыл волк. Нечто по имени Ног изрекло единственную фразу, которую знал. Я не разобрал, что крикнула Кэт, но это явно был не ответ на мой недовысказанный вопрос.

Лошади пустились вскачь. Мое одеяло забилось на ветру. Я стиснул ногами лошадиные бока и постарался запахнуться поплотнее. Меня била дрожь. Еще немного — и Гаррета уже никто и никогда не разморозит.

Мимо промчался Четырнадцатый.

— Береги задницу, козел. — Он хихикнул и скрылся во мраке.

Из-под копыт лошади ушла земля, могучие крылья принялись мерно вздыматься и опускаться. Ветер стал чуть теплее. Я было

забеспокоился, что покроюсь инеем, но вскоре целиком и полностью сосредоточился на том, чтобы не потерять сознание.

Четырнадцатый носился вокруг, не замолкая ни на миг; он надоел даже моему скакуну, который попытался укусить его на лету. В воздухе закружились два перышка из крыльев херувима. Четырнадцатый взвизгнул, метнулся к Кэт и уселся к ней на плечо.

К северу от Танфера вновь что-то блеснуло. За метелью разглядеть что-либо было невозможно. Я словно очутился в ледяном пузыре среди молочного моря.

Вспышка заставила крылатых коней удвоить усилия. Под конское ржание Четырнадцатый начал браниться. Кэт поинтересовалась у него, что происходит. Кони резко свернули в сторону, расстояние между ними увеличилось.

Любопытно. Впрочем, я не слишком надеялся что-либо узнатъ. Со мной обращались как с шампиньоном — держали в темноте и подкармливали навозом.

Разумеется, вспышки как-то связаны с распрыми богов.

Что-то пролетело между мной и Кэт. Чересчур быстро, чтобы можно было различить. Послышалось шипение, потом тихонько громыхнуло.

Лошади отчаянно замахали крыльями.

Как по-вашему, моя спасительница объяснила, что сие означает, чтобы я не волновался? Естественно, сразу после того, как подсказала, на кого надо ставить в Имперских скачках.

Мы поднялись над тучами, и я обнаружил, что наш путь лежит на юг. Внизу, в тридцати милях от города, виднелся Великий Мыс с Хайденским маяком. Чем выше мы забирались, тем теплее становилось, но благодарить за это богов лично я не собирался. На востоке виднелся клочок луны, которая то ли усмехалась, то ли подмигивала.

Я оглянулся. Танфер скрывала опрокинутая чаша клубящихся туч. По днищу чаши ползли змеями белесые струйки тумана, малопомалу исчезавшие в воронке.

Попка-Дурак внезапно ожил. Затрепыхался, высунул голову из-под одеяла и сообщил:

— Гаррет, я кое-что выяснил. Шинриз Разрушитель, оказывается...

— Бог войны в религии обитателей Ламбарского побережья? Из той же компании, что херувимы и крылатые лошади?

— Откуда ты узнал? — Надо же, мне удалось утереть нос Покойнику.

— Вспомнил. — В условиях стресса некоторые попросту не могут молчать. Когда я служил в армии, у нас был один паренек с Ламбарского побережья. Так вот, он беспрерывно взывал к своему Шинризу.

На краю города сверкнула очередная вспышка. На мгновение в ее сердце возникло темное пятно. Потом тучи сгостились, и снова ничего не стало видно.

Справа полыхнула ослепительно яркая молния. Лошади заржали, Кэт закричала, Четырнадцатый разразился потоком ругательств. Я смотрел на север, поэтому молния меня не ослепила, зато порыв ветра чуть было не отправил в одинокую прогулку от неба до земли. Вцепившись в лошадиную гриву, я повернулся.

Мне показалось, я заметил нечто, промелькнувшее на фоне луны. Если бы я не знал, что такого не может быть, что это выдумки людей, которые не видели даже громовых ящеров, то побожился бы, что видел дракона.

Свет ослабел, он уже не резал глаза. Снова то же самое явление; просто на сей раз вспышка случилась настолько близко, что нас задело ударной волной. Мой конь на миг сбился с ритма, но быстро пришел в себя и пуше прежнего замахал крыльями.

В ночи возникла дыра. В ней было темнее, чем в саркофаге, который стоит в подземной гробнице на планете, над коей никогда не всходило солнце. Из дыры высунулось нечто, еще более темное, мерцавшее на свету. На фоне черноты искрились радуги, точно масляная пленка на воде. Чернота двигалась в мою сторону, но вряд ли осознанно...

Погка-Дурак словно обезумел. То ли он хотел выбраться наружу, то ли ему вздумалось попробовать на вкус мои внутренности.

Четырнадцатый завопил, будто ему прижгли пятки.

Стало нестерпимо холодно. Чернота юркнула обратно в дыру, которая тут же сомкнулась. Я успел заметить исполнинский зрак и поймать взгляд, исполненный валившей с ног ненависти.

Все это продолжалось не дольше пары секунд. Мой конь только-только закончил очередной мах.

Холод пробирал до костей. Я догадался, что заглянул в царство богов (не важно, верю я в них или нет). Возможно, зрак принадлежал кому-то столь ужасному, что боги охотнее уничтожили бы мой мир, чем вернулись туда, к себе.

Гм... Что-то не так. Но в одном я был уверен: в том, что видел существо, куда более жуткое, чем все те божки, которые столь успешно отравляли мне жизнь.

Черт! Куда подевалась Кэт? Моего скакуна словно хватил удар. А до земли по меньшей мере десяток миль.

Не то что я боюсь высоты, просто не люблю. У меня от нее мурашки по коже.

48

«Худшее впереди». В детстве я частенько слышал эту присказку от взрослых, которым имел глупость жаловаться на судьбу. «Не унывай, малец. Худшее впереди».

Они знали, о чем говорили.

Вцепившись в гриву коня, я зажмурился. Мой скакун судорожно взмахивал крыльями и вопил во всю глотку, раз в пятнадцать громче любой нормальной лошади.

Если честно, я всегда хотел погибнуть вот так. На спине у крылатого чудовища из кошмарных снов.

— Они таки до меня добрались, — пробормотал я и крепче прежнего вцепился в гриву. Как ни странно, лошадь падала вместе со мной.

Сверху донеслось ответное ржание. Походило на то, что второй конь быстро приближается. Я приоткрыл один глаз, чтобы оценить обстановку.

— Черт! — Лучше бы не открывал.

Лошадь отчаянно забила крыльями, замахала копытами. Пожале, перспектива разбиться в лепешку ее тоже ничуть не прельщала.

Из ночи вынырнул херувим. Какое-то время он носился вокруг, наблюдая и словно получая удовольствие от незавидного положения, в котором очутился я. Потом гнусно ухмыльнулся и вдруг выпучил глаза.

— О, нет! Мы так не договаривались!

Я оглянулся и заметил с полдюжины высоченных, полу-прозрачных фигур, решительно шагавших к Танферу. Это были не шайиры и не годороты. К членам Комитета, который изрядно опростоволосился, они, по-моему, также не относились. Походило на то, что большие начальники отвлеклись от своих дел — перестали заставлять людей приносить в жертву первенцев и бросили похищать девственниц, — чтобы навести порядок в небесном царстве.

Четырнадцатый подлетел ко мне и забрался под одеяло.

— Еще один нахлебник, — проворчал я. Это отвлекло меня от вопля, который я собирался издать.

Лошадь прилагала все усилия, чтобы удержаться в воздухе, но у нее ничего не получалось. Слишком большим было ускорение. Бам! Мы врезались в дерево, проделали в ветвях колено в полмили длиной. По счастью, ветви замедлили падение; вдобавок они были достаточно тонкими, иначе бы нам несдобровать. Мне повезло и в том, что в воду я погрузился только по уши.

Вынырнув, лошадь принялась отфыркиваться. Попка-Дурак высунулся из-под одеяла и завел тягучую тираду, состоявшую из всех бранных слов на тех пятидесяти языках, какие знал Покойник.

Да, старый хрыч пожил на свете в свое удовольствие.

Херувим взмыл над нами и начал вторить птице.

Виноват, естественно, был я.

Как всегда.

Признаться, я был слишком рад, что остался цел, чтобы обращать на них внимание. К тому же мне в голову пришла интересная мысль.

— Куда нас занесло?

— В болото, придурак, — отозвался Четырнадцатый.

Я и сам догадался. Над водой кружили москиты, достаточно крупные для того, чтобы питаться небольшими домашними животными. В остальном это было типичное карентийское болото. Если не считать редких ядовитых насекомых и эмей, опасностей оно не представляло. Не то что болота на островах, где нам попадались эмей, длинные, как якорные цепи, и крокодилы, способные их проглотить.

Я обнаружил, что чувствую себя вполне сносно — разумеется, для человека, который едва не разбился насмерть и чуть было не утонул.

У лошади, как ни странно, хватило мозгов, чтобы не пытаться взлететь. Когда к ней вернулось дыхание, она обреченно заржала. К ее немалому удивлению, сверху послышалось ответное ржание. Четырнадцатый, не переставая браниться, взмыл в воздух и исчез среди ветвей. Через несколько минут он вернулся с самокруткой в зубах, что сразу вернуло ему прежний самодовольный вид.

— Сюда. — Лошадь поплыла, игнорируя мои требования.

Херувим вывел нас на сушу. Лошадь втянула крылья, превратилась в нормальное животное. К ней быстро возвращались силы. Пару минут спустя мы выбралисъ из-под деревьев. Лошадь пустилась вскачь — рысью, кентером, потом жизнерадостным галопом. Так продолжалось какое-то время; к моему облегчению, взлететь она не пробовала. Мы перевалили через холм, миновали распадок с фермой, а Кэт кружила у нас над головами. Путь лежал на юго-запад. Ночь и не думала кончаться.

Когда возделанные земли остались позади, я бросил взгляд на луну. Она стояла почти на том же месте, на каком я видел ее последний раз. Должно быть, мы забрались в эльфийский холм*. И покрыли громадное расстояние, ибо достигли тех краев, о которых ходила дурная слава. Во всяком случае, люди здесь не селились.

Впереди возникло призрачное сияние. Мне почудилось, будто холмы выстроились в кружок и смотрят на то, что находится посередине. Час от часу не легче.

Я ушипнул Попку-Дурака. Тот в ответ укусил меня за палец. По всей видимости, мысли Покойника сюда не доставали. Наконец-то! А то я уже отык от того, что попугай излагает свои собственные, пускай не слишком вежливые соображения.

Очередной урок Гаррету: желать надо с умом, поскольку желания могут осуществиться.

Эти холмы скорее всего не что иное, как Бохдан Жибак. Что переводится на современный карентийский как «Призрачный Круг». Легенды утверждали, что в них с незапамятных времен творится

* В эльфийских холмах время течет иначе, чем в мире людей. Человек может провести там одиу ночь, а в реальном мире пройдет не одна сотня лет.

нечто невообразимое. А к нашему прибытию, похоже, разожгли пресловутые Костры Судьбы.

Четырнадцатому туда соваться не хотелось, о чём он с готовностью оповестил всех, кто мог его слышать.

49

Кэт приземлилась. Мы спешились. Четырнадцатому она вела заткнуться — или убираться прочь. Я ухватился за стремя — на случай, если меня неудержимо потянет вниз. Ощущение было такое, словно я провел в седле несколько дней.

— Ты спасла меня от этих чокнутых богов только для того, чтобы принести в жертву на болоте?

— Успокойтесь, мистер Гаррет. Четырнадцатый, да замолчи ты наконец! Иначе отправлю тебя к твоим сородичам.

Это подействовало. Херувим умолк.

— Я спокоен, — возразил я, предварительно бросив на Кэт испепеляющий взгляд. — Девушка, перед тобой ветеран танферских баталий, а не какой-нибудь пустозвон вроде нашего общего приятеля. Из-за чего мне волноваться? Из-за того, что мы оказались на Призрачном Кругу? Из-за того, что нас чуть не угробила вспышка? Подумаешь, эка невидаль! Тут даже мышь не испугается.

Впереди мелькнула некая тень, явно куда-то торопившаяся. Толком я ее не разглядел, но того, что увидел, было достаточно, чтобы решить — знакомиться ближе у меня нет ни малейшего желания.

— Наши планы изменились, мистер Гаррет. Поначалу мама просто хотела вытащить вас из города. Но произошло непредвиденное.

— Ты о чём? В последнее время столько всего случилось. — Я извлек из-под рубашки Попку-Дурака, потом оглядел себя, пытаясь определить, какой ущерб он мне нанес. Ничего, жить буду, но попутая определенно следует придушить; я бы так и поступил, если бы он пришел в себя настолько, что мог бы оценить мои действия. А так пришлось посадить птичку на плечо. Вцепиться когтями ему хватило. Четырнадцатый вознамерился было при-

моститься на другом моем плече, но я без всякого зазрения совести согнал надоедливого херувима.

— Я разумею нарушение дисциплины. Скора между богами переросла в конфликт, который ослабил преграду между реальностью и потусторонним миром. А это что такое? — Девушка ткнула пальцем в попугая.

— Дурная шутка.

— Извините?

— Попугай. Аргх! Стаксель на брамсель! И так далее в том же духе.

— Я очень рада, что у вас сохранилось чувство юмора. — Тон, каким были произнесены эти слова, говорил об обратном.

— Зато другого ничего не осталось. Что будем делать? — Даже Торнаде не хватило бы мужества шляться по холмам **Бохдан Жибак**.

— В ткани мироздания возникли прорехи. Вы видели одну из них собственными глазами. Если преграда падет...

Моих познаний в мифологии вполне достало, чтобы мысленно закончить фразу девушки. Стужа, которую невозможно представить. Мрак, который невозможно вообразить. Конец света. И в то же время — начало, первое звено в цепи ужасных событий, террор безымянных чудищ из-за пределов времени (не важно, что на деле они возникли в человеческом сознании).

— Да ладно тебе! Две шайки придурочных божков затеяли между собой свару, а я теперь должен спасать мир? — Честно говоря, это не по мне. Слишком много хлопот и разъездов, а вознаграждение обычно мизерное. И выситься никак не удается...

— Вовсе нет. Не смешите меня, мистер Гаррет. Вы чересчур о себе возомнили. Если вы будете открывать рот, лишь когда вас о чем-то спросят, и перестанете умничать, то, возможно, доживете до того момента, когда мир будет спасен.

Как говорится, поставила на место.

— А что, собственно, происходит?

Мы находились в распадке между холмами. Под ногами хрустела галька. Погода была под стать настроению. Четырнадцатый кружил впереди, стараясь держаться поближе к земле. По всей видимости, ему тут нравилось еще меньше, чем мне. Над голова-

ми, в безоблачном небе, сверкали мириады звезд. Луна поднялась чуть повыше.

Далекие отблески задрожали и потускнели. Донеслось сердитое ворчание.

— Кэт, я туда не пойду. Вернувшись из Кантарда, я пообещал себе, что больше из Танфера ни ногой. И не нарушал своего обещания. — Скажем так, почти не нарушал. Но в такую даль, безусловно, не забирался.

Черт! Ну и каша заварилась. Нет, хочу домой.

— У богов есть своя тайна, мистер Гаррет. — Кэт сложила руки на груди, чем незамедлительно воспользовался херувим. Девушка обняла его, погладила по головке, словно то был обыкновенный младенец. Он, похоже, остался доволен.

— Всего одна? Сколько бумаги зря потрачено! Ведь вышло множество книг, где раскрывались миллионы божественных тайн...

— Вы снова за свое? Хотя бы дослушайте.

Кажется, я догадался: болтая без умолку, я худо-бедно овладевал собой. А сейчас самообладание было жизненно необходимо.

— Валяй, детка.

Херувим сунул в рот очередную самокрутку, которую извлек из-под своей пеленки. Щелкнул пальцами, прикурил от возникшего в воздухе огонька.

— Не теперь и не здесь, мистер Гаррет, — ответила Кэт, вдохнув дым. — Но знайте, все боги до единого, к какому бы пантеону они ни принадлежали, пришли в наш мир из одного и того же места. Вы видели его некоторое время назад. Боги бежали оттуда, поскольку не могли вынести тамошних условий. А здесь они быстро слабеют и погибают, если в них не верят. Правда, они могут выжить, черпая силы в потустороннем мире, но для этого нужно открывать врата между мирами. А поскольку погибший бог возвращается к себе, так сказать, на родину, ничуть не удивительно, что они всячески стараются задержаться тут.

— Выходит, все боги — родственники?

— Нет. Разве можно сказать, что все жители Танфера состоят в родстве друг с другом? Боги принадлежат к различным расам. Объединяет их только общая цель. Поиски лучшей жизни. Если они ее найдут, то возвращаться уже не пожелают.

— Иными словами, боги — беженцы? — Вот это да! Представляю, какая поднимется шумиха в Квартале Грез. Пожалуй, распространяться на эту тему особенно не стоит — неровен час, прибывают. Чтобы не совал нос в чужие дела.

— Кэт, ты прелесть, я бы с радостью с тобой погулял, но тебе не кажется, что местечко не слишком подходит для первого свидания? У меня такое подозрение, что в другом месте нам было бы гораздо приятнее и веселее. — Где угодно, только не здесь.

Девушка схватила меня за руку. Ну и силища, однако!

— У вас есть подручное средство.

— Чего?

— Вы можете сделаться невидимым.

— Да. Но годороты немедленно узнают, где я.

— По-вашему, они рискнут напасть на вас здесь?

— Почему бы нет, черт возьми? Это настоящие психи. Впрочем, тебе виднее.

— Будет лучше, если нас никто не заметит.

— Верно, крошка. Пора сматываться. — Я направился к лошадям, которые вдруг показались мне едва ли не милейшими на свете созданиями.

Кэт и не подумала отпустить мою руку. Пришлось остановиться.

Мы достигли края освещенного пространства, сумев не привлечь к себе внимания. По склонам холмов скользили тени, взгляд различал размытые очертания фигур. Одно слово, Призрачный Круг. Знакомых фигур я не увидел. Человекоподобных, кстати, среди них почти не было.

Непрерывно появлялись новые — прилетали, приползали, припрыгивали на двух сотнях ног...

— Рано или поздно на нас кто-нибудь наткнется, — пробороматал я, делая очередную попытку убраться вовсю.

Попытка вновь закончилась провалом. Как я уже говорил, хватка у Кэт была о-го-го.

Я снял с талии веревку Магодор, вытянул в длину, завязал узел так, что получился мешок, в котором хватало места для двоих. Мы забрались внутрь.

— Тут тесно, так что не обессудь, — предупредил я.

Кэт лукаво усмехнулась. Я истолковал ее усмешку так: она бы не прочь, но сейчас у нее нет времени. Да, мамаша вполне могла бы поучиться дисциплине у дочки.

Походило на то, что невидимый мешок способен раздаваться в длину и в высоту чуть ли не до бесконечности; все зависит от того, где завязан узел. Взявшись за руки и шагая в ногу, мы тронулись в путь. Кэт настояла на том, чтобы выйти на середину освещенного пространства. Добравшись до цели, мы получили возможность видеть все, что творилось вокруг, оставаясь незамеченными.

Знакомые фигуры пока не появлялись.

Вдруг наступила тишина, от которой у меня по коже поползли мурашки. Если бы на холмах собирались не боги, а люди, они подняли бы такой гвалт, словно на Бодхан Жибак налетел тропический ураган. Я медленно повернулся. Мне было не по себе, однако я вполне владел собой. В отличие от Четырнадцатого, который путался у нас под ногами, норовя зарыться в гальку; похоже, он не верил, что мы и впрямь невидимы.

— Должно быть, с карапузами вроде него не особенно церемонятся? — прошептал я.

— Жестокость в природе богов, — отозвалась Кэт.

Я продолжал осматриваться. Лишь немногие из собравшихся на холмах божеств имели ту форму, которой наделены их идолы в Квартале Грэз. Может быть, вдали от своих приверженцев они получают возможность расслабиться? Бrr! Трудно представить, что на каком-нибудь из здешних склонов мирно восседают бок о бок уроды вроде Ринго и красотки вроде Звездочки.

Уроды мне, естественно, не нужны, а вот насчет всего остального...

— Ты кого-нибудь знаешь? — Некоторые боги принимали на миг более-менее пристойные очертания. Очевидно, их время от времени достигали мысли верующих.

— Нет. Мама старалась меня к ним не подпускать. Если бы Имар узнал...

Ну разумеется. По традиции, идущей с незапамятных времен, тому, у кого папаша бог, а матушка — смертная, всю жизнь приходится несладко. У всех без исключения героев древности была толика божественной крови. Но к богиням традиция, по-видимому, несколько терпимее, чем к богам.

Иными словами, обитатели небес по-прежнему придерживались двойных мерок. Черт побери, на душе становится теплее, когда узнаешь, что там, наверху, такой же бардак, как на земле. Да, в общем и целом боги ничем не лучше людей.

Тени продолжали сгущаться, точно слетались на падаль мухи. Начали подходить исполины, глаза которых сверкали, будто городские огни, а волосы искрились молниями. Я подтолкнул Кэт: мол, растолкай, что тут творится. Мне почему-то казалось, что раньше подобных встреч не проводили.

— Прия сюда, боги оставили прорехи в ткани мироздания. Когда хотят выпендриться или когда им нужно сотворить чудо, они используют могущество, которое добывают через эти прорехи. Возникает проход. А в потустороннем мире обитают жуткие твари, которым тоже хочется проникнуть в нашу реальность. Битва шайиров с годоротами открыла множество проходов. Некоторые из чудовищ обнаружили проходы до того, как те успели закрыться. И попытались прорваться. Вот что означали вспышки, которые мы видели. Глупые боги сражались так долго, что ткань мироздания ослабела, и преграда в любой момент может рухнуть под написком чудовищ. На встрече будет решаться, как отразить эту угрозу. А также как поступить с шайрами и годоротами. Боги глупы, но не настолько. Они прекрасно помнят тех монстров, от которых сбежали десять тысяч лет назад. Страх перед чудовищами служил до сих пор основной сдерживающей силой.

— Откуда ты все это узнала? — Я был уверен: те сведения, какими поделилась со мной, Кэт получила буквально только что.

— Я слышу, о чём они говорят. — Девушка притронулась к своему виску. — Вот здесь.

Выходит, она слышит мысленную речь? Я вдруг сообразил, что уже давным-давно в ушах у меня раздается монотонный гул; должно быть, я тоже слышал переговоры богов, только слов разобрать не мог. Гул изрядно раздражал; судя по всему, скоро разболится голова.

И тут я заметил знакомую сущность.

50

У подножия холма, футах в ста от того места, где стояли мы, показалась Магодор. В отличие от прочих богов она выглядела

вполне материальной в своем устрашающем обличье. Истинная богиня сражений. Смотрела Мэгги точно мне в глаза. Вид у нее был не слишком дружелюбный, но превращать мою жизнь в беспрерывное мучение она как будто не собиралась.

Я припомнил, что горожане, как правило, не замечали наседавших на меня богов.

— Кэт, ты что-нибудь видишь?

— Я вижу Магодор. Она смотрит на нас.

— Она знает, что я тут, хотя и не видит. Понимаешь, это она дала мне веревку.

— А... — Кэт утратила всякий интерес к Магодор. Ну конечно — пожаловала ее матушка. Гордая, как и подобает супруге верховного бога, безразличная к осуждающим взглядам.

Следом прибыли остальные годороты и шайиры, в том самом облике, в каком сражались на городских улицах. Божественная ярость стала настолько явной, что ее можно было пощупать пальцами. Головная боль усилилась.

— Ты его знаешь? — спросил я Кэт, показав на одноглазого верзилу, который не принадлежал ни к шайирам, ни к годоротам.

— Это Богг. Любовник моей матери.

— Богг? Ты уверена? — Он подозрительно смахивал на Шинриза Разрушителя. — Симпатичный паренек. — Интересно, опускаются ли божества до лжи смертным? И может ли мать обмануть дочь?

В награду за свои мысли я заработал презрительный взгляд.

— А вон та рыжеволосая? Похожая на обычную женщину? — Как же, обычная. Держи карман шире. Если бы все были такими обычными, я бы свихнулся от невозможности разорваться на части. Она походила на Эвездочку, которая вдруг решила во всем соответствовать вкусу некоего Гаррета.

— Это фальшивка. Она выглядит иначе. — Голос Кэт едва заметно дрогнул.

— Она меня во все это впутала. Следила за моим домом, а я решил проследить за ней.

— Она не из годоротов и не из шайиров.

Знаю, детка. Однако...

— От Нога не скрыться.

Ну разумеется. Старина Ног возвращался в самые неподходящие моменты, как безработный кузен.

Перед моим мысленным взором возник образ крохотной ста-рушки в переулке. Очевидно, от богинь не требуют придерживаться одного-единственного облика.

— Имя Адет что-нибудь означает? Магодор упоминала какую-то Адет, которая пыталась заманить меня в ловушку. Скорее всего она имела в виду как раз эту женщину.

— Одна из кронских богинь звалась Адет... — Кэт умолкла.

— И что? Кончай крутить, малышка. Сейчас не время играть в игрушки.

— Она принадлежит к пантеону какого-то южного племени, торговавшего мехами и добывавшего камень. Они так и не сумели получить отдельный храм на улице Богов. — Девушка говорила без запинки, словно у нее внутри прорвало плотину. — Понятия не имею, с какой стати на совет призвали этих дикарей. А ее имя, если не ошибаюсь, означает «Коварство».

— Уж чего-чего, а коварства на свете хватает, — глубоко-мысленно заметил я. Рыжеволосая красотка выглядела слишком утонченной для богини охотников на пушного зверя. Те, как правило, поклонялись деревьям, камням и тому подобному. И богам бури. Им нравились боги, которые крушили все вокруг под неприметный рев.

В общем, вроде тех, что собирались сейчас здесь.

— От Нога не скрыться.

— Этому парню пора завести себе хобби, — проворчал я. Между тем Ног выполз из распадка, замер, медленно повернулся и двинулся в нашу сторону.

— Черт! — пробормотала Кэт.

В землю перед Ногом, едва не оставив его без рыла, вонзилось ослепительно сверкавшее копье около дюжины футов длиной. Оно было почти прозрачным, однако грохот раздался такой, словно рухнула гора. Во все стороны полетели куски земли. С копья сыпались молнии и срывались искры.

Кто-то из высочайших во всех смыслах слова божеств сделал Ногу замечание.

Четырнадцатый заскулил, плюхнулся на землю, безуспешно пытаясь прикрыть короткими пухлыми ручками голову.

— Любопытно, — сказал я. — Ты не находишь?

Кэт состроила гримасу.

Ног внял предупреждению. По-видимому, решил, что раз он — неотвратимый, то можно и подождать. Повернул обратно и вскоре присоединился к остальным шайирам. Они собирались у подножия холма напротив годоротов. И те и другие выглядели обеспокоенными и раздосадованными (правда, молний на чelaх Имара с Лангом я не заметил).

Должно быть, подошли все, поскольку большинство божеств внезапно постаралось принять вид, привычный для смертных. Около трети в этом не преуспело. Должно быть, не хватило силенок.

Мне в голову пришла мысль. Такое со мной иногда случается.

— В Квартале Грез преграда между мирами тоньше, чем везде?

— Хватит ныть! — Кэт пнула херувима под ребра, потом с подозрением уставилась на меня. Судя по всему, ей не очень-то хотелось отвечать на мои вопросы.

— Логика подсказывает, что боги обретаются там, где ближе всего до источника силы. — Без сомнения, именно поэтому стычка между шайирами и годоротами поблизости от Квартала Грез приобрела столь впечатительные масштабы.

Кэт хмыкнула.

Между тем тембр надоедливого гула у меня в ушах изменился. Гул стал тише. Я уловил обрывок фразы кого-то из больших начальников. Боги на склонах холмов застыли в неподвижности.

Собравшихся призвали к порядку.

Я продолжал размышлять о могуществе богов. Они собираются там, где легко пополнить запас могущества; вдобавок у них существует деление на касты, основанное на способности добывать это самое могущество и подчинять его своей воле. Мой плаксивый приятель Четырнадцатый наверняка принадлежит к распоследнейшей из каст.

Если у меня есть возможность получить шестьдесят процентов могущества, а вам достанется лишь тридцать, догадайтесь, кто из нас главнее? И не забудьте о том, как по мифам и легендам ведут себя боги.

Я уловил божественный гнев. В моей голове прозвучал голос, в коем было столько ярости, что я рухнул на колени, хотя удар в

общем-то пришелся по касательной, прижал ладони к вискам и лишь каким-то чудом подавил рвущийся наружу вопль.

Из толпы годоротов выступил Имар. Ему навстречу вышел Ланг. Они принялись растя, словно состязаясь, кто быстрее. И каждый попутно демонстрировал все те штучки и фокусы, которых обычно ожидают от богов смертные.

Я прислонился спиной к валуну, похлопал по заднице Четырнадцатого и произнес, размышая вслух:

— Неплохо было бы перекусить. Жаль, мы ничего с собой не прихватили. А разборка, похоже, затягивается.

На ковер тем временем вызывали членов Комитета, а Имар с Лангом, похожие, как братья-близнецы, по-прежнему старались перешеголять один другого. Гул в ушах вновь усилился. По всей видимости, божественное начальство устроило подчиненным разнос за неоправданную жестокость.

Лично я был уверен, что они заслуживают наказания за неоправданную тупость.

Одним глазом я следил за Имарой и ее любовником, как бишь его. Другим поглядывал на собрание и на рыжеволосую красотку, которую Кэт почему-то окутала ореолом загадочности. Ни на что третье глаз уже не осталось.

51

Елки-моталки! Вот и рассуждай после этого о божественном промысле! Бедняга Гаррет весь скожился, ожидая, когда наступят Сумерки Богов — по крайней мере когда не в меру зарвавшимся свинцовыми божкам надерут задницы, — а в итоге всего-навсего заработал головную боль и начал с тоской вспоминать о недавнем похмелье.

— Лентяи, — пробормотал я. — Нет чтобы заняться делом.

— Ты просто не слышишь. Шайры и годороты нервничают.

Я и впрямь заметил некоторое беспокойство среди тех и других. Между тем Имар с Лангом по-прежнему таращились друг на друга, хотя, по-моему, начальство велело им пожать друг другу руки. Внезапно мне бросилось в глаза, что Имара потихонечку отходит в сторону, постепенно уменьшаясь в росте и меняя облик.

Интересно. Я бы даже сказал, очень интересно.

— Кэт, ты следишь за своей матушкой?

— Нет. А с какой стати?

Я ткнул пальцем:

— Вон она. Пробирается к своему ухажеру. И по дороге в кого-то превращается. — Должно быть, я видел Имару потому, что она скрывала свое превращение только от богов.

— Ой! Она выглядит гораздо моложе.

— Ага. Еще та штучка, верно? — Я пнул херувима, желая, чтобы тот перестал скулить и тоже полюбовался на Имару. — Как по-твоему, что она затеяла?

У меня возникло подозрение, что Кэт вопреки утверждению Покойника далеко не краеугольный камень. Что наша встреча с нею — очередной обходной маневр, предпринятый особенно ловким игроком.

Девушка прищурилась, пристально поглядела на мать, потом испепелила взглядом меня. Объяснить ничего не требовалось. Мы оба знали, что у божеств свои представления о правилах приличия.

— Пожалуй, пора уходить, — сказала Кэт.

— Раньше надо было думать. Пока нас не заметили. А теперь уже поздно. Прикинь, как далеко нам дадут уйти.

— Решение еще не принято. И срок не истек. — Девушка поднялась, схватила в охалку своего приятеля, явно вознамерившись убраться подальше. Я тоже встал. Обстановка просто вынуждала шевелить мозгами. Что, по мнению Покойника, случалось со мной крайне редко.

— Слушай, Кэт. Наш мир существовал когда-то сам по себе, без богов, так?

— Естественно. Почему вы спрашиваете?

Да потому, что перед нами в таком случае вовсе не боги в привычном понимании. Ведь получается, что истинное божество, которое, как меня учили, живо отправит языческих богов в преисподнюю, принадлежит к той же шайке беглецов — или беженцев? — из другого измерения.

— Они пришли сюда по своей воле?

— Что?

— Мне подумалось, может, их изгнали? За плохое поведение или непроходимую тупость?

— Нет, они пришли добровольно, и никто из них не желает возвращаться. Отсюда и стычки.

— Может быть, может быть. — У меня имелись на сей счет определенные сомнения. Я оглядел собравшихся. Уже гораздо больше половины приняло привычный для смертного вид. Мне попались на глаза несколько действительно крупных «шишек». Впрочем, здесь они казались всего лишь немногим более удачливыми, нежели шайиры с годоротами. Наверное, правильно организовали рекламную кампанию.

Имары нигде не было видно. Как и рыжеволосой чертовки по имени Адет из пантеона первобытных божеств. Шинриз Разрушитель — то бишь Бог Сосунок — озирался по сторонам, как будто что-то потерял.

И вообще в рядах шайиров и годоротов заметно не хватало богинь.

Я окинул взглядом другие пантеоны, но ничего толком не разобрал. Эти пантеоны производили впечатление процветающих. Сказывалась, вероятно, не столько поддержка верующих, сколько способность черпать могущество из потустороннего мира.

По мне, боги похожи одновременно на политиков и на сосиски. К ним тоже не стоит особенно приглядываться, чтобы не испытать разочарование.

Я всегда ожидаю худшего. Поэтому порой меня можно приятно удивить. Но на сей раз мои дурные предчувствия оправдались сполна. Ход событий полностью подтвердил правильность циничного взгляда на мир.

На холмах собирались тысячи богов, в основном мелкота, даже меньше Четырнадцатого.

Херувим, кстати, успокоился. Видимо, понял, что никто не обращает на него внимания. Я знал, что невидим, но чувствовал себя так, словно стою нагишом перед толпой зевак.

Что-то колыхнулось; напряжение моментально подпрыгнуло. Мои волосы встали дыбом.

52

Я вновь ощутил на себе божественный гнев, усилившийся едва ли не стократно. Четырнадцатый вновь заскулил. Что-то явно происходило. Толпа вокруг Ланга с Имаром пришла в неистовство.

— Нам пора, — голос Кэт сорвался. — Решение принято, но шайиры и годороты отказались ему подчиниться.

Держась за руки, бормоча под нос проклятия, мы двинулись туда, где оставили лошадей.

— Объясни, — выдавил я. К горлу подкатил комок. Я заметил, что Магодор отделилась от толпы и следует за нами. Что ей нужно?

— За то, что они устроили в городе, верховные боги изгнали годоротов и шайиров с улицы Богов и из Танфера.

— А наши общие знакомые не послушались?

— Имар с Лангом ответили: «Идите вы сами!»

— Неужто они на такое способны? — Еще как. Достаточно беглого взгляда, чтобы понять — от них можно ожидать чего угодно. От подобной публики лучше держаться подальше.

— Назревает стычка.

— О-х-х.

— А место для нее совсем неподходящее. Именно здесь боги впервые ступили в наш мир. С тех пор прошло десять тысяч лет, но требуется гораздо больше времени, чтобы мироздание залечило раны. Хватит и слабого удара, чтобы разрушить преграду.

Быть может, в этом и заключается причина, по которой свинцовые божки ведут себя столь вызывающе. Самые настоящие остолопы — нет чтобы задуматься о возможных последствиях.

— Давай, девочка, шевелись. А ты замолчи, не то выкину наружу.

Четырнадцатый злорадно ослабился. Смертные его не пугали. Жаль, что я был слишком занят, чтобы привести свою угрозу в исполнение.

Я оглянулся. Магодор нигде не было видно. Зато возле Ланга трепетал на ветру обрывок черной бумаги и мелькали тени. Ланг воздел к небесам левую руку и предъявил верховным богам древний как мир кукиш. А затем ударил с правой, нацелив световой меч в горло Имару. Откуда ни возьмись появился Йоркен, аверы принялись колошматить всех, кто подворачивался под руку, Имар начал сыпать молниями. Трог замахал молотом, Торбит, Кильрак и прочие словно обезумели. Примчалась на единороге Черная Мона, за ней неслись адские псы.

— Поднажми, Кэт. Осталось чуть-чуть. — Над полем боя заклубилась густая пыль, засверкали ослепительно яркие вспышки. Повалил снег. Мы с Кэт припустили бегом.

— Почему вы вдруг остановились?

— Хотел проверить, не показалось ли мне.

— Не понимаю.

— Я не заметил ни одной богини, если не считать Черной Моны. Правда, она одна стоит десятка. — Как ни странно, в схватке не участвовала даже Магодор, что особенно меня беспокоило. Какой конец света без Разрушительницы?

Температура воздуха резко упала. Моя головная боль стала нестерпимой, и Кэт пришлось поддерживать меня, чтобы я не упал. В схватку попытались вмешаться верховные боги, но шайиры с годоротами не обращали ни малейшего внимания на то, кто перед ними. Терять им было нечего. Вдобавок их поддерживали свинцовые божки из других пантеонов, которые нападали исподтишка, уравнивая силы противников.

Несмотря на мешок, который изрядно стеснял наши движения, мы успели. Стоило нам перевалить через гребень холма, как в небе над Бохдан Жибак сверкнула всем вспышкам вспышка.

Я плюхнулся наземь и пробормотал:

— Готов поспорить, ее видели в городе. — Голова раскалывалась. На миг я потерял сознание, но быстро пришел в себя. — Что ты делаешь?

— Пытаюсь нас вытащить.

Вообще-то она пыталась выбраться из мешка. Что ж, я ее не виню. Посудите сами — я лежу трупом, а ей одной сдвинуть с места мешок с таким грузом не под силу.

Головная боль немного отпустила. Я нащупал узел, и мы вылезли из мешка. Четырнадцатого со страху хватил удар. Я обвязал веревку Магодор вокруг талии.

Из-за холма доносились нечленораздельные вопли.

— Идем же, — поторопила меня Кэт.

— Сейчас. — Надо посмотреть, хотя бы одним глазком. Я должен увидеть Сумерки Богов, иначе до конца своих дней не прощу себе, что упустил такой шанс.

53

На всякий случай я покрепче ухватился за Кэт. Терпеть не могу лошадей, побаиваюсь высоты, но добираться до дома пешком категорически отказываюсь. Особенно с головной болью и в компании попугая-психопата.

Если бы захотела, она бы вырвалась. Но не стала.

Вы когда-нибудь видели актинию? Что-то вроде небольшого цветка с кучей щупалец. Не видели? Мне в свое время довелось совершить весьма утомительное путешествие на острова. Там я их навидался. Сидят себе на дне, сложив щупальца, но стоит подплыть чему-нибудь съедобному, как сразу — хап!

В небе над холмами возникла дыра, из которой высунулась громадная черная актиния футов тридцати в поперечнике. Она висела, накренившись приблизительно на сорок градусов, и бешено размахивала щупальцами над сошедшими в битве Имаром, Лангом и прочими.

— Теперь я понимаю, почему боги решили сбежать.

По счастью, эта штука настолько плотно заткнула собой дыру, что никто другой следом за ней протиснуться в наш мир уже не мог. Снег начал стремительно таять.

Боги отнюдь не бездействовали. Одни пытались справиться с актинией, другие норовили удрать. Верховные божества ее подкармливали. На моих глазах одно из щупалец схватило Ринго. В большинстве своем жертвы принадлежали к годоротам либо к шайрам. Обоим пантеонам доставалось примерно поровну.

Судя по всему, большие «шишки» устроили грандиозную чистку божественных рядов.

Впрочем, многие действительно старались прогнать актинию обратно. Дыра несколько уменьшилась в размерах.

— От Нога не скрыться. — Блин! Как он мне надоел!

— Пошли отсюда.

Кэт уговаривать не пришлось. Она даже опередила меня, правда, ненамного. Чудо из чудес! Крылатые скакуны покорно дождались нашего возвращения. Я-то думал, они давным-давно смотались (уж больно подозрительно притих Четырнадцатый).

— От Нога не скрыться.

Может быть. Он и впрямь нагоняя.

Едва мы взмыли в воздух, как Ног подпрыгнул и ударил моего скакуна в левый бок. Лошади это, естественно, не понравилось. Она поднялась чуть выше, развернулась, упала в пике и с размаху врезалась в Нога всеми четырьмя копытами сразу.

— Ой! — произнес тот. — Больно.

Оказывается, он знает гораздо больше слов, чем я думал. Ну и фиг с ним. Мне было не до Нога: я орал на лошадь, требуя уматывать отсюда, пока я не свалился и пока Ног не продемонстрировал свои таланты, а также пока не появилась Магодор в компании других богов, которым наскучило кормить их домашнюю зверюшку.

Как ни удивительно, лошадь подчинилась.

Чем выше мы поднимались, тем меньше болела голова. Хвала небесам, а то я насквозь промок от пота, стараясь перетерпеть боль.

Луна стояла почти на том же месте, на каком я видел ее последний раз. Пожалуй, этак мы вернемся в город до того, как вылетели из него. Или встретим себя по пути. Что ж, посоветую себе развернуть оглобли.

Я посмотрел вниз. Призрачный Круг напоминал пресловутый разворошенный муравейник. Дырок в небе оказалось множество, с земли мы заметили только самую крупную. Повсюду виднелись щупальца, искавшие, кого бы схватить. Но боги держались стойко. Щупальца скользили по голым склонам холмов, натыкались на валуны. Бам! Ура, наша берет! Бам! Бам! Но победа доставалась дорогой ценой. Бум! Сдается мне, после этой битвы каждый пантеон из тех, что обитали на улице Богов, сократится раз в десять. Ну и что? Эка важность!

Какая разница человеку с улицы? Не могу себе представить, чтобы, скажем, боги управлеченских рецидивистов Нового Конкорда сообщили верующим: дескать, ребята, старой добрыей Жерони Процентщицы с нами больше нет, поэтому десятину можете не платить. Наоборот, они потребуют новых поборов — на строительство главного храма в Тимснорэ или на обращение в истинную веру язычников-венагетов. И лишь грош из каждой серебряной марки действительно пойдет на то, о чем было объявлено во всеусыпывание.

Хотя сами боги вряд ли сильно озабочены деньгами и драгоценными металлами.

Нет, вы только посмотрите! Оказывается, далеко не все боги — герои по натуре. Я был слишком далеко, чтобы разглядеть, кто именно бежал с поля битвы, но таких нашлось немало. Впрочем, все ли они сбежали? Одна группа решительно шагала на север. У меня возникло подозрение, что в той группе мои хорошие знакомые.

И правда...

54

И правда, мимо, слева направо, вынырнув из-за моей спины, промелькнули две совы. Они камнем ринулись вниз, так быстро, что разглядеть их было почти невозможно, однако этот смешок я узнал бы из тысячи. Одна развернулась, взмыла вверх, уселись на коня прямо передо мной и превратилась в полуобнаженную девушку. Вторая принялась кружить рядом и жаловаться:

— Гаррет, я была первой! Привет, Гаррет. Удивился? Может, поговорим? Мы не такие глупые, какими кажемся.

— Слушайте, девочки, здесь разговаривать чертовски неудобно. Того и гляди свалишься. Не обижайтесь, но, может, вы не станете распускать руки, пока мы не спустимся? У меня ведь крыльев нет.

Сова хихикнула. Та, что превратилась в девушку, брюзгливо протянула:

— Врешь. Все смертные одинаковы. — Естественно, рук она не убрала. — Подумай, Гаррет, сколько новых ощущений! Я еще ни разу не соблазняла смертного в воздухе.

Вопрос на засыпку: если шлюха умнее, чем о ней думают, становится она от этого менее развратной или нет?

— Дорогуша, неужели ты и впрямь хочешь, чтобы я упал? — Я решил подольститься. — Димна, ты просто чудо. Мне еще ни с кем не было так хорошо. — Ба! В яблочко с первой попытки. — Но сейчас не время объясняться в любви, понимаешь? Я боюсь высоты. У меня зверски болит голова, и я не ел с тех пор, как началась эта катафасия.

Разумеется, я преувеличивал. Все мы склонны слегка передергивать, щадя чувства собеседника. Или стремясь избежать падения с двух тысяч футов.

Выглядела она, кстати, весьма соблазнительно.

Знаю, я — свинья. Мне говорили, и не раз. Но ничего не могу с собой поделать. Может, пора перестать бегать за юбками? И выбрать себе другой, менее веселый род занятий?

Или взять да упасть и погибнуть в момент наивысшего наслаждения под визг Димны?

Она потерлась об меня, игриво провела рукой по моему бедру и заявила:

— По-моему, ты притворяешься.

— Дорогуша, клянусь — если я поддамся, то уже никогда не смогу притворяться. Потому что упаду и разобьюсь. Пойми, перед тобой всего-навсего старый и дряхлый бывший морской пехотинец.

Ей, похоже, польстило, что я считаю наш воздушный флирт чем-то сродни самоубийству.

А разве не так?

— Аргх? — поинтересовался Попка-Дурак, неожиданно выйдя из транса.

— Ты не поверишь, старый хрыч. — Я понятия не имел, слышит ли меня Покойник, но, памятуя о его словах насчет профессионального отношения к делу, решил воспользоваться настроением Димны и принял ее щипать и щекотать. Она ничуть не возражала. Возмущенная до глубины души тем, что я предпочел ей сестрицу, закрывшую от удовольствия глаза, Лила фыркнула и улетела прочь.

Я продолжал говорить, в основном нес всякую чушь, но время от времени задавал вопросы, на которые Димна исправно отвечала.

Возможно, она и впрямь умнее, чем кажется, но до гения ей далеко.

Жаль, что это известно не только мне. Выяснилось, что в серьезные дела ее почти не посвящали. Однако сам допрос Димне, безусловно, нравился.

Я презирал себя, но искусство, как говорится, требует жертв.

— Гаррет, куда ты пропал? — прохрипел попугай.

Даже на миг отвлечься нельзя!

— Ты же знаешь, что я не один.

— Надеюсь, не с очередным Пройдохой.

Он что, не разбирается в звуках? Не видит глазами Попки-Дурака? Любопытно.

— Со мной самая шикарная девушка на свете. Мечта всех юнцов. Такую бы каждому из них на шестнадцатилетие. — Я вымученно улыбнулся Димне и подарил ей поцелуй. Такое впечатление, что больше ничего в жизни ей не требовалось.

А я, усталый, голодный, измученный, хотел одного — побыстрее добраться до дома. Мне почему-то казалось, что теперь я в безопасности.

Не знаю, что подумала обо мне Кэт. Она летела далеко впереди, показывая дорогу.

55

Кэт приземлилась в Бруксайдском парке. Там снег лежал плотным слоем и вовсе не думал таять.

— Слушай, девочка, — сказал я, — я получил массу удовольствия от общения с твоей мамашей и всеми остальными. Хватит на всю жизнь. Поэтому как ты смотришь на то, чтобы разбежаться? Ни шайиров, ни годоротов больше можно не опасаться.

Кэт отпустила лошадей, которые неторопливой рысцой скрылись в темноте. Четырнадцатого, который словно окаменел, она оставила при себе. Лила и Димна держались поблизости от меня. Наверно, им просто было некуда идти. Не могу сказать, что испытал по этому поводу приступ радости; с другой стороны, было бы занятно заявиться к Морли под ручку с двумя полугольими красотками.

Кэт внимательно оглядела совушек и наконец произнесла:

— Если хорошенько подумать, получается, что во всем виновата моя мама.

— Это тебя тревожит?

— Да. Похоже, ни она, ни ее подручные не подумали о последствиях. Они хотели избавиться от старья, потому и натравили Ланга с Имаром друг на дружку в таком месте, где те не могли не выставить себя полными идиотами. Мне кажется, мама не догадывалась, что их стычка разрушит ткань мироздания.

По моему глубокому убеждению, мамаша была идиоткой похлеще папаши. До сих пор ей просто не представлялось случая проявить себя во всей красе. Вслух я этого, естественно, говорить не стал.

— Знаешь, если вспомнить историю, женщины в общем и целом не особенно умнее и лучше мужчин. Они могут быть умными и глупыми, бестолковыми и дальными, жалкими и заслуживающими всяческого уважения, а также назойливыми и до омерзения упрямыми. В чем я согласен с религиозными учениями, так это в том, что людям следует работать над собой. Впрочем, я циник, а потому уверен, что этого от людей не дождаться.

— Вы скорее реалист, чем циник. Я провела бок о бок с богами гораздо больше времени, чем кто-либо из смертных... — Кэт оборвала фразу. По-видимому, ей не особенно хотелось вдаваться в объяснения.

В постель мне лечь не дали. И даже накормили не сразу. Если бы не Покойник, давший мысленный подзатыльник Дину, я бы поел только утром. Старина Дин спал как сурок, заперев входную дверь на все замки.

Молодец, не забыл мои наставления.

Около часа спустя мы собрались в комнате Покойника. Мы — это я, Кэт и Четырнадцатый. Совушки остались в передней вместе с Попкой-Дураком. У меня слипались глаза. Дин возился на кухне. Должно быть, дожидался, пока ужин возьмет и вырастет, чтобы зарубить его на месте. Моему слуге явно не мешало поднять настроение. Подкинуть ему, что ли, совушек? Жаль, что их видим только мы с Покойником, да еще Кэт с Четырнадцатым.

— Происходящее — дело рук Имары и некоторых других богинь, — изрек его высокомудрие. — Полагаю, они всего лишь хотели избавиться от своих богов...

— Мы с Кэт уже это обсуждали.

— ... и не подумали о последствиях.

— Ты слышал, что я сказал?

Он проигнорировал мой вопрос и принялся пространно излагать свои соображения. Усталый мозг Гаррета добросовестно пытался перевести его заумь на нормальный язык, но мышление Покойника разительно отличалось от человеческого, поскольку он

воспринимал мир совершенно иначе. Я словно погрузился в сказку, где нет необходимости выслушивать ложь и вглядываться в иллюзии, ибо они не могут скрыть истины.

— А девушки нам ничего интересного не расскажут?

— Они такие, какими кажутся, ни больше и ни меньше. У них достаточно сообразительности, однако нет ни малейшего желания обременять себя ненужными хлопотами, которые доставляет знание. Подходящая пара для тебя. Сон наяву, тем паче что с моралью у них дело обстоит приблизительно так же, как у кошек на городских улицах.

— И правда здорово... Однако если перефразировать аморального философа Морли Дотса, что мне с ними делать осталось двадцать три часа в сутки?

— Не беспокойся. Заскучать тебе не дадут. У некоторых, к сожалению, долгая память.

Честно говоря, я и сам о том догадывался.

Глаза неудержимо слипались. Кажется, еще немного — и я засну.

Покойник меж тем продолжал вываливать на меня все, о чем размышлял в мое отсутствие.

— Старый хрыч, ты решил приготовить салат из мыслей?

— Извини, Гаррет. Я не заметил, что ты засыпаешь. В этой мешанине должно быть недостающее звено. Я выстраиваю события в логическую цепочку и одновременно разбираюсь в том бардаке, который царит у тебя в голове. Ты должен знать нечто, сам о том, возможно, и не подозревая. Даже не догадываясь, что стоит подозревать.

— Что-то я совсем запутался.

— Ситуация весьма сложная.

— Приятная новость. Ты рылся в моих мыслях, так что тебе прекрасно известно, что я не желаю этого слышать. Получается, что глаза видят одно, а происходит другое?

Со мной такое случается постоянно.

— Боюсь, в данном случае события принимают такой оборот, что кажущееся становится явью. Впрочем, социология подсказывает, что простые ситуации очень часто осложняются привходящими обстоятельствами, причем под последними разумеется отнюдь не только божественное вмешательство.

Я откинулся на спинку кресла и сделал большой глоток. У Дина просто не хватило наглости отказать мне в пиве, когда я ввалился в дом, усталый до изнеможения. Вполне возможно, его покладистость — заслуга Покойника. Правда, логхир не разбирается в том, что и когда следует подавать на стол...

— По крайней мере одна проблема решилась сама собой.

— Разве?

— Конечно. Теперь не нужно выбирать между шайрами и годоротами. Они больше не существуют.

— От Нога не скрыться.

— Черт! — Я судорожно сглотнул. Вот стервец, не мог подождать, пока я выслюсь. И тут до меня дошло. — Ах ты мерзавец!

— Неужели я тебя поймал? Помнится, кое-кто утверждал, что у меня нет чувства юмора?

— Не смешно.

— Считай, что это было предупреждение.

— Чего?

— Мы не должны исключать возможности того, что кто-то из твоих противников уцелел во время бойни и вновь захочет добиться до тебя.

— Жаль, что я не могу ни в чем тебя обвинить. Единственное, что приходит в голову, — до того, как ты у меня поселился, со мной ничего подобного не случалось.

Раньше жизнь была проще. Нет, не приятнее, а именно проще. И уж ничто не шло в сравнение с пребыванием на островах, в этой рукотворной преисподней.

Покойник издал мысленный звук, выражавший, как я понял, что-то вроде отвращения.

— Если в ситуации и присутствует аномалия, я ее не вижу. Возможно, видеть попросту нечего. Возможно, никто с самого начала не строил долгосрочных планов. Так называемые повелители мироздания обычно действуют, как им взбредет в головы.

— Сказать по правде, я еще не встречал богов-мыслителей.

— Гаррет, ты умница. Когда захочешь.

— Ага. Был бы умницей, не бегал бы за всякими рыжими девками. Все, я готов. Сейчас засну прямо здесь.

— Подожди.

— Перестань надо мной издеваться.

— Та рыжеволосая женщина-оборотень. Адет. Она выбивается из общей схемы.

— Я тебе уже объяснил. Она меня во все это втянула и бросила. Правда, разочек навестила, когда я сидел у городотов. По-моему, то была она. Еще я видел ее в Призрачном Кругу. Потолкуй лучше с Кэт. Эта девушка знает об Адете что-то такое, о чем мне сообщить не пожелала. — Я настолько устал, что даже не посмотрел на Кэт. — Все, меня нет. Скажи Дину, он может делать с нашими гостями все, что ему заблагорассудится.

Пиво, едва ли не самый чудесный напиток на свете, лишило меня последних сил.

В коридоре я встретил Дина. Забрал у него тарелку с сосиской и вкратце изложил все, о чем говорил Покойнику.

Заснул я даже до того, как моя голова коснулась подушки.

56

Я рухнул в колодец сновидений и полетел вниз со скоростью, которой раньше без посторонней помощи (когда мне доставалось по башке) достичь не мог. Колодец превратился в туннель, в дальнем конце которого меня поджидала роскошная женщина, буквально лучащаяся красотой. Она протянула руку, заканчивавшуюся острыми когтями, подставила для поцелуя зеленые губы. Из ее волос подмигнула змея.

— Не сейчас, Мэгги.

Она улыбнулась. Хотя света не было, у нее во рту сверкнул клык. По-прежнему улыбаясь, она притронулась к моей щеке, провела по ней когтем. Потекла кровь. Только теперь я сообразил, что замерз, что в этом месте чертовски холодно.

Магодор потянула меня за локоть. Молча; слова тут не имели силы. Мы подошли к огромному утесу, у подножия которого плескалось широкое черное озеро; на дальнем берегу озера располагался город, по сравнению с которым Танфер выглядел убогой деревушкой. В городе, как и повсюду, несмотря на то, что в небе находились одновременно солнце и три луны, царил мрак.

Некие существа плавали в озере, ползали по земле, летали по небу (кстати сказать, было так холодно, что воздух весь вымерз). Человеческому глазу они казались ожившими кошмарами. Эти существа питались лишь холодным светом звезд, для них не имели никакого смысла такие понятия, как надежда, отчаяние, радость и все остальное. Древние, едва ли не как само время, они на протяжении тысячелетий стремились вырваться из своей ледяной темницы. Злыми в нашем понимании они не были. Обвинять их в ненависти к людям — все равно что приписывать дурные намерения землетрясению, наводнению или урагану. Зла в них было не больше, чем в пахаре, чей плуг разрушает норы кроликов и полевок и кротовьи туннели.

Тем не менее они томились в застенке. Некто решил изолировать их от радостей бытия. На веки веков.

Над поверхностью озера, вода в котором была густой, как смола, появилось нечто. Поскольку света не было, как следует рассмотреть это нечто я не смог, чему, признаюсь, ни капельки не огорчился. Такую жуть только рассматривать.

Возможно, кто-то побывал здесь до меня, в наркотических грезах. Иначе как объяснить те истории о непередаваемом ужасе, непроизносимых именах и прочей дребедени (правда, я полагаю, что рассказчики намеренно преувеличивают, чтобы заинтриговать слушателей).

Твердо знаю одно: жить в таком месте я бы ни за что не согласился.

Из тьмы возникла серебрящаяся рука, с бледной, как у утопленника, кожей. Ухватилась за край балкона, на котором стояли мы с Магодор. Затем появился хозяин руки — труп с бездонными колодцами мрака вместо глаз. Он подтягивался до тех пор, пока его рот не оказался на одном уровне с полом балкона. Лицо трупа было перекошено гримасой отчаяния, поэтому я не сразу узнал Отца Всего Сущего, Жнеца Душ, Владыку Повешенных и так далее. То бишь Имара, Главного Пинателя Задниц.

Вторую руку он протянул к Магодор Разрушительнице, Карабельнице и все такое прочее, Старшему Помощнику Главного Пинателя Задниц.

Магодор наступила ему на пальцы. Потом ударила ногой в лицо. Вот и рассуждай после этого об уважении к начальству. Не издав ни звука, Имар рухнул в озеро.

Я двинулся вверх по туннелю. Магодор какое-то время шла рядом, улыбаясь так, словно мы возвращались домой со свидания. Она была настолько возбуждена, что непрерывно меняла облик — стараясь, впрочем, не особенно далеко отходить от человеческого.

Наверно, мы тоже как-то на них действуем.

А что, это мысль. Тогда сразу становится понятно, почему они не столь всемогущи, какими желают казаться.

Я вынырнул из туннеля в нормальный человеческий сон, который, к несчастью, длился гораздо меньше, чем мне хотелось.

Какой сюрприз!

57

Проснувшись, я почувствовал себя сбитым с толку. Голова болела, хотя накануне я не пил. С улицы доносился гвалт. С ума сойти! В такую рань, когда все порядочные разумные существа еще спят.

Кажется, это уже было. Может, я сплю и мне снится, что я сплю?

Тот же самый гвалт. Те же самые кретины пытались устроить ту же самую заварушку.

Я со стоном поднялся. Ну и воображение у меня: даже во сне ухитрился заработать свежие синяки.

Бедные мои глазки... Я чуть отодвинул штору. Ай! Этим утром в костер солнца явно подбросили хвороста; вдобавок на небе — ни облачка. Я попятился, дождался, пока глаза перестанут слезиться, и вновь выглянул на улицу.

Точно. Компания старых идиотов, которые маются от безделия. И развлечения ради напрашиваются на неприятности.

На противоположной стороне улицы, на том же самом месте, что и раньше, стояла рыжеволосая красотка. И пристально всматривалась в мое окно. Но теперь-то я знал, кто она такая. И связываться не собирался. Больше ей меня не одурачить. Обойдется. Если приспичит, я и сам облапошу.

Ощущив легкое покалывание в затылке, я сообразил, что Покойник проник в мое сознание. Может быть, провел там всю ночь. Из чего следовало, что он, возможно, отыскал некую нить. Надо его поблагодарить. Я постарался встать так, чтобы он мог как следует разглядеть рыжеволосую — моими глазами.

Она как будто догадалась, что за ней наблюдают, — покинула свое укрытие и словно растворилась в толпе, что собралась вокруг двух женщин, свирепо взиравших одна на другую. Первая была низенькой человеческой матроной, толстой и уродливой, вторая — высокой, худощавой красавицей из гномов. Рядом они выглядели как сестры-близняшки.

Кто-то это заметил. И принял помешивать закипающее варево громадной поварешкой.

От толпы отделилась женщина. В ее движениях было что-то этакое...

— Это она?

— Да. Я слежу за ней. Любопытное ощущение. Отсутствие присутствия в движении.

Я не стал уточнять, что он имел в виду. Мне было все равно, ибо на моих глазах творилось величайшее чудо нашего времени: миссис Кардонлос, размахивая помелом, успешно разгоняла толпу с помощью какой-то великанши, озабоченной, похоже, охраной общественного порядка.

— Во дает, старая карга! Не такая уж она, оказывается, и стерва. Черт возьми, с кем же мне теперь враждовать? — Попка-Дурак завопил как нельзя более кстати. — Ну конечно! Спасибо, Морли.

По Макунадо шествовал Морли Дотс собственной персоной. Зеваки расступались перед ним, то ли отдавая дань уважения его щегольскому виду, то ли из опасения перед сопровождавшими Дотса гроллями, зелеными уродами пятнадцати футов ростом. Из пастей торчали внушительные клыки, в лапах гролли сжимали увесистые дубинки, за плечами у них болтались мешки. Они ухмылялись; между прочим, ухмыляющийся гроль выглядит в два раза грознее того, который хмурится.

Гролли появились на свет по воле случая; то был печальный результат случайных связей между троллями и гоблинами. Эти двое происходили от одной матушки и были братьями. Их звали Дорис и Марша.

Согласен, имена диковинные. Но никто из обитателей Танфера не рисковал заводить с братьями разговор об именах. Дорис и Марша не отличались сообразительностью и распалялись далеко не сразу, но уж потом их было попросту не остановить.

Как ни странно, они приходились Морли родственниками — правда, очень далекими. Стоило только взглянуть на них, чтобы усомниться в здравом уме вожаков «Зова». Парни вроде Дориса с Маршой способны наворотить дел, какие и не снились борцам за чистоту расы.

С какой стати он ведет их ко мне в дом?

— Ты следишь за Адет? — спросил я у Покойника.

— Да. Похоже, она сама не знает, куда идет.

— Может, догадалась, что ты за ней увязался?

— Ни в коем случае.

Я хотел было осадить его, чтобы не слишком задирал нос, однако Морли был уже в пятидесяти футах от моего крыльца. Его сопровождали не только гролли. Следом топали старые дружки, Сарж, Рохля и Дожанго Роуз (если бы не крохотный росточек, последнего можно было бы обозвать точной копией гроллей). Все были вооружены до зубов. Ума на всех шестерых было меньше, чем в моем мизинце, зато силищи!

Покойник предупредил Дина. Когда Морли приблизился к крыльцу, из двери ему навстречу вылетел Попка-Дурак. Заложил вираж и, повинувшись мысленному приказу Покойника, устремился вдогонку Адет. На прощание он оставил сувенир, который мог бы запачкать наряд Морли, не будь Дотс столь ловок и проворен.

Посмеиваясь, я задвинул штору, облачился в более-менее приличный костюм и спустился вниз. У меня ныла каждая косточка, голова раскалывалась от боли. Черт! Ведь ни с чего! Вот что самое обидное. Если уж мучиться, так по делу.

58

Спустившись по лестнице, я свернул направо и вошел в кухню. Дин еще не вернулся. Я взял печенье, намазал парочку маслом, а сверху покрыл толстым слоем меда. Потом налил себе чаю и бро-

сил в кружку мед. Потом отыскал старый чайник, налил и поставил греться, чтобы приготовить свой любимый чай с ивовой корой.

Вошел Дин, который, увидев меня, покачал головой и пробормотал:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Хочу заварить ивовую кору.

— Знаете, мистер Гаррет, на вашем месте я бы сначала прожевал, а потом говорил. Вы вчера не пили?

— Ни грамма. Просто устал как собака.

— От чего? — Дин с подозрением уставился на меня. — За честную работу так не платят.

Он уже надоел мне своими опасениями по поводу того, заплатит ли нам очередной клиент. Но вот насчет того, что клиент переплатил, — это что-то новенькое.

— Чего-чего?

— Мистер Дотс принес кучу сокровищ. Наверно, он нашел пиратский клад.

— Аргх! И большая куча, старина?

— Огромная.

— Замечательно. Можно побездельничать.

— Ошибаетесь, сэр. Мистеру Вейдеру настоятельно требуется ваша помощь.

Я вздохнул и, чтобы утешиться, намазал себе очередное печенье.

— Как говорились. Все почему-то уверены, что я должен работать не переставая. Вот скажи, Дин, разве кошка делает что-нибудь, кроме того, что для нее жизненно необходимо? Людям не мешало бы поучиться у кошек — на свете стало бы гораздо легче жить.

— Кошки ничего не оставляют по наследству.

— Ну-ка, прикинь. Сколько детей обычно заводят, если заводят вообще? Нам плевать на потомство, потому что у нас его нет.

— Может быть, — печально согласился Дин. — Но когда же вы научитесь не говорить с набитым ртом?

В нем явно пропадала заботливая матушка. Моя собственная не годилась ему и в подметки. В ней не было присущей Дину целеустремленности.

— Пойду к нашим гостям. — С этими словами я вышел из кухни.

Первым делом я подошел к входной двери и посмотрел в глазок. Гролли восседали на крыльце, сплетничая с Дожанго. Тот был ростом с Морли, однако утверждал, что его отцом был папаша гроллей. Мол, мы — тройняшки от разных матерей. Морли, как правило, поддакивал Дожанго. Раньше я считал, что это невозможно, но теперь, побарахтавшись несколько дней в мифологическом море, без труда смог представить себе, как служители некоего культа изрекают грозное пророчество о рождении тройняшек от разных матерей.

Потом я осторожно заглянул в переднюю. Совушки куда-то подевались. Может, улетели вместе с попугаем. Признаться, их отсутствие меня не удивило.

Я направился в комнату Покойника:

— Где Кэт?
— Спит наверху.

Четырнадцатый застыл в неподвижности на подлокотнике кресла. Сарж с Рохлей внимательно его разглядывали. Занятно.

— А совы?
— Улетели. Им стало скучно. Однако они вернутся. Боюсь, бедные девочки настолько глупы, что не смогут придумать, куда бы еще слетать.

— Пускай возвращаются. Посидим, потолкуем...
— Фи, Гаррет!
— Я думал, ты держишь дом на замке, — заметил Морли.
— Ты же меня знаешь. Я всегда готов помочь бездомным.
— Ну да. Двуногим бездомным женского пола, желательно не старше двадцати пяти.

Я повернулся к Саржу с Рохлей:
— Привет, ребята. Как делишки? Все в порядке?
— А то. Знал бы ты, с какими чуваками приходится возиться. Все из себя, носы кверху, круче некуда.
— Понимаю. И сочувствую.
— А эти хмыри из «Зова»... Прикончить бы парочку...
Морли многозначительно прокашлялся.
— Босс, мы вам тут нужны? — Рохля боязливо покосился на Покойника. Почему-то в присутствии логхира все, у кого нечиста совесть, начинают нервничать.

— Подождите на улице. Заодно присмотрите за гроллями, чтобы они не устроили очередную драку. — Дотс пожал плечами. — Стоит выйти из дома, обязательно встретится какой-нибудь кретин, который с ходу начинает приставать к Дорису с Маршей.

Полагаю, эта проблема со временем разрешится сама собой. К тому же гролли занимаются полезным делом — избавляют человечество от тупиц.

— Чтобы с этим справиться, не хватит всех на свете гроллей, гоблинов и троллей. — Морли ткнул пальцем в сторону мешков. — Я выкопал твой клад.

Судя по его виду, сам он ничегошеньки не выкапывал. Чем дальше, тем больше Дотс заботился о справедливом разделении труда между начальниками и подчиненными.

— Я смотрю, свою долю ты уже забрал, — заметил я, чтобы позлить его.

Он бросил на меня тот самый взгляд, которого я ожидал. Ни дать ни взять маленький мальчик, застигнутый с банкой варенья в руках.

— Я заплатил парням, Гаррет. Они бесплатно не работают.

Лишь глупец станет за бесплатно выкапывать клад. Честно говоря, я немало удивился тому, что сокровища очутились в конечном итоге у меня дома.

Я порылся в мешках с таким видом, будто знаю, что делаю. Морли вряд ли догадывается, что я не имею ни малейшего понятия о ценности клада.

— Чем валять дурака, спросил бы лучше у партнера, — проворчал Морли.

И лишить себя удовольствия? Ну уж дудки.

— Он не партнер, а квартиросяемщик. Знаешь что? Ты мне здорово помог, поэтому я сделаю тебе подарок. Шикарный подарок. Ты не найдешь ничего подобного не только в Танфере, но и в целом свете.

— Не старайся, попугая обратно не возьму.

Черт! Все научились читать мысли.

Когда хочет понадоедать, Покойник начинает силой мысли двигать предметы. Мешки с сокровищами зашевелились, что-то звякнуло.

— Кажется, там мышка.

— Слушай, как ты узнал? — спросил Морли. — Такой клад, да еще в городе...

— Мне поведала о нем одна дама, которая видела, как его закапывали. Она таким образом заплатила за работу. — Которую я, между прочим, не доделал.

Морли явно не поверил.

— Гаррет, там нет ни одной современной монеты.

— Он прав. В мешках предметы, которые мы просто не сможем продать.

— Чего?

— В мешках находятся венцы, скипетры и прочие регалии, которые королевская власть присвоит, как только о них узнает.

— Чего? Да в ту пору не существовало никакой Каренты! Даже Империя еще не возникла! Ни один крючкотвор не сможет...

— Сможет, Гаррет. Сможет.

— Извини, что-то я в последнее время поглупел. — Где замешана власть, о логике, праве и справедливости можно забыть. Все зиждется на том, что корона располагает большим количеством мечей, нежели кто бы то ни было. — Морли, ты своим орлам заплатил нормальными деньгами?

Дотс утвердительно кивнул:

— К твоему сведению, это не первый клад, который мне довелось выкопать. Тебе придется переплавить сокровища. Я знаю, кто может помочь.

Естественно. За умеренную плату Морли сведет меня с кем угодно.

Вот так сегодня делаются дела.

— А я знаю тех, кого старинные монеты интересуют сами по себе. Остальное, кстати, можно продать все вместе.

— Думаю, не стоит рисковать. Вдобавок многие из предметов имеют не только материальную ценность.

— Да их никто не помнит. Они столько лет провалялись в земле.

— Спрячь мешки под мое кресло. И заплати мистеру Дотсу то, что ему причитается.

— Не переживай. Я его просто подначиваю.

— Знаю, и мистер Дотс тоже догадывается. Убраться нужно по той причине, что скоро к нам пожалуют гости, которые, заметив мешки, могут проявить ненужное любопытство.

— Чего? — Я принялся заталкивать мешки под кресло. Морли помогал, одновременно набивая свои карманы. Ведь знает, стервец, что обидел меня! — Какие еще гости, старый хрыч? — Я не представлял, кто способен протолкаться сквозь толту на моем крыльце.

Тем не менее кто-то постучал в дверь.

— Священники, — коротко ответил Покойник.

Помогите!

59

К нам явилась целая шайка, причем некоторые были вооружены. По настоящему Покойника я впустил нескольких в дом. Они не производили впечатления людей, которые часто выходят в город. Возможно, этим объяснялось их число и наличие оружия.

— А кто остался за главного, парни? Смотрите, вернетесь, а воры вынесли все, кроме черепицы.

Самый старый из священников, такой дряхлый, что его в пору было носить на руках, прищурился, хмыкнул, порылся в складках своего балахона, извлек очки из толстого тенхагенского стекла. Дрожащими руками в старческих пятнах взгромоздил стекляшки себе на нос, сдвинул чуть вниз и, откинув голову, принялся меня рассматривать. Снова хмыкнул и произнес:

— Вы, должно быть, Гаррет.

Голос никак не соответствовал его наружности. Сочный, громкий, как у человека, привыкшего отдавать распоряжения. Мне казалось, я знаю всех заправил Четтери, но этого типа я видел впервые.

— Боюсь, у вас передо мной преимущество, отец.

Старик сильнее запрокинул голову:

— Мне говорили, что вы — греховодник. Может даже статья, еретик.

Я не стал спорить. Те, кто так говорил, безусловно, правы. Но кто они такие? В свое время у меня возникло одно недора-

зумение с парнями из Четтери, но я думал, что о нем давно забыто. Похоже, нет. Похоже, святым больше нечего делать, кроме как следить за мной и сообщать о моих выходках жрецам.

— Я Мелтон Карнифан. — Старик выдержал паузу и, видя мое равнодушие, прибавил: — Секретарь Его Святейшества.

— Усек, Мел. — Надо же! Какая честь, елки-моталки! Епископ Мелтон Карнифан был из тех людей, которые пользовались неограниченным доверием наших властителей. Его опасались сами церковники. Пожалуй, больший страх внушал только Великий Инквизитор со своими веселыми молодцами.

Всякая уважающая себя религия должна внушать верующим страх.

Как верно заметил брат Мелтон, я отрекся от церкви. А события последних дней лишний раз подтвердили правильность моего решения.

— Предположим, я польщен. Вы явились всей толпой, чтобы вернуть меня в лоно церкви. Угадал?

Карнифан улыбнулся. У него было чувство юмора, пускай весьма своеобразное, живое, как искусственные цветы. Вероятно, нагляднее всего оно проявлялось, когда добрый епископ на пару с инквизитором растолковывал очередному еретику всю глубину его греха.

— Мистер Гаррет, спасение вашей души меня ничуть не заботит. Из вашего досье следует, что даже если вы обратитесь в истинную веру, церковь от этого нисколько не выиграет. Скорее наоборот.

Молодец, догадливый.

— Неужели вы хотите вернуть мне деньги, которые исправно платила церкви моя матушка? — На всякий случай я велел себе заткнуться. Возможно, эти парни вовсе не такие крутые, как они себя мнят, но отравить мне жизнь им труда не составит. Религиозные разногласия — отличный повод к суровым мерам.

— Нет, мистер Гаррет. Вовсе нет. Дело в том, что Его Святейшество видел сон. Точнее, ему было видение, он в тот момент не спал.

— Кажется, я знаю, какое. Святой Шаромыга обнял старичка за плечи и велел ему сыграть со мной в трикtrak.

У Карнифана отвисла челюсть. Попал! Пару-тройку секунд он только пыхтел да отдувался. Двое священников помоложе (я впус-

тил в дом только троих) придвинулись к нему, чтобы подхватить, если у него вдруг подкосятся ноги. Впрочем, притронуться к епископу они не посмели.

— Приведи их ко мне, Гаррет.

Отличная мысль!

— Не хотите ли присесть? В ногах правды нет.

Они покорно последовали за мной. Xa!

Даже если вы слышали о Покойнике, даже если считаете себя пупом земли, на того, кто видит логхира впервые, он производит неизгладимое впечатление. Епископ застыл в дверях. Чтобы окончательно сбить с него спесь, я пояснил:

— Ловит все мысли до единой. В особенности те, которые норовят скрыть. Так что он наверняка узнает, о чем вы думаете.

— Гаррет!

— Переходите к делу, епископ, — продолжал я, не обратив внимания на мысленный окрик Покойника. — Учтите, в последнее время я общался исключительно с богами, которые довели меня до белого каления.

— Гаррет, он у нас в руках. Ты вывел его из себя. Этот церковник почти полностью отвечает твоему циничному представлению о том, каковы на деле священники. Впрочем, неверие епископа изрядно поколебали недавние события. Похоже, святой Шаромыга явился не только Его Святейшеству.

— Чего? — Пожалуй, мне в пору было присуждать награду за сообразительность.

— Епископ Карнифан явился сюда по поручению. Однако он преследует и собственную цель — убедиться, что его неверие вполне обоснованно... Aa! Он решил быть откровенным, ибо понял, что люди не в состоянии обмануть логхира.

Бранье. Любой может навешать логхиру лапшу на уши, если знать, как. А также иметь желание и каждый день практиковаться.

Епископ Карнифан подковылял к моему креслу, осторожно сел, сложил руки на коленях. Он выглядел образцом священника и прекрасно это сознавал. Подобный образец насквозь пропитанная цинизмом церковь культивировала на протяжении столетий.

— Камов, Бондюран, — произнес епископ. — Подождите в коридоре.

Лица молодых священников выразили недоумение.

— Я хочу побеседовать с мистером Гарретом наедине.

— Он желает удовлетворить свое любопытство.

Краешком сознания я уловил фразу Покойника, предназначавшуюся Дину: братья Камов и Бондюран выходят из комнаты, не позволяя им бродить по дому.

Едва за молодыми священниками закрылась дверь, я сказал:

— Они существуют на самом деле. Все до единого, от крошечных духов до верховных божеств. Им плевать, что мы о них думаем, но они гневаются на священников и жрецов, которые дурачат верующих.

У епископа вновь отвисла челюсть. Он испепелил взглядом Покойника, искоса поглядел на Морли, подпиравшего шкаф и похожего на манекен в лавке модной одежды. Я сознательно не представил Дотса и не собирался объяснять, с какой стати Морли присутствует при разговоре.

Покойник велел мне не отвлекаться.

— Вы хотите узнать, что произошло вчера вечером? Получить сведения из первых рук, от парня, который беседовал с богами? Желаете погреть на этом руки? Я вас не виню. На вашем месте я бы тоже растерялся.

Покойник решил не отставать. Внезапно в моем сознании стали одно за другим возникать события последних дней: его высоко-мудрое перекачивал их напрямую в мозг епископа.

Он не упустил ни малейшей подробности. Выдоил меня до дна, обрушил на старого доброго епископа все мои чувства, все мои мучения. Пытка продолжалась не больше часа. Я страдал не слишком сильно, поскольку уже через все это проходил, а вот на старика было жалко смотреть. Зато Карнифан почувствовал на собственной шкуре, каково смертному в компании богов.

Нет, нельзя так жестоко обходиться с человеком, пусть он и законченный атеист.

Морли, поглаживая подбородок, задумчиво наблюдал за страданиями Карнифана. Его Покойник пощадил.

— Все. Не спеши, Гаррет. Пусть епископ придет в себя.

Ждать пришлось недолго. Взгляд Карнифана стал осмысленным.

— Это правда? — спросил епископ.

— Неужели я, по-вашему, способен придумать такую чушь? Правда чистейшей воды.

— Я не могу вернуться вот так...

— Состряпайте какую-нибудь историю. — Он не понял. — Посудите сами, кто вам поверит?

Наконец до него дошло, и он усмехнулся.

— Вы правы. Никто не захочет поверить.

— Что вам было нужно?

— Вовсе не то, что я получил. Я был уверен, что всему виной какой-то катаклизм, и предполагал, что мы сумеем тем или иным образом обратить случившееся на пользу церкви. Но вы убедили меня в том, что боги действительно существуют. Все, даже те, о которых я никогда не слышал. Кроме того, мне стало ясно, что иметь богов — гораздо хуже, чем не иметь их вовсе.

Я мысленно согласился с ним.

— Но вера в то, что они существуют, приносит утешение множеству людей.

— А меня не утешает, а тревожит. Сегодня воистину тяжелый день, мистер Гаррет. — Глаза епископа сверкнули. — Насколько я понимаю, до конца еще далеко? Остались некие оборванные нити, следы, ведущие в никуда... Так?

Я потер лоб. Сколько прекрасной была моя жизнь, когда я беспокоился лишь о том, чтобы не доставить неприятностей танферским паханам! Перед моим мысленным взором возникли холмы Бохдан Жибак. Десять тысяч теней на склонах холмов, и каждой из них теперь известно, кто такой Гаррет. Терпеть не могу привлекать внимание публики с Холма. Что уж говорить о богах. Сами понимаете, насколько это опаснее.

А внимание я привлек, иначе этот паршивый епископ не пожаловал бы ко мне в дом. Святой Шаромыга, представитель Комитета... Небось, такой же святой, как брат Карнифан. А вдруг священникам и жрецам всех без исключения культов, обретающихся на улице Богов в Квартале Грэз, были видения со мной в главной роли? Что тогда?

И что, если они все заявятся ко мне за словами мудрости, как будто я не сыщик, а пророк?

— Черт! Какая перспектива! — воскликнул я, размышляя вслух. — Я бы мог...

Морли с Карнифаном недоуменно взорились на меня. А Покойник хмыкнул.

— Жаль, что у тебя неподходящий склад ума. Было бы забавно разыграть пророка — особенно если бы нам удалось какое-то время поддерживать контакт с богами.

— Меня все больше привлекает предложение Вейдера. — Я повернулся к епископу. — Брат. То есть отец. То есть епископ. Короче говоря, не хочу показаться грубияном, но я очень устал, а ваше общество несколько утомительно.

— Наверно, стоило бы привлечь мистера Плеймета, — гнул свое Покойник. — Ведь он собирался принять сан. — Мой партнер такой же циник, как я. Гю-видимому, даже тот факт, что боги и впрямь существуют, не поколебал его скептицизма.

— Если мы закончили, я готов пожелать вам счастливого пути. — Чтобы скрасить впечатление от своих слов, я заговорщицки подмигнул епископу. — И, пожалуйста, передайте всем в Квартале Грэз, что ко мне соваться бессмысленно. Я вышел из игры.

— От Нога не скрыться.

Я подскочил на целый ярд и лишь потом уловил злорадство Покойника.

60

Карнифан удалился вместе со свитой. Казалось, по Макунадо существует небольшая армия. Посмотрев в глазок, я увидел рыжеволосую, наблюдавшую за священниками.

— Эй, старый хрыч, объясни-ка, что происходит?

— Епископ, как, вполне возможно, и многие другие служители культов, ошибочно предположил, что тебе отведена главная роль в текущих событиях, куда более предпочтительная, нежели на самом деле. Поставив себя на его место, ты поймешь, почему церковники столь склонны к поспешным допущениям.

— Думаешь, ты что-нибудь объяснил?

— Ты оказался в невыгодном положении. Мы имеем дело с людьми, привыкшими принимать существование богов за выдумку,

которая отлично служит их целям. Но твоя встреча с богами доказала, что те существуют в действительности. Кроме того, боги проявили себя узкомыслящими, довольно жалкими существами, не слишком отличающимися от смертных. И все это благодаря тебе.

— Слава меня не пугает.

— Могут возникнуть осложнения.

— Не забывай, я — известный циник. Могу нести что заблагорассудится, но доказательств у меня нет. Если даже я заставлю вступиться за себя какого-нибудь бога вроде Ано, большинство мне не поверит. Знаешь, великое чудо религии состоит в том, что прагматики с готовностью принимают самые нелепые посылки и самые невероятные выводы.

— Дело не в верующих, а в тех, кто наживается за их счет. Ведь благосостояние священников и жрецов напрямую зависит от тех, кто верит в богов.

— Что за чертовщина тут творится, Гаррет? — справился Морли.

Мы пропустили его вопрос мимо ушей.

— Чего-чего? — переспросил я, в очередной раз демонстрируя остроту ума.

— Проблема заключается не в человеке с улицы. У него хватает других забот. Где раздобыть побольше денег, как избежать уличных стычек... Священники и жрецы, решившие, что мы покушаемся на их кусок хлеба, представляют угрозу до тех пор, пока не поймут, что они нам безразличны...

— Говори за себя. — Я бы с удовольствием намял бока всей этой шатии. Бандиты под личиной святош. — Между прочим, Адет вернулась.

— Знаю. Кстати сказать, мы еще не изобрели то приспособление, которое нам наверняка понадобится.

— Чего? — Похоже, у меня появилось любимое присловье.

— Я разумею ловушку для богов.

— Ха-ха. Что ты вытянул из Кэт, признавайся.

— Эта девушка не так проста, — глубокомысленно изрек Покойник.

Морли направился к двери.

— Пойду, пожалуй. Все равно я тут не нужен.

— Ошибаетесь, мистер Дотс. Наберитесь, пожалуйста, терпения. Нам с Гарретом необходимо обсудить неотложные дела.

Загадочная фраза, верно? Морли с видом мученика вновь прислонился к шкафу.

— Если хочешь, закрывай свою лавочку и иди ко мне в домоправители. Я тебе все расскажу — после того как мы разберемся в оборванных нитях.

Морли пристально поглядел на меня. В уголках его рта зародилась лукавая усмешка.

— У тебя всегда полно оборванных нитей, Гаррет. А знаешь, почему? Потому что ты не приспособлен к жизни. Корчишь из себя циника, а стоит тебе встать перед выбором, как выясняется, что ты искренне веришь в торжество доброты — несмотря на то, что каждый день возишься в грязи и давным-давно вымазался с головы до ног.

— Любому человеку нужен нравственный идеал, Морли. Иначе как убедить себя, что ты хороший? Грязь потому и грязь, что ее так называют.

— Следовательно, те, кто в ней бултыкается, не несут ни за что ответственности. Им незачем думать, их дело — действовать.

Великие небеса, до чего дошло — бандит с большой дороги защищает закон и порядок!

— Чего ты взвылся?

— Да потому, что ты вечно все усложняешь.

— Дурное наследство. Моя матушка могла часами костерить кого угодно, однако всегда находила в людях что-нибудь хорошее. Она могла придумать оправдание даже для отпетого мерзавца.

— Спор, который вы завели, длится не один десяток лет. Но у нас нет времени на подобные развлечения. Мистер Дотс, не хотите ли присоединиться к мистеру Тарпу и мисс Торнаде...

На этом месте я перестал слышать Покойника, уловил только, что он упомянул о Слави Дуралейнике. Ну почему он не может забыть о Слави Дуралейнике, о Кантарде и обо всем прочем? Почему не может заняться делом? Думаю, через пару недель все закончится. Тогда мы разбежимся: он углубится в свои размышления, я примусь дегустировать новые сорта пива, а Дин перестанет сновать к двери и обратно и займется своими прямыми обязанностями.

Интересно, мелькнула у меня шальная мысль, сколько стоит созворить заклинание, которое не позволяет отыскать дом по указанному адресу?

— От Нога не скрыться, — напомнил мне Покойник.

— Знаю. Морли, забирай свою долю и выматывайся. Иди к своим новым дружкам, подавай им коктейли с морковным соком и биточки из свеклы и заколачивай бабки.

Дотс, естественно, не мог не воспользоваться случаем и довольно пространно объяснил, насколько лучше я стану себя чувствовать и насколько приятнее будет со мной общаться, если я позволю ему составить для меня особую диету, целиком и полностью отвечающую потребностям моего организма.

— Извини, но мне нравится быть старым брюзгой Гарретом, который поглощает отбивные с кровью, а кроличью еду оставляет кроликам, чтобы они были вкуснее и питательнее в вожаренном виде.

— Насчет брюзги — это ты правильно сказал, Гаррет. Большей частью ты поглощаешь овощи в жидким состоянии. К несчастью, в пиве практически не содержится элементов, которые необходимы...

— Зато у тебя этих элементов полным-полно. Вон, из ушней торчат.

Морли кисло улыбнулся и приложил два пальца к виску, как бы отдавая честь.

— Старый хрен. — Он повернулся к Покойнику. — Тебе еще что-нибудь от меня нужно?

Выяснилось, что Покойнику надо о многом с ним потолковать, правда, к делам насущным это никак не относится. Я бы, пожалуй, не стал слушать, если бы разговор не касался отчасти моего будущего.

61

Морли ушел. Поразмыслив, я спросил у Покойника:

— По-твоему, все настолько плохо?

— Неприятности только начинаются, а люди гибнут каждый день. И Слави Дуралейник как-то в этом замешан. Быть может, сам того не подозревая.

— Ты по-прежнему убежден, что он в городе?

— Он либо в Танфере, либо где-то поблизости. У меня нет ни малейших сомнений. На прошлой неделе ты подобрался к нему почти вплотную.

— Чего?

Покойник прочел мои мысли и понял, что я имел в виду.

— Слави Дуралейник уверен в собственных силах. Это подтверждают все, кто с ним встречался. К тому же, по сообщениям свидетелей, он не скрывает своего презрения к карентийским властям. Он знает лишь тех, с кем сталкивался в Кантарде. А там его научили уважать серьезных противников, к каковым наших местных правителей и чародеев он не относит. Короче, Слави Дуралейник полагает, что в Танфере ему ничто не грозит.

— У меня такое чувство, что нашего приятеля поджидают парочка неприятных сюрпризов. — Далеко не все наши правители получили свои посты по наследству; вдобавок некоторые из них еще не слишком оторвались от действительности (хотя большинство, конечно, только и знает, что любоваться своим отражением в зеркале).

— Вот именно. В таком случае полагаться следует лишь на Шустера и ему подобных. Лишь они способны предотвратить катастрофу.

— Ты думаешь, Слави Дуралейник попытается захватить власть?

— Все возможно. Как я уже сказал, он не страдает от недостатка уверенности. К тому же он знает, что его когда-то считали народным героем. Может статься, он полагает, что простые карентийцы примут его как спасителя.

В Кантарде во время войны так и случилось. Аборигены, уставшие от бесконечных склок между двумя насквозь прогнившими империями, провозгласили Слави своим королем.

Черт возьми, он был моим кумиром, ибо не церемонился с властями предержащими и не терпел некомпетентности и взяточничества. Без Слави нам бы не удалось одержать победу в Кантарде. Этого не сможет отрицать никто, ни сам король, ни простой солдат (хотя роль Дуралейника каждый из них объяснил бы по-разному). Среди власть имущих друзей у него не было. А догадайтесь, кто платит тем парням, которые пишут историю великой войны?

— Честно говоря, не хочется верить в то, что он такой хладнокровный и беспринципный сукин сын.

— Он ненавидит карентийскую аристократию ничуть не меньше венагетской.

С того самого момента, как перешел на нашу сторону, Слави Дуралейник вполне сознательно и систематически унижал, оскорблял и третировал венагетских генералов, чародеев и правителей, которые некогда нанесли ему кровную обиду.

— Может, он не разобрался в карентийском характере? Хотя вряд ли, раньше он ошибок не допускал...

— Ты прав. Он не понял, что карентийцы привязаны к своему королевскому роду и своим аристократам, несмотря на то, что регулярно их приканчивают.

Вообще-то аристократы сами приканчивают друг друга. В эти дни на улицах полным-полно пламенных революционеров, но даже отъявленнейшие из них, насколько мне известно, не смеют покушаться на государственный строй, то бишь на монархию.

Точнее, кое-кто покушался. Но то были не люди. И угадайтесь, кстати, кого поносили больше всего?

— Скоро вернутся мисс Торнада и мистер Тарп, но время еще есть, и я могу рассказать тебе о последних подвигах Слави Дуралейника.

— Сказать по правде, меня гораздо больше интересуют подвиги знакомых тебе божеств. Вполне возможно, эти боги, вкупе с богинями, уберегут нас от надвигающихся неприятностей.

Покойник неохотно признал, что в моих словах есть доля истины.

— Ты следишь за Адет?

— Я ощущаю ее присутствие.

— Если я выйду, ты сможешь что-нибудь с ней сделать?

Он не ответил. А когда я уже собрался его пихнуть, произнес:

— На то и храбрость, чтобы ее испытывать.

62

Я посмотрел в глазок. Адет доблестно несла вахту. Мое и без того невысокое мнение о богах усугубилось. Эта богиня даже не подозревала, что за ней наблюдает смертный.

Может, она попросту не верила, что такое возможно? Тот, кто верит в свое всемогущество, зачастую оказывается слеп к очевидному.

— Что вы делаете?

Я подскочил от неожиданности.

— Не смей ко мне подкрадываться!

Дин нахмурился. Он стал значительно менее робок с тех пор, как убедился, что может выдать своих племянниц замуж без моего участия — будь то в качестве жертвы или помощника. Вдобавок он ничуть не сомневался в прочности своего положения в этом доме.

— Кстати, я тут подумал, а не начать ли мне готовить самому, чтобы уходить из дома и возвращаться, когда мне вздумается.

— Прошу прощения?

— Я размышлял, и мне пришло в голову вот что: как быть, если Покойник решит вздрогнуть, а на тебя в очередной раз найдет и ты запрещь дверь на все замки и запоры? Представь. Я возвращаюсь, еле переставляя ноги, и предвкушаю, как завалюсь в постель. Но он дыхнет, ты ушел к себе, а нашу дверь не вышибет даже тролль. Значит, хозяину дома придется провести ночь на крыльце. По-моему, проще готовить самому во избежание подобных неудобств.

Пока Дин пыжился, подыскивая ответ, я снова посмотрел в глазок. Рыжеволосая стояла на том же месте. Полки-Дурака видно не было. Я скрестил пальцы. Надо же, сразу два хороших предзнаменования. Может, удача наконец повернулась ко мне лицом?

— Выйди через заднюю дверь. Попробуй незаметно к ней подобраться. Я послежу за улицей.

— Лады. — Поскольку мне предстояло покинуть дом через задний ход, без Дина было не обойтись, поэтому он тоже услышал реплику Покойника. Мы пользуемся задним ходом лишь в крайних обстоятельствах, чтобы всякая шваль не заподозрила, что в моем доме две двери. Напоследок я вновь приник к глазку. — Ох! Идут твои разведчики.

По улице шагали Торнадо с Тарпом, между ними приплясывал какой-то полукровка, ухмылявшийся так, словно ему только что подарили сотню марок. Острые коленки, не менее острые локти, коричневые кожаные шорты и ядовито-зеленая рубашка. Я никогда его раньше не видел.

Интересно, куда подевался приятель Морли по прозвищу Агонистес.

— С живыми покоя не дождешься. — Можно подумать, это не он посыпал Плоскомордого с каким-то таинственным поручением. — Дин, выпусти Гаррета из дома. Гаррет, постараися застать ее врасплох и приведи ко мне.

— А если она не захочет?

— Используй свое обаяние. Улыбнись, прояви настойчивость.

Вообще-то мне это тоже пришло в голову, однако... Покойник почему-то был уверен, что стоит Гаррету улыбнуться и приподнять бровь, как высокородные дамы и богини сомлеют от восторга. По крайней мере притворялся, будто уверен (может, полагал, что тем самым вынуждает меня соответствовать его ожиданиям).

Я услышал, как он мысленно хмыкнул, и поторопил Дина: дескать, тебе еще открывать дверь Тарпу. Ничего, Тарп подождет. Если бы в мой дом было так легко проникнуть, у нас бы дневали и ночевали уличные торговцы. Прежде чем Торнада и Плоскомордый попадут внутрь, Дин оглядит их в глазок с ног до головы. И наслушаётся нелестных замечаний в свой адрес от Торнады, которая не умеет щадить чьих-либо чувств. Я усмехнулся и, выскользнув в переулок, даже поздоровался с двумя бездельничающими крысюками. Они ответили на приветствие и настороженно огляделись — не потому что знали меня, а просто по привычке, которую приобрели в последнее время все жители Танфера. Как говорится, жизнь заставляла быть осторожными.

Я метнулся к Уизардс-Рич, свернул на Макунадо и бросил взгляд на свой дом. Рыжеволосой видно не было. Я пересек Макунадо и нашел себе укромный уголок вдали от толпы. Несмотря на ранний час, уже начинало припекать. День обещал быть жарким.

На улице рассуждали о диковинной вчерашней грозе, о странных фигурах, которые шныряли по городу. В некоторых местах, судя по разговорам, еще лежал снег. Нашлись такие, кто утверждал, что это — признаки приближающегося конца света. Другие уверяли, что боги решили покарать Танфер за грехи жителей. Разумеется, служители различных культов, пользуясь случаем, вербовали новых сторонников.

Обычная история. Сколько их, любителей ловить рыбку в мутной воде?

Переведя дух, я привстал на цыпочки и попытался разглядеть Адет. Она словно провалилась сквозь землю.

Откуда ни возьмись появился Попка-Дурак. Он плюхнулся мне на плечо, и я едва устоял на ногах. Проходившие мимо люди шарахнулись в сторону. Попутай напугал их еще сильнее, грозно спросив:

— Чего встал?

— Я ее вижу.

— Она стоит, где стояла. Давай двигай. Мне нужно отвлечься на мисс Торнаду.

Высокий и худой тип, похожий на карманника, уставился на попугая.

— Эй, приятель, сколько хошь за птичку?

— О! Пойдем со мной, дружок, поторгуемся. — Я наконец заметил мелькнувшую в толпе прядь рыжих волос. — Сколько дашь? — Меня устроит любая сумма больше нуля. А Морли что-нибудь совру. Бедный мистер Большая Шишка! Настоящий герой. Влетает в горящие дома, пробуждая своими воплями спящих младенцев.

Пожалуй, я слегка поторопился. Худой что-то заподозрил.

— А, ты из тех парней, которые продают говорящих птичек. Чревовещатели, язви их в душу.

— Он тебя расколол, Гаррет. Баук! — Вы когда-нибудь слышали, как смеется попугай?

— Я куплю себе пива, чтобы он понял, что говоришь у нас только ты. Правда, с тебя станется замолчать в самый неподходящий момент.

Вновь мелькнула рыжая прядь. Адет стояла на том же месте, просто ее заслоняли спины прохожих.

— Слушай, шеф, научи, будь другом. Как ты раскрываешь ему клюв?

— Берешь паутину, один конец привязываешь ему к его достоинствам, второй пропускаешь через рукав и привязываешь к своим. Когда захочешь, чтобы он разинул клюв, достаточно пошевелить сам понимаешь чем.

— Круто. — Тут до него дошло, что над ним издеваются. Он предложил мне способ самоудовлетворения, недоступный для боль-

шинства представителей рода человеческого, и растворился в толпе. Бедняга настолько разозлился, что забыл об осторожности и угодил в переплет: пытаясь выкрасть кошелек, потянул слишком сильно, и сразу несколько гномов принялись обрабатывать моего несостоявшегося ученика дубинками.

— Гаррет, поторопись. Неизвестно, чем это кончится.

Покойник был прав. Некоторые прохожие уже начали интересоваться, с какой стати гномы пристают к человеку. Если они из тех, кто полагает, что гномов следует грабить лишь потому, что это гномы, скоро полетит пух.

63

Я взобрался на крыльцо дома, стоявшего напротив моего собственного, чтобы получше разглядеть Адет. В этот миг в толпу врезался детина, в роду которого явно были не только люди, и громко поинтересовался, из-за чего сыр-бор. Все было загомонили разом, но притихли, когда он заявил, что хочет сперва послушать гномов. Что-то в его наружности наводило на мысль о тайной полиции. С подручными Шустера предпочитали не связываться. К тому времени, когда я сориентировался и двинулся дальше, детина уже разрешил гномам продолжить экзекуцию. Остальные молча наблюдали за торжеством справедливости.

Какой-то умудренный жизнью сосед осведомился:

— Гаррет, ты что, записался в пираты?

— Точно. Аргх! Стаксель на брамсель! Отдать швартовы!

Прежде чем он успел спросить что-нибудь еще, я юркнул в толпу.

Теперь мой рост позволял мне не спускать с Адет глаз. Она стояла неподвижно, окруженная этаким ореолом покоя. Никто ее не видел — и не пытался приблизиться. Наоборот, смертные обходили невидимую богиню стороной.

Я старался не привлекать внимания. Перепрыгивал через ступеньки лестниц, переваливал через одно крыльцо за другим, шагал по циновкам и одеялам нищих и бездомных, протискивался между самодельными столиками уличных торговцев. И это на окраине!

Макунадо проходит в основном по жилым кварталам. Что же творится в центре?

Внезапно в тенях что-то шевельнулось. Меня словно ужалили в левую щеку. Женщина, которая шла навстречу, вззвизгнула. Я притронулся к щеке.

На пальцах осталась кровь.

Из теней выступила Магодор. Улыбнулась, показала мне острый как бритва ноготь.

— Залог любви, — пробормотал я, доставая из кармана помятый носовой платок. Будет здорово, если на щеке останется шрам. Скажу, что это от сабельного удара. Буду рассказывать, как сражался на дуэли, защищая честь принцессы-девственницы... Никто не поверит, вот в чем беда. Среди моих знакомых девственниц отродясь не было.

— Я ничего не вижу, — прохрипел попугай. — Отзовись, Гаррет.

— На меня напала Магодор. Слышишь?

— Нет. — Попугай снялся с моего плеча и отлетел подальше, пока Магодор не сообразила, что он — не просто живое украшение. В следующую секунду дверь моего дома распахнулась, из нее выскочили Торнадо и Плоскомордый. На мгновение замерли, видимо, получая последние указания Покойника. За ними показался Дин.

Кавалерия стояла наготове, но помочь ничем не могла.

Магодор засмеялась. Не злорадно. Ей было весело.

Я продолжил путь. Адет, от которой меня отделяло несколько шагов, судя по всему, была в трансе. Может, накурилась «травки»? Кстати, в комнате Покойника до сих пор торчит любитель самокруток, главная достопримечательность нашего маленького музея.

Я ощущал нечто. Его высокомудрие пытался пробиться в мое сознание. Но ему помешали.

Мэгги вновь засмеялась.

Я взял Адет за руку. Девушка не пошевелилась. Тогда я обнял ее за талию. Неужели меня снова провели?

Прохожие старались не смотреть на придурка, вальсировавшего по улице в гордом одиночестве.

— Этот дядя — клоун, мамочка?

Адет вздрогнула.

— Тихо, лапушка, — взмолился я. — Я просто хочу отвести тебя домой.

Зеваки разинули рты.

— Мамочка, разве клоуны говорят?

Интересно, если плеснуть на невидимую богиню краски, она станет видимой?

Адет помалкивала, но вырваться не пыталась. Люди качали головами, замечая нечто краем глаза. В них грохнулось присущее всем танфердам шестое чувство. Толпа передо мной расступилась.

Магодор засмеялась опять. Она явно получала от происходящего удовольствие.

— Пойдем с нами, дорогуша. Ты тоже приглашена.

— Мамочка, с кем дядя разговаривает?

Мамочка не имела ни малейшего желания это узнать. Мамочеке хотелось как можно скорее оказаться в толпе. Неужели она не понимает, что там сейчас ничуть не менее опасно, чем рядом со мной? Да, ну и чертовщина, доложу я вам, творится в Танфере!

— Замечательно. Давно хотела побывать у тебя дома, — ответила Магодор. Ее согласие меня удивило и напугало. Что она задумала? Во что я снова вляпался?

Она взяла меня под свободную руку. По-моему, кое-кто из зевак заметил призрачное мерцание, исходившее от Магодор. Пространство передо мной чудесным образом очистилось.

Миссис Кардонлос взирала на происходящее со своего крыльца.

Торнада с Плоскомордым посторонились. Мне показалось, что Дин с трудом удержался от того, чтобы не захлопнуть дверь у меня перед носом. Спасибо совушкам, которые слетели откуда-то сверху и превратились в полугоных девиц. Дин так и замер с выпученными глазами.

Магодор оскалила зубы.

Торнада с Плоскомордым кинулись бежать в разные стороны. Любопытно, куда подевался их диковинный приятель?

64

— Мэгги! Мэгги! Милая! Даже прекраснейшей из всех богинь не следует вставать посреди улицы с раскрытым ртом.

— Гаррет, ты несносен.

— Знаю. Но объясни, чем я рискую. Я — сам по себе, не принимал ничью сторону и никогда не приму, однако вас мне в этом убедить не удалось. Посему мы приблизительно одинаково заботимся о том, что друг с другом станется. А раз я обязательно кого-то обижаю, что бы ни делал, переживать нечего. Добро пожаловать в зверинец Гаррета.

Дин приоткрыл дверь пошире, пропуская нас, но в нашу сторону даже не поглядел. Его внимание было приковано к соблазнительным фигуркам в коридоре.

— Жаль, что ты не видел Звездочку. Она бы тебя доконала, — сказал я ему.

— Пустышка, — бросила Магодор.

— А зачем ей ум при такой внешности?

— Типично мужской взгляд.

Адет неожиданно ожила. Она вздрогнула — и стала видимой.

Дин нисколько не утратил интереса к совушкам, однако на Адет не отвлечься не мог. Естественно, ведь эта рыжеволосая стерва — из тех, кто способен свести с ума самого стойкого из мужчин.

— Видишь, — сказал я, — грезы порой сбываются. — В его глазах Адет выглядела, должно быть, воплощенным идеалом женской красоты в представлении Гаррета. — И кошмары тоже. — Магодор почему-то предпочла материализоваться в одном из своих внушающих ужас обликов.

— Я приготовлю чай, — выдавил Дин и направился в кухню.

Впустив в дом Попку-Дурака, который восседал на перилах крыльца и оглашал улицу стишками непристойного содержания, я захлопнул дверь. Мерзкая пташка! Будто мне мало прочих хлопот с соседями!

Магодор настороженно посмотрела на Адет, но предпринимать ничего не стала. Я проводил своих спутниц в комнату Покойника. Интересно, что на сей раз затяял старый хрыч?

Нас поджидали проснувшаяся Кэт и оживленный Четырнадцатый, которого била мелкая дрожь.

— Кто это? — спросила Магодор, глядя на Кэт. Четырнадцатого она узнала (точнее, без труда определила в нем херувима).

— Гаррет, приведи девушек, — попросил Покойник. — Дамы, будьте любезны, уймитесь, пожалуйста.

Как сказал один мой знакомый, храбрость дается, чтобы ее испытывать.

Я вошел в переднюю. Совушки забились в угол. Они были настолько перепуганы, что о бегстве и не помышляли. Неужели они так боятся милашки Мэгги?

Впрочем, проэвище Разрушительница вряд ли досталось ей только потому, что она любит бить посуду.

— Пошли, девочки. Не волнуйтесь, все будет в порядке. Вам ничего плохого не сделают.

Димна попыталась сбежать. Я перехватил ее, похлопал пониже спины. Она мгновенно успокоилась. Вторая, Лила, тут же последовала ее примеру, кинувшись мне в объятия. Все очень просто...

Откуда у девочек взяться уму, если шайиры были богами дикарей-скотоводов?

Кажется, когда мы дегустировали пиво в заведении Стагги Мартина, Пройдоха сказал, что эти боги — подонки небесного общества. Или то был не Пройдоха, а Покойник? Хотя — какая разница?

— Все будет в порядке, — повторил я. Мне было ничуть не жаль Имара с Лангом, пускай себе бултыхаются в Черном Озере; однако обрекать на подобную участь двух несмышленых девиц — верх жестокости. Не слишком воинственные божества миру еще пригодятся.

— Дин! Принеси пива!

Он появился из кухни в тот самый миг, когда я распахнул дверь комнаты Покойника и остановился, пропуская совушек. В руках у Дина был большой поднос с чайником, кружками, блюдцами и моим пивом.

— Я подумал, одним пивом вы не обойдетесь, — проворчал он, разумея еду. Совушки буквально притягивали его взгляд. Поднос в руках Дина задрожал.

— Верно подмечено.

Дин хотел что-то добавить, но тут заметил Магодор, пытавшуюся переменой облика показать всем, кто тут главный.

— Мэгги, прекрати! — рявкнул я. — Теперь понятно, почему вас выгнали с улицы Богов. Главарь — полный идиот, да и

остальные немногим лучше. Кэт! Перестань трястись! Это чашка моей матушки. Едва ли не последнее, что от нее осталось.

— Что ты делаешь? — прозвучал в моем сознании голос Покойника.

65

Я? Стараюсь разозлить всех и каждого. Авось, начнут думать. В какой-то мере мой план сработал. Все разинули рты и выпустили на меня глаза.

— Накануне мы стояли в шаге от катастрофы. Лишний раз показав свою тупость и высокомерие, Имар с Лангом почти разрушили преграду между мирами. Богини, которые их наусыкивали, о последствиях тоже не думали. Магодор, я всегда считал тебя умной девочкой. Когда ты убедила прочих богинь потолковать с богами...

— Гаррет!

Я увлекся, а потому никак не отреагировал на оклик Покойника.

— Не валяй дурака, — прошипела Магодор.

— Гаррет, все не так просто, хотя и не слишком сложно.

— Чего?

Кэт с Четырнадцатым и совушки хранили молчание. Я от них ничего другого и не ждал. А вот Адет меня пока разочаровывала.

— Она вовсе не богиня, Гаррет. Я не могу прочесть ее мысли. Вероятнее всего, потому, что их просто нет.

— Чего? — недоуменно повторил я.

— Это гомункул*. Или, если хочешь, голем**. Диббук***, который заманил тебя в ловушку. Выведи ее на улицу. Кто знает, что она может выкинуть.

Я обнял рыжую красотку за талию и попробовал сдвинуть с места.

* В средневековой европейской традиции гомункул — искусственный человек, созданный алхимическими средствами.

** Голем — в еврейских преданиях глиняный исполин, оживленный магическими средствами.

*** Диббук — в еврейском фольклоре бесприютная душа, призрак, способный подчинять себе тело другого человека.

Бесполезно. Такое впечатление, что хрупкая женщина приобрела вдруг массу пирамиды.

— Кэт, ты что-то знаешь, но скрываешь. Давай выкладывай. — Я посмотрел на Магодор. Судя по всему, богиня не слышала того, что сказал мне Покойник.

— Да, — подтвердил логхир. — Я не могу к ней пробиться. Возможно, мешает дуббук.

Кэт промолчала.

Тогда я изложил собравшимся доводы Покойника. Совушки нервно захихикали. Магодор пристально поглядела на Адет.

— Любопытно. Ты хочешь от нее избавиться?

— Ага.

Магодор словно завибрировала. Раздался негромкий хлопок, и Адет исчезла.

— Она на улице.

— Ты о ней что-нибудь знаешь?

— Это какая-то знакомая Имара. Я не слышала о ней до тех пор, пока Имара не организовала заговор, чтобы избавиться от Имара, Ланга и всех остальных. Адет легко становится видимой и быстро меняет облик. От нее требовалось только заманить тебя к нам, причем так, чтобы Хаос, Дайгед и прочие решили, что она — из шайров.

— Мысль устроить заговор подала маме Адет, — произнесла Кэт.

Мэгги словно обухом по голове ударили. Меня, впрочем, тоже.

— Давно? — спросил я. — Кэт, мне кажется, ты появилась на свет отнюдь не случайно. Твоя матушка рассчитывала...

— Перестаньте.

— Извини. Я всего лишь...

— Перестаньте, пожалуйста.

— Очень может быть, — согласилась Магодор. — Если она кого-то боялась, тело смертного было самым безопасным укрытием...

— Прошу вас!

— Не отвлекайся, — напомнил мне Покойник.

— Кто такая Адет? Это очень важно, Кэт.

— Подруга моей матери. Может быть, любовница, я не знаю. Стоило Имару отвернуться, как мама... В общем, сколько себя помню, Адет всегда была рядом. Но меня она не замечала.

— Где сейчас твоя мать? — процедила Магодор. — И где настоящая Адет?

— Не знаю. Я все время была здесь.

Дин прошел по коридору. Я услышал, как открылась и захлопнулась дверь.

— Какого черта?

— Я велел выпустить попугая.

— Отлично. Еще найди ему кота, пусть позабавится. — Я повернулся к Магодор. — Что тебе известно об Адете?

— Ничего. Я впервые услышала о ней, когда Имара предложила заманить тебя в ловушку.

— Сколько вас всего? Или ты не знаешь?

— Понятия не имею. По-моему, никто не представляет, сколько тысяч богов пришло в этот мир в пору Великого Переселения. Не было необходимости считать. И потом, разве ты, к примеру, знаком со всеми жителями этой огромной свалки под названием Танфер?

Разумеется, нет. Я даже не всех соседей знаю в лицо. Люди приходят и уходят. Но боги — дело другое. Или я ошибаюсь? Могу и ошибаться, ведь я не из тех, кто кичится тремя «В» — всеведением, всемогуществом и вседесущностью.

Жалкие свинцовые божки. Верно, Пройдоха, ох как верно! Жалкие и свинцовые, все до единого.

Чем дольше я с ними общался, тем хуже становилось мое мнение о богах. Может, прав был поэт, сказавший, что близость порождает презрение*.

— Гаррет, дуббук решил вернуться. Или ему приказали.

В коридоре раздался грохот. Мгновением позже завопили в унисон Дин и Попка-Дурак.

Я улыбнулся Магодор.

— Она вернулась.

66

Магодор вышвырнула голема обратно на улицу.

— У меня не хватает сил закинуть ее подальше, — удивленно проговорила она.

* На самом деле это не цитата из литературного произведения, а пословица.

Диббук вновь двинулся к моему дому.

Соседи быстро поняли, что происходит нечто странное. Улица опустела.

Я принялся плакаться: мол, вы только посмотрите, это же разбой; потом увидел миссис Кардонлос — старуха победно ухмылялась: еще бы, у нее появился новый повод для презрения.

— Что скажешь, старый хрыч?

— Интуиция подсказывает мне, что Адет — этой Адет — нет ни в одном пантеоне.

С помощью своей интуиции Покойник штопал прорехи в паутине, которую плели его многочисленные мозги. Штопать прорехи, надо отдать ему должное, он умеет. Но не раскроет своих мыслей до тех пор, пока не будет уверен на все сто. Он терпеть не может ошибаться — ошибки донимают его сильнее, чем невозможность испытывать удовольствия, доступные для живых.

— Точно?

— Не совсем. Чтобы дать однозначный ответ, нужно провести сравнительный анализ. А если я прав, мы не можем тратить время на подобные исследования. Особенно теперь, когда наши противники, по-видимому, поняли, что мне все известно.

Только Покойник способен возомнить себя угрозой для богов.

— Выкладывай, пока не поздно.

— Тебе придется излагать мои мысли вслух. Я не могу пребыть к нашим гостям.

— Слушайте все! Его высокомудрое собирается толкнуть речугу.

— Диббука создали специально для того, чтобы манипулировать Гарретом. А Гаррета выбрали потому, что он неизбежно должен был стать средоточием интереса. От тебя ожидали провоцирующих действий.

— От меня? Выходит, я плонул им в души?

— Хватит, Гаррет. Упражняться в остроумии будешь позже.

Как ни странно, этот мысленный окрик услышали все, кто был в комнате. По крайней мере мне так показалось.

— За борьбой между двумя изгоняемыми с улицы Богов пантеонами, за феминистскими выходками Имары, даже за тайным стремлением Магодор стать верховным божеством нового, сурового, чисто женского культа стоит некто, чья главная цель — провоцировать

стычки вроде той, что произошла в Призрачном Кругу. Не перебирайте! — осадил Покойник Магодор, уже раскрывшую рот.

— Истинной причиной конфликта, Гаррет, послужило вовсе не желание Имары и прочих богинь избавиться от представителей сильного пола. Ты рассказывал, что в схватку на холмах Бохдан Жибак вмешались божества из других пантеонов. С какой стати? Чтобы отомстить? Если да, тогда возникает второй вопрос: откуда они знали, что у них будет возможность отомстить? Я долго размышлял. В конечном итоге мне осталось выяснить только, кто и зачем. Зачем — понятно, а вот кто?

— Объясни, — потребовал я. Наши гости, включая Четырнадцатого, тоже были явно не прочь, чтобы им растолковали по-подробнее.

— Твой сон, в котором Магодор показала тебе обитель богов, свидетельствует о том, что между двумя мирами существует связь. А сейчас я скажу то, чего вы вряд ли ожидали. Полагаю, Великие Древние, посулив кому-то награду, потребовали уничтожить барьер между мирами. Было несколько попыток, но все они провалились. Значит, последует новая. Вдобавок даже неопытному конспиратору понятно, что заинтересованные личности наверняка уже сопоставили все факты. Поскольку противнику известно, что в деле замешан я, он, безусловно, предпримет решительные меры.

Мало того, что Покойник преисполнен сознания собственного величия — он еще подчеркивает это при каждом удобном случае.

Возможно, он слегка преувеличивает, однако в общем и целом картина вроде вырисовывается стройная. Она не противоречит фактам, в ней как будто ничего не упущено в отличие от большинства моих теорий.

— Что скажешь, Мэгги?

— Гаррет, меня утомила твоя фамильярность. Но ради общего блага я согласна потерпеть. Мне представляется, в его словах что-то есть. Рассуждая таким образом, мы находим объяснение многим странным событиям последнего времени. — Она задумалась и сразу утратила свою красоту. У нее выросло слишком много рук, изо рта показались клыки. В ноздри ударили запах давно немытого тела. Я хотел было вмешаться, но Магодор жестом велела помалкивать. — Не знаю, кто за всем этим стоит, но больше чем

уверена, что скоро ему станет известно обо всем, что узнала Адет. И тогда нам попытаются заткнуть рты.

Великолепная перспектива! Всю жизнЬ мечтал оказаться мишеню.

— Э...

— Надо связаться со всеми, кто может помочь. Распустить слух. Быть может, нам не поверят, но это уже не важно. Ты, ты и ты. — Магодор ткнула пальцем сначала в совушек, потом в Четырнадцатого. Смерила их испепеляющим взглядом. Они затряслись, заскулили — и пропали. У меня промелькнула шальная мысль: а что, если Магодор — посланец нашего неведомого врага?

— Я отправила их к божествам, которых хорошо знаю. У каждого из них при себе нечто, подтверждающее, что они от меня. Я попросила о помощи, теперь остается только ждать. Что касается Адет, с ней я справлюсь сама.

— Меня восхищает твоя самоуверенность.

— Я — Магодор Разрушительница. Моя тень осеняет поля битв.

— Слыхали, как же, но...

— Подкрепления нам не помешают в любом случае.

— А лишние свидетели?

— Я пытаюсь установить личность противника, — сообщил Покойник. — Но мне не хватает фактов.

Передав его слова Магодор, я прибавил:

— Фактов у нас, по сути дела, никаких. Но это не страшно. Главное — не поворачиваться спинами к подозрительным существам.

— Наверно, за всем стоит моя мама, — тоненьким голоском промолвила Кэт.

— Вряд ли, — ответил я. — Она умна, но не настолько.

— Не торопись, Гаррет, — одернул меня Покойник. — Настоящую Имару могли подменить. Ты же сам сказал, что Адет — оборотень.

Бrr! Меня словно осенило.

— Их план заключался в том, чтобы подменить Кэт. И сделать это должна была Адет, а не Имара. У Кэт своя жизнЬ; к тому же со смертной проще разобраться и от нее легче избавиться. А полубожественная природа Кэт послужила бы отличным оправданием тех не-

увязок, которые могли бы возникнуть. Причем маскарад продолжался бы лишь до того, как пала бы преграда между мирами.

Выходило, что это стародавний план, что осуществляли его на протяжении десятилетий, подготавливая стычку пантеонов... Как кстати подвернулись шайиры с годоротами! Богам спешить некуда, они бессмертны, а потому могут дожидаться подходящего момента сколь угодно долго.

На Кэт было жалко смотреть. Скорее всего подозрения возникли у нее не вчера. Но ей не хватало смелости взглянуть в лицо правде.

Полились слезы. Я обнял девушку. Ее плечи сотрясались от рыданий. Великие небеса, как больно и горько!

67

— Мы не знали, что Имару подменили.

— Да какая разница? Если мы ничего не напутали...

— Ты прав.

— А где Магодор? — Пока я успокаивал Кэт, милашка Мэгги куда-то подевалась.

— Вокруг нас. Теперь, когда она развоплотилась, я смог глубже проникнуть в ее естество.

— Звучит не слишком приятно.

Покойник притворился, будто не понял, что я хочу узнать, какая у богини — у этой богини — душа.

— Она обеспокоена. Посланцы до сих пор не вернулись. Она опасается, что их перехватили.

Прошло от силы десять минут. Тем не менее... Обычно я избегаю крепких выражений, но согласитесь, не каждый день приходится отбивать атаки феминистски настроенных богинь. А ожидал я, скажу откровенно, именно этого. Подружки Имары вряд ли упустят шанс закрепить свою победу.

— Приятно было познакомиться, старый хрыч. Кстати, не мешало бы отослать Дина. — Ему, вероятно, ничего не грозит, поскольку он ни сном ни духом ни о чем не ведает. Но зачем подвергать жизнь старика опасности?

— Постепи.

Я направился на кухню. Дин готовил чай. Точнее, просто кипятил воду, пытаясь таким образом успокоиться: как известно, механическая работа отупляет, а следовательно, заглушает страх.

— Дин, отправляйся к своим племянницам. Немедленно. Слышишь? Поставь чайник на плиту и уходи.

Он ошарашенно уставился на меня. По-видимому, до него кое-что успело дойти. Жаль старика. Все-таки человек религиозный...

— Не стой столбом. Время поджимает. — Я схватил его за плечо и легонько встряхнул. Он сделал шаг, другой, двигаясь будто во сне. — Быстрее!

Выпустив его наружу, я окинул взглядом улицу. Соседи, если не считать самых храбрых, попрятались по домам. Над улицей нависла напряженная тишина. Адят нигде видно не было.

Зато миссис Кардонлос чуть ли не приплясывала от возбуждения. Ее определенно радовало, что над Гарретом сгущаются тучи. Как-нибудь потом надо будет выяснить, чем же я так ей досадил.

Я помахал старухе рукой и послал воздушный поцелуй.

— Это поможет.

— Нам уже ничто не поможет, старый хрыч. Но зачем обижать старушку, приятную во всех отношениях? — Нам грозила такая опасность, по сравнению с которой все выходки миссис Кардонлос казались детскими шалостями.

Солнечный свет внезапно приобрел странный оттенок, стал цвета ирисок.

— Что происходит?

— Магодор облекла дом защитным куполом.

Лапочка Мэгги! Милая, я никогда о тебе плохо не думал.

Как не замедлило выясниться, Магодор едва успела. Миссис Кардонлос нахмурилась (ее крыльце было выше моего, поэтому она увидела то, что приближалось, раньше меня), смельчаки на улице разбежались кто куда, и на безоблачном небе сверкнула молния. Срикошетила от мостовой, проскользнула в нескольких ярдах от крыльца миссис Кардонлос и утихомирилась, угодив в громоотвод на крыше многоквартирного дома.

В следующий миг в дальнем конце Макунадо возникло темное пятно.

— От Нога не скрыться, — напомнили мне на случай, если я успел забыть.

— Черт!

— Успокойся, Гаррет.

— Он не один. — Нога сопровождали все богини шайиорского пантеона, за исключением Черной Моны, а также Кильрак (надо же, уцелел, мерзавец!). Я хмыкнул. Веселенькая картинка, верно, миссис Кардонлос?

— Лила с Димной прорвались.

Я бросил взгляд на Дина, который удирал во все лопатки. Старый козел! Неужели не догадается свернуть в переулок?

Мимо него прошмыгнуло нечто. Дин пошатнулся от неожиданности. Над мостовой возник Йоркен. Следом приползла струйка тумана, которая превратилась в Звездочку. Миссис Кардонлос выпучила глаза.

Шайиры с годоротами старательно игнорировали друг друга. Посыпались разряды — это Магодор переговаривалась со своими друзьями. У меня заболела голова.

— Старый хрыч, откуда взялись Звездочка и прочие девушки? Разве они не с Имарой?

Снова сверкнула молния.

— Что касается Звездочки, Имара скорее всего сочла, что ей нельзя доверять. Насчет остальных — не знаю. Ланга уничтожили, Черная Мона, сохранившая верность, разделила его судьбу. Поэтому...

Я повторял его слова вслух. Когда я произнес: «Поэтому...», начался судий ад. Мостовая под ногами шайиоров вспучилась, рядом с моим крыльцом рухнул шальной булыжник. Одна из богинь немедленно сдалась. Очевидно, она вняла увещеваниям Магодор и решила переметнуться на другую сторону. То была нимфочка; такие, как она, пробуждают весной природу.

Вторая кинулась бежать. С радостным воплем «От Нога не скрыться!» мой приятель бросился в погоню. Должно быть, старая вражда...

Внезапно наступила тишина. На Макунадо не осталось ни единого смертного, только боги, причем ежеминутно подходили новые. Знакомых среди них почти не было, тем не менее я мыс-

ленно поблагодарил Лилу с Димной, Четырнадцатого и Йоркена. Особенно горячей благодарности заслуживали совушки: ведь бедняжкам пришлось напрячь все свои умственные способности.

Тишину нарушил гром, под раскаты которого по окрестностям шарахнули целым пучком молний. Ни одна из них не причинила особого вреда.

— Мэгги, я люблю тебя! Так и продолжай. Мы им еще покажем!

Она явно отдавала себе отчет в том, что отвлекаться не следу-ет. И, как мне показалось, постаралась убедить в этом пришедших на помощь.

На соседних крышах восседали горгульи. По ветру плыли не поддающиеся описанию твари. Вдоль Макунадо расхаживали существа, отдаленно напоминавшие людей. Среди них сновали те, в ком не было ни малейшего сходства с людьми; некоторые были крупнее мамонтов.

Миссис Кардонлос, которую, похоже, ничто не могло напугать, взирала на происходящее со своего крыльца.

Началась бомбардировка. Температура резко упала. Ветер задул порывами. Небо затянули тучи. Пошел дождь, быстро перешедший в мокрый снег.

И вдруг все кончилось. В мгновение ока.

Из-за туч выглянуло солнце. На мостовую легли тени.

Призыв Магодор услышали большие «шишки» из Квартала Грез. Воздух буквально выбрировал от их ярости. Стоило им вмешаться, как приспешники Адет попятались. Ощущение было такое, будто опасность миновала.

Да, эти ребята, в отличие от меня, обладали всеми тремя «В». Разумеется, в известной мере.

Показалось черное пятно.

— От Нога не скрыться! — торжественно заявил бог.

Старый добрый Ног. Надеюсь, он не думает, что я по-прежнему в его власти?

— Больно, — пискнул он.

Да уж. Давненько я не испытывал такой боли.

На крыльце вышла Кэт. Девушка потрясенно уставилась на за-прудивших улицу богов. Они сидели на крышах, теснились на балконах, летали туда-сюда. Самых невероятных размеров, самых диковинных

очертаний. Божеств все прибывало, причем большинство составляли богини, слегка присмиревшие и готовые исправиться.

Между этим сбиращем и тем, которое мы наблюдали на холмах Бохдан Жибак, была существенная разница. От богов воняло. Жутко. Очевидно, их физические воплощения давным-давно не принимали ванну.

Насколько я помню, всевонность как божественный атрибут не упоминается ни в одной священной книге?

Боль стала утихать. Большие «шишки» вернулись к своим занятиям. Порядок был восстановлен. Они пощадили разве что кучку злодеев, у которых вряд ли хватит наглости вновь беспокоить начальство.

Я заметил Имару. Она направлялась к моему дому. Этакая невинная овечка.

Я подтолкнул Кэт.

— Все хорошо, что хорошо кончается.

68

Кэт шагнула вперед, но я схватил ее за руку.

— Им совсем не обязательно про тебя знать. — Тем паче, что среди них хватает тех, кто не прочь устраниТЬ ошибки.

Голова еще побаливала. Интересно, подумалось мне вдруг, переживу ли я эту катавасию?

Прилетел Четырнадцатый и уселся на перила. Попка-Дурак кружил над толпой богов. Походило на то, что он следит за Имарой. С какой стати? Неожиданно Кэт сказала: «Это не мама» — и спряталась за мою спину.

— Гаррет, быстрее в дом!

Я прыгнул в дверной проем. Мне в спину врезался Четырнадцатый, которого внезапно обуяло желание очутиться внутри. Мы с Кэт покатились по полу. Прогремел гром; Попка-Дурак сопроводил не-бесное явление выразительным комментарием. В дверные петли угодила молния, полетели щепки, заклубился дым. Я с проклятиями высвободился из объятий Кэт и вскочил. Девушка тоже встала. Я хлопнул ее по заду: мол, шевелись, — а сам прижался к стене.

Воздух побагровел от ярости Магодор, сообразившей, что ее одурачили. Не знаю, что заставило меня воскликнуть: «Нет!» Ноги подкашивались от страха, а в далеком уголке сознания возникла шкурная мысль: не предъявить ли какому-нибудь храму на улице Богов счет и не потребовать ли возмещения убытков? Ничего странного, в минуты опасности человеческий мозг выкидывает и не такие фортели.

На дом обрушился могучий удар. Меня отнесло от стены, швырнуло на колени. Я уцепился одной рукой за дверной косяк. Казалось, из дома выкачали весь воздух, который был внутри.

Уф... Воздух выкачали не только из моего дома. Весь Танфер словно оказался в безвоздушном пространстве.

Между моим домом и обиталищем старухи Кардонлос возникла дыра футов пятнадцати в поперечнике. В ней виднелся громадный черный город, а также целая компания существ, различавшихся лишь количеством щупалец. Они носились по кругу как сумасшедшие, а по Черному Озеру гуляли волны, которые поднимал свирепеющий на глазах ветер. Весь мусор, который валялся на Макунадо, неумолимо затягивало в дыру.

Большие начальники решили устроить нечто вроде генеральной уборки в масштабе одной улицы. В дыру угодили несколько не слишком поворотливых богов. Сквозь завывания ветра я различил воинственный вопль миссис Кардонлос, часть крыши дома которой отправилась с дружественным визитом в потусторонний мир. Саму старуху не сдвинул бы с места даже ураган.

Теперь с ней не будет вообще никакого слада.

Во всем есть свои прелести, Гаррет. Когда верховные божества распахнули врата своей темницы, Попка-Дурак находился на улице. Значит, пернатого болтуна унесло в те края, каких он вовсе не заслуживал.

Ха! В следующий раз будет выбирать выражения.

— Забери всех крысюков, — попросил я у ветра. — Всех борцов за людские права. Очисти город от грязи.

Вряд ли моя молитва будет услышана. Ведь в заварушке участвуют все боги, в том числе божества крысюков и правоборцов. Сегодня молитвы останутся без ответа.

Дыра съежилась, превратилась в точку, исчезла.

Улица приобрела прежний вид. Боги, богини и прочие сверхъестественные твари были на месте, за исключением Имары, то есть Адет, едва ли не самой красивой рыжеволосой женщины всех времен и народов.

Я попытался выдавить слезу.

Безуспешно.

Внезапно передо мной возникла симпатичная девушка. Правым плечом она опиралась на дверной косяк. Некто положил немало труда на то, чтобы рассчитать и воспроизвести эти формы и пропорции. Божественно стройные ножки, соблазнительные изгибы, аппетитные выпуклости. Должно быть, кто-то заглядывал через плечо тому чертежнику, который проектировал фигуру Звездочки.

— Кончилось? — спросил я.

— Угу. Пора, Гаррет.

— Чего? Э... — Она выглядела истинной Разрушительницей. — Знаешь, Мэгги, мне что-то расхотелось сводить счеты с жизнью.

Ее улыбка означала смерть. Я обмяк.

— Не бойся, Гаррет. Тебе наверняка понравится. — Она смотрела на меня как змея, которая гипнотизирует жертву.

Спасите! Элеонора! Помогите! Впрочем, я не очень-то хотел, чтобы меня спасали.

Одна рука обняла меня за шею. Вторая легла на плечо. Две другие скользнули по бокам, взялись за пряжку ремня. Занятно, эти лишние...

69

— Извините, — произнес кто-то за спиной новой, дружелюбной, невероятно чувственной Магодор. Она раздраженно обернулась. Я, в общем, тоже не обрадовался.

— Убрайся.

Улица опустела. Никаких богов. На ней царила тишина. Еще минут пять — и эта часть Танфера вернется к повседневности.

— Не могу. Комитет назначил меня приглядывать за вами. К тому же вы по-прежнему остаетесь ключом к бесхозному храму в Квартале Грез.

— Сукин ты сын! Бюрократ вшивый! Где тебя черти носили, пока я тут отдувался?

Пахнуло «травкой». Возник Четырнадцатый с самокруткой во рту.

— Так его, шеф! — радостно вякнул херувим.

Должно быть, моя выволочка была последней каплей. Святой Шаромыга принялся перечислять все те неприятности, какие я ему причинил. Признаться, я изумился. Раньше такие жалобы я слышал только на Холме, где всевозможные чинуши беспрерывно плачутся, что у них полным-полно работы.

— Убирайся, я сказал.

— Открой храм, Гаррет, — посоветовал Покойник. — Это будет последняя сцена нашей божественной комедии.

Мэгги с рычанием подалась вперед. Прижалась губами к моему уху, прошептала: «До встречи, Гаррет». Меня пронзила боль. По щеке потекла кровь. Мэгги прокусила мне мочку уха.

И исчезла.

Наверно, меня все-таки спасла Элеонора.

Магодор не вернулась. Большое ей за то спасибо. Поскольку мне пришлось разбираться с мисс Мерзавкой (вовсе не той, о которой вы подумали).

Жаль, что проворные ручки Мэгги избавили меня от веревки. А я уже начал воображать, где и как ее использовать... Проклятая привычка делить шкуру неубитого мамонта.

Ты неудачник, Гаррет.

Мэгги не вернулась. Она оставила мне на память несколько безделушек, но я так и не набрался мужества сходить в ее храм (она стала боссом нового феминистского культа шайиро-годоротов). Когда меня одолевало искушение, я притрагивался к шраму на мочке уха, прямо над сонной артерией, и искушение с позором отступало. Тем паче что в дальнем уголке сознания время от времени звучало: «От Нога не скрыться». Черт его знает, кого еще можно встретить в этом храме.

Во всяком случае, любви ко мне там явно не питают.

А я слишком занят, чтобы кончать самоубийством.

Когда в Квартале Грез случилась очередная разборка, шайка Мэгги продвинулась сразу на десять храмов ближе к центру. Они

ухитрились обратить себе на пользу катастрофу, которая едва не постигла Танфер.

Честно говоря, я думал, что худшее уже позади, а потому облегченно вздохнул и позволил себе расслабиться, но однажды ко мне заявился соседский пацан, мелкий пакостник и враль, и это была настоящая катастрофа. Он постучал по дверному косяку — дверь еще не вставили — и позвал:

— Мистер Гаррет!

— Чего тебе? — пьяно пробормотал тип, ничуть не похожий на прежнего Гаррета.

— Миссис Кардонлос сказала, что это ваше. — Он протянул мне потрепанного, мокрого, замерзшего до полусмерти попугая. И тут на пороге появился Морли Дотс, заглянувший под предлогом узнать, все ли со мной в порядке.

Сначала я выругался. Потом зарыдал. Бесполезно. Миссис Кардонлос со злорадной ухмылкой помахала мне рукой. А Покойник заметил:

— Я не мог допустить, чтобы его унесло в дыру. Слишком ценный экземпляр, чтобы так им разбрасываться.

— Чем это он ценный? И для кого?

Морли гнусно усмехнулся.

Может, поджечь дом и спалить Покойника заодно с попугаем?

СОДЕРЖАНИЕ

Смертельная ртутная ложь	5
Жалкие свинцовые божки	319

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ – “Книги по почте”

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кук Глен
Смертельная ртутная ложь
Жалкие свинцовые божки

Редактор И.А. Жарницкая
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
[E-mail: astpub@aha.ru](mailto:astpub@aha.ru)

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Фантастика Глена Кука — это всегда неожиданные сюжетные повороты и всегда невероятные ситуации, это лихие приключения и незабываемые герои, это неподражаемое богатство фантазии — и, конечно, искрометный юмор, давно уже ставший для этого автора истинной «фирменной маркой». Таков и его не просто всемирно известный, но и всемирно культовый сериал о приключениях сыщика Гаррета.

Гаррет — это человек в стране троллей, гномов, вампиров...

Гаррет — блестящий детектив, способный раскрыть любое преступление в мире магии, всегда готовый идти на риск и даже в самых отчаянных ситуациях не теряющий спасительной иронии...

ISBN 5-17-004433-X

9 785170 044337